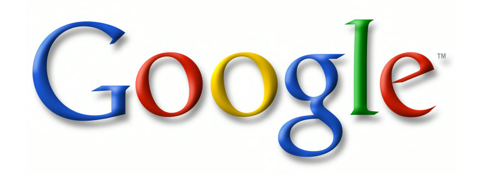

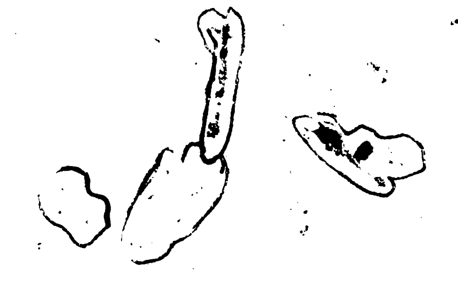

МАРТЪ. 1897.

РУССКОЕ БОГАТСТВО

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

№ 3.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-Литографiя Б. М. Вольфа, Разъѣзжая, 15.
1897.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 22 марта, 1897 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

НА КНЯЗЬ-ОЗЕРѢ.

Изъ пріятельской переписки.

Повѣсть.

I.

Вильно. 1896, 7 іюля.

Ты, конечно, будешь крайне изумленъ, получивъ это письмо изъ древне-литовской столицы. Ты увѣренъ, что твой коллега по школьной скамьѣ мирно роется въ Питерѣ, въ своей редакціи, въ плодахъ чужого вдохновенія. Но и со мной, заплѣснѣвѣлымъ петербуржцемъ, какъ ты, не безъ справедливости, бранишь меня, могутъ случаться совершенно экстравагантныя неожиданности.

Въ самомъ дѣлѣ, старый дружище, фактъ на лицо: я сижу на вокзалѣ въ Вильно и пишу тебѣ это письмо—на углу стола, покрытаго бѣлой скатертью и уставленнаго всевозможными бутылками отъ самаго нормальнаго размѣра до самаго миніатюрнаго. На ярлыкахъ бутылокъ значится: Хересъ, Рка-Цетели, Алеатико, Депре, Бауеръ, Удѣльное-вѣдомство, рубль, 90 коп. 60 коп. И сейчасъ, раздумывая о чемъ собственно тебѣ писать,—я упираюсь глазами въ бутылку—лиллипута, на которой соблазнительно обозначено, что она содержитъ нѣкій Рислингъ и что оный Рислингъ, вѣроятно, великолѣпный,—въ этомъ до комизма маломъ сосудѣ стоитъ 45 копѣекъ.

Но что за глупости пишу я тебѣ! А, милый! Нужно, чтобы письмо вышло, по возможности, длиннѣе, поэтому не сѣтуй, что я наболтаю въ немъ всякихъ пустяковъ. Ты снова изумленъ. Я хлопочу о длиннотѣ письма, я, которому, какъ тебѣ извѣстно, писаніе писемъ—одна изъ египетскихъ казней. Не удивляйся. Ты долженъ знать, что въ этотъ самый моментъ за баттареей помянутыхъ бутылокъ и бутылочекъ, на другой сторонѣ стола, противъ меня сидитъ преизящно одѣтый молодой человѣкъ, котораго я, съ вѣжливой насмѣшливостью, именую: женихъ—и который приэтомъ гордо и самодовольно улыбается.

Съ этимъ «женихомъ» я путешествую отъ самаго Питера—и вынужденъ проѣхать еще почти сутки. Разговорчивъ онъ до невѣроятія—въ то же время и до невыносимости. До отхода поѣзда остается еще почти три часа. И вотъ я, чтобы наложить на его злыя уста печать мудраго молчанія, сказалъ ему, что мнѣ необходимо написать другу «дѣловое» письмо.

Я далъ себѣ внутренне клятву—писать, писать это письмо до изнеможенія, до самаго перваго звонка нашего поѣзда и, затѣмъ ужъ только, повалившись безсильно въ вагонѣ на диванъ, покрытый двумя аршинами пыли, — отдаться безотвѣтно тремъ карамъ, выпавшимъ на мою долю, за мои грѣхи: почти 40 градусной жарѣ, нестерпимой песчаной пыли и разговорамъ этого «жениха».

Дѣла у меня до тебя, старый дружище, разумѣется, никакого нѣтъ, и письмо это самое бездѣльное, но все же дочти его до конца—можетъ быть, посмѣешься и не посѣтуешь. Пишу именно тебѣ, а не кому нибудь другому потому, что кто-же изъ моихъ кровныхъ, присныхъ и близкихъ такъ добродушно вынесетъ всю излагаемую на этихъ листкахъ галиматью, какъ ты, мой «alter ego», заплѣсневѣлый, въ свою очередь, съ твоей земской статистикой, въ твоей провинціи?

Но ты переходишъ отъ изумленія къ изумленію. Я—увы! уже старый холостякъ, вѣдь намъ, братъ, съ тобой за 40 перевалило,—я, закорѣнѣлый врагъ всего матримоніальнаго — путешествую съ какимъ те «женихомъ»!—Да что онъ, въ качествѣ шафера, что-ли, ѣдетъ куда-то за тридевять земель?—вѣроятно, готовъ ты спросить. Нѣтъ, голубчикъ, не безпокойся: ни во что матримоніальное я и теперь не замѣшанъ. Дѣло вотъ въ чемъ.

Сижу я преспокойно въ своей «меблировкѣ» на Литейной вечеромъ въ началѣ іюля, пью отъ жары сельтерскую воду со льдомъ и ничего не дѣлаю. Скука меня томитъ смертная. Почти всѣ пріятели, по лѣтнему обыкновенію, разбрелись изъ Питера. Да, впрочемъ, голубчикъ, мнѣ вѣдь и съ пріятелями не весело: знаю ихъ всѣхъ вдоль, поперекъ, а въ сущности и знать-то въ нихъ нечего. Но прочь мою мизантропію—дурная привычка! И такъ, скука, жара и сельтерская вода.

Кромѣ того, страшное утомленіе. Право, мнѣ кажется, ничто такъ не утомляетъ умственно, да и физически (посиди-ка, часами, нагнувшись надъ столомъ, или постой столбомъ у конторки), какъ этотъ просмотръ газетной корректуры, хотя и послѣдній, такъ сказать, генеральскій просмотръ (я вѣдь всетаки персона: негласный редакторъ!) А потомъ пробѣганіе рукописей! Голубчикъ, еслибъ ты зналъ, какимъ количествомъ наивныхъ людей населена наша родина. Какія статьи они посылаютъ! Имъ нѣтъ дѣла, что у нашего почтеннаго органа есть уже одно, разумѣется, совершенно заслуженное предостереженіе!

Жалуются на массу бездарныхъ глупостей, которыя приходится прочитывать въ рукописяхъ редакторамъ. Пустяки. Въ этихъ жалобахъ мы, журналисты, только кокетничаемъ своимъ умомъ, своимъ страстотерпствомъ. Утомительно, конечно, и это. Но въ тысячу разъ утомительнѣе — чтеніе не глупаго, а порой и не совсѣмъ бездарнаго, но того, для чего существуютъ «независящія отъ редакціи обстоятельства».

Ахъ, какъ утомляютъ, разстраиваютъ, почти озлобляютъ эти наивные, а не глупые непрошенные сотрудники! А въ тотъ день какъ разъ утромъ получилъ я и прочелъ три такихъ статьи: о пошлинахъ на сельскія машины, объ общественномъ лицемѣріи въ журналистикѣ и—о... ну ужъ это совсѣмъ невозможная.—Прочиталъ ихъ всѣ отъ доски до доски и, забандероливъ, препроводилъ обратно авторамъ. Дескать — по независящимъ обстоятельствамъ. И, сдѣлавъ это, такъ усталъ, что и весь вечеръ, глотая у себя на кушеткѣ сельтерскую воду, чувствовалъ себя точно пришибленнымъ.

И вотъ, когда я изнемогалъ въ этой полной прострацiи, слышу въ дверь мою стукъ. Я никого не ждалъ. Притомъ стукъ совершенно незнакомый. Для моихъ обычныхъ посѣтителей неподходящій: какъ-то изысканно-деликатный, но не безъ чувства собственнаго достоинства. Обрати вниманіе на то, какъ человѣкъ стучитъ въ дверь, — сейчасъ почувствуешь его индивидуальность. Ломая голову насчетъ индивидуальности неожиданнаго посѣтителя, я далеко не любезно крикнулъ:

— Войдите.

И вотъ, дверь медленно и осторожно отворилась, и передо мной предсталъ элегантнѣйшій незнакомецъ. Черный сюртукъ, съ таліею и фалдами длины невѣроятной, съ бархатнымъ воротникомъ, бѣлый атласный галстухъ съ голубыми подковками, заткнутый золотой булавкой съ шаровиднымъ наконечникомъ, широченные свѣтло-сѣрые, въ крупную клѣтку, штаны, желтые ботинки, такія же перчатки, моднѣйшій цилиндръ — все это великолѣпно гармонировало съ тщательно приглаженными короткими волосами и невѣроятно изящными усиками. На бѣломъ выхоленномъ личикѣ жизнерадостные глазки напоминаютъ коринки въ бисквитномъ печеньи...

Съ натуры описываю, голубчикъ, сію физіономію. Вотъ она—на томъ краю стола, за бутылками. Ибо это былъ онъ—роковой для меня женихъ. Съ элегантнѣйшимъ движеніемъ, кланяясь одной головой, точно въ спину у него вставлена негнущаяся палка, и съ самой нѣжной улыбкой на пухлыхъ губахъ, этотъ феноменъ подаетъ мнѣ письмо. Разрываю конвертъ, читаю — и представь — кто пишетъ! Сашка Осокоринъ! Да, нашъ однокурсникъ Сашка!

Пишетъ онъ, что неособенно давно пріобрѣлъ въ Запад-

номъ краѣ, гдѣ-то около города Мозыря, имѣніе, куда переселился со своимъ старшимъ братомъ (компаньономъ по покупкѣ), его женой, его дочерью и его сыномъ, уже взрослыми молодыми людьми. Въ это самое имѣніе заѣхалъ, возвращаясь изъ кругосвѣтнаго путешествія, тоже нашъ милѣйшій однокурсникъ, Костя Гороховъ,—и вотъ они оба умоляютъ меня пріѣхать погостить недѣльку-другую въ это новое пепелище Сашки. Податель же сего письма — пишетъ Осокоринъ — Викентій Евлампіевичъ Мидлишевичъ, виленскій житель, женихъ Оленьки—племянницы Осокорина. Служитъ онъ въ управленіи мѣстной желѣзной дороги, находится въ Петербургѣ въ командировкѣ и теперь возвращается въ Западный край. Для свиданія со своей невѣстой ѣдетъ въ имѣніе Осокорина и можетъ служить мнѣ великолѣпнымъ чичероне въ поѣздкѣ по невѣдомымъ мнѣ литовскимъ вѣсямъ. Если я на этотъ призывъ не явлюсь, то и Сашка Осокоринъ, и Костя Гороховъ будутъ считать меня свинтусомъ, а не старымъ товарищемъ.

Читаю я, дружище, это все, любуюсь великолѣпной внѣшностью г-на Мидлишевича, вспоминаю вихрастаго Сашку, въ особенности чудорода Горохова; соображаю, что литовскія вѣси — для меня нѣчто дѣйствительно совершенно новое, и вдругъ меня осѣняетъ вдохновеніе. Этого-то мнѣ и нужно. На нѣсколько недѣль вырваться изъ Питера, изъ редакціи, изъ моей меблировки — удрать куда нибудь... въ новую среду, въ новыя впечатлѣнія.

Секретарь у насъ малый смѣтливый—сдамъ ему на время мои обязанности. Патронъ мой—господинъ издатель-редакторъ будетъ, пожалуй, радъ. Секретарь, по крайней мѣрѣ, не станетъ прекословить въ назначеніи къ печатанію статей, а то вѣдь я вѣчно грызусь: у издателя—«memento mori»—второе предостереженіе,—ну, а я иногда не прочь и дерзнуть.

Итакъ, удираю—рѣшено. Все это мгновенно пронеслось у меня въ головѣ и, безъ дальнѣйшихъ околичностей, я выпалилъ г-ну Мидлишевичу:

— Вы когда ѣдете въ имѣніе вашихъ будущихъ родственниковъ?

— Я весь къ вашимъ услугамъ. Когда вамъ удобно ѣхать, тогда и я поѣду,—любезно отвѣчаетъ мнѣ Викентій Евлампіевичъ и весь таетъ отъ этой любезности.

Я внимательно смотрю на него, потомъ, разражаясь неожиданно смѣхомъ, говорю:

— Знаете, дорогой мой! Вы—женихъ, вы молоды! Сердце ваше, вѣроятно, рвется къ невѣстѣ. Задерживать васъ было бы безбожно. Поэтому я сегодня же вечеромъ устрою свои дѣла, — а завтра, съ какимъ поѣздомъ хотите — везите меня! Идетъ?

Лицо г-на Мидлишевича окончательно дѣлается подобнымъ сладкому сливочному пирогу, тающему подъ лучами солнца, и онъ восклицаетъ только:

— О! помилуйте!

Я его милую. Отпускаю кончать его дѣла. Самъ мчусь къ издателю на дачу. Застаю онаго въ полисадникѣ за невинной игрой съ сосѣдними барышнями — въ крокетъ, краснорѣчиво доказываю ему всю прелесть освободиться отъ меня недѣли на двѣ и испытать entente cordiale со скромнымъ и кроткимъ секретаремъ. Когда онъ соглашается съ этимъ, спокойно прошу авансъ на поѣздку.

Тутъ лицо издателя становится похожимъ на лицо Петра Великаго на скалѣ въ Исаакіевскомъ скверѣ. Тогда я съ такимъ же спокойствіемъ объявляю:

— Я могу и не ѣхать, ибо не на что.

Но, очевидно, соблазнъ избавиться отъ меня хоть на короткій срокъ уже плѣнилъ впечатлительное сердце издателя.

— Хорошо, хорошо. Я сейчасъ напишу вамъ чекъ, — говоритъ онъ.

Я крѣпко жму его руку, получаю чекъ и возвращаю его къ крокету и барышнямъ. Въ сущности, онъ славный парень, и я его понимаю: побудь-ка издателемъ ежедневной газеты— да не совсѣмъ руководись принципомъ: какъ вамъ угодно — будешь хвататься за карманъ не только съ каменнымъ лицомъ, но и съ физіономіей Горгоны... Ахъ, поскорѣй бы, хоть на короткій срокъ, подальше отъ всего этого,—думалъ я, трясясь на извозчикѣ, среди лѣтней духоты и ароматовъ ремонтируемаго Питера, по дорогѣ къ секретарю редакціи, коему долженъ былъ преподать нѣкоторые уроки веденія газеты безъ меня.

Это дѣло не затянулось. Секретарь, повторяю, малый симпатичный. Вернувшись отъ него домой, я уложился съ вечера, а на утро передо мной снова таялъ женихъ—во всемъ блескѣ какого-то соврасаго дорожнаго костюма съ иголочки, совсѣмъ желтыхъ дорожныхъ «скороходовъ» и губкообразной каскетки—точно изъ сѣраго пуха. Мнѣ въ моемъ вульгарномъ отрепанномъ пальто, въ моемъ порыжѣломъ котелкѣ, съ моимъ затасканнымъ, купленномъ въ Апраксиномъ дворѣ, чемоданомъ, было даже совѣстно сидѣть въ вагонѣ рядомъ съ человѣкомъ, костюмъ котораго, вѣроятно, являлъ послѣднее слово дорожной моды...

Но я сѣлъ съ нимъ рядомъ въ вагонъ и поѣхалъ... Батюшки! Приходится опять это дѣлать. Первый звонокъ! Надо бѣжать брать билеты... Женихъ уже волнуется... Отправляю письмо, не кончивъ. Если захочется продолженія, черкни мнѣ по адресу, который вкладываю на визитной карточкѣ. Твой Петръ Былецкій.

II.

Усадьба Овѣчи, 13 іюля.

Ага, старина! заинтересовался! Сейчасъ же накаталъ мнѣ отвѣтъ. Желаешь, чтобы я непремѣнно продолжалъ описаніе моихъ путевыхъ приключеній? Съ удовольствіемъ буду писать тебѣ. Серьезно. Я испытываю теперь такъ много новаго, курьезнаго, что самому хочется поболтать объ этомъ новомъ съ кѣмъ нибудь со стороны, чуждымъ всей здѣшней компаніи.

Но буду описивать по порядку. И хотя я уже нѣсколько дней нахожусь въ усадьбѣ нашего однокурсника, но о немъ рѣчь послѣ. Порядокъ прежде всего. Это въѣлось въ меня. Поредактировалъ бы ты, какъ я, ежедневную газетную окрошку, понялъ бы какое великое дѣло—порядокъ въ изложеніи. Прежде всего—о моемъ путешествіи съ женихомъ. Выѣхалъ я изъ Питера, сидя рядомъ съ его великолѣпной фигурой,—и не могъ нарадоваться на этого паиньку мальчика. Услужливъ, деликатенъ, въ глаза смотритъ. Очевидно, мое званіе петербургскаго литератора страшно ему импонировало.

— Пересадокъ или большихъ остановокъ намъ не предстоитъ?—спросилъ я его, едва поѣздъ двинулся.

— Только въ Вильно. Тамъ почти цѣлый день придется ждать поѣзда,—съ великимъ сокрушеніемъ отозвался онъ.— Но я вамъ покажу Вильно. Вы интересуетесь археологіей? Я поведу васъ въ тамошній музей. Я членъ тамошняго археологическаго общества! Я повезу васъ въ Верки! Имѣніе князя Гогенлое. Я хорошъ съ управляющимъ! Всего 7 верстъ отъ Вильно!

Ну, не сокровище-ли мой чичероне,—подумалъ я. Даже членъ археологическаго общества!

И я началъ всматриваться въ его фигуру, до послѣдней степени чуждую всякой археологіи. Впрочемъ, въ нѣкоторыхъ сферахъ эта самая археологія—теперь дѣло модное. Помню, командированный моимъ принципаломъ на одинъ изъ археологическихъ съѣздовъ, я видѣлъ вокругъ графини Уваровой франтовъ, ничуть не уступающихъ моему спутнику, такъ сказать, въ самой крайней модернизаціи ихъ внѣшности.

— Такъ вы и археологъ?—весело воскликнулъ я, не безъ ласковой ироніи, хлопнувъ по колѣну Викентія Евлампіевича. Тутъ то и таилась погибель моя. Очевидно, польщенный моимъ замѣчаніемъ и поощренный моимъ дружески фамильярнымъ жестомъ, женихъ забылъ весь респектъ передъ петербургскимъ литераторомъ и заговорилъ. Да, онъ заговорилъ. Почти полторы сутокъ ѣхали мы до Вильно. Для меня это было нѣчто вродѣ кошмара. Вообще, жара почти тропическая, окна заперетъ нѣтъ

возможности, а въ него летитъ туча пыли, чѣмъ далѣе отъ Петербурга, тѣмъ болѣе жесткой и крупной. Весь костюмъ покрывается какой-то грязной матовой дымкой, лицо точно чѣмъ то склеивается, на зубахъ хруститъ, глазамъ больно, они почти слѣпнутъ, начинаешь чувствовать себя окончательно изнемогшимъ, а рядомъ—изящнѣйшій джентельменъ, на котораго даже пыль, изъ почтенія къ его костюму, ложится какъ будто менѣе, чѣмъ на тебя, источаетъ цѣлыя потоки пошлѣйшихъ рѣчей, наивнаго хвастовства, и т. п.

О, конечно, онъ не археологъ! но въ Вильнѣ одинъ изъ немногихъ извѣстныхъ съ этой стороны... Что дѣлать! Надо интересоваться родной стариной! Хоть онъ и русскій вполнѣ, ибо еще предки, бывшіе уніаты, перешли въ православную вѣру, но и бабушка и мать были совсѣмъ русскія. Правда, Викентій какъ будто польское имя, но оно и православное, оно есть въ календарѣ. Онъ можетъ показать. Родители его очень уважаемы въ Вильнѣ, и его знаетъ весь городъ... Когда ѣдешь по городу въ коляскѣ, въ Вильнѣ, знаете, ужасныя мостовыя: поневолѣ приходится ѣздить въ коляскѣ, ну такъ вотъ когда ѣдешь—рука устанетъ снимать шляпу, отвѣчая на поклоны... Привязанность къ Вильно, собственно, удерживаетъ его на незначительномъ мѣстѣ—всетаки родина. А то бы онъ давно былъ въ Петербургѣ на гораздо лучшемъ мѣстѣ. Впрочемъ, у него есть дядя, лицо значительное и такой чудакъ. Все твердитъ ему: что ты не бросишь Вильно, я тебя великолѣпно устрою въ Питерѣ... Посмотрите, какая хорошенькая женщина на платформѣ... Да вотъ и женщины! Въ Вильнѣ хорошенькихъ масса... И его всѣ знаютъ. Что дѣлать! Молодость! Не уродъ... Ахъ эти женщины! Но теперь баста. Женихъ и любитъ свою невѣсту. Дѣвушка кроткая, благоразумная. Онъ достаточно опытенъ, чтобъ умѣть поставить и жену, и домъ, какъ слѣдуетъ... А у васъ терріеръ—(обращеніе къ инженеру пассажиру, который везетъ съ собой въ вагонѣ собаку). Чудный экземпляръ! Я немного знаю толкъ въ собакахъ... Вы охотникъ? (Инженеръ оказывается охотникомъ). Я тоже страстный охотникъ!..

И между моимъ спутникомъ и инженеромъ начинается соревнованіе въ охотничьихъ разсказахъ. Изумительно, какъ они живы: столько медвѣдей, волковъ, кабановъ угрожало ихъ жизни.—Но охотничій діалогъ имѣетъ свой конецъ. Снова набрасывается на меня.

— Знаете, почему я люблю путешествіе: всегда встрѣтится умный и бывалый человѣкъ—поговоришь, душу отведёшь. А умный человѣкъ такая рѣдкость—не правда ли—и у васъ въ Петербургѣ?

— Да, большая рѣдкость! Но всего несноснѣе дуракъ, увѣренный, что онъ умный человѣкъ,—выпаливаю я въ упоръ,

смотря на жениха, и самому становиться страшно—вдругъ пойметъ.

Напрасное опасеніе!—Самодовольно улыбается и говоритъ:

— О, это конечно! Это самое ужасное!... Я избѣгаю такихъ людей. Мои друзья...—Тутъ цѣлый панегирикъ уму друзей...

И такъ далѣе, такъ далѣе!—На станціи выпиваю бутылку пива Стрицкаго. Имѣю неосторожность похвалить.

— Пиво Стрицкаго? О, это превосходно. Но знаете, у насъ въ Вильно есть пиво...

Хвалю на станціи ветчину.

— Хороша, но, знаете, у насъ въ Вильно...

Весьма возможно, что въ Вильно и прекрасное пиво, и чудесная ветчина. Но женихъ это говоритъ съ такой самодовольной гордостью, точно онъ самъ своей персоной и есть—эта ветчина и это пиво. Стискиваю зубы, между которыми хруститъ цѣлый слой пыли, закрываю глаза,—заткнулъ бы и уши, еслибъ это не было неприлично.

— Васъ безпокоитъ пыль?—участливо спрашиваетъ женихъ.—Но знаете, у насъ въ Вильно разъ была такая пыль... И съ восторгомъ описывается пыль—точно это была не пыль, а манна небесная!.. Меня, наконецъ, начинаетъ забавлять все это, и, вмѣсто внутренняго озлобленія на наивнаго хвастуна, въ душѣ устанавливается какой-то скрытый гомерическій смѣхъ... А онъ все говоритъ! А солнце печетъ, пыль клубами валитъ въ окна вагоновъ, терріеръ инженера чихаетъ непрерывно... и я уже начинаю, не смотря на внутренній смѣхъ, проклинать свою затѣю вырваться изъ Петербурга.

Наконецъ, мы «у насъ въ Вильно». Садимся на извозчика. Ѣдемъ по городу.

— Ну, Викентій Евлампіевичъ, показывайте вашу Вильну—примирительнымъ тономъ говорю я своему чичероне.

— Сейчасъ, сейчасъ!—весело потираетъ онъ руки.

Засимъ обращается по польски къ возницѣ. По польски я почти не разумѣю, но понялъ. Женихъ рекомендуетъ извозчику показать намъ замѣчательныя зданія города. Ну, думаю—съ этимъ и я могъ обратиться къ кучеру. Но молчу. Ѣдемъ: ворота, очевидно, древнія. Въ два ряда по сторонамъ улицы передъ воротами стоятъ молящіеся на колѣняхъ. Жду коментарія отъ господина Мидлишевича. Ни звука. Проѣзжаемъ мимо.

Вдругъ возница останавливается передъ чѣмъ-то въ родѣ большого балагана и на россійскомъ діалектѣ, указывая на этотъ балаганъ кнутомъ, съ самой пріятнѣйшей улыбкой, повернувъ ко мнѣ красную физіономію, съ рыжими солдатскими усами,—не безъ торжественности проговариваетъ:

— Самое огроматнѣйшее зданіе: циркъ!

Мой чичероне ни звука. На физіономіи завидное спокойствіе и невозмутимая серьезность. Я не выдержалъ. Чуть не схватилъ извозчика за шиворотъ и закричалъ:

— Вези меня по старымъ костеламъ, по каплицамъ! Понимаешь!

— Да! да! Конечно, по костеламъ, по каплицамъ!—забормоталъ, очевидно, сконфуженный женихъ.

— Понимаю, смекнулъ возница.

Онъ повезъ насъ по католическимъ храмамъ, и я увидѣлъ дѣйствительно много замѣчательнаго: древняго, и красиваго.

Я былъ счастливъ тѣмъ, что господинъ Мидлишевичъ смолкъ окончательно. Былъ ли онъ глубоко сконфуженъ, или просто въ первый разъ очутился во всѣхъ этихъ замѣчательныхъ храмахъ и не зналъ, что о нихъ говорить,—но онъ молчалъ. Я отдыхалъ.

Подъѣхали мы снова къ воротамъ, передъ которыми стояли на колѣняхъ цѣлыми шеренгами молящіеся. Оказалось—это знаменитая Остробрама съ ея святыней: Остробрамской Божіей Матерью. Я какъ то невольно снялъ шляпу передъ этой католической польской святыней, передъ этими рядами колѣнопреклоненныхъ благоговѣйно людей.

— Вѣдь это католическая,—шепнулъ мнѣ безпокойно женихъ.

Я даже не отозвался на этотъ глупый шопотъ.

— Ну, везите въ вашъ музей!—пренебрежительно кинулъ я ему.

Онъ весь просіялъ и погналъ нашего возницу, на этотъ разъ съ увѣренностью показывая дорогу. Наконецъ то, подумалъ я, реабилитируетъ себя хоть сколько нибудь.

— Да открытъ ли сегодня музей то?—обезпокоился я.

— О, со мной когда угодно пустятъ,—снисходительно на мое опасеніе улыбнулся онъ съ сіяющей самоувѣренной улыбкой.

Въ музеѣ онъ, должно быть, дѣйствительно, дома,—обрадовался я окончательно. Но тутъ ужъ вышло нѣчто совсѣмъ комичное.

Сторожъ не хотѣлъ пустить насъ въ музей, объявивъ, что въ эти дни музей закрытъ. Весь авторитетъ почтеннаго Викентія Евлампіевича не послужилъ ни къ чему, какъ онъ ни убѣждалъ сторожа. Насколько дешевъ былъ этотъ авторитетъ—показалъ простой бумажный рубль, который я сунулъ сторожу, послѣ чего оказалось, что для пріѣзжихъ музей можно открыть всегда.

— Вотъ видите, вотъ видите!—самодовольно бормоталъ женихъ, входя въ залы музея...

— Ну, показывайте самое интересное. У насъ времени не много,—обратился я къ нему.

— Сію минуту,—торжественно заявилъ онъ и остановилъ меня передъ зоологической коллекціей.

Я такъ и вытаращилъ на него глаза.

— Да гдѣ же тутъ археологія?—воскликнулъ я.

— А! Васъ интересуютъ историческіе предметы?—глубокомысленно нахмурилъ брови мой путеводитель.

— Разумѣется. Мѣстные историческіе предметы всего интереснѣе въ такомъ древнемъ городѣ—подтвердилъ я.

— А вотъ!—и онъ указалъ мнѣ на клыкъ мамонта, лежавшій на полу.

— Что это?—недоумѣвая, спросилъ я.

— Клыкъ мамонта, — съ наивностью младенца отвѣтилъ онъ.

— Вижу!—чуть не заскрежеталъ я зубами,—но развѣ это мѣстный историческій предметъ? Развѣ палеонтологія—археологія?

— А! Я понимаю, что вамъ нужно,—потащилъ онъ меня въ другую сторону,—вотъ знамя... русское знамя 60 годовъ, когда здѣсь былъ бунтъ.

Но. сторожъ, невозмутимо слѣдовавшій за нами въ своемъ унтеръ-офицерскомъ мундирѣ съ шевронами, выручилъ.

— Пожалуйте, господинъ, я вижу—чтò вамъ занятно.

И онъ повелъ меня вверхъ, гдѣ я увидѣлъ дѣйствительно много интереснаго—старинное литовское вооруженіе, старинныя церковныя книги чуднаго древняго письма, съ удивительными крашенными миніатюрами и заставками... Женихъ плелся сзади меня, какъ въ воду опущенный. Пытаясь сквозь стекла витринъ прочитать названія древнихъ книгъ и рукописей, онъ, увы, становился въ тупикъ передъ латынью... Я же ему читалъ ихъ названія. Мнѣ даже стало жаль его. Но, какъ я увидѣлъ,—преждевременно. На стѣнѣ музея я замѣтилъ картину съ подписью: Рюиздэль...

— Ну, голубчикъ, если это подлинникъ,—замѣтилъ я,—это сокровище и большихъ денегъ стоитъ.

— Это подлинникъ!—Sine ira et studio объявилъ онъ.

— Развѣ это доказано?

— Я вамъ это докажу!

— Вы? Чѣмъ?

— Понимаю же я эти вещи. Я увѣренъ... И сладкое лицо засіяло всей важностью знатока. Я только махнулъ рукой.

— Поѣдемте въ Верки,—повлекъ я его изъ музея. Онъ, кажется, самъ былъ радъ оттуда выбраться.

Въ Веркахъ онъ меня окончательно зарѣзалъ. Пока мы туда ѣхали, онъ увѣрялъ, чтò отлично знаетъ господина управляющаго. Но по мѣрѣ нашего приближенія къ этому великолѣпному имѣнію, сталъ съеживаться и безпокойно огляды-

ваться. Когда же мы въѣхали въ самое имѣніе,—сперва начались усиленные поиски жилища управляющаго, потомъ, когда это жилище при помощи кучера и постороннихъ указателей было найдено—оказалось, что управляющій выѣхалъ въ самую усадьбу. Принялись мы колесить по оной.

— Вы знаете господина управляющаго въ лицо?—безпокойно спрашивалъ «женихъ» кучера.

Очевидно, онъ даже смутно зналъ физіономію этого «хорошо знакомаго» управляющаго. Наконецъ, по распросамъ мѣстныхъ жителей, выяснилось, что и управляетъ теперь другой, младшій управляющій,—а старшій уволенъ и сдаетъ свое управленіе. Разыскали мы этого младшаго. Создатель! Какую жалкую оробѣвшую фигуру представлялъ изъ себя мой великолѣпный женихъ передъ лицомъ управляющаго имѣніемъ германскаго канцлера! Онъ почти не могъ съ нимъ заговорить. Объяснился я.

Разрѣшили осмотрѣть все и по телефону сообщили это въ домъ, гдѣ заспанные, но въ высшей степени респектабельные лакеи, впустивъ насъ, повели по роскошнымъ комнатамъ. И вотъ тутъ-то Викентій Евлампіевичъ довершилъ ударъ. Въ помѣщеніи канцлерскаго семейства оказалось много кроватей— и всѣ кровати большія, широкія, прекрасныя. Ни гобелены, ни чудные портреты, ни коллекціи, собранныя покойнымъ владѣльцемъ, княземъ Витгенштейномъ, ничто не интересовало моего провалившагося археолога. Но каждую кровать онъ ощупывалъ, постукивалъ пальцами, точно убѣждаясь въ ея прочности, чуть-чуть не обнюхивалъ. И про каждую спрашивалъ респектабельнаго лакея:

— Опять кровать?

Лакей невозмутимо пожималъ плечами, не удостаивая отвѣта, а я—я, въ полномъ бѣшенствѣ, тайно сжималъ кулаки и готовъ былъ побить любознательнаго юношу... И отсюда я поспѣшилъ увести его.

Когда коляска мчала насъ изъ «Верокъ» обратно на виленскій вокзалъ, онъ уже снова разглагольствовалъ невозмутимо, самоувѣренно, почти снисходительно... Я давалъ себѣ клятву отдѣлаться отъ его изліяній. На-скоро пообѣдавъ на вокзалѣ и узнавъ, что до нашего поѣзда еще три часа, я объявилъ ему, что долженъ написать дѣловое письмо. И вотъ тогда то настрочилъ мое первое посланіе тебѣ.

Понимаешь ты меня теперь? Понимаешь, что я спѣшилъ спастись въ болтовнѣ со старымъ другомъ отъ этого юнаго блестящаго субъекта? Но каковъ типикъ! И это женихъ! Юная дѣвическая душа готова отдать ему всю жизнь!—думалъ я, отправивъ изъ Вильно письмо и снова садясь бокъ-о-бокъ съ нимъ въ вагонѣ. Не хотѣлось мнѣ этому вѣрить. Хотѣлось

мнѣ встрѣтить въ этой невѣдомой мнѣ польской усадьбѣ милую поэтическую дѣвушку.

А почему мнѣ захотѣлось этого, узнаешь въ слѣдующемъ письмѣ.

Это пора отправлять на почту: «оказія», т. е. мужики, везущіе огурцы на станцію, сейчасъ туда ѣдутъ. Жди продолженія. Твой Б.

III.

19 іюля...

Напрасно, старый дружище, бранишь меня за то, что во второмъ моемъ письмѣ я слишкомъ много говорю о своемъ «пустоголовомъ», какъ ты выражаешься, спутникѣ и ни слова о путевыхъ впечатлѣніяхъ, о той же Вильнѣ, о тѣхъ же Веркахъ. Что же касается «жениха», то ужъ очень у меня накипѣло противъ этого субъекта. Въ особенности теперь здѣсь, въ усадьбѣ... Но не будемъ забѣгать впередъ... Одно скажу: читая, можетъ быть, не безъ скуки мои озлобленныя строки о господинѣ Мидлишевичѣ, ты дѣлаешь доброе дѣло по отношенію къ нему. Не изливайся мое озлобленіе на этотъ перлъ созданія въ письмахъ къ тебѣ, я бы, право, его побилъ! Но утѣшься: въ этомъ письмѣ о немъ не будетъ почти ни слова... За дальнѣйшія, впрочемъ, не ручаюсь.

Ты, обстоятельный земецъ и статистикъ, можетъ быть, ждешь отъ меня толковаго описанія какъ древне-литовской столицы, такъ и канцлерскаго имѣнія? Въ этомъ отношеніи останешься съ носомъ. Мнѣ и на столбцахъ нашей газеты смертельно надоѣли обстоятельныя корреспонденціи статистическаго, бытового, археологическаго и всякаго рода. Да и мало слишкомъ времени я былъ въ Вильнѣ и въ Веркахъ. Изъ такихъ посѣщеній à vol d'oiseau—ничего обстоятельнаго, какъ ни потѣй, не выжмешь. Таланта же нѣкоторыхъ нашихъ писателей путевыхъ замѣтокъ—городить съ три короба или общихъ фразъ, или дерзкаго вранья—я еще, слава Создателю, не пріобрѣлъ, хотя и трусь въ газетномъ мірѣ.

А главное, не съ тѣмъ совсѣмъ настроеніемъ попалъ я въ новыя мѣста, съ какимъ пишутъ прозаически обстоятельныя описанія. Въ сущности, въ этомъ вся штука. Началось это мое совсѣмъ особое настроеніе именно какъ разъ въ Вильно. Ничто не могло быть прозаичнѣе меня, когда я вылѣзъ изъ вагона на виленскомъ вокзалѣ. Всѣ осадки дѣятельности «газетчика», какъ ты дружески презрительно называешь меня, всѣ осадки «заплеснѣвѣвшаго питерца»—все озлобленіе жертвы жары, пыли, утомительнаго путешествія въ вагонѣ, даже

еще въ сопровожденіи моего спутника—жениха—дѣлали изъ меня въ этотъ моментъ самую прозаически кислую фигуру. И хотя на вокзалѣ, въ уборной, я тщательно вымылся и переодѣлся, хотя, часъ спустя, во время объѣзда города я даже выкупался въ Виліи,—но это меня все же недостаточно освѣжило. Жара, пыль и женихъ продолжали быть налицо.

Но тутъ подоспѣло иное. Началось это съ костеловъ. Стали мы обозрѣвать ихъ. Какъ я уже тебѣ писалъ,—женихъ въ это время конфузно умолкъ. Внутри костеловъ была густая тѣнь, прохлада, тишина и пустота, разумѣется, полная. Былъ полдень, службъ не было.

Въ первый на нашемъ пути костелъ, я помню, мы долго не могли войти. Главный порталъ былъ запертъ; иной же ходъ не былъ извѣстенъ ни нашему извощику, ни городовому, самоувѣренно зѣвавшему на площади, ни, понятно, «жениху». Какая то женщина сидѣла съ цѣлой кучей оборванныхъ ребятъ на паперти главнаго портала; сжалившись надъ нашимъ недоумѣніемъ, какъ попасть въ костелъ, она сказала на полурусскомъ, полупольскомъ языкѣ:

— Во дворъ, во дворъ, пане, войдите!

И указала узенькую калитку въ этотъ дворъ. Мы вошли. Тѣсный продолговатый дворикъ былъ огражденъ, съ одной стороны, широкимъ и высокимъ зданіемъ костела, древнимъ, темнымъ, задумчиво суровымъ, а съ другихъ трехъ сторонъ—полуразвалившимися кирпичными стѣнами. На этихъ стѣнахъ былъ такой отпечатокъ старины и разрушенія, что я не удержался сострить, обращаясь къ Мидлишевичу:

— Черезъ эти стѣны, должно быть, еще Ягелло къ Ядвигѣ на свиданія лазилъ!

— Да, да, вѣроятно!—захлопалъ глазами мой археологъ—не въ силахъ сообразить всей чепухи сказаннаго мною.

Но когда я кинулъ ему эту чепуху, мое настроеніе уже не соотвѣтствовало грубо-веселой шуткѣ. Древній дворикъ съ костеломъ, кидающимъ длинную тѣнь на траву, которою весь дворикъ поросъ, полуразрушенныя стѣны, обвитыя густымъ дикимъ виноградомъ, тишина, пустота дворика—уже слегка тронули въ моей душѣ тѣ струны, которыя, Богъ вѣсть, сколько времени, не звучали во мнѣ въ Петербургѣ. Мнѣ сдѣлалось вдругъ какъ то неуловимо грустно и еще болѣе неуловимо хорошо.

А тутъ и подошла къ намъ сторожиха костела. Она наливала въ ведро воду изъ покосившагося и совсѣмъ почернѣвшаго колодца посреди дворика. До невѣроятія худая и блѣдная, буквально нищенски одѣтая въ какія то темныя отрепья, она заговорила робкимъ, какъ будто больнымъ или крайне усталымъ, голосомъ. Она посмотрѣла на насъ тихимъ взглядомъ

большихъ впалыхъ, безнадежно печальныхъ глазъ. Говорила она на плохомъ русскомъ языкѣ—какъ то уныло, жалобно. И удивительная вещь: она первая дала мнѣ то неожиданное впечатлѣніе, которое я затѣмъ испыталъ не разъ, смотря на виленскихъ бѣдняковъ, на улицахъ, въ храмахъ, и высшимъ проявленіемъ котораго было ощущеніе при взглядѣ на ряды колѣнопреклоненныхъ передъ Остробрамской Богоматерью.

Что это за впечатлѣніе, что это за ощущеніе? какъ я ихъ опишу, выражу? Странно, но это, положительно, такъ: въ типѣ виленскихъ нищихъ, бѣдняковъ, особенно женщинъ, меня поразило что-то внутренно-благородное, что-то утонченно-грустное, какъ то экстатически застывшее въ безотвѣтную скорбь. Несомнѣнно, внѣшній ихъ обликъ, внѣшній характеръ лицъ и даже фигуръ нерѣдко чуждъ грубости, а иногда почти аристократиченъ...

Я вдругъ почувствовалъ, глядя на эти лица, что, вѣроятно, и психика ихъ имѣетъ въ себѣ нѣчто особенное—болѣе духовное, болѣе тонко-мистическое, чѣмъ можно предполагать по ихъ соціальному положенію.

Первое впечатлѣніе всего этого дала мнѣ сторожиха костела на томъ поэтически запущенномъ дворикѣ. Особенно ея глаза, еще молодые, женскіе глаза, безконечно, какъ то мистически безропотно-грустные. Она ввела насъ въ костелъ.

Около десятка посѣтили мы ихъ потомъ. И вездѣ тишь, пустота, просторъ. Изрѣдка молящаяся женщина того же мистически-грустнаго типа. Со стѣнъ, смутно вырисовываясь въ ихъ полусвѣтѣ,—окна въ нихъ часто очень высоки и узки—виднѣются красивыя темныя очертанія иконъ-картинъ, большею частью итальянскихъ школъ, иногда не совсѣмъ дурныя копіи съ Рубенса, Тиціана, Рафаэля, Корреджіо. Большія распятія, статуи святыхъ, иногда смѣшно и почти отвратительно разодѣтыхъ, иногда же трогательныхъ въ своей скульптурной тихой наготѣ...

Католицизмомъ повѣяло на меня, но не только католицизмомъ—настроеніемъ религіозныхъ грезъ, интимныхъ человѣческихъ страданій, всей глубиной и загадочностью человѣческихъ надеждъ, и во всемъ этомъ—глубокой, тихой—и надо сознаться—красивой скорбью. Давно не испытывалъ я такихъ ощущеній. Я вдругъ почувствовалъ, что струна за струной начинаетъ звучать въ моемъ сердцѣ что то совершенно неожиданное. Что это? Поэзія? Жажда красоты? жажда счастья? Не знаю. Но переходя изъ костела въ костелъ, потомъ, всматриваясь въ музеѣ въ миніатюры древнихъ молитвенниковъ, не смотря на этого шута гороховаго Мидлишевича, который торчалъ около меня и временами изумлялъ своими выходками, я понялъ, что я уже не тотъ, не тотъ, что годами

плѣсневѣю въ Петербургѣ, не тотъ, что такъ недавно выѣхалъ изъ него съ этимъ шутомъ гороховымъ.

Мы поѣхали въ Верки. Дорога туда, особеннно по берегу Виліи, очень красива. Прекрасный сосновый боръ, потомъ обрамленныя лѣсами извилины рѣки, въ чащѣ деревъ точно небольшіе храмы невѣдомыхъ боговъ—маленькіе домики съ куполами. Это, такъ называемыя, стаціи: часовни. Отъ каждой изъ нихъ къ слѣдующей благочестивые католики ползутъ на колѣняхъ въ гору, иногда по полуверстѣ и больше и, такимъ образомъ, самые благочестивые доползаютъ до Кальваріи—главной святыни. Смотрѣлъ я на эти стаціи и вспоминались мнѣ экстатически-грустныя лица колѣнопреклоненныхъ передъ Остробрамой.

А кругомъ солнце озаряло всѣмъ золотомъ іюльскихъ лучей красивую Вилію, темныя сосны, ярко-желтыя песчаныя прогалины, голубое, голубое небо... И я вдругъ понялъ, что я и на природу смотрю теперь иными глазами, чѣмъ привыкъ смотрѣть. О, какъ въѣдается въ насъ сытый буржуа,—способный и на лонѣ природы испытывать то, что упившійся пивомъ нѣмецъ испытываетъ ins Grüne—ощущеніе сластолюбиваго кота, на травкѣ пригрѣваемаго солнышкомъ! Не съ этимъ ли ощущеніемъ шлялся я, бывало, на островахъ, гдѣ нибудь въ Юккахъ, Теріокахъ—заранѣе лаская себя мечтой о ресторанчикѣ и ужинѣ? А тутъ... День былъ ярко солнечный. Сосны, пески, широкая рѣка дышали мощью, силой, а я смотрѣлъ на все это съ томительно сладостной жаждой чего-то, съ какими-то порывами, съ какой-то непонятной и совершенно несвойственной мнѣ мечтательностью: не выдержала петербургская душа. Пощекотали неиспытанными или давно забытыми ощущеніями ея почти омертвѣлыя струны, и дрожатъ онѣ, никакъ не уймутся, глухо гудятъ отъ этой дрожи; нѣтъ еще въ нихъ мелодіи, но нѣтъ ужъ и привычной сонной тишины...

Наконецъ, мы пріѣхали въ Верки. Изъ парка великолѣпные виды на Вилію, на даль... Я смотрѣлъ по-долгу, неподвижно и хотѣлось мнѣ крикнуть въ эту даль, позвать изъ этой дали кого-то. Кого? Почемъ я зналъ?

Вошли мы въ канцлерскій домъ. Много красиваго, много изящнаго и любопытнаго. Гобелены, картины... Презанимательная коллекція тарелокъ съ изображеніемъ сценъ первой французской революціи. Я всѣмъ этимъ любовался, разсматривалъ. Всматривался въ черты маленькаго старичка-канцлера, когда онъ былъ молодымъ, на его портретѣ того времени, въ прекурьезной архаической военной формѣ. Всматривался и въ черты его супруги, дочери свѣтлѣйшаго князя Витгенштейна—

особѣ, въ жилахъ которой, если я не ошибаюсь, течетъ кровь Радзивилловъ.

Смотрѣлъ я на все это и началъ понемногу успокаиваться отъ пріятнаго, но томительнаго и мнѣ совершенно непривычнаго дрожанія душевныхъ струнъ. Супруга германскаго канцлера, особа красивая и теперь, въ молодости, судя по портрету, была совсѣмъ красавица. Но ея нѣсколько нѣмецкая—опять, судя по портрету,—красота оставила мння спокойнымъ. И я бы скоро совсѣмъ пришелъ въ нормальное свое настроеніе, если бы, при мысли о Радзивиллахъ, ея предкахъ, въ моей памяти не зашевелились клочки воспоминаній о красавицѣ Барбарѣ Радзивиллъ, женѣ короля Сигизмунда Августа, умершей въ молодости отъ того, что ее, страстно любившую мужа, долго не хотѣли признать его законной женой и королевой. Вспомнилась мнѣ и гравюра съ картины чуть ли не Матейки на этотъ сюжетъ... Что то поэтическое опять зашевелилось у меня въ душѣ...

И вдругъ, какъ разъ въ то самое мгновеніе, взглядъ мой упалъ на небольшой портретъ въ овальной рамкѣ, недалеко отъ портрета канцлерши.

— Кто это?—какъ-то невольно, почти дрогнувъ, спросилъ я респектабельнаго лакея.

— Одна изъ княгинь Радзивиллъ, давно ужъ умершая родственница княгини,—любезно отвѣтилъ лакей.

— А кто писалъ этотъ портретъ? — невольно продолжалъ я спрашивать.

— Намъ неизвѣстно. Князь, вѣроятно, знаетъ,—отозвался лакей.

Если я не простоялъ передъ этимъ портретомъ полчаса, то навѣрное больше. И лицо, на немъ изображенное, и самый портретъ, какъ созданіе художника, удивительны. Письмо нѣсколько устарѣлое, плоское, гладкое; портретъ, можетъ быть, еще конца прошлаго вѣка, но если создать живое лицо со всей его живой прелестью, со всѣмъ трепетомъ его индивидуальной жизни въ каждой чертѣ, въ глазахъ, въ губахъ, даже въ очеркѣ лба, щекъ, — есть великая художественная удача,—такая удача выпала на долю автора этого портрета.

Прелестная молодая головка съ пышной напудренной, но не бѣлой, а пепельнаго цвѣта прической, матово нѣжное, какъ свѣжая слоновая кость, лицо съ мягкими благородно-польскаго типа чертами, дивные глаза съ оттѣнкомъ какъ будто подавленной грусти и очаровательныя блѣдныя губы—тонкія, нѣжныя, сложившіяся въ кокетливо-насмѣшливую, почти злую улыбку. Чувствуется женщина, скорѣе женщина, чѣмъ дѣвушка, окруженная блескомъ, баловствомъ, поклоненіемъ, мо-

жетъ быть, злая кокетка, но съ поэтически-страстной и, навѣрняка, несчастной, скрытно несчастной душой.

Смотрѣлъ я, смотрѣлъ на этотъ портретъ во всѣ глаза — и вдругъ почувствовалъ, что не только опять задрожали уже тронутыя во мнѣ струны, но натянулась, напряглась и тихо, тихо загудѣла еще одна, забытая мною, быть можетъ, еще болѣе, чѣмъ другія... Точно мягкая благоуханная рука взяла чуть замѣтно мое сердце и начала его сжимать, сжимать...

Видя, что я упорно смотрю на этотъ портретъ, женихъ тоже уставился на него, важно раздвинувъ ноги и раскрывъ ротъ.

— Прекрасная работа! — рѣшился онъ сказать, наконецъ, впрочемъ, неувѣренно.

— А та, кто изображена?—спросилъ я.

— М-мила!—протянулъ онъ съ самодовольнымъ видомъ знатока женщинъ.

— Ваша невѣста, вѣроятно, красивѣе? — не безъ озлобленія сказалъ я.

— Моя Ольга Андреевна—пальчики оближешь!—сдѣлалъ онъ воздушный поцѣлуй въ пространство.

Я на мигъ отвернулся отъ портрета и пристально посмотрѣлъ на него. Глаза его загорѣлись. Лицо стало какъ будто красивѣе и даже умнѣе.—Любитъ!—съ возрастающимъ озлобленіемъ подумалъ я и, вѣроятно, любимъ. Молодъ, веселъ, здоровъ, франтъ!

А ты — княгиня Радзивиллъ, — ты, грустно-насмѣшливая красавица—любила ли ты, была ли ты любима, какъ слѣдуетъ?—снова повернулся я къ портрету. Право, я не ушелъ бы отъ него.

Но уйти пришлось. Пришлось снова ѣхать на виленскій вокзалъ, снова лѣзть въ вагонъ. Сознайся, дружище, ничего не можетъ быть прозаичнѣе моихъ двухъ первыхъ писемъ къ тебѣ. А между тѣмъ писалъ я ихъ, помимо другихъ поводовъ и причинъ, съ утаиваемой отъ самого себя цѣлью заглушить дрожаніе неожиданныхъ струнъ въ груди моей. Выбило питерца и газетчика изъ колеи новыми ощущеніями, а попалъ ли онъ снова въ старую колею, узнаешь изъ дальнѣйшихъ писемъ, если только я тебѣ ихъ напишу.

А теперь некогда. Запечатаю это письмо и сдамъ управляющему для отправки съ оказіей. Ольга Андреевна зоветъ кататься въ лодкѣ. Прощай. Твой Б.

IV.

23 Іюля.

Однако, какой ты хитрецъ, старый пріятель! Ты пишешь: «судя по твоему третьему письму, по его настроенію, что то начинаю подозрѣвать. Но это твое дѣло. Не допытываюсь ни до чего. Только убѣдительно прошу продолжать писать. Субъективность твоихъ писемъ нисколько не мѣшаетъ ихъ общему интересу: я съ большимъ удовольствіемъ читалъ о костелахъ, о типѣ виленской бѣдноты, въ особенности о Веркахъ».

Ты съ большимъ удовольствіемъ читалъ! Дескать, продолжайте ваши субъективныя реляціи,—авось, проболтаетесь и о томъ, что мы пока подозрѣваемъ, но до чего не допытываемся... Ну да все равно—подозрѣвай, лукавь, допытывайся—мнѣ все равно. Мнѣ пріятно болтать съ тобой. Это хоть немного, хоть на недѣлю приведетъ въ равновѣсіе мою дѣйствительно нѣсколько сбившуюся съ панталыку душу.

Но опять таки по порядку, по порядку! Забѣгать впередъ, не смотря ни на какіе ваши намеки, почтенный пріятель, не стану.

Въ томъ смутно двойственномъ настроеніи, съ одной стороны, злобы на своего спутника, съ другой, какой-то «влюбленности»—терминъ очень подходящій, хотя и курьезный въ данномъ случаѣ—влюбленности въ виленскіе костелы, въ ихъ богомольцевъ и, особенно, въ портретъ княжны или княгини Радзивилъ поѣхалъ я изъ Вильно. Викентій Евлампіевичъ продолжалъ ораторствовать, я его не слушалъ, пыль еще болѣе летѣла въ носъ, въ ротъ, въ уши, въ глаза; я даже ея какъ будто не замѣчалъ; жара палила, я переносилъ ее гораздо терпѣливѣе, чѣмъ раньше. Закрывъ глаза, сидѣлъ я въ вагонѣ, отзываясь на реплики Мидлишевича молчаніемъ.

На большихъ станціяхъ выходилъ, ѣлъ, пилъ и молча возвращался въ вагонъ. На одной станціи увидѣлъ группу прехорошенькихъ мальчиковъ лѣтъ 11—12. Милыя, наивныя, веселыя рожицы, немножко, повидимому, худо кормленные, а, можетъ быть, слегка и забитые. Что-то трогательное зашевелилось у меня въ груди при видѣ ихъ. Разспрашиваю. Архіерейская капелла изъ Вильно ѣдетъ на похороны богатаго помѣщика. Далъ я этимъ милымъ дискантамъ и альтамъ рубль на лакомства, полюбовался, какъ загорѣлись радостью ихъ глазенки, и только внутренно подивился на свою странную чувствительность.

— Балуете ихъ, а, впрочемъ, я самъ,—началъ комментировать мой поступокъ женихъ.

Но я не дослушалъ, что «онъ самъ» чуть ли не по

10 рублей даритъ бѣднымъ дѣтямъ, когда они ему понравятся! Я поспѣшилъ въ вагонъ.

Наконецъ утромъ, въ 9-мъ часу, вылѣзли мы изъ вагона на той станціи, откуда до усадьбы Осокорина оставалось верстъ 20 ѣзды на лошадяхъ. Около насъ засуетились евреи, бѣлоруссы. Женихъ что-то кричалъ, махалъ палкой, потомъ куда-то побѣжалъ, оставивъ меня съ багажемъ. Я стоялъ на крыльцѣ станціи; голодная, съ страшно подведенными боками, лягавая собака уныло обнюхивала меня; еще болѣе худая длинноносая старуха—еврейка увѣряла меня плаксивымъ голосомъ, что у нея есть для пана отличная свѣжая колбаса съ чеснокомъ; очень худой и очень длинный бѣлоруссъ съ рыжей, точно выщипанной бородой настоятельно рекомендовалъ мнѣ свою бричку и «конякъ», которыя, «пане, прытче жидовскихъ».

А я неподвижно стоялъ среди всей этой компаніи и смотрѣлъ на тоненькую дѣвочку лѣтъ 10, очевидно, тоже еврейку, прехорошенькую, съ глазами, точно вишни, и съ великолѣпными, какъ вороново крыло, кудрями, полное отсутствіе прически въ которыхъ раскидало ихъ пластическими прядями вокругъ воскового болѣзненнаго личика... Я смотрѣлъ на дѣвочку и меланхолически думалъ: тоже со временемъ будетъ предлагать гнусавымъ голосомъ панамъ колбасу съ чеснокомъ!..

Полагаю, совершенно во время прервалъ мою резиньяцію стукъ и громъ, съ какимъ подкатила къ станціонному крыльцу необыкновенно маленькая телѣжка на необыкновенно высокомъ ходу, запряженная парою необыкновенно худыхъ и необыкновенно длинноногихъ коней. На козлахъ возсѣдалъ парень, лѣтъ восемнадцати, черный, какъ вороненокъ, съ ослѣпительно-сверкающими глазами и зубами. Не будь я, такъ сказать, въ еврейскомъ царствѣ, я бы принялъ его за цыгана, даже за южнаго итальянца, но вся его характерно изогнувшаяся фигура выдавала сына Израиля. Этотъ юный сынъ Израиля былъ даже красивъ въ своей тропической черномазости.

На «господскомъ» мѣстѣ телѣжки возсѣдалъ во всемъ блескѣ женихъ. Я понялъ, что онъ отыскалъ подводу для насъ. Затѣмъ всѣ почему-то закричали. И черномазый возница, и блистательный женихъ, и жидовка съ колбасой, и бѣлоруссы ямщики, ссбравшіеся у станціоннаго крыльца. Я понялъ, что произошла всеобщая жестокая полемика относительно телѣжки, коней и возницы. Подъ шумъ этой полемики мы взгромоздили вещи на телѣжку, я усѣлся на необыкновенно высокое сидѣнье—рядомъ съ «женихомъ», черномазый автомедонъ повернулся къ намъ, сверкая и глазами, и зубами, и лоснящи-

мися скулами, и внезапно обнаруживая всю неожиданную удаль своего юнаго существа, крикнулъ:

— Уфъ! Прокачу, панове!

Вмѣсто прокачу, у него послышалось что-то въ родѣ гортаннаго карканья. И онъ покатилъ. Телѣжка на высокомъ ходу вся судорожно подпрыгивала, мы съ женихомъ колебались, какъ ковыль въ степи въ бурю, лошади, почему-то поднявъ торчкомъ почти безволосыя рѣпицы своихъ облѣзлыхъ хвостовъ, летѣли вскачь... Это продолжалось, пока мы ѣхали песками и перелѣсками.

Потомъ мы очутились среди обширнѣйшихъ торфяныхъ болотъ, кое-гдѣ прорѣзанныхъ узкими, до странности прямыми и длинными канавами. Ѣхать между этихъ болотъ, среди которыхъ ярко блестѣли на солнцѣ ржавыя лужи воды, пришлось по отвратительнѣйшей безконечной гати, изъ полусгнившихъ, прыгающихъ, какъ клавиши, бревенъ. Лошади сразу пошли шагомъ. То лѣниво бродя на длинныхъ ходулеобразныхъ ногахъ, то тяжело и плавно взлетая низко надъ травой, вдоль дороги кейфовала цѣлая стая аистовъ. Въ первый разъ я видѣлъ эту птицу. Солидное, задумчивое созданіе! Точно важные мудрецы-мечтатели, рѣяли они надъ болотомъ лѣниво и тяжело, то будто ныряя, то волоча ноги по самой травѣ.

— Гэ! Аисты!—вдругъ повернулся къ намъ всѣмъ лицомъ черномазый возница, сіяя полнымъ восторгомъ, точно аисты были его задушевнѣйшіе друзья.

— Какъ тебя зовутъ?—спросилъ его «женихъ».

— Гэ! Янкель!—съ такимъ торжествомъ объявилъ юный семитъ, точно его имя было по меньшей мѣрѣ Эдиссонъ или Нансенъ.

— Янкель! А вороны у васъ есть?—спросилъ женихъ.

— Бараны? — съ недоумѣніемъ гортанно прокаркалъ Янкель.

— Самъ ты баранъ!—расхохотался Мидлишевичъ.—Ну а соловьи есть?—продолжалъ онъ.

— Гэ! Соловейчики!—лукаво подмигнулъ однимъ глазомъ Янкель,—соловейчики есть!—и онъ зажмурился отъ полнаго блаженства, какъ котъ.

— Янкель, ты женатъ?—по странной ассоціаціи идей спросилъ женихъ.

— Женатъ? Зачѣмъ женатъ?—опять подмигнулъ Янкель. Невѣста у меня есть,—разцвѣлъ онъ въ ослѣпительную улыбку.

— Какъ ее зовутъ?—спросилъ Мидлишевичъ.

— Гэ! Зачѣмъ же я скажу пану!

— Отчего не сказать?

— Зачѣмъ же сказать?

— Должно быть, вовсе нѣтъ невѣсты....

— Зачѣмъ! У меня много невѣстъ. Меня всѣ дѣвушки любятъ! Подарю платочекъ—всякая поцѣлуетъ!

— Ахъ ты бестія!

— Ей, ей-же всякая!

И оба—и «женихъ», и Янкель заливались во время этого курьезнаго діалога самымъ заразительнымъ, молодымъ смѣхомъ. Я слушалъ ихъ, и вдругъ и мнѣ, среди этихъ болотъ, сверкающихъ канавами и лужами на жгучемъ солнцѣ, подъ этимъ синимъ небомъ, въ этомъ полномъ испареній воздухѣ, навѣвающемъ на тѣло какую-то истому, захотѣлось смѣяться громко, весело. Какъ разъ въ это время съ гати мы выѣхали въ длинную и довольно широкую улицу большой деревни. День былъ праздничный. На заваленкахъ виднѣлись бабы—нерѣдко красивыя и стройныя, въ мѣстныхъ расшитыхъ костюмахъ, свободно располагающихся около стана, не искажая тѣла глупыми модными фасонами, которые увѣчатъ жительницъ подстоличныхъ селъ. У многихъ женщинъ глаза большіе, серьезные, неподвижно-задумчивые, черты, порой совсѣмъ правильныя.

— А гдѣ же мужчины?—спросилъ я невольно.

— Гэ! Въ шинкѣ!—весело крикнулъ Янкель и погналъ съ гиканьемъ лошадей по улицѣ.

Скоро мы поровнялись и съ шинкомъ. Весьма порядочный деревянный домъ съ высокой крышей. Въ окнахъ видно много мужиковъ, у крыльца цѣлая куча еврейскихъ ребятишекъ черномазыхъ, рыжихъ, румяныхъ, глазастыхъ.

— Стой, стой!—вдругъ закричалъ я Янкелю.

Онъ сразу остановилъ свою пару у шинка.

— Гэ! пану выпить треба!—лукаво подмигнулъ онъ, по обыкновенію, поворачиваясь ко мнѣ всей своей физіономіей. Женихъ изобразилъ на своемъ выхоленномъ лицѣ недоумѣніе. Я быстро выскочилъ изъ телѣжки и вошелъ въ шинокъ. Зачѣмъ я это сдѣлалъ... Чего мнѣ хотѣлось? Право, не знаю. Мнѣ вдругъ стало такъ весело, такъ хорошо среди этой незнакомой деревни, далеко отъ Питера, среди своеобразныхъ бѣлорусскихъ лицъ, вблизи юнаго веселаго Янкеля, что меня потянуло войти въ празднично настроенную толпу мужиковъ, привѣтливо поздороваться съ ними, погуторить, выпить даже, можетъ быть. Но получилось нѣчто совсѣмъ неожиданное. Мужики въ бѣлыхъ свиткахъ и широкихъ яркихъ поясахъ, крайне загорѣлые, темнолицые, окружили меня, начали усиленно кланяться и вдругъ загалдѣли о какой-то тяжбѣ, о какихъ-то Руховичахъ, незаконно оттягавшихъ сѣнокосы у нихъ, у Муховичей. Въ это время изъ внутреннихъ комнатъ появилась еврейка, толстая, усатая, и начала, безпокойно по-

глядывая на меня, звать меня въ «хорошую панскую горницу». Для довершенія картины въ дверяхъ съ крыльца Викентій Евлампіевичъ взывалъ ко мнѣ:

— Дорогой мой, поѣдемте, вѣдь насъ ждутъ!

Мужики упорно галдѣли о тяжбѣ, шинкарка о «хорошей панской горницѣ», женихъ о томъ, что насъ ждутъ. И я самъ, не зная, зачѣмъ вошелъ сюда, съ добродушнымъ смѣхомъ кланяясь мужикамъ, вышелъ вонъ, къ великому счастью Мидлишевича. И мы опять взгромоздились на Янкелеву колесницу, и опять помчались по пескамъ, пока не въѣхали въ высокій лѣсъ. Дорогу пересѣкали громадные извивы выступающихъ изъ почвы древесныхъ корней. Вокругъ стояла тѣнь, тишь, полная травянистаго запаха испарина. Оводы облѣпляли спины лошадей, кусали даже насъ. Янкель пріостановился, нарвалъ какой-то травы и принялся тереть ею спины лошадей, такъ что тѣ даже потемнѣли отъ сока травы.

— Гэ! теперь не будутъ кусать!—заявилъ Янкель съ своей обычной торжествующей улыбкой и лукавымъ подмигиваньемъ плутовскихъ глазъ.—Они, оводы, этой травы не любятъ...

Онъ тронулъ возжами лошадей и, не садясь на козлы, пошелъ съ ними рядомъ. Телѣжка, скрипя, тяжело перекачивалась съ одной извилины древеснаго корня на другую. Лошади, дѣйствительно, менѣе страдая отъ оводовъ и мухъ, съ видимой отрадой помахивали хвостами. Высокія темноствольныя деревья неподвижно поднимали надъ нами богатыя листвой верхушки. Между ними кое-гдѣ прорѣзывался въ матово свѣтлую мглу яркій золотистый лучъ. Гдѣ-то вдали слышался стукъ, въ родѣ стука дятла.

Даже Янкель и женихъ затихли. А у меня въ глазахъ выплылъ портретъ въ Веркахъ — эти лукаво-зло улыбающіяся губки, этотъ дивный затаившій боль взглядъ. И я невольно закрылъ глаза. Мнѣ не хотѣлось ихъ открывать. Зеленоватая мгла лѣса точно ушла подъ мои вѣки. Сквозь ея дымку туманно рѣялъ образъ княгини Радзивиллъ.

Вдругъ я уловилъ шопотъ Янкеля:

— Панъ задремалъ...

Женихъ не отозвался. Но я почувствовалъ, что онъ взглянулъ на меня. На нѣсколько мгновеній опять воцарилась тишина. Жужжатъ оводы, мухи, скрипитъ, перебираясь по корнямъ, телѣжка—и ничего болѣе не слышно... И опять Янкель шепчетъ:

— Панъ, а панъ, а я недавно вашу невѣсту видѣлъ. Въ Мозырь покупать ѣздили.

— Хороша?—отрывисто и взволнованно спросилъ Мидлишевичъ.

— Панна Ольга?—какъ то чмокнулъ губами Янкель.—Хороша панна! Вотъ бы поцѣловать такую панну.

— Ну, ты хамъ!—вспылилъ Викентій Евлампіевичъ.

— А что-жъ! Только бы поцѣловать! Меня дѣвушки любятъ поцѣловать,—съ наивно безшабашнымъ нахальствомъ настаивалъ Янкель...

Я не выдержалъ. Глаза мои невольно раскрылись и уставились на физіономію жениха. Но я не успѣлъ полюбоваться выраженіемъ лица этого рыцаря, оскорбленнаго за свою Дульцинею...

Мы изъ лѣсу выѣхали на открытую дорогу, въ концѣ которой бѣлѣли какія то зданія... По дорогѣ шло нѣсколько мужчинъ въ бѣлыхъ лѣтнихъ костюмахъ. Они шли прямо на насъ. Не успѣлъ я опомниться—двое изъ нихъ подбѣжали къ телѣжкѣ, совлекли меня съ моего сидѣнья, и я почувствовалъ, что изъ однихъ восторженныхъ объятій перехожу въ другія.

— Сашка, Костя, Петя!—раздались общія восклицанія, и три твои однокашника, старый дружище, глупо улыбаясь, пожимая другъ другу руки и, не зная о чемъ сразу заговорить, смотрѣли другъ на друга. Вихрастый Сашка обратился въ весьма почтеннаго и, увы, безнадежно лысаго господина, съ модной бородкой, въ которой уже серебрится предательская сѣдина. Костя Гороховъ смотритъ енглишменомъ, совсѣмъ бритый, съ какой то матросской трубочкой въ зубахъ, съ растопыренными въ широкихъ панталонахъ ногами и невозмутимой физіономіей субъекта, который въ водѣ не тонетъ, въ огнѣ не горитъ.

Нѣсколько отступя, стоялъ серьезный господинъ съ сѣдыми усами на блѣдномъ бритомъ лицѣ, господинъ крайне сдержаннаго и нѣсколько болѣзненнаго вида.

— Петруха, позволь познакомить тебя съ моимъ братомъ и совладѣльцемъ этого Монрепо,—повлекъ меня Сашка къ этому господину.

— Андрей Сергѣевичъ Осокоринъ,—сдержанно отрекомендовался самъ его братъ.

Крѣпкимъ короткимъ пожатіемъ сжалъ онъ мою руку сухой нервной рукой.

— Янкель!—обратился онъ къ нашему возницѣ,—вы отвезите вещи въ домъ. Мы же всѣ, господа, прямо на озеро купаться. Я полагаю, чтобы смыть всю пыль, которая насѣла на васъ, никакого умыванья недостаточно.

— Конечно на озеро! Лѣсники уже въ лодкахъ!—закричалъ молодой голосъ. Смуглый юноша брюнетъ, въ лѣтнемъ кителѣ формы технологическаго института, подошелъ къ намъ.

— Мой сынъ Борисъ!—отрекомендовалъ его своимъ сдержаннымъ тономъ старшій Осокоринъ.

— Великолѣпнѣйшій малый, хоть и мой племяшъ!—закричалъ Сашка.

— Донъ Винценто!—а вы имѣете довольно жалкій видъ въ этой пыли и поту. Если-бъ васъ увидѣла сейчасъ Ольга Андреевна,—пожалуй, охладѣла бы къ вамъ! а!—растопыривъ ноги, говорилъ нѣсколько смущенному жениху Гороховъ, съ юмористической невозмутимостью англичанина.

— Ничего, вымоется—опять начнетъ плѣнять! — ободрительно хлопнулъ жениха по спинѣ Сашка.

— Нѣтъ ты скажи, какъ ты путешествовалъ?—взялъ я за обѣ руки Горохова,—шутка-ли, кругомъ свѣта откаталъ! Я тебѣ искренно завидую.

— Напрасно,—сдѣлалъ кислую гримасу Гороховъ,—у меня стало одной иллюзіей меньше.

— Какой? какой?—живо откликнулся техникъ Борисъ.

— Я думалъ раньше, что земля гораздо больше и что люди и нравы на ней гораздо разнообразнѣе, — пожалъ плечами Костя.

— Полно тебѣ, благеръ! Полѣзай въ лодку! Петруха! полѣзай,—хватая и Горохова и меня за руки, закричалъ Сашка.

Мы въ это время подошли къ ветхому мостику чрезъ узкую и длинную канаву. У моста въ канавѣ стояли двѣ лодки, видомъ напоминающія индѣйскія пироги изъ древесной коры, какими я воображалъ ихъ, читая въ дѣтствѣ Майнъ-Рида... Мы всѣ полѣзли въ эти утлыя и дряхлыя ладьи и, не безъ труда, въ нихъ разсѣлись. Лѣсники, стоя на кормѣ обѣихъ лодокъ по одному, принялись отталкивать ихъ шестами отъ берега...

Но прерываю письмо. Ольга Андреевна зоветъ на огородъ смотрѣть, какъ арендаторъ еврей собираетъ овощи... Опять Ольга Андреевна! подозрѣваешь? Можешь!

V.

Полночь. Слѣдовало бы ложиться спать. Но продолжаю это, до невозможности затянувшееся, письмо: завтра ѣдутъ на станцію—кстати отправлю и письмо. Видишь, какъ я стараюсь для тебя: цѣни.

Остановился я на томъ, какъ мы поплыли чуть не въ первобытныхъ лодкахъ на озеро купаться, поплыли по узкой, мелкой и невѣроятно длинной канавѣ. Преоригинальное впечатлѣніе это плаваніе. Низкіе борты лодки приходятся надъ самой водой—болотной, мутной, почти неподвижной водой. Немного выше этихъ бортовъ вздымаются рыхлые берега, заросшіе густой лохматой травой. Между этой травой и водой

видна ржаво-темная разлѣзающаяся торфяная почва. Надъ травой выставляютъ жидкія вѣтви густой ивнякъ и талина, образуя хотя низкую, но плотную стѣну по бокамъ канавы.

Парный, пропитанный влагой, точно банный, воздухъ пронизанъ жгучимъ солнцемъ и весь кипитъ безчисленными комарами, мошками, оводами, мухами. Лодка движется медленно, незамѣтно: едва подталкиваютъ ее шесты лѣсниковъ, которые со всей невозмутимостью «полещуковъ» обливаются потомъ, стоя на кормѣ.

— Ну какова наша ѣздовня? Здѣсь такъ называютъ эти канавы. Она 17 верстъ тянется отъ самой Припети до озера,— восторженно восклицаетъ Сашка Осокоринъ, выдѣлывая прекомическія гримасы своимъ растолстѣвшимъ и обрюзгшимъ лицомъ, чтобы согнать съ него цѣлый слой комаровъ.

— Не напоминаетъ тебѣ Венецію, каналы, гондольеровъ?— повернулся онъ къ Горохову, который на самомъ носу лодки неистово курилъ свою американскую трубочку, чтобы дымомъ отгонять мошкару.

— Да. Когда отливъ, и всѣ канавы воняютъ,—невозмутимо отозвался онъ, крехтя и пуская цѣлый клубъ дыма.

— Развѣ здѣсь вонь? Просто торфяной запахъ. Онъ вовсе не противенъ, — обидѣлся Сашка. Но сейчасъ же, видя, что серьезный и хмурый братъ его присматривается къ берегамъ канавы, закричалъ:—Вотъ видишь, видишь, — они вовсе не укрѣпляютъ.

— Я вижу одно,—спокойно сумрачно отозвался Андрей Сергѣевичъ,—пока я не поселю здѣсь латышей, никакого толку не выйдетъ.—Онъ сказалъ эти слова по французски.

— Понимаешь,—на томъ же языкѣ обратился ко мнѣ, горячась и жестикулируя, Александръ.—Мы хотимъ съ Андреемъ переселить изъ Прибалтійскаго края латышей. Ужъ ведемъ переговоры. Потому что съ здѣшнимъ народомъ ничего не подѣлаешь... Представь: керосина до сихъ поръ не признаютъ. Жгутъ лучины. Бьются, какъ нищіе, а многіе подъ половицами гноятъ деньги, а въ сараяхъ и ригахъ сѣно и хлѣбъ, года за два.

— Лучшей характеристикой этихъ людей,—спокойно перебилъ безпорядочную рѣчь младшаго брата Андрей Сергѣевичъ,— служитъ хотя бы эта канава. Она имъ самимъ необходима. Безъ нея, по болотамъ, имъ не добраться до собственныхъ покосовъ и пашенъ. Мы съ ними условились отдавать имъ валежникъ и позволять рубить на опушкѣ нашего лѣса корявую осиновую поросль съ тѣмъ, чтобы они тщательно слѣдили за канавой, поддерживали ея берега, закрѣпляли ихъ фашиной и тальникомъ. И вотъ, видите, въ какомъ состояніи канава?.. Да и все такъ. Судятся весь вѣкъ деревня съ деревней—живутъ

точно не въ XIX а въ IX вѣкѣ, и ничѣмъ ихъ не сдвинешь. Но я ихъ сдвину. Единственнымъ, неумолимымъ: конкурренціей,—сурово нахмурилъ брови старшій Осокоринъ.—Вы знакомы нѣсколько съ исторіей Польши и Литвы?—неожиданно спросилъ онъ меня.—Простите, что я говорю съ вами по французски. Я не хочу, чтобъ эти поняли,—добавилъ онъ, презрительно кивнувъ на невозмутимо толкавшаго лодку лѣсника.

— О, конечно, конечно! — подхватилъ на томъ же языкѣ Александръ. — Ты знаешь, — поворотился онъ ко мнѣ,— они хоть и упрямы и лѣнивы и тупы, но хитры и страшно злы.

— Не злѣе же этихъ подлыхъ комаровъ! — невозмутимо вставилъ Гороховъ и съ поразительнымъ хладнокровіемъ отвѣсилъ себѣ пощечину, потомъ разсмотрѣлъ ладонь, которой ударилъ себя, разглядѣлъ на этой ладони пять или шесть комаровъ, раздавленныхъ ударомъ и прилипшихъ къ рукѣ, и, стряхнувъ ихъ, снова невозмутимо принялся дымить трубкой.

— Ну комары, всего только комары. А между полѣщуками случаются расправы ножомъ и топоромъ!—возразилъ Александръ. Но братъ снова по французски почти пренебрежительно перебилъ его, обращаясь ко мнѣ:

— И такъ, вы знакомы нѣсколько съ исторіей Польши и Литвы?..

Я отвѣтилъ: увы, почти незнакомъ!

Да, мы всѣ пренебрегамъ исторіей. Къ сожалѣнію!—презрительно пожалъ плечами Андрей Осокоринъ.—А между тѣмъ... Хотя бы исторія Польши и Литвы. Какъ жизнь всякаго несчастнаго назидательнѣе жизни счастливца, такъ и жизнь несчастной страны... Видите-ли, еще въ XII—XIII вѣкѣ территорію Польши, страны тогда вполнѣ не цивилизованной, — умные, вліятельные люди того времени усиленно заселяли нѣмецкими колонистами. Нѣмцы-крестьяне и горожане того времени охотно шли въ чужеземщину. Бароны и рыцари, особенно послѣ гибели Гогенштауфеновъ, такъ разбойничали и надъ городами, и надъ собственными вассалами, что тѣ были рады радешеньки укрыться куда нибудь. А въ Польшѣ ихъ принимали охотно. Отводили земли. Давали привилегіи. Эти привиллегіи освобождали ихъ отъ власти княжескихъ комисаровъ и отъ большинства податей. И посмотрите, даже польскіе историки этой колонизаціей объясняютъ быстрый ростъ культуры въ Польшѣ тогда... Мы этого не знаемъ. Мы знаемъ славу королей, интриги пановъ, побѣды гетмановъ и т. п. Все равно и теперь... Намъ весьма любопытно—смѣна одного буржуазнаго министерства во Франціи другимъ, болгарскія интриги и всякое такое. А знать, что прибалтійскіе бароны, по примѣру своихъ предковъ, гнутъ латышей, что эти латыши, трудолюбивѣйшій народъ, охотно

пойдутъ на хорошія мѣста при хорошихъ условіяхъ—зачѣмъ? Но я знаю. Я имъ дамъ эти условія. Дамъ землю даромъ. Дамъ лѣсъ, отстроиться. Пусть только, по возможности, добросовѣстно работаютъ на меня и своей конкурренціей прижмутъ этихъ...

И Андрей Осокоринъ кончилъ свою длинную рѣчь, указавъ злобнымъ жестомъ на лѣсника. Лицо его поблѣднѣло, глаза загорѣлись мрачнымъ огнемъ.

— Браво, Андрей Сергѣевичъ! Лекція не дурна,—сказалъ Костя,—но при этихъ поганыхъ мухахъ и при этой жарѣ...—и новая пощечина самому себѣ предшествовала у него новымъ клубамъ дыма изъ трубки. Все это было сказано и продѣлано съ комическимъ хладнокровіемъ.

— Ахъ, Костя, ты знаешь, гдѣ касается переселенія, братъ—фанатикъ...—воскликнулъ Сашка.

— Вы извините меня. Вамъ это, можетъ быть, скучно,— тихо, но упорно продолжалъ его старшій братъ,—я, въ этомъ отношеніи, дѣйствительно, фанатикъ. Я—юристъ по образованію. Но скоро понялъ, гдѣ мое настоящее мѣсто. Я обрыскалъ почти всю Россію и большую часть Сибири, интересуясь вопросомъ народонаселенія... Если бы не нѣкоторыя препятствія... я бы остался въ Сибири. Указывалъ бы мѣста переселенцамъ, писалъ бы о этихъ мѣстахъ. Но, какъ вы знаете, вѣроятно, тамъ это дѣло администраціи... Потомъ я усталъ. Я человѣкъ нѣсколько болѣзненный. Да и семья. Дочь. Словомъ, здѣсь мнѣ болѣе подходитъ. Съ положеніемъ латышей тоже знакомъ... И среди нихъ пошлялся. Ну, купили съ братомъ... Желалъ бы, чтобы вы побывали здѣсь лѣтъ черезъ 10, 15. Посмотрѣли бы, какъ эти господа у насъ подтянутся! — и сурово недоброжелательный взглядъ Андрея Осокорина опять скользнулъ по лѣснику, съ невозмутимымъ лицомъ двигавшему лодку.

Ивнякъ по берегамъ исчезъ. Виднѣлись необозримые болотистые луга и лѣса въ отдаленіи. На лугахъ стояли копны сѣна, иногда цѣлые стога. Аисты медленно и низко проносились, колыхаясь длинными ногами и крыльями. Я смотрѣлъ на старшаго Осокорина и дивился. Такого типа я еще не встрѣчалъ... При его рѣчахъ, мнѣ какъ-то жутко становилось за этихъ полѣщуковъ, за эти болота, за этихъ аистовъ. И такой субъектъ, въ которомъ чувствуется и мысль, и характеръ, и опытъ—отдаетъ свою дочь пану Мидлишевичу!—думалъ я, изумляясь. Онъ, вѣроятно, замѣтилъ вниманіе, съ которымъ я смотрѣлъ на него.

— Вотъ вы журналистъ, по словамъ брата,—сказалъ онъ съ неуловимой усмѣшкой болѣзненно кривящихся губъ. Проповѣдуйте-ка въ печати нашей образованной молодежи

вмѣсто всякихъ толстовизмовъ, символизмовъ, марксизмовъ поѣздки по Россіи, изученіе ея для переселенія крестьянъ съ неудобныхъ мѣстъ на удобныя, изъ неудобныхъ условій въ удобныя... Пусть дѣлаются ходаками для этихъ цѣлей, настоящую службу сослужатъ и людямъ, и себѣ.

— Вы недурную идею даете для статьи, — отозвался я.

— Журналисту все хлѣбъ, все построчная плата,—раздался изъ клубовъ табачнаго дыма невозмутимый голосъ Горохова.

— Костя, ты сталъ отчаяннымъ скептикомъ,—по обыкновенію шумно, махая руками, закричалъ Сашка Осокоринъ.

Онъ самъ остался такой же вѣтряной мельницей, какъ былъ и въ гимназіи, хоть и нажилъ брюшко и лысину. Такъ что и называть его иначе, какъ Сашка, не хочется. Братъ держитъ его въ рукахъ.

— Побывалъ бы ты въ Бафло, повидалъ тамошнихъ ковбоевъ, пріобрѣлъ бы настоящій взглядъ на вещи!—отпарировалъ ему презрительно Костя.

— Бафло! что такое «Бафло»?—удивился Сашка.

— Буффало! по вѣрному американскому произношенію,—не безъ гордости, отвѣшивая себѣ новую пощечину, отвѣтилъ Гороховъ.

— Э! А Санъ-Франциско какъ по-американски?—неожиданно спросилъ Сашка, очевидно подавленный американизмомъ Горохова.

— Санъ-Франциско?—Фриско! — почти надменно заявилъ Гороховъ. Сашка былъ убитъ.

— Чортъ возьми! а? что значитъ поѣздить по свѣту, — вздохнулъ онъ.

— Костя,—спросилъ я,—какъ ты попалъ въ это путешествіе? Вѣдь ты былъ, я слышалъ, послѣднее время театральнымъ антрепренеромъ въ провинціи?

— Былъ,—невозмутимо отозвался Костя.—Мало-ли чѣмъ я былъ. Университета, помнишь, я не кончилъ. Закутился, средствъ не хватило. Попалъ въ кондуктора на желѣзной дорогѣ. Былъ даже оберомъ. Но втюрился въ актерку, занялъ у кузена деньги и затѣялъ антрепризу. Разумѣется, лопнулъ. Актриса отъ меня сбѣжала. Сидѣлъ безъ сапогъ. Представь, къ моему изумленію, началъ даже унывать...

— Ты?—расхохотался я, помня этого чудорода въ университетѣ, когда онъ, заложивъ съ себя все, леживалъ въ одномъ бѣльѣ, при томъ въ его единственной перемѣнѣ, въ Ляпинкѣ, въ Москвѣ, и насвистывалъ цыганскія пѣсни.

— Да, я! Но у меня оказался рессурсъ. Англійскій языкъ. Съ дѣтства оный постигъ. Мать моя англичанка... Ну, отыс-

калъ нѣкоего креза, желающаго проѣхать autour du monde и найти спутника съ англійскимъ языкомъ. Понялъ?

— Ну, а теперь?—поинтересовался я дальнѣйшей судьбой Кости.

— Пока продолжаю состоять у креза секретаремъ. Взялъ на мѣсяцъ отпускъ. Но хочу бросить. Иду въ ученики къ Андрею Сергѣевичу. Хочу по его идеѣ сдѣлаться ходокомъ, переселителемъ, — невозмутимо докладывалъ Костя, дымя трубочкой и шлепая себя по щекамъ для убіенія комаровъ.

Старшій Осокоринъ усмѣхнулся.

— Константинъ Ильичъ иронизируетъ,—сказалъ онъ,—а если бы попалъ мнѣ въ руки, я бы пристроилъ его къ дѣлу. Вы знаете, что вы такое? — обратился онъ къ Горохову. — Въ Польшѣ, въ старину, такихъ называли «лазенками»... порусски, бродягами.

— Совершенно справедливо, Андрей Сергѣевичъ. Я и есть этотъ самый «лазенокъ». И не ропщу. Занятіе не скучное. Но, чортъ возьми, эти лозы начинаютъ черезчуръ щелкать несчастнаго лазенка! — спокойно скаламбурилъ Костя, отводя талину, которая нагнулась надъ лодкой и хлестала по нашимъ головамъ.

Въ этотъ моментъ изъ узкой канавы мы вошли въ озерную заводь, поросшую частымъ высокимъ тростникомъ. Сразу стало свѣжѣе, прохладнѣе. Почуялось вѣяніе большой массы воды. И осторожно проплывая между тростникомъ, мы вдругъ очутились среди этой массы воды. Мы выплыли въ озеро. Береговъ не было видно. Передъ нами горизонтъ неподвижной, пепельно-лиловой атласистой воды сливался съ небомъ, туманно-молочнымъ, вѣроятно, отъ испареній озера. За нами были волны блѣдно-зеленыхъ тростниковъ.

Лодка остановилась. Къ ней подошла другая, которая отстала отъ насъ. Въ той сидѣли технологъ Борисъ, сынъ Андрея Сергѣевича, другой лѣсникъ и забытый мною «женихъ». Когда мы его увидѣли, всѣ расхохотались: лицо несчастнаго Мидлишевича было до того изъѣдено комарами, что вмѣсто гладкой, матовой, крупитчато-бѣлой поверхности его щекъ, были какіе-то красные холмы и углубленія. Въ его наивно-дѣтскихъ глазахъ замерло отчаяніе.

— Викентій Евлампіевичъ, не утопитесь съ горя, что вамъ придется въ такомъ видѣ предстать передъ невѣстой! — не моргнувши, сказалъ Костя. — Это, голубчикъ, пройдетъ. Это васъ вздуло отъ непривычки. У дѣтей всегда такъ. Перевезутъ ихъ на дачу — сейчасъ вздуетъ отъ комаровъ. Потомъ привыкнутъ. Ничего! — Трудно было разобрать: утѣшаетъ ли злодѣй Костя несчастнаго жениха или потѣшается надъ нимъ.

— О! это ничего, это пройдетъ,—храбрился Мидлишевичъ,

торопливо, нервно раздѣваясь, чтобы поскорѣе войти въ воду и охладить лицо, горѣвшее отъ укусовъ.

— Нѣтъ, каково озеро! — восклицалъ Сашка, сбрасывая одежду и растопыривая поросшія волосами голыя руки надъ водой.—Смотрите: утки, утки!—завопилъ онъ.

Дѣйствительно, надъ камышами летѣла цѣлая станица утокъ, колеблясь темными крестообразными фигурами на молочномъ фонѣ неба.

— Господа! сюда надо съ ружьемъ, съ ружьемъ!—закричалъ юноша Борисъ, прыгая въ лодкѣ, какъ разыгравшійся щенокъ.

Лодка отъ этого колебалась, женихъ дѣлалъ смѣшные скачки, раздѣваясь, мы всѣ, кромѣ методически снимавшаго платье Андрея Сергѣевича и невозмутимыхъ лѣсниковъ, хохотали.

На меня вдругъ повѣяло отъ этихъ прыжковъ Бориса, отъ этой свѣжей массы воды такой заманчивой и завидной молодостью, бодростью, жизнью, что я нетерпѣливо сорвалъ съ себя одежду и, закрывши глаза, ухнулъ съ лодки въ воду. Я нырнулъ глубоко и, когда вынырнулъ, точно сразу освѣженный и помолодѣвшій, былъ уже въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ лодки. Не оглядываясь, взмахнулъ я руками и поплылъ, поплылъ. Но на сегодня довольно. До слѣдующаго письма. Спать смертельно хочется. Уже свѣтаетъ. Твой Б.

VI.

27 іюля.

Однако, старина, какой ты нетерпѣливый! Пишешь, что я въ послѣднемъ письмѣ, изображая компанію, въ которую попалъ въ усадьбѣ, ни словомъ не обмолвился о женщинахъ; ты находишь, что это «дурной знакъ». Находи, что угодно, но не забывай того, что я уже разъ тебѣ сказалъ: порядокъ — мой девизъ. Не безпокойся, пріятель: и до женщинъ дойдемъ. Ты, можетъ быть, сѣтуешь, что я пишу черезчуръ длинныя письма— слишкомъ послѣдовательно и обстоятельно. Но разъ хочешь читать эти письма, терпи. Вѣдь я ихъ пишу вовсе не для одного тебя: у меня, неизвѣстно почему, родилась потребность все это записать. Вѣроятно, чтобъ самому разобраться въ своихъ ощущеніяхъ. А разобраться въ нихъ не мѣшаетъ. Ибо эти ощущенія...

Но къ порядку!—Нечего философствовать.

Въ прошломъ письмѣ, въ концѣ, я остался плывущимъ по озеру. Повторяю: я пловецъ весьма недурной. Въ годы золотой молодости я былъ и гимнастъ немного, и наѣздникъ порядоч-

ный и слегка даже конькобѣжецъ. Но укатали сивку не крутыя горки, а столы да конторки! Срифмовалъ даже. Отяжелѣлъ, опустился, вѣдь все же за сорокъ. И единственный спортъ, въ которомъ я еще и теперь не дуракъ, и оживаю— это плаванье.

Какъ попалъ я, разумѣется, въ свою стихію, такъ и забылъ все. Взмахъ за взмахомъ, мѣрно, правильно, безъ шума, но широко, споро, о глубинѣ не справляясь, плыву себѣ. Разсѣкаю прозрачную массу грудью, а эта масса такъ и поднимаетъ, такъ и несетъ меня. Давно я не испытывалъ такого чуднаго купанья. Въ Питерѣ какъ-то лѣнишься: на Неву далеко, на взморье еще дальше, не въ Фонтанкѣ же пачкаться. Ну и довольствуешься ванной. Ну а тутъ этакая ширь, гладь, блаженство. Вода, правда, была слишкомъ тепла, но при іюльской жарѣ даже такая вода—свѣжесть. Словомъ, плыву, наслаждаюсь. Забылъ о всѣхъ.

Вдругъ слышу сзади плескъ и напряженное дыханіе пловца. Оборачиваюсь: Костя Гороховъ догоняетъ меня, по саженкамъ, лихо взмахивая мускулистыми руками. Дальше за нимъ видны лодки, а около нихъ копошатся въ водѣ остальные купальщики. Вижу, отплыли мы отъ нихъ съ Костей весьма порядочно. Костя поровнялся со мной и повернулся на спину. Я сдѣлалъ тоже. Лежимъ, колышемся на водѣ, слегка поудерживая равновѣсіе движеніемъ рукъ. Вокругъ насъ вода, едва - едва взволнованная нашимъ же плаваньемъ, надъ нами небо вверху не молочное, а синее, полное солнечнаго блеска. Хорошо! Я точно не я. Костя молчитъ. И я молчу. Обоимъ слишкомъ хорошо, чтобы болтать. Вдругъ самъ не знаю, почему—выпаливаю:

— А хорошенькая эта... дочь Андрея Сергѣевича?..

— Невѣста купидона?—невозмутимо спрашиваетъ Костя, колышась на водѣ и выставляя вверхъ высокую ребристую грудь.

— Ну да,—мычу я, перебирая въ водѣ ногами.

— Весьма!—невозмутимо выпускаетъ изъ губъ, вытянутыхъ трубкой, Костя—точно выстрѣливаетъ этимъ словомъ въ небо. Опять молчаніе.

— Но вѣдь...—начинаю я нерѣшительно.

— Купидонъ идіотъ? ты хотѣлъ это сказать?—съ прежней невозмутимостью подхватываетъ Костя.—Идіотъ. Ты правъ. Но добрая душа. Кромѣ того—папенькинъ выборъ. А папенька для Оленьки все.

Я молча поворачиваюсь въ водѣ на грудь и пускаюсь плыть обратно, къ лодкамъ, размышляя на пути о деспотизмѣ отцовъ, о наивности дѣвицъ и, мысленно пожимая плечами, думаю: какое мнѣ въ сущности до всего этого дѣло. И стараюсь обо-

гнать Костю, усиленно взмахивая руками. Онъ не уступаетъ: весьма быстро проплывъ разстояніе до лодокъ, мы оба въ одинъ моментъ вскакиваемъ въ нашу, запыхавшись и уставъ. Осокорины уже выкупались и сидятъ въ лодкахъ одѣтые. Женихъ, волдыри котораго отъ купанья сдѣлались еще виднѣе, осторожно влѣзаетъ въ свои широкіе модные панталоны, не безъ комизма соблюдая равновѣсіе въ маленькой качающейся лодкѣ.

— Однако, вы пловцы! — встрѣтилъ насъ восторженнымъ восклицаніемъ Сашка.—Нѣтъ, каково озеро?—спрашиваетъ онъ съ гордостью хозяина этого озера.

— Великолѣпное! Какъ его называютъ? — откликаюсь я, вытирая спину полотенцемъ, которое мнѣ подалъ лѣсникъ.

— Князь-Озеро!—объявляетъ Сашка.

— Ого! Знатное названіе,—одобряю я, весь встряхиваясь отъ наслажденія на воздухѣ голымъ тѣломъ.

— Ты не шути! Это озеро съ легендой. Его иначе называютъ: Князь и Жидъ. Жилъ, ты видишь, давнымъ давно въ этихъ мѣстахъ литовскій князь — магнатъ въ родѣ Сангушекъ, Радзивилловъ... И жилъ вблизи—жидъ. Шинкарь вѣроятно. У князя былъ сынъ. У жида дочь красавица. Ну, любовь, понятно, князь въ гнѣвѣ. Жениться княжичу не позволяетъ. Тогда княжичъ и жидовка рѣшились плыть на лодкѣ на другую сторону озера—вѣнчаться, что-ли—шутъ ихъ знаетъ! Князь прозналъ. За ними тоже въ лодкѣ. Да и жида прихватилъ. Дескать, если опоздаю — утоплю пархатаго. На серединѣ озера догнали бѣглецовъ, но тѣ съ лодки въ воду—и оба, обнявшись, ко дну. Жидъ за ними — спасать дочку. Тоже ко дну пошелъ. Тогда и князь утопился съ горя. Можетъ и не такъ. Но вродѣ этого. А? Какова легенда? Каково озеро!—восхищался Александръ Осокоринъ.

Я одѣвался, слушая его разсказъ и, смотря на гладь озера, на тихіе, точно уснувшіе, тростники—и стыдно сознаться—замечтался... Красавица - еврейка, литвинъ - князекъ, сурово дикій магнатъ, бѣдняга шинкарь, видящій гибель любимой дочки.

Вдругъ на сосѣдней лодкѣ раздалась самодовольная сентенція:

— Поэтическая легенда!—сказалъ Мидлишевичъ, уже совсѣмъ одѣтый, своимъ сдобнымъ голосомъ.

Я сразу точно очнулся отъ этого замѣчанія, отъ этого голоса, струя поэзіи, хлынувшая на меня отъ легенды, отъ озера, исчезла.

— А вѣдь вы бы изъ за любви не утопились, Викентій Евлампіевичъ, —точно дѣльное замѣчаніе, спокойно произнесъ Костя, опять дымившій табакомъ на носу лодки.

— Если-бъ я препятствовалъ Викентію Евлампіевичу же-

ниться на Олѣ, я думаю, онъ проявилъ бы не менѣе самоотверженной любви, чѣмъ этотъ литвинъ,—вполнѣ серьезно и даже какъ-то безапелляціонно сказалъ старшій Осокоринъ.

Ого! — подумалъ я. Да у папеньки купидонъ, дѣйствительно, въ фаворѣ.

Всѣ промолчали. Даже нѣсколько сконфуженный женихъ. Поплыли обратно къ усадьбѣ. Борисъ и женихъ въ своей лодкѣ далеко опередили насъ. Мы съ Сашкой и Костей принялись вспоминать наши студенческія продѣлки. Костя, съ невозмутимымъ видомъ, гробовымъ голосомъ запѣлъ Gaudeamus igitur. Лицо Андрея Сергѣевича странно смягчилось и мнѣ показалось даже добрымъ.

— Хорошо у насъ?—съ какимъ-то тихимъ блескомъ въ глазахъ, негромко спросилъ онъ меня.

— Хорошо,—отозвался я, потягиваясь всѣмъ освѣженнымъ тѣломъ.

И дѣйствительно, я былъ совсѣмъ другой: точно лѣтъ на 10 помолодѣлъ. Точно виленскимъ впечатлѣніямъ, освѣжившимъ мнѣ душу, недоставало только этого купанья, обновившаго бодрость тѣла.

— А вонъ и хата наша,—указалъ Андрей Сергѣевичъ видный между ивами небольшой домъ оригинальнаго стиля, старый, съ тяжелой высокой крышей, крытой черепицей, со срѣзанными выступами конька, точно у швейцарскаго шале.

— Сейчасъ мы васъ накормимъ и познакомимъ съ нашими барышнями,—прибавилъ Осокоринъ привѣтливо.—Не будьте требовательны. Усадьба только что куплена. Ничего не устроено.

— Это имѣетъ свои прелести. Ты увидишь,—насмѣшливо покрутилъ носомъ Костя.

— Ну, ну, пожалуйста, не разочаровывай его заранѣе,—взъѣлся Сашка.

Но мы уже подплыли къ мосту, близъ котораго сѣли. Выйдя изъ лодокъ, мы вошли черезъ лугъ, обсаженный ветлами, въ обширный дворъ усадьбы. Въ глубинѣ стоялъ домъ, выбѣленный и не лишенный красоты съ его готической крышей. Вокругъ были почти развалины сараевъ и ригъ, кое какъ подправленныхъ. Все, очевидно, старѣло, валилось.

— Видите, въ какомъ видѣ досталась намъ усадьба?—сказалъ старшій Осокоринъ.—Но ничего. Это мнѣ нравится. По крайней мѣрѣ устроимъ заново, по своему.—И опять что-то холодно-упорное блеснуло у него во взглядѣ.

Когда мы вошли въ домъ по шаткому крылечку съ дряхлыми перилами и парусиннымъ навѣсомъ, Сашка прямо отворилъ дверь въ столовую. Столъ, очень чисто, не безъ комфорта сервированный, былъ весь уставленъ ветчиной, телятиной, яйцами, бутылками съ виномъ; кувшины съ молокомъ, тарелки

съ истинно деревенскимъ, масляписто разсыпчатымъ творогомъ и жирной бѣлоснѣжной сметаной дополняли все это. Борисъ и Мидлишевичъ ужъ сидѣли у стола и усиленно убирали за обѣ щеки творогъ.

За спиной жениха стояли двѣ женщины: одна—пожилая, худощавая блондинка съ очень добрымъ и усталымъ лицомъ, а другая—Костя былъ правъ—она оказалась очень красивой.

Но это была совсѣмъ юная дѣвушка, лѣтъ 17—темная шатенка, съ ясными голубыми галазами на румяномъ лицѣ, нѣжный цвѣтъ котораго отливалъ на солнцѣ золотистымъ пушкомъ. Сразу меня плѣнили ея губки, въ особенности ямочки, образовавшіяся на щекахъ отъ улыбки, съ которой она смотрѣла, какъ ея женихъ пожираетъ творогъ.

— Вотъ вамъ и легенда!—при входѣ въ комнату воскликнулъ Костя.—Это даже противно. Женихъ только что увидѣлъ, послѣ мѣсяца разлуки, невѣсту и накинулся на творогъ, а она улыбается отъ счастья, что у него такой аппетитъ!

Это восклицаніе надѣлало переполохъ. Барышня вспыхнула, переконфузилась.

— Ничего, Оля, не смущайся. Изъ той невѣсты, которая заботится о насыщеніи жениха послѣ дороги, выйдетъ хорошая жена,—съ доброй улыбкой сказалъ Андрей Сергѣевичъ.

— Петръ Васильевичъ,—обратился онъ ко мнѣ,—моя дочка Оля, моя жена Марфа Николаевна.

Хозяйка дома привѣтливо подала мнѣ руку.

— Садитесь, пожалуйста. Кушайте. Не знаю, будете ли сыты. У насъ все еще въ безпорядкѣ, ничего не запасено,—сказала она озабоченно, почти съ мольбой о снисхожденіи, поднимая на меня усталые мягкіе глаза; въ глубинѣ ихъ меня поразило какое-то скрытое нервное безпокойство. Потомъ я убѣдился, что безпокойство никогда не покидаетъ глазъ этой, повидимому, счастливой женщины.

Затѣмъ въ мою руку скользнула мягкая свѣжая ручка, и дѣвическіе глаза, съ робкимъ любопытствомъ, на мгновеніе остановились на мнѣ. Тутъ я убѣдился, что наивное выраженіе принадлежитъ губамъ Ольги Андреевны, всему ея лицу, но отюдь не этимъ красивымъ, задумчивымъ, не по возрасту, глазамъ.

— Какъ видишь, Петръ, здѣшніе хозяева народъ преоригинальный. Хозяинъ придаетъ необыкновенный вѣсъ кормежкѣ жениха невѣстой, а хозяйка, уставивъ столъ такимъ обиліемъ питій и яствъ, объявляетъ, что у нихъ ничего не припасено,—пожалъ плечами Костя.

Александръ Осокоринъ хохоталъ, его братъ съ женой сконфуженно улыбались. Но тутъ произошло со мной нѣчто курьезное. Возымѣвъ вдругъ необыкновенное стремленіе быть

любезнымъ съ молодой хозяйкой, я хотѣлъ подвинуть ей стулъ и вдругъ почувствовалъ, что ни стулъ не двигается, ни я не могу сдвинуться. Вѣроятно, моя физіономія выражала странность моихъ ощущеній, ибо Костя вдругъ весело закричалъ:

— Ура! Онъ прилипъ!

Я сдѣлалъ отчаянное усиліе рукой и ногами и не безъ напряженія отодралъ и стулъ, и ноги отъ липкаго пола, густо выкрашеннаго въ желтую краску.

— Ну, Петя,—завопилъ Сашка,—ужъ извини: съ этимъ ничего не подѣлаешь! Въ домѣ полъ былъ, точно въ конюшнѣ. Мы поручили выкрасить за-ново мѣстному маляру, а онъ такъ это сдѣлалъ, что полъ никакъ не можетъ высохнуть.

Я растерянно посмотрѣлъ на полъ. Онъ весь былъ въ довольно ясно оттиснувшихся слѣдахъ.

— Ужъ извините!—прошептала смущенно Марфа Николаевна. Глаза Ольги Андреевны также, какъ будто, съ робкимъ извиненіемъ посмотрѣли на меня. И вдругъ мнѣ стало такъ весело отъ этого взгляда, что я уже рѣшительно придвинулъ ей стулъ и, самъ садясь къ столу рядомъ съ ней, воскликнулъ:

— Помилуйте! Да это только весело. Вѣчная борьба между человѣкомъ и поломъ, тѣмъ, что человѣкъ попираетъ. Вѣчное сознаніе, что, не смотря на все коварство пола, человѣкъ все-же побѣждаетъ, освобождается.

— Ахъ, но это ужасно раздражаетъ!—сказалъ капризно техникъ Борисъ, отрываясь, наконецъ, отъ творогу,—знаете, этотъ полъ, мухи да комары—просто изводятъ здѣсь. Снизу липнешь къ полу; сверху садятся и язвятъ комары и мухи. И ночью отъ комаровъ ни минутки сна! понимаете, ни минутки!

Я присмотрѣлся къ лицамъ дамъ. Тѣнь утомленія лежала на чертахъ обѣихъ.

— Правда, знаете, мы почти не можемъ спать. Я еще кое-какъ. А бѣдная мама совсѣмъ не спитъ,—сказала милымъ жалобнымъ голоскомъ Ольга Андреевна.

Есть женсіе голоса, которые, какъ любимый мотивъ, берутъ сразу за душу... У этой маленькой барышни оказался именно такой.

— Подождите! Будетъ вамъ марля. Пошлю за ней въ Мозырь,—закипятился Александръ Осокоринъ.

— Эхъ, господа,—насмѣшливо махнулъ рукой его братъ Андрей,—побывали бы вы въ Сибири на Барабинской степи—вотъ тамъ мошкара. Викентій Евлампіевичъ! Вы не боитесь безсонницы и разстройства нервъ отъ прилипанія къ полу? повернулся онъ къ жениху, который отъ творогу, подъ шумокъ, перешелъ къ ветчинѣ.

— Я? Слава Богу, мои нервы въ порядкѣ,—съ пренебрежительной гордостью кинулъ Мидлишевичъ, отправляя въ ротъ кусокъ свиного сала и глядя умиленными, дѣйствительно влюбленными глазами на Ольгу Андреевну.

Она робко, съ трогательно-милой, смущенной улыбкой встрѣчала его взглядъ. Неужели и она влюблена? Въ этакого?—вертѣлось у меня въ головѣ. И вдругъ мнѣ захотѣлось уничтожить этого «купидона», заставить ее глядѣть только на меня! Не знаю, какъ это произошло. Но я неожиданно для себя овладѣлъ разговоромъ во все время завтрака. Я началъ разсказывать о путешествіи изъ Петербурга. Разсказалъ о Вильно, Векахъ, о портретѣ княгини Радзивиллъ... Я чувствовалъ, что я говорю оживленно, красиво, бойко—вѣроятно, увлекательно.

И я достигъ цѣли. Я говорилъ, а самъ чувствовалъ, что голубые, задумчивые глазки все пристальнѣе смотрятъ на меня... Когда я разсказывалъ о портретѣ Радзивиллъ, Мидлишевичъ вдругъ перебилъ меня восклицаніемъ:

— Петръ Васильевичъ влюбился въ этотъ портретъ!

Я сразу умолкъ и оглянулся. Всѣ съ большимъ вниманіемъ слушали меня, а дѣвичьи глаза, точно забывшись, такъ и остановились на мнѣ.

— Да, Викентій Евлампіевичъ правъ,—сказалъ я, отчеканивая слова,—я влюбился въ этотъ портретъ, влюбился какъ въ произведеніе-искусства, какъ въ воплощеніе красоты, изящества, богатой внутренней жизни, потому что тутъ не одна красота: въ этой женщинѣ чувствуется и страданіе, тайное страданіе молодой чуткой души... Ольга Андреевна—вы понимаете меня?—почти рѣзкимъ вопросомъ закончилъ я.

Она молчала. Она какъ будто немного поблѣднѣла. Отозвалась ея мать.

— Да, я это понимаю,—сказала тихимъ, нѣсколько взволнованнымъ голосомъ Марфа Николаевна,—страданіе въ изящномъ лицѣ можетъ быть очень поэтично.

И симпатичная барыня, точно смутившись отъ своихъ словъ, опустила глаза. Оля,—позволь ужъ для краткости такъ называть ее—вдругъ встала и поцѣлуемъ долгимъ, тихимъ поцѣловала мать. Я не знаю, что со мной сдѣлалось! Мнѣ показалось то, что она сдѣлала, такимъ граціознымъ, такимъ милымъ...

— Викентій Евлампіевичъ! а вѣдь Петръ своими разсказами, пожалуй, отобьетъ невѣсту,—вдругъ выпалилъ Костя.

Я почувствовалъ, что я краснѣю,—преподлое и давно забытое мною ощущеніе. Но выручилъ Андрей Сергѣевичъ.

— Оля, похлопочи о чаѣ,—даже какъ будто сурово сказалъ онъ.

Оля вышла изъ комнаты.

— Господа, чай мы пьемъ на воздухѣ. Тамъ меньше мухъ,— прибавилъ ея отецъ и всталъ. Всѣ тоже встали, усиленн отдирая подошвы.

— А это дѣйствительно раздражаетъ,—подумалъ я, освобождаясь въ свою очередь отъ пола.

Всѣ пошли изъ дому на воздухъ. Вотъ мое первое знакомство съ дамами. Описалъ съ добросовѣстностью автомата. Суди, какъ знаешь.

VII.

Чай въ здѣшней усадьбѣ пьютъ по одну сторону господскаго дома, отъ котораго большую часть дня падаетъ густая тѣнь. Въ этой тѣни стоитъ столъ, на него ставятъ самоваръ и чайный приборъ. Впослѣдствіи здѣсь предполагаютъ устроить террасу, пока же все ограничивается тѣмъ, что у стѣны дома навалено много сѣна, на сѣнѣ лежатъ подушки и пледы. На этомъ мѣстѣ, наиболѣе тѣнистомъ, всѣ мы проводимъ самую жаркую пору дня. Сада при усадьбѣ нѣтъ. Подобіе же палисадника, позади дома, съ невысокими кустами, не спасаетъ отъ солнца.

Когда мы, въ первый день моего пріѣзда, пришли сюда, Оля уже была за самоваромъ. Хозяйка, хозяинъ и я сѣли на табуреты къ столу, всѣ остальные повалились на сѣно.

— Вы видите любимѣйшую позу здѣшнихъ «господъ»,—не безъ язвительности сказалъ Андрей Сергѣевичъ.

— А вотъ вы сейчасъ услышите краснорѣчіе здѣшнихъ «не господъ!»—пародируя его язвительность, отозвался Костя Гороховъ.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола остановились три мѣстныхъ крестьянина. Собственно, я догадался, что это крестьяне; но по холщевымъ рубахамъ и штанамъ, по обуви, плетеной не то изъ ремней, не то изъ лыкъ, причемъ все это потасканное, рваное обнаруживало худыя, бронзово-загорѣлыя тѣла, ихъ можно было принять скорѣе за деревенскихъ нищихъ.

Лицо старшаго Осокорина непріятно напряглось, но онъ привѣтливо поклонился мужикамъ.

— Въ чемъ дѣло, друзья мои? — сказалъ онъ мягко, хотя глаза его блеснули холодной враждебностью.

«Друзья» принялись усиленно кланяться, чуть не до земли; они называли Андрея Сергѣевича съ какой-то чисто рабской нѣжностью «паночку», но въ ихъ лицахъ, темныхъ, изможденныхъ, морщинистыхъ, съ жидкими растрепанными бород-

ками, въ ихъ впалыхъ глазахъ чувствовалась тоже затаенная враждебность. Мнѣ сразу почуялось, что эти «друзья»—всего скорѣе ожесточенные враги.

Изъ бесѣдъ между «господиномъ» и «не-господами», какъ ихъ называлъ Костя, это стало для меня еще яснѣе.

Краснорѣчіе я, дѣйствительно, услышалъ удивительное. Дѣло шло о правѣ пользоваться мелколѣсьемъ, которое въ нѣкоторыхъ участкахъ предоставили мужикамъ Осокорины, за извѣстную работу, между прочимъ, и окапываніе канавы-ѣздовни. По мнѣнію почтенныхъ представителей Полѣсья (одинъ изъ нихъ оказался старостой деревни), было недостаточно для зимней топки того, что позволяли рубить какой-то «вязовникъ» въ участкѣ лѣса, который они называли особымъ именемъ. Но для того, чтобы это выразить, имъ потребовалось столько междометій, вводныхъ словъ, льстивыхъ восхваленій паночковъ, что, не зная ранѣе въ чемъ дѣло, трудно было бы понять: просятъ ли они чего нибудь, или только благодарятъ за то, что дано.

Впрочемъ, различіе темпераментовъ сказалось: староста говорилъ очень много, очень скоро, какъ-то захлебываясь и точно умиляясь надъ безконечными милостями «паночковъ»; высокій рыжій мужикъ держалъ руку постоянно на ножѣ въ кожаныхъ ножнахъ, висѣвшемъ у него на ременномъ поясѣ; онъ говорилъ рѣзко и враждебно, дергая шеей; онъ, хотя и увѣрялъ, что паночки—«таки умны, таки добры», но твердилъ, однако: «намъ не можно, не можно намъ»; голосъ его звучалъ иногда почти торжествующей злобой и угрозой; третій мужикъ, болѣе молодой, упорно-недовѣрчиво молчалъ.

Иногда старостѣ казалось, что рыжій говоритъ тономъ совсѣмъ непочтительнымъ. Тогда онъ умоляюще скрещивалъ на груди почти черныя, мозолистыя руки и взывалъ: «Павло, Павло! Помолчи. Ты молчи. Я же говорю. Я же говорю».

Павло на мгновеніе умолкалъ, но потомъ опять перебивалъ старосту и твердилъ угрожающе:

— Намъ не можно. Человикамъ совсимъ не можно. Паны милостивы, тилько рубить намъ треба.

Иногда точно запутавшись въ своей аргументаціи, оба деревенскихъ ходатая тяжело умолкали, отирали потъ, ручьемъ катившійся съ ихъ лицъ, и истомленными глазами безпомощно смотрѣли на «пановъ».

Старшій Осокоринъ пользовался этими паузами. Онъ хладнокровно, почти ласково, слово за словомъ, объяснялъ имъ, что рубить тотъ лѣсокъ, который они просили, позволить не можетъ; хочетъ его расчистить, подсушить въ немъ почву и выростить его; что по собраннымъ имъ свѣдѣніямъ, дозволеннаго рубить совершенно достаточно на топку; что онъ же-

лаетъ крестьянамъ добра, и, если они перестанутъ жадничать въ выпрашиваніи льготъ, ему легче будетъ поддерживать и ихъ въ ихъ хозяйствѣ; что онъ желаетъ только разумной совмѣстной работы.

Надо отдать справедливость Андрею Сергѣевичу—онъ говорилъ все это очень убѣдительно, просто и доступно. И я думаю: полѣщуки его понимали. Староста даже не разъ причмокивалъ языкомъ въ умиленіи и восторженно подмигивалъ своимъ товарищамъ: дескать, какъ разумно говоритъ панъ. Но едва панъ смолкалъ, думая, что онъ убѣдилъ, начиналось прежнее: молодой мужикъ мрачно молчалъ, староста путался въ массѣ междометій и вводныхъ словъ, а рыжій мужикъ, упорно сжимая ножъ, вызывающе твердилъ:

— Намъ не можно. Не можно намъ. Человикамъ не можно.

И снова краснорѣчіе «не-господъ» тянулось; снова староста убѣждалъ Павло, что «онъ, староста же, говоритъ же, а ты помолчи, помолчи». И Павло умолкалъ на минуту и снова принимался за тоже.

Андрей Сергѣевичъ съ холодно-мрачнымъ лицомъ дожидался паузы и опять еще убѣдительнѣе приводилъ свои доводы. Онъ только блѣднѣлъ, да глаза его все болѣе тухли въ унылом озлобленіи. Но и въ лицахъ крестьянъ враждебность росла, даже глаза мягкаго и, очевидно, впечатлительнаго старосты какъ-то хмуро ушли въ ихъ глубокія впадины.

Не знаю, долго ли бы продолжалось это томительное объясненіе, но выручилъ управляющій Осокориныхъ. Онъ незамѣтно вышелъ изъ сарая, въ глубинѣ двора; подошелъ къ мужикамъ, прислушался—и вдругъ, настойчиво отодвигая полѣщуковъ подальше отъ господскаго стола, заговорилъ:

— Что раньше условлено, братцы, то и будетъ соблюдено. Сами условились. Не малые ребята. А теперь будетъ. Будетъ. Будетъ! Андрей Сергѣевичъ, Александръ Сергѣевичъ! Вы желали новую сѣнокосилку посмотрѣть въ дѣлѣ. Она сейчасъ выѣдетъ изъ сарая.

Эта диверсія управляющаго произвела блестящее дѣйствіе. Полѣщуки безпомощно замигали, замолчали и попятились. Изъ сарая выѣхала запряженная парой сѣнокосилка, сверкая щегольской алой окраской и сталью многочисленныхъ рѣзаковъ. Лошадей подъ уздцы велъ работникъ въ такомъ же нищенскомъ костюмѣ, какъ и деревенскіе ходатаи.

— Папа! Постойте! Я буду править!—закричалъ техникъ Борисъ, вскакивая съ сѣна, и съ цѣпкой быстротой обезьяны вскарабкался на сидѣнье косилки. Онъ погналъ лошадей. Рѣзаки, какъ гребенка, проходили по довольно высокой травѣ двора, оставляя правильныя пряди срѣзаннаго сѣна и безпомощно двигаясь по воздуху на уклонахъ и углубленіяхъ почвы.

Борисъ весело покрикивалъ на лошадей. Управляющій пріятно улыбался. Полѣщуки стояли въ сторонѣ и смотрѣли. Недовѣріе къ этому красному чудищу, грызшему траву, и иронія надъ вѣрой въ него господъ отразились на ихъ лицахъ. Сашка Осокоринъ, потряхивая брюшкомъ, бѣжалъ за сѣнокосилкой и выкликалъ:

— Отлично, отлично! посмотрите!

Женихъ прыгалъ вслѣдъ за нимъ, выражая на лицѣ полное упоеніе. Одинъ Костя не сдвинулся съ сѣна. Дамы продолжали сидѣть у стола. Обѣ были грустно задумчивы. Андрей Сергѣевичъ всталъ. Онъ смотрѣлъ, но не на машину, а на лица полѣщуковъ. Очевидно, онъ ждалъ впечатлѣнія машины на этихъ «друзей».

Вдругъ рыжій мужикъ вызывающе-нагло засмѣялся и сказалъ громко:

— Ото ей поломаютъ зубья наши болота!

Андрей Сергѣевичъ совсѣмъ поблѣднѣлъ.

— Ѳома Сидоровичъ!—сказалъ онъ глухо управляющему,—пусть идутъ. Нечего съ ними больше разсуждать.

Ѳома Сидоровичъ ловко и быстро выпроводилъ полѣщуковъ со двора. Борисъ въѣхалъ съ машиной въ сарай. Марфа Николаевна и Оля озабоченно смотрѣли на Андрея Сергѣевича.

— Этакіе идіоты! Ничѣмъ ихъ не вразумишь!—негодовалъ Сашка, важно шагая по двору. Женихъ шагалъ въ ногу съ нимъ и пожималъ плечами.

На Костю вдругъ напала необыкновенная игривость. Лежа на сѣнѣ, онъ замахалъ ногами и комически запѣлъ «Янки Дудль» по-англійски. Андрей Осокоринъ хмуро сѣлъ къ столу. Казалось, выходка Кости раздражила его болѣе всего остального. Но этотъ человѣкъ—полный хозяинъ, по крайней мѣрѣ, самого себя. Черезъ мгновеніе онъ уже сдержанно улыбался и спокойно говорилъ управляющему:

— Ѳома Сидоровичъ, завтра объѣдемте этотъ участокъ. Я хочу самъ посмотрѣть. Господа,—обратился онъ ко всѣмъ намъ,—не желаетъ-ли кто сопутствовать, посмотрѣть здѣшніе лѣса? Предупреждаю—придется потрястись и верхомъ, да и пѣшкомъ попотѣть. Есть мѣста почти непроходимыя. Оля, ты, конечно, со мной ѣдешь,—положилъ онъ руку на плечо дочери и ласково остановилъ усталые глаза на ея глазахъ.

— Конечно, папа!—тихо отвѣтила дѣвушка, грустно припадая головой къ его плечу,— и какъ было просто и граціозно ея движеніе!

— Андрей Сергѣевичъ, позвольте мнѣ васъ сопровождать. Хотя я въ качествѣ питерца и, не Богъ знаетъ, какой ходокъ и наѣздникъ, но, авось, смогу,—внезапно вырвалось у меня.

— Поѣдемте. Хорошо!—протянулъ онъ мнѣ руку.

Потомъ остановилъ взглядъ на Мидлишевичѣ, упорный, внимательный взглядъ. Женихъ какъ-то осѣлъ.

— Я тоже поѣду,—сказалъ онъ торопливо.

— Надѣюсь, разъ невѣста ѣдетъ,—улыбнулся его будущій тесть.

Однако, подумалъ я, любимца-то въ ежовыхъ рукавицахъ держатъ. Недаромъ онъ здѣсь такъ мало говоритъ и все какъ-то сжимается.

— Такъ я завтра къ 7 часамъ утра все приготовлю, отлично съѣздимъ,—весело сказалъ управляющій и пошелъ въ сарай.

— Видѣли Ѳому Сидоровича?—спросилъ меня сдержанно старшій Осокоринъ.

— Онъ, должно быть, не здѣшній, великоруссъ,—отозвался я.

Дѣйствительно, управляющій—вылитый ярославецъ, или владимірецъ, даже его фуражка, длинный пиджакъ и сапоги бутылками пахнутъ средней Россіей. А кудрявая голова съ острыми глазками и русой бородкой такъ и дышатъ хитростью и ловкостью сидѣльца въ петербургской зеленной лавкѣ.

— У васъ примѣтливый взглядъ,—похвалилъ меня Андрей Сергѣевичъ.—Ѳома родомъ изъ средней Россія. Управлялъ имѣньями въ Саратовской, Симбирской. Ловкій и умный исполнитель. Подождите: латыши, машины, да я съ Ѳомой—выведемъ эти болота, да и дичь изъ головы полѣщуковъ! Съемку торфа, раціональное лѣсное хозяйство, улучшенное травосѣяніе и скотоводство—все пустимъ въ ходъ! Теперь на хлѣбѣ не очень выѣдешь, ну а все это еще годится. Поработаемъ. И наша молодежь намъ поможетъ. Оля! а? Викентій Евлампіевичъ, правъ я?—неожиданно обратился онъ къ дочери и ея жениху.

Оля посмотрѣла въ его лицо ясными и милыми глазами и смущенно сказала:

— Ты самъ знаешь, папа!

Женихъ же суетливо и поспѣшно заговорилъ:

— Андрей Сергѣевичъ! Я весь, весь вашъ!

Ба! да и тебя хотятъ въ культиваторы Полѣсья запречь!—подумалъ я не безъ изумленія.

Костей Гороховымъ, продолжавшимъ валяться на сѣнѣ, снова овладѣлъ бѣсъ озарничества. Онъ опять задрыгалъ ногами и запѣлъ своего «Янки». Андрей Сергѣевичъ опять нахмурился. Но въ это время изъ сарая выѣхалъ верхомъ Борисъ и вывелъ въ поводу за собой верховыхъ лошадей.

— Папа, мы съ дядей, Константиномъ Ильичемъ, и Викентіемъ поѣдемъ кататься!—объявилъ безапеляціонно этотъ, кажется, балованный сынокъ.—Не хотите-ли?—обратился онъ ко мнѣ.

— Нѣтъ, я сегодня нѣсколько усталъ отъ дороги,—отка-

зался я. Въ сущности же, мнѣ не хотѣлось встать изъ-за стола, за которымъ сидѣла симпатичная Марфа Николаевна и... и ну, конечно, Оленька.—Вы не поѣдете?—освѣдомился я у барышни.

—Она у меня наѣздница отличная, но ѣздитъ только со мной, по дѣлу,—не безъ гордости объявилъ Андрей Сергѣевичъ.

Всѣ кавалеры, кромѣ его и меня, взгромоздились на лошадей и поѣхали. Онъ пошелъ къ управляющему. Марфа Николаевна тоже встала и пошла по хозяйству. Я за столомъ остался одинъ съ Олей. Сознаюсь, мнѣ было немножко неловко, но и пріятно.

— Вы такая дѣловая барышня?—началъ я разговоръ.

— Нѣтъ, но папа хочетъ, чтобъ я здѣсь въ хозяйствѣ все понимала. Онъ хочетъ, чтобъ, когда я выйду за Викентія Евлампіевича,—мы жили здѣсь и хозяйничали вмѣстѣ съ нимъ и мамой!—отвѣтила она очень просто.

— А Викентій Евлампіевичъ ничего не имѣетъ противъ?—спросилъ я.

— Онъ! противъ того, что хочетъ папа!—даже удивилась барышня.

— Однако, онъ мнѣ много разсказывалъ дорогой про себя, а объ этомъ ни слова,—замѣтилъ я.

— Папа не любитъ, чтобъ кто нибудь разбалтывалъ его планы, прежде чѣмъ они осуществились. Викентій Евлампіевичъ это знаетъ,—отвѣтила Оля.

Ну, ну!—подумалъ я—школятъ таки здѣсь «купидона». И строго, должно быть. Вѣдь не смотря на всю свою несуразную болтливость, промолчалъ объ этомъ...

— У Викентія Евлампіевича очень мягкій характеръ, и онъ во всемъ слушается папы,—точно угадывая мою мысль, сказала Оля.

— А васъ?—неожиданно выпалилъ я.

Она пристально посмотрѣла на меня. Потомъ медленно и также просто отвѣтила:

— И меня слушается. Мы съ нимъ съ дѣтства знакомы. Еще когда я была совсѣмъ дѣвочкой, онъ слушался меня.

Да ты, голубушка, и теперь дѣвочка — просилось на мои губы. Но я промолчалъ. Я только внимательно смотрѣлъ на ея милое, ясное лицо и вдругъ, какъ контрастъ этому лицу, вспомнилъ портретъ въ Веркахъ... И то красота, и это красота—думалось мнѣ. Но какая разница! И между тѣмъ... Что между тѣмъ? я не досказалъ самому себѣ.

Къ намъ подошелъ отецъ Оли. Мнѣ показалось, что онъ очень внимательно посмотрѣлъ и на нее, и на меня. Потомъ нѣжно, но крѣпко полуобнялъ ее, приподнялъ за талью со стула и сказалъ:

— Пойдемъ-ка! Помоги мнѣ крестьянскія росписки разобрать. Мы здѣсь также подъ работу и мелкій кредитъ оказываемъ,—объяснилъ онъ мнѣ.—А вы не хотите-ли отдохнуть? Въ вашей комнатѣ все готово. На право отъ столовой,—прибавилъ онъ.

Мнѣ ничего не оставалось, какъ идти отдохнуть,—что, впрочемъ, сдѣлаю и теперь, ибо рука онѣмѣла.

VIII.

Отдохнуть! легко это сказать, но не всегда легко сдѣлать. Когда, по указанію Андрея Сергѣевича, я вошелъ въ отведенную мнѣ комнату, рядомъ со столовой, и, усиленно отдирая отъ пола прилипающія къ нему ноги, добрался до кушетки, я пролежалъ на ней всего минуты двѣ. Аттака мухъ и комаровъ—окно было отворено—оказалась такъ сильна, что я вскочилъ, схватилъ свой плэдъ, растянулъ его во всю длину и ширину и, съ ногъ до головы окутавшись въ него, какъ бабочка въ коконѣ, снова легъ. Комарамъ удавалось кусать мое лицо и руки и сквозь плэдъ, но все же меньше, главное же, мухи—совершенно не безпокоили своими клейкими раздражающими лапками. И все таки я не могъ заснуть. Да, не могъ. И не отъ мухъ, ни отъ нѣкоторой духоты подъ плэдомъ.

Очевидно, эта экспромтомъ предпринятая поѣздка на лоно природы совсѣмъ вывела изъ равновѣсія мою психику. Какъ маятникъ, который не въ мѣру раскачала щелчкомъ рука шалуна, безтолково мотается и никакъ не можетъ остановиться, такъ и въ моей душѣ что то безтолково, неудержимо колебалось въ то время, какъ лучи солнца золотыми искорками сверкали сквозь неуловимыя клѣтки моего поношеннаго плэда. Я лежалъ неподвижно, вытянувшись, судорожно стянувъ всего себя плэдомъ, и «анализировалъ» свои ощущенія.

Шалишь! говорилъ я себѣ — пора пріостановить немного душевный маятникъ, чтобы онъ снова началъ отбивать равномѣрно и спокойно ощущенія «заплѣсневѣлаго» петербуржца и газетчика съ сѣдѣющей бородой. А для сего—строгій самоанализъ. Въ чемъ дѣло? Виленскія впечатлѣнія, портретъ въ Веркахъ, чудное озеро, купанье въ немъ, его легенда—все это одно за другимъ разбудили и въ душѣ, и въ освѣженномъ тѣлѣ уснувшую въ питерской сутолкѣ и обыденщинѣ энергію, если можно такъ выразиться, почти заглохнувшихъ эстетическихъ ощущеній и инстинктовъ.

Для окончательнаго исхода этой энергіи нуженъ былъ разрядникъ, фокусъ, средоточіе. Что всего скорѣе въ душѣ мужчины да еще заплѣсневѣлаго холостяка, можетъ служить такимъ

фокусомъ? Женщина, sans doute! Кто здѣсь пригодная для этого «женщина»? Не симпатичная же Марфа Николаевна, съ ея усталыми глазами, окруженными морщинками и нѣсколько сутулой отъ возраста спиной! Понятно—не она! А кромѣ нея, здѣсь одна: эта милая Grasaffe, какъ говорятъ нѣмцы—наивная, тихая, покорная, та несомнѣнно хорошенькая невѣста «купидона»....

Будь тутъ еще какая нибудь красавица—вопросъ, Оленькѣ ли бы пришлось съиграть по отношенію къ заплѣснѣвѣлому питерцу роль разрядника, фокуса и т. п. Любви, или «эротическаго» увлеченія тутъ, конечно, весьма мало; но эститическое томленіе нашло исходъ—это очевидно. Бояться, слѣдовательно, нечего. Почему же и не повздыхать? Сладостными, разумѣется, вздохами. Почему не позлить купидона, якобы отбиваю у него невѣсту? Почему не отплатить ему хоть этимъ за всю его несносную болтовню въ дорогѣ?..

Но надо быть на чеку. За предѣлы эстетическаго увлеченія ни, ни...

Ну а если этотъ самый фокусъ, этотъ разрядникъ съ своей стороны начнетъ разряжаться? Не будетъ ли легонькой подлостью, по отношенію къ барышнѣ, выбивать ее изъ мяконькой колеи, заботливо приготовляемой предусмотрительнымъ папашей въ видѣ этого купидона—жениха, вышколеннаго à la M-er Osokorine aîné? Это съ 40-лѣтней-то катаральной заплѣсневѣлой наружностью опасаться, чтобы милый 17-лѣтній разрядникъ разрядился въ вашу сторону?—Вѣдь какъ ни плохъ женихъ, все же онъ свѣжъ, молодъ, нѣсколько примитивно, но всетаки красивъ; да и влюбленъ, конечно, не только эстетически—съ нимъ ли бороться! Такъ что безъ страха и сомнѣнья заканчивалъ я, съ веселой игривостью въ душѣ, свой «анализъ».

И до того почувствовалъ себя обуреваемымъ бодростью и оживленіемъ, что не могъ больше лежать, сбросилъ однимъ движеніемъ плэдъ, вскочилъ на ноги, привелъ въ полный порядокъ свой костюмъ и шевелюру (вещи мои были уже въ комнатѣ) и мурлыча (почему?)

«По горамъ, по доламъ,
Ныньче здѣсь, а завтра тамъ»—

вышелъ изъ дому во дворъ.

«Анализъ» мой продолжался, очевидно, порядочное количество времени. Въ усилившейся тѣни отъ дома на столѣ уже все было готово къ обѣду. Даже миска съ горячимъ дымилась между приборовъ. Наѣздники вернулись. Все здѣшнее общество безъ исключенія стояло посреди двора, покатываясь отъ смѣху. Причиной этого былъ чудородъ Гороховъ. Онъ одинъ оставался на лошади и выдѣлывалъ на ней какіе-то фокусы. Я незамѣтно остановился позади зрителей.

Я скоро понялъ, что Костя, бойкій наѣздникъ (относительно его я не удивился бы, если бы онъ оказался проворнымъ акробатомъ), — показывалъ, какъ ѣздятъ верхомъ жокеи на скачкахъ, ковбои въ преріяхъ, милордъ въ Гайдъ-Паркѣ, гаучосъ въ Южной-Америкѣ и т. п. И надо отдать ему справедливость, все это выходило очень типично и очень комично...

Когда онъ изображалъ изнемогающаго, почти легшаго на лошадь, выпуча глаза, жокея передъ концомъ скачки, или, наоборотъ, вытянутаго, какъ столбъ, перпендикулярно къ спинѣ лошади милорда, совершенно distenguischcd, съ деревяннымъ лицомъ, всѣ помирали отъ смѣха. Сашка Осокоринъ хватался за животъ съ какимъ то визгомъ, Борисъ отъ корчей началъ кувыркаться, Мидлишевичъ выпучилъ глаза, раскрылъ ротъ и выпаливалъ изъ этого рта короткими взрывами почти дѣтскаго хохота. Даже Андрей Осокоринъ и его жена, люди вообще сдержанные, смѣялись весело и довольно громко.

Оленька же,—ну, честное слово, я давно, а, можетъ быть и никогда не слыхалъ такого очаровательнаго серебристаго смѣха! Щеки ея покрывались прелестнѣйшими ямочками и розовѣли такой чудной краской, что я, въ полоборота смотря на нее, — готовъ былъ схватить въ руки ея головку и разцѣловать!

Продѣлавъ всѣ свои штуки, Костя спрыгнулъ съ лошади и объявилъ совершенно гробовымъ голосомъ:

— Не понимаю, чему вы, лэди и джентельмены, смѣетесь: у человѣка отъ этой проклятой скачки животъ подвело, отъ супа до его ноздрей достигаетъ дивный ароматъ, а его ни хозяйка, ни очаровательная полухозяйка не зовутъ обѣдать!

— Обѣдать, обѣдать!—захлопавъ въ ладоши, воскликнула Оленька и громко прибавила съ явной озабоченностью:

— А Петръ Васильевичъ? Его надо разбудить!

Странная вещь—мелочь! Иная мелочь изъ мелочей, а какое дѣйствіе производитъ. Хоть бы, напримѣръ, эта: что можетъ быть проще и незначительнѣе факта, что дочь хозяевъ, когда поданъ обѣдъ, вспоминаетъ, что надо разбудить и позвать къ столу гостя? Между тѣмъ то, что Оля первая вспомнила обо мнѣ, точно сладостно обожгло мою грудь. Я даже отъ радости слегка покраснѣлъ. Но «анализъ», анализъ—успѣлъ я внушить себѣ, сейчасъ же объяснивъ всю естественность и простоту ея заботливости обо мнѣ.

Скромно выступивъ впередъ, я мягко сказалъ:

— Ольга Андреевна, вы ошибаетесь, полагая, что я спалъ. Я просто кейфовалъ на кушеткѣ, сражался съ комарами и мухами и...

— Я говорилъ, что они ни минуты не дадутъ спать! пе-

ребилъ меня Борисъ, вернувшись изъ сарая, куда отвелъ лошадь Кости.

— Но онъ еще съ чѣмъ то сражался, несчастный!—провозгласилъ тономъ плаксиваго участія Гороховъ.—Съ чѣмъ ты еще сражался?

— Съ фантазіями, которыя приходили въ голову,—усмѣхнулся я.

— А что это за фантазіи? можно узнать? — неожиданно спросила Оля.

Э!—подумалось мнѣ — не легкое ли кокетство со стороны «разрядника»?

— Но, господа, за столъ, прошу, — позвала Марфа Николаевна.

Усѣлись обѣдать.

— Вы желали знать, что это за фантазіи? — обратился я, глотая супъ, къ Олѣ, которая противъ меня разливала своими милыми ручками этотъ супъ.

— Да, сказала она съ совершенно невиннымъ взглядомъ. Только что я раскрылъ ротъ, чтобы отвѣтить что то необычайно остроумное, раздался спокойный голосъ Андрея Сергѣевича.

— Напрасно думаютъ, что фантазіи людей особенно интересны. Природа, дѣйствительность всегда выше фантазіи. Что хотите возьмите. Можно ли выдумать что нибудь грандіознѣе Ніагары? драматичнѣе исторіи Клеопатры и Антонія? прелестнѣе розы подъ утренней росой? А это все было или существуетъ...

— Чортъ возьми, Андрей Сергѣевичъ! вы вдались въ поэзію. Только вы ошибаетесь. Ніагару я самъ видѣлъ. Никакой истинной грандіозности. Просто какая-то чертовщина. Хаосъ довременный! Мое положеніе, когда я былъ безъ сапогъ, навѣрное драматичнѣе положенія Клеопатры. Дура! Октавій предлагалъ ей пройтись за его колесницей пѣшкомъ по Риму и, конечно, въ сандаліяхъ пройтись, не босой. Изъ за этого кончать съ собой!—резонировалъ невозмутимо Костя.

— Вы правы! Человѣкъ безъ сапогъ, зимой на сѣверѣ— это одно изъ самыхъ драматическихъ положеній; но вѣдь это и не рѣдкая дѣйствительность, не фантазія... Я только противъ фантазій,—возразилъ старшій Осокоринъ.

— Вы абсолютно противъ фантазія?—спросилъ я его.

— Абсолютно,—отрѣзалъ онъ.—Пустая трата умственной и духовной энергіи.

— А поэзія, искусство?—кинулъ я не безъ ироніи этотъ капитальный вопросъ.

— Искусство—праздное время провожденіе, фантазія, такъ сказать, въ дѣйствіи, въ матерьяльной работѣ. Ну а безъ поэзіи, конечно, не проживешь. Но поэзія вовсе не нуждается ни въ

фантазіи, ни въ искусствѣ,—заявилъ спокойно Андрей Сергѣевичъ.

— Это какъ-же?—удивился я...

— Хотите поэзіи? — усмѣхнулся онъ.—Ступайте на озеро, любуйтесь, въ лѣсъ, дышите, наслаждайтесь; молоды, какъ, напримѣръ, Викентій Евлампіевичъ...

— Поцѣлуйте Ольгу Андреевну!—перебилъ его съ своей инфернальной невозмутимостью Костя.

Оля вспыхнула, покраснѣлъ и женихъ. Андрей Сергѣевичъ спокойно посмотрѣлъ на Костю, потомъ также спокойно произнесъ:

— Я именно это и хотѣлъ сказать.

— Ну, а если поэзіи пожелаетъ въ данный моментъ не одинъ Викентій Евлампіевичъ?—осторожно вставилъ я.

— Каждый заведи свою Ольгу Андреевну!—пожалъ плечами Андрей Сергѣевичъ.

— Да, тутъ вонъ она одна! Да еще такъ прелестно конфузится! Посмотрите!—съ комическимъ изумленіемъ возопилъ Гороховъ...

Оля дѣйствительно пылала, какъ утренняя заря. Прелестна она была невыразимо. Бѣдняга женихъ смотрѣлъ на нее, разинувъ ротъ, и совсѣмъ забылъ объ ѣдѣ.

— Господа, господа! Довольно! Смутили Олю,—вступилась, наконецъ, молчавшая Марфа Николаевна.

Она это сказала такъ серьезно, что всѣ затихли. Нѣкоторое время, и довольно долгое, тянулось молчаніе.

Всѣ усердно ѣли. Наконецъ, Андрей Сергѣевичъ, точно желая показать, что не слѣдуетъ снова возбуждать подобныя игривыя пренія въ присутствіи барышни, усиленно началъ толковать съ братомъ о хозяйственныхъ дѣлахъ. Рѣчь шла о сдачѣ озера и огорода въ аренду еврею Зелю для ловли рыбы и сниманья огурцовъ.

Александръ Осокоринъ говорилъ, что оный Зель, наживающій деньги арендами всякаго рода, не заслуживаетъ того довѣрія, какое не прочь былъ питать къ нему Андрей Сергѣевичъ. Послѣдній же настаивалъ на томъ, что скорѣе повѣритъ мошеннику-еврею, чѣмъ честнѣйшему русскому, ибо еврей точно знаетъ выгоды и свои, и чужія, а если знаешь эти выгоды самъ, легко поймешь и всю систему дѣйствій еврея, значитъ, будешь знать, что дѣлать; въ «честности» же русскихъ людей самъ чортъ ногу сломаетъ.

Борисъ и «женихъ» присоединились къ этому спору, держа сторону старшаго Осокорина. Александръ вдругъ оказался свирѣпымъ антисемитомъ и патріотомъ. Онъ началъ кричать и безтолково махать руками. Костя, гаерничая, принялся изображать еврея, который защищается отъ обвиненія въ лукавствѣ.

А я молчалъ, ѣлъ и смотрѣлъ на Олю. Она какъ будто не слушала. Она сидѣла, потупившись, все еще немного раскраснѣвшаяся, грустная... Я думалъ, смотря на нее: бѣдная дѣвочка, ее оберегаютъ отъ всякихъ фантазій, ее воспитали такъ, что она на смѣлыя шутки можетъ только краснѣть и конфузиться, тогда какъ петербургская барышня наболтала бы съ три короба; ее готовятъ въ хозяйки и въ мирныя жены кроткому идіоту, и у нея даже нѣтъ и мысли сопротивляться этимъ проектамъ; а между тѣмъ нѣтъ ли у нея своихъ фантазій? И если эти фантазіи разцвѣтутъ полнымъ цвѣтомъ въ ея юной душѣ, кого ей цѣловать? Купидона-жениха?..

Я это думалъ и смотрѣлъ на Олю. Я вздрогнулъ. Она, очевидно, почувствовала, что я смотрю на нее. Она вдругъ взглянула на меня, потупилась и вся вспыхнула... Я поспѣшилъ отвести отъ нея взглядъ.

Подъ неудержимыя антисемитическія тирады Сашки, настойчивыя опроверженія его брата и визгливую пародію еврейскаго говора Кости обѣдъ кончился. Подали чай. Всѣ мужчины, кромѣ меня, растянулись на соломѣ и задремали. Я долго бесѣдовалъ съ Марфой Николаевной и Олей за чайнымъ столомъ... О чемъ? Рѣшительно не помню. О всевозможныхъ пустякахъ... Но я былъ счастливъ, толкуя о пустякахъ съ этой задумчивой пожилой женщиной и съ молчаливой и какъ-то удивительно чутко внимательной Олей.

Незамѣтно стемнѣло. Послѣ жары настала отрадная прохлада. Мужчины проснулись. Начали пить чай. Стало совсѣмъ темно. На столъ поставили лампы съ стеклянными шарами. Изъ-за черныхъ гребней тучъ выплыла луна. Круглая, ясно очерченная. Комары точно сразу расплодились. Тучи ихъ носились во тьмѣ и кусали, кусали нестерпимо, не смотря на зажженные вокругъ стола костры. Всѣ отбивались отъ нихъ съ ожесточеніемъ. Наконецъ, точно истомленные этой непосильной борьбой, разошлись по комнатамъ спать.

Да? Такъ фантазіи не нужны? — вспоминались мнѣ слова отца Оли, когда я вошелъ въ свою комнату. А если у нея есть свои фантазіи? Да не фантазія-ли и весь мой «анализъ»?.. Какъ ты думаешь, пріятель? Твой Б.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

В. Михеевъ.

Борьба за избирательную реформу въ Англіи и реформа 1832 г.

V.

Палата, съ упорной энергіей поддерживавшая всѣ мѣры министерства, покрывавшая безъ малѣйшихъ колебаній всѣ, даже беззастѣнчивыя, дѣйствія министровъ, съ ужасомъ смотрѣвшая на малѣйшую попытку затронуть «совершенѣйшее изъ учрежденій», окончила свое существованіе. 10 іюня 1818 г. парламентъ былъ распущенъ, новые выборы были назначены, и принцъ-регентъ въ посланіи къ отходящей палатѣ выражалъ твердую увѣренность, что «возрастающее благосостояніе страны укрѣпитъ въ народѣ чувства привязанности къ конституціи, этому источнику всѣхъ благъ» *). Съ особеннымъ удареніемъ благодарилъ онъ палату за тѣ заботы объ увеличеніи числа храмовъ господствующей церкви, которыя она высказала въ свою послѣднюю сессію, ассигновавши милліонъ ф. стерл. для этой цѣли.

Но увѣренность принца-регента была не болѣе, какъ оффиціальной фразой, которой врядъ-ли кто либо въ то время въ Англіи придавалъ серьезное значеніе. Ни у кого, ни изъ дѣятелей палаты, ни изъ членовъ министерства, не было и тѣни сомнѣнія въ томъ, что въ странѣ, въ особенности среди большинства неправоспособнаго населенія, ни палата, ни министерство не только не пользовались популярностью, но напротивъ, вызывали своимъ образомъ дѣйствій, беззастѣнчивостью средствъ, къ которымъ они прибѣгали, сильнѣйшее раздраженіе. Не было ни для кого тайной, что движеніе въ пользу реформы не заглохло въ странѣ, не смотря на временную отмѣну habeas corpus, и что вопросъ о ней будетъ выдвинутъ вновь, при новой палатѣ. И это,—не безъ ядовитости замѣчаетъ одинъ современный писатель,—сказалось и въ послѣднія засѣданія палаты. «Хотя парламентъ былъ въ полномъ цвѣтѣ лѣтъ, писалъ хроникеръ въ Annual Register, хотя большинство всегда и однообразно

*) Annual Register. 1818, 278—9.

поддерживало министерство, тѣмъ не менѣе нѣкоторые члены палаты стали присоединяться къ болѣе популярной сторонѣ» *).

Общіе выборы 1818 года сосредоточили, поэтому, на себѣ вниманіе всѣхъ въ Англіи. Избирательная борьба была необыкновенно горячей и упорной. Чувства взаимнаго раздраженія обѣихъ партій парламента сказывались и въ рѣчахъ кандидатовъ, и въ газетныхъ статьяхъ, и оппозиція пустила въ ходъ всѣ средства, чтобы воспользоваться непопулярностью министерства и отошедшей къ праотцамъ палаты. Почти въ 100 избирательныхъ округахъ выставлены были кандидаты оппозиціи, и усилія послѣдней были такъ велики, что вызвали опасенія сторонниковъ министерства. Потеря 30—40 мѣстъ считалась въ министерскихъ кружкахъ болѣе, чѣмъ вѣроятной **). На дѣлѣ министерство потерпѣло пораженіе лишь въ Лондонскомъ Сити, въ Уэстминстерѣ и нѣкоторыхъ другихъ мѣстахъ; оно потеряло, по его словамъ, лишь 14 мѣстъ, а оппозиція выиграла всего около 30 и со 140 поднялась до 173; de facto, этотъ итогъ сводился къ меньшей цифрѣ, такъ какъ вся партія Гренвилля, съ закрытыми глазами вотировавшая за министерство, была включена въ составъ оппозиціи. Лишь появленіе въ рядахъ оппозиціи нѣсколькихъ независимыхъ членовъ, проявившихъ свою дѣятельность позже, въ двадцатыхъ годахъ, особенно въ 1825 г., было новымъ и не лишеннымъ важности факторомъ для будущаго ***).

Положеніе дѣлъ, такимъ образомъ, осталось безъ перемѣны: въ палату вернулось старое большинство почти въ прежнемъ видѣ, министерство сохранило всѣ свои мѣста, и, естественно, старый образъ дѣйствій долженъ былъ возобновиться опять при наступленіи обстоятельствъ, сходныхъ съ обстоятельствами 1816—1818 гг. Разсчитывать на новую палату было также мало основаній, какъ и прежде, разъ болѣе половины всѣхъ голосовъ было безусловно на сторонѣ восторжествовавшаго министерства, располагавшаго не малымъ количествомъ округовъ и не сидѣвшаго сложа руки во время избирательной горячки. Возлагать надежды на оппозицію, въ рядахъ которой лишь немногіе искренно отнеслись къ дѣлу реформы, было нечего, и тѣмъ сильнѣе должно было проявиться чувство недовольства существующими порядками выборовъ въ странѣ. Новый опытъ выбора палаты вновь и съ очевидною ясностью указывалъ на полное и радикальное несоотвѣтствіе между настроеніемъ большинства населенія и тѣмъ меньшинствомъ, которое держало въ своихъ рукахъ власть,

Уже на первыхъ порахъ обнаружилось, что палата и министерство пойдутъ по старому пути. Буквально та же фраза, которою открыта была сессія 1816 года, въ моментъ полнаго раз-

*) Ann. Reg., 1818, 332.
**) Greville, I, 2.
***) Annual Reg., 1818, 334.

гара экономическаго кризиса, разразившагося надъ Англіей, повторена была и въ январѣ 1819 года. Парламенту было заявлено 21 января, въ день открытія его засѣданій, что торговля и промышленность находятся въ самомъ цвѣтущемъ положеніи, что доходы казначейства прогрессирують и что, поэтому, задача сессіи должна заключаться лишь въ поддержаніи этого положенія дѣлъ,—не болѣе *). О какихъ либо серьезныхъ проектахъ со стороны министерства не было и рѣчи. Между тѣмъ,—и это было хорошо извѣстно министерству,—ни страна, ни финансы ея далеко не находились въ блестящемъ положеніи. Неустойчивость новаго экономическаго порядка вещей, создавшагося въ концѣ XVIII и въ началѣ XIX в., была полная, и состояніе кризиса, уже не первый разъ пережитаго страной, грозило всзродиться вновь. Симптомы приближающагося кризиса чувствовались въ странѣ уже въ концѣ 1818 г., и министерство получало отовсюду, отъ фабрикантовъ Лидса, какъ и отъ промышленниковъ Карлайля и др. мѣстъ, указанія на крайнюю подавленность оборотовъ съ каменнымъ углемъ и сукномъ. Оно скрыло отъ парламента эти сообщенія, старалось цифрами ввоза и вывоза доказать нормальное положеніе дѣлъ и лишь вызывало далеко нелестныя замѣчанія со стороны оппозиціи, указывавшей на сильное развитіе спекуляціи, проникшей и въ ряды мелкихъ торговцевъ и предпринимателей, охватившей всю Англію и создавшей искусственный балансъ ввоза и вывоза **). Между тѣмъ, на лицо были и факты другого рода, ясно свидѣтельствовавшія о крайне ненормальномъ положеніи дѣлъ. Альдерменъ Лондона, членъ палаты общинъ Уайтманъ, энергически протестовалъ противъ увѣреній министерства о процвѣтаніи страны (зас. 4 февраля) ***). «Нищета, говорилъ онъ, увеличивается все болѣе и болѣе, и лишь въ одномъ лондонскомъ приходѣ оказалось болѣе 100 лицъ, отказавшихся платить налогъ въ пользу бѣдныхъ, въ виду того, что сами они попали въ число этихъ бѣдныхъ». Масса рабочихъ очутилась безъ работы, безъ возможности найти ее, и все большее и большее количество ихъ стало эмигрировать въ Америку. Къ іюлю мѣсяцу эмиграція приняла такіе размѣры, что вызвала въ палатѣ пренія. Но и здѣсь министерство предложило лишь ассигновать 50 т. ф. стерлинговъ, да и то въ видѣ опыта для эмигрирующихъ, если они согласятся переселиться на мысъ Доброй Надежды, и отказалось придти на помощь эмигрирующимъ въ Америку. Напрасно представитель Лондона, Вудъ, указывалъ на то, что эмиграція есть зло для страны, и что въ Англіи нѣтъ недостатка въ земляхъ, которыя требуютъ обработки и могутъ быть съ избыткомъ розданы эмигрантамъ: его слова не нашли отклика въ палатѣ **).

*) Ann. Reg., 1819, 7.
**) Рѣчь Протеро. Ib. 27.
***) Ib.
***) Ib., стр. 253.

Она приняла предложеніе объ отправкѣ эмигрантовъ на мысъ Доброй Надежды, отправкѣ, на которую начали смотрѣть тогда, какъ на крупное дѣло, которое расширитъ сбытъ англійскихъ продуктовъ, обогатитъ Англію, а не Америку, дастъ занятія мелкимъ капиталистамъ и окажетъ содѣйствіе распространенію христіанства *). Но ассигнованная сумма была слишкомъ незначительна, чтобы ослабить сколько нибудь чувствительнымъ образомъ переполненіе рабочаго рынка, и кризисъ вовсе не устранялся принятой мѣрой. Лѣтомъ 1819 г. онъ обострился еще болѣе. Ткачи Айршира, писалъ лордъ Cassilis, буквально умираютъ съ голода; самое большее, что можетъ заработать наиболѣе искусный такчъ, это 2 шилл. 7 п. въ недѣлю, да и то при 14 — 16 часахъ ежедневной работы **). Даже первый министръ, Ливерпуль, вынужденъ былъ сознаться въ одномъ частномъ письмѣ, что положеніе дѣлъ въ Ланкаширѣ въ высшей степени опасно и требуетъ серьезнаго обсужденія и вниманія ***). Пониженіе рабочей платы и безработица царили здѣсь въ полной силѣ, и дѣло дошло до того, что даже 14 предпринимателей сочли себя обязанными протестовать противъ лальнѣйшаго пониженія рабочей платы, пониженія, которое они допустили подъ давленіемъ другихъ предпринимателей, но которое отражается, по ихъ словамъ, весьма вредно на производствѣ****). То же повторилось въ Ковентри и др. мѣстахъ, но не остановило дальнѣйшаго пониженія рабочей платы. Въ Карлайлѣ едва не вспыхнулъ бунтъ, и пришлось посылать войска, а въ каменно-угольныхъ копяхъ работы были частью пріостановлены, частью сокращены. Стачки сдѣлались обычнымъ явленіемъ и стали повторяться все чаще и чаще.

Между тѣмъ уже во время первыхъ же засѣданій парламента обнаружилось, что бывшія надежды на прогрессъ доходовъ казначейства болѣе чѣмъ сомнительны, что на дѣлѣ существуетъ значительный дефицитъ болѣе чѣмъ въ 10 милл., дефицитъ, требовавшій покрытія съ помощью экстраординарныхъ средствъ. Министромъ финансовъ былъ тотъ же Ванситторъ, финансовые проекты котораго вызвали взрывъ хохота даже въ палатѣ 1816 г., и его финансовая политика оставалась и въ 1819 г. столь же узкой и плохой, какъ и раньше. Рѣдкій даже изъ наиболѣе бездарныхъ министровъ финансовъ, когда-либо существовавшій въ Англіи, могъ бы быть поставленъ рядомъ съ Ванситторомъ. Заемъ, съ одной стороны, созданіе новыхъ налоговъ на сумму въ 3 милл. ф. ст. съ другой— вотъ тѣ средства, которыя, не задумываясь, предложилъ палатѣ Ванситторъ, расчитавшій, что наилучшимъ способомъ обезпечить правильное поступленіе новыхъ налоговъ послужитъ обложеніе при-

*) Ib, глава XI, стр. 335—336.
**) Buckingham. Regency, memoirs, II, 372.
***) Wellington, despalches, I, 76.
****) Webb, стр. 84.

возной иностранной шерсти. Съ 6 ш. 8 п. онъ поднялъ пошлину до 56 ш., и это какъ разъ въ тотъ самый моментъ, когда въ шерстяномъ производствѣ, составлявшемъ одну изъ главныхъ отраслей дѣятельности, обнаружился застой, и когда въ иностранной шерсти крайне нуждалась тогда англійская промышленность. Если уже въ 1818 г. финансовыя операціи министерства вызвали ѣдкія насмѣшки, то теперь дѣло получало болѣе серьезный оборотъ. Тогда Ванситторъ и его товарищъ заявляли, что они не могутъ избавить нисшіе классы населенія отъ налога на соль и уничтожить лоттереи (въ видахъ поднятія нравственности), такъ какъ имъ не дозволяютъ сдѣлать это размѣры доходовъ казначейства. «Но если, писалъ хроникеръ Annual Register, страна находится въ такомъ положеніи, что финансы ея будутъ подорваны, разъ послѣдуетъ отмѣна наиболѣе отяготительныхъ и безнравственныхъ налоговъ, то не лучше ли будетъ предпочесть первую изъ двухъ альтернативъ. Да и что мы можемъ подумать о министрахъ, которые заявляютъ: «Мы должны продолжать взиманіе налога, отяготительнаго въ высокой степени для народа, и налога, ведущаго его къ раззоренію матеріальному и нравственному, такъ какъ, въ противномъ случаѣ, намъ неоткуда уплачивать высшіе оклады, предложенные къ новому увеличенію?» *). Теперь, въ палатѣ общинъ, одинъ изъ вождей оппозиціи, Тіерней, ссылаясь на заявленіе самого же Ванситтора, что торговля въ застоѣ, и на петиціи, массами поступающія въ парламентъ изъ мануфактурныхъ и земледѣльческихъ округовъ, спрашивалъ, неужели палата отвѣтитъ на всеобщіе крики о нищетѣ и раззореніи утвержденіемъ проекта министерства? Неужели отвѣтомъ ея на нихъ будетъ только фраза: «мы желаемъ обложить васъ еще 3 милл. добавочнаго налога»? «Да, развѣ, говорилъ онъ, народъ Англіи камень, который можетъ выносить все и вся? Развѣ можно представить себѣ нѣчто болѣе возмутильное, чѣмъ такія слова, съ какими обращаются теперь къ нему: «такъ какъ вы вынуждены усиленно и тяжело работать, чтобы снискать самыя ничтожныя средства для пропитанія, то министерство сочло необходимымъ и единственно разумнымъ и законнымъ средствомъ для облегченія существующаго положенія дѣлъ обложить васъ еще немножко большими налогами, ибо вы недостаточно обложены» **). Въ странѣ проектъ министерства вызвалъ настоящую панику и раздраженіе. «Въ Сити царитъ полное уныніе, писали Бокингему ***); крики противъ Ванситтора становятся все громче и громче, ежедневно растутъ и раздаются почти отовсюду».

Нѣсколько затихнувшее было къ концу 1818 г. движеніе въ пользу реформы должно было при такихъ обстоятельствахъ возникнуть вновь и тѣмъ съ большею силою, что страна очутилась вновь

---

*) A. R., 1818, 329.
**) A. R., 1819, 136—7.
***) Buckingham, Regency, memoirs, II, 327.

лицомъ къ лицу и съ палатой, почти необновившеюся, и съ совершенно тѣмъ же составомъ министерства. Расчитывать на ихъ поддержку, а тѣмъ болѣе на какую либо иниціативу было нечего; до какой степени недовѣріе къ министерству царило въ странѣ, видно изъ того, что митингъ, созванный въ январѣ 1819 г. въ Манчестерѣ съ цѣлью требовать отмѣны хлѣбныхъ законовъ, вотировалъ резолюцію: подать петицію не въ палату и не министерству, а принцу-регенту. Къ лѣту движеніе стало усиливаться, и уже 1 іюля членъ палаты, лордъ Тавистокъ, сынъ герцога Бедфордскаго и одинъ изъ крупнѣйшихъ англійскихъ землевладѣльцевъ, внесъ отъ имени 180 тыс. петиціонеровъ, домовладѣльцевъ города Бирмингема, требованіе о реформѣ, требованіе радикальное въ смыслѣ устраненія существующихъ злоупотребленій, и умѣренное въ смыслѣ средствъ измѣненія существующихъ порядковъ *). Расширеніе избирательнаго права на большее число плательщиковъ, расширеніе постепенное, и уничтоженіе правъ гнилыхъ мѣстечекъ, таковы были главныя его требованія, которыя палата выслушала молча, не сдѣлавши ни малѣйшаго постановленія относительно его. Все ограничилось принятіемъ петиціи и сдачей ея въ парламентскій архивъ. Понятно, не лучшей участи подверглось и предложеніе Бердетта, потребовавшаго слова вслѣдъ за Тавистокомъ, несмотря на то, что и тонъ, и характеръ его предложенія былъ въ существѣ крайне умѣренный **). Ни однимъ словомъ, ни однимъ намекомъ онъ не затрогивалъ такихъ жгучихъ и ненавистныхъ громадному большинству въ палатѣ вопросовъ, какъ вопросы о suffrage universel, годичномъ парламентѣ и т. п. Въ своей рѣчи, которая была направлена къ тому, чтобы убѣдить парламентъ лишь поставить на ближайшую очередь обсужденіе и рѣшеніе вопроса о реформѣ представительства, онъ пытался воспользоваться данными современности, поставить дѣло на почвѣ тѣхъ экономическихъ затрудненій, которыя создались въ странѣ, того недовольства, которое усиливалась все болѣе и болѣе и вызывалось финансовою и экономическою дѣятельностью министерства. Основнымъ и исходнымъ пунктами всей его блестящей аргументаціи была та мысль, что представительство и обложеніе должны идти рука объ руку, и что именно въ Англіи соотвѣтствія между ними совершенно не существуетъ. Страна томится подъ тяжестью налоговъ, всѣ чувствуютъ это, всѣ жалуются на это; болѣе того, предприниматели и фабриканты едва сводятъ концы съ концами, фермеры находятся наканунѣ полнаго раззоренія, рабочіе оказываются въ полной невозможности удовлетворить насущнымъ своимъ потребностямъ, благодаря ничтожной, нищенской рабочей платѣ; земледѣльческіе и землевладѣльскіе классы открыто заявляютъ, что имъ грозитъ гибель, если

*) Ann. Reg., 1819, стр. 246.
**) Ib., стр. 246—8.

правительство не защититъ ихъ съ помощью крупнаго повышенія пошлинъ на иностранную шерсть, а суконщики кричатъ, что они — банкроты, если только не будетъ допущенъ свободный ввозъ шерсти изъ заграницы. Картина противоположности и борьбы интересовъ была обрисована мастерской рукой, и уже тѣмъ самымъ обрисована была и роль парламента въ томъ его видѣ, какъ онъ существовалъ въ Англіи. «Какая же возможность, спрашивалъ Бердеттъ, представляется парламенту дѣйствовать такъ, чтобы не затронуть и не нарушить ничьихъ интересовъ? Единственнымъ практическимъ средствомъ было бы, повидимому, уменьшеніе бремени налоговъ. Но, при нынѣшнихъ условіяхъ парламентской системы, при существующей испорченности выборовъ, ни тори, ни виги не въ силахъ произвесть въ сколько нибудь значительномъ размѣрѣ сокращенія расходовъ, а безъ такого сокращенія немыслимо и уменьшеніе налоговой тяжести». Въ правильномъ экономическомъ управленіи страна нуждается все болѣе и болѣе, а именно такое управленіе и можетъ быть создано только при условіи реформы представительства, его расширенія, допущенія болѣе широкаго, чѣмъ то, какое существуетъ, представительства разнообразныхъ интересовъ.

Но рѣчь не произвела почти никакого дѣйствія. Пренія въ палатѣ шли вяло. Лишь человѣкъ десять поддерживали предложеніе о реформѣ, да и то въ еще болѣе узкихъ рамкахъ, чѣмъ въ какія поставилъ его Бердеттъ. Ораторы оппозиціи признавали настоятельную необходимость отнять избирательное право у нѣкоторыхъ гнилыхъ мѣстечекъ, перенести его на болѣе крупные городскіе центры—и только. Для большинства палаты, даже для весьма многихъ изъ членовъ оппозиціи, и такая реформа казалась дѣломъ ужаснымъ, чуть не революціей, и 153 голосами противъ 58, почти $^2/_3$ голосовъ, вопросъ о реформѣ былъ вновь похороненъ въ палатѣ общинъ *).

Но при тѣхъ тяжелыхъ условіяхъ, въ какихъ находилась страна, при возрастающемъ недовольствѣ министерствомъ, при глубокой и и твердой увѣренности большинства населенія, что главное и единственное средство спасенія отъ экономическихъ и соціальныхъ бѣдствій есть коренная реформа парламента, вопросъ объ этой реформѣ не могъ заглохнуть внѣ палаты. Вотировка предложенія Бердетта, отказъ палаты даже обсуждать вопросъ о реформѣ, вызвали сильное волненіе въ странѣ, породили движеніе, расширявшееся все болѣе и болѣе и получившее болѣе рѣзкій характеръ, чѣмъ въ предшествующіе годы. Митинги слѣдовали за митингами, и вездѣ вопросъ о реформѣ представительства, реформѣ въ радикальномъ смыслѣ, составлялъ главный предметъ обсужденія, горячихъ рѣчей, смѣлыхъ резолюцій. И не одни рабочіе являлись дѣятелями и участ-

*) Ib., 248.

никами митинговъ: на нихъ говорили и дѣйствовали и нѣкоторые изъ землевладѣльцевъ, и горожане, и женщины. Движеніе охватывало все большіе и большіе круги, и въ агитаціи впервые въ въ Англіи стали участвовать и женщины. Въ Блакборнѣ, подлѣ Манчестера, образовался женскій реформистскій клубъ, создавшій быстро цѣлый рядъ отдѣленій въ Ольдгэмѣ, Ройстонѣ и др. мѣстахъ. Агитація въ пользу реформы пріобрѣла большую силу, чѣмъ въ 1817—18 гг. Новыя силы прибавились къ прежнимъ, и то было обстоятельство, можетъ быть, болѣе всего приводившее въ ужасъ и англійское высшее общество, и правительственные круги. Во Франціи, во время революціи, крупную роль играли женщины, — вотъ что утверждали въ англійскихъ салонахъ. Участіе женщинъ въ реформистской агитаціи—не есть ли это ясный симптомъ начинающейся революціи въ Англіи,—вотъ что твердили члены министерства и дома, и въ палатѣ. Лордъ Кэстльри потребовалъ внесенія въ статуты королевства закона, воспрещающаго женщинамъ участвовать въ митингахъ. Такое участіе, по его словамъ,—вещь, неслыханная въ анналахъ до французской революціи *).

Еще въ іюнѣ, до внесенія петиціи отъ Бирмингэма въ палату состоялся цѣлый рядъ митинговъ, въ Лидсѣ, Глэзго, окрестностяхъ Манчестера; и требованія ежегоднаго парламента, всеобщей подачи голосовъ, измѣненія системы налоговъ, отмѣны пенсій и устраненія злоупотребленій были вотированы единогласно. Когда стало извѣстнымъ въ странѣ, какъ отнесся парламентъ къ петиціи отъ Бирмингэма, жители Бирмингэма на новомъ митингѣ въ іюнѣ (12) рѣшились дѣйствовать болѣе энергическимъ способомъ. **). Подача письменныхъ петицій оказывалась дѣломъ безполезнымъ, и старый дѣятель на полѣ парламентской реформы, маіоръ Картрайтъ, предложилъ послать спеціальное лицо, спеціальнаго уполномоченнаго въ парламентъ, который бы живымъ словомъ, личной защитой правъ и интересовъ Бирмингэма, крупнѣйшаго изъ промышленныхъ центровъ въ то время, но лишеннаго правъ представительства, добился бы у парламента, отказавшаго въ немедленномъ рѣшеніи вопроса о Бирмингэмѣ Тавистоку, дарованія этихъ правъ. Мѣстный землевладѣлецъ, баронетъ Чарльзъ Уольсели, былъ избранъ такимъ ходатаемъ. Но митингъ не удовольствовался этимъ: онъ призналъ его своимъ представителемъ въ парламентѣ и взялъ съ него клятву, что онъ явится въ палату и займетъ въ ней мѣсто, какъ настоящій членъ палаты. За этимъ митингомъ послѣдовали митинги въ Смитфильдѣ и др. мѣстахъ, поддержавшіе требованіе реформы. Порядокъ ни разу не былъ нарушенъ, но усиленіе движенія, съ одной стороны, узурпація, произведенная митингомъ въ Бирмингэмѣ, съ другой, возбудили сильную тревогу въ рядахъ ми-

---

*) Ann. Reg., 1819, 280.

**) Ib., 338, Occurrences, 108—9; Life of m. Cartwright, II, 164 и сл.

нистерства. На континентѣ германскія событія, какъ разъ въ это время, привели въ движеніе высшія сферы, заставили Меттерниха энергически взяться за дѣло умиротворенія умовъ, и англійское министерство, нѣкоторые изъ дѣятелей котораго успѣли попасть всецѣло подъ вліяніе Меттерниха, стали усматривать въ движеніи, начавшемся въ Англіи, нѣчто совершенно сходное въ тѣмъ, что имѣло мѣсто въ Германіи и др. мѣстахъ. «Наши законы, писалъ лордъ Сидмутъ, особенно ревниво слѣдившій за движеніемъ умовъ въ Англіи, недостаточно сильны для нашего времени, и намъ необходимо создать новые». Пока онъ ограничился разсылкой циркуляровъ къ чиновникамъ въ графствахъ, циркуляровъ, въ которыхъ требовалъ отъ нихъ принятія энергическихъ предупредительныхъ мѣръ для охраны общественнаго спокойствія. Предписывалось слѣдить тщательно за митингами, держать наготовѣ военную силу на всякій случай. Тонъ циркуляровъ ясно показывалъ, что министерство увѣрено въ томъ, что странѣ и порядку грозитъ сильная опасность. И донесенія агентовъ, которыя стали получаться въ министерствѣ, упрочивали такую увѣренность. Изъ «мятежныхъ» (disturbed) графствъ посылаемы были все болѣе и болѣе грозныя извѣщенія *). Сообщалось о какихъ то таинственныхъ ночныхъ собраніяхъ, куда сходится масса людей и обучается маршировкѣ и военному искусству, причемъ добавлялись слухи о производимыхъ розыскахъ оружія. Агенты выражали увѣренность, что идетъ усиленная работа съ цѣлью побудить нисшіе классы ниспровергнуть существующій порядокъ вещей, отнять силой у землевладѣльцевъ принадлежащую имъ землю и раздѣлить ее между собою. То и дѣло сообщалось о пикахъ, оружіи, выдѣлываемомъ будто бы въ странѣ. На сцену выступали вновь всѣ тѣ данныя, на которыхъ опиралось министерство два года назадъ и отъ части которыхъ, особенно о проектѣ раздѣла земель, оно вынуждено было отказаться; по крайней мѣрѣ тогда, во все время преній по вопросу объ отмѣнѣ дѣйствія habeas corpus, оно ни разу не рѣшалось ссылаться на нихъ. Теперь они вновь пріобрѣтали значеніе въ глазахъ Сидмута, Эльдона и др.

Въ Манчестерѣ и его окрестностяхъ, какъ и въ сосѣднихъ городахъ, Миддльтонѣ, Рочделѣ, Лидсѣ, Саддльуортѣ и др. агитація въ пользу реформы была особенно сильна, и, можно сказать, здѣсь главнымъ образомъ сосредоточивались партизаны парламентской реформы. Неудача предложенія Бердетта отразилась здѣсь особенно чувствительнымъ образомъ, и митингъ-монстръ рѣшено было организовать въ окрестностяхъ Манчестера, митингъ исключительно реформистскій, на которомъ должно было присутствовать возможно большее количество приверженцевъ дѣла реформы. Одинъ изъ глав-

*) Цѣлая масса этихъ донесеній была представлена парламенту. См. Hansard и A. Reg. (275).

ныхъ дѣятелей по организаціи этого митинга, Бамфордъ подробно разсказываетъ, какъ подготовлялся митингъ. *) Собраніе митинга назначено было на 9 августа въ Манчестерѣ, но заранѣе рѣшено было принять всѣ необходимыя мѣры, чтобы не только придать митингу импозантный характеръ, но и произвести его безъ малѣйшаго нарушенія порядка, безъ шуму и толкотни, неизбѣжныхъ при многолюдствѣ и крайне неудобныхъ и невыгодныхъ для мирной демонстраціи, для цѣлей, преслѣдуемыхъ митингомъ. Комитетъ, руководившій митингомъ, воспретилъ всѣмъ участникамъ митинга самымъ строгимъ и рѣшительнымъ образомъ ношеніе оружія: всѣ участники митинга обязаны были явиться безъ оружія, дозволялось лишь взять палки тѣмъ, кто въ нихъ нуждался. Съ другой стороны, въ видахъ сохраненія порядка на митингѣ, комитетъ занялся заранѣе обученіемъ своихъ приверженцевъ, пріученіемъ ихъ къ правильнымъ и стройнымъ движеніямъ. До восхода солнца, до начатія работъ, приверженцы реформы созывались въ опредѣленныя мѣста и здѣсь, подъ руководствомъ отставныхъ унтеръ-офицеровъ арміи и др. лицъ, происходило обученіе ихъ маршировкѣ, движеніямъ рядами, строемъ, всякаго рода эволюціямъ. Бамфордъ съ чисто поэтическимъ увлеченіемъ описываетъ въ своихъ воспоминаніяхъ объ этихъ утрахъ, объ этихъ эволюціяхъ, нѣсколько комичныхъ, въ которыхъ онъ и лично принималъ дѣятельное участіе.

Митингъ былъ назначенъ на 9 августа. Предполагалось послѣдовать примѣру Бирмингэма и избрать особаго ходатая по дѣлу о реформѣ. Но городской совѣтъ отказалъ дать разрѣшеніе для этой цѣли иниціаторамъ митинга, указывая на незаконность ея. Пришлось отложить митингъ на 16, и уже съ самаго ранняго утра началось со всѣхъ сторонъ движеніе дисциплинированныхъ колоннъ, направлявшихся на площадь Peterloo, тогда еще незастроенную. Ткачи и чесальщики шерсти изъ Манчестера, рабочіе изъ Миддльтона, Рочделя, Лидса, Седдльуорта и друг. фабричныхъ центровъ въ полномъ порядкѣ, съ распущенными знаменами, безъ оружія, двигались по улицамъ Манчестера. Толпы рабочихъ смѣняли шеренги женщинъ, даже дѣтей, съ чисто военной выдержкой маршировавшихъ по направленію къ площади. Никакихъ надписей на знаменахъ, кромѣ: «реформа», «долой хлѣбные законы», «равное представительство»,—комитетъ и Бамфордъ, главный руководитель процессіи, не допустили. Рѣзко выдѣлялись шелковыя знамена женскихъ клубовъ. 156 членовъ женскаго ольдгэмскаго клуба группировались вокругъ бѣлаго знамени, на которомъ вышиты были слова: «билль майора Картрайта, ежегодный парламентъ, всеобщая подача голосовъ, закрытая баллотировка» по угламъ знамени красовались фигура справедливости и глазъ; на оборотѣ изображены были двѣ руки, соеди-

*) Bamford, passages, I, 177 и сл.

ненныя вмѣстѣ, и подъ ними подпись: «Oldham Union». Красный флагъ женскаго клуба Ройстона слѣдовалъ за знаменемъ Ольдгэма и слова: «ежегодный парламентъ и всеобщая подача голосовъ», съ одной стороны, «мы (женщины) должны умирать, какъ и наши мужья» и «насъ не должны продавать какъ рабовъ» *),—съ другой, бросались въ глаза. Площадь постепенно наполнялась. Всѣ мѣста были заранѣе распредѣлены и указаны, и вокругъ воздвигнутой на площади трибуны, постепенно, съ военной аккуратностью располагалось прибывавшія колонны съ инструкторами во главѣ. Почти до часу дня совершалось шествіе, и то и дѣло показывалась изъ сосѣдней улицы то фигура съ фригійской шапкой на головѣ и съ лавровымъ вѣнкомъ, высившаяся надъ колонной, то фигура Британіи, опирающаяся на щитъ, съ неизбѣжнымъ трезубцемъ въ рукѣ. Представители всѣхъ оттѣнковъ реформистской партіи были на лицо. На знамени Седдльуорта и Мозели вышиты были слова Бердетта: «обложеніе безъ представительства — произволъ и несправедливость»; на фригійской шапкѣ виднѣлась надпись: «Гэнтъ и свобода»; вокругъ фигуры Британіи: «Господь да будетъ въ помощь патріотамъ». Все, что изобрѣтательность англійская создала въ дѣлѣ декорацій, было на лицо, съ той помпой, торжественностью и важностью, съ тѣми атрибутами внѣшними, къ которымъ питали тогда сильнѣйшее влеченіе англичане. Къ часу движеніе процессій было закончено, и около 80 тыс. человѣкъ стояло на площади, въ ожиданіи прибытія Гэнта, котораго пригласили быть предсѣдателемъ и ораторомъ митинга. Между часомъ и двумя показалась коляска, которую сопровождала спереди колонна изъ рабочихъ, а сзади колонна изъ однѣхъ женщинъ, и въ которой сидѣлъ Гэнтъ съ нѣсколькими изъ членовъ комитета митинга, и однимъ изъ членовъ женскаго манчестерскаго клуба. Впереди коляски двигалась повозка съ водруженными на ней двумя досками, на которыхъ гигантскими буквами сдѣланы были надписи: order—order (порядокъ) и которыя были увѣшаны разноцвѣтными флагами, провозглашавшими своими надписями для какой цѣли требуется соблюденіе порядка: «ежегодный парламентъ», «universal suffrage». Громкими криками и апплодисментами встрѣченъ былъ кортежъ толпою; когда Гэнтъ взошелъ на трибуну, раздались звуки англійскаго національнаго гимна: God save the king, и вся толпа, какъ одинъ человѣкъ, обнажила головы. Митингъ былъ объявленъ открытымъ, при троекратномъ взрывѣ апплодисментомъ. Гэнтъ избранъ ораторомъ митинга и около 2 часовъ дня онъ началъ свою рѣчь **).

Но едва успѣлъ онъ произнесть обращеніе къ собравшейся на

*) См. описаніе знаменъ въ Ann. Reg. 1819, occurrences, 123.

**) Въ описаніи митинга я пользовался главнымъ образомъ современными свидѣтельствами очевидца, сообщившаго разсказъ о митингѣ въ Annual Register, 1819, occurrences, 122—126. Разсказъ почти вполнѣ совпадаетъ съ разсказомъ Bamford'a, I, 178 и сл.

митингъ толпѣ, какъ рѣчь его была прервана. Изъ сосѣдней улицы на толпу бросился отрядъ мѣстной милиціи и затѣмъ гусары съ саблями на-голо.

Рядъ данныхъ, опубликованныхъ послѣ митинга, и затѣмъ позже, данныя парламентскихъ преній *), изданіе бумагъ и біографіи Сидмута **), сдѣланное Pelew, напечатанныя двадцать пять лѣтъ послѣ событіи воспоминанія участника и свидѣтеля, сэра Уильяма Джолиффа, гусарскаго офицера, біографія лорда Ельдона, написанная Твиссомъ (Twiss) ***) пролили полный и ясный свѣтъ на все то, что сопровождало и что предшествовало митингу.

Свѣдѣнія и слухи о готовящемся митингѣ побудили лорда Сидмута принять заранѣе всѣ мѣры. Непрестанно шли письма и сообщенія то изъ Манчестера въ Лондонъ, то обратно, и городскому управленію и мѣстнымъ властямъ даны были подробныя инструкціи лордомъ Сидмутомъ. Изъ Лондона было предписано не препятствовать митингу собраться, но выжидать того момента, когда участники его произведутъ какой либо безпорядокъ, который скомпрометируетъ ихъ митингъ въ глазахъ общества и облегчитъ принятіе рѣшительныхъ мѣръ противъ опаснаго движенія въ пользу реформы, и только тогда пустить въ ходъ вооруженную силу. Уже за долго до митинга были расположены въ ближайшихъ къ площади казармахъ отряды гусаръ, баттарея, пѣхотный полкъ и мѣстная милиція, усиленъ составъ констеблей и присланы изъ Лондона приказы объ арестѣ коноводовъ митинга. Въ день митинга всѣ улицы съ южной стороны площади были заняты констеблями, охранявшими выходы изъ площади и домъ, въ которомъ собрались члены городского управленія, наблюдавшіе изъ окна за ходомъ митинга. И едва звуки музыки затихли, едва только Гэнтъ началъ свою рѣчь, какъ, по приказу членовъ городского совѣта, былъ направленъ на толпу отрядъ мѣстной милиціи съ нѣсколькими констеблями, которымъ предписано было арестовать Гэнта и его сотоварищей. Прямой приказъ Сидмута выжидать безпорядка былъ забытъ, и безъ всякаго предупрежденія, безъ предписаннаго закономъ троекратнаго требованія разойтись, милиція съ оружіемъ въ рукахъ бросилась на толпу, пытаясь расчистить путь къ трибунѣ. Страшный крикъ раздался въ толпѣ, находившейся въ полномъ недоумѣніи, натискъ былъ настолько неожиданнымъ и произведенъ былъ настолько незначительными силами, что толпа, пропустившая было милиціонеровъ, сомкнулась, милиціонеры затерялись въ толпѣ и не въ силахъ были двинуться съ мѣста. Тогда глава городского совѣта, Гэльтонъ, обратился къ гусарскому полковнику съ приказомъ разсѣять и разогнать толпу. Отрядъ гусаръ подъ командою Jollif'а, по данному

*) Hansard, т. XLI; Ann. Register, 1819, 268—307.
**) Pelew, Lord's Sydmouth life III, 249—260, 270 и сл.
***) Twist, life of Eldon, II, 330 и сл.

сигналу, съ саблями на голо бросился сомкнутымъ строемъ на площадь. «Гусары, разсказываетъ Джолиффъ, погнали передъ собою толпу; народъ, милиціонеры, констебли, употребляя всѣ усилія, чтобы избѣжать натиска, кинулись другъ на друга; началось повальное бѣгство, но когда отрядъ добрался до трибуны, бѣглецы образовали, падая другъ на друга, настоящій холмъ, возвышавшійся надъ землею. Вся площадь, ближайшія улицы представляли странное зрѣлище: почва была усѣяна шапками, башмаками, музыкальными инструментами, разорванными знаменами, обрывками одежды, а рядомъ то въ одномъ, то въ другомъ мѣстѣ, лежали раненые и убитые, мужчины и женщины». Въ теченіе 10 минутъ площадь была очищена, митингъ разсѣянъ, громадная часть собравшихся бѣжала. Окружена была трибуна и кучка лицъ, стоявшихъ подлѣ, и Гэнту и другимъ прочитаны были приказы объ арестѣ. Все время до ареста Гэнтъ не переставалъ убѣждать толпу не нарушать порядка, не оказывать сопротивленія, онъ самъ, также какъ и всѣ другіе арестованные, въ томъ числѣ и женщины, безъ сопротивленія отдались въ руки властей и отправились въ тюрьму. Къ вечеру площадь была очищена, всѣ раненые, въ количествѣ около ста, развезены по госпиталямъ. 18 августа арестованнымъ, въ присутствіи суда, прочтены были акты, заключавшіе въ себѣ обвиненіе ихъ всѣхъ въ высокой измѣнѣ. Акты составлены были лордомъ Ельдономъ, который объяснилъ позже палатѣ, что онъ исходилъ изъ той точки зрѣнія, что «количество составляетъ силу, сила создаетъ терроръ, терроръ беззаконіе, и потому нельзя ни въ какомъ случаѣ отрицать, что манчестерскій митингъ есть явленіе нелегальное». То была точка зрѣнія юристовъ тори, и лордъ Редесдаль, ирландскій канцлеръ, вполнѣ въ духѣ Ельдона, доказывалъ, что «каждый изъ митинговъ радикальной реформы не только представляетъ мятежное покушеніе на существующую конституцію, возбужденіе къ ней презрѣнія, но и открытый актъ измѣнническаго заговора противъ нея» *). Обвиненіе въ высокой измѣнѣ, предписанное изъ Лондона, являлось отсюда вполнѣ естественнымъ.

17 августа сообщенія о происшедшемъ въ Манчестерѣ были получены въ Лондонѣ, 18 явились въ Лондонъ и 2 члена городского совѣта Манчестера. Немедленно же былъ созванъ совѣтъ министровъ, находившихся на лицо въ Лондонѣ, и тутъ же, до разслѣдованія дѣла, сдѣлано было постановленіе выразить отъ имени принца-регента благодарность и одобреніе поведенію мѣстныхъ манчестерскихъ чиновъ и войскъ, и уже 19 авг. рано утромъ регентъ подписалъ предложенную ему бумагу и она была опубликована **). И Сидмутъ, и Ельдонъ дѣйствовали слишкомъ поспѣшно. Не прошло и нѣсколькихъ дней послѣ засѣданія совѣта, какъ поступавшія въ

*) Eldon, II, 337.
**) Pelew, III, 299.

министерство, по его же требованію, подробныя свѣдѣнія о событіи, освѣтили дѣло съ совершенно иной стороны. Заготовленные заранѣе Ельдономъ обвинительные акты оказались въ рѣшительномъ противорѣчіи съ дѣйствительностью, и ему и министерству пришлось уже 28 авг. выслать новые обвинительные акты. Обвиненіе въ высокой измѣнѣ пало, его мѣсто заступило обвиненіе въ «составленіи заговора противъ законовъ путемъ насилія и угрозъ» *). Судъ, который долженъ былъ состояться надъ обвиненными въ ближайшую сессію, былъ отмѣненъ, и дѣло передано въ Іоркъ, гдѣ судъ состоялся лишь въ 1820 г. и окончился для Гэнта—2$^1/_2$ годами заключенія, Бамфорда—годичнымъ заключеніемъ и т. д. **).

Перемѣна рѣшенія относительно состава обвиненія, перемѣна столь быстрая, обнаруживала ясно, что министерство поняло, въ какое затруднительное положеніе поставило оно себя, и какъ сильно оно увеличило его той поспѣшностью, съ какой вотировало выраженіе одобренія поведенію манчестерскихъ чиновъ. «Образъ дѣйствій министерства подвергается всеобщему осужденію», писалъ Ельдонъ своему брату, но то было слабымъ выраженіемъ того настроенія, какое создали въ странѣ извѣстія о событіи въ Манчестерѣ. То не было лишь простымъ осужденіемъ: взрывъ сильнѣйшаго негодованія вызвали во всей Англіи извѣстія о митингѣ въ Манчестерѣ. Ни разу еще въ началѣ XIX в. не высказывалось такъ рѣзко и съ такимъ единодушіемъ общественное мнѣніе; партія виговъ, значительная часть ея, за исключеніемъ фракціи Гренвиля, вынуждена была пойти за одно съ общественнымъ мнѣніемъ, и можно сказать, что съ этого момента стало рѣзко измѣняться отношеніе ея къ вопросу о реформѣ, что «манчестерская баня», какъ называли ее въ то время, явилась поворотнымъ пунктомъ въ исторіи вопроса о парламентской реформѣ въ Англіи. Митинги, созванные для обсужденія вопроса о реформѣ, превращались въ митинги протеста противъ министерства, созывался и рядъ митинговъ, уже специально по поводу манчестерскихъ событій, митинговъ, организованныхъ не одними «радикалами», но и лицами, принадлежавшими къ выдающимся и вліятельнымъ членамъ высшей англійской аристократіи. Въ Лондонѣ и Ливерпулѣ открыта была подписка въ видахъ помощи и воспособленія пострадавшимъ и раненымъ на митингѣ, съ цѣлями возбужденія судебнаго преслѣдованія противъ виновниковъ побоища. Противъ манчестерскихъ милиціонеровъ начаты были въ судахъ иски по обвиненію ихъ въ томъ, что они поранили и изувѣчили массу лицъ съ намѣреніемъ причинить имъ смерть, и во всей Англіи стали настойчиво требовать суда надъ виновными. Натискъ былъ настолько силенъ, что министерство вынуждено было передать присяжнымъ рѣшеніе во-

*) Ann. Reg., 1819, occ., 126.
**) Ib., 1820, 37—42.

проса о причинахъ смерти найденныхъ на площади Петерло убитыхъ лицъ. Ланкаширскіе суды и присяжные, правда, оказались на сторонѣ министерства. Въ прессѣ сообщали, что часть смертныхъ случаевъ отнесена была присяжными къ разряду случайныхъ. Смерть ребенка, трупъ котораго найденъ былъ на площади, признанъ слѣдствіемъ того, что «мать уронила его». Гибель другихъ приписали «натиску арміи, дѣйствовавшей по приказу гражданской власти». Но эти вердикты, какъ и постановленія судовъ Ланкашира, поддерживавшихъ выраженное регентомъ одобреніе поведенію манчестерскихъ чиновъ, не только не производили впечатлѣнія на общественное мнѣніе, но возбуждали его еще болѣе. Въ вердиктахъ, особенно въ постановленіяхъ судовъ, раздраженное общественное мнѣніе стало усматривать вліяніе и давленіе министерства, и послѣднее становилось теперь все болѣе и болѣе предметомъ нападокъ: на него обрушилось все, противъ него начало рѣшительно возставать общество. Общинный совѣтъ Лондона подалъ сигналъ къ этому нападенію, которое подхвачено было страной и сдѣлало митинги протеста противъ манчестерской бани и министерства гораздо болѣе опасными, чѣмъ рядъ всѣхъ предшествующихъ радикальныхъ митинговъ въ пользу реформы, всеобщей подачи голосовъ и ежегодныхъ парламентовъ.

9 сентября громадная толпа наполнила собою лондонское Сити. Вокругъ Гильдъ-Голля происходила настоящая давка: на 12 часовъ назначено было засѣданіе лондонскаго общиннаго совѣта. Всѣмъ было извѣстно, что будетъ подвергнутъ обсужденію вопросъ о «манчестерской банѣ» и всѣ стремились попасть въ залу совѣта. Ровно въ 12 часовъ лордъ-мэръ открылъ пренія по вопросу объ учиненныхъ преступленіяхъ въ Манчестерѣ. Дебаты были продолжительные и горячіе, но 71 голосомъ противъ 45 приняты были резолюціи, прямо направленныя противъ дѣйствій властей въ Манчестерѣ. Полная легальность митинга, состоявшагося въ Манчестерѣ въ пользу реформы, была признана, и городской совѣтъ постановилъ выразить чувства своего «глубокаго негодованія» по поводу «ничѣмъ не вызваннаго и крайне не сдержаннаго образа дѣйствій чиновниковъ и войскъ въ Манчестерѣ» *), образа дѣйствій, который совѣтъ находитъ «въ высокой степени позорнымъ для чести англичанъ и дерзкимъ нарушеніемъ британской конституціи». И онъ не ограничился лишь этимъ простымъ выраженіемъ своихъ чувствъ: основываясь на принадлежавшей ему привиллегіи обращаться съ петиціями непосредственно къ королю, онъ избралъ делегатовъ, которые должны были представить принцу-регенту рѣшеніе и заявленія совѣта. Впечатлѣніе, произведенное этимъ шагомъ городского совѣта, было громадное. Возбужденіе умовъ въ Лондонѣ

---

*) «Unpovoked and intemperate proceedings of the magistrates and the military». Ann. R., 1819, occ., 144 и сл.

дошло до того, что неслыханный и немыслимый до того пріемъ былъ устроенъ Гэнту и его товарищамъ, прибытія которыхъ ожидали въ Лондонѣ, послѣ того, когда ихъ временно освободили подъ залогомъ. 13 сентября Гэнтъ, окруженный многолюдной конной процессіей, среди цѣлаго лѣса флаговъ и знаменъ, на которыхъ красовалась надпись: «Hunt, the heroic champion of liberty», въ экипажѣ, запряженномъ шестерней лошадей, украшенныхъ красными лентами, торжественно въѣхалъ въ Лондонъ. Отъ Ислингтона чрезъ Финсбэри-скверъ, Чипсайдъ, вокругъ церкви св. Павла и вплоть до Стрэнда, до Crown and Anchor Tavern, гдѣ устроенъ былъ банкетъ, тянулись процессіею конные и пѣшіе, непрестанно испускавшіе крики въ честь Гэнта. Сколько могъ видѣть глазъ, писалъ современникъ, во всю длину улицъ виднѣлись тысячи головъ. Не менѣе 200 тыс. человѣкъ участвовали въ процессіи, но порядокъ нарушенъ не былъ, и по окончаніи банкета и новыхъ виватовъ Гэнту, толпа мигомъ исчезла *).

17-го повторилась подобная же сцена. Вновь улицы кишѣли народомъ, сбѣжавшимся сопровождать торжественную процессію представителей Сити, двигавшихся верхомъ по направленію къ Карльтонъ-Гузу, гдѣ ожидалъ депутацію съ адресомъ принцъ-регентъ, окруженный Сидмутомъ, Ливерпулемъ, Уэллингтономъ и др. Адресъ былъ прочитанъ, но отъ принца-регента депутаціи пришлось выслушать суровыя слова и отказъ дать ходъ петиціи **).

Неудача лондонскаго Сити не только не ослабила настроенія общественнаго мнѣнія, но еще болѣе усилила и обострила его. Если цѣлый рядъ городовъ и мѣстечекъ буквально воспроизвели въ своихъ резолюціяхъ то, что вотировалъ лондонскій совѣтъ ***), то митингъ, созванный въ Норвичѣ, пошелъ далѣе. Собраніе здѣсь состоялось подъ предсѣдательствомъ мэра и громаднымъ большинствомъ голосовъ приняло резолюцію: подать регенту петицію съ просьбой «уволить навсегда изъ своего совѣта тѣхъ министровъ, благодаря которыхъ имя принца-регента связано съ убійствами въ Манчестерѣ» ****). И то же повторилось въ Іоркѣ, Бристолѣ, Ливерпулѣ, Ноттингэмѣ и Вестминстерѣ, гдѣ прочтено было рѣзкое письмо Бердетта къ избирателямъ, прямо оскорбительное для министерства, которое привлекло Бердетта къ суду *****). Напрасно министерство пыталось съ помощью вооруженной силы сдержать дви-

*) Ann. Reg., 1819, 145.

**) Ib., 145—6.

***) Ann. Reg., 1819, осс. 145.

****) Walpole, I, 513.

*****) Рѣшеніемъ присяжныхъ и суда Бердеттъ былъ признанъ въ 1820 г. виновнымъ и присужденъ за это посланіе и посланіе къ Сидмуту къ наказанію, какое налагалось на виновныхъ въ составленіи возмутительныхъ брошюръ, имѣющихъ цѣлью возбудить ненависть къ правительству. Ib. 1820, 34.

женіе. Не успѣвало оно разогнать одинъ митингъ, какъ вмѣсто разогнаннаго выростали въ сосѣднихъ мѣстахъ новые, съ цѣлью протеста противъ «манчестерской бани» и министерства. Въ теченіе сентября и октября митинги почти не прекращались. Но ни одинъ изъ нихъ не возбудилъ такого вниманія въ странѣ, такого сильнаго раздраженія среди министровъ, какъ митингъ, созванный въ Іоркширѣ 14 октября. Около 20 т. человѣкъ явились на митингъ, но,—и это было сильнымъ ударомъ для министерства,—значительная часть явившихся была землевладѣльцы и мѣстные богачи. Болѣе милліона ф. стерл. ежегоднаго дохода представляла собою часть собравшихся на митингъ, замѣчаетъ хроникеръ, а минисерство въ своихъ газетахъ кричало, что митингъ, созванный въ Іоркширѣ,—митингъ радикальныхъ реформаторовъ, что онъ стремится къ «раздѣлу собственности» и взираетъ на «собственность другихъ, какъ на свою добычу» *). Но то былъ лишь самообманъ или желаніе обмануть публику: на дѣлѣ раздраженіе было вызвано какъ фактомъ протеста со стороны богатаго класса, такъ въ особенности тѣмъ, что не только въ числѣ подписавшихся подъ требованіемъ созвать митингъ было лицо, являвшееся представителемъ власти, но даже само лично приняло участіе въ немъ. Лордъ-намѣстникъ, богатѣйшій изъ мѣстныхъ землевладѣльцевъ края, выдающійся членъ партіи виговъ, Фицъ-Уильямъ, бросалъ перчатку министерству. Искусственно созданная исторія въ Манчестерѣ, подобно исторіямъ въ Спафильдѣ и др. мѣстахъ, исторія, съ помощью которой Сидмутъ и Ельдонъ надѣялись и разсчитывали вызвать чувство негодованія и презрѣнія къ «жалкой» толпѣ, состоявшей изъ лицъ нисшихъ классовъ, обращалась противъ самого министерства, обрушивалась на него всею своей тяжестью. Раньше, въ 1817 г., оппозиція указывала на то, что министерство старается обвинить лишь темныхъ и мало извѣстныхъ личностей. Теперь противъ него были иныя личности, стоявшія на виду всей Англіи, и едва лишь сдѣлалось извѣстнымъ, что Фицъ-Уильямъ присутствовалъ на митингѣ по поводу манчестерскихъ событій, какъ примѣръ его заразилъ большую часть дѣятелей его партіи, виговъ. Представлялся случай съиграть роль въ начавшемся народномъ движеніи, вырвать у радикаловъ то мѣсто и то вліяніе, какія они заняли въ этомъ движеніи, и заправлять имъ. Естественно, что митинги при такихъ условіяхъ стали рости, какъ грибы, къ ужасу и негодованію министерства. Что виги соединяются, сливаются съ радикалами, что, отсюда, Англіи грозитъ неизбѣжная революція, эти мысли стала открыто высказывать и министерская пресса, и сами министры,—«въ томъ, что касается манчестерскихъ событій, писалъ лордъ Ливерпуль лорду Сидмуту, еще 30 сентября 1819 г., значительная часть оппозиціи идетъ рука объ руку съ Гэнтомъ и

*) Ann. Reg., 1819, occ., 158.

радикальными реформистами» *). Такъ думало министерство въ сентябрѣ.

Послѣ 14 октября, послѣ того, какъ такія лица, какъ герцогъ Гамильтонъ, начали открыто подписываться подъ листами въ пользу вспомогательной кассы въ Манчестерѣ, Ельдонъ и др. уже выставляли, какъ нѣчто несомнѣнное, что союзъ виговъ и радикаловъ—совершившаяся вещь. Сидмутъ, въ виду этого, приказывалъ изъ всѣхъ инвалидовъ поспѣшно формировать полки и заготовлять оружіе, а позже, въ палатѣ, Кэстльри обвинялъ и герцога Норфолька и др. въ произнесеніи рѣчей въ пользу радикальной реформы **). Правда лордъ Брумъ, выдающійся вигъ, писалъ въ это время, что «радикалы успѣли сдѣлаться столь ненавистными, что даже значительная часть нашей партіи узнала бы къ немалому своему удовольствію о гибели и ихъ, и ихъ низкой (vile) прессы». Но что значили эти и подобныя слова виговъ, ихъ дѣйствительныя чувства и ихъ настроеніе по отношенію къ радикаламъ для Ельдона, Кэстльри или Сидмута, когда нужно было спасать положеніе и повліять на общественное мнѣніе. Въ поддержкѣ своихъ приверженцевъ въ палатѣ сомнѣваться министерство не могло. Да они и не сидѣли сложа руки и созывали митинги, правда, далеко не многолюдные, составляли резолюціи, одобрявшія образъ дѣйствій и властей въ Манчестерѣ, и министерства ***). Съ другой стороны и гренвилисты, особенно глава фракціи, Гренвиль, искупавшій грѣхи юности, перепуганные гораздо болѣе министерства, протягивали ему руку помощи, требовали принятія усиленныхъ и энергическихъ мѣръ, болѣе того—мѣръ исключительныхъ ****).

Еще въ сентябрѣ министерство колебалось, не рѣшалось созвать палаты. Теперь усиливающееся движеніе въ странѣ, увѣренность въ поддержкѣ побудили его дѣйствовать рѣшительнѣе. 20 октября въ газетахъ появилось письмо къ лорду Фицъ-Уильяму, въ которомъ министръ сообщалъ послѣднему о томъ, что «принцъ-регентъ не имѣетъ болѣе надобности въ услугахъ лорда Фицъ-Уильяма въ качествѣ намѣстника въ Уэстъ-Ридингѣ въ Іоркширѣ». Тогда же созванъ былъ и совѣтъ министровъ, съ цѣлью выработки мѣръ и рѣшенія вопроса о созывѣ парламента. Лордъ Сидмутъ проявилъ особенную энергію и настойчивость. Всѣ усилія лорда Ливерпуля не допустить ни созванія палатъ, ни принятія проекта исключительныхъ мѣръ, оказались тщетными. Да и что могъ сдѣлать такой слабый, нерѣшительный человѣкъ, какимъ былъ первый министръ, не обладавшій ни краснорѣчіемъ, ни смѣлостью мысли и дѣйствій, противъ энергіи Сидмута, упрямой настойчивости Ельдона, считавшаго

*) Pelew, Sydmouth, III, 270.
**) Ann. Reg., 1819, 274.
***) Таковы были митинги въ Оксфордѣ 11 октября, въ Лондонѣ 24 окт. и др. Ann. Reg., 140, 141, 160 и др.
****) Jonge, Life and administration of the second lord of Liverpool, II, 418.

своей величайшей заслугой, что въ «теченіе долгой своей карьеры онъ не допустилъ ни малѣйшихъ нововведеній въ своемъ вѣдомствѣ», юридическаго краснорѣчія лорда Редесдаля? Правда, на дѣлѣ оказывалось, что единогласія въ министерствѣ не было, и объ этомъ уже давно ходили слухи, еще во время выборовъ 1818 года, но едва ли это могло сказаться особенно рѣзко предъ палатой, когда зашло дѣло о принятіи исключительныхъ мѣръ. Въ совѣтѣ министровъ эти мѣры были поспѣшно приняты, поспѣшно принято большинствомъ голосовъ и рѣшеніе созвать палаты на 23 ноября. «Мы находимся, говорилъ Ельдонъ, въ такой позиціи, что страна должна создать новые законы примѣнительно къ новому положенію дѣлъ *)», а Сидмутъ увѣрялъ, что «существующихъ законовъ недостаточно,—необходимы энергическія средства, чтобы успокоить надолго страну **).

Увольненіе Фицъ-Уильма, извѣстіе о внезапномъ созывѣ парламента, организація инвалидныхъ полковъ, все это возбуждало сильное волненіе въ странѣ, заставляло ее ждать крупныхъ перемѣнъ. «Я не сомнѣваюсь, что они (министры) задумали самымъ серьезнымъ и рѣшительнымъ образомъ превратить управленіе страной въ управленіе менѣе свободное» и, вѣроятно, предложатъ «законы, ограничивающіе права митинговъ и прессы»,—писалъ Брумъ лорду Грею ***), и это его предположеніе, волновавшее и страну, болѣе чѣмъ сбылось.

23 ноября принцъ-регентъ въ своей рѣчи въ палатѣ лордовъ въ самыхъ мрачныхъ краскахъ обрисовалъ положеніе страны. Духъ мятежа, укоренившагося въ нѣкоторыхъ промышленныхъ округахъ, говорилъ онъ лордамъ, усиливается все болѣе и болѣе; общественное спокойствіе, мирные нравы и мирная жизнь занятыхъ классовъ общества подвергаются опасности; разростается открытая вражда къ конституціи, усиливается стремленіе не только измѣнить политическія учрежденія страны,—этотъ источникъ счастья и безопасности,—но и ниспровергнуть права собственности и существующій общественный порядокъ. И онъ требовалъ, чтобы парламентъ прекратилъ распространеніе измѣны и нечестія и создалъ мѣры, въ видахъ внушенія населенію чувствъ уваженія и подчиненія властямъ ****). Министерству онъ предоставлялъ изложить во всемъ ихъ объемѣ всѣ необходимыя для такой цѣли мѣры.

Мѣры эти въ видѣ шести биллей, получившихъ историческую и широкую извѣстность подъ именемъ «Lord Castlereagh's Six Acts», были внесены въ палату, въ теченіе менѣе чѣмъ мѣсяца подвергнуты троекратному обсужденію и голосованію и почти цѣ-

*) Twist, Eldon, II, 340.
**) Pelew, Sydmouth, III, 249.
***) Brougham, Works, II, 348.
****) Ann. Reg. 1819, 268—9.

ликомъ, съ ничтожными измѣненіями, утверждены громаднымъ большинствомъ и въ палатѣ лордовъ, и въ палатѣ общинъ. Наскоро и быстро подготовленъ былъ проектъ биллей, также были они и приняты. Министерство даже не успѣло во всей полнотѣ выработать программу дѣйствій, и по самому существенному вопросу, о законности или незаконности манчестерскаго митинга, высказанныя въ палатѣ мнѣнія министровъ были различны. Въ то время, какъ Ельдонъ не допускалъ даже и мысли о признаніи съ начала и до конца законности митинга въ засѣданіи палаты общинъ 23 ноября *), лордъ Кэстльри въ той же палатѣ на слѣдующій день, 24, отвѣчая на нападки Юма, заявилъ, что онъ «никогда не говорилъ, что митингъ былъ незаконнымъ въ началѣ, а только, что такимъ сдѣлался онъ впослѣдствіи» **). Только позже, 29 ноября, противорѣчіе было сглажено, и Кэстльри уже энергически отрицалъ, «чтобы такого рода митинги, какъ митингъ въ Манчестерѣ, были легальными митингами» и прибавлялъ, что «еслибы ихъ и признать таковыми, то всетаки необходимо принять мѣры, чтобы на будущее время они считались незаконными ***)». За то полное единодушіе проявлялось какъ въ защитѣ биллей, такъ и относительно заявленій, сдѣланныхъ Кэстльри противъ требованія о назначеніи слѣдствія по дѣлу о манчестерскомъ митингѣ, заявленій о томъ, что министерство не посылало приказовъ объ арестахъ и арестѣ Гэнта до митинга, что актъ о возмущеніи (riot act) былъ трижды прочтенъ на митингѣ, и тогда только пущена была въ ходъ военная сила и т. д.

«Министерство, говорилъ лордамъ Сидмутъ, рѣшилось дѣйствовать въ примирительномъ духѣ, но со всей необходимой твердостью» ****) и эту твердость въ дѣйствіяхъ министерства онъ, Сидмутъ, обусловливалъ принятіемъ биллей. Опытъ 1819 г., равно и предшествующихъ годовъ легъ въ основаніе предложенныхъ Сидмутомъ мѣръ, которыя должны были прекратить на все будущее время возможность повторенія безпорядковъ 1817 и 1819 гг. Къ манчестерскому митингу радикалы готовились заранѣе, упражняя въ военныхъ эволюціяхъ членовъ митинга. Одинъ изъ биллей и былъ направленъ противъ такого, по словамъ министерства, крайне опаснаго прецедента, грозящаго повести къ неизбѣжной революціи. Всѣ такія эволюціи были, поэтому, впредь строжайше воспрещены, и билль былъ принятъ въ обѣихъ палатахъ. Чтобы еще болѣе обезопасить страну отъ возможныхъ послѣдствій митинговъ, появленіе съ оружіемъ въ рукахъ на митингѣ не только было воспрещено, но мѣстнымъ властямъ дано право розыскивать и конфисковать оружіе во всѣхъ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ за-

*) Ann. Reg., 1819, 275.
**) Ib., 276.
***) Ib., 280.
****) Ib., 274.

мѣчено будетъ какое-либо волненіе умовъ. Предложеніе оппозиціи ограничить право розыска опредѣленными часами дня было отвергнуто. Сообщеніе лорда Дарлингтона, будто на сѣверѣ Англіи начались приготовленія къ возстанію съ оружіемъ въ рукахъ, указаніе на то, что на митингахъ въ Манчестерѣ, какъ и на митингѣ въ Смитфильдѣ, гдѣ присутствовало якобы до 800 тыс. человѣкъ, почти всѣ были вооружены и т. п., произвели настоящую панику въ палатѣ лордовъ, и билль былъ принятъ цѣликомъ. Но необходимо было регулировать и ограничить и самые митинги, порядокъ и характеръ ихъ, ихъ составъ. Особый билль отвѣчалъ этой потребности. Легальными признавались лишь митинги, созываемые въ графствахъ лордомъ намѣстникомъ, или шерифомъ, въ городахъ, обладающихъ корпоративными правами,—мэромъ. За этими исключеніями всѣ митинги, собираемые для обсужденія церковныхъ, либо государственныхъ дѣлъ, для составленія петицій и т. п. были воспрещены. Дозволялись митинги, собираемые въ приходахъ; но не иначе, какъ подъ условіемъ присутствія на нихъ лишь осѣдлыхъ мѣстныхъ жителей прихода. Присутствіе всякаго рода иныхъ лицъ—безусловно воспрещалось. Да кромѣ того установлено было требованіе, чтобы, во всѣхъ случаяхъ митинговъ, на которыхъ будетъ присутствовать болѣе 50 человѣкъ, предварительно 7 мѣстныхъ жителей подали заявленіе о митингѣ мѣстной власти и созывали его только въ случаяхъ полученія разрѣшенія: мѣстнымъ властямъ предоставлена была дискреціонная власть разрѣшать или не разрѣшать митинга, а каждому участнику митинга, имѣющему право быть на немъ, и право арестовывать и представлять властямъ постороннихъ лицъ, явившихся незаконно на митингъ. Принятіемъ этихъ мѣръ возможность для министерства Ливерпуля охранять порядокъ въ странѣ достигалось вполнѣ. Право составленія большихъ митинговъ въ графствахъ и городахъ давалось высшимъ классамъ,—низшіе могли принимать участіе лишь въ приходскихъ митингахъ. Съ другой стороны, доступъ странствующимъ ораторамъ, не живущимъ въ данной мѣстности, былъ совершенно закрытъ. Приходскіе митинги, говоритъ лордъ Ливерпуль, сдѣлаются благодаря этому крайне малолюдными *) и, слѣдовательно, не будетъ больше мѣста опасеніямъ. Этого мало. Самые крупные и населенные города, центры промышленной дѣятельности, совершенно лишены были права устраивать митинги. Ни Манчестеръ, ни Бирмингэмъ, ни Шеффильдъ, ни др. не принадлежали къ числу инкопорированныхъ мѣстностей, не имѣли права представительства въ парламентѣ, а теперь, въ силу новаго билля, уже не могли, да и не имѣли права подавать просьбы о распространеніи на нихъ права избирать представителей. Право заявлять о своихъ желаніяхъ и нуждахъ дано было лишь гни-

*) Jonge, Liverpool, II, 433.

лымъ мѣстечкамъ и мелкимъ и малолюднымъ городамъ. По предложенію Кэстльри воспрещеніе присутствовать на митингахъ распространено было и на женщинъ, и, по его же настоянію, правила о порядкѣ митинговъ примѣнены и къ собраніямъ, созываемымъ для обсужденія торговыхъ и промышленныхъ дѣлъ, если они устраиваются на открытомъ воздухѣ. Возраженія оппозиціи, что залы гильдголлей не вмѣстятъ въ себѣ всѣхъ членовъ такого рода митинговъ, было отстранено Кэстльри, заявившимъ, что мѣста будетъ довольно и что,—и это главное,—усмотрѣно, что эти митинги уклоняются отъ прямой своей цѣли въ сторону обсужденія политическихъ вопросовъ и потому требуютъ необходимо принятія противъ нихъ серьезныхъ мѣръ *).

Рядъ другихъ биллей дополнялъ въ другомъ направленіи принятыя мѣры. Одинъ изъ нихъ внесенъ былъ по настоянію Гренвиля, обезпокоеннаго отсрочками въ судѣ надъ виновными въ безпорядкахъ и обвиненными въ высокой измѣнѣ или стремленіи низвергнуть конституцію **). Новый билль требовалъ для такого рода дѣяній немедленнаго преданія суду, за исключеніемъ случаевъ, когда судъ самъ сочтетъ нужнымъ отложить процессъ, и только принятая палатой поправка, внесенная лордомъ Голлэндомъ, нѣсколько смягчала дѣйствіе билля. По его предложенію, генеральный атторней обязанъ былъ въ теченіе года подвергать виновнаго суду, и если годичный срокъ оказывался пропущеннымъ, преслѣдованіе прекращалось.

То были предупредительныя мѣры. Ими выполнялась лишь часть программы, начертанной въ рѣчи при открытіи сессіи парламента. Но оставались еще мѣры оздоровленія, о которыхъ тоже хлопотало министерство. Билль, касавшійся порядка конфискаціи «мятежныхъ и возмутительныхъ памфлетовъ», и другой, подвергавшій всѣ произведенія ниже опредѣленнаго объема штемпельному налогу, падавшему на большія газеты, вполнѣ удовлетворяли, по мнѣнію министерства, и этой части требованій, высказанныхъ въ рѣчи. Брошюра «возмутительнаго и мятежнаго содержанія» (blasphemous and seditioos libels), жаловалось министерство, страшно распространены въ странѣ. Раньше оно пыталось было остановить ихъ распространеніе, возбудило рядъ процессовъ, но потерпѣло въ судахъ неудачу. Теперь предлагаетъ новыя средства, болѣе дѣйствительныя. Билль устанавлялъ, какъ общее правило, что если у какого либо книгопродавца окажутся въ складѣ или въ продажѣ книга или брошюра «мятежнаго содержанія», власти предоставляется право немедленно конфисковать всѣ экземпляры, передать дѣло суду, и только въ томъ случаѣ, если судъ признаетъ книгу или брошюру невинными по содержанію, изданіе возвращается торговцу или издателю. Но пока судъ не

*) Ann. R., 1819, 288.
**) Ann, Reg., 1819, 289,

произнесъ рѣшенія,—продажа ни подъ какимъ видомъ не дозволяется. Обратно, если книга или брошюра будетъ объявлена преступной, и если издатель позволитъ себѣ вслѣдъ затѣмъ издать новую и вновь признанную преступной книгу или брошюру или продавать конфискованную старую, то ему, по биллю, грозитъ пеня, заключеніе и ссылка (transportation). Только вслѣдствіе энергическихъ настояній оппозиціи ссылка (transportation) была замѣнена изгнаніемъ (banishement), и это все, чего могла она добиться, такъ какъ билль прошелъ почти $^2/_3$ голосовъ. Но и этого всего показалось Кэстльри недостаточнымъ для успокоенія умовъ и министерства. Чтобы вполнѣ обезпечить страну отъ зловредныхъ издателей мятежныхъ брошюръ и книгъ, установленъ былъ залогъ (въ 300 ф. въ Лондонѣ, 200 въ друг. городахъ) и сверхъ того, каждый торговецъ книгами до открытія лавки обязанъ былъ представить удостовѣреніе о хорошемъ поведеніи. Безъ такого удостовѣренія разрѣшеніе торговать книгами не выдавалось въ странѣ, основнымъ принципомъ конституціи которой было признаніе права каждаго англичанина печатать все, что ему угодно, подъ личной отвѣтственностью. Съ тѣмъ же успѣхомъ прошелъ въ обѣихъ палатахъ и билль относительно штемпельнаго налога, главнымъ образомъ направленный противъ ненавистнаго министерству и большинству Коббета, двухъ-пенсовой Register котораго расходился въ рабочей массѣ въ значительномъ количествѣ экземпляровъ, какъ вслѣдствіе его дешевизны, такъ и содержанія. До 1819 г. дешевыя книжки, брошюры и газеты издавались безъ оплаты и были разсчитаны на удовлетвореніе потребностей рабочихъ классовъ. Поставить крутую преграду проникновенію такихъ изданій въ народную массу и было главною задачею новаго билля. Всѣ такія изданія, все равно періодическія или нѣтъ, сравнены были съ большими газетами и должны были оплачивать штемпель наравнѣ съ этими послѣдними. Лордъ Елленбороу съ особенною горячностью поддерживалъ билль, какъ такую мѣру, которая, воскликнулъ онъ, «наложитъ узду на прессу для бѣдныхъ, прессу, породившую все зло, царящее нынѣ среди низшихъ классовъ» *). Эта цѣль, съ точки зрѣнія составителя билля, достигалась въ значительной мѣрѣ. При цѣнѣ газеты или брошюры въ 7 пенсовъ, штемпельный налогъ былъ въ 4 пенса, и цѣна двухпенсовой газеты Коббета повысилась сразу до 6,1 с., т. е. утроивалась.

Борьба изъ за биллей въ обѣихъ палатахъ была и страстной, и горячей. Оппозиція обвиняла министерство въ томъ, что оно и не помышляло и не помышляетъ о какихъ либо примирительныхъ мѣрахъ, что всѣ его помыслы, желанія направлены не къ умиротворенію, но исключительно къ употребленію одной силы. «Сила, сила, сила—и ничего кромѣ силы», восклицалъ въ палатѣ вождь виговъ,

*) Рѣчь Ellenbourough въ зас. палаты лордовъ 2 дек.

Тіерней *). Шагъ за шагомъ оспаривала оппозиція почву у министерства, взывала къ старымъ традиціямъ англійскихъ учрежденій, къ благоразумію. Но напрасны были всѣ ея усилія. Она оказалась безсильной заставить палату отвергнуть хотя бы одинъ изъ предложенныхъ биллей, какъ оказались безсильными и тѣ петиціи, которыя массами подавались книгопродавцами и издателями, испытывавшими паническій ужасъ при чтеніи проекта билля и предвидѣвшими полное свое разореніе, разъ билль будетъ принятъ и примѣненъ. Партія тори въ союзѣ съ партіей Гренвиля одержала верхъ и обезпечила министерству полную побѣду. Все, что могла создать оппозиція, это—включить въ протоколы палаты протестъ свой противъ биллей, протестъ, подписанный, между прочимъ, и однимъ изъ принцевъ, герцогомъ Сэссекскимъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

И. Лучицкій.

---

*) Ann. Reg., 306.

ѢДУТЪ...

Разсказъ.

I.

У борта лодки, наклонившись надъ водой и опустивши руку въ рѣку, сидѣлъ невысокаго роста сутуловатый господинъ въ грубо сшитыхъ сапогахъ, въ оленьей порыжѣлой курткѣ, изъ подъ которой виднѣлась рубашка синей толстой дабы, и въ мѣховой оленьей шапкѣ на головѣ. Съ свѣтло-русыми волосами, голубыми глазами и подвижнымъ, быстро мѣняющимся лицомъ, онъ выглядѣлъ совсѣмъ молодымъ, двадцатипяти-лѣтнимъ человѣкомъ. Онъ улыбался, время отъ времени поднималъ голову, и странно разсѣянный взглядъ его слѣдилъ за темными утесами, поросшими густымъ лѣсомъ кедровъ, пихтъ и лиственницъ. Холодная вода Ангары билась объ его пальцы, и на крутыхъ поворотахъ рука начинала дрожать; тогда онъ улыбался сильнѣе, и блуждающіе глаза свѣтились страннымъ выраженіемъ. Онъ глубже и глубже опускалъ руку, лодка покачнулась.

— Вася!—строгимъ недовольнымъ голосомъ заговорила сидѣвшая въ глубинѣ лодки, прислонившись къ подушкамъ, жена его.

У нея было худое, усталое съ застывшимъ выраженіемъ какого-то угрюмаго равнодушія лицо. Съ посѣдѣвшими висками и сѣтью мелкихъ морщинокъ около глазъ, съ глубокой складкой, часто ложившейся на лобъ и придававшей лицу болѣзненное выраженіе, она казалась старше своего мужа.

— Я тебя просила, Вася!

Онъ неохотно вынулъ руку изъ воды, его лицо приняло виноватое и приниженное выраженіе.

— Какъ она бѣ-ѣ-житъ...—волнуясь и слегка заикаясь, заговорилъ онъ.—Ты слышишь, какъ она журчитъ подъ лодкой? Вѣдь мы быстро ѣдемъ, Варя, не правда-ли? И знаешь,—онъ улыбнулся дѣтской заискивающей улыбкой—мнѣ кажется, вода теплѣе становится. Право, теплѣе, ты попробуй!

— Я вѣрю, Вася, вѣрю; посиди смирно.

— Смотри, какъ парусъ надулся, какъ бѣгутъ берега! Ви-

дишь тотъ утесъ, что на мертвую голову похожъ, смотри, смотри, вонъ ужъ онъ гдѣ!—Онъ опять нагнулъ лодку, передвинулся къ гребцамъ, наклонившись, смотрѣлъ изъ-за паруса на уходившій вдаль угрюмый утесъ и смѣялся.—Они уходятъ, Варя, горы уходятъ...

Она съ тревогой смотрѣла на возбужденное лицо сильно жестикулировавшаго мужа и попрежнему строго выговорила:

— Да, Вася, они уходятъ, уходятъ...—Она взяла его за руку и тихонько потянула къ себѣ.—Сядь со мной, посиди. Намъ нужно поговорить о будущемъ. Какъ ты хотѣлъ распорядиться съ домомъ?

Она знала, какъ дѣйствовать на мужа. Онъ тотчасъ же пересѣлъ, крѣпко до боли стиснулъ ея руки и, зажмуривши глаза, торопясь и заикаясь, заговорилъ.

— Ахъ, Варя! Ахъ Варя! Это будетъ такой домъ, такой домъ... Старый я, конечно, сломаю. Онъ темный, онъ низкій и онъ пахнетъ... прежними жизнями, старыми жизнями. Я тамъ выстрою на горѣ, надъ прудомъ, помнишь, гдѣ такъ степь открывается... Онъ будетъ высокій, окна я сдѣлаю огромныя, во всю стѣну, а потолокъ стеклянный. Я думаю, архитекторъ согласится сдѣлать стеклянный?—съ тревогой взглянулъ онъ на жену.

— Я думаю, согласится.

— Да, стеклянный... Чтобы ночью мѣсяцъ по комнатамъ ходилъ, чтобы звѣзды было видно. А я буду на скрипкѣ играть. Ночью такъ думается... Вотъ, тогда я симфонію окончу.

Онъ подперъ голову руками и, словно всматриваясь въ даль сверкавшей на солнцѣ широкой излучины рѣки, заговорилъ тихо и медленно.

— Мы посадимъ яблони. Лѣсъ я вырублю и старый садъ вырублю, чтобы кругомъ было видно, чтобы свѣтло было. Ты помнишь яблонь? Ты не забыла бѣленькія съ розовымъ цвѣточки, ты помнишь, какъ пахнетъ она? Сладко, сладко...—онъ открылъ ротъ и глубоко вздохнулъ.—Ты не забыла? Мы посадимъ яблони?

Она сидѣла съ тѣмъ же выраженіемъ холодной скуки на усталомъ лицѣ и, откликаясь какъ эхо, повторила тономъ мужа:

— Да, мы посадимъ яблони.

— Я только тополь оставлю, знаешь, тотъ тополь, что одинъ стоитъ въ степи... А предъ окнами жасминовъ насажу. Вечеромъ, когда тополь будетъ качаться, жасминъ будетъ пахнуть...

Его зрачки расширились, и синіе глаза потемнѣли, углы рта опустились и лицо приняло напряженное выраженіе.

— И соловей будетъ прилетать... Можетъ быть, тотъ самый, что тогда, тогда... Ахъ, какъ это давно было! Ты помнишь, тогда?

Онъ потиралъ лобъ бѣлыми длинными пальцами и съ жалобнымъ выраженіемъ смотрѣлъ въ глаза жены.

— Къ намъ будетъ прилетать соловей?

— Будетъ прилетать...

Жалобное выраженіе исчезло съ его лица, и влажные расширившіеся глаза восторженно заблестѣли.

— Сколько цвѣтовъ у меня будетъ! Горошекъ сладкій, ночная красавица, маку насажу, левкоевъ, резеды—только тѣхъ, которые пахнутъ—да, вѣдь?

— Будетъ прилетать...

— Ты не слушаешь меня?—разсердился Василій Михайловичъ.

Варвара Павловна вздрогнула и быстро заговорила:

— Ты не сердись на меня, Вася. Я немножко задумалась своими мыслями. Ты говори, говори,—я буду слушать.

— Я тебѣ астры насажу,—говорилъ сердитый голосъ,— холодныя, бездушныя, безсердечныя астры. Твои цвѣты я знаю.

Онъ скоро смягчился и снова заговорилъ довѣрчиво и ласково.

— Я вѣдь въ сущности все люблю, Варя, все люблю... Ты помнишь, какъ это хорошо у Шелли.

...«были дороги мнѣ утро
«Росистое, душистый полдень, вечеръ
«Со свитой тучекъ пурпуромъ одѣтыхъ
«И полночи безмолвное дыханье,
«И осени въ лѣсу глухіе стоны...

Онъ на минуту задумался и снова продолжалъ:

«И снѣжный плащъ, и льдистая корона
«Сѣдой зимы, и трепетъ сладострастный,
«И первое лобзаніе весны...

Глаза смотрѣли вдаль, онъ все говорилъ:

— Я и астры люблю. Онѣ не безсердечныя, онѣ безстрастныя, вѣчныя... Знаешь, осенью, когда всѣ цвѣты умрутъ... Ты помнишь, у насъ въ саду, когда выпалъ первый снѣгъ и все покрылъ, и помнишь, двѣ бѣлыя астры, живыя и свѣжія надъ сугробомъ стояли?...

Все шли утесы холодные, каменные, увѣнчанные темной щетиной хвойныхъ деревьевъ.

Огромныя, нагромоздившіяся другъ на друга и не успѣвшія растаять послѣ недавняго ледохода, синія льдины въ дикомъ безпорядкѣ лежали на берегу, блестя на солнцѣ и капая холодными крупными каплями; тянулась безконечная гладь темной рѣки, и чуть виднѣлся вдали такой же скалистый берегъ, окаймленный такой же смутно-синѣющей полосой тающихъ льдинъ.

Василій Михайловичъ вздрогнулъ и быстро заговорилъ:

— Только Сибири не люблю. Утесовъ этихъ каменныхъ, деревьевъ страшныхъ, иглы этой смоляной...—Его голосъ дрогнулъ слезами, онъ прижался къ женѣ и истерически зарыдалъ.—Они не уходятъ... Все идутъ и идутъ. Я боюсь, боюсь. Мнѣ страшно... Господи, скоро-ли!!!

Она положила голову мужа къ себѣ на плечо, тихо гладила бѣлокурые волосы и приговаривала, какъ баюкаютъ дѣтей:

— Скоро, скоро... Они уходятъ. Тамъ будутъ у насъ яблони и жасмины. Посадимъ резеду, и соловей прилетать будетъ.

Онъ тихо вздрагивалъ, засыпая, откинувшись на подушки, слезы блестѣли на закрытыхъ вѣкахъ, и губы складывались въ блаженную улыбку, а ея лицо оставалось неподвижно-холодно и враждебно, и угрюмая складка глубже врѣзалась на лбу. Она долго всматривалась въ затихшее, умиротворенное лицо мужа, и вдругъ ея пальцы хрустнули въ крѣпко сжатыхъ рукахъ, и изъ сцѣпленныхъ зубовъ вырвался полузадушенный стонъ. Она сползла съ подушекъ, и руки безсильно повисли, а закрытые, глубоко запавшіе глаза съ темными кругами и сѣтью мелкихъ морщинокъ дѣлали лицо такимъ жалкимъ, больнымъ, измученнымъ.

Она долго лежала, закрывши глаза и не двигаясь, и снова выраженіе холодной скуки и усталости ложилось на ея лицо.

Прошлое также не уходило отъ нея и, какъ эти холодные утесы, годъ за годомъ вставало передъ ней, темное, печальное.

Откуда это пошло?—въ сотый разъ долго и мучительно думала она.—Какъ могло выйти, что она осталась одинока, и человѣкъ, котораго она беззавѣтно любила, сдѣлался ей чужой, сталъ вызывать чувство вражды, чуть не злобы?

Она знала, что не права, чувствовала, что должна приласкать и поддержать своего разстроеннаго, еще не оправившагося отъ психической болѣзни мужа, и вмѣстѣ съ тѣмъ ей нужно было употреблять страшныя усилія, чтобы говорить ему ласковыя слова, которыя такъ на него дѣйствуютъ и, очевидно, такъ нужны ему.

Тамъ, въ Россіи, въ оживленной сутолокѣ дня, въ шумной и напряженной дѣятельности, все такъ хорошо было... Хорошо было и здѣсь сначала, когда они отдыхали отъ долгаго путешествія, охваченные своеобразной красотой тайги и этой же рѣки, и тѣхъ же утесовъ. А потомъ началось...

Они остались въ этомъ полутунгузскомъ селѣ, одинъ на одинъ, когда индивидуальныя черты, эти углы личности, выступаютъ особенно рѣзко и задѣваютъ особенно больно.

Даже и не начиналось... Медленно и постепенно между ними вставало что-то несознанное, неуловимое, выростала

какая-то глухая стѣна, все болѣе и болѣе раздѣлявшая эти двѣ, такъ тѣсно связанныя, жизни.

Ему такъ легко жилось, а ей такъ трудно... То, что вызывало въ ней сомнѣнія, было такъ ясно и н есомнѣнно для него, такъ легко шло мимо его вѣчно-жизнерадостной души, полной вѣры и чуждой сомнѣній. Что она глубоко ненавидѣла, то онъ такъ легко прощалъ, и чѣмъ онъ восторгался, было чуждо ей...

Тяжело стучалъ молотокъ по крышкѣ гроба ея маленькаго сына, и комья мерзлой глины съ сухимъ жестокимъ звукомъ падали въ могилу... Мужъ такъ горько плакалъ и такъ легко утѣшился. Онъ выписалъ свою скрипку, которую забросилъ во времена студенчества, и цѣлыми днями игралъ печальныя мелодіи.

Его горе было такъ красиво... Онъ обсадилъ могилку сына бѣленькими березками, стройную лиственницу посадилъ въ головахъ, а могильный холмъ покрылъ незабудками, жарками, желтыми лиліями, розовыми дикими піонами, сибирскими цвѣтами, которые онъ съ корнемъ приносилъ изъ тайги и луговъ.

Всякій день ходилъ на кладбище и подолгу оставался тамъ, а когда пришла весна—она помнитъ—онъ вернулся съ кладбища и, растроганный, съ дрожащими на глазахъ слезами, говорилъ:

— Березки распустились, Варя, и незабудки расцвѣли, и знаешь, Варя, голубенькія онѣ, словно изъ нихъ смотрятъ Витины глазки...

Въ ея горѣ не было ни цвѣтовъ, ни красивыхъ звуковъ. Раненое сердце медленно сочилось кровью, безъ жалобъ, безъ вздоховъ, безъ слезъ, безъ музыки. Ея горе вѣчно стояло у изголовья и стучало въ ея сердце, какъ молотокъ о гробовые гвозди, и она никуда не могла уйти отъ искаженнаго ужасомъ маленькаго личика, съ мучительнымъ напряженіемъ глотавшаго воздухъ.

Когда мужъ опускалъ смычекъ и, умиротворенный, затихшій, смотрѣлъ на нее печальными глазами, она не могла подавить въ себѣ чувства, близкаго къ ненависти. «Поигралъ и забылъ»—чуть не со злобой думала она.

Въ концѣ концовъ ей сдѣлалось противно все то, что она прежде такъ любила въ мужѣ,—эту неистребимую вѣру и эти порывы, его мягкость и доброту, вѣчную ясность души и то поэтическое настроеніе, которое проникало всего его. Въ особенности, послѣднее... Ей опротивѣла красота его горя. Она знала, что мужъ искрененъ, но ей были противны самый культъ красоты горя, это любованье горемъ, ее раздражали и березки, и цвѣты, и всѣ эти красивыя музыкальныя грусти,

эти поэтическія жалобы безъ словъ, элегія Эрнста, баллада Венявскаго, колыбельная пѣсня Неруда... Даже и тогда, когда по ея просьбѣ онъ пересталъ играть дома и уходилъ со скрипкой въ тайгу, ей казалось, что и оттуда эти звуки неотступно преслѣдуютъ ее.

Она и теперь закрыла глаза и нѣкоторое время, казалось, прислушивалась.

А потомъ такъ быстро случилось. Какъ буря прошла... Мужъ заболѣлъ тифомъ... Долгіе дни безпамятства буйнаго бреда... безконечныя безсонныя ночи одиночества и безпомощность; ухаживать кромѣ нея было некому, и ближайшая больница и докторъ были за семьсотъ верстъ. Потомъ онъ очнулся лишеннымъ разума человѣкомъ, и волостной фельдшеръ отвезъ его за тысячу верстъ въ сумашедшій домъ ближайшаго губернскаго города, а она осталась одна съ умирающимъ ребенкомъ на рукахъ.

Снова хрустнули пальцы на рукахъ, и съ исказившагося лица смотрѣли дикіе непонимающіе глаза.

Ея Гриша, ея послѣдняя радость...

У него были мягкіе, какъ пухъ, волосы и ручки теплыя нѣжныя, какъ бархатъ, такъ крѣпко обнимали ея шею, и милый голосокъ говорилъ: ты не люди,—ты мама...

Какъ кричалъ онъ... Двѣнаддать дней, двѣнадцать ночей непрерывнаго крика, а глаза все расширялись и дѣлались огромными, кожа обтягивалась по костямъ, около рта образовались глубокія морщины, губы складывались въ странную улыбку, а ужасные огромные глаза смотрѣли упорнымъ, жестокимъ взглядомъ...

Снова стучалъ молотокъ по крышкѣ гроба. Къ тѣмъ же березкамъ унесли его. Снѣгъ шелъ въ тотъ день...

Она вцѣпилась зубами въ подушку и долго лежала, время отъ времени вздрагивая своимъ худымъ тѣломъ.

Синій парусъ надулся. Тянулъ холодный вѣтеръ и гналъ тяжелыя, мутныя, съ бѣлыми гребнями, волны. Сѣрыя тучи ползли по вершинамъ утесовъ и длинными языками спускались въ поросшія темнымъ лѣсомъ ущелья. Туманъ вставалъ надъ огромной рѣкой. Вытянувши шеи, съ печальными криками летѣла черезъ рѣку огромная стая дикихъ гусей, холодными крупными слезами истекали льдины на берегу.

— Они уходятъ, Варя! Уходятъ!—торжествовалъ проснувшійся Василій Михайловичъ.

Варвара Павловна сидѣла, прислонившись къ чемодану, съ прежнимъ выраженіемъ усталости и холодной скуки на лицѣ.

Воспоминанія все тянутся, сумрачныя, тоскливыя, неотвязныя...

Черезъ полгода вернулся мужъ съ этимъ безумнымъ смѣ-

хомъ на губахъ, съ этимъ разсѣяннымъ, блуждающимъ взглядомъ и проснувшейся неукротимой, кричащей тоской по родинѣ, вернулся чужимъ для нея.

Этотъ чужой человѣкъ неотступно стоялъ предъ ней, требовалъ ея вниманія, заботы, отвѣта...

Онъ заставлялъ ее слушать то, что онъ называлъ своей симфоніей.—«Ты слышишь, это яблоня пахнетъ!»—говорилъ онъ, прижавши скрипку къ подбородку и смотря на нее безумными восторженными глазами. Она должна была слушать, какъ яблоня пахнетъ, какъ тополь шумитъ, какъ солнце стоитъ надъ степью. Если она отвѣчала невпопадъ, онъ то сердился, то плакалъ, а потомъ опять шли безконечные разговоры о яблонѣ, соловьѣ, о степи и восторженныя мечты о родинѣ.

А она оставалась одна, одинокая, въ этомъ огромномъ полутунгузскомъ селѣ, среди утесовъ и тайги и безумной симфоніи мужа.

Предъ ней проходили долгіе и тоскливые дни, страшныя безсонныя ночи, когда одиночество во всемъ ужасѣ вставало предъ ней, и ей хотѣлось кричать, чтобы нарушить мертвую тишину, а впереди, тамъ, куда съ такой безумной радостью рвался ея мужъ, выплывали такіе же, полные одиночества, темные годы, разрушенныя мечты, раздавленная жизнь и рядомъ съ ней—этотъ чужой ей человѣкъ, которому она нужна, отъ котораго она не можетъ, не имѣетъ права уйти...

Синій парусъ надувается. Шесть долгихъ дней, шесть прозрачныхъ, холодныхъ, бѣлыхъ ночей. Мѣняются гребцы, мѣняются лодки. Огромной пеленой въ десять—пятнадцать верстъ ширины развертывается угрюмая рѣка и, какъ птица съ синими крыльями, ныряетъ по волнамъ лодка. Временами утесы сдвигаются, съ ревомъ и пѣной бьется вода о встающіе со дна громадные камни, какъ стрѣла, летитъ мимо нихъ порогомъ лодка,—тогда бѣлокурый человѣкъ съ синими блестящими глазами порывается встать въ лодкѣ, размахиваетъ своей шапкой и громко кричитъ:

— Они уходятъ, Варя, уходятъ!..

II.

Взволнованно и неувѣренно, сбиваясь съ тона, зазвенѣлъ колокольчикъ, глухо застучали камни шоссе подъ колесами тарантаса, лѣнивой рысью побѣжали телеграфные столбы, придорожныя пихты и кедры, медленно плыли вдали, окутанныя синей дымкой майскаго утра, темныя горы и закрытыя туманомъ ущелья... Въ тарантасѣ тихо. Возбужденный и ра-

достный Василій Михайловичъ время отъ времени перегибается черезъ перекладину экипажа, критически осматривая дорогу, сѣрой лентой убѣгавшую впередъ между двумя рядами темныхъ деревьевъ, осматривая мохнатыхъ лошаденокъ и сбрую на нихъ и сидѣвшую на козлахъ фигуру ямщика, словно оцѣнивая туда-ли, куда слѣдуетъ, вьется дорога, бѣгутъ-ли лошади, надеженъ-ли ямщикъ.

Дальше и дальше. Сѣрая дорога все также вьется впереди и бѣжитъ, куда слѣдуетъ, встряхивая гривами, ровной рысью бѣгутъ мохнатыя лошаденки, увѣренно радостно посвистываетъ ямщикъ, гряда бѣлыхъ облаковъ, какъ-то удивительно чистыхъ и прозрачныхъ протянулась въ голубой высотѣ горячаго неба и тихо плыветъ все впередъ, впередъ и впередъ... А колокольчикъ мѣрно покачивается подъ дугой и громко и увѣренно кричитъ по тайгѣ: ѣдемъ, ѣдемъ, ѣдемъ...

— Самого его сіятельство, графа Свистунова изъ Херсона-города важивалъ...—слышится голосъ ямщика.—Подкачу, только что крыльца не своротю,—звѣри, а не кони. Выйдетъ его сіятельство.—Ну,—скажетъ,—молодецъ мерзавецъ! Чай, кони-то краденые?—Краденые,—говорю,—ваше сіятельство! На водку меньше трехъ цѣлковыхъ, ни, Боже мой!

Какъ перепутанные придорожные кусты, безпорядочно и безсвязно проносятся мысли въ головѣ Василія Михайловича.

«Графъ Свистуновъ!»—съ уваженіемъ думаетъ онъ... Сколько столбовъ осталось вонъ до того утеса,—прикидываетъ онъ въ головѣ.—Что-жъ, что краденые, если хорошо везутъ!

— Коники вы, коники!—снова слышится голосъ ямщика.— Привезли вы меня, коники, въ страны холодныя, въ палестины здѣшнія. Эхъ баринъ милый,—оборачивается ямщикъ къ сѣдоку,—увижу коня настоящаго—душа не терпитъ. Бывало, на своей сторонѣ, на ярмаркѣ, гдѣ увидишь... Поведетъ это онъ на меня глазомъ, да начнетъ этакимъ манеромъ ногами перебирать, а у меня сердце дергаетъ, круги въ глазахъ пойдутъ, не стерплю—украду! Сколько бою принялъ, а украду, милый баринъ, украду... Эхъ вы, голуби, соколики мои!—и пронзительный свистъ, какъ дикій вопль, пронесся по тайгѣ.

Вздрогнули и рванулись лошади, вздрогнули и понеслись телеграфные столбы и деревья, черной пастью глянулъ проваль глубокаго оврага, зеленой лентой метнулась рѣчка, и колокольчикъ не звенитъ, а пригнувшись къ дугѣ, залился и кричитъ, и поетъ: «ѣдемъ, ѣдемъ, ѣдемъ...»

Оленья шапка свалилась въ тарантасъ, бѣлокурые волосы мечутся по вѣтру, синіе расширившіеся глаза блестятъ на

поблѣднѣвшемъ лицѣ, и взволнованный голосъ глухо шепчетъ: «надбавь!»

— Над-бавь!—кричитъ ямщикъ. И-ра-ра-ра! несется по тайгѣ. И-ра-ра-ра!—отвѣчаетъ тайга.

Распластавшись въ воздухѣ, словно не касаясь земли, летятъ пристяжки, чуть покачиваясь несется обросшій шерстью, какъ овца, обезумѣвшій иноходецъ и злобно кусаетъ за шеи отстающихъ пристяжекъ и въ дикой ярости не ржетъ, а, какъ безумный звѣрь, воетъ и реветъ.

— Р-р-рѣжутъ!—весь перегнувшись къ лошадямъ, изступленно кричитъ ямщикъ.

— Р-р-рѣжутъ!—также изступленно кричитъ ему сѣдокъ.

Какъ зайцы пригнули уши къ шеѣ пристяжки, дикимъ ревомъ заревѣлъ иноходецъ, въ безумной свалкѣ заметалась тайга... Тамъ впереди, внизу, гдѣ виднѣется крутой поворотъ дороги, глянула темная страшная пасть глубокой пропасти,—все ближе и ближе... Дико шарахнулась тройка въ сторону къ нависшей надъ пропастью скалѣ, на мгновеніе, на короткій, какъ переходъ отъ жизни къ смерти, мигъ повисло колесо надъ пропастью... Тарантасъ дрогнулъ и качнулся... Глухимъ гуломъ гудитъ дорога, громкимъ вздохомъ прогремѣлъ мостъ, какъ вспугнутыя птицы взнеслась тройка въ гору, рвется вѣтеръ и свиститъ въ уши, колокольчикъ припалъ къ дугѣ и съ жалкимъ ужасомъ выговариваетъ: «а-а-а».

Думы думаются, думы плывутъ...

На днѣ экипажа, вытянувшись съ закрытыми глазами, лежитъ худая и блѣдная усталая женщина. Что-то мечется кругомъ, что-то несется мимо нея, что-то гудитъ и кричитъ и звенитъ, но все это неясными тѣнями, смутнымъ шумомъ доносится въ глубину экипажа. Время отъ времени она открываетъ глаза и долго всматривается въ небо, гдѣ тихо плыветъ все впередъ и впередъ бѣлая гряда перистыхъ облаковъ.

Думы думаются и медленной вереницей тихо плывутъ давнія лица, давнія рѣчи, далекое прошлое, дѣтскія грёзы...

Тихое, спокойное, ясное прошлое...

Въ четыре—обѣдъ, она изъ гимназіи, дядя изъ канцеляріи. Обѣдъ вдвоемъ все въ той же квартирѣ на Васильевскомъ Островѣ, въ которой они жили, какъ только она помнитъ себя. Все та же Арина, приставшая къ семьѣ, какъ принадлежность мебели... Нѣсколько словъ о гимназіи, о послѣдней книжкѣ журнала, о новой брошюрѣ, а потомъ своя комната и книга, книга, книга и книга и безконечные часы, проведенные надъ ней въ этой своей комнатѣ, безконечныя думы, передуманныя тамъ. Иногда заходилъ дядя, воспитавшій ее съ дѣтства, старый холостякъ, служившій чиновникомъ и писавшій статьи по спеціальнымъ вопросамъ въ журналахъ, садился на маленькую

кушетку у ея стола и развивалъ свою любимую теорію о распутствѣ мысли и объ отсутствіи внутренней дисциплины, составляющихъ по его мнѣнію главное зло Россіи.

Она не была повинна ни въ томъ, ни въ другомъ. И у себя, и въ тѣхъ двухъ-трехъ домахъ, гдѣ она бывала, она встрѣчала тотъ же дѣловой суховатый тонъ, то же размѣренное время, ту-же дисциплину, о которой такъ много хлопоталъ дядя. Этой дисциплины было много въ самомъ Петербургѣ, въ его «линіяхъ» и «проспектахъ», въ темноватыхъ тонахъ однообразно вытянутыхъ безъ красокъ и рельефовъ голыхъ каменныхъ домовъ, въ вѣчныхъ сумеркахъ, сѣрой тучей окутывавшихъ холодно-величественный и дѣловито-дисциплинированный городъ «безъ почвы, безъ климата, безъ явленій природы», какъ любилъ называть его Василій Михайловичъ.

Она выростала одна, сдержанная и замкнутая, какъ всѣ одиноко растущія дѣти, немного скептичная, безъ кричащихъ порывовъ, довольная своимъ одиночествомъ, вырабатывавшая свою дисциплину.

Гимназія кончилась, начались курсы. Рамки жизни раздвигались, вставали вопросы болѣе крупные, болѣе отвѣтственные, кругомъ были новые люди; а интимная жизнь ея текла по старому руслу, такая-же ясная, размѣренная.

Тогда-то въ ея обстановку, въ ея интимную жизнь ворвалось это бѣлокурое безуміе съ синими глазами, съ пѣсней на губахъ, съ мечтой во взглядѣ, съ порывами и восторгами, съ огромнымъ запасомъ вѣры, съ шумной экспансивностью юга. На правахъ какого-то троюроднаго племянника ея дяди онъ чувствовалъ себя совершенно свободно, какъ у себя дома,— приходилъ, когда вздумается, сидѣлъ по долгу, пѣлъ, игралъ на рояли. Вначалѣ ее раздражали его метанья и порывы, растрепанность артистической натуры, какъ раздражала его манера вѣчно задѣвать стулья, ронять стаканы, разливать чай и супъ по скатерти; но вмѣстѣ съ тѣмъ съ его появленіемъ въ застоявшуюся атмосферу квартиры на Васильевскомъ Островѣ ворвалось что-то новое, неизвѣстное ей, самъ югъ, какъ онъ рисовался ей, съ его красками и цвѣтами, солнцемъ и пѣснями,— что-то свѣтлое, горячее...

Онъ такъ быстро рѣшалъ тѣ вопросы, къ которымъ она подходила съ сомнѣніемъ и тревогой, которые она долго вынашивала въ своей душѣ...

Ей вдругъ съ поразительной яркостью вспомнилась одна сцена тамъ на дачѣ, гдѣ Василій Михайловичъ гостилъ у нихъ нѣсколько дней. Она поспорила, кто первый добѣжитъ до рѣки. По знакомой тропинкѣ она добѣжала раньше и торжествующая стояла въ лодкѣ, отпихнувшись отъ берега, когда на верху крутого обрывистаго берега показался ея спутникъ. Ей каза-

лось, что она какъ сейчасъ видитъ, какъ онъ съ разбѣгу, въ чемъ былъ, бросился въ рѣку и поплылъ къ ней...

Все вспоминается...

Она любила ходить съ нимъ въ оперу,—онъ лучше ея понималъ музыку и умѣлъ объяснять ей. Послѣ чаи у нея на Васильевскомъ... Изъ полуосвѣщенной гостинной доносились въ столовую только что слышанные мотивы, то, что понравилось ей въ театрѣ. Она—поклонница классической музыки—всегда ссорилась за то, что Василій Михайловичъ ничего не игралъ правильно и всюду вносилъ личное настроеніе, но вмѣстѣ съ тѣмъ именно это, его своеобразная манера играть и нравилось ей. Ясно вспомнился тотъ вечеръ, послѣ Фауста... «Посидите немножко»... остановилъ онъ ее, когда она пришла звать къ чаю Она присѣла и заслушалась.

Развѣ она помнитъ, что онъ игралъ? Она понимала тогда... Время отъ времени онъ поворачивалъ къ ней строгое, какого она не видала прежде, лицо съ потемнѣвшими глазами и смотрѣлъ на нее... Она кивала головой, его лицо свѣтлѣло и онъ снова игралъ. Пришелъ дядя также звать къ чаю и также остался въ углу съ книгой въ рукахъ... А звуки носились въ полуосвѣщенной, затихшей комнатѣ, зовущіе, ждущіе. Она такъ понимала, что говорилъ рояль...

Когда они прощались въ передней, онъ задержалъ ея руку въ своей и заглянулъ ей въ глаза долгимъ спрашивающимъ взглядомъ, но ничего не сказалъ...

Онъ сказалъ потомъ, и она сказала... Такъ быстро случилось. Дисциплина не спасла ее,—она также съ разбѣгу, безъ оглядки . . . .

. . . .

— Тамъ пошаливаютъ... убѣждаетъ станціонный смотритель. Ночь темна, дорога худая.

— Эхъ, смотритель! Ночь свѣтла, какъ заря, а дорога... ведетъ домой. Съ Богомъ ребята!

Три мужика, держащіе подъ узцы полуобъѣзженныхъ лошадей, бросаются въ сторону, въ карьеръ срываются лошади. Дальше ямщикъ, пой колокольчикъ свои пѣсни!

И колокольчикъ снова поетъ, что пропала угрюмая рѣка, ушли назадъ синія горы, что путники ѣдутъ домой, что то дурное осталось позади, а впереди выростаетъ свѣтлое, родное...

III.

Тайга воетъ, рѣка реветъ, льдины лѣзутъ на берега,— больше ничего, — люди молчатъ, птицы молчатъ.

Красокъ никакихъ... Только струнный оркестръ, скрипки

въ унисонъ, а віолончель соло. Что тутъ віолончель пѣть будетъ! Василій Михайловичъ вздрогнулъ. Жалобы и угрозы, угрозы и жалобы...

День и ночь, цѣлую недѣлю стучитъ колесами пароходъ,— все та же сѣрая мутная пелена еле льющейся Оби, безконечные низкіе острова, безчисленные проливы, безбрежная даль...

— Ты ничего не прибавишь въ первую часть? говоритъ Василій Михайловичъ, облокотясь о бортъ парохода, своей женѣ, кутавшейся въ темный платокъ и, какъ онъ, цѣлыми днями не уходившей съ палубы. Онъ разсказываетъ свою симфонію, которую онъ напишетъ, воротившись въ Россію.

— Какую нибудь теплую ноту, что нибудь примиряющее?

Она плотнѣе, съ головой, укуталась въ платокъ и глухо отвѣчала:

— Ничего.

— Я тоже думаю, что это будетъ невѣрное настроеніе. Онъ задумывается и медленно, подъискивая слова, говоритъ:

— Мнѣ даже хотѣлось-бы чѣмъ нибудь выразить безпомощность, тоску одиночества,—вставить какую нибудь мелодію. Что-нибудь въ родѣ плача ребенка, затерявшагося въ тайгѣ. Понимаешь,—какъ это было-бы хорошо!

Она вздрогнула и быстро отвѣтила:

— Не надо, не надо...

— Ты думаешь,—не надо? Можетъ быть... Я подумаю. Теперь слушай, вторая часть...

Разсказчикъ воодушевляется, пальцы бьютъ по борту, словно то были клавиши рояля.

— Смѣхъ врывается... Веселый смѣхъ, ликующіе радостные звуки... Народу много, дѣтей,—въ особенности дѣтей,— такъ вѣдь никто не смѣется. Флейта входитъ... Смѣхъ ростетъ, ширится, становится громче, цимбалы звенятъ, трубы трубятъ, барабаны бьютъ, колокола звонятъ. Въ родѣ марша,—восторгъ такой...

Онъ жестикулировалъ руками, говорилъ громко и возбужденно, но скоро затихъ и упавшимъ голосомъ выговорилъ:

— Третья часть все не выходитъ... Косари идутъ на работу и поютъ, жаворонокъ имъ вторитъ, а что они поютъ, не знаю. Онъ помолчалъ и повторилъ:—Не знаю.

Василій Михайловичъ долго ходилъ кругомъ парохода, опустивши голову.

. . . — У насъ смѣху мало, мы смѣяться не умѣемъ. Вѣдь смѣхъ и есть настоящее общественное чувство, одинъ смѣхъ, а горе всегда эгоистическое, антиобщественное настроеніе, уродство, мучительство...

Варвара Павловна оборотилась и внимательно всматривалась въ лицо мужа. Она выглядѣла спокойнѣе и лучше, и ея

лицо не казалось такимъ больнымъ и измученнымъ. Послѣ безумной скачки, звону и криковъ ее успокоивалъ мѣрный ровный стукъ пароходныхъ колесъ и ей даже нравилась развертывавшаяся предъ ней однообразная картина безъ рѣзкихъ выступовъ, безъ угловъ—эта сѣренькая, пустынная даль.

. . . — Ты не понимаешь, что я хочу сказать? Мы сходимся только хоронить мертвыхъ... Зачѣмъ дѣлить горе, да и развѣ можно дѣлить его? Вѣдь всякій горюетъ по своему, да и одному легче переносить. А если я совсѣмъ не хочу горевать, зачѣмъ ты меня тащишь? Это насиліе, это эгоизмъ, это безнравственно въ общественномъ смыслѣ. Потомъ...—Василій Михайловичъ все возбуждался.—Отъ горя умираютъ, а отъ радости оживаютъ, и радуются люди всѣ одинаково,—смѣются. Смѣхъ и есть настоящее общественное, человѣческое настроеніе. Пришла радость, отворяй ворота, пиръ устраивай, зови весь міръ. А горе держи про себя.

— Горе... какъ ты сказалъ? переспросила Варвара Павловна.

— Горе про себя, а радость для всѣхъ.

. . . — Кажется въ Дрезденѣ картина такая...—Онъ раздражался и говорилъ сердитымъ голосомъ.—Лежитъ живой человѣкъ съ распоротымъ животомъ, а рядомъ стоятъ люди и на вертящійся валъ наматываютъ кишки его. Фу, мерзость... Ненавижу я это... Средневѣковщину, вашу достоевщину... Кажется у васъ однихъ, великороссовъ, люди запирались въ сараи и поджигали себя со всѣхъ концовъ.

Василій Михайловичъ снова затихъ, долго смотрѣлъ затуманенными глазами въ безбрежную даль рѣки и растроганнымъ голосомъ тихо говорилъ:

— Вѣдь жизнь и безъ того горька, Варя! У кого нѣтъ своихъ думъ... Помнишь?

«Чомъ васъ вітеръ не розвіявъ,
Якъ въ полі былину,
«Чомъ васъ лихо не приспало
Якъ тую дытину?
«Поливали слезы, чомъ не затопили?

— Мало-ли тѣхъ кто журится, нудитъ світомъ, у кого лихо на сердцѣ! Будетъ, будетъ... заволновался онъ. Смѣху нужно, радости, веселья.

— Ну, и пусть смѣется, кто можетъ...—Голосъ Варвары Павловны звучалъ рѣзко и сухо, а глаза смотрѣли холодно и презрительно.—Ну, конечно... Рифмованное горе, подсахаренныя слезы... Какой у васъ Достоевскій? Развѣ лихо — горе, развѣ журьба ваша—тоска? Маленькія слова у васъ, маленькія горя... Понимаете-ли вы, что такое настоящее горе,

знаете-ли вы, что такое тоска,—понимаешь-ли ты, что такое тоска, тоска? выкрикивала она.

— Что ты говоришь? Что ты говоришь?

Она опомнилась. Лицо мужа сморщилось, какъ отъ физической боли и разсерженнымъ и жалующимся голосомъ, въ которомъ слышались слезы, онъ повторялъ:

— Зачѣмъ ты говоришь это? Что такое тоска? Зачѣмъ тоска? Не хочу я тоски. Не хочу я тоски...

— Ты прости меня, Вася... говорила Варвара Павловна въ каютѣ. Я не знаю, какъ сорвалось у меня. Мнѣ взгрустнулось, я все забыть не могу... Вѣдь ты правъ, — горе про себя, а радость для всѣхъ. У васъ здоровѣе чувство, вѣдь вы раціоналисты... И ласки у васъ больше, и теплѣе и мягче... Ахъ, если-бы я смѣяться могла...

Ея глаза смотрѣли ласково и голосъ звучалъ мягко и искренно.

IV.

— Вѣдь мы въ Россіи, Варя, въ Россіи! Ты понимаешь это? Говорятъ, въ тройкѣ поэзія, — поѣздъ, вотъ поэзія! Ты чувствуешь, какъ мы несемся? Вспомни, какъ мы ѣхали,— лодка, лошади, пароходъ, и теперь поѣздъ. Все шибче, шибче... Смотри, какъ мы несемся!

Василій Михайловичъ всталъ и долго смотрѣлъ въ открытое окно вагона, какъ убѣгаетъ назадъ длинная изогнутая линія рельсъ, какъ несутся мимо ели и пихты, смутно рисуются вдали, прорѣзавшія горизонтъ, волнистыя линіи сопокъ. Ему сдѣлалось смѣшно, что еще недавно онъ боялся этихъ горъ и этихъ темныхъ деревьевъ.

— Ну-ка лови! Черта лысаго... Онъ громко разсмѣялся. Пассажиры вздрогнули, но Василій Михайловичъ оглядѣлся кругомъ съ такой веселой благожелательной улыбкой, что многіе также улыбнулись.

— Ты слышишь, Варя, какъ рельсы поютъ? говорилъ онъ укладываясь на жесткую лавочку третьекласснаго вагона.— Тутъ я, тутъ я, ѣдемъ, ѣдемъ...—Онъ закрылъ глаза и улыбаясь прислушивался. А рельсы пѣли удивительно... Вотъ совершенно явственно поетъ Ноденъ свою арію въ Трубадурѣ... Василій Михайловичъ открываетъ ротъ и тихо, слышнымъ только ему самому, голосомъ подпѣваетъ. А вотъ, — «разскажите вы ей» даже еще лучше слышно. И ничего не стоитъ услыхать все, что хочешь, только нужно прислушаться. Арія изъ Пророка... Даже не одну музыку—голоса всякіе, сцены. Вотъ Ермолова зоветъ народъ въ «Овечьемъ Источникѣ».

Онъ вытягивается во всю длину лавки, поправляетъ подушку и снова закрываетъ глаза. Вагонъ тихо покачивается. Такъ удобнѣе слушать. Цѣлыя оперы... Раздается звонокъ, это антрактъ. Опять звонокъ, взвивается занавѣсъ и снова идетъ дѣйствіе... Ему хочется посмотрѣть, какъ бѣгутъ деревья, какъ смотрятъ горы, но голова никакъ не можетъ отдѣлиться отъ подушки и антрактъ ужасно длиненъ, колокольчикъ все звенитъ и стучатъ по дорогѣ копыта лошадей и онъ никакъ не можетъ вслушаться, что поютъ рельсы, — только откуда-то издалека, замирая, доносится: «тутъ я, тутъ я, ѣдемъ, ѣдемъ, тутъ, тутъ»...

Пароходъ пришелъ въ Тюмень за нѣсколько часовъ до отхода поѣзда. Василій Михайловичъ обнаружилъ необыкновенную дѣятельность. Онъ сбѣгалъ въ городъ, остригся, купилъ себѣ сѣрую шляпу и сѣрое лѣтнее пальто и вернулся рѣшительнымъ франтомъ. На вокзалѣ онъ не имѣлъ ни минуты покоя и его все восхищало — удушливый дымъ каменнаго угля, несшійся отъ паровозовъ, звонки, бѣготня артельщиковъ, суетливая хлопотливость пассажировъ. Имѣлъ интимный разговоръ съ буфетчикомъ на счетъ движенія публики, съ удовольствіемъ узналъ, что съ навигаціей публики всегда бываетъ «куда больше», и охотно сообщилъ, что и онъ пріѣхалъ бы раньше, да все рѣка Ангара не пускала. Послѣ отправился бродить по разбѣгавшимся во всѣ стороны рельсамъ, гдѣ сновали попыхивавшіе дымкомъ паровозы, разыскалъ тотъ, который долженъ везти ихъ поѣздъ,—новенькій блестящій паровозъ; поссорился было съ кочегаромъ насчетъ здѣшнихъ мѣстъ и харьковскихъ, но потомъ помирился, когда тотъ призналъ, что тамошнія мѣста лучше здѣшнихъ, и разстался совершеннымъ пріятелемъ, когда кочегаръ далъ слово хорошенько подкормить коня и везти какъ слѣдуетъ. Уходя, Василій Михайловичъ даже похлопалъ рукой блестящій бокъ стальнаго коня.

Онъ спалъ глубокимъ крѣпкимъ сномъ, какъ не спалъ за все время дороги. Въ Екатеринбургѣ, гдѣ приходилось мѣнять поѣздъ, его разбудили съ большимъ трудомъ; сонный и ничего не понимающій перешелъ онъ въ новый вагонъ, легъ на первую попавшуюся лавочку и тотчасъ-же снова уснулъ, какъ убитый.

Проснулся онъ поздно ночью, когда въ вагонѣ горѣли свѣчи, проснулся отъ дѣтскаго плача, раздававшагося въ томъ углу, гдѣ сидѣла жена его.

— Ку-у-клу Мишка за окошко бросилъ... хныкалъ кто-то.

— Какую куклу?

— Съ гла-азами... Лежитъ, спитъ, поставишь, смотритъ... крестна дала, Окуневска барыня...

Василій Михайловичъ поднялся и началъ всматриваться въ

еле освѣщенный уголъ. Уткнувши голову въ колѣни жены, стояла дѣвочка лѣтъ семи-восьми и плакала, а надъ ней наклонилась Варвара Павловна и утѣшала дѣвочку, тихо разглаживая бѣлесоватые, спутанные волосы.

— Вотъ подожди, пріѣдемъ въ Казань, я тебѣ куплю куклу еще лучше.

— А есть въ томъ городу такія то куклы!—сомнѣвается дѣвочка. Съ глазами?

Она подняла голову, па минуту закрыла глаза и снова открыла.

— Этакъ?

— Такъ, такъ... успокоиваетъ Варвара Павловпа.

— Я ее, тетенька, въ укладку спрячу, говоритъ утѣшившаяся дѣвочка. А тятькѣ скажу, чтобы онъ Мишку за волосья оттаскалъ. Пущай не озорничаетъ...

Дѣвочка вскарабкалась на лавочку рядомъ съ Варварой Павловной и скоро заснула.

Василій Михайловичъ проснулся съ какимъ-то страннымъ ощущеніемъ. Внутри было пусто и холодно, сердце тревожно билось, голова слегка кружилась. Что-то словно оборвалось, онъ съ удивленіемъ оглядывался на спящій вагонъ, и плачъ дѣвочки странно волновалъ его. Онъ сжалъ руками голову и долго и напряженно думалъ. Что-то хотѣлось вспомнить, что-то уяснить себѣ...

Дѣвочка спала. Вагонъ покачивался и глухо перезванивалъ. Мимо окна цѣлыми снопами летѣли искры отъ паровоза; темными уродливыми силуэтами, то ярко вспыхивая, то снова погружаясь въ тьму, неслись деревья.

Чуть освѣщенный уголъ вагона смутно темнѣлъ. Прорвавшаяся сквозь закрытый фонарь полоса свѣта падала на головку спящей дѣвочки и на лежавшую на ней руку Варвары Павловны. Онъ долго, съ изумленіемъ, словно видѣлъ въ первый разъ, разсматривалъ худые тонкіе пальцы, узкія плечи съ безсильно свѣсившимися руками, всю усталую фигуру жены, сидѣвшей съ закрытыми глазами въ углу вагона.

Василій Михайловичъ вздрогнулъ и острой болью кольнуло его въ сердце. Чувство глубокой жалости и безконечной грусти и еще чего-то, въ чемъ онъ не могъ дать себѣ отчета, поднималось и росло въ немъ. Тихо ступая на носкахъ, онъ перешелъ въ уголъ вагона, на мгновеніе отдернулъ занавѣску фонаря и снова закрылъ. Въ свѣтѣ фонаря на него глянуло худое, словно незнакомое ему лицо, глубоко запавшіе, окруженные темными кругами и мелкими морщинами глаза, посѣдѣвшіе волосы и тонкія блѣдныя губы, сложенныя печально и жалобно. Не отдавая себѣ отчета, онъ наклонился и приль-

нулъ губами къ бѣлѣвшей на головѣ дѣвочки маленькой рукѣ жены.

Варвара Павловна вздрогнула и открыла глаза.

— Что съ тобой?

Онъ всматривался въ ея лицо, словно изучалъ его, и молчалъ.

— Что съ тобой?

— Я не знаю,—медленно отвѣтилъ онъ. Прости, что разбудилъ. Я все смотрѣлъ, когда ты спала, и думалъ, отчего у тебя такое блѣдное лицо и сѣдые волосы и усталые глаза.

Она испуганно и недоумѣвающе вглядывалась въ поблѣднѣвшее растроганное лицо мужа и вслушивалась въ давно не слышанный тонъ его голоса.

— Устала отъ дороги, вотъ и все, попробовала она улыбнуться.—Вотъ подожди, пріѣду,—отъѣмся.

— Словно я не видалъ тебя давно, давно...,—не слушая, также медленно говорилъ онъ,—да и, кажется, ничего не видѣлъ. Я не знаю, что со мной... Неловко какъ-то, пусто. Словно я бѣжалъ куда-то и упалъ въ яму,—холодную, темную яму и ты ушла отъ меня.

Онъ помолчалъ и тихо выговорилъ:

— Ты не ушла отъ меня?

Она слышала и молчала. Онъ заговорилъ еще тише.

— Можно тебѣ предложить одинъ вопросъ, большой вопросъ?

— О нѣтъ, нѣтъ...—съ испугомъ остановила его Варвара Павловна. Я ничего не знаю, не предлагай мнѣ никакихъ вопросовъ. Я устала и не могу ни о чемъ думать. Мнѣ только отдохнуть хочется. Пожалуйста, Вася!..

Она замѣтила удрученное выраженіе лица мужа и тихо и ласково докончила:

— Я вѣдь ничего не говорю, Вася... Я сказала только, что ничего не знаю.

Онъ снова поцѣловалъ ея руку, вернулся къ своему окну и долго сидѣлъ, не двигаясь.

Вставало блѣдное, холодное утро. Съ блестѣвшими на вѣтвяхъ каплями отъ ночного тумана, деревья стояли тихія и усталыя, надъ ущельями и рѣчными долинами еще висѣлъ туманъ, изъ-за дальнихъ, ощетинившихся горъ розовѣло небо и зеленыя верхушки ближнихъ елей чуть свѣтились.

Василій Михайловичъ сидѣлъ у открытаго окна вагона. Въ его головѣ не было ни соловья, ни яблони, ни симфоніи, глаза его были ясны и грустны, лицо спокойно и задумчиво.

Онъ думалъ о томъ, что тамъ внизу подъ туманомъ, какъ встанетъ солнце и какой будетъ день, что встрѣтитъ его впереди за этой стѣной темнаго лѣса...

А зеленыя верхушки все розовѣли, и рельсы звенѣли такъ грустно...

V.

На Волгѣ шумно. Свѣтлый день разгарается надъ рѣкой. Тяжело загребая воду широкими лопастями колесъ и оставляя за собой длинныя борозды разбѣгающихся волнъ, медленно двигаются вверхъ могучіе буксирные пароходы. Длинными вереницами тянутся за ними огромныя темныя баржи съ хлѣбомъ, съ развѣвающимися на мачтахъ флагами на цѣлую версту растянулась флотилія маленькихъ, глубоко сидящихъ въ водѣ желѣзняковъ, медленно ползетъ, грузно упираясь въ воду широкой грудью развалистая бѣляна съ блестящими на солнцѣ бунтами мочала, съ бѣлыми, какъ снѣгъ, домиками изъ липовыхъ бревенъ.

Съ короткимъ стукомъ колесъ и веселыми окриками торопливо бѣгутъ сверху порожняки; быстро разсѣкая воду могучей грудью великолѣпно несется, какъ блестящій бѣлый дворецъ, пассажирскій пароходъ...

Они встрѣчаются, долго кричатъ, словно окликающіе другъ друга въ шумной толпѣ улицы люди, долго машутъ другъ другу бѣлыми флагами, переговариваются въ рупоръ и снова расходятся; а между ними снуютъ одинокія лодочки и неуклюжія косныя, словно пѣшеходы, перебѣгающіе улицу между быстро несущимися экипажами...

Свѣтло и весело въ Троицынъ день на широкой улицѣ Волги.

Зеленыя березки красиво выдѣляются на фонѣ блестящихъ свѣжими красками пароходовъ, зелеными березками убраны темныя баржи, бѣлые домики бѣлянъ, переполненныя праздничной толпой пристани. На палубѣ длинной баржи, рядомъ съ увитой гирляндами изъ березовыхъ вѣтвей рубкой, самоваръ медленно дымится тонкой струйкой синяго дыма; а на кормѣ, спустивши за бортъ надъ водой голыя ноги, молодой парень въ розовой топорщейся рубашкѣ съ густо намасленными и разчесанными волосами играетъ на гармоніи и выцвѣтшими на солнцѣ глазами смотритъ на широкую улицу, на синее небо, въ свѣтлую даль...

А берега тихо плывутъ... Плывутъ зеленѣющіе свѣжей листвой дубовые лѣса, плывутъ раскинувшіеся по склонамъ горъ сады съ нѣжно розовыми и бѣло-молочными пятнами облитыхъ цвѣтомъ вишенъ и яблонь, мелькаютъ вдали старыя дворянскія усадьбы, умирающія подъ шумъ вѣчно юной рѣки и немолчный ревъ волжскихъ пароходовъ. Изрѣдка блеснетъ золотой крестъ сельской церкви и далекимъ отзвукомъ пронесется по рѣкѣ радостный звонъ колоколовъ. А на вершинѣ высокой горы, вдвинувшейся въ рѣку, то показываясь

на гребнѣ, то снова скрываясь за нимъ, словно вѣнчая гору ярко-цвѣтной короной кружится пестрый хороводъ. Вотъ сорвался съ крутого берега и повисъ надъ рѣкой долгій, протяжный мотивъ далекой пѣсни...

Крикливой толпой, перегоняя другъ друга и кидаясь за крошками хлѣба, который бросаютъ имъ пассажиры, носятся кругомъ парохода бѣлоснѣжныя чайки. У борта парохода съ кускомъ хлѣба въ рукѣ стоитъ Варвара Павловна и оживленно слѣдитъ, какъ красивыми зигзагами носятся чайки, быстро падаютъ въ рѣку и снова взносятся и слѣдятъ за ней жадными, любопытными глазами. Рядомъ съ ней стоитъ маленькая дѣвочка и держитъ въ одной рукѣ кусокъ хлѣба, а въ другой куклу, которая и спитъ и смотритъ, купленную ей въ Казани Варварой Павловной. Молоденькая чайка съ маленькимъ клювомъ и острыми зоркими глазками, красиво распластавшись въ воздухѣ своимъ бѣлымъ тѣломъ, подлетѣла снизу и вырвала весь кусокъ изъ рукъ дѣвочки. Она пугливо отскочила отъ борта и охватила колѣни Варвары Павловны.

— Что, Настя, испугалась?—улыбаясь спросила Варвара Павловна.

— Ишь какая вострая...—оправдывается Настя. А глазы-те, глазы-те у ее, тетенька!

Варвара Павловна очень измѣнилась за дорогу. Она загорѣла и выглядѣла свѣжѣе и здоровѣе. Особенно красила ее улыбка. Морщины разглаживались, немного холодное лицо молодѣло и дѣлалось милымъ и нѣжнымъ, и вся она въ эту минуту съ своей худенькой, дѣвичьей фигурой въ свѣтлой лѣтней кофточкѣ, съ непокрытой головой, съ раскраснѣвшимся на солнцѣ и улыбающимся лицомъ казалась молодой, изящной и красивой.

Сзади нея на лавочкѣ сидѣлъ Василій Михайловичъ, осунувшійся, затихшій и грустный. Съ той ночи въ вагонѣ онъ не переставалъ всматриваться въ лицо жены; съ безмолвнымъ участіемъ и съ выраженіемъ тревоги въ глазахъ онъ слѣдилъ за ней, заботился объ ея покоѣ и удобствахъ, устраивалъ на пароходѣ, носилъ и раскладывалъ вещи, избѣгая вопросовъ и длинныхъ разговоровъ, отвѣчая только на ея вопросы. То чувство пустоты и проснувшейся тревоги не покидало его и прежнее острое возбужденіе смѣнилось апатіей и усталостью. Его глаза щурились отъ яркаго солнца и сверкавшей рѣки, ему было не по себѣ среди этой массы оживленныхъ пассажировъ, наполнявшихъ пароходъ, и суетливое движеніе Волги утомляло его. Ему начинало думаться, что онъ чужой среди этого шума и блеска, что онъ изжилъ все и отставленнымъ инвалидомъ ѣдетъ неизвѣстно куда и неизвѣстно зачѣмъ, никому и ничему не нужный, ни на что не годный.

Какой-то неопредѣленный страхъ и смутная тоска поднимались въ немъ, словно ожиданіе чего-то неотвратимаго, предчувствіе какого-то огромнаго несчастія, которое должно обрушиться на него.

Его глаза внимательно слѣдили за измѣнившимся возбужденнымъ лицомъ жены.

— Устала стоять...—говорила Варвара Павловна, садясь на скамейку. Отъ чаекъ отстать нельзя. Онѣ такія милыя...

— Да... Только, какъ онѣ рвутъ другъ у друга. И нахальныя какія... сказалъ, чтобы что-нибудь сказать, Василій Михайловичъ.

— Не нахальныя онѣ, а жадныя... жить жадныя,—летать, бороться, кричать...—Она смотрѣла на чайку, словно застывшую въ воздухѣ и только тихо трепетавшую бѣлыми крыльями.

— Ты не мечталъ въ дѣтствѣ птицей сдѣлаться?

— Нѣтъ...— Василій Михайловичъ помолчалъ и улыбнулся.

— Я чабаномъ хотѣлъ быть.

— А я птицей... Не чайкой,—цаплей.—Она тоже улыбалась и медленно говорила:

— Помню, цапля летѣла. Одна,—высоко, высоко... И такъ кричала...

— Мнѣ не сидится, проговорила она, вставая,—походимъ.

Они пошли кругомъ парохода. Василій Михайловичъ слѣдилъ за ея глазами, смотрѣвшими на высокій зеленѣвшій берегъ.

— Хочешь я тебѣ скажу, о чемъ ты сейчасъ думаешь?—заговорилъ онъ.—Какъ хорошо было-бы не ѣхать въ эту молчаливую, выжженную степь, а остаться здѣсь, вотъ въ такой усадьбѣ—онъ указалъ глазами на виднѣвшійся въ полугорѣ старый барскій домъ съ уходящимъ вдаль паркомъ,—смотрѣть, какъ чайки носятся, слушать, какъ поютъ пароходы, плещетъ въ бурю рѣка... Да, вѣдь?

— О, нѣтъ!—коротко отвѣтила она.

— О чемъ-же ты думаешь?

— Ни о чемъ. То есть не о томъ, что будетъ, а о томъ, что есть.

— Я не понимаю.

— Все равно... А ты о чемъ думаешь? О будущемъ?

— И о будущемъ...,—не сразу отвѣтилъ онъ. Мнѣ оно представляется такимъ смутнымъ, тяжелымъ... Словно я зачисленъ въ запасъ. Или представь себѣ свѣтское общество, является человѣкъ въ костюмѣ прошлаго вѣка и начинаетъ говорить о новостяхъ дня,—о madame Жанлисъ, о графѣ Калліостро,—такъ и я. Все мнѣ тамъ чужимъ представляется.

Она, казалось, вслушивалась въ то, что происходило внутри ея и, отвѣчая на свои собственные вопросы, говорила:

— Это не то... Все это пустяки. Дѣло не въ томъ, какъ жить и что будетъ, а въ томъ, есть-ли жизнь. Жизнь есть-ли—повторила она.

Онъ смотрѣлъ удивленно на ея задумавшееся лицо и сказалъ:

— Я опять не понимаю.

— Ну, просто жизнь,—хочется-ли жить... Есть-ли потребность движенія, борьбы, вообще жадность жизни... Вотъ какъ у чаекъ этихъ...

Варвара Павловна говорила тише и медленнѣе и сѣрый тонъ скуки и равнодушія слова ложился на ея лицо. Разговоръ оборвался, она молча повернулась и ушла въ свою каюту, а Василій Михайловичъ проводилъ ее долгимъ тревожнымъ взглядомъ и остался одинъ.

Кругомъ носились чайки и плыли зеленые берега и все было такъ печально.

VI.

Пароходъ долго грузился у маленькой, безлюдной пристани. Спускался вечеръ, синѣло небо, темнѣла рѣка. Съ затопленныхъ луговъ, съ разлившихся озеръ поднялась голубоватая дымка и окутала рѣку. Засвѣтились звѣзды, неясныя, блѣдныя, загорались красные и зеленые огни пароходовъ, закачались, какъ колеблющіяся звѣзды, фонари на высокихъ мачтахъ баржей. Зажглись бакены и свѣтлыми точками разбѣжались по рѣкѣ, ярко разгорается костеръ на плоту, приставшемъ на ночь къ берегу, недалеко отъ пристани, и странно фантастически освѣщаются красныя лица рабочихъ около котелка. Горы потемнѣли и легли на рѣку темными извитыми линіями.

Звуки несутся по рѣкѣ. Словно изнемогая отъ усилій, вырывается ревущій басъ буксира-великана, звонкій теноръ отвѣчаетъ ему сверху, торжественно властнымъ баритономъ прозвучалъ пассажирскій пароходъ, словно передразнивая его, такимъ-же баритономъ запѣлъ маленькій, какъ лодка, пароходикъ, но сорвался и запѣлъ жалкой и смѣшной фистулой, гдѣ-то вдали, какъ встревоженный улей пчелъ, глухо гудитъ старческій разбитый басъ.

Вечеръ спускался, темнѣли горы, зыбь побѣжала по рѣкѣ... Вотъ дрогнувшимъ голосомъ засвисталъ соловей и, словно испугавшись, замолкъ. Съ высоты, почти изъ подъ самой вершины горы, ему отвѣтилъ другой соловей; тишина вздрогнула

и изъ густой заросли, покрывавшей горы, понеслись властно зовущіе, напряженно ждущіе крики...

Василій Михайловичъ сидѣлъ одинъ на передней площадкѣ парохода. Онъ ни о чемъ не думалъ, ничѣмъ не тревожился, ни о чемъ не спрашивалъ,—онъ весь отдался очарованію тихо плывущей, сладкой весенней ночи. Пароходъ мѣрно покачивался, какъ тихая сказка журчала бившаяся о пароходъ рѣка, временами волна теплаго, застоявшагося воздуха долетала съ горы и несла съ собой запахъ цвѣтущихъ яблонь, черемухи, рябины, тотъ прѣсный сладкій ароматъ, отъ котораго глубоко вздыхаетъ грудь. Сердце тихо и ровно билось, голова туманилась, смутной толпой тѣснились обрывки какихъ-то безсвязныхъ мыслей, отяжелѣвшія вѣки опускались и снова поднимались. Василій Михайловичъ на минуту открываетъ глаза и на мгновеніе предъ нимъ встаетъ на плоту облитой яркимъ пламенемъ костра высокій человѣкъ, мелькаетъ поднятое къ небу большое бородатое лицо и крѣпко прижатые ко лбу пальцы...

Ему почудилось, что все ушло назадъ и впереди встаетъ что то ослѣпительно яркое, отчего исчезли темныя горы и стальнымъ оттѣнкомъ зыблющаяся рѣка. Онъ открылъ глаза и поднялъ голову. Впереди, въ туманѣ голубой дымки прямо на него шла яркая, блещущая всѣми цвѣтами звѣзда. Она вырисовывалась все ярче, дѣлалась все ослѣпительнѣе... Словно ажурный, тонко вырѣзанный и прозрачный, тихо плылъ мимо огромный пассажирскій пароходъ. Въ залитомъ электричествомъ залѣ сквозь открытыя окна виднѣлось большое общество. Съ парохода неслась музыка.—«Не для меня придетъ весна»... слышался голосъ. Въ полной народа гостиной парохода можно было различить коротко остриженную черную голову пѣвца и наклонившуюся надъ піанино молодую женскую фигуру.

Тихо-тихо, замедливши ходъ, но не останавливаясь у пристани, совсѣмъ близко проплылъ мимо сверкающій пароходъ, унося съ собой блескъ огней и яркую человѣческую жизнь...

— «И сердце радостью забьется не для меня, не для меня...» донесся съ парохода послѣдній звукъ.

Василій Михайловичъ не сразу понялъ, сонъ это или дѣйствительность,—такъ все это было необыкновенно—и долго провожалъ глазами все уходившую въ голубую дымку звѣздную мачту, но у него похолодѣло въ сердцѣ и онъ весь сжался и замеръ. Онъ не замѣтилъ, какъ двѣ руки обвились вокругъ шеи и кто-то тихо сползъ на полъ къ его ногамъ и съ плачемъ шепталъ:

— Я не хочу умирать... Я жить хочу! Вася, милый мой, любимый, я жить хочу...—Худенькое тѣло въ судорожныхъ ры-

даніяхъ билось на колѣняхъ его и тонкіе пальцы впились въ рукавъ его пальто, а напряженный глухой голосъ повторялъ: жить, жить, жить...

Онъ цѣловалъ руки жены, цѣловалъ мокрые отъ слезъ глаза, она замирала, тихо вздрагивая, и лучистые, блестѣвшіе слезами глаза смотрѣли кротко и печально, а надорванный голосъ тихо и жалобно повторялъ:

— Мнѣ отдохнуть-бы немного. Забыть... Забыть...

Звѣзды свѣтились неясныя, блѣдныя, сладко пахли яблоня и черемуха, тихія сказки шептала рѣка, а тотъ ближній соловей пѣлъ такъ робко, такъ неувѣренно...

С. Елпатьевскій.

---

* * *

Снова въ душѣ загораются
Слезы, гроза и смятеніе,
Снова встаютъ—улыбаются
Счастья былого видѣнія!
Въ ужасахъ доли скитальческой,
Въ дальнихъ снѣгахъ угасающій,
Образъ твой блѣдный, страдальческій
Снится мнѣ—добрый, сіяющій.
Снится мнѣ—путы порвалися:
Къ другу спѣшишь ты, веселая...
Косы вкругъ плечъ разметалися,
Черныя косы, тяжелыя...
Взоръ загорѣлся плѣнительно,
Голосъ серебряный чудится...
Вѣрить хочу я мучительно—
Греза блаженная сбудется!
Сбудется—вѣрь мнѣ, желанная:
Слишкомъ ужъ хочется счастія,
Слишкомъ томитъ неустанная
Жажда любви и участія!
Мы на пиру міроздания
Были ненужные зрители,
Зноемъ и нѣгой лобзанія
Сердца еще не насытили.
Общимъ судомъ не развязаны
Нами вопросы несмѣтные,
Въ тайныхъ рѣчахъ не досказаны
Думы завѣтныя!..

П. Я.

РАСПЛАТА.

V.

Передъ святками Абазовы и Вакуловы съ нетерпѣніемъ дожидались пріѣзда Леонида, который обѣщалъ взять отпускъ, чтобы навѣстить родныхъ и отдохнуть отъ службы. Викторъ радовался пріѣзду шурина, хотя и сознавалъ, что чувствуетъ себя въ его присутствіи не вполнѣ увѣренно. Этотъ тридцати трехлѣтній человѣкъ, такой уравновѣшенный, ставшій такимъ равнодушнымъ къ жизни, на все глядящій спокойно, ничѣмъ не возмущающійся, ничему очень не радующійся, и привлекалъ его, и немного стѣснялъ.

— Ты, братъ, какой-то старецъ,—полушутя, полусердито говорилъ ему Викторъ, когда Леонидъ гостилъ однажды въ Холмахъ.

Леонидъ медленно ходилъ по комнатѣ своей слегка раскачивающейся походкой, сгорбивъ по обычаю высокій станъ съ узкими плечами и поглаживая большую, унаслѣдованную отъ отца рыжеватую бороду.

— И то старецъ... Былъ и я молодъ и кипятился. А теперь успокоился...

Онъ говорилъ тихимъ, ровнымъ голосомъ, съ добродушно-снисходительной улыбкой старшаго, хотя былъ однихъ лѣтъ съ Викторомъ.

За время отпуска Леонидъ часто пріѣзжалъ вечеромъ въ Холмы, и для Вакуловыхъ его пріѣзды бывали особенно пріятны. На дворѣ бушуетъ декабрьская непогода, трещитъ морозъ, а въ угольной такъ свѣтло, тепло, уютно. Весело шумитъ большой вычищенный самоваръ, въ каминѣ горятъ дрова, вся комната такая привѣтливая, радушная. Задумавшаяся Ольга сидитъ въ креслѣ, укачивая своего первенца, любовно глядитъ на него лучистыми глазами, а Леонидъ и Викторъ ведутъ долгія бесѣды, волнующія хозяина и не выводящія гостя изъ его обычно спокойнаго состоянія...

Однажды Викторъ завелъ рѣчь про Крутилова.

— Я что-то и не пойму, что это за человѣкъ,—сказалъ онъ.

— Да его понимать нечего. Человѣкъ міра сего. Отъ природы не глупъ и не золъ, но способенъ и на глупое, и на злое, а также и на хорошее. Все глядя по обстоятельствамъ. Онъ весь въ подчиненіи у своего балованнаго тѣла. Въ хорошихъ женскихъ рукахъ можетъ быть человѣкомъ. Характеръ у него прекрасный.

— Что онъ—образованъ?

— Мы съ нимъ товарищи по университету. Онъ немного постарше. Математики оба.

— Математику-то забросилъ, видно.

— Разумѣется; какъ и я... Опустился, пожалуй, больше. Ему бы хорошо покушать, выпить; безъ женщины тоже вотъ скучаетъ.

— Вотъ это-то и возмутительно. И не понимаю, какъ это вы всѣ спокойно глядите на ухаживанія такого господина за вашей сестрой...

— Гм. А что-же такое?

— Какъ что? Человѣкъ — весь развратъ, а тутъ вдругъ вздумалось ему и сейчасъ готовъ присвататься къ честной чистой дѣвушкѣ!

Викторъ даже кулакомъ ударилъ по столу.

— Вѣдь всякая кокотка,—продолжалъ онъ—знаетъ свое мѣсто, понимаетъ, на что она пошла, отдавшись разгульной жизни, а вотъ, Николай Савельичъ честь дѣлаетъ дому, если, намѣтивъ тамъ дѣвушку, входитъ въ семью...

— Э, милый мой, — возразилъ Леонидъ, — ты вонъ куда заѣхалъ. Это все, положимъ, и правда, да вѣдъ такъ ужъ давно повелось. А, кромѣ того, Николаю Савельичу все простится.

— Это почему?

— Какъ же ты не видишь почему. Одному много дано и много съ него взыщется; другому дано мало, и требовать съ него нечего. Крутилову и въ голову не можетъ придти, что грязь, въ которой онъ, положимъ, вращается всю жизнь, лишаетъ его извѣстныхъ правъ на любовь, напримѣръ, честной женщины. Для этого надо имѣть болѣе тонкую совѣсть. Есть люди, которыхъ не тревожитъ даже кровь. Что такое для Наполеона всѣ эти трупы, по которымъ онъ ходилъ? пріятное воспоминаніе и ничего больше. А ты хочешь, чтобы Крутиловъ смущался тѣмъ развратомъ, который у насъ обыченъ для всѣхъ мужчинъ, даже для тѣхъ, кто и получше Крутилова.

Викторъ ничего не отвѣтилъ и скоро перевелъ рѣчь на другой предметъ. На этотъ разъ Леонидъ, благодаря непогодѣ, остался ночевать у зятя. Было далеко за полночь, гость сладко спалъ въ отведенной ему компатѣ. Въ домѣ стояла тишина, и только мыши неустанно скреблись за обоями. И

вотъ, дверь комнаты Леонида тихонько раскрылась, и въ глаза спящему ударилъ свѣтъ. Леонидъ, всегда спавшій чутко, раскрылъ глаза и удивленно поглядѣлъ на стоящаго передъ нимъ со свѣчей въ рукѣ зятя.

— Ты что?—спросилъ Леонидъ, садясь въ постели и тревожно вглядываясь въ осунувшееся лицо Виктора, который смотрѣлъ на него лихорадочнымъ взоромъ.

— Нѣтъ, я такъ... я думалъ, ты, можетъ, не спишь... я уйду,—смущенно отвѣтилъ Викторъ и не уходилъ.

— Садись, садись, вонъ на диванъ, а свѣчу сюда поставь,—сказалъ Леонидъ, чувствуя, что съ его зятемъ происходитъ что-то недоброе. — Ну, что же такое съ тобой? на тебѣ лица нѣтъ...

Викторъ сѣлъ на диванъ и съ минуту молчалъ, какъ бы собираясь съ силами. Потомъ поднялъ на Леонида лихорадочно блестѣвшіе глаза.

— Ты какъ это давеча сказалъ: такимъ, какъ Крутиловъ, все простится; такъ, что ли?.. Ну, какъ такъ: все простится? я что-то не помню...

— Ну, положимъ, что нибудь... подлое... ну... пятнышки тамъ разныя, въ прошломъ...

— Что ты толкуешь?.. Я не могу понять...

— А такимъ, какъ я, напримѣръ?.. а?—продолжалъ Викторъ, упорно глядя на него.

— Послушай, — сказалъ Леонидъ,—я не понимаю, почему ты такъ встревожился моими словами. Распущенность у мужчины—дѣло давно извѣстное; я говорилъ только, что Крутиловъ съ чистой совѣстью поѣдетъ послѣ пріятнаго вечера у кокотки въ любой честный домъ и сдѣлаетъ предложеніе чистой, невинной дѣвушкѣ. Онъ слишкомъ тупъ совѣстью для того, чтобы винить себя въ развратѣ. И такъ большинство. Ну, а про тебя я думаю, что ты совѣстью чутокъ и, отвернувшись однажды отъ грязи, вспоминаешь о ней съ омерзеніемъ.

— А пятнышки-то, пятнышки-то всетаки не простятся?

— Про какія пятнышки ты толкуешь?

— А ты не знаешь, какъ это наростаютъ иногда на совѣсти... пятна. Вотъ эдакія, съ мѣдный пятакъ... бурыя...

— Э, полно...

— Помнишь, у Лермонтова что ли:

...«Но ежели пятно
Единое случайно заведется,
Тогда бѣда! Душа сгоритъ...»

— Прощай, братъ...

— Да, нѣтъ, стой, сядь; вотъ такъ. У тебя, Викторъ, я

вижу, нервы-то пошаливаютъ. Знаешь, и мы всѣ эти штучки отлично понимаемъ.

Викторъ встрепенулся.

— Ты то что знаешь, что?—крикнулъ онъ.

— Пятнышки-то эти; испыталъ, братъ, и я ихъ.

— Не можетъ быть; не вѣрю!

— Что жъ ты меня за святого, что ли, считаешь? Видишь ли, у насъ съ тобой, у обоихъ совѣсть чуткая, а такъ какъ въ молодости мужчина, предоставленный самому себѣ, обыкновенно срывается съ цѣпи и бросается въ омутъ грязи, такъ потомъ, когда опомнится такой, какъ ты, то вспоминаетъ про зловонную помойную яму, въ которой купался, съ ужасомъ и омерзеніемъ...

— Ахъ не то, не то... Нѣтъ, братъ, прощай, не то!

— Стой же! Лягъ на диванъ и кури. И я закурю... Вѣрь, и у меня эти пятнышки, да еще можетъ и побольше, чѣмъ твои...

— Нѣтъ, неправда.

— А ты не слишкомъ ли ужъ смущаешься этими пятнышками? Думаешь, ты одинъ такой на всемъ свѣтѣ, что съ молоду пакостничалъ, весь укрылся пятнами, а потомъ, какъ выплылъ на чистое мѣсто, такъ и ужаснулся прошлаго... Нѣтъ, братъ, это со всякимъ бываетъ, кто не совсѣмъ отупѣлъ...

— Да пятна-то...

— А вотъ ты лежи, а я тебѣ разскажу про себя, какъ я проводилъ молодость и къ чему пришелъ. Вотъ ты и увидишь, что не ты одинъ. Молиться намъ бы всѣмъ надо такъ: «грѣхи юности нашей не помяни, Господи...» Да, а Крутиловъ въ этомъ счастливѣе: онъ тупъ совѣстью и оттого спокоенъ.

— Ну, разсказывай... про себя...

— Видишь,—началъ Леонидъ, — ты вотъ самъ говоришь, что я старецъ, и ты, пожалуй, правъ. И это потому, что и я, какъ ты, почуялъ мерзость и вонь грязи, и потому что никто меня, какъ и тебя, не удержалъ во время и не научилъ... Ну, а въ университетѣ я занимался много, много читалъ и раздумывалъ. И чѣмъ больше думалъ, тѣмъ все больше падалъ духомъ. Гдѣ-же, думалось мнѣ, вѣчное начало справедливости, если подлость всюду торжествуетъ, а добро всюду плачетъ?.. Да ты не смѣйся, я, братъ, молодъ тогда былъ. Но чувствъ тѣхъ не забыть мнѣ никогда! Да этого-то я и не стыжусь...

— Это все не то,—досадливо сказалъ Викторъ, который и не думалъ смѣяться.—Если-бы у меня только это...

— Постой, ты слушай дальше.—Прошло такъ съ годъ, а я все злобствовалъ. Мое ожесточеніе обратилось противъ жизни вообще, противъ меня самого... И въ это время...

— Ну, что-же?

— Я пустился въ страшный развратъ, рѣшивъ послѣ всего этого застрѣлиться...

— И... ты стрѣлялся?

— Да. Но предварительно, другъ мой, я окунулся въ такой омутъ, о которомъ ты, быть можетъ, и не подозрѣвалъ.

— И послѣ этого стрѣлялся?—нетерпѣливо допрашивалъ Викторъ.—Какъ ты сдѣлалъ это?

— Очень просто. Револьверъ, пулька... Нажалъ и готово.

— Ну и что-же? Далѣе, далѣе!

— Какъ видишь, живъ остался. Болѣлъ долго. А пока лежалъ больной, многое передумалъ и многое понялъ.

VI.

— И опять ты не то,—тоскливо сказалъ Викторъ.

— А я думаю, что именно то. Такого мрака отчаянія, въ какомъ я жилъ въ ту пору моей жизни, не пожелаю никому. Не пожелаю никому также и всего послѣдующаго. Подумай, я только что начиналъ жить и уже зналъ, что радости жизни и молодости утрачены. Душа осквернена развратомъ, здоровье надорвано. Я зналъ, что уже никогда не быть мнѣ настоящимъ человѣкомъ, никогда не жить полною жизнью. Зналъ, что надо собрать послѣднія силы лишь для того, чтобы дожить, дотянуть до могилы, скучно, одиноко. А на днѣ души— все они же, эти твои пятнышки... Да, дорогой мой, знакомы они и намъ...

Викторъ лежалъ, глядя куда-то въ потолокъ. На лицѣ Вакулова рисовалась глубокая, безысходная скорбь. Потомъ онъ повернулся на-бокъ и, взглянувъ прямо въ упоръ въ лицо Леонида, тихо проговорилъ:

— Ну, а если пятнышки есть, такъ, вѣдь, остается... одно.

— Что остается?—

— Да покончить съ ними... однимъ разомъ.

— Ну, и глупости,—заволновался Леонидъ.

— Что ты мальчишка, что-ли?.. У тебя, братъ, семья... Да и что это, съ чего такое отчаяніе?..

Викторъ опять повернулся на спину.

— Нѣтъ, я про пятнышки,—лѣниво проговорилъ онъ, но вдругъ порывисто поднялся.

— Такъ что же дѣлать, что дѣлать, научи...

— Нашелъ учителя,—сказалъ Леонидъ и, всунувъ ноги въ старенькія туфли, прошелся по комнатѣ.

— Ну, а ты что же дѣлалъ? а?—спросилъ Викторъ съ тоской въ голосѣ.

— Я-то?—раздумчиво отвѣтилъ Леонидъ, продолжая шагать,—сначала игралъ въ классическій, а потомъ съ присыпкой...

— Э! полно...

— И съ гвоздемъ. Это, братъ, интереснѣй.

— Оставь глупости. Я тебя спрашиваю серьезно.

— Да я, другъ, и то серьезно. Ты, пожалуй, гораздо счастливѣе меня; во первыхъ, у тебя семья, жена, ребенокъ. Во вторыхъ,—вотъ ты бьешься, стараешься выкинуть изъ себя то, что тебя мучитъ. А я...

— Что-же ты?—спросилъ Викторъ, почуявъ въ голосѣ Леонида ноту глубокой душевной муки.

— А я... испортилъ жизнь въ конецъ и лежу, не двигаюсь, что бы не было больно...Понимаешь?

— Голубчикъ!—сказалъ Викторъ съ участіемъ,—но вѣдь этакъ жить невозможно.

— Все возможно, какъ видишь. Ну, и еще я думаю, что эта-то расплата, о которой ты думаешь,—слишкомъ легкая...

— Да, это вѣрно! Смыть нужно эти пятна, вытравить,—взволнованно говорилъ Викторъ, а Леонидъ, не слушая уже его, продолжалъ какъ-то разнѣженно:

— И еще мнѣ доставляютъ странное облегченіе слова: «да не смущается сердце ваше»... Хорошія слова, добрыя.

Викторъ безнадежно махнулъ рукой и сѣлъ на диванъ.

— Слова хорошія, да развѣ они примѣнимы ко всякому положенію! Ты зарѣжь кого-нибуль, а потомъ сложи ручки и успокойся: да не смущается, дескать, мое сердце. Развѣ для такихъ, какъ я, сказаны эти слова? Сижу въ праздности, по уши зарылся въ довольство, — мнѣ ли не смущаться за прошлое! А только вотъ, — что дѣлать, какъ, чѣмъ и гдѣ искупить, что именно выведетъ эти пятнышки? Господи, какая мука!

Леонидъ помолчалъ и затѣмъ сказалъ тихо и задушевно:

— Ну, и ищи. Это, конечно, лучше. Только не пускай въ голову этихъ глупостей о легкомъ избавленіи... И потомъ, помни старые долги, но помни также, что ты выдалъ на себя еще новый вексель. Ну, и когда нибудь наступитъ-же миръ, ничто не вѣчно,—закончилъ онъ своимъ обычнымъ философскимъ тономъ.

— Ахъ, ты не понимаешь,—съ отчаяніемъ въ голосѣ воскликнулъ Викторъ.—Я не мира хочу, мнѣ нужно прощеніе. Я не забыть хочу то, что отравило мнѣ жизнь, я вѣчно буду помнить, но пусть я знаю, что когда нибудь совѣсть мнѣ скажетъ: ты заплатилъ, мы теперь квиты.

— И всетаки нужно спокойнѣе.

— Да, я вѣрю, что есть выходъ.—продолжалъ Викторъ,—

я хочу жизни и счастья и я во что бы то ни стало добьюсь этого... Или, или...

Онъ рѣзко отвернулся къ стѣнѣ и замолчалъ. Леонидъ тоже прилегъ на постель. Свѣча вспыхнула въ послѣдній разъ слабымъ синеватымъ пламенемъ и погасла. Среди тишины зимняго утра пронеслась въ морозномъ воздухѣ волна колокольнаго звона. Звонили къ заутренѣ.

VII.

Не смотря на отчаяніе, которое, казалось, овладѣло Викторомъ въ ночь разговора съ Леонидомъ, онъ неожиданно для самого себя успокоился душой. Онъ не то, что забылъ о мучающихъ его вопросахъ, но будто примирился съ ними. Онъ могъ теперь предаваться обычнымъ занятіямъ по хозяйству, любить жену и ребенка, быть оживленнымъ.

Приближался великій постъ, и Вакуловы по желанію Ольги переѣхали въ Васильевскъ, чтобы тамъ встрѣтить Пасху. Ольга желала этого переселенія, потому что ей было скучно встрѣчать праздникъ не въ кругу родныхъ и потому еще, что она привыкла говѣть на страстной недѣлѣ въ городскомъ соборѣ.

Викторъ нанялъ квартиру, и въ началѣ марта Вакуловы уже были въ городѣ.

— Послушай, Витя,—сказала однажды Ольга, садясь около мужа, который читалъ газету,—исполни одно мое желаніе.

Ея рука, легшая на его широкую, крѣпкую руку, была такая милая, маленькая и бѣлая, а голубые глаза выражали столько нѣжности и мольбы, что Викторъ не утерпѣлъ и поцѣловалъ жену прямо въ ея розовую, теперь отчего-то особенно разгорѣвшуюся щечку.

— Развѣ я не исполнитель всѣхъ твоихъ желаній?—шутливо отвѣтилъ онъ вопросомъ.

— Видишь что...—Ольга немного замялась и опять покраснѣла.—Мы съ тобой кое въ чемъ не сошлись... Но я надѣюсь, что у тебя это временно... На страстной я буду говѣть, прошу тебя, пожалуйста, и ты со мной.

Лицо Виктора омрачилось.

— Я уважаю твои убѣжденія; зачѣмъ же ты насилуешь мою совѣсть?..

Она слегка поблѣднѣла и отшатнулась.

— Другъ мой, развѣ ты до такой степени невѣрующій?

Онъ сейчасъ-же смягчился и пожалѣлъ о своихъ словахъ. Они показались ему напыщенными и фальшивыми. Достаточно-ли онъ думалъ объ этихъ вопросахъ, чтобы имѣть право говорить объ «убѣжденіяхъ»?

Она на минуту задумалась.

— Вотъ что: я не прошу тебя говѣть, какъ это принято. Но ходи вмѣстѣ со мной на службы, а тамъ увидишь...

— Ну, что же, изволь—и даже съ удовольствіемъ.

Онъ не забылъ обѣщанія и съ вечера воскресенья шестой недѣли неизмѣнно шелъ съ Ольгой въ старинный полутемный соборъ, гдѣ особенно торжественно отправлялась служба. Вмѣстѣ съ ними говѣла и Лидочка, которая становилась съ сестрой слѣва у стѣны большой арки, раздѣлявшей церковь на двѣ половины. Викторъ помѣщался позади ихъ.

Молящихся было не особенно много, и въ храмѣ не чувствовалось духоты и давки. Старикъ протопопъ служилъ благолѣпно; дьяконъ, обладатель красиваго, мягкаго баса, всегда очень нравился Виктору, внося въ возгласы и пѣніе долю чувства; пѣвчіе славились въ городѣ. Мирное, слегка грустное чувство охватывало Виктора, и онъ не жалѣлъ, что послушался Ольги.

— Духъ праздности, унынія, любоначалія и празднословія не даждь ми,—тихо и внушительно говорилъ среди безмолвія храма священникъ и медленно опускался на колѣни. И мѣстѣ съ нимъ и съ молящейся толпой опускалась Ольга и съ чистымъ сердцемъ и искренней вѣрой искала духовными очами Того, Кто все видитъ и все проститъ. Но она даже не старалась вникнуть въ смыслъ произнесенной молитвы, и слово—любоначалія не оставляло впечатлѣнія въ ея сердцѣ. Все вмѣстѣ—и молитва, и тихое, стройное пѣніе, и лампады, мерцающія среди мр[illegible], и общее въ толпѣ чувство духовнаго безсилія,—все было мольбой о прощеніи, о помощи, о возрожденіи духа...

Викторъ не отдавался религіозному чувству. У него было хорошо на душѣ, но почему,—онъ не зналъ и не задумывался надъ этимъ вопросомъ. Съ наслажденіемъ слушалъ онъ за вечерней службой торжественно-восторженные аккорды хора, пѣвшаго о Женихѣ, изливавшаго скорбь души, не имѣвшей одеждъ для украшеннаго чертога, но мысли его витали далеко. Онъ слушалъ и наслаждался, но не раскрывалъ души. Онъ зналъ, что тамъ, за стѣнами этого прохладнаго храма, отдающаго сыростью камней, уже ликуетъ весна, теплый вѣтеръ вѣетъ съ юга и манитъ любовью, радостью. И это сознаніе умиляло его, какъ и поэзія великопостной службы.

За одной изъ вечернихъ службъ онъ, склоняясь при возгласѣ вышедшаго изъ алтаря священника, случайно взглянулъ на Лидочку и былъ пораженъ выраженіемъ ея дѣтскаго лица. Дѣвушка была блѣдна; ея голубые невинные глаза полны были слезъ и душевнаго страданія. Она крестилась широкимъ крестомъ и, опускаясь на колѣни, подолгу лежала, прижимаясь головой къ холодному полу.

— Знаешь что,—сказалъ Викторъ Ольгѣ, когда они послѣ службы вышли изъ церкви,—мнѣ Лидочка что-то не нравится.

Ольга слегка насторожилась.

— Что же именно?

— Слишкомъ много экзальтаціи; это религіозное увлеченіе ненормально.

— Пойдемъ къ рѣкѣ,—вмѣсто отвѣта сказала Ольга и, взявъ мужа подъ руку, пошла по направленію небережной.

— Ты ошибся насчетъ Лидочки,—продолжала Ольга, когда они уже подходили къ рѣкѣ,—экзальтаціи тутъ нѣтъ.

— А что же?

— Не волнуйся такъ. Я узнала, что ухаживанья Крутилова сдѣлали свое дѣло. Лидочка полюбила, а мы, Абазовы, не умѣемъ любить и разлюблять.

Викторъ съ сердцемъ оттолкнулъ руку жены.

— Такъ что же вы-то, старшіе-то чего глядѣли?—крикнулъ онъ, чувствуя, что блѣднѣетъ отъ злобы и огорченія.

— Проглядѣли, видно,—печально отвѣтила Ольга,—мамѣ хотѣлось видѣть одну изъ дочерей за Крутиловымъ. Будемъ надѣяться, что онъ ухаживалъ не ради шутки.

— О, я съ нимъ пошучу... я ему покажу шутки...

Викторъ долго не могъ успокоиться и мрачно глядѣлъ внизъ, гдѣ широко разлившаяся рѣка съ шумомъ катила расходившіяся воды. Въ воздухѣ темнѣло; зажигались блѣдныя звѣзды; отъ рѣки вѣяло сыростью тумана. Ольга тихонько взяла мужа подъ руку и прижалась къ ней.

— Милый, ты ничего не дѣлай по этому поводу. Ты поймешь меня...

О, разумѣется, онъ ничего не можетъ сдѣлать; онъ понимаетъ, что не ему вмѣшиваться въ это дѣло, да и вообще нечего дѣлать.

А внизу все кипѣло и гремѣло. Куда ни досягалъ взоръ— вездѣ стальныя съ бѣлыми гребнями волны, разъяренныя, негодующія, мчавшіяся въ далекую невѣдомую даль, роптавшія непонятные упреки. Изрѣдка быстро проносилась запоздавшая, подхваченная съ берега набѣжавшей волной льдина, за ней плыла большая щепа, потомъ невѣдомо откуда взявшаяся рогожа, кустъ, вырванный льдинами съ корнемъ, бочка, а потомъ опять двѣ льдины съ шестомъ, торчащимъ вертикально на одной изъ нихъ. Рѣка все принимала одинаково алчно и несла добычу на бѣломъ хребтѣ, будто торопясь поскорѣе унести ее.

Тамъ дальше въ лѣтнихъ затонахъ стояла относительная тишина. Рѣка устремляла свой бѣгъ впередъ, посылая къ окраинамъ болѣе тихія струи. Тамъ мрачными, молчаливыми купами стояли рощи, погруженныя въ разлившіяся воды; коегдѣ торчалъ на бугрѣ запоздавшій стогъ прошлогодняго сѣна;

одинокая береза уныло раскинулась огромными вѣтвями надъ холодною гладью воды, омывашей ея стволъ. И какъ бѣлый стражъ, упраздненный тихій монастырь молчаливо глядѣлся въ подошедшую къ самымъ стѣнамъ его водную равнину...

VIII.

Въ среду послѣ вечерней службы Вакуловы не ушли домой, а остались съ прочими богомольцами въ церкви для исповѣди. Въ толпѣ замѣчалось нѣкоторое лихорадочное оживленіе, торопливость, сознаніе важности минуты. У многихъ въ рукахъ были свѣчи. Лидочка стояла блѣдная и взволнованная, но Ольга, будто продолжая молитву покаянія, была попрежнему спокойна и сосредоточенна. На правомъ клиросѣ поставили аналой, на немъ лежали крестъ и евангеліе. Спустя нѣсколько минутъ изъ алтаря вышелъ въ эпитрахили старичокъ-священникъ, остановился и поглядѣлъ на исповѣдниковъ поверхъ очковъ.

— Кому угодно исповѣдываться, пожалуйте по очереди,— раздался его негромкій старческій голосъ.

Отъ толпы отдѣлилась старушка-мѣщанка, повязанная сверхъ платка другимъ клѣтчатымъ такъ, что онъ, сложенный въ узкую полосу, обхватывалъ ея нижнюю челюсть и, связанный на темени узломъ, торчалъ на ея головѣ двумя концами на подобіе ушей.

Священникъ сталъ передъ аналоемъ и знакомъ пригласилъ старушку положить земной поклонъ, что она и исполнила, тотчасъ же вздохнувъ громко на всю церковь. До слуха Виктора доносился тихій голосъ духовника и глухой, но жалобный старушки, но словъ нельзя было разобрать. Прошло минутъ десять и затѣмъ на клиросѣ послышалось движеніе. Старушка стояла на колѣняхъ, а духовникъ, положивъ на ея голову конецъ тяжелой эпитрахили, громко произносилъ молитву:

«... азъ, недостойный іерей разрѣшаю...» —уловилъ слухомъ Викторъ.

Когда старушка вышла, Ольга, оглянувшись и видя, что никто изъ богомольцевъ не двигается, повернулась и скорой, твердой походкой направилась къ клиросу. Священникъ посмотрѣлъ на нее поверхъ очковъ и, узнавъ свою давнишнюю духовную дочь, ласково улыбнулся ей. Пока она оставалась на клиросѣ, Викторъ чувствовалъ нервную дрожь. Ему казалось, что это онъ самъ раскрываетъ затаенные уголки своей совѣсти, выворачиваетъ наружу душу. И когда Ольга тою же спокойною, ровною поступью вернулась на свое мѣсто, онъ удивился, видя, что на лицѣ ея нѣтъ волненія.

И какъ она можетъ быть такой невозмутимой?—думалъ онъ, чувствуя, что самъ волнуется все болѣе и болѣе. Потомъ исповѣдывалась Лидочка.

Тихонько всхлипывая, она опустилась на колѣни за разрѣшительной молитвой и потомъ вышла, утирая глаза платкомъ.

Когда они ушли изъ церкви, на душѣ у Виктора было еще тяжелѣе, чѣмъ прежде...

IX.

На второй день Пасхи Вакуловы съ утра были у Абазовыхъ. Свободный отъ служебныхъ занятій, счастливый благоустройствомъ дома и по обыкновенію не замѣчающій тщательно скрываемыхъ отъ него огорченій прочихъ членовъ семьи, Алексѣй Өедоровичъ, сидя противъ Крутилова за шахматнымъ столомъ, глубокомысленно обдумывалъ ходы, поглаживая рукой длинную, уже почти совсѣмъ сѣдую бороду. Такой же высокій, какъ и отецъ, и съ бородой, похожей на отцовскую, Леонидъ, который опять пріѣхалъ на праздники, ходилъ изъ угла въ уголъ по большой гостиной. Но, кромѣ этихъ гостей, въ комнатѣ находился еще нѣкто—Василій Ефимовичъ Липинскій, молодой человѣкъ лѣтъ тридцати, помѣщикъ уѣзда, дворянинъ и мѣстный дѣятель.

Викторъ, занятый своими личными волненіями, горестями, надеждами, а порой отчаяніемъ, отсталъ за послѣдніе полгода отъ интересовъ семьи Абазовыхъ и не замѣчалъ, что женская половина этой семьи вела усиленно оживленную дѣятельность, имѣла одну, твердо намѣченную цѣль, волновалась, надѣялась, разсчитывала шансы на успѣхъ, горевала, теряя надежды и опять оживлялась. А, главное, логика этого кружка была совершенно иная, особенная, чѣмъ у Виктора, чѣмъ вообще у мужчинъ. Ольга принимала участіе въ этой дѣятельности, хорошо знала всѣ ходы дѣла, но мужу почти ничего не сообщала, понимая, что онъ не раздѣлитъ взглядовъ ея и родныхъ и только помѣшаетъ дѣлу. А цѣлью женской половины семьи было выдать Юленьку за Липинскаго и постараться, чтобы Крутиловъ послѣ весеннихъ выпускныхъ экзаменовъ Лидочки сдѣлалъ предложеніе послѣдней. Съ Липинскимъ особенныхъ хлопотъ не было, и все шло, какъ по маслу, такъ какъ Липинскій зналъ, что за Юленькой даютъ десять тысячъ, оставленныхъ ей теткой. Но Крутиловъ надѣлалъ было хлопотъ. Явно ухаживая за Лидочкой, мѣшая ей въ школьныхъ ея занятіяхъ до того, что дѣвушка изъ первой ученицы очутилась къ праздникамъ въ числѣ послѣднихъ, онъ кончилъ вдругъ тѣмъ, что пересталъ бывать у Абазовыхъ, а потомъ уѣхалъ на

два мѣсяца въ отпускъ, не подавая о себѣ никакихъ вѣстей и не простившись даже передъ отъѣздомъ. Это-то и сдѣлало, что дѣвушка загрустила, стала худѣть и привела родныхъ въ отчаяніе своимъ молчаливымъ, тщательно скрываемымъ горемъ.

И вотъ, въ первый день Пасхи Крутиловъ, вернувшійся изъ отпуска лишь наканунѣ, вечеромъ, явился вдругъ къ Абазовымъ, разцѣловался съ Алексѣемъ Өедоровичемъ, добился поцѣлуя отъ Катерины Ивановны, намекнулъ было о томъ барышнямъ, но ограничился лишь поцѣлуемъ рукъ и снова очаровалъ всю семью. Коварное его бѣгство, его жестокость относительно Лидочки—все было ему прощено. Еще болѣе пополнѣвшій и розовый, онъ съ своими смѣющимися, добродушно-хитрыми глазками, казалось, не могъ обмануть ничьего довѣрія, и Катерина Ивановна успокоилась за судьбу дочери.

— Сдѣлаетъ предложеніе, — говорила она Ольгѣ,—просто дожидается конца ея экзаменовъ, а уѣзжалъ, чтобы не мѣшать дѣвочкѣ. Сама ты посуди: вѣдь ему тоже неловко съ ней пока. Она еще въ школьномъ мундирчикѣ ходитъ, а онъ съ лысиной-то своей предложеніе ей вдругъ дѣлаетъ. Человѣкъ, всетаки, съ тактомъ.

Катерина Ивановна не хотѣла сознаться, что совершенно очарована предполагаемымъ будущимъ зятемъ, уже любитъ его чуть-ли не больше, чѣмъ Леонида, и вѣритъ ему во всемъ, хотя и очень мало знаетъ о его личныхъ дѣлахъ. Не смотря на кажущееся добродушіе, на раскрытость сердца, Крутиловъ не любилъ говорить о своихъ дѣлахъ.

Когда Викторъ окончилъ завязавшійся у него съ Липинскимъ споръ и подошелъ къ игрокамъ, Ольга, пошептавшись о чемъ-то съ матерью, вызвала мужа въ сосѣднюю комнату.

— Вотъ что, Витя,—взволнованнымъ шопотомъ начала она, теребя его за пуговицу жилета и прямо глядя ему въ глаза улыбающимися и будто виноватыми глазами, — послушай, ты, вѣдь, еще не знаешь нашей семейной радости. За обѣдомъ мы будемъ пить за жениха и невѣсту.

— Это еще что?—чувствуя, что готовъ вспыхнуть отъ досады, если дѣло идетъ о Лидочкѣ, сказалъ удивленно Викторъ.

— Не кричи, что ты... Вчера вечеромъ пріѣзжалъ Липинскій и сдѣлалъ Юленькѣ предложеніе. Мамочка согласилась... ну... и папочка... Я ужасно рада.

— Ну... убили бобра,—сказалъ Викторъ, разводя руками, но успокоившись сразу, такъ какъ дѣло шло о Юленькѣ, а не о Лидочкѣ.

— Нѣтъ, знаешь, онъ хоть и не симпатичный, это правда, но за то дѣловой. Вотъ Крутиловъ и симпатиченъ, да что въ немъ...

Но Викторъ уже и самъ сознавалъ, что для хорошенькой,

но пустой Юленьки Липинскій — не дурная партія. Молодъ, со средствами, занимаетъ видное мѣсто, собой недуренъ. Чего еще? Вотъ если-бы дѣло шло о Лидочкѣ, тогда совсѣмъ иное. Викторъ не разъ грозилъ изувѣчить, застрѣлить, уничтожить Крутилова, но, въ концѣ концовъ, любилъ его и, бранясь съ нимъ не рѣдко, подчинялся ему. Липинскаго онъ не грозилъ ни задушить, ни повѣсить, а все же чувствовалъ къ нему нелюбовь. Все въ этомъ человѣкѣ возбуждало у него непріятное чувство: и его манера изысканно, но безвкусно одѣваться, и способъ закидывать голову кверху, бросаться въ кресло, вытягивая ноги впередъ. А главное, это безпрерывное любованіе самимъ собою, эта самоувѣренность, глубокое убѣжденіе въ превосходствѣ своего ума, своего знанія жизни, своей, наконецъ, красоты. Это вѣчное «я», которое составляетъ предметъ его поклоненія, страстной любви. Викторъ никогда не могъ равнодушно видѣть этого человѣка и находилъ противнымъ его красивое, но съ безцвѣтными глазами лицо, его коротко остриженную голову, его выхоленную раздвоенную посерединѣ бороду и искренно негодовалъ, слыша гнусавымъ голосомъ произносимыя рѣчи Василія Ефимовича:

— Это, положимъ, такъ; а вотъ послушайте, что скажу я...

И захлебываясь отъ восторга къ самому себѣ, онъ развивалъ свои мысли, которыя неизбѣжно сводились къ тому, что разъ у него, Липинскаго, есть деньги, положеніе, связи, то о чемъ же, въ сущности, толковать.

Теперь онъ со снисходительнымъ видомъ старшаго и умнаго говорилъ Леониду:

— Логика, другъ мой, логика. Вездѣ и во всемъ требуется логика.

Леонидъ, разставивъ длинныя, нескладныя ноги, стоялъ передъ нимъ и задумчиво ерошилъ свою огромную рыжеватую бороду.

— Логика разума—одно, а логика чувства—другое.

— Нѣтъ. Логика вездѣ одна. Если а равно b, а b равно c, то а неизбѣжно равняется с... Абсолютно такъ.

— Я не про то. Разумъ иногда говоритъ: отними у него и возьми себѣ. А чувство споритъ, говоритъ—не годится.

Липинскій громко расхохотался довольнымъ смѣхомъ.

— Потому и споритъ, что васъ въ Титовку за это посадятъ, голубчикъ. Можете быть увѣрены... Ха, ха, ха...

Леонидъ равнодушно зашагалъ по комнатѣ.

— Можетъ и не посадятъ. Не всегда вѣдь...

— Нѣтъ, батюшка, и тутъ логика. Это вѣрно! Вонъ, недавно приходитъ ко мнѣ одинъ субъектъ: возьмите, говоритъ, красненькую, да сдѣлайте по моему. Дуракъ я что-ли. За красненькую губить карьеру. Вотъ пятьдесятъ тысячъ за ничтож-

ное допущеніе дайте, ну, тутъ, конечно, задумаешься: съ полсотней-то тысячъ и со службы уйти ничего, а?

Онъ опять оглянулся и засмѣялся. Но вдругъ лицо его слегка омрачилось. Леонидъ смотрѣлъ на него растерянно и съ недоумѣніемъ.

— Ну, а безъ этихъ то соображеній развѣ нельзя отказаться и отъ красненькой, и отъ полсотни тысячъ?

— То есть, какъ? Ну да, конечно, конечно. Разумѣется, не принято брать, ну, понятно, и я не возьму. Я только говорю примѣрно, что вотъ чѣмъ руководится чувство.

Викторъ, вошедшій съ Ольгой въ гостиную, молча слушалъ этотъ разговоръ и потомъ оглянулся на Юленьку. Дѣвушка раскраснѣлась и съ восхищеніемъ слушала жениха, не спуская съ него восторженныхъ хорошенькихъ глазокъ...

«Тоже логика чувства»—подумалъ Викторъ.

X.

На другой день Викторъ съ Леонидомъ ѣхали по приглашенію Липинскаго въ имѣніе послѣдняго. Наканунѣ Липинскій, любившій быть съ равными себѣ на ты, предложилъ Виктору и Леониду, какъ будущимъ родственникамъ, брудершафтъ, сталъ съ ними на дружескую, товарищескую ногу и даже какъ-то успѣлъ подкупить Виктора въ свою пользу. Хотя дружеская нотка не шла къ Липинскому, но Викторъ легко поддавался на ласку и теперь старался увѣрить и себя, и Леонида, что Юленькинъ женихъ иногда лжетъ на себя, но, въ сущности, добрый парень. Леонидъ не соглашался, и ему далеко не улыбалась мысль назвать этого господина зятемъ.

— Видишь-ли,—говорилъ онъ,—когда родная сестра выходитъ замужъ, невольно становишься строгъ къ ея выбору. Липинскій—это, братъ, кремень; даже не кремень, а каменный истуканъ; такъ сказать, статуй. Души не ищи.

— Не извергъ-же онъ однако!

— Зачѣмъ извергъ? Хуже изверга; у того скорѣе отыщешь искорку. Этотъ не извергъ, а самый обыкновенный человѣкъ, и это-то страшно. И смотри, вѣдь не глупъ,—а духовная сторона всетаки, какъ у бразильской обезьяны.

— Погляди-ка лучше, что кругомъ за благодать,—сказалъ Викторъ.

Онъ съ наслажденіемъ вздохнулъ всей грудью и глядѣлъ на нѣжное голубое небо, щурясь отъ ласковаго, чуть грѣющаго солнца. Дорога почти совсѣмъ просохла, но кругомъ на спутанныхъ, еще бурыхъ, покрытыхъ какою-то плѣсенью зеленяхъ, бѣлѣлъ кое-гдѣ снѣжокъ и стояли мѣстами лужи. По-

казавшіяся березки наливались почкой; изъ лѣска, которымъ пришлось проѣзжать, вѣяло сыростью и холодкомъ.

— Хорошо на свѣтѣ, — задумчиво произнесъ Леонидъ,— хорошо и загадочно. И вся загадка въ томъ, что человѣкъ созданъ для счастья, оно вотъ здѣсь, внутри тебя, а ты, между тѣмъ, всѣ силы употребляешь, чтобы прогнать его вонъ, приманить вмѣсто него тоску.

— Старая, братъ, пѣсня.

— Старая, да не состарѣвшаяся. Въ природѣ человѣка понятіе любви, идеалъ-то горитъ.

Дорога пошла круто подъ гору, прорѣзала небольшой лѣсокъ и выбѣжала на топкую луговину. Въ концѣ ея виднѣлась разлившаяся рѣчка съ перекинутымъ черезъ нее ветхимъ мостомъ и гатью. За рѣчкой, на высокомъ берегу, раскинулась деревня съ барской усадьбой, окруженной высокими тополями и черными старыми липами. Между деревьями стоялъ небольшой каменный домъ Липинскаго.

Когда пріѣхавшіе вошли въ чистенькую залу-столовую Василія Ефимовича, хозяинъ встрѣтилъ ихъ радушно и поцѣловался съ ними троекратно. У себя дома онъ былъ гораздо мягче и подкупалъ несомнѣннымъ радушіемъ.

— Пойдемъ знакомиться,—сказалъ онъ прибывшимъ,—у меня еще гости.

Въ кабинетѣ, пестро и богато убранномъ и полномъ табачнаго дыма, сидѣлъ толстый съ маленькими добродушными глазками васильевскій предводитель Кукуринъ и раззорившійся помѣщикъ сосѣдняго Коневскаго уѣзда, прежній богачъ и честолюбецъ, камергеръ Стуколкинъ, высокій, тоже толстый и на видъ очень добродушный старикъ. Когда гости перездоровались и размѣстились, Кукуринъ подошелъ къ Виктору, поднялъ его съ креселъ и съ таинственнымъ видомъ вышелъ съ нимъ въ столовую.

— Вѣдь, у васъ, Викторъ Егорычъ, въ Коневскомъ есть имѣніе?

— Есть,—отвѣтилъ Викторъ.

— Полный цензъ?

— Десятинъ шестьсотъ. А что?

— Ну, такъ мы васъ туда въ предводители. Такъ и записано.

— Ну, вотъ, еще выдумали!

— И не спорьте. Просимъ о томъ. Жить можно и въ Холмахъ, а туда только наѣзжать.

— Да что же у васъ за фантазія, Иванъ Иванычъ, ваше превосходительство?

— А вотъ, что за фантазія. Я, вѣдь, тамъ тоже и гласный, и помѣщикъ. Ну, старикъ Иволгинъ, знаете, чай, умеръ,

а эта придворная лиса (онъ кивнулъ на дверь) Стуколкинъ-то мѣтитъ на его мѣсто.

— Ну, и прекрасно.

— Прекрасно? Нѣтъ, сударь, совсѣмъ не прекрасно. Ужъ скорѣе тогда я самъ пойду туда, брошу Васильевскъ. Нѣтъ, такихъ пускать нельзя; нѣтъ, мое почтеніе.

— Да онъ такой добродушный.

— Онъ не злой; нѣтъ, онъ не злой. Только что крыса. Сейчасъ пойдетъ на другихъ выѣзжать. Сейчасъ туда на верхъ: шу-шу-шу... Глядишь, ему благодарность, а другимъ шишъ. Нѣтъ, онъ не злой...

— А все же я то тутъ при чемъ?

— А очень просто: вы будете выбраны. Только смотрите, *ему* вида не показывайте, а то разнюхаетъ. А мы вотъ какъ устроимъ.—И онъ началъ шопотомъ объяснять Виктору, что уже почти всѣ въ уѣздѣ сговорились увѣрять Стуколкина глазъ на глазъ, что разсчитываютъ на него. Стуколкинъ успокоится и не станетъ набирать партію, а въ день выборовъ предложатъ баллотироваться не ему, а Вакулову.—Поняли? за него кто тогда будетъ? безъ приготовленія-то, а? Сергѣевъ, Ивинскій, Кошкаревъ, ну, пожалуй, еще Гуѵновъ. Четверо да его шаръ пятый, вотъ и всѣ тутъ. А? ловко? — И Виктору въ эту минуту становилось тоже почему-то весело, какъ и Кукурину, и начинало казаться, что, дѣйствительно, выходило ловко. И мысль о томъ, чтобы стать предводителемъ, представлялась заманчивой.

Послѣ сытнаго, хорошо приготовленнаго обѣда, Стуколкинъ подсѣлъ съ чашкой кофе въ рукахъ къ Виктору и сюсюкающимъ слащавымъ голосомъ обратился къ нему:

— А у васъ въ Коневскомъ прехорошенькое имѣньице.

— Ничего особеннаго,—отвѣтилъ Викторъ, приглядываясь къ собесѣднику и удивляясь, какъ этотъ заплывшій, некрасивый, съ безцвѣтными, тупыми глазами, повидимому, не умный человѣкъ могъ быть придворнымъ.

— Вотъ, вамъ бы къ намъ въ предводители идти.

— Ни въ какомъ случаѣ!

— Напрасно. Вы еще молодой, свѣжій человѣкъ. А предводительство, другъ мой, много значитъ.

— Что же именно?

— Мой другъ, чины, ордена, значеніе, наконецъ, чего нибудь да стоятъ. Можно потомъ постараться въ вицъ-губернаторы пройти. Я хорошъ съ княземъ N, могу попросить его.

— Благодарю васъ, я не честолюбивъ.

— Мой другъ, не вѣрю. Какъ это, молодой еще человѣкъ и не честолюбивъ. Это не натурально.

— Увѣряю васъ. И вообще о моей кандидатурѣ не стоитъ говорить. Вотъ, на васъ указываютъ.

Стуколкинъ легонько вздохнулъ и посмотрѣлъ въ потолокъ. Потомъ принялся за кофе. А на другомъ концѣ комнаты, Леонидъ, слегка раскраснѣвшійся отъ выпитаго вина, стоялъ, разставивъ ноги, передъ благодушествующимъ на диванѣ Липинскимъ, тянулъ неудачно раскуренную сигару и махалъ въ возбужденіи руками.

— Да ты понимаешь ли, что такое математика?—кричалъ онъ, подступая къ хозяину.

— Мы, юристы, имѣемъ дѣло съ самой жизнью, — возражалъ Липинскій, прихлебывая черный кофе, — а вы, математики, чортъ знаетъ, что такое.

— Да нѣтъ, ты постой, ты суть-то возьми...

— И что за карьера. Сиди въ банкѣ, а не то кисни въ учителяхъ гдѣ нибудь въ Тмутараканскѣ.

— Да я тебѣ говорю про суть-то, про идею-то науки.

— Складывай да вычитай, вотъ и вся суть.

— Нѣтъ, ты постой, нѣтъ, братъ; шалишь, нѣтъ, погоди...

XI.

Леонидъ еще сильнѣе замахалъ длинными, костлявыми руками и, совсѣмъ наступая на Липинскаго, заговорилъ весь красный отъ оживленія. Математику онъ, правда, позабылъ, но идея, но философія ея осталась и не могла не остаться, ибо математика это наука, это знаніе, а все остальное гиль и чепуха. Понимаетъ ли Липинскій хотя то, что изучающему высшую, чистую математику становится доступнымъ причинная связь мірозданія. Во вселенной нѣтъ покоя, все въ движеніи. Пусть же Липинскій заглянетъ въ аналитическую механику, перенесется въ безпредѣльное, ловитъ законы вѣчнаго движенія.

Липинскій, котораго такъ настоятельно посылали въ безпредѣльное, только рукой махнулъ, какъ бы говоря: «ну, замололъ», но Леонидъ уже не обращалъ на него вниманія и ходилъ по комнатѣ огромными шагами, махая по воздуху сигарой, какъ тростью. Онъ продолжалъ защиту математики и останавливался, главнымъ образомъ, на движеніи.

— Аналитическая механика,—возглашалъ онъ,—это что-то грандіозное, поражающее умы. Связывая пространство, она ведетъ человѣка въ безконечные міры, и вотъ мысль человѣка уже на порогѣ вѣчнаго и безпредѣльнаго. Теряется понятіе времени; гдѣ центръ, гдѣ окружность—неизвѣстно. Еще шагъ и ты лицомъ къ лицу съ вѣчно зиждущимъ началомъ.

— Д-да,—подавляя зѣвокъ, сказалъ Кукуринъ,—что и говорить, астрономія премилое занятіе.

— Э, нѣтъ,—досадливо возразилъ Леонидъ,—я не объ астрономіи говорю. Астрономія—это выводъ, это прикладное; это житейскій выводъ изъ чистаго, отвлеченнаго. Аналитику нѣтъ дѣла до того, что по его вычисленіямъ на землѣ узнаютъ, когда спутникъ Юпитера будетъ въ соединеніи съ какой нибудь тамъ еще звѣздой. Математика выше этого, математика чистая, философія ея; поэзія...

Онъ остановился и смущенно оглянулся кругомъ, застыдившись, чувствуя себя виновнымъ. Только одинъ Викторъ глядѣлъ на него сочувственно. Кукуринъ уже подсѣлъ къ столу и заносилъ для памяти на бумажку имена противниковъ Стуколкина при предстоящихъ выборахъ; Стуколкинъ допивалъ вторую чашку кофе, стараясь, чтобы не растаявшій на днѣ чашки кусочекъ сахара скатился ему въ ротъ; Липинскій устало и со скучающимъ видомъ зѣвалъ и потягивался. При послѣднихъ словахъ Леонида онъ медленно поднялся съ дивана.

— Пойдемте-ка, я лучше покажу вамъ моихъ молодыхъ лошадей.

И всѣ оживились и охотно пошли за нимъ. Они обошли конюшни, скотный дворъ, птичникъ, молотильный сарай, каретную. Нигдѣ не было ничего особенно замѣчательнаго, но Липинскій съ лицомъ, раскраснѣвшимся не менѣе, чѣмъ передъ этимъ лицо Леонида, показывалъ все съ такимъ наслажденіемъ собственника, такъ настойчиво приглашалъ голосомъ, тономъ, блескомъ глазъ, оживленіемъ, суетливостью—признать, что все, у него, дѣйствительно, прекрасно, такъ какъ, вѣдь, все это его, Липинскаго,—что гости невольно соглашались съ нимъ и говорили, что все хорошо. Потомъ Липинскій направился домой и въ порывѣ увлеченія обращалъ вниманіе гостей, за неимѣніемъ другихъ предметовъ осмотра, на свое полутеплое, какое-то особенное, по его словамъ, пальто, на трость, которую держалъ въ рукахъ, на усовершенствованныя калоши, и потрогалъ, наконецъ, столбы крыльца, чтобы гости убѣдились, насколько прочно построено крыльцо. Потомъ онъ не удержался и навелъ разговоръ на любимую тему — о себѣ, о своемъ положеніи, о своихъ средствахъ, о своихъ дальнѣйшихъ жизненныхъ путяхъ. И съ тѣмъ же увлеченіемъ, съ которымъ показывалъ гостямъ лошадей, коровъ, сѣдло, новую сбрую, кнутъ для параднаго выѣзда, кучерской кушакъ, заборъ, отдѣляющій фруктовый садъ, ружье, пріобрѣтенное для лѣсника, — съ тѣмъ же увлеченіемъ говорилъ теперь о своей службѣ, о своей дѣятельности, о своемъ значеніи въ уѣздѣ.

И изъ словъ его выходило, что положеніе его, и значеніе, и вліяніе выше, чѣмъ чье бы то ни было въ уѣздѣ, и что положеніе и значеніе предводителя не можетъ равняться съ положеніемъ его, Липинскаго. Онъ говорилъ это не потому, чтобы

завидовалъ Кукурину, предводителю, или предполагаемому будущему предводителю въ Коневѣ, Вакулову, но потому, что все свое, все неотъемлемо ему принадлежавшее, начиная съ лошади и кончая общественнымъ положеніемъ, возбуждало въ немъ нѣжность, трогательное увлеченіе.

Когда Леонидъ съ Викторомъ уже вечеромъ возвращались въ городъ, Викторъ размечтался о словахъ Кукурина по поводу кандидатуры въ Коневскіе предводители. Онъ представлялъ себя окруженнымъ почетомъ, принимающимъ дворянъ и мѣстныхъ служащихъ въ своемъ домѣ, предсѣдательствующимъ въ собраніяхъ, направляющимъ пренія, устраняющимъ недоразумѣнія. Онъ вездѣ въ уѣздѣ первое, замѣтное лицо; всѣ считаются съ нимъ; сомнительные дѣятели побаиваются его. Во всѣхъ коммиссіяхъ, во всѣхъ присутствіяхъ онъ первое лицо.

— А что,—сказалъ онъ, обращаясь къ Леониду,—что ты скажешь насчетъ предложенія Кукурина.

— Это въ предводители-то идти?—отозвался Леонидъ,—а что, видно забрало тебя, а?

— Нѣтъ, не то, а только... зачѣмъ отказываться отъ общественной дѣятельности...

— Милый мой,—добродушно смѣясь, сказалъ Леонидъ.— Ну, ну... разумѣется, я ничего не возражаю. Если служить не изъ тщеславія, сдѣлать кое-что можно.

Но Викторъ уже не слушалъ его. Опять давнишняя тоска охватила его сердце. И какъ онъ могъ позабыться, увлечься мечтами о предводительствѣ, когда для него не можетъ быть никакихъ радостей, надеждъ, когда позади стоитъ призракъ преступленія. Прошедшее давитъ, гнететъ его и выхода нѣтъ изъ этого мрака.

— О чемъ ты задумался?—спросилъ Леонидъ.

Но Викторъ не отвѣтилъ ничего и слегка отвернулся. Теперь Леонидъ опять казался ему спокойнымъ, уравновѣшаннымъ, апатичнымъ, какъ до ночного разговора. Если не лицомъ, то выраженіемъ лица онъ походилъ на Ольгу и, странно, — оно вдругъ стало ненавистно Виктору. Затѣмъ по связи идей Викторъ возненавидѣлъ и Юленьку, и Лидочку, и Ольгу—все абазовское и даже своего сына. Наконецъ, совершенно неожиданно промелькнуло воспоминаніе о Дунѣ и на одинъ краткій, но мучительный мигъ захотѣлось вернуть все прошлое, быть снова съ Дуней и любить по прежнему мучительно и страстно.

Небо, черное, загадочное, глядѣло миріадами звѣздъ, будто наблюдая эту странную, полную противорѣчій землю.

XII.

Крутиловъ опять сталъ постояннымъ гостемъ Абазовыхъ и явно, хотя осторожно давалъ понять, что онъ имѣетъ виды на Лидочку. И Лидочка, счастливая, повеселѣвшая, ожила, перестала кашлять. Хорошенькое лицо ея сіяло радостью и румянцемъ молодости. Но, какъ раньше отъ горя, такъ теперь отъ переполнявшаго сердце счастья, она не въ силахъ была заниматься уроками и по классному списку стояла въ числѣ послѣднихъ.

Приближались выпускные экзамены, надо было готовиться, повторять курсъ всѣхъ лѣтъ, а дѣвушка чувствовала, что не въ силахъ сосредоточиться надъ книгой, понять что нибудь изъ прочитаннаго. Мысли витали далеко, въ головѣ стоялъ розовый туманъ, на сердцѣ что-то ликовало.

Подошли экзамены и Лидочка съ ужасомъ поняла, что не можетъ окончить гимназію. Она, — пять лѣтъ бывшая первой ученицей, образецъ, примѣръ для всего класса!

— И что это съ вами сдѣлалось?—разводила руками начальница гимназіи.—Вы просто конфузите насъ...

Но начальница догадывалась о состояніи души Лидочки, такъ какъ слышала про ухаживанія Крутилова. Знали про это ухаживаніе и учителя. Это и было причиной той снисходительности, которую встрѣтила къ себѣ на экзаменахъ дѣвушка со стороны экзаменаторовъ. Всѣ помнили, что ученица въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ была первой, что она не могла еще позабыть всего пройденнаго, и ей дѣлали наводящіе вопросы, осторожно отрывали отъ того міра грезъ, въ которомъ она находилась, подсказывали, ободряли. И, освобождаясь по немногу отъ очарованія, въ которомъ находилась, она припоминала отвѣты и получала удовлетворительныя отмѣтки. Но, какъ только кончался экзаменъ, она опять погружалась въ розовый туманъ грезъ и опять мучилась при воспоминаніи о томъ, что черезъ три дня надо сдавать по физикѣ, а еще и двухъ строчекъ не прочитано.

Когда экзамены окончились и для Лидочки стало несомнѣннымъ, что она ихъ выдержала и кончила курсъ, она даже не обрадовалась, ей было не до того. Она только облегченно вздохнула, припомнивъ, что не надо больше страдать при мысли о нераскрытомъ учебникѣ и что теперь можно отдаться тѣмъ сладкимъ и томительнымъ грезамъ, которыя вѣяли надъ ней.

Однажды вечеромъ Крутиловъ встрѣтился въ городскомъ саду съ пріѣхавшимъ изъ Холмовъ Викторомъ и по обычаю весело и радостно поздоровался съ нимъ, оживленно высказывая все, что взбредетъ на умъ. Но Викторъ замѣтилъ въ немъ подъ этимъ оживленіемъ какую-то тревожную озабоченность.

— Ну, строгій братъ хорошенькихъ сестрицъ, — сказалъ Крутиловъ,—теперь ужъ вы не можете обвинять меня въ ухаживаніи сразу за двумя барышнями, а?..

— Что-же случилось такого?—хмуро спросилъ Викторъ.

— Какъ что? Юлія Алексѣевна чужая невѣста; для меня она ужъ тю-тю.

— Послушайте, я не охотникъ разговаривать на эти легкія темы. Вы любитель флирта, а я...

— Постойте, постойте... Какой это флиртъ; о чемъ вы? Нѣтъ, я слишкомъ уважаю домъ вашего тестя.

— Но ваше ухаживанье бросается въ глаза, и на мѣсто Абазова я бы вамъ этого не позволилъ.

— Какъ это? не позволили-бы ухаживать молодому, цвѣтущему, обворожительной наружности кавалеру? Да можетъ-ли это быть?

— Полноте дурачиться. Вы и не знаете, какое сердце... вы хотите затронуть. Право, грѣхъ нарушать душевный миръ этой дѣвушки...

Лицо Крутилова на минуту стало серьезно, почти печально.

— Я вамъ искренно говорю, что отношусь съ глубокимъ уваженіемъ къ Лидіи Алексѣевнѣ. Нѣтъ, это не похоже на флиртъ, какъ вы выразились.

— Такъ вы серьезно думаете о ней?

— Меня останавливаетъ лишь то, что я старъ для нея. Вотъ полюбуйтесь-ка.

Онъ снялъ шляпу и провелъ рукой по головѣ, гдѣ оставалось уже совсѣмъ мало волосъ.

— Всѣ израсходовалъ, батенька. А?..

Нѣсколько дней послѣ этого онъ былъ то чрезмѣрно оживленъ и веселъ, то неожиданно задумчивъ. Потомъ, вдругъ, пріѣхалъ къ Абазовымъ во фракѣ, смущенный, растерянный и обратился къ старикамъ съ просьбой о рукѣ Лидіи Алексѣевны. Его выслушали съ плохо скрываемой радостью и съ напускной важностью. Какъ-бы играя въ какую-то игру, поговорили о томъ, что Лидочка приданаго, кромѣ тряпокъ, ничего не имѣетъ, спросили жениха о его средствахъ, потомъ расплакались, расцѣловались и благословили молодыхъ.

Съ этого дня Крутиловъ сталъ бывать у Абазовыхъ ежедневно, шутилъ, смѣялся, смѣшилъ весь домъ и очаровалъ всѣхъ окончательно. Но по временамъ, когда оставался одинъ въ комнатѣ, становился странно задумчивъ, почти мраченъ.

Викторъ и съ нимъ выпилъ «на ты» и, хотя продолжалъ сердиться на него, находить его пустымъ и легкомысленнымъ, чувствовалъ однако, что любитъ его и вмѣстѣ съ другими поддается его заразительной веселости.

Такъ какъ Лидочкѣ только что исполнилось семнадцать

лѣтъ, то порѣшили, что она еще слишкомъ молода и что свадьба должна быть отложена на годъ. Женихъ не противился. Свадьба Юленьки была назначена сейчасъ послѣ Петровокъ.

Когда бракосочетаніе совершилось, въ домѣ Абазовыхъ все вошло въ колею, и всѣ свыклись съ пустотой, образовавшейся вслѣдствіе ухода Юленьки. Всѣ находили, что этотъ, казавшійся прежде несимпатичнымъ Липинскій—въ сущности отличный мужъ и отличный родственникъ: всегда ровенъ, спокоенъ, разсудителенъ, не то, что этотъ сумасбродный Викторъ, который сегодня весь вашъ, а завтра смотритъ на всѣхъ медвѣдемъ. И однако всѣ Абазовы охотно ѣздили въ Холмы къ непривѣтливому Вакулову и очень неохотно къ сіяющему радушіемъ Липинскому.

Самъ Липинскій не только не раскаивался въ томъ, что женился на Юленькѣ, но даже называлъ себя за это умникомъ. Правда, ему приходило на умъ, что онъ могъ-бы поискать и болѣе богатую невѣсту въ Москвѣ или Петербургѣ, но, во-первыхъ, въ столицахъ надо еще искать, а Липинскій уже потерялъ тамъ связи, а, во-вторыхъ, Юленька нравилась ему, и онъ былъ доволенъ ею. Она стала ему особенно нравиться послѣ того, какъ онъ обвѣнчался. Тогда она сдѣлалась его неотъемлемою собственностью, какъ были его собственностью лошади, экипажи, домъ, пальто, сапоги. Во всемъ *своемъ* онъ привыкъ находить какую-нибудь особенную черту превосходства, возносившую его собственность надъ всѣми однородными предметами міра. Такъ у искренно любимой лѣвой пристяжки былъ несравненный хвостъ. Жилетъ отъ фрачной пары стоялъ внѣ всякихъ сравненій по какому-то необыкновенному изяществу и благородству грудного вырѣза. *Его* жена, разумѣется, тоже не могла идти въ сравненіе съ другими женами: ея особенную прелесть онъ усмотрѣлъ въ «симпатичной полнотѣ», которой не могла похвалиться никакая другая женщина на свѣтѣ.

XIII.

Помня тотъ ужасъ, который испытывалъ при рожденіи перваго ребенка, Викторъ со страхомъ думалъ о томъ, что осенью опять будутъ у Ольги роды. Молодая женщина уже въ началѣ сентября съ трудомъ ходила, тяжело переваливаясь съ ноги на ногу, по ночамъ стонала во снѣ и часто задумывалась, очевидно, страшась родовыхъ мукъ и боясь за себя, хотя и старалась не обнаруживать боязни, чтобы не огорчить мужа. Но время бѣжало; назначенный акушеркою срокъ—конецъ сентября—давно прошелъ, а Ольга и не думала рожать. Напротивъ,

она была теперь особенно оживленна, бодро и хлопотливо распоряжалась по домашнему хозяйству. Викторъ тоже почему-то позабылъ про свои прежніе страхи и почти не думалъ о томъ, что не нынче—завтра роды должны начаться. Оба Вакулова, и мужъ, и жена, какъ-бы уставъ отъ постояннаго страха, скрываемаго обоими другъ отъ друга, были теперь веселы, беззаботны и не думали о приближеніи рокового часа. И хотя Ольга болѣе, чѣмъ когда-либо, ощущала беременность,—мысли ея усиленно витали въ кухнѣ, амбарахъ, кладовыхъ. Она съ досадой припоминала, чко еще до сихъ поръ не выглажены сорочки Ввктора, что горничная Глаша совсѣмъ не умѣетъ стирать пыль съ письменнаго стола.

— Вотъ что, Олечка,—шутливо, но съ невольной мольбой въ голосѣ сказалъ въ субботу Викторъ,—когда, милая, хочешь, только не сегодня ночью. Смерть усталъ и спать хочу.

Онъ весь день провелъ сегодня на ногахъ, охотясь съ гончими ва зайцевъ, всталъ въ четыре часа утра, чтобы поспѣть на дальнія поруби, съ утра ничего не ѣлъ и теперь, дожидаясь, когда стрѣлка часовъ подойдетъ къ десяти, съ наслажденіемъ прихлебывалъ изъ стакана пиво, переваривая плотный ужинъ, и еле подымалъ отяжелѣвшія вѣки.

— Ну, конечно,—смѣясь отвѣтила Ольга,—вѣдь, я же понимаю.

Выписанная акушерка, — Клавдія Степановна, женщина лѣтъ сорока, съ мягкими движеніями, съ мягкой, ласковой улыбкой, привыкшая, благодаря своей специальности, къ особенной мягкости въ манерахъ и даже разговорѣ, помѣщалась ночью въ одной комнатѣ съ Ольгой, а Викторъ спалъ у себя въ кабинетѣ. Когда пробило, наконецъ, десять, Викторъ съ трудомъ поднялся со стула, потянулся, зѣвнулъ и, простившись съ женой, лѣнивой походкой направился къ себѣ, еле волоча усталыя ноги. Съ давно неиспытаннымъ наслажденіемъ раздѣлся онъ и опустился на постель, которая сегодня казалась особенно пріятной, удобной. Съ минуту раздумывалъ онъ, сразу-ли заснуть, или еще помучиться, прочитать въ постели отяжелѣвшими глазами страницы двѣ книги и выкурить последнюю папиросу, и остановился на второмъ проектѣ. Съ трудомъ прочиталъ онъ слипавшимися глазами страницу романа, ничего не понялъ, положилъ книгу, задулъ свѣчу и, повернувшись на другой бокъ, прикрылся одѣяломъ до самаго носа и весь съежился, набирая тепла. Ему было удобно, пріятно, а на душѣ особенно весело. Онъ припоминалъ впечатлѣнія сегодняшняго дня, переживалъ вновь то радостное ощущеніе, которое вызывалъ въ немъ свѣжій воздухъ осенняго, погожаго дня, запахъ гніющихъ листьевъ во влажныхъ лѣсахъ. Эти дни осенней охоты всегда подбодряли его, придавали ему силы,

спокойствія, увѣренности въ себѣ. И природа, и люди становились ему дороги; онъ любилъ тогда всѣхъ и ко всѣмъ относылся мягко.

— Вотъ и дурень Васька Липинскій,—думалъ онъ,—не понимаетъ этой прелести охоты съ гончими. И непремѣнно одному, чтобы никто не мѣшалъ думать, что на умъ взбредетъ; чтобы идти туда, куда глаза глядятъ. А Липинскому и на охотѣ нужно общество, чтобы можно было похвалиться своимъ ружьемъ... А собаки у него дрянь, и ружье дрянь, и самъ Липинскій дрянь... Нѣтъ, Липинскій не дрянь; онъ только не матерой, и Бойка могъ бы его догнать. Если-бы подвернулся мнѣ, я бы не сталъ его стрѣлять, а пропустилъ бы, потому что кусты эти можно вырывать и бросать, а лондонскій лордъ-меръ въ одномъ сапогѣ...

Онъ сильно вздрогнулъ всѣмъ тѣломъ, какъ это бываетъ послѣ большой усталости, ударился ногой о стѣну и очнулся отъ начинавшейся дремоты.

— Да, о чемъ это я думалъ?—продолжалъ онъ мысленно. О Липинскомъ. Ему, главное, набить какъ можно больше зайцевъ. А того не понимаетъ, что каждаго убитаго зайца становится потомъ ужасно жалко... Какъ этотъ послѣдній жарилъ на меня. Бѣжитъ косой и не видитъ, что я цѣлю въ него. И какъ перекувырнулся: разъ, два. А потомъ сталъ на мѣстѣ подпрыгивать. Ужасно жалко. Сначала радостно, а потомъ жалко. А того-то я пропустилъ... И отчего не стрѣлялъ?.. Крутиловъ стрѣлялъ-бы... У Крутилова голова круглая, какъ глобусъ. На глобусѣ сбоку Африка, и негры бѣгаютъ. Бѣгаютъ и еще лекціи читаютъ. А потомъ можно стать на руки и прыгнуть въ оврагъ. И никто не помѣшаетъ...

Потомъ все спуталось въ его головѣ, и онъ заснулъ крѣпко и сладко, безъ сновидѣній.

Но затѣмъ онъ увидалъ во снѣ, будто стоитъ около колокольни и чего-то ждетъ. А здоровенный, какой-то особенный мужикъ взялъ бревно и бревномъ этимъ началъ изо всѣхъ силъ тыкать въ колокольню съ другой ея стороны. Разъ, разъ, разъ. Шумъ ужасный, и Викторъ боится, что мужикъ пробьетъ колокольню и ударитъ его бревномъ. Удары все учащаются, становятся все громче и громче и, наконецъ, Викторъ различаетъ чей-то голосъ:

— Викторъ Егорычъ, а, Викторъ Егорычъ...

Викторъ проснулся и хриплымъ отъ сна голосомъ, еще не постигая, гдѣ онъ и что съ нимъ, и кто его зоветъ, откликнулся:

— А? Что?..

— Викторъ Егорычъ, — послышался мягкій голосъ акушерки,—встаньте; кажется, началось...

Съ минуту онъ не могъ понять, что началось, и лежалъ, готовый опять заснуть, но, наконецъ, пришелъ немного въ себя.

— Что такое вы говорите?

— Роды начались.

— А, хорошо.

Онъ повернулся къ стѣнѣ и опять уже засыпалъ, стараясь въ полудремотѣ успокоить себя. Вѣдь, и безъ него все сдѣлается; въ сущности, онъ вовсе не нуженъ. Но, вдругъ, сонъ сразу оставилъ его, а прояснившаяся мысль подсказала, въ чемъ дѣло. Викторъ вскочилъ, зажегъ свѣчу и сталъ одѣваться.

Когда онъ усталый, разломанный отъ прерваннаго сна, но оживленный лихорадочнымъ ожиданіемъ ужаснаго момента, вышелъ изъ кабинета и осторожно вступилъ въ спальную жены, Ольга лежала на отставленной отъ стѣны кровати навзничъ, безпомощно бросивъ поверхъ одѣяла тонкія, бѣлыя, ставшія прозрачными, руки. Она слабо, страдальчески улыбнулась мужу...

Викторъ подошелъ къ постели и съ особенною нѣжностью поцѣловалъ уже измученное лицо жены, удивляясь тому совершенно новому выраженію страданія, которое рисовалось на этомъ, безконечно миломъ для него лицѣ.

Викторъ тревожно и вопросительно взглянулъ на акушерку. Та кивнула ему головой.

— Все идетъ, какъ слѣдуетъ.

— Ахъ, Боже мой,—сказалъ Викторъ,—а за докторомъ-то послать...

Но оказалось, что за докторомъ давно уже послали.

Шелъ третій часъ ночи... Въ домѣ стояла тишина, изрѣдка прерываемая еще слабыми стонами родильницы. Передъ образами горѣла лампада, освѣщая комнату цвѣтными, колеблющимися лучами, мягкими и нѣжными, и придавая еще болѣе таинственности тому тайному и великому, что медленно, но непрерывно свершалось въ домѣ. Въ двухъ сосѣднихъ комнатахъ были зажжены свѣчи, и свѣтъ ихъ въ этомъ безмолвіи ночи и тишинѣ дома непріятно поражалъ Виктора.

Около четырехъ часовъ пріѣхалъ врачъ, шопотомъ поздоровался, задалъ два-три вопроса акушеркѣ и, пройдя въ сосѣднюю, освѣщенную комнату, разложилъ на столѣ какія-то блестящіе, страшные и отвратительные инструменты. Викторъ безпомощно опустился въ кресло противъ доктора и съ тупымъ ужасомъ поглядѣлъ на него.

— Развѣ надо будетъ?—шопотомъ спросилъ онъ, указывая глазами на инструменты.

Докторъ посмотрѣлъ на него спокойными глазами, улыбнулся и закурилъ папиросу.

— На всякій случай-съ.

Прошелъ еще часъ. Боли усиливались, а съ ними усили-

вался въ сердце Виктора ужасъ. Онъ вернулся въ спальную и сѣлъ около Ольги. Лицо ея поблѣднѣло, а глаза казались потухшими. И Виктору стало странно, что акушерка, не смотря на несомнѣнныя страданія родильницы, могла прилечь на диванѣ и закрыть глаза, будто собираясь спать.

Больная застонала сильнѣй, громче, жалостнѣе, судорожно схватила руку мужа и съ непонятной въ ней силой сжала ее. На лицѣ показался потъ.

— Вотъ это лучше. Прекрасно, прекрасно,—проговорила акушерка, прислушиваясь къ стону Ольги и лѣниво открывая глаза.—Почаще бы такъ.

Но Виктору было непонятно, что тутъ прекраснаго въ этихъ жалкихъ, терзающихъ его сердце стонахъ и почему надо ихъ чаще. Онъ поправилъ рукой волосы Ольги и поцѣловалъ ихъ.

— Господи,—прошептала больная, подымая къ образу прекрасные, страдающіе глаза,—Господи, силъ бы мнѣ, силъ.

И опять застонала, хватая руки мужа и запрокидываясь головой назадъ.

Вошелъ на ципочкахъ докторъ и сказалъ что-то акушеркѣ, а она что-то отвѣтила ему. И все это было такъ таинственно и страшно, что Викторъ уже не зналъ, начинается-ли для него величайшее несчастье, или, наоборотъ, счастье. И боялся спросить о томъ. Ночь шла къ концу. Схватки усиливались; стоны больной становились все громче и жалостнѣе, а силы уменьшались. Ей нѣсколько разъ давали нюхать эфиръ и поили для подкрѣпленія виномъ съ водой. Задремавшій было на креслѣ въ сосѣдней комнатѣ, врачъ теперь забылъ про сонъ и еще разъ пересмотрѣлъ инструменты. И акушерка не ложилась болѣе на диванъ и не думала дремать. Она два раза выходила къ доктору и что-то шептала ему съ озабоченнымъ видомъ. Викторъ разслышалъ его отвѣтъ:

— Подождемъ еще.

Викторъ боялся спросить о положеніи больной, боялся глядѣть въ глаза акушеркѣ, чтобы не прочесть тамъ рокового приговора. Онъ держалъ въ рукахъ дорогія ему маленькія, нѣжныя руки Ольги, въ пожатіяхъ передавалъ ей свою любовь и свою нѣжность. Онъ вспоминалъ прошедшее, припоминалъ дѣвичество Ольги и то, какъ любилъ онъ ее женихомъ. И догадывался, что еще никогда не любилъ ее такъ сильно, какъ теперь въ эти страшные часы, когда жизнь и смерть ведутъ споръ о ней между собою.

А боли все усиливались, учащались. Больная уже теряла минутами сознаніе и, сжимая по прежнему руки Виктора, не чувствовала его присутствія. И вотъ, она застонала безумно, не по людски; она стонала, какъ стонетъ раненое на смерть животное. Тогда Викторъ почувствовалъ, что свершается что-

то ужасное, неотвратимое. Онъ опустился на колѣни, прильнулъ головой къ изголовью жены и не то плакалъ, не то молился всѣми силами души.

— Ну, родная, ну, голубушка, — слышалъ онъ ласковый, но вмѣстѣ настойчивый голосъ акушерки.—Ну, ну, ну...

Акушерка что-то возилась около нея, что-то дѣлала. Но Викторъ не хотѣлъ ни видѣть, ни слышать ничего. Онъ только глубже зарывался головой въ подушку и весь замиралъ отъ страха и тоски за жену. Онъ хотѣлъ бы отдать за эту женщину, безконечно дорогую ему, жизнь, взять на себя самыя ужасныя мученія, лишь бы она осталась жива, перестала страдать. Онъ только теперь понялъ, что значитъ любить.

— Ну, теперь перекреститесь, помолитесь хорошенько,— опять послышался голосъ акушерки, и Ольга подняла ослабѣвшую руку и съ усиліемъ перекрестилась.

— Господи, помоги мнѣ, Господи...

— Ну, родная, ну, ну, — снова приказывала акушерка властно, настойчиво...—Ну, миленькая, ну, золотая...

И вдругъ замолчала. Замолчала и Ольга и ослабѣвшей рукой отпустила руку Виктора. И Викторъ понялъ, что ночь ожиданія кончилась. Вся кровь отхлынула у него къ сердцу. Онъ ждалъ окончательнаго слова Клавдіи Степановны.

— Ну, вотъ, и слава Богу,—радостнымъ голосомъ проговорила акушерка.—Дочка.—А больная добавила ослабѣвшимъ, чуть слышнымъ, но безконечно счастливымъ голосомъ матери:

— Господи!..

Что-то пискнуло въ ногахъ кровати сердито, недовольно. Новый человѣкъ заявлялъ о себѣ. Но Викторъ ни на что не обращалъ вниманія. Онъ тихо плакалъ отъ умиленія и восторга.

XIV.

— А знаешь что,—говорилъ Викторъ, сидя противъ жены, которая кормила грудью трехмѣсячную, уже начинавшую узнавать мать, хорошенькую дѣвочку. — Лидочка что-то мало похожа на счастливую невѣсту.

Ольга только вздохнула на его слова.

— Богъ знаетъ, что у нея на душѣ,—сказала она. Крутиловъ, повидимому, любитъ ее, и она его, а только... она что-то затаила на душѣ...

— Ты бы поговорила съ ней.

— Развѣ я не пробовала... Заплачетъ и больше ничего.

Въ первую же субботу послѣ этого разговора Викторъ былъ въ городѣ и, приготовляясь къ выѣзду домой, предложилъ Лидочкѣ ѣхать съ нимъ.

— Женихъ твой сбѣжалъ до вторника въ Москву,—пошутилъ онъ,—значитъ, завтра не придетъ. Ѣдемъ къ намъ.

Такъ какъ на завтра все равно предполагалось ѣхать всѣмъ домомъ въ Холмы, то Катерина Ивановна не препятствовала отъѣзду дочери, и Лидочка побѣжала одѣваться. Минутъ десять спустя, пара добрыхъ коней везла ихъ въ полумракѣ надвигавшихся сумерекъ по направленію къ Холмамъ. Вѣялъ низовой вѣтеръ и взметалъ снѣгъ. Сверху тоже сыпалъ снѣгъ, сухой, острый, и все это вмѣстѣ образовывало какой-то сѣрый туманъ, измѣнявшій представленіе о мѣстности, переносившій воображеніе въ какую-то невѣдомую, таинственную обстановку. Странно и дико звучалъ сквозь метель колокольчикъ, и казалось порой, что кони не двигаются впередъ, что сани остаются на мѣстѣ.

— Тепло-ли тебѣ?—спросилъ Викторъ, нагибаясь къ лицу дѣвушки и стараясь разглядѣть подъ надвинутымъ платкомъ ея милое, еще дѣтское лицо.

— Тепло, хорошо,—отвѣтила она, но глаза, которые она подняла на зятя, были печальны. Не задумываясь, не зная за минуту самъ, что скажетъ, Викторъ спросилъ о томъ, о чемъ, казалось ему, невозможно спрашивать изъ боязни дотронуться до сердечной раны:

— Лидочка, отчего ты такъ печальна послѣднее время?

Она ничего не отвѣтила и только ниже опустила голову. Но Викторъ уже говорилъ далѣе, тронутый, любящій:

— Лидочка, дитя мое, ты и не подозрѣваешь, какъ ты дорога намъ съ Олей. Знаешь, мнѣ съ дѣтства всегда хотѣлось имѣть сестру, младшую сестру, которую я любилъ бы и которой покровительствовалъ бы. Ну, вотъ, я и нашелъ тебя. И мнѣ страшно больно, что ты такъ грустна. И Олѣ больно. Скажи-же, ну не мнѣ, такъ Олѣ, что съ тобой. А то, вѣришь-ли, иногда сердце болитъ, думая, что ты, быть можетъ, ошиблась въ выборѣ, каешься.

Онъ не рѣшился бы высказать все это въ комнатѣ, при свѣтѣ, въ обычной обстановкѣ; ему было бы стыдно чего-то, показалось бы чувствительностью, которой онъ боялся. Но здѣсь, подъ вой метели, среди порывовъ вѣтра, при унылом, однообразномъ звонѣ колокольчика, все на свѣтѣ, казалось, иначе устроено, и стыдныя, чувствительныя рѣчи становились естественными и нестыдными.

Лидочка благодарно взглянула на него.

— Нѣтъ, Витя, я не раскаяваюсь; я не могу не любить Николая Савельича.

— Такъ о чемъ-же горевать? И онъ любитъ тебя; я это знаю навѣрное. Развѣ ты сомнѣваешься въ его сердцѣ?

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, — горячо воскликнула она,—я вѣрю ему; я должна ему вѣрить.

— Такъ въ чемъ же дѣло? Развеселись, коли такъ. Въ твои годы рано задумываться... Вотъ пройдетъ зима, свадьбу съиграемъ, и заживете счастливо. Знаешь, женихъ твой славный человѣкъ. Я прежде сердился на него, а потомъ полюбилъ.

— Да, онъ хорошій. Главное, онъ очень добрый.

— А ты будь невѣстой веселой. Погоди, придетъ время, и печали явятся. А теперь незачѣмъ выдумывать ихъ за неимѣніемъ настоящихъ.

Лидочка не отвѣтила ничего и опустила голову внизъ. Виктору показалось, что она плачетъ.

— Лидочка, другъ мой, да что же съ тобой?

Она подождала немного и, пересиливъ слезы, тихонько сказала:

— Не бывать моей свадьбѣ; никогда, никогда.

И опять заплакала потихоньку.

— Да что же за причина; кто это тебѣ сказалъ?

— Никто не сказалъ, я сама это знаю.

— Ну, такъ это-же, матушка, вздоръ, нервы. Развѣ Крутиловъ далъ тебѣ что понять; развѣ ты слышала о немъ что дурное?

— Нѣтъ, нѣтъ: ничего онъ не говорилъ и ничего я не слыхала про него. Я не умѣю тебѣ высказать то, что чувствую. И не знаю, откуда у меня это чувство и что это такое. Но еще прошлой зимой, когда я видѣла, что... нравлюсь Крутилову, и потомъ, когда стала невѣстой, я все время чувствовала, что ничего изъ этого не выйдетъ... Не сердись, Витя, и не брани меня, но это такъ...

Но Викторъ уже сердился.

— Коли возьмешь, матушка, себѣ въ голову такія глупыя мысли, такъ и въ самомъ дѣлѣ, чего добраго, все разстроится, такъ нельзя... Собственно говоря, я бы думалъ, что молода еще ты замужъ идти, да и Николай-то не совсѣмъ для тебя...

— Но за другого я не выйду, потому что другого не полюблю...

И Викторъ почувствовалъ вдругъ, что, дѣйствительно, Лидочка не съумѣетъ любить дважды, и что она права, говоря, что свадьбѣ ея не бывать.

Вьюга шумѣла сильнѣе; утомленныя лошади едва боролись съ порывами вѣтра и, глубоко ступая въ рыхлый, сухой снѣгъ, съ трудомъ тянули легкія сани. Небо становилось чернѣе. Снѣжная мгла окутывала окрестность.

— Смотри, Никифоръ, не сбиться-бы,—замѣтилъ Викторъ, высовываясь изъ кибитки, но въ ту же минуту услышалъ

сквозь порывы метели лай деревенскихъ собакъ, а немного погодя разсмотрѣлъ огни усадьбы.

Въ тотъ же вечеръ онъ въ спальной передалъ Ольгѣ свой разговоръ съ Лидочкой, стараясь обвинить дѣвушку въ излишней нервности.

— Ахъ, ужъ вы, бабы,—сердито говорилъ онъ.—Возьметъ себѣ въ голову что-то таинственно-ужасное и страдаетъ. Хоть бы ты на нее повліяла, разговорила бы ее.

— Знаешь, —отвѣтила Ольга,—ты себѣ думай, что хочешь, а я боюсь. Я боюсь за Лидію. И, вѣришь-ли, я сама чувствую, что на насъ надвигается что-то грозное, неотвратимое. Чувствуется это.

— Да, вотъ, чувствовать-то этого нельзя!

— Нѣтъ, можно. Я еще передъ рожденіемъ Лели чувствовала это и думала, что «это» надвигается на меня. Я не надѣялась, что все кончится такъ благополучно. А теперь я боюсь за Лидочку.

И Викторъ, не смотря на то, что сердился на слова жены и называлъ ея страхъ бабьей глупостью,—въ глубинѣ души сознавалъ, что и онъ чего-то боится. Это не было чувство тоски и отчаянія, которое онъ испытывалъ во время припадковъ хандры; это было уныніе и страхъ передъ чѣмъ-то невѣдомымъ, но грознымъ, что надвигалось медленно и торжественно изъ мрака грядущаго.

Такъ порой лѣтомъ, когда природа радостна и беззаботна, человѣкъ начинаетъ чувствовать безпричинную тягость унынія. Повидимому, все прекрасно кругомъ: воздухъ теплый и ласковый, пышно горятъ цвѣты; травы чуть колышатъ верхушками; въ упоеніи силъ переливаетъ золотомъ нива, лѣсъ полонъ аромата и пѣсень. А сердце уже томится и ждетъ чего-то.

И вотъ, сперва незамѣтная, все чернѣй и грознѣй выдвигается съ края неба темная, зловѣщая туча. И неизвѣстно, пройдетъ-ли она живительнымъ дождемъ, или оставитъ по себѣ печаль разрушенія. Медленно, величаво свершается торжественное движеніе, и все живущее понемногу притихаетъ въ томительномъ ожиданіи...

Со дня разговора съ Лидочкой Викторъ сталъ чаще бывать у Абазовыхъ, приглядываясь къ дѣвушкѣ. Ему хотѣлось подмѣтить, нѣтъ-ли признаковъ охлажденія Крутилова къ невѣстѣ. Но не только не было замѣтно этого охлажденія, а, напротивъ, Крутиловъ, повидимому, все сильнѣе и сильнѣе привязывался къ Лидочкѣ. Прежде, бывало, его влюбленность крылась за цѣлымъ градомъ обычныхъ у него шутокъ и балагурства: теперь онъ становился серьезнѣе и искреннѣе. Онъ не только любилъ, но и уважалъ Лидочку. Однако, выходило

какъ-то такъ, что и у Крутилова проскальзывала въ рѣчахъ грустная нотка, будто и онъ чувствовалъ надвигавшуюся тучу.

Лидочка вся оживала съ приходомъ жениха. Ея глаза теряли выраженіе печали; казалось, она забывала про свои предчувствія, и пока Крутиловъ былъ при ней, она становилась весела и беззаботна. Но съ уходомъ его тяжелыя мысли овладѣвали ею, и она не могла отогнать ихъ.

XV.

Съ самаго лѣта Лидочка стала особенно заботлива и работяща. Казалось, ей не давали покоя вопросы о томъ, все-ли и вездѣ-ли въ исправности, все-ли сдѣлано, что нужно. Она перерыла коммоды и шкафы, перечинила все дѣтское бѣлье, составила смѣту на нужное новое, занялась бѣльемъ отца, мѣтила, передѣлывала, поправляла. И все ей казалось, что работа не двигается, что надо еще многое и многое сдѣлать.

Даже отправляясь на кухню присмотрѣть за обѣдомъ, она вязала чулокъ. Огрываясь къ обѣду, она съ сожалѣніемъ втыкала иголку въ канву, а кончая обѣдъ, спѣшила продолжать вышиванье. Слѣдя за уроками младшихъ дѣтей, она проворно работала спицами, какъ старушка, которая съ годами привыкаетъ вязать на спицахъ не глядя.

Однажды двѣнадцатилѣтняя Варенька, которая спала теперь въ одной комнатѣ съ Лидочкой, проснувшись ночью, съ удивленіемъ замѣтила, что сестра, зажегши свѣчу, садится на кровать и вяжетъ кружево.

— Ты что же не спишь? — удивленно спросила дѣвочка. Лидочка усмѣхнулась и положила кружево.

— Такъ что-то не хотѣлось спать.

Она теперь каждую ночь просыпалась и тотчасъ же, зажегши свѣчу, начинала вязанье, пока утомленные глаза не начинали слипаться. Тогда она складывала работу и сладко засыпала въ теплой постели. Эти ночныя работы доставляли ей наслажденіе и обратились у нея въ привычку.

Взглянувъ какъ-то на окна гостиной, она замѣтила, что тюлевыя занавѣски стали уже плохи. Тогда она порѣшила сдѣлать новыя, на половину вязаныя, и лихорадочно спѣшила съ работой, какъ будто боялась, что не поспѣетъ кончить.

Она была теперь настоящей хозяйкой дома, и какъ-то случилось такъ, что всѣ ей подчинялись, признали ея авторитетъ. Катерина Ивановна шагу не могла сдѣлать безъ Лидочки, звала ее смотрѣть каждую покупку, совѣтовалась съ ней обо всемъ. И Лидочка, не оставляя вязанья, спѣшила въ кухню, въ дѣтскую, внимательно и строго выслушивала слова матери и

всегда вѣрно, основательно рѣшала, какъ надо сдѣлать. Прислуга слушалась ее безпрекословно, и толстая кухарка, получивъ какое-нибудь приказаніе отъ Катерины Ивановны, съ минуту стояла, надъ чѣмъ-то раздумывая, и затѣмъ рѣшительнымъ шагомъ направлялась черезъ корридоръ въ комнаты.

— Лидія Лексѣевна,—говорила она, отыскивая Лидочку,—барыня не приказала больше класть въ жаркое масла, а вы какъ прикажете?

Лидочка отрывалась отъ своего занятія, шла въ кухню и, взглянувъ въ духовой шкафъ, гдѣ уже начинала румяниться телячья нога, рѣшала:

— Прибавь еще, а то соку будетъ мало.

И Катерина Ивановна не возражала, хотя только что доказывала кухаркѣ, что та ничего не понимаетъ и что масла больше не требуется. И ни матери, ни Лидочкѣ не казалось страннымъ, что вотъ этотъ вчерашній ребенокъ взялъ такую власть въ домѣ, и что всѣ подчиняются ему.

Самъ Алексѣй Өедоровичъ чувствовалъ себя въ нѣкоторомъ подчиненіи у дочери и безпокойно оглядывался, если во время обѣда и ужина не замѣчалъ ея на обычномъ мѣстѣ.

— А гдѣ же Лидочка? почему не позвали Лидочки? И Лидочка спѣшила успокоить его, садилась за столъ и наливала ему супъ или выбирала для него кусокъ жаркого. Это признаніе за Лидочкой первенства въ домѣ совершилось не вдругъ, но за то безповоротно. И Лидочка не дѣлала для этого ни малѣйшихъ усилій. Все совершилось такъ, какъ будто иначе и быть не могло. Только съ Юленькой, съ которой Лидочка была прежде очень дружна, она чувствовала себя странно, будто чужою. Юленька довольно часто пріѣзжала въ городъ, оживленная, радостная и беззаботная. Она уводила сестру въ бывшую ихъ комнатку, садилась въ кресло и принималась оживленно болтать о томъ, какая прелесть ея Вася, и какъ она ужасно, ужасно рада, что вышла замужъ.

— Онъ такой умный, такой умный, что ты и вообразить себѣ не можетъ. Вопервыхъ, онъ не получилъ отъ отца почти ни, чего, имѣніе было совершенно запущено, а теперь у насѣ прекрасное имѣніе, и мы еще покупаемъ лѣсъ. И мужикамь безъ насъ окончательно невозможно. Если они хотятъ выгнатъ въ поле скотину, то должны гнать по нашей землѣ, а Вася-представь, за одинъ только прогонъ беретъ съ нихъ сто рублей!

Лидочка слушала ее и изо всѣхъ силъ старалась раздѣлить ея восхищеніе и счастье, но не понимала ея. Что-то новое, чуждое слышалось въ словахъ сестры, и понемногу будто стѣна какая подымалась между ними.

Не могла Лидочка подружиться и съ новымъ зятемъ. Липинскій, пріѣзжая къ Абазовымъ, принималъ съ Лидочкой

тонъ взрослаго, солиднаго человѣка съ маленькимъ ребенкомъ. Также относился онъ и къ Юленькѣ, но та подчинилась этому, а Лидочка съ недоумѣніемъ глядѣла на зятя и не понимала, почему онъ обращается съ ней, какъ съ десятилѣтнимъ ребенкомъ, и почему другіе говорятъ съ ней иначе.

За то съ Ольгой и Викторомъ она подружилась еще болѣе и съ радостью замѣчала, что разница въ лѣтахъ между ней и ея старшей сестрой какъ будто совсѣмъ исчезла. Ольга стала теперь ея сверстницей и повѣряла ей самыя задушевныя мысли. Лучшимъ наслажденіемъ для Лидочки бывало ѣхать въ Холмы, и для Вакуловыхъ ея пріѣздъ всегда былъ радостью. Ольга чувствовала себя въ присутствіи сестры особенно тепло настроенной, а Викторъ забывалъ свои огорченія и ухаживалъ за маленькой Лидочкой, какъ за высокопоставленной особой.

XVI.

Въ концѣ января Крутиловъ опять ѣздилъ въ Москву и, вернувшись оттуда, въ теченіе нѣсколькихъ дней казался сильно чѣмъ-то озабоченнымъ. Но затѣмъ легкомысліе опять взяло свое, и онъ снова вернулся къ обычному состоянію.

Однажды, въ бурный февральскій вечеръ, когда вьюга страшными порывами заметала дороги и сыпала въ замерзшія окна снѣгомъ, на усадьбѣ Вакуловыхъ услыхали отдаленный звонъ почтоваго колокольчика. Викторъ, который сидѣлъ съ книгой въ рукахъ около работавшей Ольги, всталъ и вышелъ, чтобы узнать, зажгли-ли особые фонари, которые по обычаю зажигались на усадьбѣ въ ночныя метели. Когда онъ проходилъ черезъ сѣни, до слуха его долетѣлъ звонъ большого колокола на селѣ. Вьюга разыгралась не на шутку, и колоколъ гудѣлъ рѣзкими ударами, подавая вѣсть о жильѣ запоздавшимъ дорожнымъ.

Сквозь порывы метели можно было различить жалобно звенѣвшій колокольчикъ. Кто-то ѣхалъ по большой дорогѣ. Минутъ десять спустя звонъ колокольчика послышался явственнѣе, и затѣмъ на дворъ усадьбы кто-то въѣхалъ.

— Ну, не ждалъ я гостей въ эту пору,—сказалъ Викторъ, чувствуя какую-то смутную тревогу въ душѣ.

— Кто-бы это могъ быть?—тоже тревожно сказала Ольга и поднялась узнать о пріѣзжемъ.

Минуту спустя въ прихожей послышался громкій голосъ Леонида.

— Дома-ли господа?

— Дома, дома,—радостно отозвалась Ольга, бѣгомъ направляясь къ брату.

— Ты какими судьбами?—воскликнулъ Викторъ, обнимая шурина.—Вотъ, ужъ не ожидали-то...

— Ну, разсказывай, откуда ты и какъ, — говорилъ Викторъ, когда Леонидъ послѣ поцѣлуевъ вошелъ въ уютную гостинную и сѣлъ у печки въ ожиданіи заказаннаго чая.

— Я вотъ откуда, — подумавъ и съ разстановкой отвѣтилъ Леонидъ.—Я изъ Москвы въ Васильевскъ, а оттуда сюда. У нашихъ и не былъ...

— Господи! — воскликнула Ольга, чувствуя, что пріѣздъ Леонида не спроста.—Какъ же это ты такъ?

— Да не рѣшился. Ѣхалъ я исключительно для Крутилова, а оказывается, что его уже нѣтъ въ Васильевскѣ.

— Да онъ только что изъ Москвы.

— И это знаю. Вотъ что, милые мои, дѣло-то выходитъ съ нимъ не ладно: въ банкѣ пропажа восьми тысячъ.

— Что такое?! — крикнулъ Викторъ, чувствуя, что вся кровь бросилась ему въ голову. — Крутиловъ-то тутъ при чемъ?

Леонидъ только руками развелъ.

— Пропажа обнаружена только теперь, а похищено чуть ли еще не прошлой зимой. Заправлялъ кассой именно Крутиловъ. Когда его перевели въ Васильевскъ, повѣрки не сдѣлали, какъ слѣдуетъ, а теперь сунулись, и—нехватка.

— Да Крутиловъ-то почему долженъ отвѣчать?

— Подробности разскажу потомъ. А теперь одно: уже сдѣлано распоряженіе арестовать его. Я было ѣхалъ предупредить, постараться замять дѣло, внести недочетъ, ну, а онъ ужъ того—съ жандармами тю-тю. Въ Москву увезли. Я, не заѣзжая домой, прямо къ вамъ.

— Лидочка, Лидочка, — прошептала Ольга побѣлѣвшими губами.

— Въ Лидочкѣ-то главное,—печально отвѣтилъ Леонидъ.

— Да вздоръ же все это,—воскликнулъ Викторъ,—зачѣмъ-же подозрѣвать именно Крутилова, когда дѣло еще не вполнѣ извѣстно.

— Мой другъ, не только извѣстно, что взялъ Крутиловъ, но извѣстно также, на что именно взялъ. Любовные грѣшки надо было покрыть.

Викторъ припомнилъ вдругъ частыя поѣздки Крутилова въ Москву, а также и то, что Лидочкинъ женихъ временами бывалъ не похожъ на себя.

— Да,—продолжалъ Леонидъ,—вздумалось ему посвататься къ нашей Лидочкѣ, ну, надо было откупиться отъ прежней семьи, устроить эту семью.

Ольга, слушавшая все съ широко раскрытыми глазами, при этихъ словахъ порывисто кинулась къ мужу.

— Спасите Лидочку, спасите! Она не перенесетъ этого,— съ плачемъ говорила она. Викторъ и Леонидъ угрюмо молчали, обдумывая трудное положеніе.

Утромъ на другой день оба выѣхали съ четырехчасовымъ поѣздомъ въ Москву, а къ вечеру входили въ помѣщеніе, занимаемое Крутиловымъ. Викторъ съ удивленіемъ замѣтилъ, что Крутиловъ преспокойно раскладываетъ пасьянсъ, насвистывая веселенькій мотивъ изъ оперетки.

— Они!—крикнулъ онъ, вставая и радостно улыбаясь,— да можетъ-ли это быть?

— Послушай,—началъ Викторъ, садясь къ столу,—что же все это значитъ?

— Такая ужъ моя планида,—не то печально, не то шутливо отвѣтилъ Крутиловъ, разводя руками.

— Да ты взялъ, что-ли, эти деньги?

— Разумѣется, взялъ.

Викторъ стукнулъ по столу кулакомъ и въ волненіи заходилъ по комнатѣ.

— Cher ami,—спокойно сказалъ Крутиловъ,—тебѣ незачѣмъ напоминать мнѣ, какъ называютъ людей, которые берутъ чужое. Я самъ хорошо это знаю.

Викторъ подошелъ къ нему и такъ положилъ ему руки на плечи, что тотъ пошатнулся.

— А *она*-то, *она*... за что?

Крутиловъ поблѣднѣлъ. На его, казалось, беззаботномъ лицѣ выразилась такая печаль, что Викторъ невольно отступилъ и пристальнѣе поглядѣлъ на него.

— И объ этомъ не поминай,—тихо сказалъ Крутиловъ.— Лидія Алексѣевна для меня то же, что ангелъ для грѣшника... Но... что дѣлать!..

— Я внесу за тебя. Постараемся уладить дѣло.

— За это спасибо. Но ужъ куда же я годенъ для Лидіи Алексѣевны... такой...

— Да что тебя побудило къ такому... шагу?

Крутиловъ опять дурашливо усмѣхнулся.

— Къ такому свинству, хочешь ты сказать. Длинная, братъ, исторія. Я, видишь-ли, надѣялся все пополнить. Я, такъ сказать, взаймы взялъ. Полторы тысячи я уже пополнилъ.

Часа три спустя Крутиловъ былъ освобожденъ и взятъ на поруки Викторомъ и Леонидомъ. А еще черезъ два дня дѣло удалось совсѣмъ потушить. Хотя директоръ, человѣкъ съ длинными бакенбардами и очень строгій, упирался было, находя, что нужно показать примѣръ другимъ, но дѣло кончилось тѣмъ, что деньги были приняты и подано, куда слѣдуетъ, заявленіе объ ошибкѣ со стороны банка. Слѣдствіе еще не начиналось и оказалось возможнымъ остановить его во время.

Викторъ сидѣлъ въ кабинетѣ Леонида противъ повеселѣвшаго и опять беззаботнаго Крутилова и, не то съ удивленіемъ, не то съ гнѣвомъ слушалъ, какъ послѣдній мечталъ устроить свою судьбу.

— Конечно,—говорилъ Крутиловъ,—можно было бы куда-нибудь на югъ, но все это не то. Припоминаться будетъ. Того и гляди встрѣтишь кого-нибудь изъ прежнихъ знакомыхъ. Нѣтъ, другъ, дерну-ка я въ Америку. При удачѣ можно будетъ устроиться недурно.

— Скажи ты мнѣ, пожалуйста, ты свинья вполнѣ, или только приблизительно?

— Cher ami, — задумчиво отвѣтилъ Крутиловъ,—мнѣ кажется, что вполнѣ.

— Ты думаешь только о себѣ, объ Америкѣ, а здѣсь...

На лицѣ Крутилова опять отразилась такая печаль, что Викторъ невольно смягчилъ тонъ.

— Послушай,—сказалъ онъ съ нѣкоторымъ усиліемъ, — брось Америку. Все уладится, забудется, простится. Устроимъ тебя, и все пойдетъ по хорошему.

— Нѣтъ, другъ, — отвѣтилъ Крутиловъ,—это невозможно. *Она* молода, она еще позабудетъ, полюбитъ другого. Съ моей стороны это было увлеченіе, горячее, искреннее, но непростительное. Я радъ, что дѣло разошлось. И старъ я для нея, и не подхожу. И оба мы съ ней каялись бы. Нѣтъ, другъ, любя, можно сказать, обожая Лидію Алексѣевну, я радуюсь, что вышло все такъ, а не иначе. Да и ты, желая ей добра, не уговаривай меня. Нѣтъ, ужъ въ Америку, такъ въ Америку.

Викторъ сердито отвернулся.

Черезъ недѣлю Крутиловъ выѣхалъ изъ Москвы, занявъ у Виктора еще двѣ тысячи.

XVII.

Онъ не заставилъ долго ждать о себѣ вѣстей и прислалъ Виктору длинное письмо, полное благодарности за помощь и надеждъ на лучшее будущее. Онъ удачно и сразу устроился при торговомъ домѣ «Пиль, Брокъ и внукъ» и уже входилъ въ интересы оптовой торговли вязаными фуфайками. Благодаря солидному знанію русскаго, французскаго, нѣмецкаго и англійскаго языковъ, онъ оказался очень полезнымъ дому и надѣялся прочно устроиться.

«Объ одномъ горюю,—писалъ онъ дальше, — нѣтъ у американскихъ народовъ бѣлорыбицы, а я ее уважаю сверхъ мѣры. Да и сигары ихнія надоѣли мнѣ. То-ли дѣло наша папиросочка. Встрѣтился я недавно на лѣстницѣ съ mademoi-

selle «Пиль, Брокъ и внукъ». Особа лѣтъ подъ тридцать, длинная, худая и въ очкахъ. Талія кончается около колѣнъ. Строго поглядѣла на меня и прошла внизъ. Мы живемъ въ одномъ домѣ. Они этажемъ ниже, я выше. За то папаша m-lle (это-то и есть внукъ) любитъ меня, хотя и плюетъ прямо черезъ мое плечо въ стѣну, если это ему понадобится. Онъ тоже длиненъ и тощъ, но не дуракъ выпить. И знаешь, что я скажу тебѣ по секрету: онъ не за знаніе иностранныхъ языковъ полюбилъ меня, а за то, что я, къ его изумленію и восторгу, выпилъ разъ въ одинъ присѣстъ цѣлую бутылку неразбавленной водки. Только и кричитъ: «При такихъ шансахъ,— долго-ли сдѣлать карьеру»!

Викторъ скрежеталъ зубами и мѣнялся въ лицѣ, читая эти письма, но къ веснѣ рѣшился на шагъ, который ему диктовало отчаяніе. Онъ написалъ Крутилову письмо, въ которомъ умолялъ забыть все, вернуться въ Россію и къ Абазовымъ.

«Пойми,—писалъ Викторъ,—что я обращаюсь къ тебѣ въ крайности, что дѣло слишкомъ серьезно. Я уполномоченъ сказать тебѣ, что, если ты вернешься, все будетъ забыто и ты снова будешь дорогимъ членомъ семьи... Повѣрь мнѣ, что чистое будущее можетъ загладить грѣхи неудачнаго прошлаго».

На это письмо отвѣтъ пришелъ только къ маю. Начинался онъ въ меланхолическомъ тонѣ; Крутиловъ упоминалъ о томъ, что весь жизненный путь шелъ какими-то извилинами, черезъ трясины и болота, гдѣ онъ растратилъ по мелочамъ сердечный пылъ и душевную чистоту.

«Дорогой и неоцѣненный другъ,—писалъ онъ дальше,—ты предлагаешь мнѣ то, о чемъ я могу мечтать, какъ о чемъ-то свѣтломъ, но недостижимомъ. Моя ошибка въ томъ, что я раньше не сообразилъ, что нельзя съ загрязненнымъ и усталымъ сердцемъ приближаться къ сердцу невинному и чистому. Но теперь я созналъ это и не вернусь уже къ прежнимъ надеждамъ. Не вернусь никогда, хотя всю жизнь буду помнить о томъ краткомъ, но лучезарномъ счастьѣ, которое испыталъ, наслаждаясь, такъ сказать, атмосферой чистоты, которая окружаетъ извѣстную тебѣ особу. А за нее не безпокойся очень, какъ не безпокоюсь я. Молодость возьметъ свое, и мнѣ же будетъ она благодарна за то, что я, не стоющій ея ни въ какомъ отношеніи, отстранилъ себя отъ нея. Видишь-ли, милый,—я человѣкъ слабый и порочный, но частица порядочности всетаки у меня осталась, и эта-то уцѣлѣвшая искра не позволяетъ мнѣ поступить иначе, чѣмъ я поступилъ. Неужели ты думаешь, что я не рвусь самъ послушаться тебя, послѣдовать твоему призыву! Но—нельзя и нельзя! За плечами у меня стоитъ не одна эта легкомысленная, пошлая исто-

рія. Знаешь-ли, какъ ни странно это, я не особенно даже стыжусь моей шутки съ банковскими бумажниками. Согласенъ, некрасиво, но, вѣдь, я же пополнялъ и пополнилъ бы.

Что было дѣлать, когда нужно было, во что бы то ни стало, отцѣпиться отъ бабы, на которую смотрѣлъ, какъ на «холеру азіатику». И замѣть, холера-то азіатика передъ тобой въ то время, когда ты мечтаешь о счастьѣ съ любимой, съ идеально чистой дѣвушкой. Ну, мнѣ и показалось все это предпріятіе съ кассой пустяшной и не особенно даже рискованной операціей. Ну, а когда операція не удалась, когда за ней послѣдовала такая встряска, тутъ я невольно оглянулся назадъ, на все прошлое, на всю свою жизнь и похолодѣлъ отъ ужаса. Подумать только, что я чуть не связалъ навѣки свое пошлое, уже истрепанное, уже негодное существованіе съ жизнью начинающейся, чистой, прекрасной... Скажи по совѣсти, развѣ это не преступленіе, ужаснѣе шутки съ банкомъ?"

Викторъ читалъ эти письма, мѣняясь въ лицѣ, и Ольга со страхомъ смотрѣла на мужа въ такія минуты. Молодая женщина не подозрѣвала, какое значеніе для Виктора имѣли признанія Крутилова и помимо его горячаго участія къ судьбѣ Лидочки...

Среди лѣта пришло новое письмо.

«Дорогой мой и неоцѣненный другъ, Викторъ Егорычъ. Судьба мнѣ рѣшительно ухмыляется самымъ очаровательнымъ образомъ, такъ что я скоро выпишу себѣ пудъ бѣлорыбицы и начну строить при нашемъ домѣ баню. Квасъ научу дѣлать лохматаго Вилькинса, нашего вѣрнаго Личарду. Дѣло въ томъ, что черезъ мѣсяцъ порѣшено старинную фирму нашу «Пиль, Брокъ и внукъ» передѣлать иначе — «Пиль, Брокъ, внукъ и зять». Понялъ? Пиль, Брокъ дѣдушка недавно отправился въ лучшіе міры торговать фуфайками. Это былъ поразительный старикашка. Ему насчитывали чуть не полтораста лѣтъ; онъ былъ глухъ, слѣпъ и безъ ногъ, а всетаки орудовалъ всѣмъ домомъ и безъ его вѣдома никто не смѣлъ ничего предпринять. Денегъ оставилъ цѣлую уйму. Ну, а «Пиль, Брокъ, внукъ» чрезмѣрно преданъ виски и хочетъ, во что бы то ни стало, компаньона, который помогалъ бы ему нести бремя фирмы. Тутъ, какъ на грѣхъ, я и подвернись, а за мною оказались слѣдующія преимущества. Во первыхъ, я эту самую виски глушу такъ удивительно, что «Пиль, Брокъ, внукъ» только глаза пучитъ. Во-вторыхъ, миссъ «Пиль, Брокъ» почувствовала себя уязвленною въ самое сердце. Короче сказать, черезъ мѣсяцъ наша свадьба, и я становлюсь компаньономъ своему тестю. Какъ видишь, это недурно въ смыслѣ матеріальнаго благополучія. Невѣста моя лицомъ ничего себѣ и не перезрѣлая какая нибудь; по лѣтамъ же мнѣ подъ пару. Да и я для нея

не такая ужъ не желательная партія, какъ въ иномъ какомъ случаѣ. Учена только эта миссъ чрезмѣрно. Она кончила гдѣ-то и что-то, чуть ли не спеціалистка по изученію надписей пещернаго періода. По санскритски пишетъ водевили и поетъ шансонетки на языкѣ халдеевъ. Ну и, конечно, поборница женскаго равноправія, добивается правъ женщины на ношеніе мужскихъ панталонъ и на президентское званіе и т. д. и т. д. Я передъ ней въ смыслѣ учености нуль, но за то поражу ее умѣньемъ благородно обращаться съ капиталами. Все это такъ, дружище, а сердце-то иногда заболитъ, заболитъ...»

На это письмо, какъ и на предъидущее, Викторъ не отвѣтилъ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Абазовы думали, что Лидочка отнеслась къ исторіи съ Крутиловымъ спокойнѣе, чѣмъ можно было ожидать. Она только горячо поцѣловала Виктора за помощь Крутилову, заплакала и убѣжала въ свою комнату. Затѣмъ она никогда уже не обмолвилась о женихѣ передъ семейными, была, повидимому, спокойна и только еще прилежнѣе занялась работами. Но внимательный глазъ могъ подмѣтить, что дѣвушка страдаетъ, носитъ въ сердцѣ не заживающую рану.

Однажды она взяла Виктора за руки, сжала ихъ съ силой и шопотомъ, съ мукой въ голосѣ, сказала:

— Гдѣ же *онъ*; отчего не ѣдетъ?..

Въ то время Крутиловъ былъ уже далеко, за океаномъ.

— Послушай, Витя,—сказала она въ другой разъ,—скажи *ему*, напиши, что я жду его, что я не мирюсь съ его бѣгствомъ... Я не могу больше... Позови мнѣ его, Витя, скажи ему, что его любятъ здѣсь, что его ждутъ...

Она не получала отъ Виктора отвѣта и не домогалась отвѣта, боясь его. По молчанію зятя она уже догадывалась, что нѣтъ надежды на возвращеніе Крутилова и, мало по малу, пріучила себя не спрашивать больше.

Разъ Викторъ вернулся изъ города особенно мрачнымъ, разстроеннымъ. Онъ долго ходилъ по полутемной залѣ, потомъ прошелъ въ угольную и остановился передъ Ольгой.

— Будь *онъ* здѣсь, убилъ бы подлеца...

Его лицо дышало такимъ озлобленіемъ, что Ольга испугалась. А онъ опять ходилъ по комнатамъ, не находя себѣ по-

коя, за ужиномъ не ѣлъ ничего и только повторялъ сквозь зубы:

— Подлецъ, подлецъ...

Они легли спать, но Ольга, проснувшись за полночь, увидала при свѣтѣ ночника, что мужъ ея сидитъ на постели, подперши лицо руками.

— Витя, что съ тобой?—тревожно спросила она.

Онъ не отвѣтилъ. Тогда она, преодолѣвая невольный страхъ, встала и подошла къ нему.

— Что съ тобой, Витя, дорогой, не мучь меня, скажи.

— Такъ, ничего,—угрюмо отвѣтилъ онъ,—спать не могу.

— Ты все о немъ, о Крутиловѣ? Полно, милый, Богъ съ нимъ. Богъ ему судья...

Лицо Виктора исказилось бѣшенствомъ; не помня себя отъ гнѣва, онъ крикнулъ, задыхаясь:

— Да, Богъ съ нимъ!.. Это по вашему, по-женски. Вамъ ничего, хоть погибай весь свѣтъ... А сестрица-то твоя умираетъ, понимаешь?

Онъ сейчасъ же опомнился и раскаялся, что такъ грубо раскрылъ глаза Ольги на положеніе сестры. Но, къ удивленію его, Ольга только тихо заплакала.

— Развѣ я это не вижу; развѣ я не понимаю?—сказала она.

— Прости меня, Олечка,—отвѣтилъ онъ, я, вѣроятно, преувеличиваю.

— Нѣтъ, милый, ты не преувеличилъ. Лидочка не перенесетъ своего горя, и она уже на половину не на землѣ. И я это давно вижу и знаю...

— Такъ что же дѣлать, что дѣлать?.. Боже мой, Боже!..

— Это нашъ женскій удѣлъ: страдать и терпѣть. Въ этомъ наша сила.

— Но, послушай, она страшно кашляетъ; у ней кровь идетъ горломъ...

— Знаю, ахъ, знаю; я уже всѣ слезы выплакала. Я только передъ вами всѣми скрывалась.

— Такъ надо-же ее спасать, лѣчить.

— Развѣ тутъ помогутъ лѣкарства? Я знаю ея сердце, какъ свое, и знаю, что ея уже не спасти. Я умоляла ее ѣхать съ нами на югъ. Ты бы, я знаю, не подумалъ противиться. Я хотѣла везти ее въ Крымъ, въ Италію. Но она отказалась и отказалась такъ, что я сразу поняла ее. Она уже готовится къ смерти.

И она опять заплакала, прижавшись къ мужу головой.

— Лидочка, дитя мое дорогое...

Викторъ долго не могъ заснуть и, лежа съ открытыми глазами, думалъ о томъ, что онъ-то не въ правѣ возмущаться поведеніемъ Крутилова. Развѣ онъ самъ не испортилъ жизнь

Дунѣ? Правда, Лидочка умираетъ, а Дуня осталась жива! Но что же изъ этого! Сердце Дуни страдало не меньше. Нѣтъ, не ему, Виктору, судить Крутилова!..

Онъ смирился и упалъ духомъ въ ожиданіи рокового часа. Онъ съ ужасомъ слѣдилъ теперь за Лидочкой и чувствовалъ, что въ гибели дорогой ему дѣвушки таится напоминаніе и ему объ его страшной винѣ.

Алексѣй Өедоровичъ по обыкновенію не замѣчалъ ничего, но Катерина Ивановна начинала тревожиться.

— Охъ, безпокоитъ меня что-то Лидія,—сказала она разъ Виктору.—Исхудала ужъ очень; и все кашляетъ, все кашляетъ. Особенно по ночамъ. Боюсь, что папочка растревожится.

— Знаете что,—отвѣтилъ Викторъ,—съ кашлемъ шутить нечего; давайте-ка примемся за докторовъ.

Пришелъ докторъ, потомъ другой; потомъ пріѣхала изъ Москвы знаменитость. И всѣ ушли, не сказавъ ничего въ утѣшеніе. Только одинъ изъ нихъ взглянулъ на Виктора, кивнулъ въ сторону больной и многозначительно нахмурился. Однако, были прописаны порошки, микстуры, воды, и Лидочка все это принимала безъ возраженій и ропота.

Теперь она еще прилежнѣе занималась вязаньемъ кружевъ и шитьемъ бѣлья. Она стала очень молчалива и спокойна, никогда не жалуясь ни на что. Въ безмолвіи и въ невѣдѣніи окружающихъ совершалась тайна угасанія жизни. Казалось, кто-то незримый присутствуетъ въ домѣ, кто-то сторожитъ дыханіе дѣвушки. Въ присутствіи Лидочки Вакуловымъ было тяжело.

— Послушай,—сказала разъ Ольга мужу,—съ тѣхъ поръ, какъ этотъ московскій докторъ былъ у нашихъ, мама стала дѣйствительно слѣпа на положеніе Лидочки. Она точно увѣрилась, что порошки вылѣчатъ ее и что безпокоиться нечего.

— Да, и батюшка тоже ничего не замѣчаетъ.

— Про папу я и не говорю. Онъ и не подозрѣваетъ. Я ужъ не знаю, какъ ихъ предупредить.

— Знаешь что,—сказалъ Викторъ, помолчавъ немного— не говори пока; понемногу и у нихъ откроются глаза; они сами постепенно придутъ къ убѣжденію въ серьезности болѣзни...

Теперь Лидочка не хотѣла никуда выѣзжать изъ дома и почти не бывала у сестеръ. Ее какъ-то особенно привязывалъ домъ; все въ немъ было ей дорого и мило; она не могла наглядѣться на знакомыя съ дѣтства комнаты, уютныя, хранящія радости давно прошедшихъ годовъ.

Мартъ стоялъ на исходѣ; солнце жарче горѣло на весеннемъ небѣ и медленно, но неустанно сгоняло пожелтѣвшій и чистый снѣгъ. Ожидали скораго вскрытія рѣки. По полямъ уже бродили грачи.

Однажды Викторъ, заѣхавъ къ Абазовымъ, засталъ въ гостиной въ разговорѣ съ Катериной Ивановной незнакомаго ему господина лѣтъ тридцати пяти. Это былъ вновь назначенный въ Васильевскъ полицейскій чиновникъ Прусиковъ. Онъ безъ умолку говорилъ, поглаживая шелковистую бородку и, видимо, самъ наслаждался своими словами, прислушиваясь къ звуку своего голоса и смакуя фразы, а Катерина Ивановна съ удовольствіемъ слушала милаго гостя. По ея лицу Викторъ сразу догадался, что теща, по обыкновенію, уже увлеклась этимъ новымъ знакомымъ, надѣлила его всевозможными достоинствами и, чего добраго, мѣтитъ породниться съ нимъ въ будущемъ черезъ подростающую Вареньку.

Посидѣвъ немного въ гостиной, Викторъ прошелъ черезъ корридоръ въ комнату Лидочки. Дѣвушка сидѣла за пяльцами и при входѣ зятя ласково поглядѣла на него и указала ему стулъ около себя.

— Это что у васъ за птица въ гостиной?—спросилъ Викторъ.

Дѣвушка засмѣялась, въ первый еще разъ со времени отъѣзда Крутилова, и поглядѣла на сидѣвшую у окна съ чулкомъ въ рукахъ старушку Василису.

— Спроси у нея; она тебѣ разскажетъ, что это за человѣкъ.

Старушка оторвалась отъ счета петель, который вела шопотомъ, перебирая блѣдными губами, и посмотрѣла на Виктора поверхъ круглыхъ серебряныхъ очковъ.

— Ты о комъ, батюшка?

— Я говорю, что это тамъ въ гостиной за полицейскій? Я его еще не видалъ здѣсь.

— Этотъ-то,—равнодушно сказала старушка, опять погружаясь въ работу.—Это покойника Ивана Семеныча сынокъ. Ивана-то Семеныча ты, чай, батюшка, не помнишь?

— Не помню, няня.

— Гдѣ тебѣ помнить! А онъ съ твоимъ дядюшкой въ большой дружбѣ находился. Все, бывало, вмѣстѣ книжки читали. А Сашка-то у него разумомъ не вышелъ, учиться не захотѣлъ, въ юнкаря пошелъ. Послужилъ, а тамъ и въ люди вышелъ: въ полицію поступилъ. И все бы ничего, да одно не хорошо...

— А что же такое, нянечка?

— Да что? человѣкъ безъ канпаса.

Лидочка опять засмѣялась и тотчасъ же раскашлялась.

— Слышишь, Витя,—весело сказала она,—человѣкъ безъ компаса. А мы съ тобой какіе? Съ компасомъ или нѣтъ?

Она опять задумалась и добавила, будто про себя:

— У меня есть компасъ, вѣрный, надежный.

Виктору захотѣлось поддержать оживленіе Лидочки, и онъ громко разсмѣялся на опредѣленіе Прусикова няней.

— То-то онъ сюда и забрелъ, что безъ компаса.

— А знаешь-ли что?—перебила Лидочка, подымая головку и глядя на Виктора загорѣвшимися, веселыми глазами.—Вѣдь, мама прочитъ меня за человѣка безъ компаса. Думаетъ, я перестану кашлять.

— Господи!—воскликнулъ Викторъ,—это еще что?

— Ужъ твоя мама тоже придумаетъ,—сердито добавила няня, и спицы быстрѣе заходили въ ея морщинистыхъ рукахъ.

II.

Нѣсколько дней спустя Викторъ принималъ у себя пріѣхавшихъ предводителя Кукурина и Прусикова. Гости позавтракали у Вакуловыхъ и Викторъ только изумлялся той говорливости, которую обнаружилъ Прусиковъ. Когда послѣдній немного отдохнулъ отъ рѣчей, Кукуринъ тронулъ рукой колѣно Виктора и сказалъ, указывая глазами на Прусикова:

— Не въ полиціи бы ему служить, а въ министерствѣ. Эдакая, батюшка, голова.

— Да, родной,—продолжалъ онъ, обращаясь уже къ Прусикову,—мало тебя покойникъ Иванъ Семенычъ, царствіе ему небесное, поролъ, мало. Драть бы тебя побольше, человѣкомъ бы ты былъ. Шутка-ли, какая голова пропадаетъ... Э-э-хъ!..

Прусиковъ почтительно, но съ самодовольствіемъ въ лицѣ слушалъ Кукурина и, когда послѣдній кончилъ, опять завелъ рѣчь на полчаса. Викторъ только и слышалъ: позитивизмъ, альтернатива, ингредіентъ, альтруизмъ, компиляція, субстанція, прогрессъ, идеи, интеллектуальный, модуляціи... Наконецъ, съ устъ юнаго полицейскаго слетѣло слово «соціализмъ».

Кукуринъ строго посмотрѣлъ на него.

— Ну, ну, ну,—сказалъ онъ мрачно,—ты говори да не заговаривайся.

— Помилуйте, ваше превосходительство,—смутился Прусиковъ,—я, вѣдь, не на счетъ чего нибудь... долгъ службы я понимаю... Я совершенно даже въ другомъ смыслѣ...

— То-то въ другомъ...

Замѣчаніе Кукурина такъ расхолодило Прусикова, что рѣчи уже не шли ему на умъ. Посидѣвъ немного, онъ раскланялся и уѣхалъ. А Кукуринъ, взявъ хозяина за талію, увелъ его въ кабинетъ.

— Я къ тебѣ, мой другъ, съ небольшой просьбицей,—сказалъ онъ, грузно опускаясь на диванъ и пыхтя.—Вотъ, дѣло-то въ чемъ. Ты у насъ теперь гласный, такъ ужъ не откажи...

— Что же именно? Я радъ услужить.

— Я съ твоимъ дядюшкой пріятель былъ, другъ мой, хлѣбъ-соль водили. Такъ и ты, надѣюсь, поддержишь меня.

— Баллотироваться хотите?

— Да, приходится. Самъ знаешь, предводителемъ служить не дешево. Хочу попробовать совмѣстить съ предсѣдательствомъ. А предводителемъ не быть, такъ ужъ мнѣ старику... лучше помирать. Самъ понимаешь,—привыкъ.

— Разумѣется, я за васъ.

— Спасибо, родной. Тамъ, слышно, Охапкинъ мѣтитъ. Да нѣтъ, шалишь, молодъ больно. Поживи-ка съ мое, да послужи, сколько я, а потомъ и лѣзь... мальчишка...

— Да кто же за него будетъ?

— Партію составилъ. Всѣхъ знаю; у меня, братъ, тоже глазъ. И именно вотъ кто: своякъ твой, разъ...

— Липинскій?

— А ты что думалъ? Онъ... Ну, Ивакинъ, это два, братья разбойники Кукурины (то-же родня, нечего сказать!)—четыре. Потомъ Езевскій, Удѣльный, Самокатовъ...

— Однако, набралось!

— Набралъ мерзавецъ, набралъ. Ну, на мужичковъ я надѣюсь. Поддержатъ. Такъ ужъ ты, братъ, не обидь старика...

И столько въ голосѣ его было жалкаго, просящаго, что Виктору стало жутко. Онъ понималъ теперь, почему этотъ ожирѣвшій, страдающій одышкой старикъ такъ осунулся за послѣднее время. Средства къ жизни у него, благодаря неумѣренному хлѣбосольству, уменьшались, а, между тѣмъ, отказаться отъ службы предводителя казалось невозможнымъ; это значило для него отказаться отъ лучшаго, что онъ испыталъ въ жизни, отъ власти и почета.

Предстоящее земское собраніе было первымъ, въ которомъ Викторъ въ качествѣ гласнаго долженъ былъ участвовать. Это занимало и развлекало его. Леонидъ, который уже вторую недѣлю жилъ въ Васильевскѣ, переведенный туда на мѣсто Крутилова, подсмѣивался надъ увлеченіемъ Виктора.

— Вотъ, посмотрю я,—говорилъ онъ полу-шутя, полусерьезно,—посмотрю, долго-ли выдержишь.

— По моему, — сердито возражалъ Викторъ, — каждый землевладѣлецъ нравственно обязанъ участвовать въ собраніи: онъ представляетъ интересы мѣстности.

— Ты и представляй, что въ твоей мѣстности нужно выписывать на земскій счетъ, ну хоть шляпы отъ Лемерсье. Это было-бы очень удобно для большинства гг. гласныхъ и для многихъ изъ гг. землевладѣльцевъ.

— Почему ты думаешь, что я стану говорить одни глупости? Я постараюсь говорить дѣло.

— Ну, хоть дѣло. Сила не въ томъ. Во-первыхъ на дѣло нужна поддержка.

— И поддержать.

— Давай Богъ. Насчетъ шляпъ, на это вотъ откликнулись-бы живо.

— Перестань пожалуйста, гаерничать. Право, это непріятно.

— Да я чтожъ, я ничего. Богъ съ вами,—предлагайте, постановляйте, ходатайствуйте, пишите, памятуя, конечно, что на всякое постановленіе есть свое veto.

— Если постановленія глупыя,—что-жъ дѣлать.

— Хорошо, кабы только на глупыя.

— А тогда можно и обжаловать.

— Конечно, можно,—сказалъ Леонидъ вяло.

— Такъ въ чемъ-же дѣло?

— А вотъ, посмотришь самъ.

— Чортъ знаетъ что!—сердито сказалъ Викторъ.—Что-же тебя въ такомъ случаѣ заставляетъ быть гласнымъ вотъ уже третье трехлѣтіе, если ты смотришь на эту дѣятельность такими глазами. Вѣдь это значитъ плевать въ собственную тарелку.

— Что заставляетъ? Да какъ тебѣ сказать... Сначала думалъ приносить пользу, вѣрилъ, что можно кое-что сдѣлать... А потомъ—по инерціи. Привычка. Всетаки ѣздишь въ собранія, выбираешь управу...

— Но вѣдь это какая-то спячка,—съ сердцемъ сказалъ Викторъ.—Что вы за люди, а главное, ты-то что за человѣкъ?

— Ты знаешь, что я за человѣкъ. Зачѣмъ повторять?—отвѣтилъ Леонидъ, глядя въ глаза зятю.—А вотъ на тебя мнѣ посмотрѣть любопытно.

— Нѣтъ, такъ нельзя,—продолжалъ Викторъ, не слушая,—нельзя-же смотрѣть на все, позѣвывая, да почесываясь...

— Да, нехорошо,—подтвердилъ и Леонидъ, и во взглядѣ, которымъ онъ смотрѣлъ на горячившагося собесѣдника, видно было любопытство и еще что-то, живѣе любопытства.

Какъ и въ прошлые года, Вакуловы переѣхали на весну въ городъ, и Викторъ усердно занимался изученіемъ правилъ и законоположеній, касающихся земства, и перечитывалъ даже старые журналы засѣданій, удивляясь напечатаннымъ докладамъ Кукурина и другихъ гласныхъ и недоумѣвая, откуда у нихъ столько свѣдѣній. Самъ онъ готовилъ въ умѣ прекрасныя, отчасти даже патетическія рѣчи, но сознавалъ, что никогда ничего не скажетъ. Не хватитъ смѣлости говорить публично...

Къ половинѣ апрѣля въ домѣ Абазовыхъ все притихло. Теперь уже никто не сомнѣвался, что Лидочка умираетъ. Она еще ходила, но уже съ трудомъ и едва была въ состояніи

работать, тихо перебирая вязальный крючекъ исхудавшими, точно восковыми пальцами. Но понимая положеніе дѣла, никто не рѣшался сказать вслухъ, что надъ домомъ вѣетъ чернымъ крыломъ ангелъ смерти. Алексѣй Ѳедоровичъ болѣе, чѣмъ когда-либо, занимался службой, весь погруженный въ сенатскія рѣшенія и, видимо, старался не оставаться одинъ съ собой. Но все же и у него бывали минуты свободы ума отъ занятій, и тогда онъ поневолѣ обращался къ дѣйствительности. Въ тѣ минуты сердце его сжималось больно; онъ глубоко вздыхалъ и хватался за сѣдую голову.

Чаще и чаще уходила Катерина Ивановна въ спальную и тамъ или бросалась въ подушки съ глухимъ рыданіемъ, или на колѣняхъ передъ образами изливалась въ горькихъ слезахъ.

Викторъ и Ольга какъ бы сговорились между собою не вспоминать другъ передъ другомъ о Лидочкѣ. Но оба знали, что на душѣ у ихъ лежитъ камень горя. Еще Викторъ развлекался приготовленіями къ ожидаемому собранію, а Ольга вся была во власти тягостныхъ мыслей, и только посѣщенія церкви нѣсколько успокаивали ее. Она дѣятельно ухаживала за больной, и одна изъ всѣхъ не переставала приглашать доктора, совѣтоваться съ нимъ и заставлять Лидочку принимать лѣкарства. Лидочка слушалась ее и принимала лѣкарства. Но однажды, взявъ изъ рукъ сестры ложку съ микстурой, она жалобно поглядѣла на Ольгу и тихимъ покорнымъ голосомъ сказала:

— Ахъ, Оля, неужели нельзя умирать безъ лѣкарствъ.

Въ этихъ наивныхъ словахъ столько слышалось кроткаго упрека любящимъ мучителямъ роднымъ и столько покорности, что Ольга едва не заплакала. Она взяла ложку обратно, вылила лѣкарство и, ставъ на колѣни, укрыла лицо въ рукахъ Лидочки.

— А да что же, я, пожалуй, выпью,—говорила больная.

— Нѣтъ, нѣтъ, дитя мое,—съ плачемъ воскликнула Ольга,—я не буду мучить тебя.

— Да, вѣдь ужъ не помогутъ,—просто и трогательно добавила Лидочка.

III.

И чѣмъ дальше бѣжало время, тѣмъ все болѣе и болѣе уходили въ себя родные больной и тѣмъ болѣе старались отвлечь мысли отъ приближавшейся роковой минуты. Даже дѣти, и тѣ будто притаились, и никто въ семьѣ не рѣшался сказать вслухъ уже извѣстную всѣмъ правду: «еще немного, и Лидочка уйдетъ отсюда».

Куда она уйдетъ, въ какой таинственный и прекрасный

міръ, никто не задумывался, никто не останавливался на этой мысли. Но, куда бы она ни ушла и какъ бы прекрасенъ ни былъ этотъ новый, невѣдомый міръ,—уходъ близкаго человѣка изъ любящихъ глазъ семьи казался такъ невыносимо тягостенъ для остающихся, что умъ отказывался примириться съ давно извѣстнымъ представленіемъ о смерти, а сердце возставало противъ разлуки, боролось, противилось, обманывало.

Но, наконецъ, пришла минута, когда оказалось невозможнымъ, кощунственнымъ обмынывать себя дольше: всѣ будто очнулись отъ дремоты и сразу признали неотвратимость совершающагося. И вотъ оно наступило. Въ ненастный апрѣльскій вечеръ въ большой комнатѣ дома Абазовыхъ въ полузабытьи лежала умирающая. Наступали сумерки, комната все болѣе и болѣе погружалась въ мракъ, и лишь цвѣтная лампада передъ образами, бросая мягкій розовый свѣтъ на окружающіе предметы, помогала различать бѣлую кровать, гдѣ тихо, неслышно лежала молодая дѣвушка. У ея изголовья, сторожа дыханіе больной, сидѣла Ольга. Викторъ и Леонидъ помѣстились на диванѣ противъ постели. Катерина Ивановна то входила въ комнату неслышной походкой, останавливаясь въ дверяхъ, будто готовая что-то сдѣлать, чѣмъ-то задержать уходящую жизнь дочери, то, подавленная наплывомъ горя, сознаніемъ безсилія, уходила въ кабинетъ мужа и тамъ бросалась на колѣни передъ образомъ съ подавленнымъ стономъ. А мужъ ея, опустившись въ большое кресло, замеръ безъ словъ, безъ движенія въ одной нѣмой тоскѣ.

И все въ домѣ примолкло, не слышалось ни звука, ни шороха. Будто приблизившаяся смерть напоминала живущимъ о тишинѣ могилы.

Темнѣло все болѣе и болѣе, и все тише, спокойнѣе становилось кругомъ. Даже съ улицы не доносилось ни звука. Черная, ненастная ночь глядѣла съ вышины сквозь незавѣшенныя окна, проникала въ отдаленные углы комнаты, скоплялась на потолкахъ. И лишь тихій отблескъ лампады боролся съ окружающимъ мракомъ.

Раза два Леонидъ вставалъ и, подходя осторожно къ изголовью сестры, нагибался послушать ея дыханіе. Онъ не могъ ничего различить, но, встрѣчая взоръ Ольги, переговаривался съ ней безъ словъ и понималъ ее. Ольга при его приближеніи подымала на брата глаза и при слабомъ свѣтѣ лампады говорила глазами:

— Ты думаешь, не кончилось-ли все?

А онъ тоже одними глазами отвѣчалъ:

— Да, я безпокоюсь.

— Нѣтъ, еще дышитъ, — опять говорили глаза Ольга, и Леонидъ понималъ ее и отходилъ отъ кровати.

И Вакуловъ, и Леонидъ оба сидѣли въ молчаніи. Мысль останавливилась въ своемъ обычномъ бѣгѣ и недоумѣвала, не зная куда направить путь: нельзя думать о будняхъ въ эту торжественную минуту, но мысль безсильна также проникнуть за роковую черту, отдѣляющую жизнь отъ смерти, не въ силахъ оцѣнить всю важность совершавшагося и не смѣетъ вернуться къ обычному, житейски пошлому. Викторъ чувствовалъ, что охваченъ непонятной апатіей, что его мысль остановилась, работа ума прекращена. Онъ видѣлъ и слышалъ, что совершалось кругомъ, но не могъ осмыслить всего, не зналъ, на чемъ остановиться воображеніемъ.

Умирающая тихо пошевельнулась и раскрыла глаза.

— Кто это тамъ?—чуть слышно проговорила она и глядѣла недоумѣвающимъ, уже блѣднымъ взоромъ въ мракъ ночи.

Потомъ она велѣла повернуть ее на другую сторону и, казалось, заснула. Опять наступила полная тишина, безмолвіе, непрерываемое ни единымъ звукомъ. Присутствующіе сдерживали дыханіе, боясь нарушить предсмертный покой больной. Мракъ ночи сгущался все сильнѣй и сильнѣй, и все ярче горѣла лампада.

Прошло съ полчаса. Въ сосѣдней комнатѣ послышались чьи-то шаги. Боясь, что идущій обезпокоитъ Лидочку, Леонидъ осторожно приподнялся съ дивана и потихоньку вышелъ за дверь. Тамъ его встрѣтила Василиса, блѣдная и заплаканная.

— Что, батюшка, Леничка, ужъ не кончилась-ли наша Лидинька?—спросила она.

— Еще нѣтъ, а близко, няня.

— Присѣла я въ дѣвичьей, — продолжала старушка, — а сердце-то вдругъ какъ застукаетъ. Я и подумала, не конецъ ли пришелъ Лидинькѣ.

Они прошли опять къ больной и стали у ея постели.

Прошло еще минуты двѣ. И вотъ Леонидъ увидалъ, что Ольга слегка отклонилась отъ изголовья сестры, посмотрѣла на нее и потомъ подняла глаза на брата. Сердце Леонида усиленно забилось, но къ удивленію его не болѣзненно, а будто радостно; что-то новое, захватывающее величіемъ минуты, наполнило его грудь. И вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ почувствовалъ, что не въ силахъ пошевельнуться, что скованъ чьей-то властью. Тогда, среди полной тишины, послышалось вдругъ, какъ умирающая слегка откинула назадъ голову и протяжно вздохнула. И вновь все утихло, но теперь въ этой тишинѣ чуялось что-то зловѣщее, угрожающее. Способность двигаться вернулась къ Леониду и, вмѣстѣ съ тѣмъ, у него появилось чувство непонятной робости. Даже не взглянувъ хорошенько на умершую, онъ поспѣшно вышелъ изъ комнаты,

а вслѣдъ за нимъ вышли и няня, и Викторъ. Только Ольга, преодолѣвая охватившій и ее страхъ, нагнулась къ сестрѣ, поцѣловала ее во влажный лобъ, перекрестила и осторожно закрыла ея глаза. Но затѣмъ, поддаваясь робости, ушла, не оглядываясь. И снова здѣсь была только тишина и мракъ.

Два дня спустя, солнце радостно горѣло на голубыхъ небесахъ весны. Надъ просыхающей землей, уже зеленѣющей первыми побѣгами травы, пролетали бабочки. Въ тепломъ, ароматномъ воздухѣ чуялось обновленіе жизни, радость возникающихъ силъ природы. Высоко въ небесахъ звенѣла пѣсня жаворонка; молодая березка уже распускала клейкую почку.

Въ этотъ радостный день, среди проснувшихся силъ творящей природы, опускали въ едва оттаявшую, еще влажную землю бѣлый гробъ съ тѣломъ Лидочки. Ей пѣли вѣчную память, надъ ней лили слезы печали, а солнце равнодушно глядѣло съ высоты лазури на плачущихъ, и скорбныя пѣсни людей не заглушали ни шопота рощи, грезившей о нѣгѣ и любви, ни звонкихъ трелей висѣвшихъ въ синевѣ неба воздушныхъ пѣвцовъ...

П. Булыгинъ.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

Среди ночи и льда.

Норвежская полярная экспедиція 1893—96 гг.

Фритіофа Нансена.

Глава IV.

Переѣздъ черезъ Карское море.

Мы могли выйти въ море лишь довольно поздно ночью, съ 4-го на 5-ое Августа послѣ того, какъ Кристоферзенъ и Тронтгеймъ оставили насъ. Фарватеръ тутъ былъ довольно опасенъ и поэтому мы не могли рѣшиться пуститься въ путь раньше, во время густого тумана. Но когда прояснилось, то мы приготовили керосиновую лодку, на которой я хотѣлъ проѣхать впередъ, чтобы изслѣдовать фарватеръ.

Мы вышли въ полночь; Скоттъ Гансенъ стоялъ впереди съ ручнымъ лотомъ. Сначала мы взяли курсъ на сѣверо-западъ къ оконечности острова Вайгача, какъ совѣтуетъ Паландеръ, а затѣмъ далѣе черезъ проливъ вблизи острова. Туманъ часто былъ такъ густъ, что мы едва могли различать Fram, который шелъ тотчасъ же за нашей лодкой, а на Fram не различали нашей лодки. Но пока воды было довольно, а мы всетаки могли видѣть, что судно держитъ правильный курсъ, — мы продолжали подвигаться впередъ. Скоро туманъ нѣсколько прояснился, но глубина была не очень значительна: лотъ показывалъ только 9 и 10 метровъ, а затѣмъ восемь и наконецъ семь. Это было слишкомъ мало. Мы повернули и дали Fram сигналъ, чтобы онъ остановился. Послѣ того мы стали держаться подальше отъ берега и глубина оказалась больше, такъ что Fram снова могъ идти полнымъ ходомъ впередъ.

Отъ времени до времени машина нашей лодки принималась за свои прежнія продѣлки, и лодка останавливалась. Я хотѣлъ налить побольше масла, чтобы лодка снова пошла и въ то время, какъ я продѣлывалъ это, лодку приподняло на волнахъ, часть масла пролилась и загорѣлась. Пылающее масло разлилось по дну, гдѣ уже раньше было пролито довольно много масла, и въ одинъ моментъ вся кормовая палуба превратилась въ море огня. Мое платье, забрызганное масломъ, также начало горѣть. Я долженъ былъ бѣ-

жать на носъ, и положеніе сдѣлалось критическимъ, когда загорѣлось также наполненное до краевъ ведро съ масломъ. Погасивъ свое платье, я опять побѣжалъ на корму и, схвативъ ведро, вылилъ горящее масло въ море, причемъ сильно обжегъ себѣ пальцы. Тотчасъ же по всей поверхности воды кругомъ распространилось яркое пламя. Тогда я схватилъ ковшъ и сталъ поливать водою лодку, сколько могъ. Скоро бѣда была устранена. На Fram все случившееся возбудило тревогу, и уже приготовлены были канаты и спасательные пояса, чтобы бросить намъ въ случаѣ нужды.

Скоро мы были за Югорскимъ проливомъ. Туманъ между тѣмъ исчезъ, и мы могли видѣть низкій берегъ, а тамъ далѣе море, а въ самой дали плавучій ледъ. Въ четыре часа утра (4-го Августа) мы прошли мимо Сокольяго острова въ столь страшное для насъ Карское море. Теперь наша судьба должна была рѣшиться.

Прежде чѣмъ разстаться съ родиной, я часто говорилъ, что если намъ удастся счастливо проѣхать Карское море и обойти мысъ Челюскина, то худшее будетъ пройдено. Надежды были недурныя. Къ востоку находилась открытый проходъ, идущій вдоль берега такъ далеко, насколько это можно было видѣть изъ сторожевой бочки.

Спустя полтора часа мы уже были у края льдовъ. Ледъ былъ такъ плотенъ, что нечего было и думать пробраться черезъ него. Къ сѣверо-западу онъ, повидимому, былъ не такъ густъ и небеса были голубого цвѣта *). Мы отправились поэтому въ юго-восточномъ направленіи вдоль берега черезъ измельченный ледъ но затѣмъ стали держаться болѣе открытаго моря, такъ какъ голубое небо указывало, что къ востоку и сѣверо-востоку есть открытый фарватеръ. Къ тремъ часамъ дня ледъ, однако сдѣлался такъ густъ, что я счелъ за лучшее снова вернуться въ проходъ, идущій вдоль берега. Положимъ, мы могли бы попробовать проложить себѣ путь черезъ этотъ пловучій ледъ, но могли и засѣсть въ немъ, а подвергать себя такому риску было слишкомъ рано.

Достигнувъ на слѣдующее утро 15 Августа устья рѣки Кары, мы стали держать курсъ на полуостровъ Ялмалъ. Скоро мы увидали эту низменность, но послѣ обѣда снова попали въ туманъ и густой ледъ. Мы привязали тогда свое судно къ одному изъ большихъ торосовъ **), который лежалъ у берега на землѣ. Вечеромъ мы сошли на берегъ. Было такъ мелко, что лодка засѣла на довольно большомъ разстояніи отъ берега и намъ пришлось идти въ

*) Бѣлый ледъ даетъ свѣтлое отраженіе въ небесахъ, такъ что тамъ, гдѣ находятся ледяныя поля, небо имѣетъ бѣловатый цвѣтъ; везде же, гдѣ есть открытое водное пространство, отраженіе бываетъ голубое или темное. Полярные мореплаватели узнаютъ такимъ образомъ по виду неба о фарватерѣ.

**) Торосами называются груды льда, наваленныя другъ на друга, края которыхъ постепенно округлились и смерзлись вмѣстѣ, такъ что составились цѣльныя громадныя глыбы.

бродъ. Берегъ былъ плоскій, гладкій и песчаный, совершенно покрываемый моремъ во время прилива. Отъ берега начинался крутой подъемъ, достигающій высоты 10—12 метровъ, а мѣстами даже 20-ти метровъ.

Мы немного осмотрѣлись кругомъ; вездѣ виднѣлась плоская обнаженная равнина. Весь пловучій лѣсъ, какой только тутъ находился, былъ зарытъ въ пескѣ и насквозь промокъ. Птицъ не было видно, кромѣ нѣсколькихъ бекасовъ. Мы подошли къ какой-то водѣ и въ туманѣ передо мною послышался голосъ кайры (Uria), но ни одного живого существа не было видно. Завѣса тумана скрывала все отъ глазъ, и мы не знали, куда повернуть.

Оленьихъ слѣдовъ было довольно, но это были слѣды ручныхъ оленей самоѣдовъ. Вотъ она, страна самоѣдовъ. Ахъ, какая пустынная и печальная!

Ботаникъ былъ единственный изъ насъ, оказавшійся съ добычей. Привѣтливо и весело выглядывали въ этой странѣ тумана цвѣты, разсѣянные тамъ и сямъ, точно посланники изъ другого, болѣе свѣтлаго міра. Мы прошли по равнинѣ далеко внутрь, но нашли только водныя пространства съ низкими перешейками и цѣпью холмовъ между ними. Вдали мы зачастую слышали крикъ кайръ, но не видали ни одной птицы. Всѣ эти озера имѣли замѣчательно круглую форму съ нависшими отвѣсными берегами, какъ будто они сами прокопали себѣ ложе въ песчаной равнинѣ.

Изъ веселъ лодки и брезента мы устроили родъ палатки. По счастью, намъ удалось найти немного сухого лѣса и скоро въ палаткѣ распространился запахъ горячаго живительнаго кофе. Подкрѣпивъ себя пищей и питьемъ и закуривъ трубки, мы были приведены въ изумленіе Іогансеномъ, который, несмотря на свою толщину, сталъ, въ своемъ длинномъ офицерскомъ пальто и охотничьихъ сапогахъ, наполовину наполненныхъ водой, выдѣлывать на сыромъ песчаномъ грунтѣ передъ палаткой замысловатые прыжки.

Въ половинѣ седьмого утромъ (7-го Августа) мы уже снова были на суднѣ. Туманъ разсѣялся, но ледъ, къ сѣверу, казался столь же густымъ, какъ и прежде.

Передъ обѣдомъ насъ посѣтили два статныхъ самоѣда, которыхъ мы приняли любезно и угостили обѣдомъ и табакомъ. Они дали намъ понять, что живутъ въ палаткахъ дальше къ сѣверу. Мы ихъ одарили и они отправились домой. Это были послѣдніе люди, съ которыми мы видѣлись.

На слѣдующій день (8-го августа) ледъ былъ все еще очень густъ, и такъ какъ ничего нельзя было предпринять, то нѣкоторые изъ насъ отправились послѣ обѣда снова на берегъ, частью для того, чтобы ближе познакомиться съ этимъ мало извѣстнымъ берегомъ, частью же для того, чтобы, если возможно, отыскать лагерь самоѣдовъ и вымѣнять у нихъ мѣха и оленье мясо.

Это была оригинальная низменная равнина. Ничего, кромѣ

песку, вездѣ песокъ; еще болѣе плоская, болѣе пустынная, чѣмъ у Югорскаго шара, съ еще болѣе широкимъ горизонтомъ. По всей равнинѣ разстилался зеленый коверъ изъ травы и мха, мѣстами покрытый пескомъ, который намело вѣтромъ. Но какъ мы ни заходили далеко отъ берега и какъ ни искали, всетаки не могли найти никакого лагеря самоѣдовъ; единственное, что мы увидали вдали, это трое людей, которые тотчасъ же скрылись, какъ только насъ запримѣтили.

Дичи было немного. Нѣсколько бѣлыхъ куропатокъ, чекушекъ и утокъ, и это было все. Наша главная добыча опять таки состояла изъ коллекціи растеній и геологическихъ и географическихъ наблюденій. Эти послѣдиія указывали, что берега на этомъ мѣстѣ были поставлены на картѣ на полградуса долготы (36—38 м.) дальше къ западу.

На судно мы вернулись только на слѣдующее утро (9 Августа). Ледъ какъ будто сталъ рыхлѣе къ сѣверу. Въ 8 часовъ вечера мы наконецъ снова пустились въ путь на сѣверъ. Ледъ былъ легко проходимъ и черезъ три дня мы уже были въ открытомъ фарватерѣ.

Въ воскресенье (13 августа) мы направили свой путь въ открытое Карское море, у сѣверной оконечности полуострова Ялмата и мимо Бѣлаго острова. Нигдѣ не было видно льда. Въ теченіи слѣдующаго дня все время дулъ сильный восточный вѣтеръ. Мы лавировали подъ парусами, чтобы попасть на востокъ, но Fram при противномъ вѣтрѣ плохой ходокъ, такъ какъ онъ широкъ и не имѣетъ киля. Теченіе было слишкомъ сильно, шансы идти впередъ поэтому были не велики. Въ корабельномъ журналѣ все время стоитъ запись: противный вѣтеръ, противный вѣтеръ. Это больше, чѣмъ однообразно, но такъ какъ для плаванія по этому морю это всетаки представляетъ интересъ, то я и укажу на главнѣйшія особенности, преимущественно касающіяся условій льда:

«Понедѣльникъ (14 Августа). Мы лавировали при сильномъ противномъ вѣтрѣ подъ парусами. Во время ночной вахты (отъ 12 до 4 часовъ утра) видны были отдѣльныя льдины; позднѣе льда уже не было видно на всемъ горизонтѣ.

«Вторникъ (15 Августа). Во время ночной вахты вѣтеръ стихъ, паруса были сложены, и разведены пары. Около пяти часовъ утра мы пошли подъ парами къ востоку, черезъ свободное отъ льда море, но послѣ обѣда снова задулъ остъ-нордъ-остъ и мы должны лавировать подъ парами и парусами. Къ вечеру и ночью можно было замѣтить отдѣльные куски льда.

«Среда (16 Августа). Такъ какъ, къ удивленію, Карское море оказывалось, повидимому, свободнымъ отъ льда, и волненіе шло съ сѣверо-востока, то мы и рѣшили насколько возможно держать курсъ къ сѣверу, хотя бы до самаго острова Уединенія. Но около половины четвертаго передъ нами показалась толстая льдина, такъ что

мы должны были повернуть. Сильный вѣтеръ и морское теченіе. Мы продолжаемъ лавировать въ восточномъ направленіи вдоль края льдины.

«Вечеромъ мы чуть не потеряли своей керосинной лодки. Волны наполняли ее водой все время, въ двухъ мѣстахъ бортъ былъ разломанъ и толстые боканцы, на которыхъ она висѣла, согнулись, точно они были сдѣланы изъ мѣдной проволоки. Въ послѣдній моментъ удалось прикрѣпить лодку, въ то время, какъ насъ заливало волнами. Эту лодку точно преслѣдуетъ судьба.

«Четвергъ (17-е Августа). Мы по прежнему лавируемъ въ восточномъ направленіи подъ парами и парусами черезъ рыхлый ледъ у краевъ плотнаго льда. Все время штормъ и чуть мы высунемъ носъ изъ льда, какъ тотчасъ же попадаемъ въ сильное волненіе.

«Пятница (18-го Августа). Штормъ продолжается. Мы идемъ къ юго-востоку. Въ половинѣ пятаго утра Свердрупъ увидѣлъ землю къ югу отъ насъ. Онъ находился въ это время въ сторожевой бочкѣ, высматривая медвѣдей и моржей на льдинахъ».

Въ десять часовъ утра я пошелъ на верхъ, чтобы осмотрѣться. Мы были удалены едва на двадцать километровъ отъ плоской земли, которая видомъ напоминала Ялмалъ, была покрыта травой и представляла крутые песчаные откосы. Вблизи земли было, повидимому, болѣе мелко. Недалеко отъ насъ торосы. Лотъ показывалъ все меньше воды. Въ половинѣ двѣнадцатаго было только 16 метровъ, но уже около 12 оказалось снова 40 метровъ, и глубина затѣмъ опять стала увеличиваться.

Между землей и плотнымъ льдомъ, съ подвѣтренной стороны какъ будто находился проходъ, болѣе глубокій, гдѣ не такъ много льда лежало на днѣ. Трудно было представить себѣ, чтобъ тутъ была неизвѣстная земля. Тутъ проходили Норденшильдъ и Эдуардъ Іогансенъ, а также можетъ быть много русскихъ, и никто изъ нихъ ничего не замѣтилъ. Но наши наблюденія установили это внѣ сомнѣній и мы тотчасъ же назвали эту землю островомъ Свердрупа, по имени того, кто ее открылъ.

Съ навѣтренной стороны виднѣлось все еще много льда и поэтому мы продолжали держать курсъ на юго-востокъ и по возможности по вѣтру. Погода была ясная и къ восьми часамъ вечера уже показалась твердая земля, островъ Диксона.

Наше намѣреніе было здѣсь пристать и оставить въ депо нашу почту. Капитанъ Виггинсъ обѣщалъ взять отсюда наши письма по дорогѣ въ Енисей. Между тѣмъ задулъ вѣтеръ въ противоположную сторону, и такъ какъ время было дорого и надо было пользоваться случаемъ, то мы отказались отъ этого намѣренія и отправились дальше вдоль берега.

Мѣстность здѣсь совсѣмъ иная, чѣмъ въ Ялмалѣ. Хотя она и не

высока, но всеже это горная страна съ снѣговыми пространствами, мѣстами спускающимися къ самому берегу.

На слѣдующее утро (19 Августа) я увидѣлъ самый южный изъ Каменныхъ островозъ.

Мы направились туда, чтобы посмотрѣть нельзя ли тамъ найти какихъ нибудь животныхъ, но ничего не было видно. Островъ равномѣрно съ всѣхъ сторонъ подымается надъ моремъ, но берега у него покатые, большею частью скалистые, частью состоящіе изъ плотнаго камня, частью же изъ вывѣтрившихся каменныхъ породъ.

По виду это былъ слоистый камень, при чемъ слои шли очень наклонно. Островъ покрытъ отчасти круглыми камешками, мѣстами смѣшанными съ большими грудами камней, а вся сѣверная коса, повидимому, состоитъ изъ песка, круто спускающагося къ берегу. Болѣе всего бросаются въ глаза на этомъ островѣ его выпуклые берега. У оконечности острова находится особенно выступающая береговая полоса, представляющаяся въ видѣ крутого откоса на западной и сѣверной сторонѣ и, точно темная тесьма, пролегающая по всему острову по его длинѣ. Вблизи берега виднѣлись также нѣсколько выступающихъ береговыхъ линій. Всѣ онѣ напоминали своею формой и своими крутыми откосами первую, и повидимому были одинаковаго происхожденія, являясь результатомъ дѣятельности моря и главнымъ образомъ льда. Какъ верхняя, такъ и другія изъ наиболѣе выдающихся линій находятся на западной и сѣверной сторонѣ острова, наиболѣе подверженной дѣйствію открытаго моря.

Для того, кто изучаетъ исторію земли, эти слѣды прежняго морского уровня представляютъ огромный интересъ, такъ какъ они указываютъ или на поднятіе земли, или же на пониженіе уровня моря со времени ихъ образованія, измѣненій, которымъ подвергся весь сѣверный берегъ Сибири, такъ же какъ и Скандинавскій берегъ послѣ великаго ледяного періода.

Къ сѣверу отъ этого острова мы, къ удивленію своему, не увидали ни одного изъ тѣхъ острововъ, которые, судя по картѣ Норденшильда, должны были лежать къ сѣверо-востоку отъ Каменнаго острова, за то я замѣтилъ два другихъ острова въ восточномъ направленіи. На слѣдующее утро мы также прошли мимо маленькаго острова, нѣсколько далѣе къ сѣверу.

Изъ птицъ мы встрѣтили въ этихъ областяхъ только нѣсколько стай дикихъ гусей, чаекъ (Stercorarius crepidatus и St. Buffonii), а также нѣсколько другой породы чаекъ и морскихъ ласточекъ.

Въ воскресенье (20-го августа) погода была хороша на рѣдкость, голубое море, яркое солнце и слабый сѣверо восточный вѣтеръ. Послѣ обѣда мы прошли мимо Кьельманскихъ островозъ, которые мы узнали на основаніи карты Норденшильда; къ югу отъ нихъ мы однако нашли много неизвѣстныхъ островозъ. Всѣ они

имѣли округленную форму и походили на островки, смытые глетчерами ледниковаго періода. Fram отправился къ сѣверной сторонѣ самаго большого острова, названнаго нами впослѣдствіи Оленьимъ островомъ, и сталъ на якорь; и пока котелъ наполняли водой, нѣкоторые изъ насъ отправились на охоту.

Мы еще не сошли съ судна, какъ уже рулевой увидалъ изъ сторожевой бочки оленей. Всѣ оживились, всѣмъ захотѣлось съѣхать на берегъ. Даже рулевого охватилъ охотничій пылъ, глаза у него были широко раскрыты, и руки дрожали словно у пьянаго.

Только садясь въ лодки мы начали высматривать, гдѣ находятся олени, которыхъ видѣлъ рулевой. Напрасно,—нигдѣ ни слѣда живого существа! Впрочемъ, у берега мы нашли наконецъ большое стадо дикихъ гусей и къ стыду нашему надо сознаться, что даже было высказано подозрѣніе, что нашъ рулевой видѣлъ именно этихъ гусей. Онъ отвергъ сначала съ негодованіемъ это предположеніе; мало-по-малу, однако, увѣренность его стала ослабѣвать. Но даже къ рулевому можно быть несправедливымъ, и первое, что я увидалъ, когда выскочилъ на берегъ, были старые оленьи слѣды.

Тотчасъ же увѣренность рулевого возросла; онъ побѣжалъ по слѣду и клялся, что видѣлъ оленей. Достигнувъ перваго холма, мы увидали нѣсколько животныхъ на равнинѣ, къ югу отъ насъ, но такъ какъ вѣтеръ дулъ съ сѣвера, то мы повернули назадъ вдоль берега, чтобы подойти къ нимъ съ южной стороны. Но нашъ рулевой не могъ сдержаться и съ лихорадочною горячностью устремился на оленей, которыхъ онъ видѣлъ на востокѣ, и конечно этого было вполнѣ достаточно, чтобы все стадо тотчасъ же исчезло. Онъ получилъ позволеніе остаться со Скоттъ Ганзеномъ (который хотѣлъ сдѣлать магнитныя наблюденія), но долженъ былъ предварительно дать слово, что не тронется съ мѣста, пока не получитъ приказанія.

По дорогѣ къ берегу мы прошли мимо нѣсколькихъ стадъ гусей. Гуси вытягивали шеи, отходили нѣсколько въ сторону, и лишь когда мы совсѣмъ близко подходили къ нимъ, они улетали. Нѣсколько дальше увидѣли мы нѣсколькихъ оленей, которыхъ раньше не примѣтили. Мы бы легко могли захватить ихъ, но опасались очутиться подъ вѣтромъ по отношенію къ тѣмъ оленямъ, которые находились южнѣе. Наконецъ мы достигли ихъ, но они паслись на совершенно гладкой равнинѣ, такъ что подойти къ нимъ было не легко. Ни одного возвышенія, ни одного камня, чтобы спрятаться. Единственное, что намъ оставалось—это образовать длинную линію стрѣлковъ и по возможности подвигаться впередъ, чтобы окружить оленей. Между тѣмъ мы увидѣли къ сѣверу подальше еще одно стадо оленей, но, къ нашему удивленію, они внезапно бросились бѣжать оттуда въ восточномъ направленіи черезъ равнину. Ужъ не нашъ ли рулевой согналъ ихъ, не будучи въ состояніи дольше выдержать? Нѣсколько далѣе къ сѣверу была рытвина, которая

доходила до оленей, пасшихся поближе къ намъ. Мы подумали, нельзя-ли съ этой стороны подойти къ нимъ на разстояніе выстрѣла, и я рѣшилъ сдѣлать попытку, въ то время какъ другіе должны были оставаться на своихъ мѣстахъ въ стрѣлковой линіи.

Море лежало передо мной, прекрасное и спокойное. На горизонтѣ солнце только что скрылось въ море. Небо зардѣлось, и я невольно пріостановился. И среди такого великолѣпія человѣкъ продолжаетъ свое разбойничье преслѣдованіе звѣрей!.. Тутъ я увидѣлъ къ сѣверу какое то движущееся темное пятно на холмѣ, гдѣ какъ разъ должны были находиться рулевой и Скоттъ Ганзенъ. Пятно раздѣлилось на двѣ части, и одна направилась къ востоку, какъ разъ съ навѣтренной стороны отъ тѣхъ оленей, къ которымъ я собирался подойти. Медлить было дольше нельзя, такъ какъ олени могли почуять опасность и спастись бѣгствомъ. Надо правду сказать, что не очень то благія пожеланія сыпались на головы тѣхъ двухъ, которые оставались тамъ на холмѣ. Рытвина оказалась не такъ глубока, какъ я ожидалъ, но края были достаточно высоки, такъ что могли закрыть меня, когда я ползъ на четверенькахъ.

Между тѣмъ позади меня небо принимало все болѣе темно-красный цвѣтъ: становилось все труднѣе и труднѣе прицѣливаться, не говоря уже о томъ, что мнѣ только съ большими усиліями удавалось спасать дуло ружья и прицѣлъ отъ глины. Олени продолжали спокойно пастись. Когда они поднимали головы и оглядывались, то я долженъ былъ лежать совершенно неподвижно, чувствуя, какъ подъ моимъ тѣломъ сочится вода. Какъ только они снова принимались за мохъ, мое путешествіе по грязи возобновлялось. Скоро я сдѣлалъ непріятное открытіе, что олени удалялись отъ меня съ такою же скоростью, съ какою я подползалъ къ нимъ. А тутъ еще рулевой, подкрадывающійся съ сѣверной стороны, да темнота, становившаяся все гуще! Поистинѣ надежда была плохая! Надо было собрать всѣ силы.

Рытвина становилась все мельче и скоро уже не было никакого прикрытія, такъ что я долженъ былъ глубже втиснуться въ глину. Кривизна дна помогла мнѣ добраться до ближайшаго маленькаго холмика. Звѣри были отъ меня уже на такомъ отдаленіи, которое я считалъ возможнымъ для выстрѣла при дневномъ свѣтѣ. Я попробовалъ прицѣлиться, но съ трудомъ могъ разглядѣть прицѣлъ. Ахъ, какъ тяжелъ бываетъ подчасъ удѣлъ человѣка! Платье мое пропиталось мокрой глиной и я, какъ мнѣ казалось, послѣ чрезвычайнаго напряженія силъ, достигъ наконецъ цѣли, но увы, не могъ ею воспользоваться.

Олени спустились въ маленькое углубленіе и я, какъ только могъ скоро, поползъ впередъ. Разстояніе для выстрѣла, насколько я могъ судить въ темнотѣ, было прекрасное, но я попрежнему плохо видѣлъ прицѣлъ. Подойти ближе было невозможно; передо мною былъ обнаженный холмъ. Лежать здѣсь и ждать, пока не сдѣлается

свѣтлѣе, было безполезно. Была уже полночь, рулевой же оставался съ сѣверной стороны отъ меня, а на вѣтеръ я полагаться не могъ. Я приподнялъ ружье вверхъ, чтобъ освѣтить прицѣлъ, и затѣмъ направилъ его на оленей: разъ, два, три,—хорошимъ выстрѣломъ это нельзя было назвать, но мнѣ казалось, что я все таки долженъ былъ попасть, и я выстрѣлилъ. Оба оленя отскочили, съ удивленіемъ осмотрѣлись кругомъ, пробѣжали нѣкоторое разстояніе къ югу и снова остановились. Въ этотъ самый моментъ къ нимъ присоединился еще третій олень, находившійся нѣсколько сѣвернѣе. Я выпустилъ всѣ выстрѣлы, которые у меня были въ запасѣ, но всѣхъ ихъ постигла одинаковая участь. Животныя отскакивали, при каждомъ выстрѣлѣ они отходили нѣсколько дальше и затѣмъ медленно направились къ югу. Спустя нѣсколько минутъ они опять остановились, чтобы хорошенько разсмотрѣть меня. Я изъ всѣхъ силъ бросился бѣжать къ западу, чтобы ихъ обойти. Тогда они поспѣшили отбѣжать дальше, какъ разъ къ тому мѣсту, гдѣ должны были находиться нѣкоторые изъ моихъ товарищей. Я ждалъ ежеминутно, что раздадутся выстрѣлы и упадетъ хоть одинъ изъ оленей, но они спокойно и безпрепятственно продолжали свой путь по равнинѣ. Наконецъ раздался выстрѣлъ съ юга. Сквозь дымъ я могъ разглядѣть, что разстояніе было слишкомъ велико. Съ досадою я перебросилъ ружье на плечо и поплелся дальше. Вотъ такъ награда за всѣ усилія!

По срединѣ были большіе камни и глинистый крупный песокъ, смоченный маленькимъ ручейкомъ. Олени паслись спокойно и только по временамъ поднимали головы, чтобы осмотрѣться. Но прикрытіе становилось все хуже, между тѣмъ съ сѣвера я слышалъ приближеніе рулевого. Скоро ему удастся и отсюда прогнать звѣрей. Я долженъ былъ торопиться, но прикрытіе становилось все менѣе и менѣе достаточнымъ, такъ что я даже на четверенькахъ не могъ подвигаться дальше. Ничего больше не оставалось, какъ лечь на животъ и ползти, какъ червь. Но вѣдь надо было лечь въ мягкую глину и ползти черезъ ручей? Что жъ дѣлать! Мясо имѣло для насъ на кораблѣ слишкомъ большую цѣну, и притомъ хищническіе инстинкты слишкомъ громко говорятъ въ человѣкѣ. Пусть рвется платье, я все таки ползъ дальше, такъ что брызги грязи высоко разлетались въ стороны. Но скоро прикрытію пришелъ конецъ; я тогда легъ пластомъ между камнями и точно машина пробивался впередъ черезъ грязь, хотя и не очень быстро и пріятно, но за то вѣрно.

Нигдѣ не было видно ни одного человѣка, только спустя нѣкоторое время я увидѣлъ Свердрупа: выстрѣлъ сдѣлалъ онъ. Вскорѣ затѣмъ показался и Блессингъ, остальные давно уже оставили свои посты.

Въ то время, какъ Блессингъ возвращался назадъ къ лодкѣ и къ своему ботаническому ящику, Свердрупъ и я отправились дальше,

чтобы еще разъ попытать счастья. Нѣсколько южнѣе мы достигли долины, которая шла поперегъ острова. Тутъ мы замѣтили человѣка, стоявшаго на возвышенности. Недалеко отъ него находилось стадо изъ пяти или шести оленей, и такъ какъ мы естественно подумали, что онъ имѣетъ намѣреніе стрѣлять оленей, то и не пошли по этому направленію, чтобы не помѣшать ему. Вскорѣ послѣ того и онъ, и олени исчезли къ западу. Только позднѣе я узналъ, что онъ не видалъ никакихъ оленей. Такъ какъ было ясно, что животныя, находившіяся къ югу отъ насъ, должны были въ случаѣ испуга вернуться черезъ эту долину, и островъ здѣсь былъ такъ узокъ, что мы могли хорошо слѣдить за всѣмъ, то мы и порѣшили остаться на этомъ мѣстѣ и ждать. Мы усѣлись на большихъ камняхъ въ защищенномъ отъ вѣтра мѣстѣ. Какъ разъ передъ Свердрупомъ на берегу пріютилось большое стадо гусей въ устьѣ ручейка, внизу на берегу. Они непрерывно гоготали и соблазнъ выстрѣлить въ нихъ былъ великъ, но изъ за оленей мы рѣшили ихъ оставить въ покоѣ. Они копошились, громко крякая, въ глинистомъ днѣ ручейка, но вскорѣ улетѣли оттуда.

Ждать было тяжело. Сначала наше вниманіе было напряжено,—вѣдь звѣри скоро должны были явиться,—и взоры наши были упорно устремлены на спускъ по ту сторону долины. Но ничего не появлялось, и скоро наши глаза стали слипаться. Головы едва держались; за послѣдніе дни намъ мало пришлось спать. Но, встрепенувшись, мы снова высматривали оленей, которые могли каждую минуту появиться, и взоры наши опять бродили по долинѣ, пока глаза снова не смыкались, и головы опускались. Холодный вѣтеръ, проникая сквозь мокрое платье, заставлялъ меня дрожать отъ холода. Такъ прошло около двухъ часовъ. Но въ концѣ концовъ мнѣ это наскучило, и я выползъ изъ своего убѣжища и отправился къ Свердрупу, которому такой способъ охоты также не очень-то нравился.

Мы взобрались на противоположный спускъ въ долину и едва только добрались до вершины, какъ увидали на возвышенности какъ разъ передъ нами, рога шести великолѣпныхъ оленей. Они были не спокойны, нюхали воздухъ съ западной стороны, бѣгали взадъ и впередъ и снова нюхали воздухъ. Насъ они не могли примѣтить, такъ какъ вѣтеръ былъ съ другой стороны. Мы долго стояли и наблюдали ихъ маневры. Мы ждали, по какому направленію они побѣгутъ, но, повидимому, имъ было трудно сдѣлать выборъ. Наконецъ они бросились бѣжать къ востоку, и мы изъ всѣхъ силъ побѣжали въ юго-восточномъ направленіи, чтобы пересѣчь имъ дорогу раньше, чѣмъ они насъ почуятъ. Свердрупъ отбѣжалъ уже довольно далеко впередъ, и я видѣлъ, какъ онъ промчался черезъ равнину. Онъ долженъ скоро быть на мѣстѣ, чтобы застигнуть оленей. Я же остался стоять и приготовился отрѣзать имъ путь съ другой стороны, въ случаѣ если они вернуться и захотятъ броситься на

сѣверъ. Это были шесть великолѣпныхъ животныхъ. Они прямо побѣжали на Свердрупа, который лежалъ, свернувшись въ клубокъ, на холмѣ. Можно было каждую минуту ждать, что вотъ падетъ первый олень. Раздался выстрѣлъ; все стадо повернуло кругомъ и галопомъ прибѣжало назадъ. Теперь была моя очередь бѣжать что есть мочи. Началась бѣшеная погоня по мелкимъ камнямъ къ долинѣ, откуда мы пришли. Я останавливался только, чтобъ передохнуть и убѣдиться, что олени бѣгутъ въ предположенномъ направленіи, и затѣмъ погоня начиналась снова.

Мы постепенно приближались другъ къ другу. Олени добѣжали какъ разъ до того мѣста, какъ я расчитывалъ, и теперь все дѣло было въ томъ, чтобы поспѣть во время. Я напрягалъ свои длинныя ноги до послѣдней степени и перепрыгивалъ съ камня на камень. Въ другое время я самъ былъ бы пораженъ этимъ. Случалось, что нога ступала невѣрно и, поскользнувшись, я летѣлъ на камни, вмѣстѣ съ ружьемъ. Но хищникъ проснулся, и каждый мускулъ дрожалъ у меня подъ вліяніемъ охотничьяго пыла. Мы достигли обрыва почти одновременно. Еще нѣсколько прыжковъ съ камня на камень, и, наконецъ, наступилъ моментъ, когда надо было стрѣлять, хотя разстояніе было велико. Когда разсѣялся дымъ, я увидѣлъ предводителя стада съ раздробленною заднею ногой. Такъ какъ предводитель остался на мѣстѣ, то все стадо вернулось и окружило бѣдное животное. Олени никакъ не могли понять, что случилось, бѣгали изъ стороны въ сторону, въ то время, какъ пули свистали вокругъ нихъ. Они то взбирались на верхъ, то опять возвращались въ долину, и въ это время еще одно животное свалилось. Я погнался-было за нимъ черезъ долину на другую сторону въ надеждѣ уложить еще одно животное, но отказался отъ этого намѣренія, чтобы сохранить тѣхъ, которыя уже были подстрѣлены. Внизу, въ долинѣ, находилась одна жертва, ожидающая своей участи. Олень смотрѣлъ на меня умоляющимъ взоромъ. Я подошелъ, чтобы выстрѣлить, но животное вдругъ вскочило и побѣжало съ такой быстротой, какой я никакъ не ожидалъ отъ оленя, имѣющаго только три ноги. Бѣдное животное попробовало-было искать спасенія на берегу; всѣ другіе пути были для него закрыты. Въ то время, какъ олень, хромая, пробирался черезъ маленькую лагуну, и у меня даже возникло опасеніе, что онъ можетъ броситься въ море, я наконецъ пустилъ въ него смертельный выстрѣлъ.

Другой олень также былъ недалеко, и скоро пуля положила конецъ его страданіямъ. Когда я направлялся къ нему, чтобы съ нимъ покончить, то ко мнѣ присоединились Гендриксенъ и Іогансенъ, которымъ только что удалось подстрѣлить медвѣдя.

Выпотрошивъ оленей, мы отправились назадъ къ лодкѣ и по дорогѣ встрѣтили Свердрупа. Между тѣмъ уже разсвѣло, и такъ какъ я находилъ, что мы тутъ слишкомъ много потратили времени, то меня разбирало нетерпѣніе скорѣе продолжать путь на сѣверъ.

Свердрупъ вмѣстѣ съ нѣкоторыми изъ насъ отправился на судно, чтобы приготовить его къ отходу; мы же поплыли къ югу, чтобы привезти убитыхъ оленей и медвѣдя. Поднялся сильный вѣтеръ съ сѣверовостока, и такъ какъ трудно было плыть на веслахъ противъ вѣтра, то я просилъ Свердрупа, если допуститъ глубина, придти къ намъ навстрѣчу на Fram'ѣ. Тюленей и морскихъ бѣлугъ попадалось намъ много на берегу, но у насъ не было времени для охоты за ними.

Когда мы добрались уже приблизительно до того мѣста, гдѣ долженъ былъ лежать медвѣдь, то замѣтили на берегу какую-то большую бѣлую кучу, напоминавшую бѣлаго медвѣдя. Я подумалъ конечно, что это убитый медвѣдь, но Гендриксенъ увѣрялъ, что нѣтъ. Мы причалили. Медвѣдь лежалъ неподвижно на травѣ, и у меня даже возникло сомнѣніе, не было ли это животное раньше убито. Мы подошли на близкое разстояніе, но медвѣдь все не шевелился. Я украдкою взглянулъ на честное лицо Гендриксена, чтобы убѣдиться, что онъ не подшутилъ надо мною, но его взоры были все время устремлены на медвѣдя. Послышались одновременно два выстрѣла, и мнимоумершій медвѣдь, къ величайшему нашему изумленію, испуганно подскочилъ. Бѣдняга! Каково быть разбуженнымъ такъ грубо! Еще одинъ выстрѣлъ—и онъ уже лежалъ недвижимъ на спинѣ. Мы попробовали сначала стащить обоихъ медвѣдей, но они были слишкомъ тяжелы, и намъ и такъ было не мало труда содрать съ нихъ шкуру, раздѣлить ихъ на части и отдѣльные куски отнести въ лодку. Но какъ ни было непріятно бѣжать рысью по скользкой глинистой почвѣ, имѣя тяжеловѣсные медвѣжьи окорока за плечами, на берегу насъ ожидало еще нѣчто худшее.

Вода прибыла, но вмѣстѣ съ этимъ усилился и бурунъ. Лодка лежала на боку и была наполнена водой. Каждая волна перекатывалась черезъ нее. Всѣ наши пожитки, ружья, аммуниція лежали въ водѣ. Куски хлѣба, единственный провіантъ, взятый нами, плавали кругомъ, и пустая масленка валялась на днѣ. Вывести лодку изъ буруновъ и освободить ее отъ воды стоило большихъ усилій. По счастью, берегъ состоялъ изъ мягкаго песка, такъ что лодка не понесла никакого ущерба, но за то песокъ проникъ повсюду, даже въ мельчайшія отверстія ружейныхъ замковъ. Но самое прискорбное для насъ во всемъ этомъ было состояніе нашей провизіи, такъ какъ мы были голодны, какъ волки. Намъ пришлось поневолѣ, несмотря на все наше отвращеніе, ѣсть куски хлѣба въ такомъ видѣ, въ какомъ они находились, — пропитанные морскою водой и смѣшанные съ различными нечистыми примѣсями. Въ это время я потерялъ и свою книжку съ эскизами, гдѣ у меня много было геологическихъ рисунковъ, имѣвшихъ для меня большую цѣну.

Было довольно-таки трудно доставить нашу дичь на лодку при такомъ бурунѣ. Мы должны были держать нашу лодку вдали отъ берега и съ помощью веревки втащить на бортъ шкуры и мясо. Ко-

нечно, вмѣстѣ съ этимъ въ лодку попало и изрядное количество воды. Покончивъ съ этимъ дѣломъ, мы должны были грести изъ всѣхъ силъ вдоль берега, противъ вѣтра и волнъ.

Вѣтеръ еще усилился, и мы почти не двигались съ мѣста. Тюлени ныряли вокругъ насъ, морскія бѣлуги появлялись и исчезали, но мы едва удостоивали ихъ взглядомъ. Вдругъ Генриксенъ крикнулъ, что передъ нами медвѣдь. Я оглянулся; дѣйствительно медвѣдь стоялъ, бѣлый и красивый, на оконечности берега и скребъ песокъ. Но стрѣлять въ него у насъ не было времени. Мы гребли дальше, а медвѣдь медленно направлялся по берегу къ сѣверу. Наконецъ, послѣ большихъ усилій, мы достигли бухты, гдѣ оставили оленей. Медвѣдь былъ впереди насъ; онъ не видалъ нашей лодки, но уже почуялъ насъ и поэтому приблизился. Соблазнъ былъ великъ, и мои пальцы нѣсколько разъ невольно прижимались къ курку, но я не стрѣлялъ. Въ сущности, медвѣдь намъ не былъ нуженъ, такъ какъ намъ было довольно дѣла и съ имѣющейся у насъ добычей. Медвѣдь влѣзъ на камень, чтобы лучше видѣть, и обнюхивалъ воздухъ. Онъ стоялъ передъ нами, точно мишень; затѣмъ, послѣ минуты созерцанія, онъ повернулъ назадъ и помчался умѣренною рысью внутрь страны.

Бурунъ еще усилился. Тутъ было такъ мелко, что волны разбивались на значительномъ разстояніи отъ песчанаго берега. Мы плыли до тѣхъ поръ, пока наша лодка не стукнулась о дно, и насъ окатили волны.

Достигнуть земли мы могли, только спрыгнувъ въ воду и отправившись въ бродъ. Еще труднѣе было, однако, доставить на лодку оленей. И какъ ни грустно намъ было, послѣ всѣхъ нашихъ усилій, отказаться отъ такого великолѣпнаго запаса мяса, я всетаки думалъ, что намъ ничего болѣе не остается, какъ вернуться на Fram.

Это была самая утомительная поѣздка на веслахъ, какую когда либо я совершалъ. Сначала дѣло шло недурно; теченіе было попутное и мы быстро удалялись отъ земли. Но вѣтеръ усилился, теченіе же стало слабѣе. Волна за волной перекатывались черезъ насъ. Наконецъ, послѣ невѣроятныхъ усилій, намъ осталось пройти лишь небольшое разстояніе. Я, насколько могъ, ободрялъ гребцовъ, говоря имъ, что послѣ нѣсколькихъ хорошихъ ударовъ веслами они получатъ горячій чай, и сулилъ имъ все хорошее впереди. Мы въ самомъ дѣлѣ всѣ были сильно утомлены, но старались подтянуться, не смотря на то, что промокли насквозь, такъ какъ волны поминутно окачивали насъ. Захватить съ собою непромокаемыя платья и шубы никому не пришло въ голову, въ виду хорошей погоды, бывшей наканунѣ.

Однако, не смотря на всѣ наши усилія и старанія, мы увидѣли, что не въ состояніи продвинуть лодку впередъ. Кромѣ вѣтра и волнъ, намъ приходилось имѣть дѣло съ сильнымъ противнымъ теченіемъ. Мы могли напрягать силы, сколько угодно; мы гребли такъ,

что чуть пальцы не лопались у насъ, но всетаки единственное, чего мы добились—это стоянія на одномъ и томъ же мѣстѣ, а иначе насъ тащило назадъ. Я попробовалъ-было пріободрить своихъ товарищей, увѣряя ихъ, что мы всетаки подвигаемся впередъ, и надо только напрягать силы. Но все было тщетно.

Вѣтеръ свистѣлъ надъ нашими головами, морская пѣна обрызгивала насъ. Ужасно было досадно находиться такъ близко отъ цѣли—намъ казалось даже, что судно рукой подать,—и видѣть, что такимъ путемъ двигаться впередъ невозможно. Мы должны были попробовать снова приблизиться къ берегу тамъ, гдѣ теченіе было намъ благопріятно; тамъ мы могли хоть подвигаться немного впередъ. Мы напрягали свои усилія до тѣхъ поръ, пока не очутились приблизительно на высотѣ Fram; тогда мы снова попробовали достигнуть судна. Но едва мы попали въ противное теченіе, какъ опять очутились въ прежнихъ условіяхъ. Маневръ былъ повторенъ, но съ такимъ же успѣхомъ. Съ судна спустили буекъ. Еслибъ мы могли доплыть до него, то были бы спасены. Но нѣтъ, это не удалось! Нельзя сказать, чтобъ мы посылали благословенія на головы оставшихся на суднѣ. Почему это, чортъ ихъ возьми! они не могутъ намъ помочь, вѣдь они же видятъ, какъ мы выбиваемся изъ силъ? Или почему они не поднимутъ якоря, чтобы хоть немного приблизиться къ намъ? Вѣдь они же видятъ, что разстояніе не велико! Или, быть можетъ, тутъ мели?

Еще одна послѣдняя отчаянная попытка! Мы напрягли всѣ свои силы; каждый мускулъ у насъ былъ доведенъ до послѣдней степени напряженія. Теперь мы старались только добраться до буйка, но къ своему огорченію увидѣли, что его тащутъ назадъ. Мы гребли еще нѣкоторое разстояніе, чтобы стать паралельно судну и затѣмъ снова повернуть къ нему.

Буйка всетаки не выбрасывали, и ни одного человѣка не было видно на палубѣ. Мы кричали, какъ бѣшеные, чтобы намъ выбросили буекъ. Мы не въ состояніи были дольше держаться. Направиться снова къ землѣ было мало утѣшительно. Мы промокли и стремились попасть на Fram. Мы рычали, точно дикари, рычали, кричали, и, наконецъ, насъ услышали и выбросили буекъ. Мы гребли, напрягая послѣднія силы.

Оставалось пройти немного, и гребцы налегали на весла. Разстояніе уменьшалось. «Еще, еще немного, ребята,—и мы у цѣли!... Еще!... Сильнѣе налегайте!... Сейчасъ подойдемъ!... Еще одно усиліе!...» И вотъ мы у буйка! Радостное чувство облегченія охватило всѣхъ. «Гребите, а не то порвется канатъ, гребите, ребята!...» Гребцы опять налегли на весла, и скоро мы были у своего судна.

Только выгружая на судно мясо и мѣха, мы поняли, какой мы совершили подвигъ. Теченіе устремлялось вдоль судна, точно быстрый потокъ, и, очевидно, мелководье воспрепятствовало Fram идти намъ навстрѣчу, какъ это было предположено. Наступилъ вечеръ.

Какъ пріятно было поѣсть горячаго и расправить усталые члены въ теплой сухой койкѣ!

Однако, и вознагражденіе за всѣ наши труды! Послѣ двухдневныхъ мученій и усилій намъ удалось, наконецъ, убить двухъ оленей, которыхъ мы не могли достать, и двухъ медвѣдей, которые намъ вовсе не были нужны, да еще не слѣдуетъ забывать, что мы навсегда испортили свое платье. Двукратное мытье ничего не помогло, и во все время нашего путешествія платье висѣло и сохло на палубѣ.

Спали мы эту ночь также не важно, и въ моемъ дневникѣ записано:

«Послѣ тяжелой работы веслами, какую когда либо мнѣ приходилось совершать, я сначала хорошо заснулъ на мгновеніе, но затѣмъ, проснувшись, ворочался изъ стороны въ сторону на своей койкѣ, не будучи въ состояніи заснуть. Кофе, что-ли, выпитый мною послѣ обѣда, былъ тому причиной, или холодный чай, который я выпилъ, когда проснулся, такъ какъ меня мучила сильная жажда? Я закрывалъ глаза, пробовалъ заснуть, но тщетно! Въ воображеніи моемъ рисовались туманныя картины, вызванныя воспоминаніями, и когда туманъ этотъ прояснялся отъ времени до времени, то передо мною проносились солнечные ландшафты, веселые луга и поля, зеленыя, густыя деревья и лѣса и голубыя горы! Тихая музыка котла казалась мнѣ колокольнымъ звономъ, въ ясное лѣтнее утро возвѣщающимъ о воресномъ отдыхѣ. Мнѣ представлялось, что я иду вмѣстѣ съ отцомъ по равнинамъ Вестре Акеръ*), по тропинкѣ между маленькими березками, посаженными моею матерью. Эта тропинка ведетъ къ церкви,стоящей тамъ на верху и выдѣляющейся въ голубомъ воздухѣ, въ которомъ разносится звонъ ея колоколовъ. Оттуда можно видѣть далеко; Несодденъ кажется такъ близко въ прозрачномъ воздухѣ, особенно въ осенніе дни. И мы отвѣшиваемъ безмолвный поклонъ людямъ, проѣзжающимъ мимо насъ по этой же додорогѣ. Всѣ имѣютъ веселый праздничный видъ. Тогда мнѣ не казалось все это такъ красиво, и я бы съ большимъ удовольствіемъ убѣжалъ въ лѣсъ, вооружившись лукомъ и стрѣлами на охоту за бѣлками. Но теперь, освѣщенная солнцемъ, эта роскошная картина представляется мнѣ особенно милой. И то же самое впечатлѣніе мира и счастья, которое и тогда, конечно, было у меня, но не проникало глубоко въ мою дѣтскую душу, охватывало меня теперь съ удвоенной силой, и я чувствовалъ, что вся природа сливается въ одномъ могущественномъ, захватывающемъ гимнѣ.

«Не потому ли эти картины возникаютъ въ моемъ воображеніи, что онѣ составляютъ такой контрастъ съ этою лишенною солнца, безплодною, туманною страной, гдѣ нѣтъ ни одного деревца, ни од-

*) Нансенъ родился въ отцовскомъ имѣніи Сторе-Фроёнъ, въ Вестре Акеръ, недалеко отъ Христіаніи.

ного кустика, только камень и глина,—съ этимъ, незнающимъ покоя, существованіемъ, переполненнымъ трудностями и однимъ стремленіемъ:на сѣверъ, все на сѣверъ, не теряя времени! Ахъ, какъ хорошо было бы, еслибъ можно было располагать временемъ.

«Можно питаться воспоминаніями. Я теперь никогда не вижу во снѣ ледяное море, а всегда свою родину, иногда свое дѣтство, иногда вижу *ее,—ея* образъ, появляющійся въ сновидѣніяхъ, придаетъ имъ глубину... Нѣтъ, надо спать, спать! Я нуждался въ снѣ, мои глаза закрывались, но мысль продолжала работать, и сонъ бѣжалъ отъ меня. Сквозь туманъ я видѣлъ скалистую береговую косу и пристань, у которой стояла маленькая лодочка; низкій берегъ и сосны, и подъ деревьями *она*, въ свѣтломъ платьѣ. Большая соломеная шляпа защищаетъ ее отъ солнца; она заложила руки за спину и смотритъ вдаль на голубое искрящееся море и грустно улыбается. Потомъ, повернувъ назадъ, она идетъ вверхъ къ дому. Большая черная собака подымаетъ голову и, посмотрѣвъ на нее, слѣдуетъ за нею. Она ласково кладетъ свою руку на ея голову и, присѣвъ, разговариваетъ съ ней. Вотъ кто то выходитъ изъ дому съ прелестнымъ ребенкомъ на рукахъ. Она беретъ ребенка и подбрасываетъ на воздухѣ, ребенокъ радостно взвизгиваетъ... Тамъ жизнь, тамъ корень жизни—родина и семья!»

На слѣдующій день мы готовы были продолжать путь. Я попробовалъ двинуть «Fram» подъ парами впередъ противъ теченія и вѣтра, но теченіе устремлялось съ быстротою потока и мы должны были внимательно слѣдить за рулемъ. Малѣйшаго недосмотра будетъ достаточно, чтобы Fram началъ поворачивать въ сторону; мы знали, что тутъ вездѣ мели и скалы. Лотъ спускали безпрестанно. Нѣкоторое время дѣло шло сносно и мы медленно подвигалить впередъ, но затѣмъ вдругъ судно повернуло въ сторону и перестало слушаться руля.

Лотъ показалъ мель. Тотчасъ раздалась команда: «Якорь долой!» и онъ полетѣлъ въ воду съ стремительною быстротою и шумомъ. Подъ кормою глубина была семь метровъ, а у носовой части—17. Какъ разъ во время спустили мы якорь.

Намъ удалось повернуть Fram снова противъ вѣтра, и мы опять попробовали двинуться впередъ, но съ такимъ же результатомъ. Пришлось прекратить попытки.

Была еще возможность—пройти черезъ зундъ, но тамъ было очень мелко, и вездѣ можно было ожидать скалъ.

Мы могли бы отправиться впередъ на лодкѣ и измѣрять глубину. Но съ меня уже было довольно плаванія на веслахъ при такомъ теченіи. Слѣдовательно, надо было пока оставаться на мѣстѣ и запастись терпѣніемъ; терпѣніе—это такой грузъ, который долженъ находиться въ большомъ количествѣ во всякой полярной экспедиціи. Мы надѣялись всетаки на перемѣну, но теченіе все оставалось прежнимъ, и вѣтеръ не измѣнялся къ лучшему. Было отъ

чего придти въ отчаяніе! Вѣдь мы изъ за этого несчастнаго теченія должны были оставаться на одномъ мѣстѣ, тогда какъ передъ нами было открытое море, которое, быть можетъ, доходило до мыса Челюскина, до того самаго мыса, который не выходитъ у меня изъ головы, вотъ уже три недѣли!

Когда на слѣдующее утро (23 августа) я вышелъ на верхъ, то кругомъ была зима. Бѣлый снѣгъ покрывалъ палубу и скоплялся на каждомъ малѣйшемъ выступѣ такелажа, защищенномъ отъ вѣтра. Земля вдали была также покрыта снѣгомъ и снѣжные хлопья носились въ воздухѣ. О снѣгъ! ты освѣжаешь душу и изгоняешь все мрачное и печальное изъ этой страны тягучаго тумана! Какимъ легкимъ, тонкимъ покровомъ, точно брошенный любящею рукой, ложится снѣгъ на камни, на землю и на траву! Но вѣтеръ и теченіе почти не измѣнились. Въ теченіи дня вѣтеръ еще усилился до степени шторма и съ яростью ударялъ въ такелажъ судна.

На слѣдующее утро (24 августа) я твердо рѣшилъ какимъ нибудь образомъ да пробраться впередъ. Когда я утромъ вышелъ на палубу, вѣтеръ нѣсколько поутихъ, и теченіе было не такъ сильно. Можно было попробовать идти на веслахъ, во всякомъ случаѣ можно было привязать лодку буксиромъ и, не переставая, бросать лотъ, между тѣмъ какъ Fram, только что поднявшій якорь, могъ тащиться впередъ. Но прежде, чѣмъ сдѣлать эту послѣднюю попытку, я хотѣлъ всетаки попробовать идти противъ вѣтра и теченія. Въ машину отданъ былъ приказъ приготовить какъ можно больше паровъ, чтобы Fram пустился въ путь съ наивозможною быстротой. Наше удивленіе было не мало, когда мы увидали, что дѣло идетъ, и даже хорошо. Скоро мы вышли изъ зунда или «клещей» какъ мы назвали это мѣсто, и подъ всѣми парами двинулись впередъ. Какъ обыкновенно, дулъ противный вѣтеръ, и погода была сомнительная. Въ этихъ областяхъ солнечные дни всегда раздѣляются большими промежутками времени.

Въ теченіе слѣдующаго дня мы все время шли на сѣверъ, крейсируя между краемъ льдовъ и землей. Открытый фарватеръ сначала былъ широкъ, но дальше къ сѣверу онъ становился уже, такъ что мы временами могли видѣть берегъ, когда шли у края льдовъ.

Въ это время мы прошли мимо многихъ неизвѣстныхъ острововъ и группъ. Тутъ было бы чѣмъ заняться тому, кто могъ располагать временемъ для составленія карты этихъ береговъ. У насъ цѣль была другая, и мы ограничились лишь тѣмъ, что сдѣлали нѣсколько случайныхъ измѣреній, вродѣ тѣхъ, которые до насъ были сдѣланы Норденшильдомъ.

25-го Августа я отмѣтилъ въ моемъ дневникѣ, что показались семь острововъ (названныхъ впослѣдствіи островами Скоттъ-Гансена). Они были выше видѣнныхъ нами раньше и состояли изъ крутыхъ обрывистыхъ скалъ. Тамъ были также маленкіе глетчеры

или «фирны», и форма скалъ показывала явные слѣды дѣйствія льда и снѣга; особенно это было замѣтно на самомъ большомъ изъ островов, на которомъ находились даже маленькія долины, частью наполненныя снѣгомъ.

26-го Августа записано слѣдующее: «Тутъ такъ много неизвѣстныхъ островов, что голова идетъ кругомъ при одной попыткѣ оріентироваться между ними. Утромъ мы прошли мимо скалистаго острова, и между скалъ я увидѣлъ еще два другихъ, которые я и назвалъ именемъ знаменитаго англійскаго адмирала и президента Королевскаго Географическаго Общества, Клементса Мэркгема. Затѣмъ далѣе къ сѣверу—земля или острова, названные островами Рингнеса, въ честь члена комитета экспедиціи, и еще много другихъ, виднѣвшихся къ сѣверо-востоку. Мы должны были около 5-ти часовъ пополудни обойти вокругъ двухъ большихъ островов, такъ какъ между ними мы не рѣшались пройти, потому что опасались мели. Острова были закруглены, какъ и прежніе, но довольно высоки. Я назвалъ ихъ по имени заслуженнаго норвежскаго метеоролога профессора д-ра Мона. «Мы шли опять въ восточномъ направленіи и передъ нами были четыре большихъ и два маленькихъ острова. Вблизи мы замѣтили рядъ плоскихъ островов съ крутыми берегами; острова генерала Тилло, названные въ честь русскаго географа. Фарватеръ былъ нѣсколько сомнительный. Вечеромъ мы случайно открыли, что у самаго бакборта судна выступали изъ воды большіе камни между нѣсколькими льдинами, а у штирборта (правый бортъ судна) была мель, покрытая льдинами. Мы бросили лотъ, но глубина оказалась болѣе 40 метровъ».

Я полагаю, что этого достаточно, чтобы дать понятіе какого рода этотъ берегъ. Тутъ есть скалистые острова, которые, правда, нельзя сравнить съ норвежскими шхерами, но которые могутъ лишь подтвердить мысль о томъ, что и въ этой области земного шара существовалъ нѣкогда ледниковый періодъ.

Берегъ мы, къ сожалѣнію, не могли видѣть такъ близко, чтобы составить себѣ правильное понятіе о его формѣ и природѣ. Хмурая погода и множество островов мѣшали намъ приблизиться къ землѣ и хорошенько разсмотрѣть ее. Но и то малое, что я видѣлъ, дало мнѣ увѣренность, что форма береговой линіи въ значительной степени отличается отъ той, которая обозначена на нашихъ картахъ; она гораздо болѣе извилиста, чѣмъ это показано на картѣ. Много разъ мнѣ казалось, что я могу отличить даже устья глубокихъ фіордовъ и что передъ нами типичная страна фіордовъ, хотя скалы не столь высоки и имѣютъ округленную форму. Это предположеніе еще болѣе подтвердилось, когда мы подвинулись дальше къ сѣверу.

Въ записи 27 августа говорится: «Мы прошли подъ парами мимо многихъ маленькихъ островов и островковъ. Утромъ густой туманъ. Въ 12 часовъ какъ разъ передъ нами очутился маленькій островъ, и потому мы взяли курсъ на сѣверъ. Мы скоро дошли до

льда и въ 3 часа пополудни пошли вдоль края льдовъ въ северо-восточномъ направленіи. Когда туманъ нѣсколько разсѣялся, мы увидали землю и къ 7 часамъ вечера находились отъ нея на разстояніи одной морской мили. Это была опять такая же смытая, закругленная земля, покрытая глиной и большими и маленькими камнями, разсѣянными по всей равнинѣ, поросшей мохомъ и травой. Мы видѣли передъ собою удлиненные выступы берега; далѣе лежали острова, между ними проливы и фіорды, но все было покрыто льдомъ, а туманъ не дозволялъ видѣть больше. Всюду господствовала необыкновенная тишина, приличествующая ледяному морю и этому чисто-арктическому облачному освѣщенію, сѣровато-бѣлому, вслѣдствіе отраженія льда высоко въ воздухѣ, въ облачныхъ массахъ, представляющаго такой удивительный контрастъ съ темною землей. Мы не были увѣрены какая это земля, находимся ли мы у Таймырскаго пролива или у мыса Паландеръ, но все же мы рѣшили держать курсъ на сѣверъ, чтобы избѣжать острова Альмквистъ, обозначеннаго Норденшильдомъ къ сѣверу отъ острова Таймыра. Придерживаясь въ теченіи цѣлой вахты (4-хъ часовъ) курса въ сѣверномъ или сѣверовосточномъ направленіи, мы могли спокойно принять опять восточное направленіе. Однако, мы всетаки ошиблись въ разсчетѣ. Въ полночь мы повернули къ сѣверо-востоку, но около 4-хъ часовъ утра (28 августа) передъ нами вдругъ выступила изъ тумана земля, удаленная отъ насъ всего лишь на полъ морской мили. Свердрупъ, находившійся на палубѣ, полагалъ, что это самая высокая земля, какую только мы видѣли на своемъ пути, съ тѣхъ поръ, какъ оставили Норвегію. Такъ какъ онъ принималъ эту землю за материкъ, то и хотѣлъ ее обойти, но изъ-за льда долженъ былъ свернуть. Мы пошли на западо-юго-западъ и только къ девяти часамъ обогнули западную оконечность предполагаемаго материка, который оказался большимъ островомъ. Мы могли теперь продолжать свое плаваніе къ сѣверу. Вездѣ въ восточномъ направленіи мы встрѣчали много островов или полуострововъ, на очень близкомъ разстояніи отъ насъ, между которыми находился твердый ледъ.

Мы слѣдовали вдоль края льдовъ и все утро потратили на то, чтобы плыть противъ сильнаго теченія на сѣверъ. Невѣрность всѣхъ извѣстныхъ картъ выступала все рѣзче и приводила меня въ немалое замѣшательство. Мы находились уже давно далеко сѣвернѣе самаго сѣвернаго изъ острововъ Норденшильда *).

Въ моей записи въ этотъ день также обнаруживаются большія сомнѣнія: «Всѣ эти острова или материкъ простираются далеко къ сѣверу. Если это все острова, то они довольно велики. По временамъ мнѣ кажется, что это материкъ, изрѣзанный фіордами и мы-

*) Въ описаніи своего путешествія Норденшильдъ, однако, заявляетъ, что густой туманъ все время мѣшалъ ему опредѣлить болѣе точно положеніе острововъ, между которыми проходила Vega.

сами, но погода очень пасмурная, такъ что невозможно хорошо разсмотрѣть... Островъ ли это Таймыръ, вдоль котораго мы теперь проѣзжаемъ, стоящій на русскихъ картахъ, и отдѣляющійся, можетъ быть, отъ материка широкимъ проливомъ, показаннымъ Лаптевымъ, тогда какъ подъ Норденшильдовымъ островомъ Таймыромъ слѣдуетъ разумѣть мысъ, также описанный Лаптевымъ? Если это такъ, то дѣло ясно. Норденшильдъ принялъ, по всей вѣроятности, найденный имъ проливъ за проливъ Таймыра, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ это былъ новый проливъ; онъ видѣлъ острова Альмквиста, но не могъ подозрѣвать, что островъ Таймыръ лежитъ внѣ ихъ. Такъ надо думать. Главная же загвоздка заключается въ томъ, что на русскихъ картахъ не показано ни одного острова въ окружности острова Таймыра. Трудно допустить, чтобы кто нибудь могъ предпринять здѣсь путешествіе на саняхъ, не замѣтивъ всѣхъ этихъ маленькихъ острововъ, разбросанныхъ кругомъ *).

«Послѣ полудня мы вынуждены были остановиться для исправленія засорившейся водомѣрной трубки котла и воспользовались этимъ, чтобы пополнить свои запасы прѣсной воды. Мы нашли лужицу на льду, но она была такъ ничтожна, что, казалось, не стоило и приступать къ ней. Но, должно быть, у нея было подземное сообщеніе съ другими резервуарами прѣсной воды на льдинѣ, потому что, къ нашему удивленію, сколько мы ни брали изъ нея воды, запасъ всетаки не истощался.

«Вечеромъ мы поплыли къ оконечности ледяной бухты, которая доходила до самаго сѣвернаго изъ виднѣвшихся острововъ. Другого проѣзда не было. Изломанный плавучій ледъ лежалъ густо на непрерывномъ льду, съ которымъ такъ смерзся, что обѣ массы незамѣтно переходили одна въ другую. Мы могли еще дальше къ сѣверовостоку видѣть острова. Судя по виду небесъ, можно было думать, что въ томъ направленіи находится открытый фарватеръ. За то къ сѣверу ледъ казался очень густымъ, къ западу же находилось свободное отъ льда мѣсто, насколько это можно было видѣть изъ сторожевой бочки.

«Я не зналъ какъ тутъ поступить. Открытый проходъ направлялся нѣсколько далѣе къ сѣверной оконечности ближайшаго острова,

*) Позднѣе, познакомившись съ мѣстностью около Норденшильдовскаго острова Таймыра, я пришелъ къ заключенію, что еще съ большимъ правомъ можно сдѣлать такое предположеніе по отношенію къ этому острову. Никакая санная экспедиція не могла бы пройти вдоль берега, не замѣтивъ острововъ Альмквиста, которые лежатъ такъ близко къ мысу Лаптева, что даже въ туманную погоду они бываютъ замѣтны; не занести на карту эти острова было бы еще непростительнѣе, такъ какъ они гораздо больше тѣхъ маленькихъ острововъ, которые лежатъ за береговою линіей большого острова, или какъ я скорѣе предполагаю теперь,—группы большихъ острововъ, которые мы проѣзжали. Въ знакъ нашей благодарности человѣку, показавшему путь вдоль сибирскаго берега, мы назвали эту группу острововъ «островами Норденшильда».

но далѣе къ востоку, повидимому, былъ сплоштой ледъ. Быть можетъ мы и могли бы пробиться черезъ этотъ ледъ, но также легко могли и засѣсть въ немъ; поэтому я счелъ благоразумнѣе вернуться назадъ и сдѣлать попытку пройти между этими островами и материкомъ, замѣченнымъ сегодня утромъ Свердрупомъ, хотя въ существованіе этого материка мнѣ какъ то не вѣрилось».

«Вторникъ 29-го августа. Все еще пасмурная погода. На обратномъ пути мы открыли еще новые острова. Свердруповскій материкъ оказался несуществующимъ, теперь было ясно, что это островъ и притомъ довольно плоскій. Удивительно, какъ въ туманѣ все представляется неясно. Мнѣ припоминается случай съ лоцманомъ въ Дребакъ-зундѣ: впереди показалась земля, тотчасъ же былъ данъ задній ходъ и затѣмъ уже судно стало осторожно приближаться, и что же? Оказалось, что на поверхности воды плаваетъ черпакъ!

«Пройдя нѣкоторое количество новыхъ острововъ и островковъ, мы достигли наконецъ острова Таймыра; фарватеръ былъ свободенъ и при тихой погодѣ мы прошли черезъ зундъ въ сѣверо-восточномъ направленіи. Въ шесть часовъ вечера я увидѣлъ изъ сторожевой бочки плотный ледъ, который мѣшалъ дальнѣйшему движенію впередъ. Ледъ простирался далѣе до другихъ острововъ. На льду во всѣхъ направленіяхъ можно было видѣть тюленей (Phoca barbata) и одного моржа. Мы направили судно къ краю льдовъ, чтобы тамъ пристать, но Fram почти не двигался съ мѣста, не смотря на то, что машина работала подъ всѣми парами. Судно подвигалось такъ медленно, что я рѣшилъ отправиться впередъ въ лодкѣ, на веслахъ, чтобы поохотиться на тюленей. Тѣмъ временемъ Fram тихо, несмотря на полный ходъ машины, приближался къ краю льдовъ.

«О дальнѣйшемъ движеніи пока́ думать было нечего. Правда, насъ отдѣляли отъ, вѣроятно открытаго, Таймырова моря всего какихъ нибудь двѣ мили льда, но пройти этотъ ледъ было невозможно: для этого онъ былъ слишкомъ плотенъ и нигдѣ не видно было проходовъ».

Тамъ, гдѣ Норденшильдъ, въ своемъ знаменитомъ путешествіи *) прошелъ 18 августа 1878 г., не встрѣчая никакихъ препятствій, тамъ мы пожалуй должны были видѣть гибель своихъ надеждъ, по крайней мѣрѣ, на этотъ годъ. Ожидать, чтобы ледъ въ скорости подтаялъ, было немыслимо. Единственное, что могло бы насъ спасти, это хорошій юго-западный вѣтеръ. Оставалась еще малень-

*) Норденшильдъ говоритъ въ своей книгѣ: «льдовъ мы встрѣчали немного и то большею частью источенный ледъ заливовъ и рѣкъ. Едва ли, въ теченіи цѣлаго дня намъ удавалось встрѣтить одну такую льдину, которая была достаточно велика, чтобы на ней можно было выпотрошить тюленя. Настоящаго стараго плавучаго льда, какой встрѣчается у сѣвернаго берега Шпицбергена, мы еще не видали. Что касается строенія льда, то между Карскимъ моремъ и моремъ къ сѣверу и востоку отъ Шпицбергина существуетъ полное несходство».

кая надежда на то, что Норденшильдовскій Таймыръ-зундъ свободенъ отъ льда далѣе къ югу и что мы можемъ тутъ пройти, хотя Норденшильдъ замѣчаетъ въ своей книгѣ: «зундъ былъ слишкомъ мелокъ, чтобы можно было пройти съ большимъ судномъ».

Сдѣлавъ экскурсіи въ каякѣ и лодкѣ и застрѣливъ нѣсколько тюленей, мы попробовали двинуться дальше, чтобы стать на якорь въ бухтѣ, находившейся нѣсколько далѣе къ югу, гдѣ мы могли найти нѣкоторую защиту въ случаѣ, если бы поднялась буря. Тамъ мы хотѣли предпринять основательную чистку котловъ, что было очень нужно. Но намъ пришлось потратить четыре часа на то, чтобы пройти тѣ не многія морскія мили, которыя мы могли бы пройти на веслахъ въ полчаса или даже менѣе. Но изъ за «мертвой воды» мы почти совсѣмъ не двигались съ мѣста, мы тащили за собою весь верхній слой моря.

Что за удивительное явленіе эта «мертвая вода»! Тутъ мы имѣли возможность изучить это явленіе даже болѣе, чѣмъ намъ это было желательно. Повидимому, это явленіе существуетъ тамъ, гдѣ надъ соленою морскою водой скопляется слой прѣсной воды: эта прѣсная вода увлекается судномъ и скользитъ по болѣе плотному слою соленой воды, точно по какой нибудь твердой подставкѣ. Разница между двумя слоями воды была здѣсь такъ велика, что мы могли брать воду для питья изъ верхняго слоя, между тѣмъ какъ черезъ кранъ на днѣ суднѣ, доставлявшій воду для паровой машины, получалась вода, слишкомъ соленая, чтобы ею можно было воспользоваться въ котлѣ.

«Мертвая вода» даетъ о себѣ знать рябью или гребешками большей или меньшей величины, которые идутъ поперегъ кильватера (слѣдъ корабля на водѣ) и иногда доходятъ до середины судна. Мы давали судну косое направленіе, поворачивали кругомъ, дѣлали всевозможныя усилія, чтобы избавиться отъ «мертвой воды», но ничто не помогало. Какъ только машина останавливалась, судно тотчасъ же оттягивалось назадъ.

Какъ разъ когда мы наконецъ приблизились къ краю льда, на немъ показалась лисица, которая бѣгала взадъ и впередъ и дѣлала самые удивительные прыжки, радуясь своему существованію. Но Свердрупъ выстрѣлилъ въ нее съ судна и прекратилъ ея жизнь.

Въ полдень намъ сообщили, что на материкѣ видны два медвѣдя, но они исчезли, какъ только мы отправились туда. Тюленей было удивительно много въ этой мѣстности. Повидимому это былъ необыкновенно богатый край для охоты. Множество тюленей, которыхъ я увидѣлъ на льду въ первый же день, напомнило мнѣ западный берегъ Гренландіи. Это обстоятельство страннымъ образомъ идетъ совершенно въ разрѣзъ съ наблюденіями экспедиціи Веги. Норденшильдъ говоритъ въ своей книгѣ объ этихъ водахъ, сравнивая ихъ съ моремъ къ сѣверу и востоку отъ Шпицбергена: «Другая, бросающаяся въ глаза особенность заключается въ отсутствіи те-

плокровныхъ животныхъ въ этихъ областяхъ, гдѣ до сихъ поръ еще никто не охотился. Въ теченіе дня мы не видали ни одной птицы, обстоятельство, не встрѣчавшееся мнѣ еще ни разу во время лѣтней поѣздки въ арктическія области; тюленей также мы не видали».

Что тогда тюлени не показывались, — это объясняется недостаткомъ льда. Норденшильдъ самъ говоритъ, что на льду Таймыръ-зунда попадалось множество тюленей, какъ «Phoca barbata», такъ и «Phoca hispida».

Вотъ что принесъ намъ августъ! 18-го августа Норденшильдъ проѣхалъ черезъ этотъ зундъ и между 19 и 20 прошелъ у мыса Челюскина, между тѣмъ какъ мы наткнулись въ концѣ августа же мѣсяца на непроходимую твердую ледяную массу.

Надежды наши были далеко не блестящи. Неужели зловѣщія предсказанія, въ которыхъ на этомъ свѣтѣ никогда не бываетъ недостатка, должны были уже теперь осуществиться? Нѣтъ, надо было еще попробовать пройти черезъ Таймыръ-зундъ, и еслибъ это не удалось, то сдѣлать еще послѣднюю попытку обойти кругомъ острова. Быть можетъ въ этотъ промежутокъ времени ледяныя массы будутъ унесены теченіемъ и путь освободится. Оставаться тутъ мы не могли.

Наступилъ сентябрь и вмѣстѣ съ нимъ тихая сумрачная снѣжная погода. Пустынная безотрадная страна со своими плоскими округленными холмиками все болѣе и болѣе покрывалась снѣгомъ. Видѣть, какъ медленно и безшумно надвигается зима послѣ черезъ чуръ короткаго лѣта,—было вовсе не весело!

Ко 2-му сентября котелъ былъ наконецъ вычищенъ, запасъ прѣсной воды былъ взятъ съ поверхности моря и мы приготовились къ выступленію. Пока шли эти приготовленія, мы со Свердрупомъ сдѣлали экскурсію внутрь страны, чтобы поискать оленей.

Земля была теперь совершенно покрыта снѣгомъ и еслибы дорога не была такъ плоха, то мы воспользовались бы лыжами. Мы бродили усталые, не находя даже и слѣда какого-бы то ни было животнаго. Покинутый міръ! Перелетныя птицы почти всѣ уже улетѣли на югъ, мы видѣли небольшія стаи этихъ птицъ, тамъ, надъ моремъ. Онѣ собирались въ стаи для полета и возбуждали въ насъ, покинутыхъ дѣтяхъ земли, желаніе послать съ ними наши привѣтствія. Наше общество составляли теперь одинокія чайки да поморники. Только одного запоздалаго переселенца я встрѣтилъ однажды въ образѣ гуся, одиноко сидящаго на льдинѣ.

Вечеромъ мы поплыли въ южномъ направленіи, но мертвая вода неотступно слѣдовала за нами. По картѣ Норденшильда насъ отдѣляли отъ Таймыръ-зунда только двадцать миль, но мы употребили цѣлую ночь на то, чтобъ пройти это разстояніе. Скорость, съ которою мы шли, равнялось всего лишь $^1/_2$ нашей скорости при другихъ обстоятельствахъ.

Только къ шести часамъ утра (5-го сентября) мы наткнулись

на тонкій ледъ, который насъ освободилъ отъ мертвой воды. Переходъ былъ ощутителенъ. Въ ту минуту, какъ Fram прорѣзался черезъ ледяную кору, онъ сдѣлалъ скачокъ впередъ и пошелъ далѣе уже своимъ обыкновеннымъ ходомъ. Съ той поры мертвая воды уже мало давала себя чувствовать.

Тамъ, гдѣ на картѣ стоялъ Таймыръ-зундъ, мы нашли непроходимый ледъ. Мы повернули поэтому къ югу, чтобы посмотрѣть нѣтъ ли тамъ какого нибудь прохода. Вообще по картѣ было трудно оріентироваться. Островомъ Говгаарда, которые должны были находиться съ сѣверной стороны у входа въ Таймыръ-зундъ, мы не видали, несмотря на прекрасную ясную погоду; они не могли бы не привлечь наше вниманіе, если они дѣйствительно находятся тамъ, гдѣ ихъ помѣтилъ на своей картѣ Бове *). За то мы нашли много островомъ дальше. Эти острова однако лежали на нѣсколько миль въ сторону, такъ что члены экспедиціи Веги не могли ихъ видѣть, тѣмъ болѣе, что погода была пасмурная, когда они тутъ находились. Далѣе къ югу мы нашли открытый зундъ или узкій фіордъ, куда и отправились, чтобы составить себѣ по возможности ясное понятіе обо всей этой мѣстности. Но сидя въ бочкѣ на верху мачты, я увидалъ, что земля отступаетъ все дальше. То, что я принималъ за косу материка, находившуюся къ сѣверу отъ насъ, оказалось въ концѣ концовъ островомъ. Фіордъ-же распространялся дальше вглубь и становился то уже, то шире. Все это было очень загадочно.

Быть можетъ это былъ все таки Таймыръ-зундъ? Полный штиль; кругомъ туманъ. Почти невозможно отличить гладкую поверхность воды отъ льда, а ледъ отъ покрытой снѣгомъ земли. Все сливалось вмѣстѣ. Вездѣ такая необыкновенная тишина, точно все вымерло. Надежда то появляется, то исчезаетъ у насъ съ каждымъ изгибомъ фіорда въ этой молчаливой туманной странѣ. То передъ нами открытая вода, то снова ледъ. Нельзя разсмотрѣть,—то или другое. Дѣйствительно ли это Таймыръ-зундъ? Пройдемъ-ли мы черезъ него?

Нѣтъ, мы дошли до конца! Впереди все ледъ... Нѣтъ, это блестящая поверхность воды и снѣжная страна, отражающаяся въ ней. Это вѣроятно зундъ. Но вотъ впереди показались большія ледяныя глыбы, черезъ которыя трудно было пройти, и мы пристали у мыса въ хорошей безопасной гавани, чтобъ выждать. Эту гавань мы назвали потомъ именемъ Колэнъ Арчера.

Мы замѣтили, что сильное морское теченіе увлекаетъ за собою льдины, слѣдовательно не было сомнѣнія, что мы находились въ проливѣ. Вечеромъ я выѣхалъ на веслахъ, чтобъ поохотиться на тюленей и взялъ съ собою свое лучшее оружіе, двустволку экспресъ,

*) Бове, лейтенантъ итальянскаго флота, сопровождалъ Норденшильда вс время экспедиціи Веги.

калибра 577. Какъ разъ въ тотъ моментъ, когда мы собирались втащить на бортъ тюленью шкуру, лодку качнуло, я потерялъ равновѣсіе и упалъ навзничь на ледъ, а мое ружье соскользнуло въ воду—печальное событіе! Гендриксенъ и Бентсенъ, сидѣвшіе на веслахъ, приняли это такъ близко къ сердцу, что долго не могли вымолвить ни слова; они думали, что нельзя же такъ оставить дорогое оружіе на глубинѣ 10 метровъ. Мы отправились поэтому на судно, чтобы взять необходимые снаряды и затѣмъ нѣсколько часовъ провели въ поискахъ среди темной угрюмой ночи.

Во время нашей работы къ намъ нѣсколько разъ подплывалъ бородатый тюлень, удивленно поглядывая на насъ и высовывая голову то съ одной, то съ другой стороны, все ближе и ближе, какъ будто онъ хотѣлъ удостовѣриться какой такой ночной работой мы заняты. Затѣмъ онъ сталъ безпрестанно нырять, точно желалъ узнать какъ идутъ наши поиски на днѣ. Ужъ не былъ-ли онъ озабоченъ тѣмъ—найдемъ мы или нѣтъ наше ружье? Наконецъ онъ такъ сдѣлался навязчивъ, что я взялъ ружье Гендриксена и послалъ ему пулю въ голову. Животное потонуло прежде, чѣмъ мы подоспѣли къ нему, и мы съ отчаянія бросили всѣ поиски. Потеря моего ружья спасла жизнь многимъ тюленямъ. 500 кронъ чистыми деньгами!

Чтобы узнать, можно ли пройти черезъ проливъ, я отправился на другой день на лодкѣ въ восточномъ направленіи.

Стало холодно, ночью выпалъ снѣгъ, и море вокругъ Fram было покрыто довольно толстымъ слоемъ смерзшагося снѣга. Понадобились большія усилія, чтобы пробиться въ лодкѣ въ открытый фарватеръ.

Я полагалъ, что земля, лежащая передъ нами на сѣверной сторонѣ зунда, есть вѣроятно берегъ Aktinia-Bai, гдѣ Вега стала на якорь. Но напрасно я искалъ «каменныхъ примѣтъ», водруженныхъ тамъ Норденшильдомъ, и къ величайшему своему удивленію я открылъ, что это былъ маленькій островъ и что мы находимся на южной сторонѣ главнаго входа въ Таймыръ-зундъ, который здѣсь оказался очень широкимъ. Отсюда я могъ уже вывести приблизительное заключеніе, гдѣ на самомъ дѣлѣ находится Aktinia-Bai.

Мы проголодались и хотѣли поѣсть, прежде чѣмъ отправиться дальше, но какъ вытянулись лица, когда оказалось, что масло забыто. Мы чуть не давились, глотая свои сухіе корабельные сухари, и чуть не сломали себѣ челюсти, откусывая куски сушенаго оленьяго мяса. Усталые, но не насытившіеся, отправились мы дальше и окрестили этотъ мысъ: «Kap Smorlaus» — мысомъ безъ масла. Поплыли дальше въ зундъ. Повидимому, тамъ фарватеръ годился для судна, такъ какъ вездѣ было 15—18 метровъ глубины. Но къ вечеру насъ всетаки задержалъ ледъ, и такъ какъ я боялся, чтобы насъ не затерло, то и рѣшилъ лучше повернуть.

Правда, тутъ мы не подвергались опасности терпѣть голодъ.

Вездѣ мы находили свѣжіе слѣды медвѣдей и оленей, а въ водѣ было не мало тюленей. Но я боялся задержать тутъ Fram, такъ какъ могли встрѣтиться шансы пройти впередъ гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ. Мы поплыли назадъ противъ сильнаго вѣтра и, наконецъ, на слѣдующее утро достигли Fram. И это было во время, такъ какъ вскорѣ наступила сильная непогода.

О проходимости Таймыръ-зуада Норденшильдъ говоритъ слѣдующее: «Промѣры лейтенанта Паландера указываютъ, что проливъ имѣетъ такой каменистый грунтъ и сильныя теченія, что едва ли можно пускаться черезъ него, прежде чѣмъ онъ не будетъ окончательно измѣренъ и не будутъ изслѣдованы морскія теченія во время прилива и отлива, для того чтобъ можно было сдѣлать заключеніе о перемѣнномъ направленіи теченія въ проливѣ». Я ничего не могу прибавить къ вышеизложенному, за исключеніемъ того, что фарватеръ, тамъ, гдѣ мы въ него проникли, былъ свободенъ и, насколько я могъ судить, казался проходимымъ. Я рѣшилъ поэтому, если бы это оказалось нужно, попытаться пройти тутъ вмѣстѣ съ Fram.

5-го Сентября началась снѣжная метель и ледяной вѣтеръ, который все усиливался. Къ вечеру вѣтеръ такъ и завывалъ вокругъ такелажа и мы рады были, что находимся на суднѣ; трудно было бы при такой погодѣ вернуться назадъ въ лодкѣ. Но положеніе мнѣ не особенно нравилось. Положимъ, можно было надѣяться, что этотъ вѣтеръ разобьетъ ледъ на сѣверѣ, вчерашній же мой опытъ давалъ мнѣ также возможность надѣяться, что въ случаѣ нужды намъ удастся тутъ пробиться черезъ зундъ. Но вѣтеръ теперь проносилъ мимо насъ все большія и большія ледяныя массы и вообще насъ тревожило, что зима, повидимому, все болѣе и болѣе приближается и можетъ установиться окончательно прежде, чѣмъ мы отыщемъ какой нибудь проходъ.

Я пробовалъ въ мысляхъ примириться съ зимовкою въ этомъ мѣстѣ и уже составилъ себѣ полный планъ нашего плаванія въ слѣдующемъ году. Кромѣ изслѣдованій береговъ, которые навѣрно представляютъ много задачъ для разрѣшенія, я предполагалъ еще изслѣдовать неизвѣстную внутренность полуострова Таймыра до устья рѣки Хатанги. Съ нашими собаками и лыжами мы могли бы пробраться далеко, такъ что годъ этотъ не былъ бы потерянъ ни для географіи, ни для геологіи, но примириться съ этимъ—о нѣтъ! это невозможно! Годъ жизни оставался всетаки годомъ, а наша экспедиція и безъ того должна была достаточно долго протянуться.

Меня болѣе всего озабочивала мысль, что если теперь ледъ воздвигаетъ намъ препятствія, то кто же поручится, что и въ будущемъ году не будетъ то же самое? Развѣ не часто бываетъ, что неблагопріятные въ отошеніи льда годы слѣдуютъ одинъ за другимъ, а этотъ годъ явно не могъ быть причисленъ къ хорошимъ.

Я проводилъ ночи далеко не на розахъ, пока наконецъ сонъ не уносилъ меня въ царство забвенія.

Наступило 6-е Сентября, среда—день моей свадьбы. Когда я утромъ проснулся, то оказался настолько суевѣрнымъ, что у меня явилось предчувствіе, какъ будто этотъ день долженъ принести съ собою какую нибудь перемѣну, если перемѣна вообще возможна. Буря нѣсколько поутихла, солнце показывалось по временамъ и жизнь стала веселѣе. Послѣ полудня вѣтеръ совсѣмъ улегся: погода была прекрасная, тихая. Зундъ къ сѣверу отъ насъ, запертый твердымъ льдомъ, теперь, благодаря бурѣ, освободился. Но къ востоку, тамъ гдѣ мы были съ лодкой, зундъ былъ совсѣмъ закрытъ. Еслибъ мы не вернулись тогда во время, то намъ пришлось бы тамъ остаться кто знаетъ на сколько времени! Теперь была, повидимому, надежда, что ледъ между мысомъ Лаптева и островомъ Альмквиста также разломанъ. Мы тотчасъ же развели пары и въ половинѣ седьмого вечеромъ отправились на сѣверъ, чтобы снова попытать счастья. Я твердо вѣрилъ, что этотъ день принесетъ намъ счастье.

Погода была все еще хорошая, и мы радовались солнцу. Мы такъ отвыкли отъ солнца, что Нордаль, послѣ обѣда, сгребая уголь въ темномъ трюмѣ, принялъ лучъ солнца, проникшій черезъ люкъ и освѣтившій угольную пыль, за балку.

Становилось все труднѣе оріентироваться, и наше опредѣленіе широты въ полдень нисколько не разъяснило дѣла. По этому опредѣленію мы находились подъ 76° 2′ сѣв. ш. или приблизительно на разстояніи 8 морскихъ миль къ югу отъ того мѣста, которое Норденшильдъ или Бове отмѣтили какъ материкъ. Конечно, трудно было ожидать, что ихъ карты окажутся вѣрными, такъ какъ во все время пребыванія здѣсь экспедиція Веги погода была, повидимому, пасмурная.

И теперь, подвигаясь на сѣверъ, мы не находили острововъ Говгаарда, и когда я подумалъ что мы ихъ достигли, какъ разъ у сѣверной стороны входа въ Таймыръ-зундъ, увидѣлъ, къ своему изумленію, приблизительно въ сѣверномъ направленіи, высокія скалы, которыя, судя по виду, должны были лежать на материкѣ. Какъ же согласовать это? Я все болѣе укрѣплялся въ подозрѣніи, что мы попали въ цѣлый комплексъ острововъ. Казалось, теперь мы наконецъ узнаемъ, въ чемъ дѣло, но, къ сожалѣнію, погода какъ разъ въ эту минуту напряженнаго ожиданія разразилась дождемъ и снѣгомъ и мы должны были предоставить будущему рѣшеніе загадки.

Пасмурная погода и наступившая ночь помѣшали намъ разглядѣть лежавшую въ отдаленіи землю. Быть можетъ, было слишкомъ смѣло всетаки идти впередъ, но случай былъ слишкомъ благопріятный. Мы уменьшили ходъ немного и ночью продолжали свой путь, готовясь повернуть тотчасъ же, если земля покажется

впереди насъ. Спокойный сознаніемъ, что Свердрупъ стоитъ на вахтѣ, я съ облегченнымъ сердцемъ залѣзъ въ койку.

На слѣдующее утро (7 сентября) въ шесть часовъ, Свердрупъ принесъ мнѣ извѣстіе, что мы прошли мимо острова Таймыра или Лаптева въ три часа ночи и теперь находились въ бухтѣ Таймыра мыса, но впереди насъ густой ледъ и островъ. Быть можетъ, мы могли бы добраться до острова, такъ какъ въ этомъ направленіи какъ разъ образовался проходъ, но теченіе было очень быстрое и намъ покуда пришлось опять вернуться назадъ.

Послѣ завтрака я полѣзъ въ бочку на верхъ. Я нашелъ, что островъ Свердрупа по всей вѣрятности материкъ, но на перекоръ картамъ удивительнымъ образомъ далеко распространяется на западъ. Я могъ еще видѣть позади себя островъ Таймыръ, а самый восточный изъ острововъ Альмквиста блестѣлъ на солнцѣ къ сѣверу.

Передъ нами была длинная песчаная коса и я могъ прослѣдить землю до тѣхъ поръ, пока она не терялась на южномъ горизонтѣ, у конца бухты. Потомъ шла узкая полоса, гдѣ я не могъ разглядѣть землю, а только открытую воду, затѣмъ земля показывалась съ западной стороны, противъ острова Таймыра. Своими холмами и круглыми вершинами, страна эта явно отличалась отъ низменнаго берега у восточной стороны бухты.

Къ сѣверу отъ мыса я видѣлъ чистую воду. Немного льда находилось между нами и этимъ пространствомъ воды, но Fram пробился черезъ этотъ ледъ. Когда мы прошли передъ мысомъ, то я былъ изумленъ, что море покрыто коричневою глинистою водой. Слой этотъ не могъ быть глубокъ, такъ какъ кильватеръ сзади насъ былъ совсѣмъ свѣтлый. Глинистая вода пѣнилась по обѣимъ сторонамъ судна. Я велѣлъ бросить лотъ и нашелъ, какъ и предполагалъ, болѣе мелкую воду; сначала 15 метровъ, потомъ 12 и наконецъ десять метровъ. Я тогда велѣлъ остановиться и идти назадъ.

Дѣло казалось подозрительнымъ, льдины лежали вокругъ прямо на днѣ, очень сильное теченіе устремлялось къ сѣверо-востоку. Не переставая бросать лотъ, мы медленно подвигались впередъ. Къ счастью, глубина держалась на десяти метрахъ, затѣмъ спустя немного времени, глубина стала больше, сначала 11 метровъ, потомъ $11\frac{1}{2}$ и потомъ 12, такъ что мы снова могли идти полнымъ ходомъ впередъ. Скоро мы уже были въ голубомъ морѣ. Границы между коричневымъ верхнимъ слоемъ и голубою водою были очень рѣзки. Было ясно, что коричневый слой принесенъ какою нибудь рѣкой съ юга.

Отъ мыса земля распространяется въ восточномъ направленіи и мы держали курсъ къ востоку и сѣверо-востоку въ проходѣ, образовавшемся между льдомъ и материкомъ. Послѣ полудня проходъ настолько съузился, что мы почти приблизились къ берегу, снова повернувшему къ сѣверу.

Мы поплыли вдоль берега въ узкомъ проходѣ съ глубиною въ 10—15 метровъ, но ночью должны были остановиться, такъ какъ ледъ достигалъ берега.

Земля эта имѣла большое сходство съ Ялмаломъ. Такая же низменная, плоская страна, чуть возвышающаяся надъ моремъ и на нѣкоторомъ отдаленіи совершенно незамѣтная. Только тутъ она нѣсколько болѣе холмиста и кое гдѣ далѣе внутрь страны даже виднѣлись цѣпи холмовъ. Но берегъ, повидимому, вездѣ состоитъ изъ слоевъ песка и глины, круто опускающихся въ море.

На равнинахъ внутри страны виднѣлось много стадъ оленей. На слѣдующее утро (8 Сентября) я предпринялъ охотничью экскурсію. Застрѣливъ одного оленя, я уже собирался продолжать охоту, но скоро неожиданное открытіе привлекло все мое вниманіе и я забылъ мое первоначальное намѣреніе.

Это былъ большой фіордъ, врѣзывающійся въ страну къ сѣверу отъ меня. Я пошелъ такъ далеко, какъ могъ, чтобы лучше оріентироваться, но всетаки не видѣлъ конца. Фіордъ простирался къ востоку, широкій и огромный, такъ далеко, какъ только я могъ охватить глазомъ, до какихъ то голубыхъ горъ, виднѣвшихся вдали. Эти горы, повидимому, на дальнемъ горизонтѣ достигали воды, а за ними я уже не могъ разглядѣть ни земли, ни горъ.

Моя фантазія проснулась, и по временамъ мнѣ почти казалось, что это могъ быть зундъ, проходящій поперегъ земли и превращающій полуостровъ Челюскина въ островъ. Но могло быть также, что это была рѣка, расширяющаяся вблизи устья точно море, какъ мы это можемъ наблюдать на многихъ сибирскихъ рѣкахъ.

На глинистой равнинѣ, по которой я теперь проходилъ, вездѣ были разсѣяны огромныя эрратическія глыбы изъ различныхъ каменныхъ породъ. Онѣ могли быть занесены сюда только могущественными глетчерами ледниковаго періода.

Живыхъ существъ мы тутъ видѣли немного: кромѣ оленей, лишь нѣсколько бѣлыхъ куропатокъ, воробьевъ и бекасовъ; я замѣтилъ также слѣды лисицъ и пеструшекъ.

Эта сѣверная часть Сибири совершенно необитаема и врядъ ли посѣщается кочевыми туземцами. Однако я нашелъ въ одной равнинѣ, далеко лежащей внутри, круглую кучу мха, которая быть можетъ обязана своимъ происхожденіемъ рукамъ человѣка. Быть можетъ, тутъ былъ какой нибудь самоѣдъ и собралъ мохъ для своихъ оленей. Во всякомъ случаѣ, это должно было быть давно, такъ какъ мохъ былъ совсѣмъ черный и сгнилъ. Но могло быть также, что это была игра природы—она вѣдь любитъ иногда позабавиться.

Какъ мѣняются однако свѣтъ и тѣни въ этой арктической странѣ! Когда я на слѣдующее утро (9 Сентября) влѣзъ въ бочку, то увидѣлъ, что ледъ отъ материка къ сѣверу сдѣлался рыхлѣе, я могъ прослѣдить проходъ, черезъ который мы могли выбраться въ открытое море на сѣверъ. Я тотчасъ же отдалъ приказъ развести

пары. Барометръ однако стоялъ безспорно очень низко, такъ низко, какъ мы еще ни разу не видѣли во время своего плаванія; онъ упалъ до 733 миллиметровъ. Вѣтеръ дулъ съ материка сильными порывами, подымая цѣлыя облака пыли и песку. Свердрупъ находилъ, что всего безопаснѣе было бы оставаться тамъ, гдѣ мы находились, но было бы обидно не воспользоваться прекраснымъ случаемъ. Солнце такъ чудно сверкало, и небеса выглядѣли такъ привѣтливо и такъ возбуждали довѣріе. Я велѣлъ поставить паруса и скоро мы пошли черезъ ледъ на сѣверъ подъ парами и парусами. Теперь мы должны были покончить съ мысомъ Челюскинымъ!

Никогда еще Fram не совершалъ такого путешествія. Скорость судна была около 8-ми морскихъ миль въ часъ. Судно точно сознавало, что отъ него требовалось теперь. Вскорѣ мы прошли ледъ и передъ нами находилась открытая вода вдоль материка, такъ далеко, какъ только могъ хватать глазъ. Мы проплывали мимо одного мыса за другимъ; мы находили по дорогѣ новые фіорды и острова и мнѣ даже показалось вскорѣ, что я могу разсмотрѣть въ подзорную трубу горы, далеко на сѣверѣ. Эти горы должны быть по близости мыса Челюскина.

Земля, мимо которой мы проѣзжали, была очень низка; отчасти она походила на ту, по которой я прошелся за день до этого. Позади плоскаго берега виднѣлись вдали болѣе высокія юры или горныя цѣпи. Нѣкоторыя изъ нихъ состоятъ, повидимому, изъ горизонтально лежащихъ слоевъ осадочнаго сланца. Горы внутри материка были всѣ покрыты снѣгомъ. Въ одномъ мѣстѣ казалось, какъ будто вся горная цѣпь покрыта ледяными и снѣжными полями. Противъ того, что это былъ новый снѣгъ, говорила его слишкомъ большая связность и гладкость. Эта поверхность больше напоминала настоящій глетчеръ.

Если Норденшильдъ показалъ на этомъ мѣстѣ внутри страны «высокія горныя цѣпи», то это совпадаетъ и съ нашими наблюденіями, хотя я бы и не назвалъ эти горы особенно высокими. Если же въ этомъ мѣстѣ, въ согласіи съ прежними картами, онъ говоритъ «о высокомъ скалистомъ берегѣ», то это квалификація неудачная.

Берегъ очень низокъ и состоитъ, по крайней мѣрѣ большею частью, изъ глины или рыхлыхъ землянныхъ пластовъ. Или Норденшильдъ почерпнулъ свои данныя изъ старинныхъ недостовѣрныхъ источниковъ, или же онъ былъ введенъ въ заблужденіе постояннымъ туманомъ, который господствовалъ во время его пребыванія въ этихъ водахъ.

Вечеромъ мы приблизились къ сѣверной оконечности материка; но теченіе, которое несло насъ въ продолженіе дня, теперь обратилось, повидимому, противъ насъ, и казалось, что намъ никогда не пройти къ острову, лежащему къ сѣверу отъ насъ. Внутри материка виднѣлась горная вершина, которую я еще днемъ замѣ-

тилъ. Она сверху была уплощена, между тѣмъ какъ бока, какъ уже упомянуто раньше, круто обрывались. Камень выглядѣлъ точно песчаникъ или базальтъ, но горизонтальные слои и уступы не были замѣтны. Я опредѣлилъ вершину въ 400—500 метровъ. Въ морѣ виднѣлось много новыхъ островов, изъ которыхъ ближайшій былъ довольно великъ.

Наконецъ то приблизился моментъ, когда мы должны были пройти пунктъ, о которомъ мы давно мечтали; это была вторая изъ трудностей, которыхъ я опасался на этомъ пути.

Я сидѣлъ вечеромъ наверху въ бочкѣ и смотрѣлъ на сѣверъ. Страна была плоская и пустынная. Тамъ въ морѣ солнце давно уже закатилось и вечернее небо озарилось золотистымъ сіяніемъ. Такъ было пустынно и тихо надъ водой! Только одна единственная звѣзда виднѣлась; она стояла какъ разъ надъ мысомъ Челюскинымъ и ярко и грустно блестѣла на блѣдныхъ небесахъ. Она какъ будто слѣдовала за нами. Я не могъ не смотрѣть на нее, она какъ то странно притягивала мои взоры и успокоивала меня. Не была ли это *моя* звѣзда, очи родины, слѣдившіе за нами и улыбающіеся мнѣ теперь?.. Много мыслей вызывала во мнѣ эта звѣзда, въ то время какъ Fram среди темной, унылой ночи, стремился впередъ къ самому сѣверному пункту Стараго Свѣта.

Къ утру мы уже достигли этого пункта, считавшагося и нами самымъ сѣвернымъ мысомъ. Мы поплыли къ землѣ и какъ разъ во время перемѣны вахты, когда пробило 4 часа, вывѣсили флаги и употребили три патрона для салюта, далеко разнесшагося въ морѣ. Въ этотъ же самый моментъ показалось солнце. Тогда нашъ поэтическій докторъ разразился слѣдующимъ двустишіемъ, отвѣчавшимъ общему настроенію:

«Колоколъ звучитъ, гремитъ салютъ,
Флаги развѣваются, въ концѣ концовъ будетъ хорошо!»

Когда солнце закатилось, мы наконецъ освободились отъ того очарованія, которое на насъ такъ долго оказывалъ мысъ Челюскинъ. Наконецъ то путь былъ открытъ передъ нами вплоть до нашей цѣли—пловучихъ льдовъ къ сѣверу отъ Новосибирскихъ острововъ.

Мы разбудили всѣхъ и пригласили въ ярко освѣщенный салонъ, гдѣ были сервированы фрукты и сигары. Ради такого случая надо было произнести какой нибудь особенный торжественный тостъ. Я взялъ стаканъ и провозгласилъ: «ваше здоровье, господа, и да здравствуетъ Челюскинъ!» Затѣмъ занялись музыкой, а я въ это время отправился въ бочку, чтобы бросить еще послѣдній взглядъ на страну. Горныя вершины, которыя я видѣлъ вечеромъ, лежали, какъ теперь оказалось, на западной сторонѣ полуострова. Далѣе на востокѣ простиралась другая низкая и болѣе округленная горная цѣпь. Должно быть это была та самая цѣпь, о которой упоминаетъ Норденшильдъ. По ту сторону этой цѣпи должна была находиться, согласно описанію, сѣверная оконечность, а теперь какъ разъ передъ нами былъ заливъ ко-

роля Оскара. Но я напрасно старался разглядѣть въ подзорную трубу «каменныя примѣты», воздвигнутыя Норденшильдомъ. У меня было большое желаніе съѣхать на берегъ, но мнѣ казалось, что у насъ не было времени. Заливъ, свободный во время посѣщенія Веги, былъ теперь совершенно запертъ зимнимъ льдомъ.

Фарватеръ былъ открытъ передъ нами. Тамъ въ морѣ мы могли видѣть край пловучихъ льдовъ. Нѣсколько далѣе къ западу мы прошли нѣсколько маленькихъ острововъ, лежащихъ на небольшомъ разстояніи отъ берега. Мы назвали ихъ именемъ спутника Грили «островами Локвуда». Но передъ обѣдомъ намъ пришлось остановиться у сѣверозападнаго угла мыса Челюскина вслѣдствіе пловучаго льда, который, казалось, достигалъ земли, лежащей передъ нами.

Судя по темному виду неба, надо было предполагать, что по ту сторону одного острова, лежащаго передъ нами, опять находится открытый фарватеръ. Побывавъ на берегу и убѣдившись, что зундъ или фіордъ, далеко вдающійся къ югу въ этотъ островъ, совершенно запертъ плотнымъ льдомъ, мы проложили себѣ дорогу съ внѣшней стороны острова. Мы шли въ теченіи ночи подъ парами и парусами къ югу. Быстрота хода была замѣчательная и при сильномъ вѣтрѣ мы зачастую дѣлали по девяти морскихъ миль въ часъ. Тамъ и сямъ намъ встрѣчалось немного льда, но мы легко прошли черезъ него.

11-го Сентября къ утру показалась высокая земля и мы должны были измѣнить курсъ и взять къ востоку; этого курса мы держались весь день. Когда я утромъ вышелъ на палубу, то увидѣлъ вблизи великолѣпную горную страну съ высокими вершинами и долинами между ними. Это было въ первый разъ съ самаго нашего отъѣзда изъ Вардö. Увидѣть снова горы послѣ цѣлыхъ мѣсяцевъ плаванія вдоль однообразной плоской страны, было особенно пріятно. Горы кончались на востокѣ крутымъ обрывомъ и далѣе простиралась совершенно плоская равнина. Въ теченіи дня земля эта совершенно скрылась изъ нашихъ глазъ и мы, страннымъ образомъ, больше ее не видали, какъ не видали также острововъ Петра и Павла, хотя по картѣ курсъ нашъ лежалъ какъ разъ мимо нихъ.

Вторникъ. 12-го Сентября. Около шести часовъ утра меня разбудилъ Гендриксенъ извѣстіемъ, что на льдинѣ у самаго судна лежитъ множество моржей. Я вскочилъ и въ одно мгновеніе былъ уже одѣтъ.

Было чудное утро, прекрасная тихая погода. Можно было разслышать издали сопѣніе моржей. Звѣри лежали вмѣстѣ на льдинѣ; за ними блестѣли на солнцѣ голубыя горы. Наконецъ гарпуны были наточены, ружья и патроны готовы, и Гендриксенъ, Юэлль и я отправились. Дулъ слабый южный вѣтеръ и мы стали грести къ сѣверу, чтобы обойти звѣрей и подплыть къ нимъ съ подвѣтренной стороны. По временамъ животное, стоявшее на стражѣ, поднимало голову, но едва-ли видѣло насъ, и мы плыли

дальше. Скоро мы уже были такъ близко, что должны были осторожно грести. Юэллъ былъ на рулѣ, между тѣмъ какъ Гендриксенъ стоялъ впереди на готовѣ съ гарпуномъ въ рукахъ, а я позади него съ ружьемъ.

Какъ только сторожевое животное поднимало голову, мы переставали грести и оставались неподвижными, а затѣмъ, когда голова животнаго опускалась, снова принимались за весла и двигались впередъ. Звѣри лежали очень плотно другъ къ другу на маленькой льдинѣ, старые и малые другъ на дружкѣ. Тутъ были настоящіе мясные колоссы. Изрѣдка какая нибудь изъ самокъ помахивала хвостомъ и затѣмъ снова успокоивалась, лежа на спинѣ или на боку. «Ого, тутъ много мяса», сказалъ Юэллъ, нашъ поваръ. Мы подвигались ближе все осторожнѣе, я держалъ ружье на готовѣ, а Гендриксенъ крѣпко сжималъ рукоятку гарпуна. Въ тотъ самый моментъ, какъ лодка коснулась льдины, гарпунъ засвистѣлъ въ воздухѣ, но попалъ слишкомъ высоко и отскочилъ отъ упругой кожи звѣря.

Все общество зашевелилось. Десять—двѣнадцать громадныхъ отвратительныхъ головъ сразу обратились въ нашу сторону; горы мяса поворачивались съ изумительною быстротой, и съ поднятыми головами и глухимъ ревомъ, переваливаясь, подошли къ краю льдины, у которой мы находились. Это было внушительное зрѣлище.

Я прицѣлился и выстрѣлилъ въ одну изъ самыхъ большихъ головъ. Звѣрь зашатался и упалъ впередъ въ воду. Затѣмъ и второму звѣрю была послана пуля въ голову; онъ также свалился, но еще нѣкоторое время продолжалъ съ трудомъ барахтаться въ водѣ. Тогда все общество бросилось въ воду, такъ что брызги разлетѣлись во всѣ стороны. Все это произошло въ продолженіи нѣсколькихъ секундъ.

Но скоро звѣри показались снова вокругъ лодки. Головы одна другой отвратительнѣе высовались изъ воды; дѣтеныши были тутъ же. Звѣри стоймя стояли въ водѣ, ревѣли и шумѣли такъ, что воздухъ дрожалъ; бросались изъ стороны въ сторону, прыгали и оглашали пространство новымъ ревомъ. Они кружились и исчезали во водѣ съ страшнымъ шумомъ и затѣмъ снова появлялись на поверхности. Вода пѣнилась и точно кипѣла кругомъ на большомъ пространствѣ, какъ будто безмолвнымъ доселѣ ледянымъ міромъ овладѣлъ внезапно приступъ бѣшенства. Каждую минуту можно было опасаться, что клыкъ одного или нѣсколькихъ моржей прорѣжетъ лодку или подыметъ ее и подбросить на воздухъ. Это было самое меньшее, чего мы могли ожидать при подобныхъ обстоятельствахъ, но возня продолжалась, а ничего подобнаго не случилось. Подстрѣленные мною звѣри, какъ и другіе, продолжали ревѣть и рычать, но кровь лилась у нихъ изо рта и носа. Еще пуля и еще одинъ звѣрь упалъ, но продолжалъ плавать въ водѣ; съ другимъ

было тоже самое. Гендриксенъ приготовилъ гарпуны и притащилъ обоихъ звѣрей въ безопасное мѣсто. Я пристрѣлилъ третьяго звѣря, но у насъ не было больше гарпуновъ и мы поэтому должны были захватить его крючкомъ для тюленей, чтобы не допустить его потонуть. Но крючокъ соскользнулъ и звѣрь потонулъ раньше, чѣмъ мы могли это предупредить. Пока мы тащили свою добычу на льдину, насъ окружали моржи еще нѣкоторое время, но стрѣлять въ нихъ не стоило, такъ какъ у насъ не было никакихъ средствъ, что бы захватить убитыхъ.

Тотчасъ же послѣ того подошелъ Fram и взялъ на бортъ двухъ убитыхъ нами звѣрей и затѣмъ мы продолжали свой путь вдоль берега. Въ этой мѣстности мы видѣли много моржей, послѣ обѣда застрѣлили еще двоихъ и могли бы убить еще больше, еслибъ у насъ было время. Какъ разъ въ этой же мѣстности Норденшильдъ также встрѣчалъ маленькія стада моржей.

Мы продолжали свой путь противъ сильнаго теченія къ югу вдоль берега, къ устью Хатанги. Эта восточная часть полуострова Таймыра представляетъ сравнительно высокую гористую страну, но съ низменною полосой между горами и моремъ. Эта полоса представляетъ, повидимому, такую же низкую страну, какую мы встрѣчали на всемъ нашемъ пути вдоль берега. Такъ какъ море было, повидимому, открыто и свободно отъ льда, то мы и попробовали укоротить нашъ путь, оставивъ берегъ и направившись къ устью Оленека. Но каждый разъ толстый ледъ заставлялъ насъ возвращаться назадъ къ нашему проходу у берега.

14-го сентября мы находились недалеко отъ берега между рѣками Хатангой и Анабаромъ. Тутъ была такая же, довольно гористая страна съ низменною береговою полосой.

«Весь этотъ берегъ, писалъ я въ своемъ дневникѣ, напоминаетъ мнѣ Іедеренъ въ Норвегіи, здѣсь однако горы не такъ разобщены другъ отъ друга и замѣтно ниже тѣхъ, которыя виднѣются сѣвернѣе. Море мелко, что весьма непріятно: однажды ночью глубина оказалась только семь метровъ и мы были вынуждены проплыть нѣкоторое разстояніе назадъ. Ледъ простирается очень близко, но проходъ всетаки достаточно широкъ, такъ что мы можемъ двигаться къ востоку».

На слѣдующій день (15 сентября) мы вышли въ открытое, но мелкое море; глубина ни разу не достигала болѣе 12—13 метровъ. Мы слышали на востокѣ шумъ волнъ, слѣдовательно въ этомъ направленіи должно было быть открытое море, какъ мы и ожидали. Очевидно теченіе Лены, приносящее огромныя массы теплой воды, начинало тутъ оказывать свое вліяніе. Море здѣсь было болѣе коричневаго цвѣта и указывало на примѣсь илистой рѣчной воды, соленость была также гораздо меньше.

«Было бы безуміемъ, записалъ я въ этотъ день въ своемъ дневникѣ,—входить въ Оленекъ въ такое позднее время года. Если бы даже

мели и не представляли для насъ опасности, все же это отняло бы у насъ слишкомъ много времени, быть можетъ цѣлый годъ. Кромѣ того нельзя быть увѣреннымъ, что Fram вообще можетъ тамъ пройти; потребуется не мало труда, если Fram сядетъ на дно въ этихъ водахъ. Конечно, для насъ было бы очень хорошо имѣть больше собакъ, но терять изъ за этого цѣлый годъ черезъ чуръ много. Мы лучше отправимся прямо на востокъ къ Ново-сибирскимъ островамъ, такъ какъ теперь представляется хорошій случай и шансы у насъ блестящіе.

«Ледъ въ здѣшнихъ мѣстахъ заставляетъ меня не мало призадумываться. Какъ это можетъ быть, что этотъ ледъ не увлекается въ сѣверномъ направленіи теченіемъ, которое по моимъ разсчетамъ должно направляться отъ этого берега къ сѣверу, что и мы сами дѣйствительно могли наблюдать? Кромѣ того ледъ этотъ очень твердъ и толстъ и выглядитъ какъ будто ему уже много лѣтъ. Идетъ ли онъ сюда съ востока или плаваетъ кругомъ въ морѣ между теченіемъ Лены, направляющимся къ сѣверу, и полуостровомъ Таймыромъ—я не могу пока опредѣлить, но какъ бы тамъ ни было, а во всякомъ случаѣ ледъ этотъ отличается отъ годовалаго тонкаго льда, встрѣчавшагося намъ до сихъ поръ въ Карскомъ морѣ и къ западу отъ мыса Челюскина».

Суббота, 16-го сентября. Мы держимъ по компасу сѣверозападный курсъ черезъ открытое море и довольно далеко прошли на сѣверъ, но нигдѣ не видимъ льда и на сѣверѣ небо имѣетъ темный цвѣтъ. Погода мягкая и температура въ среднемъ около +2° С. Теченіе противъ насъ и мы находимся уже довольно далеко на западъ отъ того пункта, у котораго мы должны были бы находиться согласно нашимъ разсчетамъ. Днемъ мы видѣли нѣсколько стай гагъ. Къ сѣверу отъ насъ должна быть земля; не она ли задерживаетъ ледъ?

На слѣдующій день (17-го сентября) мы встрѣтили ледъ и должны были держаться нѣсколько къ югу, чтобы избавиться отъ него. Я уже началъ бояться, что мы не будемъ въ состояніи такъ далеко забраться, какъ я разсчитывалъ. Но въ моихъ замѣткахъ на слѣдующій день (18-го сентября) записано:

«Великолѣпный день, курсъ держимъ къ сѣверу на западъ отъ острова Бѣлкова. Открытое море, прекрасный вѣтеръ съ запада, хорошій ходъ. Погода ясная. Послѣ обѣда показалось солнце.

«Наступаетъ рѣшительная минута. Въ 12 часовъ 15 минутъ мы беремъ курсъ на сѣверовостокъ. Теперь должно опредѣлиться, вѣрна ли моя теорія, на которой я основалъ всю свою экспедицію, т. е. найдемъ ли мы нѣсколько сѣвернѣе отсюда теченіе, направляющееся дальше къ сѣверу.

«До сихъ поръ все шло лучше, чѣмъ я ожидалъ. Мы находимся подъ 75° 30 сѣверной широты и къ сѣверу и западу отъ насъ открытая вода и темное небо. Вечеромъ впереди надъ штирбордомъ

на небѣ можно было замѣтить отраженіе льда. Около семи утра мнѣ показалось, что я вижу ледъ, но этотъ ледъ выступалъ настолько правильными линіями, что имѣлъ болѣе сходства съ материкомъ; однако было настолько темно, что нельзя было точно разсмотрѣть. Казалось, будто это островъ Бѣлкова, а большое свѣтлое пятно къ востоку имѣетъ видъ покрытаго снѣгомъ острова Котельнаго. Я бы охотно отправился туда, частью чтобы посмотрѣть на этотъ интересный островъ, частью же, чтобы изслѣдовать склады провіанта, которые, какъ мы знали, устроены тамъ для насъ дружескою заботливостью барона фонъ-Толля. Но время было дорого и къ сѣверу море, повидимому, было для насъ открыто. Шансы у насъ были блестящіе и мы поэтому продолжали идти на сѣверъ, съ любопытствомъ ожидая, что принесетъ намъ слѣдующій день,—разочарованіе или надежду. Если бы все шло хорошо, то мы должны были бы достигнуть земли Санникова, до сихъ поръ еще неизвѣданной.

«Странное чувство испытываешь, плывя темною ночью въ неизвѣданныя страны, по открытому волнующемуся морю, по которому еще никогда не носилось ни одно судно, ни одна лодка. Мы могли думать, что находимся гдѣ нибудь на нѣсколько миль южнѣе,—такъ мягокъ былъ воздухъ для этихъ широтъ въ сентябрѣ мѣсяцѣ».

Вторникъ 19-го сентября. Еще ни разу я не совершалъ такого превосходнаго путешествія подъ парусами. Мы идемъ все къ сѣверу, постоянно къ сѣверу, при хорошемъ вѣтрѣ, такъ скоро, какъ только можемъ идти подъ парами и парусами по открытому морю; миля за милей, вахта за вахтой, черезъ неизвѣстныя области; почти можно сказать, что море становится свободнѣе и свободнѣе отъ льда! Какъ долго это будетъ продолжаться? Наши взоры постоянно обращаются къ сѣверу, когда мы выходимъ на мостикъ или сходимъ съ него: мы смотримъ въ будущее. Но впереди видно все тоже самое темное небо, указывающее на открытую воду!

Мой планъ выдержалъ пробу. Счастье, повидимому, не покидало насъ съ 6-го сентября. Не видно было «ничего кромѣ чистой воды», какъ отвѣчалъ мнѣ Гендриксенъ изъ бочки, когда я окликнулъ его. Когда онъ позднѣе утромъ сталъ на руль, а я находился на мостикѣ, онъ вдругъ сказалъ:

— Дома, въ Норвегіи, и не подозрѣваютъ, что мы идемъ въ открытомъ морѣ прямо къ полюсу!

Да я и самъ не повѣрилъ бы этому, если бы мнѣ кто нибудь сказалъ это недѣли двѣ тому назадъ. Однако это правда. Всѣ мои соображенія относительно этого вопроса и всѣ мои выводы заставляли меня предполагать, что и далѣе къ сѣверу море будетъ свободно на довольно большомъ разстояніи. Но весьма рѣдко оправдываются подобнымъ образомъ предположенія человѣка. Ни въ одномъ направленіи не видно отраженія льда въ небѣ, даже теперь вечеромъ.

И на слѣдующій день мы не видали земли, но все утро былъ туманъ и пасмурная погода, такъ что мы все еще шли половин-

нымъ ходомъ, опасаясь на что нибудь наткнуться. Мы находились въ настоящее время почти на 77° сѣв. широты. Какъ долго это будетъ длиться? Я говорилъ, что буду очень радъ, если мы достигнемъ 78°, но Свердрупа не такъ легко удовлетворить; онъ требуетъ 80°, 84° или даже 85°. Свердрупъ серьезно говоритъ объ открытомъ полярномъ морѣ, о которомъ онъ однажды читалъ, и постоянно возвращается къ этому, хотя я его и высмѣиваю.

Мнѣ почти приходится спрашивать себя: не брежу ли я? Надо попробовать бороться съ теченіемъ, чтобы вполнѣ оцѣнить, что значитъ плыть по теченію!

Живыхъ существъ тутъ почти не видно. Сегодня я замѣтилъ вдали одну кайру и позднѣе одну морскую чайку. Когда вечеромъ я принесъ ведро воды, чтобы мыть палубу, то замѣтилъ, что вода сильно фосфоресцируетъ. Можно даже вообразить, что находишься на югѣ!

Среда, 20-го сентября. Наконецъ наступило пробужденіе. Когда въ 11 часовъ утра я смотрѣлъ на карту и думалъ, что вѣроятно удача моя скоро прекратится—мы почти достигли 78°, — судно вдругъ сдѣлало поворотъ и я бросился на палубу. Передъ нами лежалъ край льдовъ, длинный и компактный, и просвѣчивалъ сквозь туманъ. У меня было сильное стремленіе идти къ востоку, въ разсчетѣ, что и въ томъ направленіи можетъ быть земля. Однако казалось, что ледъ и тамъ далеко простирается къ югу. Мы могли пожалуй скорѣе достигнуть болѣе высокой широты, держась западнаго направленія, что и было рѣшено. Солнце выглянуло и произведенныя наблюденія указали, что находимся приблизительно около 77°—44' сѣв. широты.

Мы плыли теперь къ сѣверо-западу по краю льдовъ и мнѣ казалось, что земля находится не въ слишкомъ большомъ отдаленіи отъ насъ, такъ какъ намъ встрѣчалось значительное количество различныхъ птицъ. Намъ встрѣтился перелетъ куликовъ, слѣдовавшихъ нѣкоторое время за нами и затѣмъ продолжавшихъ свой полетъ къ югу. Вѣроятно эти птицы летѣли изъ страны, лежащей къ сѣверу отъ насъ, но такъ какъ туманъ упорно носился надъ льдомъ, то ничего нельзя было разсмотрѣть. Позднѣе мы опять увидѣли стаи маленькихъ куликовъ, снова указавшія на возможную близость земли. На слѣдующій день погода была яснѣе, но земли все таки не было видно. Мы находились теперь гораздо сѣвернѣе того мѣста, куда баронъ Толль перенесъ на картѣ южный берегъ земли Санникова, но приблизительно на той же долготѣ. Вѣроятно эта земля—маленькій островъ и во всякомъ случаѣ не можетъ далеко распространяться на сѣверъ.

21-го сентября густой туманъ. Послѣ того, какъ мы дошли до верхняго конца одного залива во льду и дальше не могли пройти, я рѣшилъ подождать здѣсь ясной погоды и опредѣлить возможно ли дальнѣйшее движеніе къ сѣверу. По моимъ разсчетамъ мы нахо-

дились теперь приблизительно подъ 78° 30′ сѣверный широты. Въ теченіи дня мы пробовали нѣсколько разъ бросать лотъ, но даже веревка въ 400 метровъ длины не могла достать дна!

Сегодня я сдѣлалъ непріятное открытіе, что у насъ на суднѣ есть клопы. Надо предпринять противъ нихъ походъ.

Пятница, 22-го сентября. Опять ясное солнце и блестящій бѣлый ледъ впереди. Сначала мы стояли на мѣстѣ въ туманѣ, не зная по какому пути идти. Теперь погода ясная, но мы отъ этого не много выиграли. Повидимому, мы находимся у сѣверной границы открытаго моря. На западѣ ледъ, повидимому, опять простирается къ югу. На сѣверѣ онъ плотенъ и бѣлъ, и лишь кое гдѣ можно замѣтить маленькій открытый проходъ или озерко, небо же вездѣ на горизонтѣ голубовато-бѣлаго цвѣта.

За неимѣніемъ лучшаго занятія мы сдѣлали маленькую экскурсію, разсчитывая найти разщелины во льду. Еслибъ только у насъ было время, то я бы съ удовольствіемъ отправился къ востоку до острова Санникова или же прошелъ бы весь путь до земли Беннетта. Но теперь слишкомъ поздно. Море скоро замерзнетъ и мы подвергнемся большой опасности, если замерзнемъ въ невыгодномъ мѣстѣ.

Прежніе арктическіе путешественники считали необходимымъ держаться вблизи какого-нибудь берега, но я именно этого то и хотѣлъ избѣжать. Я имѣлъ намѣреніе попасть въ пловучіе льды и всего больше боялся быть блокированнымъ у земли. Мнѣ казалось, что въ послѣднемъ случаѣ наше плаваніе будетъ гораздо хуже, нежели тогда, когда мы предоставимъ себя на произволъ льдовъ. На этомъ основаніи мы пока прикрѣпили судно къ большой ледяной глыбѣ и приготовились чистить котелъ и пересыпать уголь.

Мы находимся въ открытомъ морѣ, въ которомъ лишь кое гдѣ плаваютъ большія глыбы льда, но у меня есть предчувствіе, что это будетъ наша зимняя гавань.

Сегодня объявлена большая война клопамъ. Мы направили широкую струю пара на матрацы, диванныя подушки и всюду, гдѣ по нашему мнѣнію могъ скрываться врагъ. Всѣ принадлежности одежды положены въ бочку, герметически закупорены, за исключеніемъ мѣста, черезъ которое вводится кишка, проводящая паръ. Внутри шипитъ и свиститъ, немного пара проходитъ черезъ пазы; по нашему мнѣнію, клопамъ должно быть довольно таки горячо. Но внезапно бочка лопается, паръ вылетаетъ, крышка срывается точно отъ сильнаго взрыва и далеко выбрасывается на палубу. Я надѣюсь, что цѣль была достигнута, но это такой ужасный врагъ! Юэлль попробовалъ старинный опытъ и посадилъ клопа на кусочекъ дерева, чтобы посмотрѣть поползетъ ли онъ къ сѣверу. Животное не двигалось, Юэлль взялъ крючокъ и сталъ толкать клопа, но ничто не помогало: клопъ только поворачивалъ голову изъ стороны въ сторону. «Да раздави же его! вскричалъ Бентсенъ», что и было исполнено.

Суббота 23-го сентября. Мы стоимъ на томъ же мѣстѣ привязанные, и возимся съ углемъ. Непріятный контрастъ: на суднѣ у насъ, включая людей и собакъ, все черно и грязно, а кругомъ все такъ бѣло и такъ блеститъ при солнечномъ сіяніи.

Воскресенье 24 го сентября. Работа съ углемъ продолжается. Утромъ туманъ, прояснившійся въ теченіи дня, причемъ открылось, что мы со всѣхъ сторонъ окружены довольно толстымъ льдомъ. Между ледяными глыбами лежитъ рыхлый ледъ, который скоро сдѣлается плотнымъ. Къ сѣверу есть открытое пространство, но небольшое, изъ бочки мы еще можемъ при помощи подзорной трубы разглядѣть море, на югѣ, по ту сторону льдовъ. Повидимому, мы должны готовиться къ тому, что будемъ заперты.

Страна тутъ мертвая; нигдѣ и признака жизни, кромѣ единственной породы тюленей (Phoca foetida) въ водѣ. На льдинѣ, возлѣ насъ, виднѣются старые слѣды бѣлаго медвѣдя. Опять мы пробуемъ бросать лотъ, но не достигаемъ дна. Странно, что здѣсь такая глубина.

Тьфу! врядъ ли можно придумать болѣе грязное занятіе, чѣмъ эта работа съ углемъ. Жаль, что такое полезное вещество, какъ каменный уголь, должно быть столь чернымъ! Мы только и дѣлаемъ, что поднимаемъ уголь изъ трюма и наполняемъ имъ лари, но всѣ должны помогать въ этой работѣ и все полно грязи; одни стоятъ въ трюмѣ на кучкѣ угля и наполняютъ имъ ведра, другіе поднимаютъ ведра. Особенно годится для этой работы Якобсенъ; своими крѣпкими руками вытаскиваетъ онъ одно ведро за другимъ, точно спичечныя коробки. Остальные путешествуютъ съ этими ведрами отъ большого люка по палубѣ взадъ и впередъ и высыпаютъ уголь. Само собою разумѣется, угольная пыль разлетается по всей палубѣ. Собаки прячутся по угламъ, черныя и взъерошенныя, ну и мы сами тоже надѣваемъ въ такіе дни далеко не лучшія свои платья. Нѣкоторое развлеченіе доставилъ намъ странный видъ нашихъ собственныхъ физіономій, темнаго цвѣта съ черными полосами въ самыхъ невозможныхъ мѣстахъ и блестящими сквозь грязь глазами и бѣлыми зубами. Кто случайно коснется рукой бѣлой стѣны каюты, тотъ непремѣнно оставляетъ черный слѣдъ пяти пальцевъ; особенно двери изобилуютъ подобнаго рода воспоминаніями. Мы перевернули подушки сидѣнія на диванахъ, такъ какъ въ противномъ случаѣ на нихъ также получились бы прочные отпечатки другой части тѣла. Что же касается скатерти, то, къ счастью, у насъ таковой не было. Однимъ словомъ пересыпка угля это самое грязное, непріятное занятіе, какое только можно себѣ представить, особенно среди этой свѣтлой, чистой обстановки. Хорошо, что въ свѣжей водѣ для умыванія недостатка нѣтъ. Мы воду находимъ въ каждомъ углубленіи льдины, такъ что имѣемъ нѣкоторую надежду снова стать чистыми современемъ. Возможно также, что это наша послѣдняя пересыпка угля.

Понедѣльникъ, 25-го сентября. Крѣпче и крѣпче замерзаемъ! прекрасная тихая погода. Въ послѣднюю ночь 25° С. ниже нуля. Наступаетъ зима. Медвѣдь намъ сдѣлалъ визитъ, но убрался раньше, чѣмъ кто нибудь успѣлъ выстрѣлить.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ОЛИВЬЕ ДАТАНЪ.

(Изъ политическихъ нравовъ современной Франціи).

Ром. Жюля Каза.

VIII.

Но народы умираютъ не такъ-то легко! Да и умираютъ-ли они? Кровь одной націи переливается въ вены другой; смѣшанная съ чужой кровью, она заставляетъ биться другія сердца, воспламеняетъ другіе умы, создаетъ новыя существа; она течетъ вѣчно, передается почти безъ измѣненій; живая, могучая, животворная—она на разстояніи тысячелѣтій связываетъ отдаленное потомство съ первыми предками!

Послѣ большихъ потрясеній наступаютъ сильныя реакціи, умъ освобождается отъ кошмара; вслѣдъ за бѣдствіями, страданіями и слезами смѣхъ опять звучитъ беззаботно.

Когда война окончилась стыдомъ, возстаніе потонуло въ крови и задохнулось подъ развалинами, Франція вдругъ принялась смѣяться и забывать. Люди снова видались, обнимались, чувствуя себя, наконецъ, свободными. Небо синѣло, воздухъ былъ теплый и животворящій. Отыскавшіе своихъ мертвецовъ примирились уже съ потерями, погибшіе—вновь оживали въ блестящемъ и примиряющемъ ореолѣ воспоминаній. Жажда любви опять сближала губы для поцѣлуевъ. Тщеславіе тѣхъ, кто самъ страдалъ, кто устоялъ, кто просто наблюдалъ, поэтизировало самыя страданія. Начинались разсказы, искаженные, раздутые вольными и невольными грѣхами памяти. Конечно, всѣ носили въ себѣ кровавую рану, которую ничто не могло заживить; иные мыслители и поэты готовились сойти въ могилу подъ впечатлѣніемъ ужаса. Наединѣ со своими мыслями люди были сосредоточены и строги, но, собравшись вмѣстѣ, они улыбались, разговаривали, скрывали свою грусть, искали шума и блеска. Парижъ возобновлялъ свои праздники, развлеченія, пріемы, свои балы, свою болтовню; населеніе увеличивалось; всѣ принимались за дѣла, стараясь наверстать потерянное время.

Отрочество Оливье окончилось вмѣстѣ съ войной. Передъ нимъ теперь открывалась жизнь. Онъ стремился къ общественной дѣятельности, къ политикѣ и трибунѣ; онъ мечталъ о славѣ, и эти мечты, охлажденныя первымъ столкновенiемъ съ дѣйствительностью, здравымъ смысломъ и разсудкомъ, — онъ хранилъ про себя, тайно, но упорно.

Онъ кончилъ курсъ въ школѣ правовѣдѣнiя. Сдѣлавшись юнымъ адвокатомъ, ожидающимъ дѣлъ, онъ долженъ былъ разстаться съ отцомъ. Онъ жилъ одинъ въ Парижѣ, въ бѣдной улицѣ по близости отъ ботаническаго сада, имѣя кое-какiе плохо оплачиваемые уроки и поддерживаемый докторомъ, практика котораго съ годами и немощами уменьшалась, и который могъ оказывать сыну только незначительную помощь. Оливье, высокiй, широкiй въ плечахъ, съ поднятой гордой, выразительной, красивой головой, съ черными, горящими глазами и крѣпкими челюстями, все еще сохранялъ видъ ранней молодости. Въ его физiономiи сказывалась слабость характера, въ манерахъ проглядывала не то нерѣшительность, не то застѣнчивость, и какое то внутреннее волненiе. На первый взглядъ въ немъ кидалась въ глаза смѣсь силы и слабости, которая удивляла и привлекала. Нельзя было точно сказать, съ кѣмъ приходилось имѣть дѣло.

Почти каждый четвергъ онъ обѣдалъ у Коломеса въ обществѣ Перонна и Денюнка. Это были товарищескiе обѣды, на которыхъ мать Коломеса, женщина больная, не присутствовала; однако ея сынъ, изъ уваженiя къ ней, считалъ своимъ долгомъ не приглашать на нихъ Лазарюса, невоздержность и кабацкая разнузданность котораго шокировали бы въ этомъ изысканномъ домѣ, какъ шокируетъ грязное, дырявое платье при бальномъ освѣщенiи. Ихъ было, слѣдовательно, только четверо, связанныхъ узами школьной дружбы. Въ каждомъ изъ этихъ собранiй шли толки о будущемъ его молодыхъ членовъ. Послѣ обѣда они переходили въ кабинетъ Коломеса, представлявшiй нѣчто въ родѣ рабочаго будуара, кокетливо убраннаго, застланнаго коврами, пропитаннаго смѣшаннымъ запахомъ турецкаго табаку и женскихъ духовъ; на каминѣ возвышался бюстъ стараго Коломеса, изгнанника, умершаго въ ссылкѣ; его портреты, красками и карандашомъ, сдѣланные въ разные годы его жизни, развѣшены были также по стѣнамъ. Въ теченiе вечера приходили выкурить папироску и выпить чашку чая и другiе друзья Коломеса, они были многочисленны, разнокалиберны и постоянно мѣнялись.

На одномъ изъ этихъ обѣдовъ Денюнкъ объявилъ, что онъ женится. Онъ уже сильно растолстѣлъ; густая и жесткая борода закрывала большую половину его щекъ.

— Ты женишься!—вскричалъ Перонна.

— Да... чему-же ты удивляешься?

— Такъ... но женитьба кажется мнѣ вещью необыкновенной, наконецъ просто ненормальной.

— Ненормальной? Ну нѣтъ, это законъ природы и общества... Я смотрю на женитьбу, какъ на дѣло разума и порядка въ жизни...

— Но у тебя будетъ шесть человѣкъ дѣтей къ тридцати годамъ! О, несчастный.

Денюнкъ разсмѣялся.

— Надѣюсь, что нѣтъ... А еслибъ и такъ, у меня сильныя плечи и крѣпкіе кулаки... я съумѣю прокормить своихъ...

Онъ писалъ политическія статьи въ двухъ газетахъ, и статьи эти уже были замѣчены въ парламентскомъ мірѣ. Онъ былъ, кромѣ того, учителемъ исторіи въ большомъ женскомъ пансіонѣ и давалъ частные уроки богатымъ иностранцамъ.

— На комъ же ты женишься?—спросилъ Коломесъ.

— На кузинѣ... Это былъ бы почти романъ, еслибъ исторія не была такъ проста... Мы были друзьями въ дѣтствѣ, потомъ я потерялъ ее изъ вида. Ея отецъ, мой дядя, бывшій чиновникъ, умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, оставивъ небольшую пенсію женѣ. Она тоже умерла недавно, и всю ночь послѣ ея похоронъ я думалъ о кузинѣ Розѣ. На слѣдующее утро я былъ у нея. Мы крѣпко обнялись, и послѣ столькихъ лѣтъ разлуки между нами сразу установилась прежняя дѣтская близость. Я ее заключилъ въ объятія, какъ въ старыя времена, она плакала на моей груди, а я осматривалъ обстановку... Это была нищета, чистая, достойная, молчаливая, ужасная. Мнѣ показалось, что вся эта бѣдность взываетъ ко мнѣ. Нѣжныя руки сестры, которыя меня обнимали, казалось, цѣплялись за свою единственную поддержку. Я спросилъ: «что же ты будешь теперь дѣлать?»

— «Работать... Я умѣю шить». Вы знаете, что такое женская работа. Она не кормитъ, но убиваетъ навѣрняка... Ну, я увидѣлъ, что не могу бросить этого ребенка, попавшагося мнѣ на дорогѣ. Я предложилъ ей выйти за меня замужъ, она согласилась, и я женюсь... Она не красива, но мила, молода и обладаетъ мужественнымъ сердцемъ.

Онъ разсказалъ все это просто, безъ волненія, такъ что трогательная сторона этой исторіи почти исчезла. Рѣшеніе Денюнка было скорѣе дѣломъ логики, чѣмъ результатомъ порыва. Онъ понималъ жизнь по своему, и случившееся съ нимъ событіе помогало ему, гарантируя спокойное и вѣрное счастье.

Наступила минутная тишина. Друзья, удивленные или взволнованные, задумались.

Коломесъ, поднимая свой стаканъ, вскричалъ:

— За твое здоровье, старина, за твое счастье! Ты славный малый.

Всѣ чокнулись съ волненіемъ, похожимъ на то, которое сопровождаетъ отъѣзды и разставанія.

— Однимъ меньше,—сказалъ Перонна.—Мы распадаемся. Изъ четырехъ насъ осталось трое, скоро останется двое, потомъ мы станемъ видаться только изрѣдка, встрѣчаясь на улицѣ или въ корридорѣ театра. Каждый изъ насъ повернетъ въ свою сторону и врядъ ли мы вспомнимъ нашу старую дружбу хотя бы на пять минутъ въ году. Да, человѣкъ старѣетъ рано... Ну, мы выпили за Денюнка, онъ попалъ на свои рельсы... Выпьемъ теперь за успѣхи остальныхъ.

Они выпили снова.

— Ну, а я,—сказалъ Коломесъ,—беру свою долю веселья и счастья повсюду. Свѣтъ меня занимаетъ. Я надъ нимъ смѣюсь — порой вслухъ, порой про себя, а онъ меня все-таки любитъ. Почему? Скажу вамъ, друзья мои, не хвастаясь: потому что я его очаровываю. Своей манерой не задѣвать его предразсудковъ, своимъ наружнымъ легкомысліемъ, своимъ добродушнымъ смѣхомъ, наконецъ, тѣмъ, что онъ мнѣ нравится,—я его плѣняю и покоряю. Онъ меня балуетъ, ухаживаетъ за мной. Ну, такъ пусть же онъ меня и выдвинетъ, пусть доставитъ мнѣ положеніе. Въ салонахъ, которые я посѣщаю, мнѣ охотно доставляютъ маленькія удовольствія—то мѣсто въ ложѣ, то что нибудь въ этомъ родѣ... Меня не забываютъ. Что жъ,—для начала я пользуюсь этими пустяками. Спѣшить не къ чему, времени еще довольно. Современемъ—я намѣренъ получить полностью по счету, но у меня еще много веселья и смѣха: ихъ надо истратить прежде, чѣмъ влѣзу въ шкуру солидной особы.

Перонна слушалъ символъ вѣры своего друга, пытаясь улыбаться. Но эта улыбка только кривила ему губы, придавая его хорошенькой физіономіи южанина, съ правильными и благородными линіями, завистливое и злое выраженіе. Онъ — спеціально созданный, чтобы быть женскимъ любимцемъ—провидѣлъ привилегированное существованіе своего друга, онъ слышалъ ласкающій шопотъ голосовъ молодыхъ свѣтскихъ дѣвушекъ и женщинъ, угадывалъ всѣ эти дозволенныя, но волнующія легкія прикосновенія, всѣ маленькія тонкости свѣтскаго сладострастія. А онъ, такой красивый, такой смѣлый, онъ, который заставлялъ прохожихъ на улицѣ оборачиваться на себя, онъ пугалъ свѣтскую женщину, женщину приличную. Она имъ любовалась, онъ это чувствовалъ, но не подпускала его къ себѣ. За то у женщинъ полусвѣта онъ былъ королемъ. Въ глубинѣ души онъ завидовалъ Коломесу.

Эта зависть, раздражающая и непрестанная, которую онъ

носилъ въ себѣ, обостряла его желанія и амбиціи, освобождала его отъ всякихъ стѣсненій въ выборѣ средствъ и, искушая и разжигая его, заставляла заботиться только о цѣли. Фальшивый и слащавый, откровенный съ виду, краснорѣчивый минутами, когда это требовалось, скептикъ съ нѣжнымъ голосомъ, онъ твердо рѣшился не щадить никого.

— Смѣяться, все смѣяться!.. Такъ ты находишь очень занятнымъ этотъ свѣтъ? Я—нѣтъ! Я вижу въ немъ, напротивъ, ассоціацію людей, ранѣе меня явившихся на землю, захватившихъ мое мѣсто, загородившихъ мнѣ дорогу и готовыхъ меня растерзать, какъ только я двинусь. Я хочу только наслажденія, захватывающаго и полнаго. Передо мною врагъ, который мнѣ мѣшаетъ, и я на него нападаю. Мнѣ нужна побѣда. Какъ я добьюсь ея? Смѣлостью, деньгами... Деньги, много денегъ!.. золота, банковыхъ билетовъ... полные карманы и ящики. Передъ этимъ они преклонятся и станутъ цѣловать то, что я имъ подставлю. Ѣсть самому или быть съѣденнымъ — я уже сдѣлалъ свой выборъ! Это бойня, — ну и пусть. Тѣмъ хуже для слабыхъ, которые гибнутъ или малодушно останавливаются передъ угрызеніями совѣсти послѣ первой раны, которую они наносятъ... Денегъ прежде всего!.. Это единственная сила нашей эпохи. Они замѣняютъ шпагу, мечъ, ядъ, ловушки, тюрьмы, in-pace старыхъ романовъ и старой исторіи. Съ ними можно заколоть, отравить, замуравить, уничтожить... И не бойтесь,— погибаютъ не невинные, бьютъ только бракованныхъ... Что касается женщинъ,—то твои дамы черезъ чуръ сладки, черезъ чуръ хрупки для меня... Мнѣ нужно тѣло, которое трепещетъ и жжетъ... жжетъ меня, своего обладателя!

Денюнкъ прервалъ его, смѣясь:

— Однако, мы дѣлимъ между собою міръ за дессертомъ...

— Оливье! — сказалъ Коломесъ, — ты не открывалъ рта. Смотри, на твою долю не останется ничего. Денюнкъ удержалъ за собой долгъ, доктрину, старый міръ, Перонна — новый міръ и богатство, я — сладкую пѣну и обольщенія салоновъ, маленькія удобства свѣтской жизни. Ну, а ты?

— Я... я?..

Всѣ смотрѣли на него. Спрошенный внезапно о томъ, чего онъ ждалъ отъ судьбы, Оливье не зналъ, что отвѣтить. Его честолюбіе не походило ни на одно изъ честолюбій его друзей, хотя и соприкасалось съ каждымъ изъ нихъ. Оно было выше, такъ какъ освѣщалось энтузіазмомъ — желаніемъ славы. Онъ не смѣлъ произнести этого слова: не значило ли бы это идти навстрѣчу ироническихъ улыбокъ? профанировать тайну, которую онъ носилъ въ сердцѣ? Наконецъ, пожалуй, потерять часть своей вѣры, раскрывая ее для посторонняго взгляда.

Перонна вскричалъ:

— Оливье всегда мечталъ стать Брутомъ, онъ мечтаетъ объ этомъ и теперь. У насъ республика, но не достаетъ Цезаря, господа!

Оливье слегка покраснѣлъ и отвѣтилъ сухо:

— Нѣтъ, я просто-на-просто мечтаю о томъ, чтобы заработать двѣ-три тысячи франковъ въ годъ и чтобы не умереть съ голода...

Эта фраза прозвучала дико и сразу оборвала разговоръ... Порой неожиданный звонъ отдаленнаго колокола или арія шарманки, бой часовъ или трескъ мебели — внезапно среди горячаго спора сотрясаютъ нервы и разнузданный полетъ воображенія смѣняется успокоеніемъ, мечты разсѣиваются, какъ дымокъ потушеннаго огня, завѣса спадаетъ съ глазъ, зрѣніе проясняется и человѣку кажется, что никогда еще онъ не смотрѣлъ такъ ясно... Нѣсколько словъ, произнесенныхъ Оливье, произвели подобное дѣйствіе. Всѣ четверо смолкли, водворилось странное замѣшательство. Они слѣдили другъ за другомъ до самыхъ тайниковъ души и поняли, какъ они далеки другъ другу, насколько ихъ хрупкая старая дружба зависѣла отъ личныхъ интересовъ, отъ аппетитовъ, отъ самолюбій, отъ всякаго пустяка, отъ перваго слова. Сердца ихъ бились не въ унисонъ.

Коломесъ первый нарушилъ молчаніе.

— Оливье, господа, скрываетъ свою игру... Мы его знаемъ, мы знаемъ чего онъ стоитъ и что означаетъ его ложная скромность... Онъ станетъ чѣмъ нибудь большимъ, чѣмъ мы всѣ... А пока,—прибавилъ онъ вставая,—пойдемъ поваляться на диванъ.

И они перешли въ кабинетъ, куда имъ подали кофе.

Улицы были пустынны, когда Оливье возвращался домой. Ночь была тиха и ясна. Шаги гулко отдавались по тротуару. Онъ размышлялъ объ этомъ вечерѣ. Онъ молчалъ, но онъ лучше всѣхъ понялъ своихъ друзей. И онъ осудилъ ихъ, осудилъ строго, съ чувствомъ, похожимъ на обиду. Ихъ аппетиты казались ему грубыми, легкомысленными или пошлыми. Онъ сердился за что-то, въ точности не зная за что, и въ то же время чувствовалъ пренебреженіе... Себя онъ сознавалъ выше ихъ. Коломесъ шелъ въ жизнь, поддержанный уважаемымъ именемъ, неся туда свою грацію и способность примѣняться ко всѣмъ. Перонна, красивый, какъ древній грекъ, и смѣлый, какъ бандитъ, будетъ взламывать замки чужихъ кассъ; за Денюнкомъ была размѣренная правильность и трудолюбивое постоянство. Но онъ, Оливье, одинокій, безъ громкаго имени, безъ денегъ, безъ покровительства женщинъ—имѣлъ всетаки больше! Что-же именно? Волю, вѣру въ себя и мужество среди нищеты. Онъ чувствовалъ въ себѣ какъ-бы зародышъ другого человѣка, и этотъ «другой», еще неродившійся, будетъ великъ и могу-

щественъ. Онъ долженъ былъ завоевать все: хлѣбъ — во первыхъ; потомъ—нравственное и умственное господство; и наконецъ—извѣстность. Господи! сколько лѣтъ, сколько испытаній отдѣляетъ его отъ желаннаго дня! Увидитъ-ли онъ когда нибудь зарю этого дня?

Сердце Оливье билось, руки лихорадочно горѣли, лобъ пылалъ передъ перспективой осуществленія его мечты. Онъ видѣлъ себя въ людской сумятицѣ гордымъ и великолѣпнымъ, среди схватокъ и ненавистей, среди разставленныхъ западней, торжествующимъ силой слова, борющимся до послѣдняго издыханія, отвоевывающимъ свою побѣду шагъ за шагомъ, отражающимъ нападенія одной широкой звучной фразой, разоблачающимъ живые софизмы однимъ щелчкомъ, какъ сбиваютъ по вѣтру пыль, сѣвшую вамъ на рукавъ... Назрѣвающее въ душѣ, пока еще нѣмое краснорѣчіе клокотало въ немъ, отдаваясь глухими отдаленными ударами. Деньги? что ему деньги! Женщины? онѣ будутъ любоваться имъ, онѣ придутъ сами. Станетъ-ли онъ дѣлать имъ авансы! Онъ придетъ къ нимъ, какъ и ко всѣмъ, съ одной только славой своего имени... Когда нибудь въ этомъ имени заключится судьба страны...

Сколько разъ мечталъ онъ такимъ образомъ еще въ дѣтствѣ. Въ пятнадцать лѣтъ мечта представлялась такъ ясно и близко, что онъ, казалось, могъ ощупать ее рукой. Но затѣмъ, каждый годъ отдалялъ ее, а послѣдніе годы были особенно долги и грустны. Какъ тяготила его война, ужасная, предательская, съ привычкой къ неудачамъ и потерямъ! Зеленый мохъ, веселые цвѣты покрываютъ поля сраженій и трупы... Сто разъ можно пройти по этой муравѣ, не думая о томъ, что здѣсь скрыто, но вдругъ вспомнишь съ невольной дрожью...

О, эти мѣсяцы, когда раздавалась канонада нашихъ пораженій, казались Оливье годами! И вотъ въ тѣ года, когда несложившійся характеръ, какъ молодой ростокъ, чувствуетъ на себѣ угнетающее давленіе всего окружающаго, — Оливье уже питался сомнѣніями и страхомъ неудачъ. Это отложило въ немъ унылую складку.

Затѣмъ чрезмѣрное умственное возбужденіе поддерживало въ немъ состояніе угнетенія. Но въ этотъ вечеръ онъ не поддавался; онъ боролся, онъ хотѣлъ надѣяться и вѣрить. Въ теченіе послѣднихъ дней въ немъ теплилась тайная радость; она таилась въ глубинѣ всѣхъ его мыслей, и сейчасъ за обѣдомъ онъ думалъ о ней въ то время, какъ другіе говорили. Завтра отецъ долженъ былъ представить его Барро, Раулю Барро, вождю демократіи, великому патріоту, избраннику двадцати департаментовъ, герою, чьи изображенія въ тысячѣ видовъ развѣшены по закоптѣлымъ стѣнамъ самыхъ глухихъ деревушекъ; трибуну, пылкое и геніальное краснорѣчіе котораго по-

трясло Европу въ ея основахъ; апостолу, рожденному среди высшихъ, титулованныхъ и благородныхъ, но отвергшему гербы и смѣшавшемуся съ малыми и простыми; тому, кто вдругъ выросъ среди нашихъ пораженій передъ лицомъ удивленной Европы, кого она оскорбляла, осыпала клеветой и кѣмъ потомъ любовалась, кого потомъ признала главой народа! Подойти къ этому человѣку, говорить съ нимъ, почувствовать его руку въ своей было въ глазахъ Оливье чѣмъ-то въ родѣ посвященія неофита, которому показывали Бога. Оставались еще цѣлыя сутки до этого свиданія, но онъ уже дрожалъ отъ волненія.

Онъ пришелъ къ дому, въ которомъ жилъ. Въ четвертомъ этажѣ корридоръ обходилъ кругомъ всего зданія и въ этотъ корридоръ выходило множество дверей отъ комнатъ и небольшихъ квартирокъ. На послѣднемъ поворотѣ Оливье увидѣлъ широкую полосу свѣта, прорѣзавшаго мракъ корридора, какъ разъ противъ его двери.

Въ этой комнатѣ жила дѣвушка-работница. Порою, встрѣчаясь съ нею, онъ уступалъ ей дорогу, приподнимая шляпу, но никогда они не обмѣнялись ни словомъ. Между тѣмъ въ этомъ сосѣдствѣ была своего рода интимность. Они знали привычки другъ друга, каждый изъ нихъ слышалъ, когда другой возвращался. Часто она пѣла. Онъ слушалъ разсѣянно черезъ тонкую перегородку этотъ свѣжій голосъ, чистота и ритмъ котораго заставляли его забывать, что дѣвушка не была красива.

Теперь полоса свѣта въ узкомъ черномъ корридорѣ его удивила—это былъ какъ бы дружескій лучъ, свѣтившій въ ожиданіи его прихода, на встрѣчу его энтузіазму. Казалось, это предзнаменованіе.

Ночь уже прекращалась въ этомъ мрачномъ углу: здѣсь уже загорались идеи.

Оливье чувствовалъ, что онъ не заснетъ. Ему не хотѣлось ни читать, ни работать; хотѣлось говорить, дѣлиться своими идеями. Его соблазняла мысль познакомиться съ сосѣдкой.

Онъ остановился у открытой двери и посмотрѣлъ внутрь. Не смотря на бѣдность, комната, освѣщенная лампой подъ розовымъ абажуромъ, оживлялась тысячью кокетливыхъ бездѣлушекъ, свойственныхъ женщинѣ аккуратной и обладающей вкусомъ. Работница, стоя у стола, перебирала на немъ груду искусственныхъ цвѣтовъ, совершенно бѣлыхъ. Она была стройна, темное платье падало прямыми складками, движеніе рукъ обнаруживало красивую талію, волосы были слегка спутаны послѣ долгаго рабочаго дня; дѣвушка шептала цифры, считая, сколько принесутъ ей всѣ эти цвѣты, которые она укладывала съ деликатной внимательностью.

— Добрый вечеръ, mademoiselle.

Она повернула голову, удивленная, но не испуганная, такъ какъ слышала и узнала шаги своего сосѣда. Она посмотрѣла на него съ колебаніемъ, потомъ отвѣтила:

— Добрый вечеръ, monsieur.

Она была дурнушка, черты ея лица были неправильны и вульгарны, но черты эти смягчались нѣкоторой тонкостью выраженія и ласкающей бархатистостью взгляда большихъ, затуманенныхъ, выпуклыхъ глазъ. Въ эту минуту, при этомъ освѣщеніи, скрадывавшемъ его блѣдность, лицо это съ потемнѣвшими вѣками и слѣдами утомленія во всѣхъ чертахъ—дышало особой и несомнѣнной прелестью. Тѣло, обрисованное темнымъ платьемъ, казалось прекраснымъ.

— Сегодня вы кончаете работу очень поздно.

Она отвѣтила просто и рѣшительно, смотря на кучу цвѣтовъ.

— О, да... нужно было. Теперь заготовляютъ запасъ къ празднику св. Маріи... Все это разойдется по провинціямъ, по деревенскимъ церквамъ...

— Эти цвѣты назначены для церквей?

— Да... Въ теченіе мѣсяца они будутъ украшать часовни св. Дѣвы. Передъ ними будутъ преклоняться, они услышатъ шопотъ молитвъ, много и акафистовъ, много бормотаній священниковъ... Эти цвѣты увидятъ также много слезъ...

— Можетъ быть, вы увидите ихъ сами на какомъ нибудь алтарѣ...

Она замолчала, и ея взглядъ, казалось, говорилъ молодому человѣку, что это ея секретъ: они слишкомъ мало знакомы для того, чтобы дѣлиться признаніями.

— Какъ васъ зовутъ?—спросилъ онъ.

— Гонорина, мосье Оливье,—отвѣтила она, на этотъ разъ съ улыбкой.

— А, вы знаете мое имя!

— Боже мой, да! И я знаю еще, что вы живете тутъ напротивъ, что вы работаете долго по ночамъ, что вы ложитесь гораздо позднѣе меня, что вашъ отецъ докторъ изъ окрестностей Парижа, что онъ одинъ изъ лучшихъ людей въ свѣтѣ что вы разъ въ недѣлю обѣдаете у своихъ друзей, что вы ведете правильную жизнь, что вечеромъ въ постелѣ вы разговариваете сами съ собою, что я иногда слышу даже то, что вы говорите... что, неправда-ли,—я знаю много?

И она засмѣялась яснымъ смѣхомъ, который напоминалъ ея пѣніе. Оливье почувствовалъ, чта эта дѣвушка его смущаетъ и призлекаетъ. Вотъ какъ! Она интересовалась имъ уже давно... Онъ скрылъ свое замѣшательство, тоже разсмѣявшись.

— Вы дѣйствительно знаете много... Ну, такъ станемъ же вести знакомство, по сосѣдски, если вы не прочь отъ этого...

— Съ удовольствіемъ... И если я могу вамъ быть полезна... Мужчина не всегда съумѣетъ пришить пуговицу или починить обившійся низъ панталонъ...

— Благодарю васъ... Покойной ночи, мадемуазель Гонорина.

Онъ не посмѣлъ протянуть ей руку.

— Покойной ночи, мосье Оливье.

Онъ вошелъ въ свою комнату... Заснулъ онъ счастливый, думая о представленіи, которое его ожидало завтра, а также объ этой странной дѣвушкѣ.

IX.

Онъ проснулся, когда лучи солнца сверкали на стѣнахъ его комнатъ.

Первая его мысль была о сосѣдкѣ, объ ихъ вчерашнемъ разговорѣ. Какое новое, неожиданное положеніе создаетъ въ жизни сказанное слово. Никогда онъ не думалъ объ этой женщинѣ, а сегодня утромъ онъ проснулся съ мыслью о ней. Ему казалось даже, что онъ съ ней и не разставался; всю ночь они были другъ возлѣ друга, болтали, открывали другъ другу свои сердца.

Онъ прислушался, чтобы слышать, возится-ли она въ своей комнатѣ, но за стѣной все было тихо. По всей вѣроятности, она понесла свои цвѣты. Тогда онъ попробовалъ возстановить въ своей памяти черты этой женщины. Онъ ее видалъ очень часто и мало по малу привыкъ къ ней; иногда, спускаясь съ лѣстницы, онъ ждалъ встрѣчи, ему хотѣлось улыбнуться ей мимоходомъ.

Теперь его толкалъ къ ней порывъ симпатіи... Она тоже думала о немъ, и ихъ взаимное любопытство требуетъ отвѣта. Сдѣлается-ли она его любовницей? Согласится-ли она на это? и желаетъ-ли онъ этого самъ?

Ему было необыкновенно пріятно воображать эту связь. Онъ забывалъ, что Гонорина была некрасива, и помнилъ только предполагаемую красоту ея тѣла. Даже неправильныя черты ея лица дышали для него прелестью, которую его память преувеличивала. Никогда еще онъ не былъ близокъ съ женщиной, не зналъ, что такое любовница. Ввѣряться, помогать другъ другу, ободрять другъ друга поцѣлуями! Эта дѣвушка его пойметъ, онъ это чувствовалъ, хотя она и принадлежала къ къ другому классу. Этотъ союзъ сдѣлаетъ его менѣе одинокимъ. Послѣ долгихъ часовъ работы, когда въ тѣлѣ, склоненномъ надъ столомъ, чувствуется разбитость, а въ головѣ усталость, около него не будетъ пусто, дружескій голосъ отвѣтитъ на

его голосъ, милыя губы протянутся къ его губамъ. Онъ почерпнетъ изъ этой близости силу и мужество, которые исчезаютъ въ тишинѣ и уединеніи. О, да, онъ чувствуетъ потребность въ поддержкѣ. Ему хочется имѣть около себя кого нибудь, кому бы онъ могъ говорить о своихъ мечтахъ, о своихъ планахъ, о своихъ горестяхъ. Онъ призываетъ не любовь, а именно возможность раздѣлить все это съ женщиной. Жэнщина его просто выслушаетъ и дастъ ему свои ласки.

Онъ сморѣлъ съ замираніемъ сердца на голыя стѣны своей комнаты, на неуютную бѣдноту своей холостой обстановки. Обыкновенно, проснувшись, онъ вскакивалъ тотчасъ съ кровати, сегодня же лѣнь, происходящая отъ какой-то робости и застѣнчивости, мѣшала ему покинуть теплоту постели. Онъ думалъ о томъ, что вечеромъ онъ будетъ представленъ Барро, и не чувствовалъ при этомъ вчерашняго энтузіазма; теперь ему было только страшно.

Яркая полоса солнечнаго свѣта на полу показала ему, что скоро полдень. Онъ опять прислушался, не вернулась-ли сосѣдка. Ему хотѣлось бы провести день, болтая съ ней, въ ожиданіи вечера. Но у нея было тихо.

Наконецъ, онъ рѣшился, всталъ, одѣлся и пошелъ завтракать въ сосѣднюю молочную. Послѣ завтрака, онъ поднялся опять къ себѣ, чтобы посмотрѣть, не вернулась-ли Гонорина. Но въ ея комнатѣ по прежнему было тихо. Тогда онъ опять спустился внизъ и пошелъ въ ботаническій садъ, гдѣ долго бродилъ передъ клѣтками дикихъ животныхъ, которыя опускали свои тяжелыя вѣки подъ его упорнымъ взглядомъ. Два раза взбирался онъ еще къ себѣ и снова возвращался въ садъ; Гонорины все не было. Вечеръ засталъ его у рва, служащаго для помѣщенія медвѣдей; онъ смотрѣлъ на звѣрей, досадовалъ на сосѣдку и чувствовалъ страхъ предстоящаго знакомства съ Барро.

Это знакомство должно было состояться у г-жи Наполи, въ салонѣ которой собирались всѣ знаменитости либеральной партіи и которая слыла за политическую вдохновительницу Рауля Барро. Француженка по происхожденію и еще молодая, она была вдовой итальянца де-Наполи, человѣка, рисковавшаго своей жизнью и состояніемъ на службѣ всѣхъ инсуррекцій. Въ старости, преслѣдуемый въ своемъ отечествѣ, онъ натурализовался во Франціи, уже наполовину мертвый, скрюченный ревматизмомъ. Ореолъ, которымъ его слава покрывала его молодую вдову, ея красота, ея грація, ея состояніе—все это дѣлало ее привлекательной и интересной. Но она отказывала всѣмъ претендентамъ на ея руку, желая сохранить свободу и оставаясь равнодушной къ внушаемымъ ею чувствамъ. Свою сердечную исторію она разсказала въ санти-

ментальномъ романѣ, герой котораго—ученый умираетъ на востокѣ, убитый туземцами.

Докторъ Датанъ, другъ покойнаго Наполи, не любилъ и никогда не посѣщалъ его вдовы. Онъ согласился однако представить ей сына.

Оливье въ застегнутомъ пальто съ поднятымъ воротникомъ, прикрывавшемъ его парадный костюмъ, отправился на вокзалъ навстрѣчу отцу. Они пообѣдали въ маленькомъ ресторанѣ, потомъ,—такъ какъ было всего восемь часовъ, — пошли въ кафе.

Докторъ молчалъ и имѣлъ озабоченный и безпокойный видъ. Оливье это замѣтилъ.

— Этотъ визитъ тебѣ не по душѣ?

— Нѣ...тъ... Но я былъ-бы доволенъ, еслибы это уже было назади. Я потерялъ привычку къ свѣту и, потомъ, вечеромъ мнѣ трудно разстаться съ моими туфлями и постелью.

Оливье покачалъ головой съ недовѣріемъ, подозрѣвая у отца заднюю мысль. Черезъ минуту докторъ заговорилъ снова.

— Я не знаю, зачѣмъ мы идемъ къ Наполи! Что можешь ты выиграть отъ этого знакомства?.. Ты не знаешь, что такое этотъ свѣтъ, что такое вообще свѣтъ... Онъ тебѣ не дастъ ничего... Онъ охотно вступитъ въ обмѣнъ, когда у тебя будетъ что предложить ему для обмѣна. Онъ придетъ къ тебѣ въ тотъ день, когда станетъ тебя бояться... Людей не цѣнятъ по достоинству: ихъ боятся или нуждаются въ нихъ... Еслибъ еще онъ принужденъ былъ тобою заняться, еслибы ты пришелъ къ нему подъ крылышкомъ кого нибудь изъ сильныхъ міра сего, какой нибудь особы, кого нибудь, кто имѣлъ бы надъ нимъ власть...

— А ты?.. Вѣдь ты знаешь такихъ особъ!.. Это твои товарищи 48 и даже 1830 годовъ... Это почти твои друзья...

— О, я..

Онъ пожалъ плечами, и на его губахъ появилась тонкая насмѣшливая улыбка, подъ которой скрывалась горечь. Онъ повторилъ нѣсколько разъ на разные тоны:

— Я... я... я...

— Впрочемъ,—продолжалъ онъ,—я могу и ошибаться... Старые глаза видятъ плохо... Ты, можетъ быть, и правъ... Давай Богъ!.. Такъ называемая опытность стариковъ есть, вѣроятно, простая старческая слабость, потеря довѣрія, которое свойственно молодости.. Къ тому-же мы теряемъ память... Чѣмъ мы были, что думали, какъ дѣйствовали—все это отъ насъ ускользаетъ. И странная вещь, то, что вы, молодые люди, говорите, мы тоже говорили; то, что вы дѣлаете, мы дѣлали; то, что вы думаете, мы думали... А вмѣстѣ съ тѣмъ ваши иллюзіи насъ шокируютъ, будоражатъ насъ, вздымаютъ наши бѣлые волосы. О, бѣдныя, старыя клячи!

Оливье засмѣялся.

— Однако, ты отдѣлываешь себя сегодня!

Но и онъ поколебался. Опасенія отца подѣйствовали и на него, а послѣднія слова старика показались странными. Они указывали на неспокойное состояніе духа, на колебаніе, на что-то въ родѣ смущенія конфузливаго человѣка передъ появленіемъ въ обществѣ. Онъ сердился на отца за то, что тотъ высказался такъ откровенно и смутилъ его самого.

— Идемъ, пора,—сказалъ докторъ.

Они вышли изъ кафе и направились къ улицѣ, на которой жила Наполи. Оливье спрашивалъ себя, не лучше-ли отказаться отъ этого визита. Утреннее предчувствіе его не обманывало,—его ждетъ неудача. Невольно онъ замедлялъ шаги, пропуская отца впередъ. Что, еслибы въ самомъ дѣлѣ не ходить къ Наполи? Дѣйствительно-ли она и Барро ему нужны? Не можетъ-ли онъ самъ создать себѣ положеніе? У него были для этого воля, работа и... можетъ быть, Гонорина. Остальное не важно. Онъ будетъ жить и ждать въ этомъ интимномъ, тайномъ гнѣздышкѣ. Когда нибудь онъ изъ него выйдетъ готовымъ, могущественнымъ, вооруженнымъ краснорѣчіемъ, выработаннымъ долгими годами трудолюбиваго уединенія. Но кто же тогда будетъ его знать?.. Кто придетъ къ нему? Нѣтъ, онъ долженъ сдѣлать этотъ визитъ! Другого случая, можетъ быть, не представится; отецъ не захочетъ, можетъ быть, въ другой разъ принести ему эту жертву.

— Здѣсь,—сказалъ докторъ.

Уже! Однако, этотъ длинный, незанятой и утомительный день прошелъ слишкомъ быстро.

Его волненіе исчезло въ передней. По ту сторону широкой двустворчатой двери слышался шумъ разговора и мужской смѣхъ. Лакей отворилъ эти двери, и они вошли въ сильно освѣщенный, длинный, высокій салонъ въ нѣсколько оконъ, съ глубокими амбразурами, украшенный канделябрами, въ которыхъ горѣли розовыя свѣчи. Посрединѣ висѣла большая люстра, отражаясь въ зеркалахъ, бѣлыя съ золотомъ рамы которыхъ составляли сами по себѣ украшеніе. Мебель была рѣдкая, вся XVIII вѣка, изящная, капризнаго рисунка.

Сначала Оливье не различалъ ничего, кромѣ фраковъ, которые стройной, густой массой рѣзко выдѣлялись на этомъ свѣтломъ фонѣ. Его отецъ пересѣкъ гостиную, онъ послѣдовалъ за нимъ, но ихъ появленіе осталось незамѣченнымъ; ни одинъ разговоръ не прервался, ни одна голова не обернулась въ ихъ сторону.

Въ глубинѣ комнаты одна группа раздвинулась, и онъ увидѣлъ хозяйку, полулежавшую на диванѣ. Одѣтая въ сѣрое, затканное маленькими розами, шелковое платье, съ волосами,

приподнятыми на вискахъ и завитыми на лбу, съ маленькимъ хорошенькимъ ротикомъ и смѣлымъ выраженіемъ, со свѣжимъ цвѣтомъ лица и слегка открытой шеей, она напоминала пастель прошлаго вѣка.

Она прищурила глаза, поднося къ нимъ лорнетъ, и вскричала:

— Датанъ! Какъ! вы здѣсь, докторъ!.. Но васъ никогда не видно... Какой пріятный сюрпризъ!

И, не измѣняя позы, она протянула ему маленькую, полную, бѣлую руку.

— Позвольте мнѣ, madame, представить вамъ своего сына Оливье.

Она опять поднесла къ глазамъ лорнетъ, тотчасъ же его выронила и продолжала разсматривать молодого человѣка мигающими, подвижными глазами.

— Добро пожаловать, monsieur,—сказала она, протягивая ему руку.

Оливье поклонился и пожалъ эту маленькую мягкую руку, которая лежала въ его рукѣ, не отвѣчая на пожатіе. Контрастъ между любезностью тона и холодностью жеста обдалъ его холодомъ и сейчасъ же настроилъ на недовѣрчивый тонъ. Его первое движеніе было враждебно, несправедливо. Онъ нашелъ необъяснимымъ обаяніе, которое эта женщина производила на мужчинъ. Онъ не находилъ ее даже красивой.

Онъ простоялъ съ секунду среди группы, образовавшейся около Наполи. Она говорила. Онъ нашелъ ея слова банальными, пустыми. Откуда такое преклоненіе? Ужъ не была-ли она просто дамой полусвѣта!

Раздался звучный, полный, музыкальный голосъ, который заставилъ его обернуться. Онъ узналъ Барро. Это былъ человѣкъ средняго роста, но казавшійся выше, широкій въ плечахъ, съ головой, гордо откинутой назадъ, блестящими глазами, выразительными чертами лица, широкимъ и вызывающимъ жестомъ.

Этимъ человѣкомъ онъ всегда восхищался. Онъ читалъ всѣ его рѣчи съ сердцемъ, переполненнымъ энтузіазмомъ, и въ эти минуты онъ отдалъ бы свою жизнь этому человѣку, передъ которымъ у него являлась потребность колѣнопреклоненія и боготворенія. Въ своемъ воображеніи онъ ставилъ его выше всѣхъ людей, считалъ его великимъ, славнымъ, недосягаемымъ. Но здѣсь, въ этомъ салонѣ, среди этой толпы это былъ человѣкъ подобный другимъ, умаленный, вульгарный. Даже сила, которой вѣяло отъ его слова, шокировала Оливье своей жесткостью и плохой шлифовкой. Потомъ, во взглядѣ Барро, пылающемъ и вмѣстѣ пытливо слѣдящемъ за выраженіемъ лицъ, въ насмѣшливой улыбкѣ его толстыхъ губъ Оливье какъ

будто угадывалъ хитрость и двуличность; ему чудилась тутъ холодная и разсчетливая душа, притаившаяся и наблюдающая, предоставившая обилію жестовъ и словъ заботу покорять и ослѣплять слушателей.

И всетаки Оливье слушалъ эти слова, потрясенный, несмотря на испытанное впечатлѣніе. Барро говорилъ о послѣдней войнѣ. Вдругъ его голосъ покрылъ всѣ разговоры въ салонѣ и водворилъ молчаніе. Онъ всталъ, лицо его дышало страстью, волосы вздрагивали, какъ львиная грива. Въ нѣсколькихъ длинныхъ, размѣренныхъ, гармоничныхъ фразахъ онъ нарисовалъ возможное будущее, новый расцвѣтъ отечества, торжество возрожденія! Уже не слова слетали съ его губъ, это были осязательные образы, которые можно было видѣть. Изъ ничего возникло блестящее будущее; оно выплывало въ яркой славѣ новаго солнца, оно опредѣлялось, оно приближалось съ каждымъ новымъ образомъ оратора, будущее, такъ полно звучавшее торжествомъ народнаго пробужденія!

Оливье почувствовалъ, что у него пробѣжала дрожь по спинѣ, и слезы подступили къ глазамъ. Опять онъ былъ побѣжденъ, готовъ цѣловать руки оратора, походившаго со своимъ выпрямленнымъ станомъ и протянутой рукой, со своей благородной осанкой и сіяніемъ страсти въ лицѣ,—на живую статую краснорѣчія.

Глубокое молчаніе царствовало въ эту минуту. Великое слово, которое только что раздавалось, еще звучало въ ушахъ. Оливье хотѣлъ издать крикъ восхищенія, сказать Барро, какъ онъ его любитъ. Никто не двигался, всѣ молчали. Обернувшись, онъ былъ удивленъ, увидѣвъ г-жу Наполи, поднявшуюся на диванѣ и устремившую глаза на Барро; ея измѣнившееся лицо освѣщалось экстазомъ. Мысль, что она любитъ трибуна, что она его любовница, что она выйдетъ за него замужъ, мелькнула въ его умѣ, и ему стало больно; сердце его наполнилось инстинктивной ревностью, но онъ не завидовалъ мужчинѣ, а ненавидѣлъ женщину.

Она сдѣлала знакъ Барро; тотъ подошелъ и сѣлъ возлѣ нея... Они заговорили и въ то же время разговоры въ салонѣ возобновились. Теперь великолѣпный ораторъ исчезъ и остался только человѣкъ, развалившійся на диванѣ, съ головой, ушедшей въ плечи, выпяченнымъ животомъ, ногами, закинутыми одна за другую—человѣкъ въ позѣ завсегдатая кафе.

Никто не сказалъ Оливье ни слова, онъ не встрѣтилъ ни одной протянутой руки, ни одного сочувственнаго взгляда. Эти люди были для него незнакомцами; онъ сторонился при ихъ проходѣ, какъ подчиненный, постоянно отступая, почти отодвинутый къ стѣнѣ, стѣсненный своимъ одиночествомъ. Еслибъ кто нибудь спросилъ его, что онъ здѣсь дѣлаетъ, и выслалъ

бы его вонъ, какъ лишняго, онъ бы не удивился. Онъ бы повиновался и ушелъ съ опущенной головой, безъ возраженія.

Тогда онъ сталъ думать о томъ, что въ газетахъ называлось «бандой Барро». Эта банда была теперь передъ его глазами. Посрединѣ—предводитель, вокругъ—ожидающіе, съ протянутыми руками, пустыми карманами и длинными зубами. Эти люди будутъ когда нибудь держать Францію во власти; они ее подѣлятъ между собою.

— О, да, конечно... мы прежде всего люди правительства... Это наше дѣло, именно это!

Это былъ голосъ Барро. А онъ, бѣдный маленькій адвокатъ безъ дѣлъ, единственное приличное платье котораго — черная фрачная пара, была у него на плечахъ, зачѣмъ онъ пришелъ къ этимъ людямъ? Его даже не замѣчаютъ, его отталкиваютъ не глядя, какъ щепку, которую потокъ выкидываетъ на берегъ.

Кто-то тронулъ его за локоть, и онъ почувствовалъ, что кто-то проскользнулъ между нимъ и стѣной. Онъ обернулся. Это его отецъ, такой-же одинокій среди толпы, оказался также отброшеннымъ общимъ равнодушіемъ. Однако, вѣдь здѣсь были друзья старика, многіе изъ нихъ были ему обязаны; теперь ему пожали руку, кинули два-три словечка и отвернулись. И онъ удалился въ уголокъ съ жалкимъ видомъ заброшеннаго никому ненужнаго старика.

Оливье понялъ униженіе и пытку отца, и кровь бросилась ему въ голову. Между тѣмъ докторъ улыбался. Его славное лицо имѣло выраженіе кроткой покорности, отъ которой сердце молодого человѣка сжалось.

— Надо, однако, представить тебя Барро.

— О, нѣтъ, прошу тебя.

— Отчего-же?.. Мы его перехватимъ на дорогѣ...

Бѣдный докторъ становился куртизаномъ; онъ слѣдилъ за жестами великаго человѣка, чтобы навязать ему своего сына. Отецъ и сынъ обмѣнялись взглядомъ—и оба опустили глаза.

Когда Барро всталъ, докторъ подошелъ къ нему. Трибунъ не узналъ его сразу. Онъ пожалъ его руку, но видно было, что онъ не знаетъ, съ кѣмъ говоритъ. Оливье блѣднѣлъ отъ стыда.

— А! Датанъ! да, да... Я васъ было не призналъ... Столько лѣтъ, столько лѣтъ, какъ мы не видались...

Въ звуки своего голоса онъ внесъ оттѣнокъ искренней радости. Лицо его приняло привѣтливое выраженіе. Онъ крѣпко жалъ руки доктора.

— Ну, что съ вами было? Гдѣ вы прячетесь?.. Ахъ, милый докторъ!.. А знаете, вѣдь вы не постарѣли...

Онъ, казалось, готовъ былъ его расцѣловать.

— Представляю вамъ моего сына. Вашъ поклонникъ,— за васъ хоть въ огонь... Я здѣсь лишь затѣмъ, чтобы узнали и полюбили моего мальчика.

Барро сильно пожалъ руку молодому человѣку.

— Сынъ доктора Датана, да это уже старый другъ! И если вдобавокъ стоитъ отца... Вѣдь вашъ отецъ—это настоящій святой.—Ну, заходите ко мнѣ, — сказалъ онъ Оливье, — мы еще потолкуемъ...

Когда отецъ и сынъ откланялись и вышли, лицо Оливье сіяло.

— Что-за комедіантъ этотъ Барро!—сказалъ докторъ на улицѣ.—Славный малый, натура хорошая, искренняя, страстная... но что за комедіантъ!

Потомъ онъ прибавилъ:

— Замѣтилъ ты остальныхъ? Они думали, что я пришелъ просить чего нибудь для себя... мѣста, кусокъ пирога... Они меня испуга лись...ха, ха!..—Смѣхъ его былъ странный, необычный,онъ раздавался, точно скрипъ въ тишинѣ пустынной темной улицы.

Оливье проводилъ отца на вокзалъ и пошелъ къ себѣ, черезъ весь Парижъ, то широкими бульварами, гдѣ грохотали кареты, то узенькими улицами, съ кучами мусора, въ которыхъ возились собаки и крысы, то пустынными набережными, гдѣ тихо мерцали газовые рожки. Онъ шелъ, погруженный въ свои мысли, руководимый только безошибочнымъ инстинктомъ животнаго, возвращающагося въ свое логовище.

Что обѣщалъ ему этотъ вечеръ, онъ не зналъ. Впечатлѣнія были сильны, спутаны, противорѣчивы. Барро казался ему теперь болѣе далекимъ, болѣе недоступнымъ, чѣмъ наканунѣ. Ему вспоминались разсѣянно пренебрежительные взгляды «своихъ людей» салона, и краска бросалась въ лицо. Склонное къ преувеличеніямъ уязвленное самолюбіе шептало ему, будто его унизили намѣренно. Наполи казалась ему враждебной. Онъ вспоминалъ страстный взглядъ, которымъ она обдала Барро: какое тщеславіе должно наполнять сердце этой женщины, любимой знаменитымъ трибуномъ, окруженной ухаживаніемъ и лестью, чувствующей себя царицей этого мірка, обладательницей тайной власти, укрѣпляющей себѣ всю славу, всѣ таланты своихъ подданныхъ... Вотъ оно истинное могущество, съ которымъ считается правительство! Какъ она должна быть горда! Его она, конечно, и не замѣтила, окинувъ небрежнымъ взглядомъ, точно одну изъ тѣхъ дешевыхъ бездѣлушекъ, которыя тотчасъ-же кидаютъ въ сторону за негодностью.

Всходя на свою лѣстницу, онъ вдругъ вспомнилъ Гонорину. Онъ, можетъ быть, найдетъ ее еще за работой. Бѣдняжка! О,

да! онъ хочетъ слить свое одиночество съ ея одиночествомъ, создать интимный союзъ и въ немъ почерпнуть мужество и силу, чтобы когда-нибудь войти въ этотъ свѣтъ, который его теперь не принимаетъ. Онъ едва зналъ эту дѣвушку и уже скучалъ объ ней, какъ будто они давно не видѣлись.

Корридоръ былъ теменъ, дружескій лучъ свѣта не прорѣзывалъ его, какъ наканунѣ. Онъ послушалъ у двери и не услышалъ ничего. Спала-ли она? Обыкновенно она ложилась позднѣе. Вѣроятно, она еще не вернулась. Онъ легъ и сталъ читать, прислушиваясь къ шагамъ людей, всходящихъ по лѣстницѣ. Никто не останавливался напротивъ, щелканье ключей въ замкахъ раздавалось у дверей болѣе отдаленныхъ. Время шло, давно пробила полночь, тяжелая тишина спустилась на городъ. Она не возвращалась. Онъ ее не видѣлъ цѣлый день. Значитъ, у нея гдѣ-нибудь есть любовникъ.

Онъ со злостью захлопнулъ книгу и выпрямился, весь блѣдный. Еще неожиданность! Итакъ, у него нѣтъ ничего. Эта связь, о которой онъ думалъ съ такой нѣжностью, невозможна, эта некрасивая женщина, которую онъ, однако, готовъ былъ полюбить, принадлежитъ другому. Рыданія подступили ему къ горлу,—и его стонъ отдался въ пустомъ корридорѣ, гдѣ наканунѣ въ этотъ самый часъ начался этотъ маленькій романъ, окончившійся такъ скоро, такъ печально!..

X.

На другое утро у Оливье былъ урокъ. Онъ нашелъ мальчика едва одѣтымъ, заспаннымъ, вялымъ и тупымъ, но онъ взялъ его мягкостью и лаской, заставилъ его работать и быть внимательнымъ. Мальчикъ вдругъ оживился, проникся довѣріемъ къ своему учителю, и они стали болтать, какъ два товарища.

Когда Оливье вышелъ отъ ученика, направленіе его мыслей измѣнилось, и вмѣстѣ съ тѣмъ онъ испытывалъ тайную радость. Онъ не хотѣлъ вспоминать о вчерашнемъ вечерѣ; это вызвало бы въ немъ чувство отвращенія, горечи, можетъ быть, хуже—одинъ изъ тѣхъ упадковъ духа, которые казались ему равносильными смерти.

По улицѣ онъ шелъ медленно, не торопясь, слѣдя глазами за тысячью пустяковъ, мелькающихъ въ потокѣ уличнаго движенія. Ему захотѣлось работать. Наскоро позавтракавъ въ молочной и предчувствуя хорошій рабочій день, онъ поднялся къ себѣ.

Подходя къ своей комнатѣ, онъ увидѣлъ, что дверь Гонорины полу-открыта. Наконецъ-то, она вернулась! Впрочемъ,

какое ему дѣло до нея! Однако, эта открытая дверь, мысль о томъ, что сосѣдка дома, необъяснимое любопытство—удерживали его на мѣстѣ съ ключемъ въ рукѣ; въ состояніи нерѣшительности и колебанія, онъ вложилъ ключъ въ замокъ, но тотчасъ же, передумавъ, постучалъ къ Гоноринѣ:

— Войдите... А, это вы?.. Вамъ что-нибудь нужно?..

— Нѣтъ... только пожелать вамъ добраго дня мимоходомъ...

— А, это мило... Но войдите же... Садитесь даже... у меня три стула... Вы собираетесь вѣрно работать, чтобы нагнать пропавшее время: вчера вы вернулись поздно.

— Откуда вы знаете?—спросилъ онъ ее съ иронической улыбкой.

Она посмотрѣла на него удивленная.

— Очень просто, я слышала, какъ вы вернулись.

— Какъ! вы были у себя?

— Вотъ еще! гдѣ же я могла быть въ этотъ часъ? Вы кричали что-то? Мнѣ слышалось что-то въ родѣ крика, стона, не знаю, право. Это меня разбудило. Я-было подумала, что вы зовете, что вы больны.

Онъ вспомнилъ свои рыданія и отвѣчалъ:

— Нѣтъ... Я ничего не слыхалъ.

Потомъ быстро прибавилъ:

— Но, вѣдь, васъ вчера цѣлый день не было дома.

— Да, я провела этотъ день у замужней сестры. Всякій разъ, когда я богатѣю, получивъ свой заработокъ, я иду навѣстить своихъ маленькихъ племянниковъ.

Онъ пристально посмотрѣлъ ей прямо въ глаза. Лгала она? или говорила правду? Нѣтъ-ли у нея любовника, вмѣсто маленькихъ племянниковъ? Лицо у нея было усталое, вытянутое, но въ открытомъ, нѣсколько печальномъ взглядѣ не было слѣдовъ любви.

Сидя за столомъ, на которомъ вытянулся рядъ горшковъ, наполненныхъ пескомъ, она то поднимала голову, разговаривая съ нимъ, то снова склоняла ее надъ работой. Наматывая матерію на маленькіе кусочки желѣзной проволоки, она ее свертывала, собирала, распускала въ цвѣтокъ и вставляла его уже готовымъ въ горшокъ съ пескомъ. Но сегодня ея руки дѣйствовали неловко, проволока гнулась, лепестки мялись, и столъ былъ покрытъ неудавшимися цвѣтами, отброшенными въ бракъ; въ горшкахъ красовались только двѣ маленькія бѣлыя розы.

— На второй день праздника работа не идетъ, все портишь,—замѣтила она.

— Что-же вы дѣлали вчера?

— Играла съ ребятишками, болтала съ сестрой, потомъ

мы долго обѣдали, и я выпила больше обыкновеннаго. Вы знаете, послѣ воскресенья всегда понедѣльничаютъ...

— Ну, такъ отдохните еще!

— А кто заплатитъ за мою квартиру?.. Надо работать... И потомъ, безъ работы что я буду дѣлать?.. У меня есть нѣсколько книгъ... и я ихъ знаю наизусть... Идти гулять одной? Куда?.. Однако, я вижу, что и вы не очень-то расположены работать сегодня?

Онъ разсмѣялся. Дѣйствительно, работа не шла ему на умъ.

Онъ усѣлся и, чувствуя себя теперь совершенно счастливымъ, готовъ былъ болтать и разспрашивать молодую дѣвушку. Вчера его огорчила мысль о предполагаемомъ любовникѣ; теперь подозрѣнія исчезли.

— Да, мнѣ кажется, сегодня я наработаю немного. Мнѣ хочется погулять въ Ботаническимъ саду, пройтись тамъ по всѣмъ аллеямъ...

И онъ прибавилъ тихонько:

— Не пойдете-ли и вы со мной?

Пораженная выраженіемъ его голоса, она посмотрѣла на него серьезно.

— Если вамъ угодно...

Она встала, сложивъ на столъ проволоку и начатые цвѣты. Наскоро набросила она манто, надѣла черную шляпу, которую приколола длинной булавкой, и, представъ передъ Оливье въ костюмѣ мелкой буржуа, экономной, чистой, почти элегантной, она вскричала тономъ дѣвочки, которую ведутъ въ лавки:

— Вотъ я и готова!.. Я не долго копалась, не правда-ли?

Онъ тоже чувствовалъ себя хорошо. За минуту передъ тѣмъ онъ еще не зналъ, куда клонятся его вопросы и отвѣты, и даже самый его визитъ Гоноринѣ не имѣлъ въ его умѣ опредѣленной цѣли; а вотъ теперь дѣло находилось само собой, и они выходили вмѣстѣ, какъ добрые друзья, соединенные общимъ желаніемъ—бродить, ничего не дѣлая, смотрѣть звѣрей и цвѣты...

Около клѣтокъ звѣринца они откровенно забавлялись; она—веселая, съ правильнымъ и образнымъ умомъ парижанки изъ предмѣстій, онъ то-же радостный и удивленный граціей этой дѣвушки.

Осмотрѣвъ все, они направились къ берегу Сены. По рѣкѣ двигались пароходы—«мухи».

— Любите вы деревню?—спросила она.

— Я бываю въ деревнѣ рѣдко,—отвѣтилъ Оливье, которому вдругъ пришла въ голову новая идея.

— Хотите поѣхать куда-нибудь обѣдать? Туда, куда насъ привезетъ одинъ изъ этихъ пароходовъ?

Она радостно согласилась и быстро сбѣжала по спуску, чтобы не пропустить парохода, который, какъ разъ, подходилъ къ пристани.

Гонорина сѣла на носу, и оба облокотились на барьеръ, почти касаясь другъ друга, съ лицами, оживленными видомъ воды и широкаго неба, которое издалека посылало имъ навстрѣчу цѣлыя волны свѣжаго воздуха.

— Еслибы мнѣ кто-нибудь сказалъ вчера, что я сегодня буду обѣдать въ деревнѣ съ вами...

Они посмотрѣли другъ на друга и улыбнулись. Она казалась моложе: легкая краска проступила на ея блѣдномъ лицѣ. Свѣжій рѣчной вѣтерокъ слегка растрепалъ ея короткіе волосы на вискахъ.

— Вамъ это доставляетъ удовольствіе?

— О, да, больше, чѣмъ вы можете себѣ представить. Я никогда не выхожу, я живу въ своей комнатѣ и всегда за работой. Когда нѣтъ цвѣтовъ въ мертвый сезонъ, такъ есть шитье или что-нибудь другое. Два или три раза въ годъ я бываю у сестры, у которой я обѣдала вчера. Но все остальное время я сижу въ четырехъ стѣнахъ, какъ узница, мнѣ не съ кѣмъ перекинуться словомъ. И каждый день одно и то-же, всегда, всегда! Я отдыхаю только во снѣ! шесть часовъ сна, не больше. Лишніе полчаса, это—потеря нѣсколькихъ су, т. е. потеря завтрака... А есть дни, когда я чувствую себя очень усталой, когда мнѣ такъ хочется пожить праздно, подобно другимъ счастливицамъ, въ шелкѣ и кружевахъ. Меня тяготитъ мое однообразное существованіе. Я спрашиваю себя: отъ-отчего у нихъ, у этихъ другихъ, есть все, а у меня ничего? Зачѣмъ нужно, чтобы я работала безъ перерыва, безъ надежды, безъ будущаго? Ну, что дѣлать,—приходится! Надо ѣсть. Нельзя также и спать на улицѣ. За исключеніемъ такихъ минутъ, я работаю охотно. Работа мнѣ нужна, я засыпаю счастливой, когда наработала много. Что касается тѣхъ, которыя гуляютъ, работаютъ лишь изрѣдка и имѣютъ любовниковъ, я ихъ не понимаю и не завидую имъ... Можетъ быть, это оттого, что я некрасива? Можетъ быть...

И вдругъ, мѣняя тонъ и предметъ разговора, она сказала:

— Посмотрите-ка на воду, тамъ, въ десяти метрахъ отъ насъ... Какъ она спокойна, ровна... точно масло... А впереди парохода эта бороздка, которая приближается, приближается и вдругъ исчезаетъ...А волны!.. Что за смѣшной постоянный шумъ... Я только его и слышу съ тѣхъ поръ, какъ сѣла. Такъ странно... Вы, конечно, видѣли море?

— Да.

— О! Какъ-бы я хотѣла поѣхать къ морю... Море, море!.. Мнѣ такъ хочется сдѣлать большой переѣздъ, поѣхать, я не знаю куда, оставаться долго, долго на водѣ... Когда я разбогатѣю, я возьму себѣ билетъ въ дешевомъ поѣздѣ... Я родилась въ Парижѣ и никогда изъ него не выѣзжала... Я ни одной ночи не ночевала за укрѣпленіями.

Она замолчала и вздохнула. Въ этомъ вздохѣ сказалась грусть затворницы, выросшей на парижской мостовой и обреченной умереть тамъ-же, какъ растеніе, выросшее въ тѣни... Она тоже знала и зависть, и желанія, и порывы. Часто, по вечерамъ, она переходила отъ дѣйствительности къ очарованію золотыхъ сновъ, воображая, что ея мечты сбылись, что счастье наполняетъ ея комнату. Но завтра же, съ восходомъ солнца, она опять сидѣла за своимъ рабочимъ столомъ, за своими цвѣтами. И такъ безъ конца!

Но въ эту минуту она была, дѣйствительно, счастлива. Жажда приключеній, которую она испытывала, была удовлетворена. Эта маленькая прогулка принимала въ ея глазахъ размѣры путешествія. Ей хотѣлось скорѣе сойти съ парохода, походить, уйти подальше. На нѣсколько часовъ она повертывалась спиною къ буднямъ. Она смѣялась, болтала, не спрашивая отвѣта—словомъ, походила на птицу, выпущенную на солнце.

И, не смотря на эту нервную веселость, ея голосъ дрожалъ немного отъ внутренняго волненія и въ его тонѣ слышалась сдержанная благодарность.

Онъ тоже перерождался. Что-то молодое, веселое наполняло его сердце, приводило его въ умиленіе. То, что наканунѣ и ночью такъ его мучило: уколы самолюбія у Наполи, униженіе, раздѣленное съ отцомъ,—все это сглаживалось, казалось пустяками. Новый приливъ надежды и вѣры поднималъ его теперь, освѣщалъ его мозгъ. Его мысль принимала болѣе ровное и широкое теченіе.

Онъ взялъ руку Гонорины и сжалъ ее. Она не протестовала и смотрѣла на него, не говоря ни слова.

— Я тоже счастливъ,—сказалъ онъ.—Славная мысль пришла намъ въ голову.

И каждый изъ нихъ благодарилъ другого за эти счастливыя минуты.

Высадившись, они пустились въ путь наудачу вдоль маленькаго рукава рѣки, узкаго и прозрачнаго, протекающаго между двухъ отлогостей, засаженныхъ деревьями, утопающаго въ зелени. Они были одни. По ту сторону виднѣлись воздѣланныя поля, ферма вдали; на горизонтѣ рядъ холмовъ.

Она стала распрашивать его объ его планахъ, и онъ тотчасъ-же раскрылъ ихъ передъ нею. Онъ разсказалъ и о своей

страсти къ политикѣ, о своей потребности сдѣлаться «чѣмъ нибудь», о своемъ увлеченіи народными движеніями, о своемъ преклоненіи передъ великими именами исторіи, о своихъ демократическихъ инстинктахъ.

Она его слушала серьезно, внимательно. Мало знающая, она не смѣла его распрашивать; тамъ, гдѣ она не понимала, на помощь ей приходила догадливость женщины, когда она восхищается кѣмъ-либо.

— О, это хорошо любить народъ,—сказала она,—любить бѣдныхъ, тѣхъ, которые страдаютъ всю свою жизнь, у которыхъ нѣтъ ничего и никогда ничего не будетъ... Нищета... нищета... еслибъ вы знали все, что я испытала... Стойте, сядемъ здѣсь подъ этими деревьями...

Они сошли со склона къ берегу рѣки и сѣли на густую траву, спустивъ ноги почти къ водѣ, которая медленно и безшумно текла, унося кружившіеся обломки вѣтокъ. Передъ ними, закрывая ихъ точно занавѣсомъ, висѣли длинные стебли ивы. Послѣ небольшого молчанія она продолжала:

— У меня на счету такіе дни, какъ сегодня, когда ко мнѣ пришло счастье, о которомъ я и не мечтала, котораго не искала, потому что кому-то вздумалось мнѣ доставить удовольствіе... Я могу ихъ перечесть... Если бы изъ нихъ сдѣлать букетъ, онъ не былъ-бы великъ. Часто, въ сумерки, когда я, наработавшись, сижу въ темнотѣ въ моей комнатѣ и изъ экономіи не зажигаю, какъ можно дольше, лампу, я снова и снова вспоминаю и переживаю ихъ... Эти вѣтви ивы, эту воду, эти маленькіе водовороты, чудесный, свѣжій запахъ травы и деревьевъ, и васъ, рядомъ слушающаго меня, неужели вы думаете, что я это когда-нибудь забуду? А вспомнивъ это, я буду еще счастливѣе, чѣмъ теперь, потому что я опять увижу этотъ уголокъ деревни, сидя въ моей комнатѣ, и буду видѣть въ ту минуту только его, тогда какъ теперь, не смотря на мою радость, все, что есть грустнаго и мрачнаго въ моей жизни, охватываетъ меня, какъ болѣзнь, которую считали излѣченной и которая возвращается опять и опять. Но я вамъ вѣрно надоѣла?... Я вамъ говорю все это, сама не знаю почему... потому, что вы мнѣ нравитесь... Если вамъ скучно слушать, я опять развеселюсь, вотъ и все.

— О, нѣтъ, пожалуйста... Такъ хорошо васъ слушать... Мои радости такъ же рѣдки, какъ и ваши, хотя и по другимъ причинамъ. Я также страдаю. И я почти такъ же одинокъ, какъ и вы.

Они помолчали нѣсколько минутъ, смотря на рѣку, безшумно катившую свои волны.

Случай ихъ свелъ, но нѣчто большее ихъ сближало. Что же? Они не знали навѣрно: можетъ быть, одинаковая доля

грусти, одинаковыя грезы, молчаливое согласіе, ихъ одиночество въ жизни, недовольство судьбой. И не въ высказанныхъ словахъ совершалось для нихъ взаимное откровеніе и въ тонѣ, въ жестѣ, во взглядѣ. Они другъ друга угадывали а, если не находили между собою полнаго сходства, все же чувствовали себя странно связанными одинаковою волною желаній и влеченій.

— Мои родители были простыми рабочими,—продолжала она,—отецъ былъ каменьщикомъ, а мать работала на фабрикѣ; какъ они работали, какъ они трудились, бѣдняки! И какъ строго вели себя. Но насъ было семеро дѣтей, понимаете, семеро! Правда, что четверо умерли отъ болѣзни, отъ нужды... у нихъ, бѣдняжекъ, не было ни мяса перваго сорта, ни вина въ пять франковъ за бутылку, ни замазки въ окнахъ, ни огня въ печкѣ зимою... Осталось насъ только трое. Но, вѣдь, болѣзнь длится мѣсяцы, сразу не умираютъ, на это тоже нужно время... покупалось больше лѣкарствъ, чѣмъ хлѣба... хлѣбъ являлся послѣ смерти больного мальчугана... Нужно же было праздновать этотъ день, день смерти... Подумайте только: изъ грошей, назначенныхъ на лѣкарство, выгадывалось на ѣду, на панталоны и юбку другимъ, болѣе живучимъ... Я носила платья умершихъ! я была самая младшая...

Ея глаза смотрѣли дико, голосъ, въ которомъ слышалась горечь, прерывался.

— Это ужасно,—сказалъ онъ.

— Ба! какъ видите, не смотря на это, живешь. Къ тому же, если никогда не зналъ довольства и всегда умѣлъ подтянуть животъ... Между тѣмъ, дома, я одна только видѣла и чувствовала многое, чего другіе не видѣли и не чувствовали... Сестры милосердія приносили время отъ времени деньги, монету въ два франка, хинное вино, записку на полученіе хлѣба... Мать принимала, чуть не на колѣняхъ благодарила ихъ со слезами. Я была очень молода, совсѣмъ ребенокъ, но инстинктивно удалялась отъ этихъ *сестеръ*... Часто онѣ меня гладили по головѣ, говорили мнѣ ласковыя слова... но я никогда имъ не отвѣчала. Я ихъ не любила...

— Почему? Онѣ дѣлаютъ добро, онѣ сами бѣдны и тратятъ на себя очень немного; онѣ раздаютъ то, что жертвуютъ богачи и люди сострадательные.

— Да. Но я ихъ не любила. Онѣ были менѣе бѣдны, чѣмъ мы. Ихъ хлѣбъ обезпеченъ. Со всѣмъ тѣмъ, это ихъ ремесло и, какъ хотите, ремесло болѣе легкое, чѣмъ трудъ матери семерыхъ дѣтей.

Перемѣнивъ тонъ, она прибавила:

— Все это не особенно весело во время прогулки, не правда-ли? Не оставить-ли продолженіе на другой разъ?

— Нѣтъ, прошу васъ.

— Вы хотите?

— Да.

— Ну, такъ это все пустяки! Все же и я была ребенкомъ, и я играла, какъ другія, а размышляла только по временамъ. Потомъ мнѣ даже нравилось работать, я помогала въ хозяйствѣ, я бѣгала по порученіямъ, я была полезна и необходима въ домѣ. Я была, наконецъ, хозяйка! Но самое ужасное, самое страшное было время ученія. Меня кормили Богъ знаетъ чѣмъ (хозяева были большіе мошенники), одѣвали въ старыя платья хозяйки, въ жалкіе, стоптанные башмаки, пропускавшіе воду, пыль, грязь; въ десять лѣтъ я таскала ящики, которые мнѣ легко могли сломать поясницу и рѣзали руки; спала я въ мастерской одна, въ воздухѣ, отравленномъ запахомъ матеріаловъ, клея, жилья, дрожа отъ холода на матрасѣ, брошенномъ на прилавокъ (разъ ночью, во время кошмара, я упала и чуть не убилась)... А кромѣ того, товарки по мастерской... Я была, конечно, и тогда уже некрасива, самая слабая, самая маленькая, самая несчастная; а онѣ всѣ большія, сильныя, хорошенькія, охотницы повеселиться, съ лентами на шеяхъ, въ скрипучихъ башмакахъ, насквозь надушенныя мускусомъ. Злыя, сварливыя, онѣ меня щипали, били, укоряли меня моимъ безобразіемъ, пугали меня непристойными выходками.... Цѣлые годы такой жизни! О, какъ онѣ терзали меня! Но я противъ нихъ ничего не имѣю. Онѣ были злы, жестоки, но что хотите? Онѣ тоже изъ народа, и я имъ прощаю. Иногда мы встрѣчаемся и относимся другъ къ другу по-пріятельски. Онѣ, смѣясь, напоминаютъ мнѣ ужасныя шутки, которыя онѣ строили надо мной, и я смѣюсь вмѣстѣ съ ними. Мы, люди черни, все-таки любимъ другъ друга.

Она прервала сама себя и обернулась къ молодому человѣку.

— Вотъ моя исторія, monsieur Оливье. Я никогда ее такъ никому не разсказывала. Но вы ее выслушали; вы хорошо поняли, я это чувствую, какова я; вы меня не считаете злой, не смотря на все, что я вамъ сказала; вы хорошій малый, вы доставили мнѣ счастье, сами вы также не вполнѣ счастливы... вотъ вамъ въ награду...

Она быстрымъ движеніемъ сорвала маленькій желтый цвѣтокъ и протянула ему, улыбаясь.

— Благодарю,—сказалъ Оливье, глубоко тронутый этимъ простымъ и неожиданнымъ подаркомъ.

Она встала и оправила платье.

— Теперь мы постараемся посмѣяться и повеселиться. Что вы на это скажете?

— Не пообѣдать ли намъ?

Въ нѣсколькихъ шагахъ былъ паромъ, перевозившій на другой берегъ прямо къ лѣстницѣ маленькой деревенской гостиницы, бесѣдка которой стояла совсѣмъ надъ водою.

Тамъ они пообѣдали, сидя рядомъ на одной скамейкѣ, скрытые въ зелени, въ полномъ уединеніи, находя въ силу реакціи забавнымъ каждое слово. То, что еще часъ назадъ показалось бы имъ печальнымъ, теперь вызывало смѣхъ.

За дессертомъ она его спросила:

— А вы? Вы мнѣ ничего не разсказали? И у васъ есть своя исторія, но вы не хотите мнѣ ее разсказать...

Онъ придвинулся къ ней, охватилъ рукою ея стройный станъ и, прижавъ къ себѣ, нѣжно, робко поцѣловалъ ее въ шею.

— Вотъ что я имѣю вамъ сказать сегодня...

Они смотрѣли съ минуту прямо въ глаза другъ другу, молча, оба взволнованные. Она не выказала ни малѣйшаго сопротивленія, но онъ не посмѣлъ повторить поцѣлуй. Онъ не хотѣлъ пользоваться ея растерянностью, онъ желалъ получить ея полное и сознательное согласіе.

Возвращаясь на пароходѣ, она спросила его тихо, какъ бы стыдясь, нѣсколько дрожащимъ голосомъ:

— Вы, значитъ, меня не находите слишкомъ некрасивой?

Онъ могъ ей отвѣтить только нѣжнымъ пожатіемъ руки и улыбкой, которую она замѣтила при колеблющемся свѣтѣ газа.

Когда они были у дверей своихъ комнатъ, она вошла къ себѣ, зажгла свѣчку и, вернувшись въ корридоръ къ Оливье, протянула ему руку.

— До свиданья. До завтра, сосѣдъ.

Онъ удержалъ ея руку въ своей, попытался притянуть ее къ себѣ, но смутно почувствовалъ, что его отталкиваютъ. Тѣмъ не менѣе она ему улыбалась. Ея глаза были влажны, какъ бы затуманены, все тѣло обрисовывалось узкимъ платьемъ, призывая объятія и ласку.

— До свиданья,—сказалъ онъ наконецъ.—До свиданья.

Ея дверь захлопнулась.

XI.

Съ этого дня они жили, какъ товарищи, думали другъ о другѣ, старались быть вмѣстѣ. Она каждое утро входила къ нему, рылась въ его книгахъ и бумагахъ, хозяйничала въ его комнатѣ, подметала, вытирала пыль, осматривала, въ порядкѣ ли платье и на мѣстѣ-ли пуговицы рубашекъ.

Его странно освѣжало это товарищество и заботы женщины. Послѣ занятій онъ спѣшилъ домой, чтобъ поболтать

съ нею. Ея умъ былъ прямой и ироническій, выраженія простонародны, но не пошлы. Прибранная ею, чистая и свѣтлая комната казалась ему теперь больше и веселѣе, бѣдность ея обстановки скрадывалась, ему работалось лучше, мысли были яснѣе, сердце довольнѣе. Работа его удовлетворяла, увлекала. Стукъ передвинутаго въ сосѣдней комнатѣ стула, пѣсня вполголоса — ободряли, поощряли и обнадеживали его среди работы.

По четвергамъ онъ довольно аккуратно обѣдалъ у Коломеса со своими друзьями, но возвращался оттуда недовольный, угрюмый. Онъ разсказалъ имъ, какъ представлялся Барро, и признался въ испытанномъ униженіи. Взрывъ смѣха со стороны Перрона его глубоко оскорбилъ, и онъ поклялся въ душѣ, что его нога не будетъ болѣе у Барро.

Каждый такой обѣдъ все болѣе отдалялъ его отъ друзей. Жизнь доставалась имъ слишкомъ легко. Всякій изъ нихъ шелъ своимъ путемъ, увѣренный въ удачѣ, имѣя поддержку и помощь. Онъ же топтался на мѣстѣ, его платье и обувь износились, сердце сжималось при мысли о завтрашнемъ днѣ.

Какъ адвокатъ, онъ не имѣлъ практики. Для этого нуженъ кабинетъ, приличная квартира, хорошее платье. Его уроки давали ему только кусокъ хлѣба. Отецъ, очень постарѣвшій, не могъ больше помогать ему: онъ терялъ практику вслѣдствіе конкурренціи врача, поселившагося въ сосѣдней деревнѣ. Впрочемъ, Оливье и не принималъ его помощи. Иногда добрый отецъ, когда сынъ проводилъ день въ Грослеѣ, опускалъ тайкомъ въ его карманъ монету въ сто су, и молодой человѣкъ плакалъ, найдя ее у себя черезъ нѣсколько дней.

Онъ жилъ въ бѣдности, безъ просвѣта и безъ надежды въ будущемъ. Жизнь шла своимъ чередомъ, гдѣ-то за стѣнами, не задѣвая его.

О, если бы ему протянули руку помощи! Но кто-же? Знакомые? у него ихъ не было. Старинные друзья отца? Но онъ видѣлъ ихъ пренебреженіе къ отцу, къ этому неподкупному и чистому старику, который никогда ничего не просилъ для себя; они не сдѣлаютъ ничего для его сына.

Барро? Онъ инстинктивно не довѣрялъ ему.

Между тѣмъ онъ могъ работать; блестящія мысли озаряли по временамъ его мозгъ, и въ проблескахъ будущаго онъ видѣлъ возможнаго Оливье, великаго, сильнаго, знаменитаго, которому станутъ рукоплескать. Но пока онъ невѣдомъ и безпомощенъ, какъ ребенокъ, забытый въ полѣ и гибнущій потому, что у него нѣтъ силъ громко крикнуть, чтобы заявить о своемъ существованіи.

О, да, онъ и Гонорина люди разныхъ сословій, но одной породы: онъ покинутъ и несчастенъ, какъ и она, онъ также

голодаетъ у порога богачей, съ головой полной мыслей, съ сердцемъ переполненнымъ нѣжности и гнѣва. Онъ также принадлежитъ къ народу, раздѣляетъ его отчужденность, страдаетъ не менѣе, даже больше. Онъ любитъ народъ, понимаетъ его сильныя страсти...

Однажды ночью, возвратившись отъ Коломеса, отъ нашелъ дверь Гонорины отворенной.

— Вы еще работаете?

— Нѣтъ, я читала.

— Что?

— Книгу, которую вы мнѣ дали сегодня утромъ, я ее кончаю. «Море» Мишле... Какъ это прекрасно!.. Вы знаете, я вамъ говорила, что мнѣ хотѣлось бы видѣть море... Теперь я его знаю; оно не прекраснѣе, не величественнѣе въ дѣйствительности, чѣмъ здѣсь, въ книгѣ... Я сама теперь не разберу... я видѣла его глазами, я слышала шумъ волнъ, мнѣ было страшно до того, что я дрожала, меня охватывалъ восторгъ, сама не знаю чего... О, да, я теперь знаю море...

Она продолжала сидѣть, держа руку на закрытой книгѣ, опустивъ глаза, какъ бы подъ обаяніемъ океана.

— Какъ хорошо умѣть писать,—продолжала она.—Еслибы я не была бѣдной, невѣжественной дѣвушкой, мнѣ кажется, я бы писала. Я бы разсказала все, что я видѣла, всю мою жизнь, всѣ страданія бѣдняковъ... Мишле... я его знаю, мнѣ кажется, что онъ со мною разговаривалъ весь вечеръ, онъ добрый, я люблю его. И, опять таки, вамъ я обязана этимъ прекраснымъ вечеромъ.

Онъ улыбнулся и сказалъ:

— Знаете, что послѣ завтра минетъ ровно два мѣсяца послѣ нашей прогулки за городъ?

— Уже!—воскикнула она, поднявъ голову и смотря на молодого человѣка; потомъ прибавила: — Я это знала... Два мѣсяца... Они пролетѣли быстро. Мнѣ кажется, будто только вчера мы сидѣли на травѣ надъ водой.

— А потомъ въ бесѣдкѣ... гдѣ я поцѣловалъ васъ...

— Да, да.

— А съ тѣхъ поръ?

Онъ ласкалъ ее взглядомъ, молилъ улыбкой. Было ли это дѣйствіе чтенія, отраженіе, такъ сказать, лучей генія? была ли это иллюзія или снисходительность, сопровождающая желанія? Гонорина казалась хорошенькой, черты ея какъ бы смягчились, обвѣянныя нѣгой сладострастія. Она отвѣчала ему взглядомъ, признавалась, что понимаетъ и сдается.

Она встала и сказала, смѣясь:

— Съ тѣхъ поръ? съ тѣхъ поръ мы стали друзьями;

я убирала вашу комнату, пришивала пуговицы: вы мнѣ даете книги, мы болтаемъ...

Онъ приблизился къ ней и обнялъ ее.

— И такъ будетъ всегда?—спросилъ онъ тихо.

Она протянула къ нему губы, млѣя подъ его поцѣлуемъ.

XII.

— Ты знакомъ съ Барро? ты мнѣ этого не говорилъ.

Гонорина смотрѣла во всѣ глаза на своего любовника, съ какимъ то особеннымъ уваженіемъ, и прибавила:

— Но ты никогда къ нему не ходишь.

Оливье отвѣчалъ равнодушно:

— О, я его видѣлъ только разъ... и притомъ...

Онъ хотѣлъ признаться, какъ мало онъ надѣется на это знакомство, какая пропасть раздѣляетъ его съ этимъ человѣкомъ. Но онъ промолчалъ; ея удивленіе ласкало и щекотало его тщеславіе. Онъ не хотѣлъ упасть въ ея глазахъ, и на ея вопросы онъ лгалъ, прикрасилъ свиданіе, говорилъ о предложеніяхъ Барро, о его приглашеніяхъ.

— И ты жалуешься, что не знаешь никого! Ты говоришь, что у другихъ есть знакомства, что имъ помогаютъ... Если этотъ можетъ тебѣ оказать услугу, почему ты не пойдешь къ нему? А ты сидишь дома, огорчаешься, приходишь въ отчаяніе! Къ чему же это приведетъ тебя?

— Ахъ, если бы ты знала, черезъ какую толпу нужно пробиваться, локтями прокладывая себѣ дорогу, чтобы только подойти къ нему!

— Ты слишкомъ гордъ.

Слишкомъ гордъ! да онъ гордъ, но не такъ, какъ она понимала; онъ просто боялся неудачи; холодный потъ леденилъ его спину при мысли, что его выпроводятъ отъ Барро съ пренебрежительнымъ отказомъ.

— Рѣшено! я пойду къ нему,—воскликнулъ онъ.

Онъ нервно шагалъ по комнатѣ, воодушевленный порывомъ рѣшимости, возмущенный своей прежней пассивностью. Какъ, развѣ въ немъ нѣтъ мужества? Развѣ онъ не выше неудачъ, не выше обстоятельствъ? Что значатъ небольшіе уколы жизни? Въ сущности онъ не испыталъ еще ни одной серьезной царапины. Его кожа слишкомъ нѣжна, ее нужно закалить, сдѣлать болѣе грубой, менѣе чувствительной. Онъ вспомнилъ о своемъ отцѣ. Очевидно, между ними большое сходство, это испугало его: не отъ этого-ли избытка совѣстливости и чуткой гордости отецъ удалился отъ жизни, ничего не требуя и ничего не получая. И вотъ, онъ старъ, онъ оди-

нокъ, имъ пренебрегаютъ. Нѣтъ, нужно побѣдить эту боязнь людской толпы. Вѣдь онъ, Оливье, намѣренъ управлять ею, подчинить ее власти своего краснорѣчія.

Этотъ длинный монологъ онъ говорилъ про себя, расхаживая въ молчаніи по комнатѣ со сжатыми кулаками. Въ немъ закипало одушевленіе, складывались періоды, вставали образы.

Взволнованный, съ краснымъ лицомъ, съ блестящими, лихорадочными глазами, онъ остановился передъ Гонориной, схватилъ ея голову и поцѣловалъ ее въ лобъ.

— Ты добрая дѣвушка,—сказалъ онъ,—и я крѣпко люблю тебя.

Онъ надѣлъ черные брюки, пальто, еще чистое, благодаря заботливой осторожности, съ какой онъ носилъ свое платье, новый, блестящій шапо-клякъ и вышелъ, рѣшивъ не думать ни о чемъ и не приводить въ порядокъ своихъ мыслей. Тамъ будетъ видно. Онъ многаго ожидалъ отъ этого свиданья.

Барро работалъ въ своемъ кабинетѣ, сидя предъ бюро, заваленнымъ въ безпорядкѣ бумагами. Длинная и узкая комната съ окномъ въ концѣ была темновата; по стѣнамъ полки съ книгами; на диванѣ и низкихъ креслахъ, обитыхъ кожей, лежали связки газетъ; коверъ и толстая матерія по стѣнамъ заглушали звуки. Въ окно видны были деревья большого сада.

Введенный слугою, Оливье остановился въ нѣсколькихъ шагахъ отъ стола. Барро продолжалъ писать, опустивъ голову, согнувъ спину, съ лицомъ, близко наклоненнымъ къ бумагѣ, которую онъ исписывалъ своимъ мелкимъ, быстрымъ и косымъ почеркомъ.

— Извините, одну минуту,—проговорилъ онъ, не поднимая глазъ и продолжая писать.

Черезъ минуту, не перемѣняя позы, онъ сказалъ:

— Садитесь-же.

Въ послѣдовавшей затѣмъ тишинѣ, едва нарушаемой легкимъ царапаніемъ пера по бумагѣ, Оливье чувствовалъ, какъ сильно бьется его сердце, какъ кровь приливаетъ къ вискамъ.

— Ну вотъ!—воскликнулъ Барро, проведя длинную черту среди страницы, на три четверти исписанной. Если они не останутся довольны, то... но нѣтъ, они будутъ довольны.

Онъ отбросилъ перо, которое упало на полъ.

Оливье инстинктивно подался, чтобы поднять его, но удержался.

— Очень мило, что вы меня навѣстили... Ну, какъ вы поживаете?

Онъ протянулъ руку молодому человѣку и приблизилъ свое кресло, почти повернувшись спиной къ окну.

На освѣщенной части его лица виднѣлась одутловатая кожа желтоватаго цвѣта, покрытая мѣстами пятнами сыпи, обличавшими испорченную, ѣдкую кровь. Толстое, раздутое туловище помѣщалось въ креслѣ, какъ куча мяса безъ костей. Оливье онъ показался теперь чудовищно отталкивающимъ. Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, при блескѣ салона Наполи, онъ видѣлъ оратора, облеченнаго въ золото и пурпуръ краснорѣчія; сегодня актеръ у себя, не на глазахъ у публики, вдали отъ рукоплесканій, давалъ волю своимъ отяжелѣвшимъ и лѣнивымъ членамъ.

— Ну, вамъ что нибудь нужно?

— Я пришелъ вамъ предложить свои услуги, просить васъ употреблять въ дѣло мои силы, попросить у васъ совѣтовъ...

Онъ разсказалъ о своемъ настоящемъ положеніи, о своей нуждѣ, о грезахъ своей юности, о мечтахъ, которыя онъ страстно питалъ теперь, о своей душевной слабости и о томъ, какъ его поддерживаетъ увѣренность, что онъ всетаки на что нибудь годится... Онъ говорилъ о своей преданности, о готовности на всякія жертвы, чтобъ доставить торжество общему дѣлу, дѣлу народа.

Онъ не спускалъ глазъ съ Барро и замѣтилъ, что лицо трибуна, сначала равнодушное, мало-по-малу оживлялось и становилось все болѣе и болѣе симпатичнымъ и добрымъ. Оливье чувствовалъ трепетное волненіе, которое трогаетъ душу и заставляетъ дрожать кончики губъ, волненіе, истекающее обыкновенно изъ сознанія, что слова не разлетаются по вѣтру, что ихъ внимательно выслушиваютъ, что они находятъ откликъ, что ихъ выраженіе пробуждаетъ въ слушателѣ ощущенія, аналогичныя вашимъ; были минуты, когда голосъ Оливье прерывался, горло перехватывала судорога, и слезы выступали на глаза.

Барро всталъ и прислонился къ камину.

— Мы всѣ прошли черезъ это, мой другъ. Ахъ, эти первые шаги! Холодъ и голодъ—это еще пустяки! Но праздность головы, полной мыслей, когда не знаешь куда ихъ пристроить, но это преждевременное отчаяніе, этотъ страхъ храбреца, который боится, что онъ трусъ; кажущаяся безполезность всего, что дѣлаешь, всего, чего желаешь... Да, нужно быть желѣзнымъ, чтобъ выдержать это... Но чрезъ это нужно пройти; это закалка; изъ нея выходишь стальнымъ.

Онъ оживился, его голосъ окрѣпъ, кулаки сжимались и дѣлали рѣзкіе жесты. Онъ поворачивалъ свои широкія плечи, которыя справились уже со всѣми трудностями первыхъ шаговъ жизни. Онъ оказался сильнѣе и теперь презиралъ ихъ.

Затѣмъ, перемѣнивъ тонъ, онъ сказалъ:

— Однако, нужно жить, ѣсть и одѣваться... Я вамъ найду что нибудь, какое нибудь мѣсто. Я вамъ открою двери.

— О, благодарю васъ,—пробормоталъ Оливье и подумалъ:— отчего-бы ему не дать мнѣ дѣла около себя? Отчего-бы не приблизить меня къ себѣ лично?

Ничто въ лицѣ Барро не указывало, чтобъ ему пришла въ голову эта мысль. Молодой человѣкъ былъ этимъ обиженъ. Его серде сжалось, волненіе снѣдало. Онъ жалѣлъ о порывѣ благодарности, который только что выказалъ.

Барро продолжалъ:

— Въ тридцать лѣтъ я былъ ничто, меня еле знали въ Латинскомъ кварталѣ и въ судѣ, у меня почти не было практики... Мои доходы были болѣе чѣмъ скромны... Цѣли можно добиться только упрямствомъ и волей... Думать и хотѣть постоянно одного и того же—значитъ приближаться къ цѣли, иногда этого даже не сознавая. Есть нѣкоторый таинственный процессъ притяженія между предметомъ и человѣкомъ. Но встрѣча можетъ произойти только въ одной точкѣ... Если вы потеряли время, остановились только на одинъ день, вмѣсто того, чтобы идти впередъ, не смотря на усталость, не смотря на отвращеніе и оцѣпенѣніе отчаянія, если вы опоздали къ мѣсту встрѣчи,—кончено, дороги скрестились, разошлись и никогда уже не встрѣтятся... У насъ только одинъ часъ въ жизни, одинъ часъ, когда наши слова могутъ быть поняты всѣми, по крайней мѣрѣ, большинствомъ... Разъ этотъ часъ прошелъ, насъ больше не понимаютъ; мы опоздали, и насъ уже не слушаютъ; намъ могли посвятить только одну минуту, тогда насъ были готовы избрать единогласно, потому что мы собирались выразить словами то, что они всѣ думали, точно опредѣлить желанія, которыя смутно и туманно носились въ ихъ мозгахъ... Мы промолчали... ну, они обойдутся безъ насъ. Это бываетъ и въ искусствѣ, какъ и въ политикѣ.. Политика это искусство толпы... Жизнь, со всей своей фатальностью, со всей зависимостью отъ непреложныхъ законовъ психологіи —есть всетаки ужасная шахматная игра... Нѣтъ ошибокъ, за которыя не надо было бы платить; а противникъ всегда хорошій игрокъ.

Онъ продолжалъ.

— Вашъ отецъ не былъ борцомъ... Онъ сдѣлалъ ошибку, онъ не услышалъ, когда пробилъ часъ.

Онъ смѣрилъ молодого человѣка глазами съ головы до ногъ, какъ бы желая мысленно сравнить отца съ сыномъ. Оливье понялъ и покраснѣлъ: его судили. Подходила ли къ нему мѣрка борца съ жизнью? Имѣлъ ли онъ достаточно крѣпкіе мускулы, чтобы сопротивляться ей, достаточно нервныя и цѣпкія руки, чтобъ охватить ее и пригнуть подъ себя? Онъ

выпрямился и блеснулъ своими черными глазами, выдерживая взглядъ Барро. Этотъ послѣдній покачалъ незамѣтно головой.

— А сколько нужно учиться, сколько нужно знать! вы не можете себѣ представить въ ваши годы!.. Нужно знать все, все!.. Всякій день приноситъ новые матеріалы, которыхъ и не предвидѣлъ наканунѣ, которые нужно разобрать не позже того же вечера, потому что завтра ихъ накопится еще больше... Государственный человѣкъ долженъ овладѣть знаніемъ, наукой, энциклопедіей человѣческихъ свѣдѣній. Онъ не долженъ пренебрегать ничѣмъ, начиная съ скромной техники столяра, строгающаго доску, до неизмѣримо глубокихъ размышленій химика, который разлагаетъ и создаетъ тѣла, играя жизнью и небытіемъ, какъ ребенокъ, который по капризу то освѣщаетъ стѣну блестящими, вѣчно смѣняющимися красками своего волшебнаго фонаря, то погружаетъ ее во мракъ, задвигая фонарь дощечкой. Идеальный государственный мужъ, который рисуется въ моемъ воображеніи, это человѣкъ, который, намѣреваясь быть руководителемъ другихъ, долженъ знать, какъ въ прошедшемъ, такъ и въ настоящемъ, ихъ нравы, желанія, нужды, отправленія ихъ мозга, ихъ пороки и слабости, возможные для нихъ подвиги и скрытыя ими тайны... Но сколько людей остается на пути, усталыхъ, съ окровавленными ногами или продавшихся за свертокъ червонцевъ, уцѣпившихся за ничтожную должность, которая составляетъ гордость ихъ консьержей? Раса лакеевъ и попрошаекъ, которые въ старину шли на убійство за нѣсколько пистолей, а теперь лижутъ руки, какъ собаки, отъ ласкъ которыхъ нельзя избавиться иначе, какъ бросивъ въ дальній уголъ кусокъ сахару для шавокъ, кусокъ говядины для дворнягъ.

О комъ говорилъ онъ, не о своей ли шайкѣ, не объ этой-ли громко лающей стаѣ, которая тянулась за его извѣстностью? Онъ сдѣлалъ странный жестъ рукою, и Оливье положительно показалось, что эта большая, бѣлая рука что-то бросила въ пространство, и призрачныя существа кинулись за этимъ жестомъ дикой, безпорядочной стаей.

Послѣ короткаго молчанія, Барро продолжалъ:

— Имъ это простительно!.. Абсолютное же не принадлежитъ этому міру... Даже справедливость, этотъ маякъ, котораго мы не должны терять изъ виду, если не хотимъ, стремясь къ открытію новаго міра, потонуть или постыдно вернуться въ оставленную назади гавань, съ килемъ, разбитымъ о прибрежныя скалы,—даже эта справедливость... что она такое? Ее видѣть въ воображеніи, въ ея первобытной чистотѣ, возникающей изъ ничего, чреватой міромъ, вѣками, вѣчностью... Но поймать ее сегодня, приспособить къ нашимъ текущимъ

нуждамъ, склеить ее изъ кусковъ?.. Никогда, никогда!.. Мечта эта невозможна, надежда тщетна и безплодна. Что же въ такомъ случаѣ? скажете вы мнѣ. Надо лавировать среди условностей... Надо стать самымъ сильнымъ среди дѣйствующихъ силъ.

Онъ прервалъ себя:

— Однако поговоримъ о васъ... я вамъ найду мѣсто секретаря у одного пріятеля... Я не могу васъ взять къ себѣ, у меня ихъ уже двое.

Вечерѣло, въ комнатѣ становилось темнѣе. Лицо Барро казалось болѣе блѣднымъ и тусклымъ въ сумеркахъ.

Оливье всталъ, чтобъ раскланяться.

— Кажется, Веладонъ ищетъ секретаря... Хотите служить у него, онъ добрый малый.

Веладонъ! ничтожество въ образѣ человѣка, присосокъ, цѣплявшійся за все, что было на виду въ послѣднія двадцать лѣтъ, раззорившійся кутила, поправлявшій свои дѣла скверными каверзами, адвокатъ безъ голоса и безъ значенія, позоръ сословія и его представителей!

Оливье не могъ удержаться отъ движенія негодованія и отказа. Соединить свою карьеру съ этимъ грязнымъ, слабымъ существомъ, получать жалованье деньгами, собранными нарушеніемъ законовъ, выскочить изъ кармана этого господина, какъ грязная, растрепанная записная книжка, куда заноситъ свои общественныя дѣла этотъ презрѣнный дѣлецъ, ходившій по Парижу съ улыбкой на губахъ и съ цвѣткомъ въ петлицѣ...

Но оттолкнуть предложеніе Барро было неблагоразумно; высказать ему открыто отвращеніе къ его другу, значило, въ сущности, порвать въ самомъ началѣ отношенія, которыя въ будущемъ могли многое принести. Къ нему вернулось хладнокровіе, и онъ порадовался, что полумракъ комнаты скрылъ невольное выраженіе отвращенія на его лицѣ.

— Я согласенъ,—сказалъ онъ, чувствуя, что сердце въ немъ холодѣетъ.

— Въ такомъ случаѣ, мой милый, это рѣшено! Дѣло устроится... Я вамъ напишу... Хотите пообѣдать со мной? Быть можетъ, подойдетъ и Веладонъ...

Оливье подумалъ о своемъ потертомъ, поношенномъ, жалкомъ сюртукѣ, который теперь прикрывало пальто.

— Нѣтъ, благодарю васъ.

— Въ такомъ случаѣ, до другого раза. Добрый день и не забывайте, что я въ вашемъ распоряженіи.

Онъ взялъ его руку, сильно и дружески пожалъ ее, благосклонно ему улыбаясь.

— Прощайте,—прозвучалъ его мужественный и звучный голосъ.

«Прощайте»,—это слово звучало въ ушахъ Оливье, когда онъ медленно спускался по каменнымъ ступенямъ лѣстницы, гдѣ толстый, красный коверъ съ зелеными листьями заглушалъ его шаги.

Онъ вышелъ отъ Барро полный сладкаго и сочувственнаго волненія. Барро показался ему добрымъ, великодушнымъ и честнымъ. Онъ восхищался имъ, находилъ его великимъ. Эти товарищескія манеры добраго малаго его трогали. Онъ не жалѣлъ о свиданіи и выходилъ утѣшенный, чувствуя въ себѣ ту легкость, то бодрящее ощущеніе пространства, которое должна испытать птица, взвиваясь на воздухъ.

Но... «прощайте!»—какое тревожное, вѣщее слово! Для него вдругъ стало очевиднымъ, что его попытка не удалась, что онъ не извлечетъ изъ нея ничего. По всей вѣроятности, Барро уже и забылъ про него. Быть можетъ, въ это утро у него было двадцать просителей, быть можетъ, онъ двадцать разъ уже обѣщалъ это самое мѣсто!

Что-же? явиться сюда въ другой разъ, пріотворить дверь, просунуть голову? «А, это вы! я васъ не забываю. Я говорилъ, но...» Опять придти. «Ахъ, бѣдный мой другъ, я хлопочу о васъ. Черезъ нѣсколько дней...» Въ третій разъ лицо хозяина будетъ выражать: «О! онъ мнѣ однако надоѣлъ, этотъ господинъ». За этимъ послѣдуетъ «кусочекъ сахару». Даже не кусокъ мяса для дворняги!

Нѣтъ, никогда больше онъ не постучится въ эту дверь, даже не пройдетъ мимо дома.

Онъ не ощущалъ ни горечи, ни озлобленія, но великую, глубокую, всепоглощающую грусть. «Бѣдный ты, несчастный человѣкъ,—повторялъ онъ про себя,—одинъ... одинъ...» И эти слова звучали зловѣще и безъ конца въ тишинѣ его души, какъ протяжный звонъ вечерняго колокола, призывающаго къ заупокойной молитвѣ, блуждаетъ и носится, не желая умолкнуть въ сѣромъ, сыромъ воздухѣ деревни, которая мало по малу, съ минуты на минуту, засыпаетъ подъ мягкимъ покровомъ наступающей ночи.

Но вдругъ въ немъ проснулось сознаніе дѣйствительности. Онъ сейчасъ увидитъ Гонорину. Она его ждетъ съ нетерпѣніемъ, она его засыплетъ вопросами. Въ первый разъ онъ почувствовалъ ясно, какое огромное мѣсто заняла она въ его жизни. Что онъ ей скажетъ? Онъ не посмѣетъ признаться въ своемъ уныніи. При этой мысли его тщеславіе возмущалось и черная, ѣдкая волна мизантропіи пробѣжала по его жиламъ, опалила его грудь, зажгла въ его мозгу зловѣщія видѣнія. Ненависть и зависть съ болью и крикомъ рвали его внутренности.

XIII.

— Прошло болѣе шести недѣль съ тѣхъ поръ, какъ ты былъ у Барро.

— Я знаю.

— А онъ еще не написалъ. Онъ вѣдь тебѣ навѣрно обѣщалъ это мѣсто?

— Да...

— Значитъ онъ лгунъ?

Оливье сдѣлалъ жестъ сомнѣнія и проговорилъ:

— Нѣтъ... но, онъ забылъ...

— Забылъ?.. Этого не забываютъ... Говорятъ правду или лгутъ. Твой Барро дрянной человѣкъ и лгунъ. Онъ тебѣ солгалъ, какъ они всѣ лгутъ народу... О! сволочь!

Молодой человѣкъ молчалъ, размышляя, а въ его ушахъ звучало еще послѣднее ея ругательство. Сволочь! Да, сволочь! Они всѣ лгуны. Они властвуютъ и управляютъ посредствомъ привѣтливой лжи, обманчивыхъ обѣщаній, разсчитанныхъ улыбокъ и рукопожатій!

Первые дни онъ жилъ между надеждой на обѣщанное мѣсто и боязнью, что ему придется его принять. Въ глубинѣ души онъ, быть можетъ, искренно не желалъ его, но затѣмъ, когда оно не приходило, онъ началъ сожалѣть, обвинялъ Барро въ пренебреженіи и въ забывчивости.

— А что, если бы ты опять пошелъ туда?

Онъ вскочилъ.

— Ни за что.

— Почему нѣтъ?—воскликнула Гонорина, начиная сердиться.—Я бы пошла... Я бы напомнила ему его обѣщанія... Я бы спросила его, смѣется онъ надо мной, что-ли? Я бы ему все высказала, навѣрно... Значитъ, у тебя вода въ жилахъ?

Въ эту минуту въ его жилахъ текла медленно тяжелая кровь, густая, прѣсная жидкость, черная, какъ чернило, и онъ чувствовалъ, что застываетъ въ безъисходномъ отчаяніи.

— Къ чему? я все равно не остался бы на этомъ мѣстѣ. Никогда я не соглашусь служить человѣку, запятнанному въ общемъ мнѣніи, этой скверной твари.

— Чтожъ тутъ такого? Развѣ вы были бы связаны на вѣкъ! Онъ бы тебя кормилъ нѣкоторое время, а потомъ ты бы его бросилъ... Хороша бы я была, если бы стала разбирать честность моихъ патроновъ, прежде чѣмъ принять отъ нихъ заказы!..

И у него не было другихъ намѣреній: онъ хотѣлъ воспользоваться этимъ пиратомъ для своихъ цѣлей и теперь испытывалъ двойной стыдъ: стыдъ пораженія и позоръ сознанія, что онъ сталъ игрушкой собственной неудавшейся интриги.

— Заплатилъ тебѣ сегодня твой ученикъ?

— Нѣтъ, его добрякъ отецъ пришелъ мнѣ сказать, краснѣя отъ стыда, что онъ въ стѣснительныхъ обстоятельствахъ и просилъ меня подождать.

— Сколько у тебя осталось денегъ?

Онъ вынулъ кошелекъ.

— Три франка пятьдесятъ сантимовъ. Но я долженъ получить завтра сорокъ франковъ. Это вѣрно.

— Далеко ты съ ними уѣдешь! У тебя нѣтъ уже платья, кромѣ черной фрачной пары. Ты имѣешь видъ нищаго.

— Что дѣлать? Я нищій дѣйствительно... Ба! я куплю брюки въ 18 франковъ.

— А что ты станешь ѣсть?

— Ѣсть! ѣсть! придетъ день, когда у меня, быть можетъ, ничего не будетъ, тогда я останусь съ пустымъ желудкомъ и буду пить воду изъ моего графина.

Онъ нервно засмѣялся.

— Ну что жъ! тогда я издохну, какъ многіе издыхали до меня,—отъ голода и нищеты!

— Ну, къ счастью, я имѣю работу... У тебя всегда будетъ кусокъ хлѣба!

Она сидѣла у своего маленькаго стола. Оливье стоялъ около нея, прислонившись къ стѣнѣ, и наблюдалъ, какъ ея ловкіе пальцы обворачивали кругомъ проволоки разноцвѣтные лоскутки.

Онъ сразу выпрямился.

Такъ, значитъ, онъ будетъ ѣсть хлѣбъ этой несчастной, кормиться ея безсонными ночами! До знакомства съ нимъ, она могла кое-какъ жить, благодаря своему трудолюбію и мужеству. Теперь она станетъ терпѣть лишенія только потому, что однажды вечеромъ, засидѣвшись за работой, она не успѣла закрыть свою дверь, и онъ вошелъ къ ней и обмѣнялся нѣсколькими словами!

Онъ взялъ ея руки, заставилъ ихъ выпустить работу и, смотря ей прямо въ глаза, сказалъ:

— Ты никогда не лжешь... Такъ скажи же мнѣ, не правда-ли: я большой негодяй?

Она посмотрѣла на него съ изумленіемъ.

— Не правда-ли, что я гадокъ и достоинъ презрѣнія?

Его губы дрожали отъ отвращенія къ самому себѣ.

Гонорина, не понявъ сначала, теперь почувствовала, что онъ испытываетъ ужасныя страданія. Она сжала его руки, быстро приблизилась къ нему, готовая обхватить его руками, какъ ребенка, у котораго начинается припадокъ.

— Я отвратителенъ самъ себѣ,—продолжалъ онъ.

— Но что съ тобой? ты съ ума сошелъ? Неужели это

вслѣдствіе моихъ словъ? Что же тутъ дурного, если мы подѣлимся кускомъ хлѣба? Кому какое дѣло до этого. Развѣ, если бы у тебя были деньги, ты не покупалъ бы мнѣ платья и шляпы? Развѣ ты не повелъ-бы меня въ театръ, въ рестораны? Развѣ мы вѣчно будемъ сидѣть въ своихъ комнатахъ — я за своими цвѣтами, ты за своими рукописями и книгами? Ты бы платилъ, и я не стала бы отказываться, клянусь тебѣ!.. Почему же не платить теперь мнѣ, разъ я богаче тебя? Скажи... отвѣчай же!..

Ея лицо, всегда энергичное, теперь смягчилось и выражало нѣжность, почти материнскую; ея глаза улыбались и искали улыбки; ея гармоничный голосъ принималъ оттѣнки милой воркотни, ласкающей и рѣзвой.

Онъ смотрѣлъ на нее, все еще не говоря ни слова. Сильный приливъ слезъ сдавилъ его горло, поднимался къ глазамъ... Онъ сдерживалъ эти слезы со всей энергіей своей воли. Онъ не хотѣлъ плакать.

Но вдругъ онъ закрылъ лицо руками и разрыдался.

— Ахъ ты дурачокъ!—воскликнула Гонорина, схвативъ его голову, прижимая ее къ своей груди, тихо укачивая ее, чтобы усыпить его страданіе, отъ котораго онъ весь дрожалъ, какъ барка на волнахъ.

Она также плакала, не будучи въ состояніи объяснить себѣ настоящую причину отчаянія своего друга, но отзываясь на это невѣдомое ей страданіе, какъ натянутая струна отзывается на дуновеніе воздуха.

И подъ теплой росой этихъ соединенныхъ слезъ Оливье почувствовалъ, что въ немъ возрождается мужество. Онъ неистово прижалъ къ груди Гонорину, внутренно клянясь ей, что эта дѣтская слабость мимолетна. Онъ дошелъ до того момента, когда, утопая, касаешься самаго дна нищеты, когда уже начинается удушье и когда вдругъ сильнымъ ударомъ ноги подымаешься снова надъ поверхностью болѣе сильнымъ, болѣе могучимъ послѣ этихъ побѣдъ надъ смертью.

Онъ посадилъ ее къ себѣ на колѣни и пробормоталъ медленно, голосомъ, еще полнымъ слезъ:

— Ахъ! я мечталъ о жизни болѣе легкой и менѣе суровой. Доброта моего отца, его лучезарный оптимизмъ меня избаловали. Я привыкъ къ призраку счастья... Понимаешь ты меня, Гонорина?

— Да, ты имѣлъ свою долю счастья. Поэтому и жизнь для тебя тяжелѣе, чѣмъ для другихъ... Быть можетъ, лучше не имѣть хорошихъ воспоминаній и сожалѣній, какъ я...

— Однако, чего же я прошу? Мнѣ нужно немногое... Моя совѣсть чиста, я не могу себя упрекнуть въ низкихъ разсчетахъ, въ непохвальныхъ желаніяхъ; у меня нѣтъ враговъ,

меня не коснулась клевета... Я истомился и одурѣлъ, сидя постоянно надъ книгами, не зная ни отдыха, ни веселья, живя въ одиночествѣ, стараясь лишь заполнить пробѣлы моего знанія. И вотъ, я принимаю мѣсто лакея, я соглашаюсь быть повѣреннымъ мерзостей безчестнаго человѣка, и мнѣ отказываютъ, меня забываютъ!.. А между тѣмъ, я еще не самый несчастный... Тысячи, милліоны людей страдаютъ, какъ и я. Ты—слабый, хотя у тебя есть мускулы, есть честолюбіе, есть идеи, хотя ты знаешь, что можешь творить и мыслить... Но ты слабъ... погибай и дай мѣсто другому. Такъ нѣтъ же, моя шкура стоитъ дороже..! Надо бороться? Ну, хорошо! Мы станемъ бороться!..

Гонорина слушала его, не прерывая. Ей казалось, что эти рѣчи расширяли ея умъ. Она, дочь народа, которая не получала отъ жизни ничего, кромѣ тумаковъ, забывала свои страданія, чтобы подняться до этого буржуа, раздѣлить его неудачи, слиться съ нимъ воедино.

— Ну,—сказалъ онъ, отталкивая ее,—работай, я не хочу, чтобъ ты изъ-за меня потеряла день... Ты, быть можетъ, работаешь теперь для насъ двоихъ,—прибавилъ онъ со смѣхомъ, который ей было больно слышать.

Она принялась работать, молча, опустивъ голову, внимательно слѣдя за движеніями своихъ пальцевъ, а онъ вышелъ, испытывая ѣдкую потребность удалиться, глубоко вздохнуть свѣжимъ воздухомъ, странствовать безъ опредѣленной цѣли по улицамъ.

XIV.

Выйдя, онъ направился въ ту сторону, гдѣ жилъ Коломесъ, но передъ его домомъ онъ остановился въ нерѣшимости. Какой помощи онъ могъ ожидать отъ этого баловня фортуны? Сочувственное слово, утѣшеніе и равнодушіе въ глубинѣ души! Къ чему это? Его жалобы, пожалуй, покажутся докучливы этому щеголю, спокойно дремавшему среди довольства, точно котъ, изнѣженно засыпающій съ полузакрытыми глазами подъ своей мягкой, чистенькой шкуркой.

— Ну, такъ что-же! Пускай!

Ему лично нуженъ споръ и шумъ—это его облегчитъ. Онъ взбѣжалъ на лѣстницу, схватилъ шнурокъ отъ звонка и дернулъ его изо всей силы. Испуганная служанка пріотворила дверь, но, узнавъ посѣтителя, улыбнулась.

— Барина нѣтъ дома.

Оливье сбѣжалъ внизъ, успокоенный, радуясь, что не видѣлъ никого. Но внизу онъ наткнулся на Коломеса.

— Тебя никогда не увидишь,—воскликнулъ тотъ. Пойдемъ на верхъ, ты пообѣдаешь со мной.

— Благодарю... нѣтъ, до свиданья!

— Зачѣмъ же ты приходилъ въ такомъ случаѣ?

— Такъ... Пожать тебѣ руку. Мнѣ надо идти.

— Ты съ ума сходишь?.. У тебя странный видъ... Скажи-ка, что случилось?

Онъ посмотрѣлъ на Оливье съ удивленіемъ и сказалъ серьезно, сердечнымъ тономъ:

— Ну, старина, что такое происходитъ?

Онъ взялъ его подъ руку и тихонько повлекъ въ пустынную улицу.

— Почему ты не приходишь больше обѣдать по четвергамъ?

— Я работаю.

— Приходи же завтра... это послѣдній четвергъ, что мы будемъ вчетверомъ... Денюнкъ женится черезъ недѣлю, ты получилъ приглашеніе?

— Нѣтъ, не получалъ.

— Правда, я вспоминаю, Денюнкъ не зналъ твоего адреса; я тоже забылъ номеръ дома... Ты самъ виноватъ, чортъ возьми, такъ не бросаютъ своихъ друзей... Цѣлые мѣсяцы о тебѣ ничего неизвѣстно... Но теперь ты предупрежденъ, ты придешь...

— Конечно, конечно!

Эта незначительная подробность невольнаго забвенія, оправдываемаго его удаленіемъ отъ общества, оскорбила Оливье.

— А что ты скажешь о Перрона?—спросилъ Коломесъ,—онъ поймалъ, не знаю какъ или черезъ кого, превосходное дѣло... въ провинціи. Тутъ играетъ роль одно финансовое общество.... ему платятъ, какъ какому нибудь министру, онъ себя рекламируетъ страшно и подготовляетъ въ будущемъ свою кандидатуру. Онъ уѣзжаетъ черезъ два мѣсяца... Ты видишь, наши обѣды приходятъ къ концу... Скоро останется только насъ двое...

— А ты?.. ты еще не нашелъ свою золотую розсыпь,—сказалъ Оливье съ горькой улыбкой.

— Я не спѣшу... Ты знаешь мои принципы ... Это придетъ само собою. Я по прежнему бываю въ свѣтѣ, участвую въ спектакляхъ, читаю стихи... пою, управляю котильономъ, я завязываю интрижки. Ба! Это дѣло не очень трудное. Кстати о похожденіяхъ; кажется, ты питаешь довольно продолжительную романическую любовь...

— Кто тебѣ это сказалъ?

— Лазарюсъ. Онъ встрѣтилъ въ Ботаническомъ саду тебя и твою... онъ скромно уклонился отъ встрѣчи... *Она*, повидимому, въ его вкусѣ... Онъ даже собирается тебя навѣстить,

застать врасплохъ среди воркованія... Онъ все тотъ же... Перрона платитъ ему ежемѣсячно маленькую сумму, достаточную, чтобъ прокормить собачонку, и онъ живетъ... Такъ какъ же, придешь ты завтра обѣдать?

— Нѣтъ.

— Но почему же? Не *она* же тебя удерживаетъ, надѣюсь.

— Вотъ еще!

— Значитъ, ты придешь, это рѣшено?

— Я тебѣ говорю—нѣтъ, кажется ясно? оставь меня въ покоѣ, наконецъ... До свиданья, мнѣ надо кое съ кѣмъ повидаться...

Нервно сжимая руку Коломеса, онъ замѣтилъ, не безъ упрека себѣ, искренное огорченіе въ послѣднемъ взглядѣ своего друга.

Коломесъ не задалъ ему вопроса, котораго онъ ожидалъ. Избалованный матерью, которая, не смотря на свою болѣзнь, изъ глубины своего кресла ровняла сыну дорогу посредствомъ ловкихъ интригъ, окруженный вниманіемъ и удобствами, онъ не имѣлъ понятія о чувствахъ человѣка, затертаго въ толпѣ, задыхающагося отъ безплодныхъ усилій проложить себѣ выходъ.

Оливье шелъ быстро, опустивъ голову, сердито толкая прохожихъ. Онъ былъ доволенъ, что не довѣрился Коломесу, не разсказалъ ему о своихъ попыткахъ у Барро. Онъ представлялъ себѣ его удивленное лицо, его совѣты вернуться, напоминать о себѣ, выжидать.

О! Коломесъ не смутился бы первыми неудачами. Онъ сохранилъ бы свою улыбку, свое открытое, любезное лицо, онъ бы покорно сторонился, чтобы пропустить сосѣда, сопровождая это веселымъ или остроумнымъ словцомъ. Онъ былъ бы терпѣливъ и сдержанъ, сохраняя свѣжій румянецъ на щекахъ, безъ капли желчи въ крови. Изворотливый, какъ кошка, услужливый, какъ лакей, онъ бы съумѣлъ воспользоваться визитомъ къ какой нибудь особѣ, подсмотрѣннымъ жестомъ, минутнымъ настроеніемъ, взглядомъ, заглавіемъ книги на столѣ, всякимъ пустякомъ, который помогъ бы понравиться и покорить. Онъ избѣгнулъ бы удара ногой, назначеннаго въ его спину, какъ бы не замѣчая намѣренія и продолжая улыбаться съ такой наглой безпечностью, что врагъ опустилъ бы ногу и улыбнулся бы въ свою очередь.

Онъ, Оливье, этого не можетъ. Борьба—это обмѣнъ ударовъ. Онъ не можетъ принять оскорбленіе, не отвѣтивъ ударомъ.

Перрона! Тотъ скоро бы заставилъ раздаться толпу, пробиваясь черезъ нее съ помощью локтей; смѣлый, неразборчи-

вый, трусъ въ душѣ, но почерпающій свое мужество въ трусости другихъ, онъ внушалъ страхъ. Онъ способенъ совершить всякую гадость, онъ не остановится передъ клеветой, и ему даютъ дорогу. Онъ бандитъ и кондотьери. Есть всегда и всюду грязныя дѣлишки: перехватить деньжонокъ, надуть одного, убить другого. Его будутъ имѣть всегда въ виду.

Оливье не могъ даже подумать объ этой роли современнаго бандита безъ кинжала и шпаги.

Денюнкъ?... это волъ! медленный и надежный волъ, идущій шагъ за шагомъ. Его сейчасъ бы запрягли, такъ какъ его всѣ считаютъ покорнымъ и неспособнымъ къ сопротивленію. Онъ тянулъ бы лямку безъ остановки, безъ отдыха, безъ надежды, ради удовольствія тянуть.

Честолюбивые планы Оливье были совсѣмъ другіе. Онъ не хотѣлъ быть только орудіемъ, онъ хотѣлъ быть самимъ собою.

Но, Боже мой, что же онъ могъ сдѣлать?

Потъ струился у него по лицу, сбѣгалъ подъ волосами и стекалъ струйками по лбу. А онъ все бѣжалъ, какъ безумный, наклонивъ впередъ туловище. Наконецъ, онъ замѣтилъ, что на него обращаютъ вниманіе, и встрѣчные сторонятся передъ нимъ. Ребенокъ, съ голубыми глазами, съ которымъ онъ случайно встрѣтился взглядомъ, убѣжалъ молча, въ ужасѣ, поворачивая голову, чтобъ убѣдиться, что онъ его не преслѣдуетъ. Оливье почувствовалъ вдругъ, что его сердце полно. Горячая, тежелая слеза повисла на рѣсницахъ.

— Бѣдное дитя, бѣдное дитя, бѣдное дитя, — сталъ онъ повторять безъ конца, какъ бы въ тактъ своимъ шагамъ въ этомъ безцѣльномъ путешествіи.

Но вдругъ онъ вскрикнулъ отъ радости.

— А! бичевать недостойныхъ политическихъ дѣятелей, схватить ихъ за горло, вонзить въ нихъ желѣзные когти, пригнуть ихъ къ самой грязи, по которой они бродятъ, стереть эту грязь ихъ собственными лицами. Очистить ихъ карманы, вырвать оттуда деньги, добытыя подлостью! Обнажить ихъ и хлестать, пока кровь не брызнетъ дождемъ. Раздавить развратниковъ, обманщиковъ, трусовъ, смѣшать это все и бросить въ сточную трубу.

Памфлетъ! Писать памфлеты! Стать судьей! Навязать себя Парижу, наполнить его воплями негодованія и мести, заставить его себя слушать!

Онъ въ изнеможеніи упалъ на скамью.

Тогда съ той ясностью ума, почти ясновидѣніемъ, которое иногда даетъ усталость тѣла, выбившагося изъ силъ, онъ представилъ себѣ, какъ въ апоѳеозѣ, въ преувеличенномъ и прекрасномъ видѣніи, оглушительный и страшный шумъ, громо-

вые раскаты своихъ неотразимыхъ рѣчей. Древняя аллегорія ангела-губителя съ огненнымъ мечомъ въ рукахъ становилась для него дѣйствительностью.

Въ матеріалахъ недостатка не было. Довольно было открыть глаза, сказать то, что всякій зналъ и говорилъ про себя. Онъ представлялъ себѣ горячую проповѣдь новаго положенія вещей, новаго міра, полюсами котораго будутъ справедливость и правосудіе...

Пусть его разобьютъ въ этой борьбѣ; но онъ падетъ съ окровавленнымъ ртомъ, укусивъ въ свою очередь торжествующаго звѣря!

То самое, что его отецъ ожидалъ отъ медленнаго прогресса, отъ благотворнаго вліянія очищенной цивилизаціи, эту химерическую эру мира и кротости—онъ ее желалъ получить сейчасъ, цѣною борьбы!

День склонялся къ вечеру, кварталъ былъ безлюденъ.

Онъ поднялъ голову и въ концѣ широкой улицы увидѣлъ зеленые откосы укрѣпленій. Онъ находился въ двухъ часахъ разстоянія отъ своей квартиры, но ему, усталому и голодному, понадобилось около трехъ часовъ, чтобы дойти домой.

Гонорина ждала его, съ безпокойствомъ прислушиваясь и бросая работу каждый разъ, какъ на лѣстницѣ раздавались шаги.

Увидя его блѣднаго, осунувшагося, съ впавшими глазами, обведенными черными кругами, съ опущенными безсильно руками, согнутой отъ слабости спиной, она подумала, что онъ пьянъ, и вскочила, готовая обхватить его руками.

— Ты пилъ?

— Нѣтъ, — отвѣчалъ онъ съ грустной и страдальческой улыбкой.—Нѣтъ... но я истощенъ... Мой мозгъ слишкомъ много работалъ, онъ пустъ и былъ близокъ къ сумасшествію... Мнѣ кажется, я знаю теперь, что долженъ испытать безумный при первомъ приступѣ болѣзни... Мнѣ нуженъ только сонъ... Помоги мнѣ раздѣться... У меня нѣтъ больше силъ, я падаю...

Она его раздѣла, какъ больного ребенка, принесла и заставила его выпить въ постели чашку горячаго бульона.

Страшно усталый, онъ однако не могъ уснуть сразу. Она взяла его руку, пощупала пульсъ и склонилась надъ нимъ молча, въ страхѣ, устремивъ глаза на его глаза, потухшіе отъ лихорадки и смотрѣвшіе на нее пристально.

Оливье хотѣлъ говорить, но его губы не двигались, и языкъ отяжелѣлъ.

Только взглядъ его говорилъ:

— Добрая дѣвушка, ты ухаживаешь за мной, ты принимаешь меня, добрая сестра, добрая подруга, желающая раздѣлить свой хлѣбъ со мною, я люблю тебя...

Такъ онъ заснулъ, держа Гонорину за руку, нѣжно сжимая ее, и его вѣки, закрываясь, пропустили двѣ слезы, медленно скатившіяся по щекамъ.

Гонорина, умиленная, задумчиво смотрѣла на эти слезы.

XV.

Онъ проспалъ всю ночь до поздняго утра. Только что онъ проснулся, какъ дверь тихо отворилась. Гонорина вошла, осторожно подвигаясь впередъ.

Она нѣжно улыбнулась.

— Какъ ты себя чувствуешь?

— Хорошо, совсѣмъ хорошо... Мнѣ кажется, что я проспалъ десять лѣтъ. Который часъ?

— Двѣнадцать.

Онъ приподнялся на постели и спросилъ:

— Ты сидѣла около меня всю ночь?

— Нѣтъ, но я долго работала при открытыхъ дверяхъ. Я нѣсколько разъ приходила посмотрѣть на тебя и легла только тогда, когда убѣдилась, что ты не проснешься... Хочешь поѣсть въ постели? Я тебѣ приготовила чашку шоколаду и два хлѣбца. Ахъ да, я и забыла. У меня есть письмо для тебя, отъ твоего отца,—воскликнула она, ударивъ себя по лбу.

Письмо заключало въ себѣ нѣсколько строкъ:

«Мой милый, неожиданная прибыль! пятьдесятъ франковъ ко мнѣ упали съ неба, такъ какъ одинъ кліентъ вздумалъ заплатить! Посылаю ихъ тебѣ. Они будутъ кстати не правда-ли, старина? Обнимаю тебя.»

Оливье, покраснѣвъ отъ радости, схватилъ письмо, поцѣловалъ подпись и, положивъ письмо обратно въ конвертъ, засунулъ все подъ изголовье.

— Дай мнѣ твой шоколадъ,—воскликнулъ онъ,—я умираю отъ голода.

Онъ ѣлъ молча и жадно, грудь его разрывалась отъ радости; силы его возвращались; мысли возрождались, величавыя и безпорядочныя.

А между тѣмъ, что значили эти пятьдесятъ франковъ? Обѣды на полмѣсяца, пусть даже на три недѣли?..

Но это была надежда. Все существо Оливье переполнялось ощущеніемъ новой жизни. Онъ представлялъ себѣ любимаго отца, забывающаго себя для сына; добрый старикъ! Истомленный и усталый, самъ заслужившій давно свой отдыхъ, онъ думаетъ, что молодость заслуживаетъ больше вниманія, чѣмъ его старость; какъ должно быть билось его любящее сердце, когда онъ вкладывалъ квитанцію въ конвертъ съ адресомъ сына! Те-

перь для Оливье свѣтило другое солнце на другомъ небѣ, другой воздухъ окружалъ его. Онъ не былъ уже тѣмъ безумцемъ, который наканунѣ бѣгалъ по улицамъ, рыдая отъ усталости и ненависти, уносимый водоворотомъ безумія.

Вчерашній Оливье внушалъ ему отвращеніе.

Памфлетистъ! онъ думалъ писать памфлеты! Возвѣстить всѣмъ о своемъ бѣшенствѣ, кусая подошвы тѣхъ, которые стоятъ выше! Обнаружить свою злобу и зависть, оплевывая извѣстныя имена. Забавляться бѣшеной игрой, одѣвать отрывки недозрѣлыхъ идей звучными словами, которыя будутъ разрываться какъ петарды! Копаться въ грязи и тинѣ, унизить свое честолюбіе, заглушить великодушные порывы своей души для тщеславія низкой литературы! Утверждать о комъ нибудь, что онъ клятвопреступникъ, и замолчать, что онъ же спасъ свою страну и готовъ для нея пожертвовать жизнью. Называть трусами людей застѣнчивыхъ, искателями приключеній и дѣльцами тѣхъ, у кого энтузіазмъ вызываетъ актерскіе жесты! Знать, что лжешь, и вѣчно лгать!

Какая гадость!

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

---

* * *

Среди грозы и шума непогоды,
Когда вокругъ земля испуганно дрожитъ,
Смолкаетъ пѣснь ликующей природы
И въ ней ничто согласно не звучитъ.
Но подожди, пусть грозный вихрь промчится
И вступитъ въ берега клокочущій ручей—
Тогда опять созвучье заструится
Въ сіяньи дня и въ сумракѣ ночей.
Такъ пѣснь моя замолкла отъ рыданья,
Созвучья трепетно замедлили полетъ...
Но подожди, утихнуть дай страданью,
И сердце вновь, какъ прежде, запоетъ.

Allegro.

Хлѣбныя цѣны и народное хозяйство.

Низкія цѣны на хлѣбъ и жалобы землевладѣльцевъ на плохія дѣла сдѣлались у насъ обычными явленіями. О затруднительномъ положеніи нашего сельскаго хозяйства въ теченіе послѣднихъ лѣтъ много говорили и въ сельскохозяйственныхъ обществахъ, и въ печати; сѣтованія на земледѣльческій кризисъ были громки и настойчивы. Неудивительно, если вопли о «тяжелыхъ временахъ» для земледѣлія скоро создали представленіе о всенародномъ бѣдствіи, будто бы угнетающемъ, разоряющемъ и губящемъ всѣхъ, такъ или иначе прикосновенныхъ къ землѣ. Нужды, которыя выставлялись на показъ, часто принимались за всеобщія нужды; интересы, которые страдали отъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ, считались интересами общественными. Поэтому нерѣдко говорилось и писалось о кризисѣ русскаго сельскаго хозяйства, и если настаивали на мѣрахъ воспособленія, то ихъ мотивировали тяжелыми условіями, въ которыхъ находится важнѣйшій изъ промысловъ въ нашемъ отечествѣ.

Представленіе о томъ, что сельское хозяйство Россіи въ его цѣломъ переживаетъ тяжелыя времена, составилось подъ вліяніемъ сужденій и жалобъ, исходившихъ не отъ всѣхъ классовъ сельскаго населенія, а лишь отъ той части его, которая одна только могла заявлять о своихъ нуждахъ черезъ посредство сельско-хозяйственныхъ обществъ и печати и другими путями. Это обстоятельство уже само по себѣ, независимо отъ всякихъ иныхъ соображеній, заставляло относиться съ осторожностью къ сужденію о кризисѣ, какъ явленіи, касающемся будто бы интересовъ всего нашего сельскаго хозяйства.

Необходимо было провѣрить эти сужденія путемъ изслѣдованія, которое опредѣлило бы вліяніе низкихъ цѣнъ на разныя стороны нашего народнаго хозяйства и дало бы матеріалъ для рѣшенія вопроса: дѣйствительно ли всѣ классы сельскаго населенія Россіи терпятъ ущербъ отъ паденія цѣнъ на земледѣльческіе продукты, и если не всѣ, то какіе именно. Разсмотрѣніе этого вопроса и составляетъ предметъ обширнаго труда, исполненнаго нѣсколькими спеціалистами и редактированнаго А. И. Чупровымъ и А. С. Посниковымъ, которымъ принадлежитъ также введеніе. Мы говоримъ о

только что выпущенномъ изданіи: «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства» (2 т. С.-Петербургъ. 1897).

Программа этого изслѣдованія, выработанная Департаментомъ Торговли и Мануфактуръ совмѣстно съ авторами статей, помѣщенныхъ въ названномъ изданіи, и редакторами послѣдняго, охватываетъ рядъ предметовъ. Вотъ ихъ перечень: «Производство и потребленіе хлѣба въ крестьянскомъ хозяйствѣ» Л. Н. Маресса. «Значеніе хлѣбныхъ цѣнъ для частнаго землевладѣнія въ Европейской Россіи» Н. А. Каблукова. «Стоимость и производство хлѣба въ частно-владѣльческихъ хозяйствахъ» Н. Ѳ. Анненскаго. «О связи хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ русскомъ земледѣліи» А. Ѳ. Фортунатова. «Крестьянскія внѣ-надѣльныя аренды въ зависимости отъ колебаній хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ», Н. А. Карышева. «Задолженность частнаго землевладѣнія» Д. И. Рихтера. «Вліяніе хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ на движеніе земельной собственности» А. И. Чупрова. «Цѣны на земледѣльческій трудъ въ связи съ урожаями и хлѣбными цѣнами» Н. Ѳ. Анненскаго. «Крестьянскіе бюджеты и зависимость ихъ отъ урожаевъ и цѣнъ на хлѣба» Ф. А. Щербины. «О вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на кустарные промыслы» М. А. Плотникова. «Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на городское населеніе Россіи» В. Н. Григорьева. «Вліяніе колебаній урожая и хлѣбныхъ цѣнъ на естественное движеніе населенія» В. И. Покровскаго. «О нѣкоторой зависимости между цѣною хлѣба и поступленіемъ акцизныхъ сборовъ за послѣднее 10-лѣтіе» Н. О. Осипова. При каждой монографіи имѣются болѣе или менѣе обширныя приложенія въ видѣ таблицъ и картограммъ, а кромѣ того ко второму тому приложена работа Н. Ѳ. Анненскаго «Средніе урожаи главнѣйшихъ хлѣбовъ за періоды: а) 1857 — 1866 гг., б) 1870 — 1882 гг. и в) 1883—1893 гг.»

Простое перечисленіе монографій, помѣщенныхъ въ названномъ изданіи, показываетъ, какъ значительны и обширны предметы, разсмотрѣнные изслѣдователями. Дѣйствительно, въ этомъ трудѣ собранъ матеріалъ, который впервые даетъ возможность ознакомиться на основаніи фактовъ съ нѣкоторыми важнѣйшими сторонами явленія, затрогивающаго существенные интересы сельскохозяйственнаго промысла. Это первая попытка представить данныя для характеристики тѣхъ измѣненій, которымъ подвергается наше народное хозяйство при паденіи хлѣбныхъ цѣнъ. Мы имѣемъ въ виду, пользуясь новымъ изданіемъ, остановиться на нѣкоторыхъ наиболѣе крупныхъ чертахъ этой характеристики. Приэтомъзадача настоящей статьи будетъ заключаться не въ критикѣ статистическихъ пріемовъ, которыми пользуются изслѣдователи, а въ выясненіи важнѣйшихъ результатовъ, къ которымъ приводитъ ихъ работа.

Явленіе, интересующее насъ въ настоящемъ случаѣ, не специ-

ально русское, а міровое: въ теченіе ряда послѣднихъ лѣтъ во всѣхъ странахъ, входящихъ въ систему мірового хозяйства происходило пониженіе цѣнъ на продукты сельскаго хозяйства. Въ истекшіе два года это движеніе остановилось и даже уступило мѣсто обратному процессу; но и нѣсколько повышенныя цѣны прошлаго года оказываются значительно ниже по сравненію съ цѣнами 80-хъ и даже начала 90-хъ гг. Вотъ напр. данныя, относящіяся къ Англіи, гдѣ устанавливаются цѣны международнаго рынка. Средняя цѣна квартера пшеницы, бывшая въ первой половинѣ 80-хъ гг. 37 ш. 4 п., въ теченіе шестилѣтія отъ 1886—87 *) по 1892—93 гг. держалась въ среднемъ на 31 ш. 4 п., а въ 1893—94 г. квартеръ пшеницы стоилъ всего 24 ш. 4. п. Крайняго предѣла достигло паденіе цѣны въ 1894 г. **), когда въ среднемъ квартеръ пшеницы стоилъ всего 22 ш. 10 п. По сравненію съ этой послѣдней цифрой прошлый годъ принесъ уже нѣкоторое улучшеніе: цѣна пшеницы повысилась до 23 ш. 1 п., а въ 1896 г. даже до 27 ш. 9 п. Но какъ далеко еще все таки до уровня хотя бы 80-хъ годовъ, не говоря уже о періодѣ 1875/76 — 1880/81 гг., когда квартеръ стоилъ 47 ш. 1 п. или 1869/70 — 1874/1875 гг., когда средняя цѣна пшеницы держалась на 53 ш. 4. ***).

Значительному пониженію подверглись также цѣны другихъ хлѣбовъ, съ той лишь разницей по сравненію съ пшеницей, что онѣ продолжали падать и въ послѣдніе два года. Такъ, квартеръ овса, стоившій въ первой половинѣ 80-хъ гг. 20 ш. 2 п., въ 1893—94 гг. понизился въ цѣнѣ до 18 ш., а въ прошломъ году держался на небывало низкомъ уровнѣ 15 ш. 4 п. Цѣна ячменя понизилась за тотъ же періодъ времени съ 29 ш. 3 п. за кв. до 28 ш. 4 п.—въ 1893—94 гг. и 22 ш. 10 п.—въ 1896 г. ****).

Явленіе, отмѣченное относительно Англіи, наблюдалось съ нѣкоторыми видоизмѣненіями и въ другихъ странахъ. Такъ напр. въ Германіи, несмотря на охранительныя пошлины, цѣны замѣтно отразили на себѣ вліяніе международнаго рынка. Въ концѣ 70-хъ и началѣ 80-хъ гг., когда землевладѣльцы подняли вопль по поводу сельскохозяйственнаго кризиса и потребовали введенія хлѣбныхъ пошлинъ, тонна пшеницы стоила въ Германіи 210,4 марки, а въ 1894 г. она упала до 138,2 марокъ. Рожь за это время понизилась съ 167,8 м. до 118,3, ячмень—съ 163,6 до 145,4, овесъ—съ 143,1 до 136,3 *****).

---

*) Здѣсь имѣется въ виду сельскохозяйственный годъ отъ 1 сентября одного года по 31 августа слѣдующаго.

**) Обыкн. годъ, отъ 1 января.

***) Эти свѣдѣнія взяты изъ трудовъ Королевской Коммиссіи по изслѣдованію сельскаго хозяйства въ Англіи (Royal Commission on Agriculture) и статьи Agriculture in 1896, нап. въ газ. Times, 28 dec. 1896.

****) Тамъ же.

*****) Agrarkrisis in Deutschland. Статья Конрада въ Handw. d. Staatsw. I-er Suppl. Band.

Пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ не отличалось въ Германіи такой же непрерывностью, какъ въ Англіи, но въ общемъ оно было все таки весьма чувствительно, особенно къ серединѣ нынѣшняго десятилѣтія. Если принять за 100 среднія цѣны, державшіяся на хлѣба въ Пруссіи въ періодъ отъ 1861 по 1870 г., то цѣны 1894 года опредѣлятся въ такихъ цифрахъ: пшеница—64,6, рожь—75,5, ячмень—101,3, овесъ—107,4 *). Въ послѣдніе два года произошло нѣкоторое повышеніе цѣнъ на пшеницу (67,6 и 74,0) и рожь (76,2 и 78,2); но ячмень и овесъ упали въ цѣнѣ (88,3 и 91,8—для ячменя и 88.4 и 89,9—для овса) **).

Пониженіе хлѣбныхъ цѣнъ на всемірномъ рынкѣ, отразившееся на германскихъ цѣнахъ, несмотря на охранительный тарифъ, конечно, не могло не оказать вліянія и на Россію. Въ статьѣ Н. Ѳ. Анненскаго—о стоимости производства хлѣба вь частновладѣльческихъ хозяйствахъ («Вліяніе урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ», т. I) мы находимъ любопытныя данныя по этому предмету. Если сравнить среднія цѣны за десятилѣтіе 1881—93 гг. съ данными 1894 г., то окажется, что цѣны ржи, овса и пшеницы значительно понизились во всѣхъ раіонахъ Россіи. Слѣдующая таблица подтверждаетъ это положеніе.

Цѣны за 1 пудъ (въ копѣйкахъ).

Группы губерній.	Рожь. 1881—93	Рожь. 1894	Овесъ. 1881—83	Овесъ. 1894	Пшеница. 1881—93	Пшеница. 1894
I. Южныя степныя. .	62	31	—	—	85	40
II. Юго-западныя . .	61,5	33	53	36	—	—
III. Среднія черноземн.	58,5	25	45	28	81,5	39
IV. Сѣверн. черноземн.	64	35	48	33	—	—
V. Средневолжскія. .	65	32	45	35	90	(44)
VI. Нижневолжскія. .	66	27	45	28	81	44
VII. Промышленныя:						
а) вост. районъ .	81	52	56,5	48	—	—
б) зап. районъ. .	80	52	53	42	—	—
VIII. Пріозерныя:						
а) С.-Петерб. губ.	103,5	69	71	68	—	—
б) Остальныя губ.	87,5	66	57	51	—	—
IX. Сѣверо-западныя .	72,5	47	59	48	—	—
X. Прибалтійскія . .	85	63,5	77	64	—	—

Факты, выраженные въ этой таблицѣ, составляютъ, какъ видно изъ предшествовавшаго, только мѣстное проявленіе одного общаго процесса, связаннаго съ цѣлымъ рядомъ причинъ, повліявшихъ на снабженіе международнаго рынка земледѣльческими продуктами.

---

*) Denkschrift über die zur Förderung der Landwirthschaft in den letzten Jahren ergriffenen Massnahmen 1896.

**) Данныя 1896 года относятся только къ первымъ шести мѣсяцамъ.

Мы не будемъ здѣсь входить въ разсмотрѣніе этихъ причинъ, потому что насъ интересуетъ въ настоящемъ случаѣ только вліяніе, которое оказалъ ихъ результатъ, паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, на разныя стороны народнаго хозяйства. Но это вліяніе мы попытаемся охарактеризовать прежде всего при помощи сопоставленія нѣкоторыхъ фактовъ, относящихся къ Россіи, съ данными, имѣющими отношеніе къ западно-европейскимъ странамъ. Намъ представляется особенно поучительнымъ сопоставленіе съ Англіей, какъ страной, которая, и по организаціи сельскаго хозяйства, и по всему складу земельныхъ отношеній, существенно отличается отъ нашего отечества.

Паденіе хлѣбныхъ цѣнъ вызывало въ Англіи, какъ и у насъ, а также и въ другихъ странахъ Европы, громкія жалобы на «тяжелыя времена». Толки о кризисѣ не сходили въ послѣдніе годы со столбцовъ газетъ и журналовъ; и вотъ образцы этихъ іеремиадъ. Характеризуя положеніе дѣлъ осенью 1894 года, «Public Opinion» передавала, что провинціальныя газеты «полны жалобъ на крайне мрачныя перспективы земледѣлія». Слѣдующая выдержка изъ «Norfolk Chronicle» можетъ служить типическимъ примѣромъ статей, появлявшихся тогда въ англійскихъ провинціальныхъ изданіяхъ. «Въ Михайловъ день, писалось въ этой газетѣ, по всему графству, какъ снѣгъ, повалили заявленія фермеровъ о томъ, что они отказываются отъ дальнѣйшей аренды своихъ фермъ, и что же въ этомъ удивительнаго? При нынѣшнихъ цѣнахъ вопросъ не сводится только къ пониженію арендной платы, потому что половина Норфолька не можетъ обработываться даже при освобожденіи фермеровъ отъ всякой платы за землю. Въ округахъ, воздѣлывающихъ хлѣбныя растенія, и гдѣ земля находится подъ плугомъ, быстро приближается серьезный кризисъ: заработная плата падаетъ и лишнія руки отпускаются. Мы опасаемся, что многимъ дѣйствительно хорошимъ рабочимъ трудно будетъ въ теченіе этой зимы найти постоянныя занятія. Въ хлѣбной торговлѣ нѣтъ улучшенія. Не только цѣны разорительны, но кромѣ того болѣе низкіе сорта хлѣба не могутъ найти покупателей ни по какой цѣнѣ. Качество пшеницы не повысилось, такъ что сырое зерно остается на рукахъ, а самая лучшая и сухая пшеница продается всего по 24 шилл. за квартеръ. Что касается ячменя, то на рынкѣ господствуетъ полная паника; очень немногіе образцы, быть можетъ, одинъ образецъ изъ ста, продаются по 32 шилл. за квартеръ; между тѣмъ, огромное количество прекрасныхъ сортовъ этого хлѣба, вполнѣ пригодныхъ для пивоваренія, сбываются меньше, чѣмъ за 20 шилл. И это еще не все. Въ первый разъ въ Норфолькѣ пивовары и торговцы требуютъ, чтобы каждый квартеръ ячменя вѣсилъ 32 стоны. Это составляетъ 56 фунтовъ въ бушелѣ; и такъ какъ значительное количество ячменя вѣситъ только 50 фунт., то несчастный фермеръ вынужденъ продавать по 9 бушелей на квартеръ вмѣсто 8».

Эта картинка, цѣликомъ выхваченная изъ жизни, могла бы быть подтверждена длиннымъ рядомъ подобныхъ же выдержекъ и свидѣтельскихъ показаній передъ коммиссіей, изслѣдовавшей положеніе англійскаго земледѣлія. Англія — страна капиталистическаго фермерства, расчитаннаго на сбытъ, слѣдовательно, находящагося въ тѣснѣйшей зависимости отъ рыночныхъ цѣнъ. Поэтому жалобы англійскихъ фермеровъ, вродѣ приведенныхъ выше, вполнѣ естественны и понятны. Никто и не сомнѣвался никогда въ томъ, что хозяйство, производящее для продажи, терпитъ ущербъ отъ пониженія цѣнъ и при значительномъ и долговременномъ обезцѣненіи сельскохозяйственныхъ продуктовъ переживаетъ кризисъ. Понятно также, что хозяйства, не разсчитанныя на сбытъ, при этомъ не терпятъ вовсе ущерба или подвергаются ему въ меньшей степени. Но любопытно знать, какъ велики въ странѣ категоріи сельскихъ хозяевъ, испытывающихъ невыгоды отъ низкихъ цѣнъ, и многочисленны ли классы сельскаго населенія, которымъ низкія цѣны не страшны, а быть можетъ даже и желательны. Полученіе возможно полнаго и точнаго отвѣта на эти вопросы имѣетъ и практическое, и теоретическое значеніе, на важности котораго едва ли нужно настаивать.

Возможно ли, однако, чтобы при нынѣшнемъ строѣ народнаго хозяйства существовалъ такой классъ сельскихъ хозяевъ, для которыхъ рынокъ не имѣлъ бы значенія? Быть можетъ, это такая ничтожная часть земледѣльческаго населенія, которая не можетъ идти въ счетъ при рѣшеніи вопроса о вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ на народное хозяйство?

При рѣшеніи этихъ вопросовъ относительно нашего отечества представляется весьма поучительнымъ, что даже въ Англіи, при господствѣ капиталистическаго фермерства, имѣется контингентъ сельскихъ хозяевъ, не страдающихъ вовсе или страдающихъ относительно мало отъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ, и что число такихъ хозяевъ отнюдь не представляется ничтожнымъ. Подтвержденіе этого факта мы находимъ въ многочисленныхъ данныхъ, собранныхъ уже упомянутой выше коммиссіей для изслѣдованія сельскаго хозяйства въ Англіи. Въ то время, какъ со всѣхъ концовъ страны слышались жалобы на разореніе фермеровъ и гибель сельско-хозяйственной культуры, почти повсемѣстно оказывалось, что вакантныхъ фермъ или нѣтъ совсѣмъ, или очень мало, что спросъ на землю не сократился и сдача фермъ не встрѣчаетъ затрудненій. Какъ типическое заявленіе свидѣтелей по этому вопросу, можно привести слѣдующее замѣчаніе делегата коммиссіи Дж. Гоппа, относительно изслѣдованныхъ имъ графствъ въ Шотландіи. По его словамъ, «въ мѣстностяхъ, на которыя распространяется его отчетъ, нѣтъ пустующихъ фермъ, и очень немного земли обрабатывается самими собственниками по невозможности сдать ее за «разумную» плату». Въ Ланкаширѣ не было «ни одной вакантной фермы, и не замѣчалось ни малѣйшаго затрудне-

нія при сдачѣ земли». Въ Нортумберландѣ фермы очень легко сдавались по установившейся цѣнѣ, и во многихъ случаяхъ обнаруживалось оживленное соперничество между фермерами, искавшими земли. Мѣстности, въ которыхъ, какъ въ Гампширѣ, трудно было найти арендатора для пустующей земли, составляли исключеніе. Напротивъ, общій смыслъ показаній, выслушанныхъ комиссіей, сводится къ тому, что число желающихъ арендовать землю не уменьшилось вслѣдствіе затрудненій, переживаемыхъ сельскимъ хозяйствомъ (см., напр., показанія 1312—1317, 2386—2390; 2737; 4050—51; 5039—5048; 5429—5433 и др.). Этотъ фактъ вызвалъ удивленіе въ членахъ комиссіи. Когда одинъ изъ свидѣтелей, описавъ затруднительное положеніе фермеровъ въ Іоркширѣ, сообщилъ, что фермеры тѣмъ не менѣе очень охотно арендуютъ землю за довольно высокую цѣну (tolerably high rents), членъ комиссіи Дальтонъ замѣтилъ, что «это очень странно», и что фактъ, отмѣченный свидѣтелемъ, во всякомъ случаѣ, не показываетъ, чтобы фермеры встрѣчали непреодолимыя препятствія вести хозяйство. Свидѣтель не могъ разъяснить это недоумѣніе и признался, что онъ не понимаетъ, чѣмъ объясняется оживленный спросъ на землю при убыточности хозяйства (2571—2575; 2595—2596). Между тѣмъ, матеріалъ, собранный комиссіей, даетъ указанія, разъясняющія это противорѣчіе.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ фермеры находили возможнымъ вести хозяйство съ прибылью, не смотря на дешевизну продуктовъ сельскаго хозяйства; это—когда мѣстныя условія сложились благопріятно для фермера, вслѣдствіе ли исключительнаго плодородія почвы, близости выгоднаго рынка, значительнаго пониженія арендной платы и т. д. Но, оставляя въ сторонѣ исключенія, мы можемъ констатировать, что большинство свидѣтелей, говоря о своемъ затруднительномъ положеніи, имѣли въ виду невыгодность хозяйства исключительно съ точки зрѣнія коммерческаго предпріятія: въ настоящее время фермерство не приноситъ въ Англіи обычной предпринимательской прибыли и процента на капиталъ, но изъ этого не слѣдуетъ, что оно не можетъ прокормить земледѣльца даже при платежѣ довольно высокой цѣны за аренду земли. Напротивъ, въ трудахъ комиссіи можно найти данныя, показывающія, что съ этой стороны занятіе сельскимъ хозяйствомъ продолжало приносить выгоду, т. е. кормило того, кто имъ занимался. Опытъ послѣдняго десятилѣтія показалъ въ Англіи, что мелкое фермерство, приближающееся къ крестьянскому хозяйству, лучше выдерживало кризисъ, чѣмъ крупное; что мелкій фермеръ съ успѣхомъ хозяйничалъ въ то время, когда крупный терпѣлъ крушеніе (показанія 4020, 4218—4229). Конечно, нынѣшній кризисъ отразился въ Англіи и на мелкихъ фермерахъ: многіе изъ нихъ, особенно тѣ, которые впали въ долги во время неурожаевъ, обанкротились; тѣмъ не менѣе, затрудненія этого класса были менѣе значительны, и причина этого явле-

нія заключается въ томъ, что мелкій фермеръ меньше зависитъ отъ рыночныхъ цѣнъ и меньше расходуетъ на наемный трудъ. Поэтому, не смотря на убыточность хозяйства для капиталистовъ-предпринимателей, мелкіе хозяева продолжали и при низкихъ цѣнахъ стремиться къ найму земли *).

Было бы весьма любопытно болѣе или менѣе точно учесть для Англіи число сельскихъ хозяевъ, которые, благодаря меньшей зависимости отъ рынка, не безъ успѣха боролись съ земледѣльческимъ кризисомъ и могли продолжать свое дѣло, не смотря на низкія цѣны сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Къ сожалѣнію, такого подсчета, сколько намъ извѣстно, не сдѣлано; но, во всякомъ случаѣ, эта категорія хозяевъ не можетъ быть очень мала, если судить по даннымъ о числѣ и размѣрѣ мелкихъ владѣній въ Англіи. Мы привыкли считать ее страной крупнаго землевладѣнія, между тѣмъ мелкое фермерство, приближающееся къ типу крестьянскаго хозяйства, распространено въ Англіи гораздо больше, чѣмъ обыкновенно предполагаютъ. По даннымъ, опубликованнымъ въ 1890 году англійскимъ министерствомъ земледѣлія, въ Великобританіи имѣется 409,422 владѣнія, не превышающихъ 50 акровъ (около 17 десятинъ). Но сюда не входятъ еще такъ наз. участки-надѣлы (allotments), т. е. мелкіе участки менѣе 1 акра, находящіеся въ пользованіи рабочихъ. Число такихъ участковъ-надѣловъ, зарегистрированныхъ въ 1889 году, достигаетъ 455,005. Кромѣ того, по отчету 1886 г. было занесено въ списки: желѣзнодорожныхъ участковъ самостоятельныхъ—39,115,—при коттэджахъ—6,142, огородныхъ при коттэджахъ—262,614, картофельныхъ и пастбищныхъ—128,448. Всего въ Великобританіи такъ наз. petite culture въ той или иной формѣ представлена была въ 1886—89 гг. въ 1,300,000 случаевъ **). Между тѣмъ число владѣній выше 50 акровъ достигало всего 163,652 ***). Если оставить въ сторонѣ рабочіе участки, то все же окажется, что въ 1889 г. мелкія владѣнія составляли не менѣе 75% общаго числа владѣній въ Англіи и Шотландіи, занимая приблизительно 15% всей обработанной площади земли. При этомъ любопытно отмѣтить, что число мелкихъ владѣній, не превышающихъ 50 акровъ, по крайней мѣрѣ, въ концѣ 80-хъ гг., когда о нихъ были собраны свѣдѣнія, довольно быстро возрастало: въ 1885 оно составляло 392,203, а въ 1889 г.—409,422 ****).

Какова бы ни была будущность petite culture, ея существованіе въ настоящее время—фактъ, котораго нельзя игнорировать,

*) Приведенные факты были изложены мною въ статьѣ, напечатанной въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ» (1894 г., № 292).

**) Board of Agriculture. Return of Allotments and Small Holdings in Great Britain. 1890, стр. X.

***) Вычислено по таблицѣ, которую даетъ Craigie: The Size and Distribution of agricultural holdings in England and abroad., стр. 6.

****) Return of allotments etc., стр. IX.

и свѣдѣнія, приведенныя выше, показываютъ, что этотъ фактъ играетъ отнюдь не послѣднюю роль даже въ народномъ хозяйствѣ Англіи, построенномъ на капиталистическихъ началахъ. Мы видѣли, что съ этимъ обстоятельствомъ необходимо считаться при выясненіи вліянія, которое оказали низкія цѣны на англійское земледѣліе, и что существованіе мелкаго землевладѣнія заставляетъ даже относительно Англіи значительно ограничить мнѣніе, по которому низкія цѣны являются бѣдствіемъ для сельскаго населенія.

Вопросъ о томъ, насколько эти ограниченія значительны, до сихъ поръ не подвергался подробной разработкѣ въ научной литературѣ, хотя общія указанія на его значеніе дѣлались многими экономистами *). Русское изданіе о вліяніи урожаевъ и хлѣбныхъ цѣнъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства является первымъ опытомъ спеціальнаго изслѣдованія по этому важному предмету. Послѣ всего сказаннаго относительно Англіи результаты, къ которымъ пришли авторы названнаго труда, не являются неожиданными: если мнѣніе о вредномъ вліяніи хлѣбныхъ цѣнъ требуетъ болѣе или менѣе серьезныхъ ограниченій, когда мы говоримъ объ Англіи, то тѣмъ серьезнѣе должны быть эти ограниченія, когда рѣчь идетъ о Россіи; если можно предполагать, что даже въ Англіи число сельскихъ хозяевъ, сравнительно мало заинтересованныхъ въ хлѣбныхъ цѣнахъ или вовсе не заинтересованныхъ ими, отнюдь не представляетъ величины, которую можно игнорировать, то тѣмъ болѣе велико должно быть число подобныхъ хозяевъ въ такой странѣ, какъ Россія. Дѣйствительно, изслѣдованіе, редактированное А. И. Чупровымъ и А. С. Посниковымъ, приводитъ къ тому заключенію, что большинство нашего сельскаго населенія не заинтересовано въ высокихъ цѣнахъ на хлѣбъ, а значительная часть его, напротивъ, находитъ выгоду въ низкихъ цѣнахъ.

Предположеніе объ ущербѣ, наносимомъ интересамъ народнаго хозяйства пониженіемъ цѣнъ на зерновые продукты, «основывается на мнѣніи, что или вся или значительнѣйшая доля продуктовъ земледѣлія проходитъ черезъ рынокъ, и что земледѣльческій доходъ страны составляется изъ перемноженія двухъ величинъ—урожая и цѣнъ, почему и уровень цѣны хлѣба имѣетъ для общаго благосостоянія населенія не меньшее значеніе, чѣмъ размѣры урожая». Между тѣмъ данныя, собранныя изслѣдованіемъ, показываютъ, что это предположеніе отнюдь не примѣнимо ко всѣмъ мѣстностямъ нашего отечества: дѣйствительные избытки хлѣба имѣются изъ 50 губерній Европейской Россіи только въ 31, а въ 19 губерніяхъ обнаруживается недостача хлѣба; изъ 46 губерній Европейской Россіи, снабженныхъ желѣзными дорогами, отправляли въ 1895 г.

*) См., напр., относительно Германіи: цит. выше статью, проф. Конрада въ Hadw. d. Staatw; Miaskowski, Agrarpolitische Zeit-uud Streitfragen, 1889, стр. 117; Goltz. Die agrarische Aufgaben der Gegenwart. 1894, стр. 92.

24 губерніи, а получали 22. Такимъ образомъ Россія дѣлится на два раіона, изъ которыхъ одинъ вывозитъ, а другой ввозитъ хлѣбъ, одинъ представляетъ интересы производителя, а другой—потребителя. Слѣдовательно, для одного низкія цѣны убыточны, а для другаго—выгодны.

Приведенный фактъ важно прежде всего дополнить данными о количествѣ хлѣба, попадающаго на рынокъ изъ общей массы урожая. По вычисленію, произведенному изслѣдователями, средній годичный сборъ хлѣбовъ и картофеля (послѣдняго по переводѣ на рожь) составлялъ за десятилѣтіе 1883—1892 гг. около 1700 милл. пудовъ. Изъ этого количества, за покрытіемъ цифры потребленія, исчисленной по 18 пудовъ на душу сельскаго населенія, оставалось въ избыткѣ лишь 310 милл. пуд. или 18% средняго сбора; по свѣдѣніямъ желѣзнодорожной статистики поступаетъ въ обмѣнъ не болѣе трети всего урожая страны. Цифра избытковъ возрастаетъ, конечно, въ урожайные годы. Такъ, напр., въ 1895 году она опредѣлилась въ 827 милл. пуд., но и это количество составляетъ всетаки лишь 36%, т. е. немного болѣе трети общаго сбора хлѣбовъ и картофеля.

На основаніи этихъ данныхъ изслѣдователи приходятъ къ заключенію, что въ нашей странѣ преобладаетъ натуральное хозяйство, «по свойству котораго наибольшая часть хлѣба изъ продуктовъ потребляется тамъ же, гдѣ производится, минуя рынокъ».

Едва ли можно сомнѣваться въ справедливости этого вывода, вполнѣ согласующагося съ общимъ характеромъ нашего земельнаго строя. Если здѣсь возможны какія нибудь сомнѣнія, то лишь относительно большаго или меньшаго ограниченія этого вывода существованіемъ въ Россіи хозяйствъ, расчитанныхъ на сбытъ хлѣба. Такъ, напр., нѣкоторое недоумѣніе можетъ быть вызвано сопоставленіемъ упомянутыхъ выше данныхъ желѣзнодорожной статистики со свѣдѣніями о вывозѣ хлѣба. Если мы возьмемъ, напр., 1895 г., то увидимъ, что по желѣзнымъ дорогамъ отправлено было 710 милл. пуд. хлѣба, изъ которыхъ 305 милл. пуд., перевезено во внутреннемъ сообщеніи, а 405—въ вывозномъ. Между тѣмъ по свѣдѣніямъ о внѣшней торговлѣ Россіи оказывается, что за 1895 годъ вывезено было по одной европейской границѣ 531,1 милл. пуд. хлѣба, а всего, считая торговлю съ Финляндіей и по черноморской границѣ Кавказскаго края,—574,5 милл. пуд. *). Такъ какъ данныя о перевозкѣ хлѣба желѣзными дорогами въ вывозномъ сообщеніи, очевидно, не покрываютъ всего количества, вывозимаго изъ страны, то правильнѣе будетъ, при учетѣ хлѣба, попавшаго на рынокъ въ 1895 году, опредѣлять размѣры вывоза по свѣдѣніямъ о внѣшней торговлѣ, а не по количеству хлѣбныхъ грузовъ,

---

*) Краткія свѣдѣнія о внѣшней торговлѣ Россіи за 1895 годъ, СПб. 1896, стр. XIII.

перевезенныхъ желѣзными дорогами для экспорта. Такимъ образомъ къ 305 милл. пуд., доставленныхъ желѣзными дорогами во внутренніе пункты, нужно прибавить 574,5 милл. пуд., отправленныхъ черезъ границу. Получается всего 879,5 милл. пуд., прошедшихъ черезъ рынокъ. Это превышаетъ сумму хлѣбныхъ избытковъ, выведенныхъ авторами «Введенія» (827 милл. п.), но по отношенію къ общему сбору хлѣба въ 1895 году цифра, полученная изложеннымъ выше путемъ, всетаки составляетъ не болѣе 38%. Приблизительно къ тому же заключенію приводитъ и другой разсчетъ. Кромѣ желѣзныхъ дорогъ, хлѣбъ перевозится водою и гужемъ. По даннымъ о грузовомъ движеніи, публикуемымъ министерствомъ путей сообщенія, оказывается, что въ 1895 году перевезено было по внутреннимъ воднымъ путямъ 127,9 милл. п. хлѣба *). Если прибавить эту цифру къ 710 милл. п., перевезеннымъ желѣзными дорогами, то общее количество хлѣба, не потребленнаго въ самихъ хозяйствахъ, увеличится до 337,9 милл. п., что весьма близко подходитъ къ цифрѣ, выведенной авторами.

Эта цифра, конечно, должна быть нѣсколько увеличена, потому что въ нее не вошелъ хлѣбъ, перевозимый гужемъ и отправляемый черезъ азіатскую границу. Но прибавки, которыя приходится сдѣлать во вниманіе къ указаннымъ обстоятельствамъ, не такъ велики, чтобы измѣнить общій выводъ.

Итакъ, рынокъ имѣетъ значеніе для меньшей части хлѣба, ежегодно производимаго нашимъ сельскимъ хозяйствомъ; большая же часть производится не для рынка и потому не заинтересована въ томъ, низки или высоки цѣны на земледѣльческіе продукты. Нужно замѣтить, однако, здѣсь же, что извѣстная доля урожая, въ сущности не предназначенная для сбыта, тѣмъ не менѣе временно попадаетъ на рынокъ. Это та часть хлѣба, которую крестьяне сбываютъ ежегодно осенью мѣстнымъ скупщикамъ, чтобы затѣмъ вновь покупать ее у нихъ же и, конечно, по болѣе дорогой цѣнѣ. Операція эта носитъ характеръ скорѣе заклада, чѣмъ продажи: крестьянинъ, не имѣя въ запасѣ не только избыточнаго, но даже необходимаго хлѣба, тѣмъ не менѣе осенью ссыпаетъ часть его въ амбаръ мѣстнаго кулака, чтобы получить деньги, которыя нужны для уплаты арендной платы помѣщику и податей, а весною, иногда и раньше, выкупаетъ свой же хлѣбъ на деньги, заработанныя промыслами. Это результатъ матеріальной зависимости крестьянъ отъ помѣщиковъ, у которыхъ они вынуждены арендовать землю, а также неудовлетворительной финансовой системы, заставляющей крестьянина платить слишкомъ много и платить не во время. Указанное обстоятельство весьма важно и заслуживаетъ самаго серьезнаго вниманія; но здѣсь насъ интересуетъ прежде всего вліяніе низкихъ цѣнъ,

*) Вѣстникъ Финансовъ, 1897 г., № 6.

насколько оно обусловлено характеромъ хозяйствъ, производящихъ хлѣбъ.

Мы видѣли, что извѣстная часть урожая ежегодно выбрасывается на рынокъ. Любопытно выяснить, чьи интересы представляетъ этотъ хлѣбъ. Конечно, можно a priori быть увѣреннымъ, что эти интересы связаны, главнымъ образомъ, съ хозяйствами, расчитанными на сбытъ, слѣдовательно, болѣе или менѣе крупными. Но интересно знать, при какомъ размѣрѣ хозяйствъ уже начинается производство для рынка и какъ велико число такихъ хозяйствъ. Для рѣшенія этихъ вопросовъ обратимся прежде всего къ разсмотрѣнію условій частнаго землевладѣнія, *) интересы котораго, какъ утверждаютъ, тѣсно связаны съ состояніемъ рынка, т. е. съ цѣнами на земледѣльческіе продукты.

Всѣхъ частныхъ землевладѣльцевъ въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи (безъ земли Войска Донского) числится 487,692, въ собственности которыхъ состоитъ 91.320,915 дес. Изъ этого общаго числа землевладѣльцевъ—61,214 или 12,5% общаго числа ихъ имѣютъ каждый менѣе, чѣмъ по 1 десятинѣ; 183,883 чел. или 37.7%—отъ 1 до 10 дес., въ среднемъ, около 5 дес. на каждаго. Оба эти разряда составляютъ вмѣстѣ 245.097 чел. или 50,2% всего числа личныхъ землевладѣльцевъ. Каково же отношеніе ихъ хозяйствъ къ рынку?

За участками менѣе 1 десятины нельзя признать сельскохозяйственнаго значенія; поэтому такіе личные землевладѣльцы имѣютъ дѣло съ цѣною хлѣба, лишь какъ потребители. Участки, занимающіе въ среднемъ 5 дес. и достигающіе 10 дес., уже могутъ служить для зерновыхъ посѣвовъ. Но, по вычисленію Н. А. Каблукова, во всемъ количествѣ земли, принадлежащей такимъ владѣльцамъ, пашня составляетъ 425,753 д. или 46% всей ея площади; слѣдовательно, для высшаго предѣла этого землевладѣнія (10 д.) получается—4,6 дес. пашни. При обычномъ трехпольи, подъ посѣвомъ озимымъ и яровымъ останется не болѣе 3 дес., съ которыхъ можетъ быть получено количество хлѣба, лишь едва достаточное для прокормленія средней семьи въ 5 человѣкъ. Такимъ образомъ и эта категорія землевладѣльцевъ скорѣе покупаетъ хлѣбъ, чѣмъ продаетъ его.

Такой же характеръ носитъ землевладѣніе слѣдующей группы, отъ 10 до 50 дес. Въ черноземной полосѣ такихъ владѣльцевъ числится 53,063 и имъ принадлежитъ 1.267,644 дес., въ томъ числѣ 873,354 дес. пашни. Средній размѣръ такого землевладѣнія 23,6 дес., что указываетъ на малочисленность владѣній, достигающихъ высшаго предѣла,—50 дес. Пашня составляетъ въ нихъ около 70%,

---

*) Вопросъ о значеніи хлѣбныхъ цѣнъ для частнаго землевладѣнія въ Европейской Россіи разработанъ въ статьѣ Н. А. Каблукова, I т., стр. 97—156.

слѣдовательно,—около 16 дес. при среднемъ размѣрѣ въ 23 дес., а это даетъ при трехпольи около 10⅓ дес. посѣва въ яровомъ и озимомъ полѣ. Въ нечерноземной полосѣ, гдѣ такихъ владѣльцевъ 80.242, получаются тѣ же средніе размѣры владѣнія, но пашня составляетъ здѣсь 27,7% всей земли, т. е. даетъ при среднемъ размѣрѣ землевладѣнія въ 23½ дес., не болѣе 6½ дес. въ трехъ поляхъ или 4 дес. подъ озимымъ и яровымъ посѣвомъ. На основаніи данныхъ, почерпнутыхъ изъ земско-статистическихъ сборниковъ, Н. А. Каблуковъ приходитъ къ заключенію, что хозяйство, которое ведется на участкахъ этой категоріи, при обычномъ среднемъ размѣрѣ семьи, не допускаетъ отчужденія зерна на сторону, а если и допускаетъ, то въ рѣдкихъ случаяхъ и въ размѣрахъ самыхъ незначительныхъ.

Если подсчитать всѣ три группы землевладѣльцевъ, перечисленныя выше, то окажется, что 77,6% всего числа частныхъ землевладѣльцевъ, или 378.402 изъ 487.692, производятъ хлѣбъ преимущественно для собственнаго потребленія; слѣдов., или вовсе не терпятъ ущерба отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ или же терпятъ ущербъ сравнительно ничтожный.

Остается, такимъ образомъ, 109.290 землевладѣльцевъ, или 22,4% общаго числа ихъ. Эта категорія хозяйничаетъ на участкахъ, превышающихъ 50 дес., и можетъ производить хлѣбъ не только для собственнаго продовольствія, но и для продажи, хотя не всѣ группы землевладѣльцевъ даже этой категоріи одинаково заинтересованы въ сбытѣ хлѣба: понятно, что степень этой заинтересованности уменьшается вмѣстѣ съ уменьшеніемъ размѣровъ землевладѣнія. По вычисленіямъ изслѣдователя, только имѣнія, превышающія 200 дес., т. е. 10,9% общаго числа владѣній, имѣютъ вполнѣ предпринимательскій характеръ; они являются главными поставщиками хлѣба на рынокъ, и главное ихъ значеніе заключается не въ потребленіи продуктовъ внутри хозяйства, а въ отчужденіи ихъ на сторону, въ обмѣнѣ ихъ на деньги.

На основаніи приведенныхъ расчетовъ оказывается, что главная масса хлѣба, поступающаго на рынокъ, производится у насъ въ 53.202 хозяйствахъ, которыя преимущественно и заинтересованы въ томъ, чтобы цѣны на хлѣбъ были возможно выше. Для 56,088 хозяйствъ средняго размѣра паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, несомнѣнно, связано съ убыткомъ, болѣе или менѣе значительнымъ; для остальныхъ же 378,472 хозяйствъ низкія цѣны на хлѣбъ не представляются бѣдствіемъ: землевладѣльцы этихъ категорій или относятся къ паденію цѣнъ болѣе или менѣе равнодушно, или же извлекаютъ изъ этого явленія выгоду, какъ потребители.

При обсужденіи вопроса о вліяніи низкихъ цѣнъ слѣдуетъ, однако, принять во вниманіе другое обстоятельство, именно, площадь землевладѣнія, на которой отражается паденіе хлѣбныхъ цѣнъ. Число землевладѣльцевъ, производящихъ для сбыта, составляетъ, какъ мы

видѣли, лишь меньшинство ихъ, именно около 1|5, но земельная площадь, принадлежащая этой группѣ лицъ, достигаетъ 95,4% всей площади частнаго землевладѣнія, въ ихъ имѣніяхъ находится также 92,1% всей частновладѣльческой пашни: 375.402 землевладѣльцевъ, имѣющихъ участки земли не свыше 50 дес., владѣютъ всего 4,1 милл. дес. изъ 91,3 милл., и запахиваютъ 1,8 милл. дес. изъ 23,3 милл. Остальная площадь въ 87,2 милл. дес. съ пашней въ 21,5 дес. принадлежитъ тѣмъ 109,290 владѣльцамъ, которые производятъ для сбыта. При этомъ 53,202 владѣльца, имѣнія которыхъ превышаютъ 200 дес., располагаютъ площадью въ 81,5 милл. дес., съ запашкой въ 19,2 милл. Съ этого пространства и поставляется главная масса хлѣба, попадающаго на рынокъ. Но землевладѣльцы не одинаковымъ образомъ заинтересованы въ цѣнѣ хлѣба, получаемаго съ этой площади, потому что послѣдняя не одинаковымъ образомъ эксплоатируется ими: одна часть ея находится въ непосредственномъ пользованіи собственниковъ, другая же сдается въ аренду, большею частью, крестьянамъ. Н. А. Каблуковъ слѣдующимъ образомъ опредѣляетъ относительные размѣры той и другой части.

По свѣдѣніямъ Центральнаго Статистическаго Комитета въ 1881 году въ нечерноземной полосѣ арендовалось крестьянами 999.668 дес. пахатной земли, что составляетъ 23,1% пашни, принадлежащей въ этой полосѣ частнымъ владѣльцамъ, имѣющимъ свыше 50 дес. Въ черноземной же полосѣ арендовалось также крестьянами 5.033.154 дес. пашни, или 29,2% всей пашни того же разряда землевладѣльцевъ. Если принять въ разсчетъ лишь паръ и посѣвную площадь, то въ нечерноземной полосѣ арендуется крестьянами 29,1%, т. е. почти одна треть всей частновладѣльческой пашни, и въ черноземной 35,3%, т. е. болѣе трети. Слѣдовательно, въ нечерноземной полосѣ остается въ хозяйствѣ самихъ владѣльцевъ для обработки 2.428.072 дес. и въ черноземной 9.210,159 д. пашни. Считая въ нечерноземной полосѣ 83,3% подъ зерновыми хлѣбами, а въ черноземной 90,6%, получимъ 2.021.584 дес. въ первой и 8.344.404 дес. пашни во второй. Это пространство и представляетъ ту площадь имѣній, превышающихъ 50 дес., на которой цѣны на хлѣбъ отражаются непосредственно для самихъ владѣльцевъ. Если, согласно условіямъ трехполья, считать для каждаго даннаго года лишь 2/3 пашни подъ посѣвомъ, то получимъ для нечерноземной полосы 1.347,323 дес. и для черноземной 5.562.936 дес. пашни, на которой въ каждомъ году цѣны на хлѣбъ отражаются для землевладѣльцевъ прямымъ образомъ. Эти общіе выводы, относящіеся къ 1881 году, авторъ провѣряетъ и дополняетъ данными изъ земско-статистическихъ сборниковъ и въ результатѣ приходитъ къ заключенію, что непосредственно самими землевладѣльцами зерно можетъ быть ежегодно отчуждаемо съ площади, не достигающей и 6,9 милл. дес., которыя получаются на основаніи приведенныхъ выше оффиціальныхъ данныхъ. Этотъ выводъ основанъ

на томъ соображеніи, что часть землевладѣльцевъ вовсе не ведетъ хозяйства или не имѣетъ экономической запашки.

Незначительность запашки и отсутствіе собственнаго хозяйства, по нашему мнѣнію, вообще не могутъ служить для характеристики народно-хозяйственнаго значенія тѣхъ явленій, которыя принято называть земледѣльческимъ кризисомъ. Можно предполагать, что сокращеніе запашки и прекращеніе хозяйства въ извѣстной части имѣній является результатомъ паденія цѣнъ. Если бы хлѣбныя цѣны были выше, то, можетъ быть, и запашка была бы обширнѣе, и хозяйство не забрасывалось бы въ такомъ значительномъ числѣ случаевъ. Повидимому, такое явленіе дѣйствительно имѣло мѣсто у насъ въ послѣдніе годы; по крайней мѣрѣ одинъ изъ выводовъ, къ которымъ приходитъ проф. А. Ѳ. Фортунатовъ въ своей статьѣ: «О связи хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ съ нѣкоторыми измѣненіями въ русскомъ земледѣліи» состоитъ въ томъ, что «отдѣльно взятыя частновладѣльческія площади культуръ показываютъ большею частью измѣненіе въ одинаковомъ направленіи съ измѣненіемъ соотвѣтствующихъ цѣнъ». Въ такомъ случаѣ ограниченное значеніе кризиса нельзя доказывать ограниченностью запашки, потому что послѣднее явленіе можетъ служить, при извѣстныхъ условіяхъ, доказательствомъ серьезности тѣхъ затрудненій, которыя переживаетъ земледѣліе. Для того, чтобы на основаніи размѣровъ запашки въ частновладѣльческихъ имѣніяхъ можно было заключать о степени заинтересованности частныхъ владѣльцевъ въ хлѣбныхъ цѣнахъ, нужно предварительно установить вліяніе цѣнъ на размѣры запашки.

Въ виду соображенія, только что высказаннаго нами, мы считаемъ характернымъ для нашего частнаго землевладѣнія, при современныхъ условіяхъ, то обстоятельство, что въ цѣнахъ на хлѣбъ является заинтересованной около $^1/_8$ частныхъ владѣльцевъ, имѣнія которыхъ занимаютъ свыше 95% всей площади частнаго землевладѣнія. Такимъ образомъ, при нынѣшнемъ распредѣленіи земли между частными собственниками, хлѣбныя цѣны отражаются на интересахъ меньшинства частныхъ землевладѣльцевъ, но вліяютъ на культуру большей части земли, составляющей площадь частнаго землевладѣнія.

Вопросъ о вліяніи, которое оказываютъ низкія цѣны на хозяйство владѣльцевъ, продающихъ хлѣбъ и слѣдовательно зависящихъ въ своихъ интересахъ отъ рынка, сводится къ вопросу: выгодно ли, при данныхъ цѣнахъ, производить хлѣбъ для продажи, т. е., оплачиваютъ ли эти цѣны расходы производства? Рѣшеніе этого вопроса даже для небольшого района представляетъ задачу очень сложную; тѣмъ болѣе сложна она въ примѣненіи къ громадному пространству Россіи, относительно которой дѣло чрезвычайно затрудняется еще благодаря разнообразію способовъ, примѣняемыхъ для оплаты труда въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Частновладѣльческая пашня, не сда-

ваемая въ аренду, обработывается различными способами: владѣльческимъ инвентаремъ, при годовыхъ, сроковыхъ, поденныхъ рабочихъ, или крестьянскимъ, издѣльно, испольно или въ видѣ отработковъ, и, наконецъ, при помощи смѣшанныхъ формъ наемнаго труда. При этомъ каждый изъ перечисленныхъ способовъ оплаты рабочей силы, употребляемой въ помѣщичьихъ хозяйствахъ, разнообразится по мѣстностямъ и районамъ. Кромѣ того, и денежная плата сильно измѣняется; очень различны также по своей величинѣ и ея колебанія. Всѣ эти условія дѣлаютъ въ высшей степени труднымъ рѣшеніе вопроса, поставленнаго выше. Извѣстныя намъ попытки произвести подобныя изслѣдованія въ иностранной литературѣ носятъ характеръ единичныхъ разсчетовъ, имѣющихъ скорѣе значеніе отдѣльныхъ примѣровъ или иллюстрацій, чѣмъ общихъ выводовъ. Таковы, напримѣръ, многочисленные разчеты, встрѣчающіеся въ сочиненіяхъ Артура Юнга, Кэрда, въ трудахъ англійскихъ коммиссій и т. д. Н. Ѳ. Анненскій дѣлаетъ попытку рѣшить вопросъ о выгодности хлѣбныхъ цѣнъ, державшихся у насъ въ послѣдніе годы, въ примѣненіи ко всей частновладѣльческой пашнѣ въ разныхъ районахъ Россіи. Разумѣется, это изслѣдованіе, по словамъ самого автора, можетъ имѣть только приблизительный характеръ. Тѣмъ не менѣе оно представляетъ выдающійся интересъ и заслуживаетъ серьезнаго вниманія. Пользуясь существующей у насъ весьма скудной литературой, Н. Ѳ. Анненскій опредѣляетъ издержки производства ржи, овса и пшеницы и, сопоставляя ихъ съ цѣнами, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ.

Если раздѣлить сумму издержекъ, падающихъ на 1 десятину, на среднюю цѣну хлѣба, то можно опредѣлить сколькими пудами чистаго сбора зерна покрываются издержки производства; слѣдовательно путемъ сопоставленія полученной такимъ образомъ величины представляется возможнымъ опредѣлить, оказался ли у владѣльца остатокъ послѣ покрытія издержекъ производства и какой именно. Оказывается, что при среднихъ цѣнахъ на соотвѣтствующіе хлѣба, и среднихъ урожаяхъ въ періоды 1881—90 и 1883—92 гг. производство ржи, овса и яровой пшеницы могло приносить выгоду, размѣры которой колебались въ зависимости отъ мѣстныхъ условій. Такъ напр. въ сѣверной черноземной группѣ губерній издержки на 1 десятину ржи покрывались сборомъ въ 24 пуд., между тѣмъ въ дѣйствительности было собрано въ 1883—90 гг.—45 пуд., а въ 1883—92 гг.—42 пуд. Подобные же разсчеты относительно другихъ группъ губерній показываютъ, что, при среднихъ цѣнахъ и при среднихъ урожаяхъ, производство хлѣба не шло въ убытокъ ни въ одномъ раіонѣ. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, общее количество чистаго сбора почти совпадаетъ съ тѣмъ его количествомъ, которое необходимо для покрытія издержекъ. Такъ, для ржи по группѣ южной степной средній урожай за десятилѣтіе 1883-1892 гг.

составляетъ 31,5 пуда, а издержки производства, выраженныя въ зернѣ, 30 пуд., т. е. всего на $1/_2$ пуда менѣе. Для овса подобные же результаты оказываются по обѣимъ приволжскимъ губерніямъ.

Подобный же разсчетъ, произведенный для 1894 года, даетъ гораздо менѣе благопріятные результаты: размѣры чистаго сбора въ нѣсколькихъ случаяхъ ниже тѣхъ, какими покрываются необходимые издержки производства: для ржи получается недочетъ въ южныхъ, степныхъ, среднихъ черноземныхъ, нижне-волжскихъ, петербургской и сѣверо-западныхъ губерніяхъ; для овса—въ южныхъ, степныхъ и средне-волжскихъ, для яровой пшеницы—въ южныхъ степныхъ (относительно промышленныхъ, пріозерныхъ, сѣверо-западныхъ и прибалтійскихъ нѣтъ свѣдѣній). Подобные же результаты получаются при помощи другого разсчета—опредѣленія средней стоимости производства 1 пуда и сличенія ея съ дѣйствительной высотой среднихъ хлѣбныхъ цѣнъ за періодъ 1881—1890 и 1883—1892 и цѣнъ 1894 года. Выводъ, къ которому приходитъ авторъ на основаніи всѣхъ этихъ разсчетовъ, выраженъ имъ въ слѣдующихъ словахъ: «условія 1894 года имѣли во многихъ раіонахъ *критическій* характеръ для частновладѣльческаго зернового хозяйства. Несмотря на высокій сравнительно урожай (имѣвшій, впрочемъ, мѣсто не во всѣхъ мѣстностяхъ Европейской Россіи), рѣзкое паденіе цѣнъ привело къ тому, что воздѣлываніе наиболѣе распространенныхъ хлѣбовъ, при денежной оплатѣ сельско-хозяйственныхъ работъ, мѣстами давало большой убытокъ, мѣстами едва покрывало необходимыя издержки производства».

Очень жаль, что изслѣдователи не воспользовались данными, находившимися въ ихъ распоряженіи, для того, чтобы высчитать примѣрные хозяйственные бюджеты имѣній разныхъ размѣровъ и въ разныхъ раіонахъ Россіи при среднихъ цѣнахъ напр. 1881—90 гг. и цѣнъ 1894 года. Такіе разсчеты наглядно показали бы вліяніе низкихъ цѣнъ на частновладѣльческія хозяйства. Вотъ, для примѣра, разсчетъ, произведенный нами на основаніи данныхъ, содержащихся въ книгѣ.

Возьмемъ имѣніе въ 500 дес. въ черноземной полосѣ. Пашня, по таблицѣ, приложенной къ статьѣ Н. А. Каблукова, составляетъ въ черноземной полосѣ 58% всей площади частнаго землевладѣнія; слѣдов. въ имѣніи, взятомъ нами для примѣра, пашня составитъ 290 дес., что при трехпольномъ хозяйствѣ даетъ въ каждомъ полѣ по $96^2/_3$ дес. Изъ разсчетовъ, сдѣланныхъ Н. Ѳ. Анненскимъ, видно, что въ сѣверной черноземной полосѣ, при среднихъ урожаяхъ и цѣнахъ въ періодъ 1881—90 гг., издержки производства на 1 дес. ржи выражались въ 24 пуд., а чистый сборъ составлялъ 45 пуд., т. е. оставался избытокъ въ 21 пуд. При цѣнѣ въ 64 к. пудъ это составляетъ съ 1 дес. 13 р. 44 к., а съ 96 дес.—1290 р. Овесъ давалъ избытокъ въ 16,5 пуд. на десятину, что при цѣнѣ 48 к. за пудъ составляетъ всего 760 р.; итого общій доходъ съ имѣнія

получается въ 2050 руб. Посмотримъ, какъ должна была измѣниться эта цифра въ 1894 году. Съ десятины ржи получается почти такой же избытокъ, какъ и прежде, именно 20 пуд., но при цѣнѣ въ 35 к. за пудъ получалось съ 96 дес. только 672 р., избытокъ овса съ десятины даже увеличился, именно до 20 пуд., но при цѣнѣ въ 33 к. за пудъ получалось съ 96 дес. только 633 р., такимъ образомъ общій доходъ достигъ всего 1305 р., т. е. сократился почти на $^1/_3$. Такой же разсчетъ, произведенный относительно имѣнія въ 500 дес. въ средне-волжскихъ губерніяхъ, съ запашкой въ 300 дес. (60%) даетъ слѣдующіе результаты. При среднихъ урожаяхъ и цѣнахъ 1881—1890 гг. доходъ съ имѣнія опредѣлялся въ 1610 руб.; а въ 1894 году получилось бы всего 69 р. 50 к. Такая большая разница произошла отъ значительнаго сокращенія избытка ржи и превращенія избытка овса въ отрицательную величину.

Эти примѣры, имѣющіе, конечно, гипотетическій характеръ, наглядно показываютъ вліяніе низкихъ цѣнъ на доходы землевладѣльцевъ, производящихъ хлѣбъ для сбыта. Положеніе земельныхъ собственниковъ значительно ухудшается благодаря громаднымъ ипотечнымъ долгамъ, лежащимъ на ихъ имѣніяхъ. Въ статьѣ Д. И. Рихтера «Задолженность частнаго землевладѣнія» приведены слѣдующія данныя о количествѣ земли, заложенной въ кредитныхъ учрежденіяхъ, и о степени задолженности за различные періоды.

	Количество залож. земли.	% отношеніе заложенной земли къ общему количеству частн. землевл.	Средній долгъ на 1 дес.
Къ 1 янв. 1870 г.	2.119,565 дес.	2,2%	12 р. 58 к.
» . 1875 »	12.011,753 »	12,9 »	19 » 84 »
» 1880 »	18.672,432 »	20,1 »	22 » 09 »
» 1885 »	22.849,500 »	25,1 »	23 » 53 »
» 1889 »	30.275,628 »	32,7 »	26 » 12 »
» 1892 »	34.923,080 »	37,6 »	27 » 37 »
» 1893 »	36.150,971 »	38,9 »	27 » 43 »
» 1894 »	37.330,084 »	40,1 »	27 » 97 »

Задолженность частнаго землевладѣнія возросла быстрѣе, чѣмъ цѣны на землю. Въ періодъ съ 1870 по 1889 г. средній долгъ на 1 десятину увеличился съ 12 р. 58 к. до 26 р. 12 к., т. е. на 108%, а цѣна десятины возрасла съ 45 р. до 71 р., т. е. на 58%.

Въ общемъ за послѣдніе 30 лѣтъ въ распоряженіе собственниковъ поступило около $1^1/_2$ милліарда рублей, или въ среднемъ по 50 милл. р. въ годъ; и въ настоящее время владѣльцамъ заложенныхъ имѣній приходится уплачивать кредитнымъ учрежденіямъ процентовъ по займамъ въ размѣрѣ 50 милл. руб. ежегодно. Судить о томъ, какимъ тяжелымъ бременемъ ложатся эти платежи на доходъ землевладѣльцевъ можно по слѣдующимъ даннымъ. Если принять арендную плату за доходность земли, то оказывается, что въ

наиболѣе задолженныхъ губерніяхъ отъ 42% (въ Пензенской и Тульской) до 21% (въ Симбирской и Нижегородской) дохода должно быть отчисляемо ежегодно на платежъ банкамъ по залогу.

Пониженіе цѣнъ на хлѣбъ и соотвѣтственное уменьшеніе дохода съ имѣнія получаютъ, при такой задолженности землевладѣнія, особенно гибельное значеніе для собственниковъ. Здѣсь опять приходится сожалѣть о томъ, что изслѣдователи не выяснили этого явленія примѣрными бюджетами, какъ это сдѣлано напр. въ нѣкоторыхъ иностранныхъ изслѣдованіяхъ. Такіе разсчеты наглядно показали бы, въ какой мѣрѣ задолженность обостряетъ затрудненія частныхъ землевладѣльцевъ при пониженіи хлѣбныхъ цѣнъ. Гольцъ приводитъ напр. слѣдующій разсчетъ, освѣщающій это явленіе.

Предположимъ, что имѣніе приноситъ ежегоднаго дохода 8000 марокъ, не считая процентовъ на оборотный капиталъ въ 55000 мар., составляющихъ 1750 мар. (5%). Весь доходъ такимъ образомъ достигаетъ 10,750 мар. Если имѣніе заложено въ ¾ своей цѣны, т. е. въ 150,000 мар., то ежегодный платежъ банку достигаетъ 6000 мар. При этомъ нужно имѣть въ виду, что владѣлецъ платитъ по 4% только за первыя 100,000 мар., полученныхъ въ ссуду, за остальныя же 50,000 мар. ему приходится платить по 5%, если не болѣе. Такимъ образомъ ежегодный платежъ по ссудѣ составитъ 4000+2500=6500 марокъ. При доходѣ въ 10,750 мар. у собственника будетъ оставаться 4,250 мар.; но вотъ наступаютъ тяжелыя времена и въ теченіе ряда лѣтъ имѣніе приноситъ только половину прежняго дохода 5375 мар. Если бы имѣніе было чисто отъ долговъ, собственникъ, можетъ быть, и свелъ бы какъ нибудь концы съ концами, но платежъ по ссудѣ не сократился вслѣдствіе пониженія дохода, и той суммы, которую получаетъ теперь собственникъ, не хватаетъ даже для уплаты процентовъ. *)

Послѣдствія такого положенія дѣлъ извѣстны: на заложенныхъ имѣніяхъ накопляется недоимка, растущая изъ года въ годъ, и болѣе или менѣе значительная часть ихъ ежегодно поступаетъ въ продажу. Въ статьѣ Д. И. Рихтера приведены по этому вопросу свѣдѣнія, относящіяся только къ Дворянскому банку, слѣд., далеко не охватывающія всего задолженнаго землевладѣнія. Тѣмъ не менѣе и эти неполныя свѣдѣнія даютъ представленіе о недоимочности частнаго землевладѣнія. На 1 января 1887 г. сумма капитальнаго долга (ссуда) составляла 68,7 милл. р., а къ 1894 году, непрерывно увеличиваясь, она достигла 338 милл. р. При этомъ недоимка, испытывая впрочемъ довольно сильныя колебанія по годамъ возросла съ полумилліона до 11,7 милл. р.: въ 1887 г. недоимка составляла 0,8% къ капитальному долгу, а въ 1894 году—3,5%. Въ нѣкоторыхъ губерніяхъ она превышала 5% и даже 6%, а въ Пензенской

---

*) Goltz. Die agrarische Aufgaben der Gegenwart, стр. 49.

достигла даже 8,1%. Число опубликованныхъ мнѣній составляло 30 января 1891 г. 430 или 5,5% къ общему числу залоговъ, а въ 1894 г. (11 ноября) достигло 1.458 или 11,2%. Число имѣній отчужденныхъ отъ бывшихъ владѣльцевъ за невзносъ платежей, не соотвѣствуетъ ни росту недоимокъ, ни числу публикацій.

Приведенныя свѣдѣнія показываютъ, что наше частное землевладѣніе терпитъ затрудненія не только отъ низкихъ цѣнъ на хлѣбъ, но также и отъ чрезмѣрной задолженности. У насъ, какъ и въ Германіи, такъ называемый сельско-хозяйственный кризисъ является результатомъ тѣснаго взаимодѣйствія этихъ двухъ причинъ, и опредѣлить степень вліянія каждой изъ нихъ очень трудно: съ одной стороны многіе землевладѣльцы могли бы хозяйничать и при низкихъ цѣнахъ, если бы на ихъ имѣніяхъ не тяготѣли громадные долги и банковые платежи не увеличивали расходовъ на крупную сумму; съ другой стороны высокая задолженность не доводила бы землевладѣльцевъ до раззоренія, если бы цѣны на продукты сельскаго хозяйства были выше. Для того, чтобы опредѣлить значеніе этихъ двухъ факторовъ, необходимо было бы высчитать чистый доходъ съ владѣній въ равныхъ раіонахъ страны, при данномъ уровнѣ цѣнъ, и затѣмъ сопоставить съ результатами этихъ разсчетовъ свѣдѣнія о задолженности землевладѣнія. Но опредѣленіе чистаго дохода представляется чрезвычайно сложной задачей, удовлетворительное рѣшеніе которой предполагаетъ высокое совершенство статистики; да и самый методъ подобнаго изслѣдованія не можетъ считаться установленнымъ: такой знатокъ этихъ вопросовъ, какъ Гольцъ, прибѣгаетъ къ весьма несовершенному пріему опредѣленія чистаго дохода на основаніи движенія арендныхъ цѣнъ при сдачѣ государственной земли для сельскохозяйственныхъ цѣлей. Въ виду этого приходится пока удовлетворяться выясненіемъ главныхъ причинъ кризиса, не входя въ болѣе точное опредѣленіе ихъ дѣйствія.

Очень важно было бы знать, каково совмѣстное дѣйствіе задолженности и низкихъ цѣнъ на владѣнія разныхъ размѣровъ. Мы видѣли, что низкія цѣны угнетаютъ крупное землевладѣніе сильнѣе, чѣмъ среднее и мелкое. Но остается ли это заключеніе въ силѣ, если ввести въ разсчеты вліяніе задолженности? Не видоизмѣняется ли оно подъ вліяніемъ послѣдняго изъ этихъ факторовъ? Мы не располагаемъ данными для рѣшенія этого вопроса относительно Россіи, но относительно Пруссіи имѣются нѣкоторыя указанія. Если классифицировать принудительныя продажи имѣній за невзносъ банковскихъ платежей по причинамъ, вызвавшимъ продажи, то окажется, что неблагопріятныя условія сельскаго хозяйства будутъ фигурировать на 100 продажъ *):

*) Miaskowski. Die gegenwärtige Lage der deutschen Landwirthschaft (1888). Agrarpolitische Zeit-und Streitfragen, стр. 117.

при владѣніяхъ	въ	50 гект.	и выше		въ	17,02	случ.]
»	»	»	50	»	7,07	»	10	»
»	»	»	7,07	»	2 .	»	3,13	»
»	»	»	2	»	75 ар.	»	2,56	»

Сопоставленіе этихъ данныхъ показываетъ, что комбинація задолженности съ высокими цѣнами, по крайней мѣрѣ, въ данномъ случаѣ, не измѣнила того вывода, къ которому пришли и германскіе изслѣдователи относительно вліянія низкихъ цѣнъ на владѣнія по ихъ размѣрамъ. Мы также не видимъ основанія измѣнить нашъ первоначальный выводъ и считаемъ возможнымъ характеризовать наши сельскохозяйственныя затрудненія, какъ кризисъ преимущественно крупнаго землевладѣнія. Къ этому заключенію приводятъ данныя, собранныя въ только что вышедшемъ русскомъ изданіи,— данныя, которыя находятъ подтвержденіе въ свѣдѣніяхъ, относящихся къ Англіи и Германіи.

Для характеристики нашего кризиса необходимо, однако, принять во вниманіе нѣкоторыя обстоятельства, ослабляющія неблагопріятное вліяніе низкихъ цѣнъ и высокой задолженности на положеніе нашего частнаго землевладѣнія.

При обсужденіи нашихъ сельскохозяйственныхъ затрудненій не слѣдуетъ забывать, что русскіе хозяева имѣютъ возможность широко примѣнять систему натуральной оплаты труда или, какъ во времена крѣпостного права, пользуются даровымъ трудомъ, во многихъ случаяхъ обезпеченнымъ за ними недостаточностью крестьянскихъ надѣловъ и отсутствіемъ у крестьянъ необходимыхъ угодій. На это обстоятельство наша литература не перестаетъ указывать въ теченіе 30 лѣтъ съ замѣчательнымъ постоянствомъ и тѣ данныя, которыя мы находимъ по этому предмету въ новомъ изданіи о вліяніи низкихъ цѣнъ, только подтверждаетъ эти указанія. Въ статьѣ Н. Ѳ. Анненскаго мы находимъ очень интересныя картограммы, показывающія распространенность разныхъ формъ примѣненія наемнаго труда къ обработкѣ пашни въ частновладѣльческихъ хозяйствахъ. На одной изъ нихъ обозначены разными красками мѣстности, въ которыхъ не сдаваемая въ аренду часть частновладѣльческой пашни обрабатывается преимущественно: 1) владѣльческимъ инвентаремъ, при годовыхъ, сроковыхъ и поденныхъ рабочихъ; 2) крестьянскимъ инвентаремъ, издѣльно, испольно или въ видѣ отработковъ и 3) смѣшанными формами наемнаго труда. Мѣстности первой категоріи закрашены красной краской, второй—зеленой, третьей—сѣрой. Достаточно взглянуть на эту картограмму, чтобы убѣдиться въ томъ, что зеленый и сѣрый цвѣта занимаютъ по меньшей мѣрѣ такое же пространство, какъ красный. «Если мы оставимъ въ сторонѣ губерніи крайняго сѣвера (Архангельскую, Олонецкую, Вологодскую), а также сѣверо-восточныя и юго-восточныя (Вятскую, Пермскую, Оренбургскую и Астраханскую), въ которыхъ частновладѣльческое зерновое хозяйство имѣетъ очень ничтожные размѣры,

то для остальной части Европейской Россіи (безъ сѣвернаго Кавказа и Привислянскаго края) области примѣненія различныхъ способовъ и формъ обработки частновладѣльческой пашни (не сдаваемой въ аренду) намѣтятся такимъ образомъ. Районъ преимущественнаго распространенія обработки не сдаваемой въ аренду владѣльческой пашни собственнымъ инвентаремъ владѣльцевъ и трудомъ постоянныхъ или срочныхъ рабочихъ составляетъ вся западная, южная и частью юго-восточная окраина Европейской Россіи, начиная съ Сѣвера, отъ губерніи С.-Петербургской, и захватывая далѣе губерніи: Прибалтійскія, Литовскія (Ковенскую, Виленскую, Гродненскую, а также и Минскую губ. Бѣлорусской группы), юго-западныя (Кіевскую, Волынскую и Подольскую), южныя, степныя и южныя части губерніи Харьковской, Саратовской, Самарской и Уфимской. Внѣ этого сплошнаго района тѣ же формы примѣненія наемнаго труда являются господствующими во владѣльческихъ хозяйствахъ (вообще немногочисленныхъ) губерній Московской и Ярославской промышленной группы. Въ остальной большей части Европейской Россіи, — охватываемой съ Запада и Юга описанной полосой распространенія владѣльческихъ хозяйствъ съ собственнымъ инвентаремъ,—господствуетъ почти исключительно, или пользуется значительнымъ распространеніемъ, обработка пашни крестьянскими орудіями и скотомъ и наемъ издѣльный за деньги, или въ формѣ отработковъ, или же отдача земли въ обработку исполу, — причемъ и здѣсь имѣется въ виду лишь пашня, не сдаваемая въ аренду. Владѣльческія хозяйства съ собственнымъ инвентаремъ и съ батрацкимъ трудомъ встрѣчаются, впрочемъ, и здѣсь, но рѣже». Собственно распространеніе натуральныхъ формъ оплаты земледѣльческаго труда показано на особой картограммѣ; распредѣленіе на ней красокъ наглядно свидѣтельствуетъ о значительномъ преобладаніи областей, въ которыхъ натуральныя формы оплаты земледѣльческаго труда преобладаютъ или широко распространены.

Едва ли нужно настаивать на важномъ значеніи, которое имѣетъ для помѣщика, особенно въ тяжелыя времена, возможность обезпечить свое хозяйство рабочей силы, не затрачивая на это денегъ, въ которыхъ ощущается особенный недостатокъ при плохомъ сбытѣ продуктовъ. Для того, чтобы составить себѣ представленіе о важномъ значеніи этого обстоятельства, достаточно принять во вниманіе, какую важную роль играетъ оплата труда въ чисто-денежномъ хозяйствѣ. Если мы возьмемъ для примѣра англійскаго фермера, то положеніе его съ этой стороны окажется несравненно менѣе выгоднымъ, чѣмъ русскаго. Вотъ напр., нѣкоторыя данныя, представляющія не среднія высчитанныя цифры, а конкретные факты, относящіеся къ нѣсколькимъ англійскимъ хозяйствамъ въ періодъ 1885—1888 гг.

На фермѣ, въ которой пашня занимала 461 акръ *), а подъ

---

*) Англ. акръ составляетъ около ⅓ дес.

травами находился 61 акръ, расходовалось: на уплату ренты и налоговъ 278 ф. ст., на сѣмена, удобреніе и пр. 688 ф. ст. и на наемъ рабочихъ—387 ф. ст. въ годъ. На другой фермѣ, при 668 акр. пашни и 171 акр. подъ травами, расходы по уплатѣ ренты и налоговъ составляли 608 ф. ст., по покупкѣ сѣмянъ, удобренію и пр. 1,413, и по заработной платѣ 906 ф. ст. и т. д. *). При такой значительной затратѣ денегъ на рабочую плату, англійскій фермеръ былъ бы счастливъ, если бы въ періоды кризисовъ онъ могъ вознаграждать своихъ рабочихъ долей урожая или пользоваться ихъ трудомъ за сдачу имъ прогоновъ, отрѣзковъ ненужной ему земли и т. п. Возможность прибѣгать къ такимъ способамъ оплаты наемнаго труда, несомнѣнно, является важнымъ подспорьемъ русскому хозяину.

При испольномъ или издольномъ наймѣ «крестьянинъ, взявшій исполу владѣльческую землю, обрабатываетъ ее своимъ скотомъ и инвентаремъ, засѣваетъ, смотря по условію, владѣльческими или (рѣже) своими сѣменами и убираетъ хлѣбъ, за право полученія въ свою пользу извѣстной заранѣе договоренной доли урожая (1/3, 2/3, 1/2, 2/5). Дѣлежъ производятъ обыкновенно необмолоченными снопами, но въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ на обязанности испольщика лежитъ также и обмолотъ владѣльческаго хлѣба. Почти всегда, сверхъ работъ, относящихся непосредственно къ воздѣлыванію данной, снятой въ испольную обработку земли, испольщикъ обязывается выполнить за ту же плату (долею урожая) еще нѣкоторыя другія хозяйственныя работы (убрать покосъ, привезти дровъ, свезти хлѣбъ, вывезти навозъ и т. д.) или доплатить извѣстную сумму деньгами. Изъ отдѣльныхъ работъ всего чаще испольный наемъ примѣняется къ уборкѣ хлѣба и иногда къ молотьбѣ. И въ этомъ случаѣ по большей части имѣютъ мѣсто доплаты со стороны нанимающагося деньгами или трудомъ».

Характеризуя значеніе этой формы оплаты труда во владѣльческомъ хозяйствѣ, авторъ справедливо замѣчаетъ, что испольная обработка трудно поддается учету въ денежной формѣ. Чтобы убѣдиться, что величина издержекъ далеко не тождественна при испольной обработкѣ и денежномъ наймѣ, «стоитъ только принять въ соображеніе гораздо большую устойчивость натуральныхъ платъ сравнительно съ денежными: ни при какой величинѣ урожая и ни при какомъ уровнѣ хлѣбныхъ цѣнъ испольная обработка не можетъ доставить владѣльцу отрицательнаго дохода. Онъ всегда получитъ извѣстную (относительно мало колеблющуюся) долю сбора; только при полномъ неурожаѣ, когда съ полей не будетъ собрано ничего, доходъ владѣльца (въ зернѣ или въ снопахъ хлѣба) выразится ну-

*) Report on the Farm Prize Competition in Nottinghamshire and Lincolnshire in 1888 (The Journal of the Royal Agricultural Society of England).

лемъ; но и въ этомъ случаѣ доходъ не составитъ величины отрицательной».

При другой столь же распростаненной, какъ и испольщика, формѣ натуральнаго найма на земледѣльческія работы, именно, при отработочной системѣ, земледѣльческія «работы выполняются крестьянами въ видѣ платы за предоставленную имъ въ аренду землю или за пользованіе разными хозяйственными угодьями. Точно такъ же, какъ и при испольной системѣ, отработочный наемъ производится или для полной обработки 1 дес. или пары десятинъ (или на «кругъ»), или же на отдѣльныя работы. Въ первомъ случаѣ за каждую десятину владѣльческой земли, предоставленную въ пользованіе, крестьяне обязаны обработать (своимъ инвентаремъ и скотомъ) для владѣльца такое же (или большее) количество земли,—убрать (сжать или скосить и перевезти на гумно), а иногда и обмолотить хлѣбъ. По большей части взявшіе въ отработку извѣстное количество десятинъ земли крестьяне обязываются еще и нѣкоторыми дополнительными работами или денежными доплатами. Наиболѣе распространены отработки за пользованіе землей и за право пастьбы скота на владѣльческихъ угодьяхъ. Случаи отработковъ за выпасъ скота («за приволья») встрѣчаются почти повсемѣстно. Уплата работою (особенно въ районахъ широкаго распространенія отработочнаго найма) имѣетъ мѣсто и по многимъ другимъ поводамъ. Отрабатываютъ крестьяне и за прогонъ скота черезъ владѣльческую землю, и за пользованіе водой, и вообще за удовлетвореніе разныхъ хозяйственныхъ надобностей. Нерѣдко отработка является въ видѣ добавки къ денежной или натуральной арендѣ, или же, наоборотъ, при сдачѣ земли за отработки, имѣютъ мѣсто денежныя доплаты. Вообще, отработочная система найма примѣняется въ крайне разнообразныхъ и смѣшанныхъ формахъ, что дѣлаетъ учетъ ея въ деньгахъ не менѣе затруднительнымъ, чѣмъ и учетъ издержекъ при наймѣ испольномъ. Можно, однако, сказать съ увѣренностью, что данная форма оплаты труда (особенно распространенная тамъ, гдѣ крестьяне нуждаются въ землѣ) сопряжена для владѣльца съ гораздо меньшими затратами, чѣмъ денежная и даже издольная обработка».

Такія условія оплаты наемнаго труда можно сравнить только съ положеніемъ, существовавшимъ въ Ирландіи въ концѣ прошлаго и началѣ нынѣшняго столѣтій. «Ирландскіе арендаторы, писалъ Артуръ Юнгъ въ своемъ дневникѣ, ухитряются арендовать участокъ земли съ удивительно маленькой суммой денегъ; они обезпечиваютъ себя трудомъ, составляющимъ столь значительную статью расходовъ въ Англіи, путемъ сдачи клочковъ своей земли коттерамъ для посѣва картофеля и пастьбы одной или двухъ коровъ» *). Подобная система, какъ видно изъ приведенныхъ выше

*) Мануиловъ. Аренда земли въ Ирландіи, стр. 102.

выдержекъ, широко распространена и у насъ въ настоящее время. Изъ замѣчанія Юнга можно заключить, какая сторона отработочной системы всего болѣе поразила его: это «удивительно маленькая сумма денегъ», при которой ирландскіе хозяева вели свое дѣло благодаря возможности пользоваться трудомъ коттеровъ. Ту же сторону вопроса необходимо имѣть въ виду и при оцѣнкѣ нашихъ отношеній: она получаетъ особенно важное значеніе въ «тяжелыя времена» частнаго землевладѣнія. Обсуждая мѣры, могущія вывести его изъ нынѣшнихъ затрудненій, нужно помнить, что одна изъ самыхъ важныхъ мѣръ была уже принята при освобожденіи крестьянъ. Можно безъ преувеличенія сказать, что при недостаточности надѣловъ, скудныхъ лугахъ и почти полномъ отсутствіи лѣса, т. е. при условіяхъ, возникшихъ вслѣдствіе неудачнаго выполненія освободительной реформы, наше земледѣльческое населеніе, за рѣдкими исключеніями, совершенно не можетъ обойтись безъ найма чужой земли. Благодаря насущнѣйшей потребности крестьянскаго населенія въ арендѣ и возникла система сдачи приволій за отработки—система, весьма выгодная для помѣщичьяго хозяйства, но, по словамъ доклада Высочайше учрежденной коммиссіи для изслѣдованія положенія сельскаго хозяйства въ Россіи, грозящая своего рода закрѣпощеніемъ крестьянъ.

Причины, удешевляющія пользованіе рабочей силой въ нашемъ частновладѣльческомъ хозяйствѣ, содѣйствуютъ интересамъ послѣдняго и въ другомъ отношеніи. Благодаря нуждѣ въ наймѣ чужихъ земель, которую всегда испытываютъ крестьяне, наши землевладѣльцы имѣютъ возможность сдавать значительную часть своихъ имѣній мелкимъ съемщикамъ и получать денежный или натуральный доходъ даже при низкихъ цѣнахъ на хлѣбъ. Мы видѣли выше, что мелкіе арендаторы въ Англіи въ значительной мѣрѣ избавляютъ землевладѣльцевъ отъ потерь, которыя они терпѣли бы благодаря отказу крупныхъ капиталистическихъ фермеровъ отъ воздѣлыванія земли при низкихъ цѣнахъ. У насъ мелкая съемка въ большей или меньшей степени избавляетъ собственника отъ убытковъ, которымъ онъ подвергался бы, если бы обрабатывалъ сдаваемую землю экономическимъ способомъ.

При всей скудости данныхъ, необходимыхъ для полнаго разъясненія этого явленія, проф. Н. А. Карышевъ высказываетъ въ своей статьѣ «Крестьянскія внѣнадѣльныя аренды въ зависимости отъ колебанія хлѣбныхъ цѣнъ и урожаевъ» нѣкоторыя положенія, имѣющія, правда, предположительный характеръ, но тѣмъ не менѣе не лишенныя серьезнаго значенія. По соображеніямъ a priori и по аналогіи съ другими странами мы должны ожидать, что, при равенствѣ прочихъ условій, денежная арендная плата должна понижаться и размѣры денежной аренды—сокращаться подъ вліяніемъ низкихъ цѣнъ. Это ожиданіе оправдывается тѣми разсчетами,

которые возможно сдѣлать на основаніи матеріала, имѣющагося по этому вопросу.

Въ теченіе двухъ первыхъ десятилѣтій послѣ освобожденія крестьянъ арендная плата быстро и непрерывно возрастала, увеличеніе арендныхъ цѣнъ въ 2 и 2½ раза, а иногда и больше за указанный періодъ времени, какъ видно изъ данныхъ земской статистики, представляется обычнымъ явленіемъ. Но этотъ процессъ въ послѣдующее время пріостановился. Цѣны за аренду земель во второй половинѣ 80-хъ годовъ и первой половинѣ 90-хъ колеблются ниже и выше средней величины, не обнаруживая опредѣленной тенденціи къ возвышенію. Это подтверждается рядомъ цифровыхъ данныхъ, относящихся къ разнымъ губерніямъ. Такъ напримѣръ, въ Полтавской губ. цѣны понижались въ 1886—1888 г., затѣмъ начали слегка подниматься, но лишь цифра 1892 года сколько-нибудь замѣтно превысила цифру 1886 г., а въ 6 уѣздахъ средняя цѣна арендъ въ 1892 г. была даже ниже цѣны 1891 г. Въ Воронежской губ. высота съемочныхъ платъ послѣднихъ трехъ лѣтъ, о которыхъ имѣются данныя, ниже платъ предшествующаго пятилѣтія; и это относится не только къ исключительнымъ 1891 и 1892 годамъ, но и къ 1893 году. Такія же указанія содержатъ въ себѣ свѣдѣнія по другимъ губерніямъ, о которыхъ имѣются данныя.

Параллельно съ паденіемъ арендныхъ цѣнъ сокращаются и размѣры денежныхъ арендъ: по нѣсколькимъ губерніямъ—Полтавской, Воронежской, Орловской, отчасти Саратовской и Самарской можно прослѣдить паралелльное развитіе этихъ двухъ явленій. Въ какой зависимости они находятся отъ цѣнъ на хлѣбъ, трудно рѣшить на основаніи того слишкомъ недостаточнаго матеріала, который имѣется по этому вопросу. По словамъ проф. Карышева представляется «невозможнымъ утверждать какое бы то ни было *рѣшительное* вліяніе колебанія хлѣбныхъ цѣнъ на измѣненіе высоты денежныхъ арендъ», потому что «вліяніе это, очевидно, заслоняется, парализуется вліяніемъ другого болѣе сильнаго фактора—вліяніемъ урожая». Но съ другой стороны можно догадываться, что «сокращеніе размѣровъ денежныхъ арендъ происходило, вѣроятно подъ вліяніемъ паденія хлѣбныхъ цѣнъ болѣе быстраго, чѣмъ удешевленіе арендныхъ денежныхъ платъ».

Извѣстно, что паденіе хлѣбныхъ цѣнъ вообще имѣетъ тенденцію дѣйствовать угнетающимъ образомъ на арендныя цѣны, хотя послѣднія обыкновенно отличаются большей устойчивостью: пониженіе ихъ начинается позднѣе, чѣмъ паденіе хлѣбныхъ цѣнъ, и происходитъ медленнѣе и въ меньшихъ размѣрахъ. Это явленіе, насколько оно не видоизмѣняется спеціальными причинами можно, прослѣдить съ особенной ясностью на исторіи арендныхъ цѣнъ въ Англіи и Ирландіи. Поэтому есть основаніе предполагать, что и у насъ паденіе хлѣбныхъ цѣнъ не осталось безъ вліянія на денеж-

ныя аредныя цѣны и размѣры денежной аренды; слѣдов., что доходъ землевладѣльцевъ, сдающихъ свои земли за деньги, сократился.

Приведенное общее положеніе, подвергающееся ограниченіямъ даже въ странахъ капиталистической аренды, у насъ должно быть тѣмъ болѣе ограничено въ виду спеціальныхъ условій нашего землевладѣнія. Факты показываютъ, что низкія цѣны на хлѣбъ, дѣйствующія невыгодно на денежныя аренды, оказываютъ совершенно иное дѣйствіе на аренды натуральныя—испольныя и отработанныя. Такъ напр. въ Полтавской губ., гдѣ съ 1886 года замѣчалось одновременное пониженіе денежныхъ арендныхъ цѣнъ и размѣровъ денежной аренды, «испольная съемка во многихъ мѣстахъ расширилась на счетъ денежной». Подобныя данныя имѣются относительно нѣсколькихъ другихъ губерній. Отсюда можно вывести заключеніе, что «при наличности у крестьянъ всегдашней потребности въ пользованіи внѣнадѣльной землей съ паденіемъ цѣнъ на хлѣбъ (при прочихъ равныхъ условіяхъ) могъ быть повидимому лучше удовлетворенъ спросъ на землю, предъявляемый испольщиками, чѣмъ съемщиками за деньги». Если принять во вниманіе, что вообще денежная аредная плата ниже натуральной, то нужно признать, что ущербъ, наносимый землевладѣльцамъ пониженіемъ денежныхъ арендныхъ цѣнъ, до извѣстной степени возмѣщается развитіемъ натуральной съемки. Такая замѣна, конечно, удобнѣе выполнима въ мелкихъ и среднихъ имѣніяхъ, чѣмъ въ крупныхъ, которыя являются главными представителями денежной аренды. Поэтому убытки отъ пониженія денежныхъ цѣнъ за наемъ земли падаютъ преимущественно на крупное землевладѣніе

Мы ограничимся сказаннымъ выше, поскольку дѣло касается частнаго землевладѣнія. Факты, собранные въ изданіи, редактированномъ А. И. Чупровымъ и А. С. Посниковымъ, не обнимаютъ всѣхъ сторонъ предмета, оставляя безъ разъясненія такіе важные вопросы какъ опредѣленіе частнаго землевладѣнія чистаго дохода, отношеніе задолженности къ размѣрамъ владѣній, движеніе цѣнъ на землю. Но, поскольку позволяетъ наша статистика, изслѣдователи собрали матеріалъ, который даетъ возможность намѣтить, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя важнѣйшія черты предмета. Характеризуя сельскохозяйственныя затрудненія нашего частнаго землевладѣнія на основаніи данныхъ, собранныхъ въ упомянутомъ изданіи, мы встрѣтились съ явленіями, которыя въ общемъ согласуются съ результатами изслѣдованій, произведенныхъ въ той же области на Западѣ. Нашъ земледѣльческій кризисъ также связанъ съ двумя основными причинами—паденіемъ хлѣбныхъ цѣнъ на міровомъ рынкѣ и чрезмѣрной задолженностью землевладѣнія; а обѣ эти причины угнетаютъ преимущественно крупное землевладѣніе. Мы не имѣемъ

данныхъ для того, чтобы судить, какъ отражается задолженность на положеніи мелкихъ собственниковъ, и можемъ только предполагать, что они терпятъ меньше, чѣмъ крупные землевладѣльцы. Но вліяніе низкихъ хлѣбныхъ цѣнъ, несомнѣнно, отражается главнѣйшимъ образомъ на послѣднихъ: мелкое землевладѣніе, представителямъ котораго приходится докупать хлѣбъ для своего пропитанія, очевидно, заинтересовано въ низкихъ цѣнахъ, среднее лишь отчасти можетъ разсчитывать на продажу хлѣба и слѣдов. терпѣть отъ низкихъ цѣнъ; крупное же землевладѣніе носитъ вполнѣ предпринимательскій характеръ и подвергается болѣе или менѣе значительному ущербу, а иногда и раззоренію вслѣдствіе пониженія цѣнъ на продукты земледѣлія. Землевладѣлецъ, даже продающій хлѣбъ, но разсчитывающій всетаки главнымъ образомъ на собственное потребленіе, будетъ при низкихъ цѣнахъ терпѣть болѣе или менѣе значительныя стѣсненія въ удовлетвореніи потребностей, требующихъ денежныхъ затратъ, но онъ имѣетъ все таки возможность продолжать свое дѣло, потому что земля, несмотря на низкія цѣны, попрежнему исполняетъ главную свою функцію—доставляетъ пищу. Въ иномъ положеніи находится крупный собственникъ, который смотритъ на землю, какъ на капиталъ, и цѣнитъ хлѣбъ лишь постольку, поскольку онъ можетъ быть превращенъ въ деньги. Если реализація хлѣбныхъ продуктовъ на рынкѣ не доставляетъ ежегодно такому землевладѣльцу суммы денегъ, достаточной для покрытія расходовъ и банковскихъ платежей, и не даетъ ему, кромѣ того, чистаго дохода, достаточнаго для удовлетворенія его потребностей, соотвѣтственно соціальному положенію, которое онъ занимаетъ, то такой землевладѣлецъ попадаетъ въ критическое положеніе, терпитъ убытки, сокращаетъ или вовсе забрасываетъ хозяйство; и такимъ образомъ землевладѣніе, представителемъ котораго онъ является, переживаетъ кризисъ. Очевидно, что этотъ кризисъ исключительно денежный, вовсе не обозначающій, что земля перестала родить и не въ состояніи больше прокармливать земледѣльца. Напротивъ, несомнѣнно, что земля, которая не можетъ прокормить одного землевладѣльца, въ состояніи была бы доставлять средства къ жизни цѣлому населенію земледѣльцевъ. У насъ, подъ вліяніемъ низкихъ цѣнъ, такого рода денежный кризисъ коснулся, по расчету статистиковъ, съ большей или меньшей силой приблизительно 100,000 землевладѣльцевъ изъ полумилліона, въ особенности же 50,000 наиболѣе крупныхъ собственниковъ. Благодаря тому, что во владѣнія этого меньшинства находится большая часть частновладѣльческой земли, значительное пространство земельной собственности въ Россіи подвергается не выгодному вліянію низкихъ цѣнъ.

Можно держаться различныхъ взглядовъ на характеръ мѣръ, которыя надлежитъ принять законодательству въ виду такого положенія дѣлъ. Противники крупнаго землевладѣнія видятъ исходъ

въ развитіи мелкой собственности на счетъ крупныхъ имѣній, обезсиленныхъ кризисомъ; причемъ нѣкоторые стоятъ при этомъ за развитіе общиннаго и артельнаго землевладѣнія. Другіе, напротивъ, считаютъ необходимымъ съ точки зрѣнія экономическихъ и государственныхъ интересовъ поддержать крупную собственность.

Изданіе, о которомъ мы говоримъ въ этой статьѣ, вовсе не касается этихъ вопросовъ, ограничиваясь исключительно констатированіемъ фактовъ, могущихъ служить къ выясненію характера и размѣровъ того вліянія, которое оказываютъ на нѣкоторыя стороны русскаго народнаго хозяйства урожаи и хлѣбныя цѣны. Такое фактическое изслѣдованіе является безусловно необходимымъ для правильнаго рѣшенія вопросовъ: слѣдуетъ ли принимать какія либо законодательныя мѣры въ виду затрудненій, переживаемыхъ извѣстной частью нашего землевладѣнія, и если слѣдуетъ, то какія именно. Изученіе фактовъ устанавливаетъ два положенія, которыхъ при этомъ нельзя не имѣть въ виду: первое—что низкія цѣны не выгодны только для ¼ частныхъ землевладѣльцевъ въ Россіи, и второе—что затруднительное положеніе этой группы лицъ отнюдь не доказываетъ, будто земля, которой они владѣютъ, не можетъ исполнять своего прямого назначенія—кормить тѣхъ, кто ее воздѣлываетъ.

А. Мануиловъ.

(Окончаніе слѣдуетъ)

Критика и лирика.

Д. С. Мережковскій. Вѣчные спутники. Портреты изъ всемірной литературы. Спб. 1897.

Д. Н. Овсянико-Куликовскій. Этюды о творчествѣ Тургенева. Харьковъ. 1896.

Вопросы теоріи литературной критики обсуждаются въ послѣднее время на Западѣ, особенно во Франціи, съ большимъ оживленіемъ. Всѣ направленія, смѣнявшіяся въ критикѣ съ прошлаго вѣка, имѣютъ видныхъ представителей въ современной французской литературѣ, и въ попыткахъ найти основы для соглашенія или дать научное объясненіе той или иной теоріи также нѣтъ недостатка. Критика занимаетъ выдающееся положеніе въ текущей литературѣ, и трудно спорить съ недавнимъ замѣчаніемъ одного изъ извѣстныхъ критиковъ, который высказалъ, что ни романъ, ни театръ въ наше время не дали ни одного произведенія, которое могло-бы быть поставлено выше «Портъ-Рояля» или первыхъ томовъ «Происхожденія совре-

менной Франціи». Было также отмѣчено, какъ явленіе характерное, что молодые писатели, которые въ былые годы выступили бы на литературное поприще съ томикомъ стиховъ, теперь дебютируютъ критическими этюдами, или даже, какъ Эннекенъ и Рикарду, пытаются создать научно-обоснованную теорію литературной критики.

У насъ, гдѣ критика ходомъ вещей была поставлена въ необходимость заниматься больше общественными, чѣмъ литературными вопросами, и гдѣ именно поэтому она имѣла особенное значеніе, разсужденія о задачахъ критики всегда были заключены въ кругѣ полемики о томъ, какое мѣсто въ критикѣ художественнаго произведенія должны занимать элементы публицистическіе. Общественныя теченія русской жизни находили себѣ въ критикахъ литературныхъ произведеній авторитетныхъ истолкователей и руководителей; но литературныя формы никогда не стояли у насъ въ зависимости отъ критики. Если французы могутъ съ увѣренностью сказать, что классицизмъ былъ въ извѣстной степени созданіемъ критики Ронсара, а изъ «Литературы» m-me де-Сталь вышелъ романтизмъ, то у насъ едва-ли было-бы возможно свести какое либо литературное явленіе къ *непосредственному* воздѣйствію Бѣлинскаго.

Исторіею критики у насъ, въ связи съ этимъ, излагали лишь какъ исторію общественнаго сознанія; во взаимодѣйствіи съ изящной литературой она не изучалась. Вопросъ о цѣляхъ и средствахъ критическаго изслѣдованія сводился къ болѣе общему вопросу о сущности искусства—и обсужденія методовъ литературной критики въ себѣ не заключалъ. Между тѣмъ за послѣднее время въ нашей критической литературѣ появился цѣлый рядъ опытовъ, то открыто примыкающихъ къ тому или иному направленію въ европейской критикѣ, то возвѣщающихъ свою, иногда даже «самобытную» форму критическаго анализа. Образчикомъ такихъ новыхъ направленій и удобнымъ поводомъ для бесѣды о нѣкоторыхъ тенденціяхъ и оттѣнкахъ въ современной литературной критикѣ кажутся намъ двѣ книги, указанныя въ подзаголовкѣ. Число ихъ можно было-бы умножить.

Первоначально наше вниманіе остановилось на этихъ книгахъ, благодаря тому случайному обстоятельству, что онѣ написаны не присяжными критиками. Писателямъ, извѣстнымъ въ иной области литературы, научной или художественной, принадлежитъ у насъ нѣсколько выдающихся и чуть не самыхъ оригинальныхъ образцовъ литературной и художественной критики. «Гамлетъ и Донъ-Кихотъ» Тургенева, «Милліонъ терзаній» Гончарова, «Пушкинъ» Достоевскаго, «Поэтъ пошлости» Ал. Градовскаго, «Мопассанъ» Л. Толстого, «Мефистофель» Кавелина—какъ видите, довольно значительныя основанія ждать чего либо не зауряднаго отъ критическаго очерка, если онъ подписанъ именемъ извѣстнаго поэта или ученаго. Если-бы они не чувствовали, что могутъ сказать о писа-

тѣлѣ или произведеніи нѣчто значительное, они не выступали-бы въ чуждой имъ области. Да и кому чужда эта область...

Мы не ошиблись въ нашихъ ожиданіяхъ, но интересъ, возбужденный въ насъ «Вѣчными Спутниками» и «Этюдами о Тургеневѣ» направился въ особую сторону. Результаты критическаго изученія показались намъ въ обоихъ случаяхъ менѣе характерными, чѣмъ тѣ различные способы изслѣдованія, которые теоретически защищаетъ г. Мережковскій, и тѣ, которые практически примѣняетъ г. Овсянико-Куликовскій.

I.

Авторъ «Вѣчныхъ спутниковъ» задался оригинальной цѣлью поставить на мѣсто критики — лирику. Его книга открывается небольшимъ предисловіемъ, гдѣ авторъ объясняетъ названіе книги и намѣчаетъ свой взглядъ на задачу критики.

«Безсмертіе» великихъ произведеній искусства есть, какъ извѣстно, ихъ способность постоянно обновляться; «каждый новый вѣкъ даетъ имъ какъ-бы новое тѣло, новую душу, по образцу и подобію своему. Несомнѣнно, что Эсхилъ, Данте, Гомеръ для XVI вѣка были не тѣмъ, чѣмъ сдѣлались для XVIII, еще менѣе тѣмъ, чѣмъ стали для конца XIX, и мы не можемъ представить себѣ, чѣмъ они будутъ для XX-го... Для каждаго народа они родные, для каждаго времени—современники, и даже болѣе —предвѣстники будущаго». Итакъ, исключить вліяніе своей личности при изученіи писателя невозможно; стало быть, кромѣ критики объективной, художественной и научной, можетъ быть и есть критика «*субъективная*, психологическая, неисчерпаемая, безпредѣльная по существу своему, какъ сама жизнь, ибо каждый вѣкъ, каждое поколѣніе требуетъ объясненія великихъ писателей прошлаго въ *своемъ* свѣтѣ, въ *своемъ* духѣ, подъ *своимъ* угломъ зрѣнія».

Согласно съ этимъ авторъ «Вѣчныхъ спутниковъ» полагаетъ свою цѣль «не въ томъ, чтобы дать болѣе или менѣе объективную, полную картину какой либо стороны, теченія, момента во всемірной литературѣ; цѣль его откровенно *субъективная*». «Онъ желалъ-бы только разсказать со всей доступной ему искренностью, какъ дѣйствовали на его умъ, сердце и волю любимыя книги, вѣрные друзья, тихіе спутники жизни».

Въ этихъ теоретическихъ замѣчаніяхъ нѣтъ достаточной опредѣленности. Авторъ бросаетъ новый терминъ и даже не останавливается на немъ; онъ какъ будто думаетъ, что этого довольно. Между тѣмъ, если-бы даже и признать особый «субъективный» видъ критики, то надо предварительно указать ему его мѣсто, уяснить его истинное значеніе, его отношеніе къ современной теоріи поэзіи, его дѣйствительный смыслъ въ изученіи художественнаго произведенія. Французскіе представители того направленія, къ которому

какъ будто желаетъ примкнуть въ своей критикѣ и примыкаетъ лишь своей теоріей г. Мережковскій, ограничиваютъ свою задачу именно этой бесѣдой о себѣ. Они яснѣе въ терминологіи и называютъ свою критику импрессіонистской, отожествляя ее съ передачей впечатлѣній, возбужденныхъ въ нихъ произведеніями искусства.

Авторъ «Вѣчныхъ Спутниковъ» называетъ свою критику субъективной и ждетъ отъ нея значительныхъ результатовъ, именно, въ дѣлѣ объясненія художника. Онъ думаетъ этимъ путемъ даже «показать за книгой живую душу писателя».

Прежде всего—что значитъ это признаніе въ субъективности? Какой реальный смыслъ оно имѣетъ и какъ относится самъ г. Мережковскій къ этой субъективности? Его указаніе на «откровенность» какъ будто ставитъ вопросъ на настоящую почву: всѣ критики, въ сущности, субъективны, но почему либо притворяются объективными; они только не откровенны—я-же сознаюсь въ субъективности. Но вѣдь мы знаемъ, что нѣтъ продукта человѣческаго духа, не носящаго на себѣ въ той или иной мѣрѣ отпечатка личности своего создателя; мы знаемъ, что даже въ астрономическихъ работахъ дѣлается поправка на индивидуальность наблюдателя; критику труднѣе отдѣлаться отъ этого осадка, труднѣе выдѣлить самого себя; совершенно объективной критики нѣтъ. Но г. Мережковскій какъ будто говоритъ, что онъ могъ-бы быть достаточно объективенъ, но не хотѣлъ этого, такъ какъ имѣлъ иныя цѣли. Цѣли эти не нашли себѣ у г. Мережковскаго ясной формулы.

«Прежде всего желалъ-бы онъ показать за книгой живую душу писателя». Очень хорошо; отъ этого заманчиваго желанія, кажется, давно уже не отказывается ни одинъ критикъ. Но что здѣсь субъективнаго? Критикъ собирается дать галлерею литературныхъ портретовъ; онъ предполагаетъ показать въ индивидуальности писателя «своеобразную, единственную, никогда болѣе не повторявщуюся форму бытія». Да почему все это субъективно или должно быть субъективно? Почему для этого надо разсказывать о себѣ? «Показать за книгой писателя», настоящаго, не выдуманнаго, можно только путемъ анализа отношеній писателя къ его книгамъ, а не сообщеніемъ своихъ настроеній и впечатлѣній по поводу его книгъ. Г. Мережковскій думаетъ иначе; онъ называетъ свои очерки «галлереей портретовъ великихъ незнакомцевъ»; онъ думаетъ, что его этюдъ о Сервантесѣ даетъ болѣе ясное представленіе о великомъ писателѣ, чѣмъ переводъ «Донъ Кихота». Онъ думаетъ, что если Флоберъ могъ быть у насъ «великимъ незнакомцемъ» послѣ переводныхъ статей Золя, Брандеса, Пелисье, послѣ неоднократныхъ изданій его произведеній въ переводахъ, послѣ оригинальныхъ статей Арсеньева, Туръ, Боборыкина и многихъ другихъ, то онъ обратится для русской публики изъ «великаго незнакомца» въ «вѣчнаго спутника» послѣ замѣтки г. Мережковскаго, который даже не

зналъ, что съ тѣхъ поръ, какъ эта замѣтка печаталась въ первый разъ, вышло еще два тома переписки его «вѣрнаго друга и тихаго спутника», знакомства съ которыми не видно въ очеркѣ г. Мережковскаго.

Въ дальнѣйшихъ теоретическихъ объясненіяхъ авторъ не выпутывается изъ той же двойственности.

Изъ «галлереи миніатюрныхъ портретовъ» его критическіе очерки,—въ которыхъ онъ уже «не задается цѣлями научной или художественной характеристики»,—обращаются въ «дневникъ читателя въ концѣ XIX вѣка».

Французскіе импрессіонисты выражаютъ задачу критики въ тѣхъ же словахъ. Критикъ откровенный — по теоріи Анатоля Франса, самаго крайняго изъ нихъ — долженъ сказать: господа, *я буду говорить о себѣ* по поводу Шекспира, по поводу Расина, или Паскаля, или Гете — поводъ довольно хорошій... Le bon critique ets celui, qui raconte les aventures de son âme au milieu des chefs d'oeuvre.

Что-жъ, возражать противъ этого нечего. Найдетъ такой критикъ читателей—благо ему. Побѣдителя несудятъ. Успѣхъ его могъ-бы, правда, бросить тѣнь на его субъективность; можно предположить, что его душа—душа довольно обыкновенная и въ мірѣ Паскаля испытала тѣ-же впечатлѣнія, что и души его восторженныхъ читателей. Но для А. Франса истины все равно нѣтъ—обо всемъ на свѣтѣ есть десятки равноправныхъ истинъ, и думать, что одинъ критикъ можетъ быть болѣе правъ, чѣмъ другой—смѣшная иллюзія. Онъ просто не признаетъ объективной критики, какъ не признаетъ объективнаго искусства. Есть одна истина: «On ne sort jamais de soi même». У г. Мережковскаго нѣтъ этой послѣдовательности. Онъ вѣритъ въ объективную истину, но думаетъ, что раскрыть ее можно именно «не выходя изъ своего *я*». «Субъективная критика—читаемъ мы въ въ статьѣ о Сервантесѣ—именно потому, что въ ней есть сочувственное волненіе, потому что она отражаетъ живыя *впечатлѣнія* читателя, въ которыхъ всегда до нѣкоторой степени воспроизводится творческій процессъ самого автора, можетъ иногда открыть внутренній смыслъ произведенія лучше и вѣрнѣе, чѣмъ критика исключительно объективная, которая стремится только къ безстрастной исторической достовѣрности».

Можетъ быть, такъ оно и есть. Но позволительно спросить, какъ доказать, что внутренній смыслъ произведенія — дѣйствительно тотъ, которой открытъ субъективной критикой, какъ доказать, что она права? Что если два критика придутъ по этому пути къ діаметрально противоположнымъ результатамъ? Если г. Мережковскій увидитъ въ идеѣ драмы Кальдерона «одно изъ основаній христіанскаго ученія», а Карьеръ — отрицаніе истиннаго христіанства, то можно полюбопытствовать, кто изъ нихъ открылъ внутренній смыслъ драмы? Для того, кому ясно истинное значеніе

субъективной критики, здѣсь нѣтъ вопроса, какъ нѣтъ вопроса для того, кто понимаетъ роль субъективности въ наукѣ соціологіи. Но съ точки зрѣнія г. Мережковскаго эти вопросы вполнѣ умѣстны— и отвѣта на нихъ нѣтъ.

Приписавъ субъективной критикѣ то значеніе, котораго она не имѣетъ и—какъ мы увидимъ ниже—имѣть не можетъ, г. Мережковскій незамѣтно для самаго себя извратилъ ея смыслъ. Съ нимъ приходится спорить, точно съ защитникомъ критическаго догматизма, который никакъ не можетъ понять, «къ чему говорить, что дважды два четыре, если тотчасъ вслѣдъ за тѣмъ прибавляютъ, что дважды два, можетъ быть, и шестьдесятъ пять и что, въ сущности, нѣтъ ничего извѣстнаго». Критика не математика.

Правду сказать, мы никакъ не думали, что *объ этомъ* придется напоминать г. Мережковскому.

Дважды два не можетъ быть равно и четыремъ и шестидесяти пяти, а два критика, которымъ художественное произведеніе говоритъ различныя вещи, могутъ быть оба правы. Вотъ въ томъ-то и дѣло, что никакого объективнаго внутренняго смысла, который можно было-бы разъ навсегда открыть хорошо и вѣрно, въ произведеніи искусства нѣтъ, и указаніе будто субъективной критикѣ этотъ смыслъ раскрывается лучше и вѣрнѣе, чѣмъ другимъ способомъ изученія, лишено содержанія, по той простой причинѣ, что формулированіе смысла, идеи художественнаго произведенія можетъ быть только субъективно. Если-бы г. Мережковскій ясно представлялъ себѣ все значеніе субъективности въ критикѣ, онъ не испугался-бы за ея престижъ и не навязалъ-бы ей выдуманныхъ добродѣтелей, отъ которыхъ она сторонится. Дурную услугу оказалъ ей ея неудачный защитникъ—и она имѣетъ полное право сказать: избави насъ Богъ отъ такихъ друзей.

Попытаемся опредѣлить значеніе субъективнаго элемента въ художественной критикѣ. Для этого надо напомнить о нѣкоторыхъ чертахъ произведенія искусства.

II.

По извѣстному формальному опредѣленію—у насъ его выставлялъ еще Бѣлинскій—искусство есть мышленіе въ образахъ. Отъ мышленія научнаго, прозаическаго художественное мышленіе отличается тѣмъ, что обобщеніе является въ немъ не въ видѣ отвлеченной формулы, но въ видѣ образа; образъ—это воспроизведеніе единичнаго, конктретнаго индивидуальнаго случая, имѣющее свойство быть знакомъ, замѣстителемъ цѣлаго ряда разнообразныхъ явленій. Для мысли человѣческой, тяготимой разрозненностью міра и ищущей обобщающихъ формъ для удовлетворенія своей вѣчной и неутолимой «жажды причинности», поэтическій образъ является такимъ обобщающимъ началомъ, основаніемъ, у котораго группи-

руются организованными массами необъединенныя явленія жизни. «Поэзія ставитъ насъ въ центръ, отъ котораго по всѣмъ направленіяхъ исходятъ лучи, соединяющіе насъ съ безконечнымъ», говоритъ В. Гумбольдтъ. Прозаическое указаніе на фактъ не выводитъ насъ за границы этого факта; въ поэзіи значеніе его расширяется.

„Только у васъ (у поэтовъ) мимолетныя грезы
„Старыми въ душу глядятся друзьями".

Это значитъ: лишь преломившись въ призмѣ творческой мысли художника (à travers le tempérament) явленія индивидуальныя, («мимолетныя») получаютъ смыслъ обобщенія, обнимаютъ уже готовый въ душѣ, но еще безпорядочный матеріалъ, являются во внутренній міръ, какъ нѣчто родное и желанное — «старыми въ душу глядятся друзьями» *).

«Отдѣльный случай—замѣчаетъ въ томъ-же смыслѣ Гете—становится общимъ именно потому, что онъ обрабатывается поэтомъ». *Общимъ*, однако, онъ становится не въ смыслѣ только обыкновенной, ограниченной типичности. Портретъ незнакомаго человѣка, исполненный талантливымъ художникомъ, наводитъ насъ на мысль, что хотя мы не знали *этого* человѣка, но *такихъ* людей встрѣчали. Здѣсь общность отдѣльнаго случая ограничена; отъ человѣка мысль переходитъ къ другимъ людямъ—не дальше. Но и въ этомъ простѣйшемъ случаѣ обыкновенной типичности наглядно выступаетъ существенный элементъ художественнаго воспроизведенія жизни: его иносказательность; портретъ лишь тогда удаченъ, когда въ лицѣ уловлена его характерность, когда онъ говоритъ не только объ этомъ человѣкѣ, но и о такихъ людяхъ.

Но иносказательность художественнаго образа идетъ дальше; образъ и его значеніе могутъ принадлежать къ различнымъ и далекимъ другъ отъ друга категоріямъ.

Возьмемъ простѣйшій случай — афоризмъ Гете: «Das kleinste Haar wirft seinen Schatten». Прежде всего — что это такое: поэзія или проза? — И то и другое; вѣрнѣе — или то, или другое — смотря по тому смыслу, который мы вкладываемъ въ это изреченіе. Если это замѣчаніе есть простое указаніе на физическій фактъ—то это, конечно, проза. Но взглянемъ на этотъ научный фактъ, какъ на поэтическій образъ — и предъ нами раскрывается безпредѣльное поле тѣхъ обобщеній, для которыхъ онъ можетъ служить *иносказаніемъ*.

На вопросъ, какой внутренній смыслъ, какая идея этого поэтическаго произведенія, мы отвѣтимъ, что если-бы эту идею можно было исчерпать въ формѣ абстракціи, поэту не было-бы нужды

---

*) Характерно, что нѣмецкій ученый сошелся съ русскимъ поэтомъ и для объясненія этой мысли не нашелъ другого сравненія. „Der typische Gegenstand tritt uns, wie ein *guter Bekannter* entgegen» (Groos, Einleitung in die Aesthetik).

прибѣгать къ иносказанію. Въ прозаическомъ пониманіи частный случай остался-бы частнымъ; «возведенный въ перлъ созданія», опоэтизированный, онъ становится общимъ и иносказательнымъ.

Еще примѣръ. Мы читаемъ описаніе восхожденія на высокую горную вершину. «Звѣзды стали являться, на вечернемъ небѣ, — разсказываетъ путешественникъ, — и вдругъ мнѣ показалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ были внизу». Простое указаніе на фактъ, который можетъ быть объясненъ научно. Но читатель почему либо находится въ приподнятомъ, вибрирующимъ, творческомъ настроеніи, онъ останавливается и говоритъ себѣ: «Такъ и въ области мысли: чѣмъ выше подымаешься, тѣмъ выше кажутся звѣзды, тѣмъ очевиднѣе, что вершины познанія недоступны». Другой найдетъ въ пережитомъ другія впечатлѣнія, на которыя также послужитъ тотъ-же примѣръ откликомъ. Онъ, во всякомъ случаѣ, сталъ иносказательнымъ, сталъ образомъ.

Bourgeois-gentilhomme у Мольера удивился, узнавъ лишь на старости лѣтъ, что онъ всю жизнь говоритъ прозой. Какъ удивились бы многіе люди, потѣшающіеся теперь надъ мосье Журденемъ, если-бы они узнали, что очень часто были поэтами, не зная этого. Поэзія есть лишь способъ мышленія, доступный каждому и неизбѣжно каждымъ употребляемый. Поэзія вездѣ, гдѣ за немногими чертами опредѣленнаго, замкнутаго образа стоитъ многообразіе значеній. Мы видѣли, что по содержанію поэтическій образъ можетъ ничѣмъ не отличаться отъ самой прозаической мысли, отъ незначительнаго указанія на простѣйшій обыденный фактъ вродѣ того, что «солнце отражается и въ лужѣ». Но разъ этотъ фактъ—при посредствѣ поэта или безъ него—говоритъ не только о лужѣ и солнцѣ, но и о чемъ-то иномъ,—мы перешли въ область поэзіи. Сообщеніе о ничтожномъ воспріятіи получаетъ способность говорить о чемъ-то совсѣмъ иномъ, напримѣръ, объ искрѣ Божьей въ душѣ испорченнаго человѣка, о множествѣ явленій, безконечно отъ него далекихъ.

Отдѣльный случай въ рукахъ поэта дѣлается *сугестивнымъ*, какъ говоритъ современная эстетика; онъ *подсказываетъ*, удачно переводитъ этотъ терминъ А-ръ Н. Веселовскій; онъ получаетъ свойство постоянно обобщаться, *быть иносказательнымъ*, подходить подъ безчисленное множество *примѣненій*,—говорилъ А. А. Потебня. Фактъ, пройдя сквозь горнило художественной мысли, является въ видѣ символа.

Поэтъ мыслитъ образами, а не придумываетъ ихъ. Кто, имѣя готовое обобщеніе въ видѣ отвлеченной формулы, переводитъ эту абстракцію въ художественную форму единичнаго случая, тотъ не поэтъ. Его созданіе родилось на почвѣ узко-разсудочной и имѣетъ лишь одинъ опредѣленный смыслъ. Это не символъ, а аллегорія: это прозаическая схема, уже готовая идея, одѣтая въ оболочку образа, не измѣняющаго эту идею и не символизирующаго ничего,

кромѣ нея. Здѣсь нѣтъ движенія мысли—отъ этого образа идея, быть можетъ, сдѣлалась нагляднѣе и общедоступнѣе, но не стала сложнѣе и развитѣе. Аллегорія для прогресса мысли имѣетъ одну цѣну съ тавтологіей.

Другое дѣло поэтическій образъ, символъ. Въ немъ воплощена колеблющаяся, неопредѣленная группа пережитыхъ впечатлѣній, которая и для самого художника въ видѣ отвлеченнаго обобщенія не существуетъ. «Ко мнѣ приходятъ,—говоритъ Гете Эккерману,—» и спрашиваютъ, какую идею я хотѣлъ воплотить въ моемъ «Фаустѣ»? Точно я самъ знаю это и могу выразить!»

Очевидно, ни разъясненій, ни доказательствъ у художника спрашивать нельзя, его факты—въ его впечатлѣніяхъ, его тезисы—въ его образахъ. Завершенное художественное произведеніе стоитъ предъ творцомъ, какъ самодовлѣющее цѣлое, уже ставшее ему чуждымъ. Осуждаетъ ли онъ его, какъ Л. Толстой «Анну Каренину» или влюбляется въ него, какъ Пигмаліонъ въ Галатею,—созданіе художника есть нѣчто отъ него теперь не зависящее и имѣющее свою самостоятельную жизнь. Иногда художникъ глубоко сознаетъ это. Разбирая сцену съ Шаховскимъ (челобитье бояръ о разводѣ съ женою) въ «Царѣ Θеодорѣ», графъ Ал. Толстой указываетъ на отсутствіе у царя личныхъ мотивовъ въ поспѣшномъ осужденіи Шуйскаго. Онъ, однако, прибавляетъ: «*Не смѣю утверждать*,—что поспѣшность Θеодора происходитъ отъ одного негодованія» (проектъ постановки трагедіи «Царь Θеодоръ»).

Такъ объективируется готовый образъ для самого поэта; онъ разбираетъ его, какъ посторонній критикъ. Онъ не можетъ измѣнить его значеніе своими толкованіями, какъ не можетъ передѣлать свое прошлое. Онъ въ немъ такой-же судья, какъ и мы, и какъ бы ни были интересны его толкованія, непреложнымъ и обязательнымъ приговоромъ они для насъ не являются. Ибо исчерпать всю безпредѣльность символическихъ значеній художественнаго произведенія, *разъ навсегда раскрыть его внутренній смыслъ* не можетъ ни авторъ, ни читатель, ни критикъ. Въ этомъ главная ошибка г. Мережковскаго.

Въ исторіи нашей литературы сохранилось трогательное и для теоретика весьма интересное воспоминаніе о первой встрѣчѣ восторженнаго читателя съ авторомъ. Это было пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ; Бѣлинскій только что прочелъ «Бѣдныхъ Людей», просилъ Некрасова «поскорѣе» привести автора, и Достоевскаго привели къ нему. Онъ заговорилъ—разсказываетъ Достоевскій — пламенно, съ горящими глазами: «да вы понимаете-ль сами-то, повторялъ онъ— что вы такое написали! Вы только непосредственнымъ чутьемъ какъ художникъ это могли написать, но осмыслили-ли вы сами-то всю эту страшную правду, на которую вы намъ указали? Не можетъ быть, чтобы вы въ ваши двадцать лѣтъ уже это понимали... Мы, публицисты и критики, только разсуждаемъ, мы словами стараемся

разъяснить это, а вы, художникъ, одною чертою разомъ въ образѣ выставляете самую суть, чтобы самому неразсуждающему читателю стало вдругъ все понятно!» Вопросъ о томъ, что художникъ понимаетъ въ своемъ произведеніи, сводится, конечно, къ условному значенію слова понимать. Но въ одномъ отношеніи Бѣлинскій былъ неправъ; ему казалось, что онъ понимаетъ всю правду, которую можно вложить въ разсказъ Достоевскаго, между тѣмъ какъ онъ, конечно, понималъ лишь часть ея—быть можетъ и не вполнѣ ясную для самого Достоевскаго. Не открыли внутренняго смысла разсказа Достоевскаго и мы, хотя съ тѣхъ поръ мы выросли на полъ вѣка, не откроютъ его—надо надѣяться—и наши потомки. Иначе—надо признать, что произведеніе Достоевскаго не жизнеспособно. Ибо исчерпывающее пониманіе художественнаго произведенія, возможность передать *все* его содержаніе въ логическихъ схемахъ, другими словами —прекращеніе его суггестивности, его иносказательности есть его смертный приговоръ.

Авторъ «Вѣчныхъ спутниковъ» думаетъ, что можно открыть внутренній смыслъ произведенія. Но кѣмъ это было когда либо сдѣлано? Можетъ г. Мережковскій указать на какое либо истинно художественное произведеніе съ открытымъ, разъ навсегда выясненнымъ критикою внутреннимъ смысломъ? Едва-ли. Объективнаго внутренняго смысла, *идеи въ художественномъ произведеніи нѣтъ*—есть лишь форма, неподвижный образъ. «Искусство есть языкъ художника—говорилъ Потебня (Языкъ и мысль),—и какъ посредствомъ слова нельзя передать другому своей мысли, а можно только пробудить въ немъ его собственную, такъ нельзя ее сообщить и въ произведеніи искусства; поэтому содержаніе этого послѣдняго (когда оно окончено) развивается уже не въ художникѣ, а въ понимающемъ. Слушающій можетъ гораздо лучше говорящаго понимать, что скрыто за словомъ, и читатель можетъ лучше самого поэта постигать «идею» его произведенія». Съ этой точки зрѣнія Бѣлинскій былъ, конечно, правъ. «Сущность, сила такого произведенія не въ томъ, что разумѣлъ подъ нимъ авторъ, а въ томъ, какъ оно дѣйствуетъ на читателя или зрителя, слѣдовательно въ неисчерпаемомъ возможномъ его содержаніи. Это содержаніе проицируемое нами, то есть влагаемое въ самое произведеніе, дѣйствительно, условлено его внутренней формой, но могло вовсе не входить въ разсчетъ художника, который творитъ, удовлетворяя временнымъ, нерѣдко весьма узкимъ потребностямъ своей личной жизни *). Заслуга художника не въ томъ minimum содержанія, какое думалось ему при созданіи, а въ извѣстной гибкости образа, въ силѣ внутренней формы возбуждать самое разнообразное содержаніе. Скром-

---

*) Анатоль Франсъ, La vie litteraire: „Tous les livres en général et même les plus admirables me paraissent infiniment moins précieux par ce qu'ils contiennent, que par ce qu'y met celui qui les lit“.

ная загадка: «одно каже: свитай Боже, друге каже: не дай Боже, трете каже: мени все одно» (окно, двери и сволокъ) можетъ вызвать мысль объ отношеніи разныхъ слоевъ народа къ разсвѣту политической, нравственной, научной идеи, и такое толкованіе будетъ ложно только въ томъ случаѣ, когда мы выдадимъ его за объективное значеніе загадки, а не за наше личное состояніе, возбужденное загадкою».

III.

Читатель согласится, что это большое отступленіе было необходимо, чтобы выяснить, что вотъ, именно, такое личное состояніе подъ прикрытіемъ «воспроизведенія творческаго процесса самого автора» г. Мережковскій выдаетъ за «объективное значеніе загадки», когда утверждаетъ, что сочувственнымъ волненіямъ субъективной критики открывается «внутренній смыслъ» произведенія, менѣе доступный для критики объективной.

Внутреннихъ смысловъ произведеніе поэтическое имѣетъ столько-же, сколько читателей. Г. Мережковскій не напрасно называетъ свою книгу «дневникомъ читателя».

Отношеніе читателя къ поэтическому произведенію отмѣчено явной субъективностью; онъ оцѣниваетъ его на основаніи неуловимо индивидуальныхъ данныхъ вкуса и критическаго такта, онъ пользуется имъ постольку, поскольку подготовленъ къ этому всей своей душевной исторіей; онъ видитъ въ немъ то, что склоненъ видѣть; онъ примѣняетъ этотъ символъ такъ, какъ подсказываетъ ему его капиталъ впечатлѣній, его положеніе, его настроеніе; не найдя случайно точки соприкосновенія, интереса, онъ проходитъ равнодушно мимо геніальнаго произведенія или пониманіемъ своимъ лишь извращаетъ его. Критикъ долженъ научить его правильно смотрѣть на произведеніе искусства—какъ, въ свою очередь, искусство учитъ насъ правильно смотрѣть на природу.

«Вѣчные спутники» дѣйствительно являются каждому вѣку, каждому поколѣнію и даже каждому человѣку въ новомъ свѣтѣ,—въ иномъ духѣ. Но этимъ не опредѣляется роль критики; свобода пониманія—sub lege libertas, а не безудержъ произвольныхъ изліяній и случайныхъ точекъ зрѣнія.

Кругъ можно изобразить на чертежѣ такъ, что онъ представится эллипсисомъ или прямой линіей. Кто можетъ сказать, что такая точка зрѣнія неправильна? Но, съ другой стороны, что если намъ станутъ представлять всѣ круги только въ видѣ прямыхъ линій? И нѣтъ-ли такихъ читателей, въ положеніи или въ самой натурѣ которыхъ лежитъ возможность такого «своеобразнаго» пониманія?

Есть анекдотъ объ одномъ англичанинѣ, который поѣхалъ въ Римъ, чтобы посмотрѣть на соборъ св. Петра съ такого мѣста, откуда ничего не видно. Онъ, собственно, видѣлъ уже этотъ соборъ,

но по пути изъ Италіи разговорился о немъ съ какимъ-то соотечественникомъ. «А видѣли вы соборъ съ самаго дурного мѣста?» — спросилъ тотъ. — «Ахъ нѣтъ, — отвѣчалъ путешественникъ, — а развѣ есть такое мѣсто?» — «О да! Есть мѣсто, съ котораго вмѣсто всей колоннады видишь всего одну колонну. Очень любопытно». Англичанинъ, смущенный, какъ человѣкъ, сдѣлавшій ужасную оплошность, вернулся въ Римъ — смотрѣть на чудо искусства съ такой точки, откуда ничего не видно.

Быть можетъ, показывая въ Лондонѣ друзьямъ свой дорожный альбомъ, чудакъ раскрылъ предъ ними страницу, на которой было изображено нѣчто странное, безформенное и нестройное, и сказалъ: «Это соборъ св. Петра; до сихъ поръ вы видѣли его въ натурѣ или знали по фотографіямъ, но онъ былъ для васъ лишь «великимъ незнакомцемъ». Я, правда, и не хотѣлъ изобразить его объективно, цѣль моя—откровенно субъективная. Согласитесь, господа, что внутренній смыслъ великаго созданія искусства постигается изъ моего оригинальнаго рисунка лучше, чѣмъ изъ объективныхъ изображеній».

Станетъ-ли кто либо спорить съ этимъ чудакомъ? Конечно, нѣтъ—да и не о чемъ съ нимъ спорить. Всякій пожметъ плечами и скажетъ, что и онъ,—и тотъ нѣмецкій критикъ, который усмотрѣлъ въ дядѣ Гамлета образцоваго государя и человѣка, тяготимаго кознями интригана племянника,—сдѣлали-бы лучше, если-бы просто отвернулись отъ геніальнаго произведенія, понять которое имъ не дано. Не потому, конечно, что они были субъективны — но потому-что дурно помѣстили свою субъективность.

Классическій образецъ крайностей безспорно субъективной читательской критики мы имѣемъ въ «Фаустѣ» Тургенева,—и это особенно ясно изъ превосходнаго анализа, которому подвергаетъ повѣсть Тургенева г. Овсянико-Куликовскій. Онъ даетъ двѣ характеристики—онъ объясняетъ сперва книгу, потомъ ея читателя—и спрашиваетъ себя, чѣмъ *такая* книга должна стать для *такого* читателя; выражаясь фигурой, употребляемой г. Мережковскимъ,—какія новыя звѣзды должна увидать Вѣра Пріимкова, подойдя къ тому просвѣту въ небо жизни, имя которому «Фаустъ» Гёте.

Какъ бы ни были разнообразны толкованія великой драмы, можно указать нѣкоторыя общепризнанныя элементарныя основы, отъ которыхъ не отступаютъ критики «Фауста».

Всякій знаетъ, что «Фаустъ» это прежде всего исторія самого д-ра Фауста; онъ—центръ пьесы, и драма въ его душевной жизни, Трагедія Гретхенъ—лишь незначительный эпизодъ въ этой кипучей жизни, заключительный смыслъ которой совершенно скрытъ отъ того, чье знакомство съ «Фаустомъ» ограничивается его первой частью. Мефистофель—не традиціонный чортъ суевѣрныхъ переживаній, въ котораго не вѣрилъ ни Фаустъ, ни Гёте, но олицетво-

реніе духа рефлексіи, отрицанія, присущаго всякой сложной психикѣ. Такова книга; обратимся къ читателю.

Вѣра не анализируетъ «Фауста»; она не знакома съ той духовной обстановкой, въ которой онъ былъ созданъ, и не понимаетъ, чѣмъ была драма для ея творца. Душа «наивная и страстная» и—до поры до времени — «односоставная», она совершенно чужда рефлексіи; ея душевныя движенія глубоки, но не осложнены побочными теченіями внутреннихъ противорѣчій и самоанализа. Нѣтъ ничего болѣе чуждаго ей, чѣмъ вопросы предѣльности знанія, исканія смысла бытія и полноты существованія. Вѣра воспитана внѣ жизни; о любви она не знаетъ даже изъ книгъ, — что, конечно, не могло истребить въ ней несознаваемой потребности любить. Наконецъ, несмотря на воспитаніе, основанное на положительномъ знаніи и огражденіи отъ всякой фантастики, Вѣра сохраняетъ нѣкоторыя наслѣдственныя черты, которыя ея покойная мать тщетно старалась вытравить естественными науками; это — предрасположеніе къ таинственному, суевѣріе, боязнь «тайныхъ силъ» жизни.

Таковъ читатель, впервые познакомившійся съ произведеніемъ Гёте. Уже напередъ можно предвидѣть, какова будетъ роль субъективныхъ элементовъ въ его пониманіи великой драмы.

И дѣйствительно, отношеніе Вѣры къ «Фаусту» оказалось настолько своеобразно, что его едва-ли возможно назвать пониманіемъ художественнаго произведенія. У нея есть нѣкоторыя вѣрныя догадки—она, напримѣръ, какъ будто поняла, что Мефистофель есть «что-то такое, что можетъ быть въ каждомъ человѣкѣ»; но самыя основы содержанія драмы остались ей чужды. Подавленная и лишенная духовной свободы, она не увидѣла въ «Фаустѣ» *ничего*, кромѣ того, что подходило къ ея теперешнимъ смутнымъ порываніямъ, и въ ея мятежную душу вошли лишь membra disjecta великой книги.

Главный образъ драмы—самъ Фаустъ—прошелъ для нея совершенно незамѣченнымъ; ей чужды его жажда познанія, его рефлексія, его раздвоенность. Вторая часть драмы, столь безусловно необходимая для пониманія самого героя ей не нужна. Она замѣтила лишь героиню — «она узнала въ себѣ Гретхенъ», какъ говоритъ г. Овсянико-Куликовскій—и Мефистофеля. Но что такое ея Мефистофель? Что общаго у него съ «частью той силы, которая желаетъ добра и творитъ зло»? Очень мало. Ея Мефистофель во многомъ противоположенъ Гетевскому: «онъ не смѣется, не хохочетъ, онъ не циниченъ, не сквернословитъ и не буфонитъ. Онъ, очевидно, не только не духъ рефлексіи, но и не духъ отрицанія вообще». Наконецъ,—«поэзія и не коснулась души Вѣры. Ея душа, дѣйствительно, пробудилась, но только не для поэзіи, не для просвѣтлѣнія и расширенія мысли и чувства, а для совсѣмъ иныхъ «чаръ и тайнъ», аналогичныхъ тѣмъ, силою которыхъ Фаустъ за-

продалъ душу Мефистофелю и ринулся въ водоворотъ страстей и эгоистическихъ стремленій—къ миражу любви и счастья».

Такова субъективная критика Вѣры Пріимковой; не много уяснила она намъ въ «Фаустѣ». Намъ открылось содержанія души Вѣры, и оно понятно: выражаясь языкомъ химиковъ, реакція на «Фауста»—превосходный способъ для опредѣленія нѣкоторыхъ сторонъ человѣческой души, но самостоятельнаго и объективнаго анализа драмы этотъ процессъ ни въ какомъ смыслѣ замѣнить не можетъ. Изъ «стихотворенія въ прозѣ», гдѣ разсказано, что испыталъ г. Мережковскій при видѣ Акрополя, «внутренній смыслъ» Акрополя намъ открывается въ такой-же степени, въ какой открылся-бы изъ симфонической картины, посвященной Акропюлю. Эти вещи могутъ быть очень удачны, но это не критика, а лирика.

Въ наиболѣе удачныхъ своихъ образцахъ субъективная критика представляетъ собою не анализъ произведенія, а его художественное воспроизведеніе, симпатическое переживаніе процесса творчества, уже совершеннаго другимъ художникомъ. Въ этомъ возсозданіи произведеніе искусства получаетъ нѣкоторое субъективное объясненіе, но критики въ настоящемъ смыслѣ слова здѣсь, конечно, нѣтъ.

Есть особые виды искусства, гдѣ творчество ограничивается индивидуальнымъ воспроизведеніемъ уже готоваго художественнаго созданія. Таково творчество *исполнителей* въ драмѣ и музыкѣ. Этихъ исполнителей не даромъ называютъ истолкователями, комментаторами произведеній искусства. И въ другихъ областяхъ искусства есть особые виды художественнаго творчества, имѣющіе исходной точкой не наблюденіе живой дѣйствительности, а готовыя произведенія искусства и литературы; таковы лирическія стихотворенія, вызванныя опредѣленнымъ пластическимъ образомъ или чтеніемъ книги; таково пользованіе чужимъ стилемъ для открытаго подраженія (у Пушкина — сцена изъ Фауста, подражанія Данту, Корану) или для пародіи, возсоздающей произведеніе искусства, преувеличивая его слабыя стороны; такова всякая попытка передать впечатлѣнія, вызванныя созданіями одного искусства—средствами другого: такова иллюстрація—пластическая, поэтическая или музыкальная. Мефистофель изъ поэзіи — народной или индивидуальной — переходитъ въ статую Антокольскаго, изъ статуи Антокольскаго въ стихотвореніе гр. Голенищева-Кутузова, возвращаясь такимъ образомъ въ родную стихію поэзіи. Сохраняя неизмѣнной свою форму, свои образы, художественное созданіе является въ каждомъ такомъ новомъ перевоплощеніи въ новомъ свѣтѣ.

И вотъ, критика субъективная или, вѣрнѣе, импрессіонистская не только аналогична съ этими художественными произведеніями—она принадлежитъ къ ихъ числу. Не случайно первые образцы такой «пластической» критики далъ предтеча школы «парнассцевъ»,

Теофиль Готье. «Она не анализируетъ и не объясняетъ», говоритъ Фагэ—она показываетъ, она пересоздаетъ или даетъ напередъ впечатлѣніе, производимое самимъ художникомъ, и такимъ образомъ достигаетъ цѣли всякой критики: побудить прочитать или перечитать въ извѣстномъ настроеніи. Ту-же цѣль, однако, имѣетъ, несомнѣнно, и увертюра и антракты къ драмѣ — напр. къ «Князю Холмскому».

Она предрасполагаетъ, она настраиваетъ, она, въ извѣстномъ смыслѣ, толкуетъ содержаніе литературнаго произведенія; почему ее не называютъ критикой? Очевидно, потому, что критика предполагаетъ не только опредѣленную цѣль, но и извѣстныя средства.

Характерно, что живая рѣчь, столь чуткая къ истинному смыслу словъ, развѣ только cum grano salis можетъ назвать Рубинштейна «критикомъ» Донъ-Кихота или бетховенской сонаты.

Индивидуальность новаго творца устанавливаетъ извѣстное возрѣніе на художественное произведеніе; иногда эта точка зрѣнія можетъ быть до нѣкоторой степени выражена въ формѣ прозаическаго положенія. Но кто избѣгаетъ путаницы въ понятіяхъ, не скажетъ, что здѣсь есть критика. Г. Мережковскій обѣщалъ въ предисловіи къ своему «Отверженному» написать романъ изъ жизни Леонардо да Винчи; но какъ бы ни былъ удаченъ этотъ будущій романъ, автора его едва-ли отнесутъ къ критикамъ Леонардо да Винчи.

Не схоластическое различіе словъ занимаетъ насъ здѣсь. Субъективная критика можетъ дать не больше художественнаго произведенія, то есть и очень много, и очень мало; между тѣмъ претензіи ея велики и форма — форма прозаическаго изслѣдованія — вводитъ иногда въ заблужденіе довѣрчиваго читателя: онъ склоненъ приписать ей объективный характеръ, котораго она не имѣетъ. По теоріи г. Мережковскаго, его «Пушкинъ» *по методу* созданія ничѣмъ не отличается отъ его «Юліана Огступника»: оба сотворены по образу и подобію автора. Но въ критическомъ этюдѣ о Пушкинѣ должны быть и есть доказательства, а въ романѣ объ Отверженномъ ихъ нѣтъ и не должно быть. Если-бы г. Мережковзкій былъ вѣренъ своей теоріи, онъ могъ-бы считаться критикомъ Пушкина лишь въ томъ-же смыслѣ, въ какомъ были его критиками Рѣпинъ. Чайковскій, Опекушинъ. Тогда доказывать ему, что Пушкинъ не такой,—все равно, что спорить съ Rimbaud (авторомъ знаменитаго сонета «*A* noir, *E* bleu, *I* rouge») о томъ, что *A* не черно, а бѣло.

Къ счастію, это не такъ. Будутъ мѣняться взгляды на Пушкина, но нѣкоторыя черты, отмѣченныя въ немъ г. Мережковскимъ, претворенныя и усложненныя новымъ пониманіемъ, войдутъ, вѣроятно, въ ту будущую широкую и всестороннюю характеристику поэта, которой мы, вѣрно, еще не скоро дождемся. Одно можно предвидѣть въ этой книгѣ: историческій и психологи-

ческій смыслъ творчества великаго поэта будетъ въ ней постигнуты не диллетантскимъ наитіемъ, не «сочувственнымъ волненіемъ» и переживаніемъ его предполагаемыхъ творческихъ настроеній; результаты субъективныхъ толкованій войдутъ въ нее лишь постольку, поскольку окажутся способными перейти въ форму объективныхъ положеній.

IV.

Ошибочные взгляды автора «Вѣчныхъ спутниковъ» на значеніе субъективной критики происходятъ отъ того, что онъ совершенно превратно понимаетъ задачи критики объективной. Небольшая параллель, которую онъ проводитъ въ своемъ предисловіи между двумя видами критики, даетъ картину такого теоретическаго сумбура, какого мы—говоримъ это безъ малѣйшей ироніи—не ожидали отъ чуткой мысли г. Мережковскаго. «Кромѣ научной критики, — говоритъ онъ,—у которой есть предѣлы, такъ какъ всякій предметъ изслѣдованія можетъ быть исчерпанъ до конца, — кромѣ объективной художественной критики, которая также ограничена, ибо разъ навсегда можетъ дать писателю вѣрную оцѣнку и болѣе не нуждаться въ повтореніяхъ,—есть критика *субъективная*, психологическая, неисчерпаемая, безпредѣльная» и т. д. Эта тирада — цѣлое ожерелье недоразумѣній, противорѣчій, ошибокъ. Откуда взялъ авторъ, что «всякій предметъ изслѣдованія можетъ быть исчерпанъ»— да еще «до конца» исчерпанъ? Пусть онъ назоветъ хоть одинъ *исчерпанный* предметъ изслѣдованія. Или онъ не знаетъ, что категоріи, служащія исходной точкой изслѣдованія, вѣчно дробятся, множатся и перетасовываются, что поэтому всякій «предметъ изслѣдованія» вѣчно обновляется и измѣняется? Исчерпать предметъ изслѣдованія все равно, что исчерпать океанъ: если-бы это и было возможно, это значило-бы только перенести океанъ на новое мѣсто «Объективная художественная критика ограничена, ибо разъ навсегда можетъ дать писателю вѣрную оцѣнку и болѣе не нуждаться въ повтореніяхъ». Но почему авторъ думаетъ, что задача объективной художественной критики ограничивается оцѣнкой писателя? Неужто онъ смѣшиваетъ объективную критику съ догматической, и направленіе Буало и Дезире Низара воплощаетъ для него всю объективную критику? Куда цѣнутся Сентъ-Бевъ и Брандесъ? Были они субъективны или тоже занимались тѣмъ, что ставили писателямъ баллы? Ограничить объективную художественную критику «вѣрной оцѣнкой» писателя не собирался даже такой стражъ критическаго доктринерства, какъ Брюнетьеръ. Затѣмъ, почему субъективная критика характеризуется, какъ психологическая? Развѣ психологическая критика должна быть субъективна? Куда г. Мережковскій помѣститъ Тэна? Считаетъ онъ его критику субъективной или не психологической? Наконецъ, о «неисчерпаемости и безпре-

дѣльности», какъ о чемъ-то составляющемъ исключительный удѣлъ критики субъективной, говорить тоже нельзя. «Каждый вѣкъ, каждое поколѣніе требуетъ объясненія великихъ писателей прошлаго въ *своемъ* свѣтѣ, въ *своемъ* духѣ, подъ своимъ угломъ зрѣнія». Совершенно вѣрно, но что же изъ этого слѣдуетъ? Каждый вѣкъ требуетъ объясненія всего міра настоящаго и прошлаго въ своемъ духѣ, но удовлетворяетъ этимъ запросамъ не только субъективная критика, но и объективная наука. Въ сущности, г. Мережковскій самъ это знаетъ; вотъ почему, заплетаясь по обыкновенію въ терминахъ, онъ говоритъ: «какъ бы ни были усовершенствованы способы изслѣдованія (произведеній искусства) — анализъ, критика, вкусъ (хороши эти три «способа изслѣдованія»)—всей глубины звѣзднаго неба исчерпать невозможно».

Итакъ, не осталось ни одной черты, характеризующей въ объясненіяхъ г. Мережковскаго оба вида критики. Субъективную критику онъ опредѣляетъ въ чертахъ, принадлежащихъ не ей одной, не указавъ никакой diferentia specifica. Задача объективной художественной критики представляется ему въ совершенно ложномъ видѣ.

Несмотря на крайности исключительнаго нидивидуальнаго случая, Вѣра Пріимкова можетъ считаться типичнымъ читателемъ,—однимъ изъ тѣхъ, кому для знакомства съ «великими незнакомцами» нужны посредники. Въ чемъ, собственно, коренится ея ошибка и ошибка чудака англичанина?

Разумѣется, не въ ихъ субъективности. Пониманіе художественнаго произведенія свободно. Ein jeder sieht was er im Herzen trägt. Но примѣненіе художественнаго образа не должно противорѣчить его содержанію, не должно противорѣчить намѣреніямъ творца, поскольку эти намѣренія выражены въ самомъ произведеніи.

Нельзя понять «Фауста», не обращая вниманія на самого Фауста. Самою сущностью каждаго художественнаго произведенія опредѣляется нѣкоторая постоянная точка зрѣнія на него. Когда художникъ пишетъ картину, онъ по временамъ отходитъ на нѣсколько шаговъ отъ нея и смотритъ на нее съ того мѣста, на которомъ будетъ стоять зритель; и зритель, желающій понять картину, долженъ найти это мѣсто и стать на него. Толкованій художника насчетъ «внутренняго смысла» его картины можно не принять, но его точка зрѣнія обязательна, ибо лишь съ этой точки картина имѣетъ настоящій видъ.

„Gedichte sind gemalte Fensterscheiben,

говоритъ Гете—

„Sicht man vom Markt in die Kirche hinein,
„Da ist alles dunkel und düster;
„Und so sieht's auch der Herr Philister".

Филистеръ не можетъ понять храма. Онъ не знаетъ, что цвѣтныя окна въ готическомъ соборѣ вовсе не для того, чтобы загля-

дывать въ храмъ съ рынка. И—продолжая сравненіе Гете—поэтическія произведенія не для тѣхъ, кто ихъ не умѣетъ читать. Объективная критика именно учитъ читать; она не говоритъ, что надо видѣть въ картинѣ; она показываетъ, откуда и на что именно въ ней надо смотрѣть. Для пониманія и примѣненія образа остается еще безграничное поле, и дневникъ образованнаго и чуткаго читателя, который умѣетъ обогатить поэтическое созданіе новымъ и своеобразнымъ пониманіемъ, можетъ быть очень интересенъ. Но дневникъ этотъ въ раскрытіи «внутренняго смысла» никогда не замѣнитъ истинной художественной критики — не той, которая у г. Мережковскаго занимается ненужнымъ дѣломъ разцѣнки писателей. Не въ этомъ дѣло критика, а въ уясненіи тѣхъ сторонъ произведенія, отъ которыхъ должно отправляться всякое субъективное его истолкованіе. Выражаясь словами Потебни, замѣтившаго, что «поэтическое произведеніе есть постоянное сказуемое къ перемѣнчивымъ подлежащимъ», мы скажемъ, что задача критики не въ томъ, чтобы варьировать эти подлежащія —это дѣлаетъ всякій читатель,—но въ томъ, чтобы опредѣлить истинное содержаніе этого неизмѣннаго сказуемаго. Вопросъ о томъ, какія явленія изъ пережитаго критикъ объединяетъ въ образѣ, данномъ намъ поэтомъ,—вопросъ второй и по значенію, и по возможности дать на него содержательный отвѣтъ. Главный вопросъ—почему явилось это произведеніе, для чего оно понадобилось поэту.

Для отвѣта на этотъ вопросъ надо стараться опредѣлить отношенія между авторомъ и его произведеніемъ: показать, чѣмъ была книга для писателя; откуда произошелъ образъ; какіе его элементы поэтъ нашелъ въ традиціи—въ языкѣ, въ готовыхъ сюжетахъ, въ господствующихъ формахъ духовной жизни—и что создалъ самъ? Лишь предварительный точный отвѣтъ даетъ намъ право объяснять произведеніе и его автора по своему. Припомнимъ для примѣра, что иногда «извѣстный вопросъ» тревожащій писателя, уясняется для него самого не однимъ актомъ сознанія, не однимъ произведеніемъ, а послѣдовательнымъ рядомъ произведеній, рядомъ, который, нерѣдко, какъ мы знаемъ относительно Пушкина и другихъ, располагается въ прогрессивномъ порядкѣ, т. е. что рядъ отвѣтовъ на извѣстный x становится все опредѣленнѣе и яснѣе по направленію къ концу». Только изъ сопоставленія такихъ произведеній, изъ біографическихъ данныхъ выясняется ихъ дѣйствительное содержаніе. Дѣло чисто-литературной критики—если она не занимается заманчивыми посторонними вопросами—не въ томъ, чтобы показать за книгой писателя, но въ томъ, чтобы книгу объяснить писателемъ, чтобы пропитать художественное произведеніе его создателемъ, и тѣмъ углубить и усложнить его содержаніе, усилить его иносказательность. Для лирическаго стихотворенія это безусловно необходимо; его цѣнность удесятеряется, когда оно рядомъ сопоставленій сдѣлано моментомъ въ исторіи души поэта, когда

оно поставлено въ неразрывную связь съ другими его произведеніями. Возьмите «Три пальмы» Лермонтова; попробуйте узнать, какъ разные читатели формулируютъ ихъ идею. Одинъ скажетъ: «кто недоволенъ своимъ спокойнымъ существованіемъ, тотъ поплатится за это»; другой прибавитъ: «да еще потеряетъ возможность приноситъ людямъ пользу» («и нынѣ все дико и пусто кругомъ»); третій скажетъ: «люди не думаютъ о другихъ людяхъ; они уничтожили оазисъ безъ особенной нужды»; четвертый говоритъ: «человѣкъ не понимаетъ природы — пальмы не поняты человѣкомъ и изрублены имъ на костеръ» (Андреевскій): И такъ далѣе безъ конца, безъ доказательствъ и безъ ошибокъ: таковы прерогативы импрессіонизма въ критикѣ. Но тотъ, кто припомнитъ рядъ другихъ стихотвореній Лермонтова и подмѣтитъ въ нихъ аналогичные мотивы, кто углубится въ эту вѣчно мятежную и полную неутолимыхъ порываній душу, кто наполнитъ стихотвореніе личностью поэта, для того» внутренній смыселъ» стихотворенія не исчерпается логическими схемами, а буржуазная мораль «всякій сверчокъ знай свой шестокъ» покажется такой неумѣстной въ примѣненіи къ этому безнадежному исканію полноты жизни.

Вотъ почему для чисто литературной критики всѣ эти портреты, силуэты и характеристики писателя должны быть не самодовлѣющей цѣлью, а средствомъ: средствомъ понять его произведенія, опредѣлить ихъ значеніе, ихъ мѣсто въ исторіи мысли, — разумѣется, не только въ моментъ ихъ созданія: художественное произведеніе создается всегда, пока имъ пользуются.

Но въ томъ-то и дѣло, что критиковъ новѣйшаго теченія интересуетъ не художественное произведеніе, а личность, какъ таковая. Gerade das Persönliche reizt sie—говоритъ Баръ, одинъ изъ нѣмецкихъ застрѣльщиковъ импрессіонистской критики—die besondere Vision der Welt, die einem Künstler gehört, seine besondere Art zu sehen, zu hören, zu fühlen. И авторъ «Вѣчныхъ спутниковъ» тоже желаетъ показать душу писателя, «своеобразную, единственную, никогда болѣе не повторявшуюся форму бытія».

Самое характерное въ этихъ теоріяхъ критики — настойчивое желаніе муссировать значеніе индивидуальности писателя и его критика. Въ то время, какъ историческое изслѣдованіе все настойчивѣе выдвигаетъ мысль объ участіи менѣе замѣтныхъ тружениковъ въ работѣ духа, о безсознательно коллективномъ характерѣ творчества, въ критикѣ эта мысль стушевана. Писатель, вся сила котораго въ томъ, что онъ съумѣлъ кристаллизовать безформенные творческіе элементы, неясно бродившіе въ массѣ, представляется творцомъ изъ ничего. Трудно не согласиться съ неизмѣннымъ бойцомъ противъ критическаго импрессіонизма, который по этому поводу бросаетъ ядовитый афоризмъ: «Nous nous croyons trop originaux». Да, мы слишкомъ высокаго мнѣнія о нашей оригинальности; вотъ почему мы замѣняемъ сужденія впечатлѣніями, «кри-

тику» дневникомъ читателя и изслѣдованія историческаго положенія писателя огульными указаніями на то, что онъ *unicum*. О перспективѣ нѣтъ и рѣчи; съ одной стороны величаемый герой, точно суздальскій генералъ, парадируетъ среди ничтожествъ; съ другой—ничто не спасетъ его отъ ярлычка «великаго»: великій Пушкинъ—и великій Майковъ, великій Сервантесъ и великій Плиній... Поэтъ, конечно, явленіе не заурядное, но для тѣхъ, кто относится къ нему со вниманіемъ, важно именно опредѣленіе его *дѣйствительной* оригинальности, его netto, а не утрированное расписываніе тѣхъ его, быть можетъ, второстепенныхъ, случайныхъ, даже выдуманныхъ чертъ, которыя почему-либо понадобилось выдвинуть критику-импрессіонисту, чтобы характеризовать этимъ себя.

V.

Отъ критики теоріи слѣдовало бы перейти къ критикѣ ея приложеній. На опытѣ приложенія теоріи импрессіонистской критики можно было-бы видѣть, какъ неустойчивы ея основы и какъ неосновательны ея претензіи; на образцахъ ея можно было-бы показать, что если въ ней есть что либо субъективное, то это только—ея теорія. Поэтому мы были-бы рады встрѣтить въ книгѣ г. Мережковскаго образцы критики въ духѣ тѣхъ теоретическихъ положеній, которыя намѣчены имъ въ предисловіи: мы имѣли-бы случай провѣрить теорію на ея приложеніяхъ, авторъ имѣлъ-бы возможность загладить логическія нехватки своей теоріи стройностью и блескомъ ея фантастическихъ порожденій.

Но, увы, обѣщаній, данныхъ въ предисловіи, г. Мережковскій не сдержалъ; можно только удивляться, какъ онъ писалъ это предисловіе, уже зная содержаніе своихъ критическихъ очерковъ. Статьи, какъ статьи—однѣ интересны, другія безцвѣтны; есть удачныя, есть неудачныя; но субъективнаго въ нихъ столько-же, сколько во всякой обыкновенной критикѣ, которая не приходитъ съ новымъ словомъ и не дѣлаетъ гордыхъ признаній въ своей откровенности.

Наоборотъ, статьи — точно въ видѣ какой то ироніи — усѣяны доказательствами того, что авторъ старался быть объективнымъ. Онъ склоненъ объяснять писателя его обстановкой. Нравственное содержаніе драмъ Кальдерона опредѣляется для него вполнѣ тѣмъ, что великій испанскій драматургъ былъ монахомъ и воиномъ, а въ статьѣ объ Ибсенѣ онъ напоминаетъ, что «несмотря на нашу любовь или ненависть Ибсенъ переживетъ насъ и нашъ мгновенный судъ». Поэтому «будемъ *осторожнѣе* судить о немъ». Осторожнѣе здѣсь значитъ объективнѣе — ни больше, ни меньше. И г. Мережковскій остороженъ. Въ его статьяхъ нерѣдки образцы самой непріятной объективности—банальности.

Въ нихъ много общихъ мѣстъ, разсказанныхъ «своими сло-

вами», и банальностей гораздо больше, чѣмъ открытій. Субъективный элементъ въ нихъ, дѣйствительно, есть, но не въ методѣ изслѣдованія, а въ многочисленныхъ мелкихъ утвержденіяхъ, которыя, выражаясь мягко, можно назвать «по меньшей мѣрѣ, субъективными». Это даже не парадоксы, ложность которыхъ проявлялась-бы въ искусственной аргументаціи, это какой-то вихрь неожиданныхъ и ничѣмъ не доказанныхъ афоризмовъ, догматическая форма которыхъ не можетъ скрыть ихъ легковѣсности.

Этими мелочами исчерпывается субъективность г. Мережковскаго; большаго въ этомъ направленіи онъ не ищетъ—и хорошо дѣлаетъ. Не потому, чтобы «субъективная критика» въ ея чистомъ видѣ была неумѣстна—мы показали, что не думаемъ этого,—но потому, что мало хотѣть—надо умѣть и имѣть право быть субъективнымъ; надо чувствовать въ себѣ силу заинтересовать собою.

Субъективное истолкованіе произведенія искусства получаетъ смыслъ и оправданіе лишь въ извѣстныхъ свойствахъ личности. Какъ романистъ—по выраженію Гете — получаетъ разрѣшеніе обработать міръ на свой образецъ (nach seiner Weise), такъ и критикъ преображаетъ художественное произведеніе на свой ладъ. Es fragt sich also nur, ob er eine Weise habe. Вопросъ лишь въ томъ, есть-ли у него этотъ *свой ладъ*. Если мы не получаемъ объективнаго анализа писателя, то мы хотѣли-бы хоть видѣть, какъ преломляется смыслъ его произведеній въ темпераментѣ индивидуальномъ и характерномъ.

Поэтому повторяемъ, г. Мережковскій, вѣрно не чувствуя въ себѣ этой оригинальности, хорошо поступаетъ, не слѣдуя своей теоріи. Только этимъ путемъ онъ можетъ побѣдить читателя, потому что критическое дарованіе его безспорно. Ему вредитъ его безпокойная натура, его неустойчивость, его вѣчная погоня за чѣмъ то новымъ. У него есть «выдумка»; онъ не открываетъ—онъ угадываетъ какую нибудь значительную черту въ творчествѣ писателя; но прежде всего, онъ не ставитъ ее достаточно опредѣленно: она не вполнѣ ясна ему самому. Поэтому онъ не умѣетъ провести ее до конца, развить ее, обосновать свою гипотезу. Тогда, какъ человѣкъ по преимуществу книжный, онъ бросается въ формальныя различенія и безсознательную—потому что онъ честенъ—игру словами.

Слово владѣетъ имъ; форма увлекаетъ его и вліяетъ на его мысль. Выраженія его утрированы и онъ, поклонникъ Пушкина, не можетъ уберечься отъ плеоназмовъ; у него слабо развито чувство мѣры, и нѣтъ чутья нюанса. Его сравненіе сбивается на антитезу, его эпитетъ—всегда гипербола.

Въ творчествѣ Гончарова онъ находитъ, напримѣръ, элементы спокойствія, *трезвости*. Черта подмѣчена умѣло; но тотчасъ-же начинается wilde Jagd, гдѣ авторъ не охотникъ, а жертва. Во первыхъ трезвость эта сейчасъ-же получаетъ эпитетъ *изумительной*; во вторыхъ, если Гончаровъ трезвъ, то, значитъ, другіе пьяны. Да, они

пьяны: «Тургеневъ опьяненъ красотой, Достоевскій страданіями людей, Левъ Толстой жаждой истины». Опьяненнымъ во всей этой дѣланной параллели является только г. Мережковскій—онъ, дѣйствительно, опьяненъ фразой. Это въ связи съ его коренным недостаткомъ: онъ не владѣетъ матеріаломъ; онъ почти всегда дѣлаетъ не то, что хочетъ; его удѣлъ—разладъ съ собой. Теоретикъ и провозвѣстникъ субъективной критики, онъ далъ рядъ обыкновенныхъ критическихъ очерковъ, гдѣ субъективный элементъ занимаетъ незамѣтное мѣсто. Поклонникъ простоты, предпочитающій спокойную грацію «легкаго, классически прозрачнаго стиля» Ренана «слишкомъ красивому» языку Тэна, «уснащенному романтическими контрастами и образами», онъ самъ пишетъ такимъ красочнымъ языкомъ, предъ которымъ пестрота Тэна не покажется слишкомъ яркой. Ненавистникъ утилитарной критики, онъ написалъ книгу, въ каждой строкѣ которой сквозитъ нравственно-религіозный прозелитизмъ. Характерно, что даже въ этихъ коренныхъ вопросахъ, столь владѣющихъ имъ теперь, г. Мережковскій не выказалъ должной самостоятельности. Противополагая «религію жалости и цѣломудрія» «вѣчному стремленію человѣческой личности къ безпредѣльному развитію, обожествленію своего *я*», онъ часто говоритъ о сліяніи, гармоніи этихъ двухъ непримиренныхъ началъ. Такое гармоническое сочетаніе онъ видитъ, напримѣръ, въ поэзіи Пушкина. Но нигдѣ у него нѣтъ даже попытки уяснить, что такое это сліяніе; два противоположныхъ начала такъ и остаются раздѣльными. Ихъ параллельное объясненіе совершенно не затрагиваетъ сущности новаго, грядущаго начала. Механическое сопоставленіе на мѣсто творческаго синтеза—явный признакъ внѣшняго, эклектическаго усвоенія двухъ противоположныхъ міровоззрѣній. И такъ во всемъ.

«Какъ долго и ожесточенно спорили критики о чистомъ и тенденціозномъ искусствѣ, какимъ ничтожнымъ кажется схоластическій споръ при первомъ вѣяніи живой любви, живой прелести!» (статья о Майковѣ).

Вотъ, подумаетъ кто нибудь, слова человѣка, который, дѣйствительно, сталъ выше спорящихъ сторонъ. Дѣло, конечно, не такъ просто—иначе оно было-бы давно рѣшено: вѣдь среди критиковъ—ну, хоть, стоявшихъ на сторонѣ чистаго искусства — были люди, доступные вѣянію живой любви и живой прелести; однако, они принимали горячее участіе въ спорѣ. Вѣрно, г. Мережковскій нашелъ примиряющее рѣшеніе и объединилъ имъ спорящія стороны. Ни чуть не бывало. Еще въ прошломъ году г. Мережковскій самъ принималъ участіе въ этомъ схоластическомъ спорѣ и горячо и красиво возражалъ теоріи «парнассцевъ». Вспоминая лермонтовскій «Кинжалъ», онъ говорилъ противъ употребленія, которое дали этому кинжалу наши представители искусства для искусства, которые, «не позаботившись наточить его, покрыли хитрыми узорами и надписями,

украсили, какъ ювелиры... и потомъ, считая задачу оконченной, повѣсили кинжалъ опять на прежнее мѣсто, чтобы онъ блисталъ не игрушкой, а удивительнымъ произведеніемъ искусства, безвредный, но не безславный». Самъ-же авторъ «предпочелъ бы, даже съ чисто художественной точки зрѣнія, влажныя, разорванныя ризы Аріона самымъ торжественнымъ ризамъ жрецовъ чистаго искусства. Да наконецъ, и великіе люди древности, на которыхъ любятъ ссылаться наши парнассцы, развѣ были они чужды живой современности, народныхъ страданій и «злобы дня», если только понимать ее болѣе широко. Я увѣренъ, что Эсхилъ и Софоклъ, участники великой борьбы Европы съ Азіей, предпочли-бы не только какъ воины, но и какъ истинные поэты, мечъ, омоченный во вражеской крови, праздному мечу въ золотыхъ ножнахъ съ драгоцѣнными каменьями».

Это было напечатано весной прошлаго года въ томъ-же этюдѣ о Майковѣ въ «Философскихъ теченіяхъ русской поэзіи». Въ «Вѣчныхъ спутникахъ» —черезъ полгода — эта удачная и умѣренная защита идейнаго искусства вытравлена самоубійственной рукой уже перемѣнившагося автора; остались безъ противовѣса однѣ горочія тирады противъ художника, который «во имя какихъ бы то ни было идеаловъ, чуждыхъ искусству — философскихъ, нравственныхъ или религіозныхъ, отрекается отъ безкорыстнаго и свободнаго созерцанія» и тѣмъ «творитъ мерзость во святомъ мѣстѣ».

Удивительной насмѣшкой надъ собой звучатъ эти слова въ устахъ г. Мережковскаго. Неужто автору «Отверженнаго» можетъ казаться, что его Юліанъ созданъ «свободнымъ созерцаніемъ», а не подъ сильнѣйшимъ вліяніемъ нѣкотораго нравственнаго, философскаго и религіознаго идеала?

Намъ пришлось спорить съ г. Мережковскимъ и настаивать на слабыхъ сторонахъ его книги; это можетъ произвести невѣрное впечатлѣніе, будто этими указаніями исчерпывается нашъ взглядъ на «Вѣчныхъ спутниковъ». Это не такъ. Обширная литературная начитанность автора дала ему возможность набросать въ его книгѣ нѣсколько портретовъ выдающихся писателей, дѣйствительно, очень мало знакомыхъ нашей читающей публикѣ, а его неподдѣльная любовь къ нимъ производитъ пріятное, подкупающее впечатлѣніе. Онъ съумѣлъ удачно освѣтить и поставить эти портреты, заинтересовать тѣми, кто на нихъ изображенъ, и вызвать желаніе познакомиться съ ними. Въ этомъ отношеніи могутъ быть полезны даже его яркія преувеличенія. Онъ болѣе популяризаторъ, чѣмъ изслѣдователь, но онъ умѣетъ говорить извѣстныя вещи, хотя недостаточно просто, но зато красиво и потому интересно; къ тому-же его увлеченіе оживляетъ читателя.

Значительно выше всѣхъ остальныхъ очерковъ въ «Вѣчныхъ

спутникахъ»—этюдъ о Пушкинѣ. Здѣсь г. Мережковскій поднялся надъ среднимъ уровнемъ своихъ прежнихъ критическимъ произведеній, открывъ читателямъ неожиданныя стороны своего дарованія, какъ когда то въ «Вѣрѣ» и потомъ въ «Отверженномъ». Этотъ этюдъ о Пушкинѣ не обнимаетъ, конечно, всего міровоззрѣнія и всей натуры Пушкина, котораго нельзя исчерпать въ одной идеѣ; но эта идея намѣчена и проведена, если не всегда доказательно, то убѣдительно, сосредоточенно и блестяще. Этюдъ написанъ очень умѣло и, въ противоположность другимъ очеркамъ г. Мережковскаго, не разсыпается въ мелочахъ; онъ строенъ, какъ апріорное построеніе, смѣлъ и увлекателенъ. Читатель чувствуетъ себя точно надъ бездной, черезъ которую съ самонадѣянной твердостью лунатика ведетъ его авторъ по хрупкимъ мосткамъ, переброшеннымъ съ одного камня на другой. Иногда ихъ даже совсѣмъ нѣтъ, этихъ мостковъ; это авторъ «внушилъ» вамъ ихъ призрачное существованіе. Надо отложить его книгу въ сторону, забыть ее, одуматься и, удивившись своей покорности, сказать себѣ: нѣтъ, это не такъ, не во всемъ такъ...

Лишь въ одномъ отношеніи г. Мережковскій — какъ мы уже указывали — имѣетъ право быть недовольнымъ своимъ этюдомъ о Пушкинѣ: его теорію субъективной критики онъ не поддерживаетъ, а разрушаетъ.

VI.

Книга г. Овсянико-Куликовскаго не представляется намъ совершеннымъ образцомъ литературной критики. Она, напримѣръ, чтобы назвать одну изъ ея слабыхъ сторонъ написана не то, что тяжело, а какъ-то тускло, безъ внѣшняго интереса, и средній читатель, которому она могла-бы служить отличнымъ объясненіемъ нѣкоторыхъ образовъ Тургенева, едва-ли осилитъ ее. Но основныя достоинства ея такъ значительны, что говорить о слабыхъ сторонахъ ея выполненія нѣтъ цѣли; какъ не было цѣли настаивать на достоинствахъ «Вѣчныхъ спутниковъ». И въ той, и въ другой книгѣ насъ занимаетъ не матеріалъ для чтенія, а методъ и пріемы критическаго изученія. Съ этой точки зрѣнія тамъ характерны и важны для изслѣдованія были именно недостатки, здѣсь—достоинства. Да и не только съ этой точки зрѣнія. Методъ — первый критерій въ оцѣнкѣ работы; сознательное отношеніе изслѣдователя къ своей задачѣ удвоиваетъ цѣну положительныхъ сторонъ его труда и доказываетъ случайность и устранимость недостатковъ. Наоборотъ, развѣ лишь съ точки зрѣнія курьеза можетъ быть интересно указаніе на положительные результаты, добытые лишь потому, что изслѣдователь и не думалъ придерживаться тѣхъ безплодныхъ методологическихъ пріемовъ, которые рекомендуетъ и считаетъ своими.

Уже съ предисловія въ книгѣ г. Куликовскаго виденъ человѣкъ, воспитанный въ извѣстной умственной дисциплинѣ. Онъ не мечется, и изъ подъ его скромности не сквозитъ гордость—какъ изъ лохмотьевъ Діогена. Онъ не думаетъ, что послѣ его книги великій любимый писатель перестанетъ быть «великимъ незнакомцемъ»; онъ не собирается говорить о себѣ и намѣчаетъ свою задачу въ слѣдующихъ чертахъ: «оттѣнить тѣ стороны творческаго дарованія Тургенева, которыя онъ считаетъ основными, и разобрать тѣ образы, имъ созданные, въ которыхъ его творческій геній выразился съ наибольшей силой и яркостью». Г. Куликовскій разсчитываетъ сдѣлать лишь посильный вкладъ въ литературу, посвященную критикѣ, изученію и истолкованію произведеній Тургенева.

Мы отмѣтимъ въ книгѣ г. Овсянико-Куликовскаго нѣкоторыя стороны, которыя кажутся любопытными съ точки зрѣнія требованій, предъявляемыхъ нами къ литературной критикѣ; мы остановимся на положеніи историческихъ и психологическихъ элементовъ въ его критическомъ изслѣдованіи и укажемъ нѣкоторые его пріемы.

Занимая среднее положеніе между искусствомъ и наукой, критика, послѣдней своей стороной, не входя въ область наукъ историческихъ, примыкаетъ къ нимъ. Это естественный результатъ современнаго научнаго движенія. Тѣ неподвижныя метафизическія величины, съ точки зрѣнія которыхъ обсуждалось и оцѣнивалось когда-то художественное произведеніе, сведены къ психологическимъ—индивидуальнымъ и групповымъ — *процессамъ*. Историко-сравнительныя опредѣленія становятся на мѣсто апріорныхъ понятій, наполняя старыя эстетическія формулы новымъ жизнеспособнымъ содержаніемъ. «Красота» не находитъ себѣ исчерпывающаго опредѣленія ни въ «гармоніи между идеей и формой», ни «вступленіемъ явленія въ законъ», ни «единствомъ въ разнообразіи», ни «цѣлесообразностью безъ цѣли»; изученіе художественнаго произведенія стало изученіемъ процесса творчества и изъ формальной эстетики перешло въ психологію; идея историчности душевной жизни вытѣснила мысль о неподвижныхъ, извнѣ данныхъ категоріяхъ. Въ связи съ этимъ литературная критика должна была стать исторической, и не перестаетъ быть таковою. Узкая формула, выставленная Тэномъ, расширяется до неузнаваемости; элементы наслѣдственности, среды, эпохи, какъ оказывается, не опредѣляютъ всего богатства духовнаго творчества; но духъ историческаго—въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова — пониманія проникаетъ критику, статическая точка зрѣнія смѣняется въ ней динамической. Понять писателя въ его развитіи, произведеніе—въ процессѣ его созданія, литературу — въ послѣдовательной смѣнѣ ея формъ: такова грядущая форма критическаго анализа.

Мало сказать, что книга г. Куликовскаго проникнута этой идеей развитія; тѣ нѣсколько страницъ, которыя онъ посвящаетъ характеристикѣ ея роли въ современномъ мышленіи, показываютъ, какъ

широко и сознательно онъ къ ней относится; искреннее увлеченіе охватываетъ его, когда онъ живыми красками рисуетъ благотворное ея значеніе. «Мыслитель, умъ котораго внутренно предрасположенъ къ эволюціонизму и трансформизму, который глубоко чувствуетъ величіе и плодотворность этой идеи, провидитъ ея великое будущее, никогда не скажетъ, что ничто не ново подъ луною. Напротивъ, для него—все ново, ничто не повторяется. Вмѣстѣ съ Потебнею, онъ не только скажетъ, но всѣми фибрами своего ума будетъ чувствовать, что «интересъ исторіи именно въ томъ, что она не есть лишь безконечная тавтологія». (Этюды о твор. Тургенева, стр. 31). «Живой духъ» современной науки г. Куликовскій приводитъ въ связь съ ея эволюціонной точкой зрѣнія. Мысль, усматривающая субстанціи въ явленіяхъ, сущность которыхъ образуютъ процессы, представляется ему моментомъ отжившимъ. Мыслить явленія въ ихъ вѣчно переходномъ состояніи и всякое изслѣдованіе начинать съ вопроса о происхожденіи—таковы требованія того склада ума, который, кажется, можно назвать умомъ будущаго.

Какую форму примутъ для такого ума вопросы художественной критики, легко сказать заранѣе. На первомъ планѣ станетъ для него вопросъ о происхожденіи образа. Индивидуальность писателя будетъ для него не самодовлѣющимъ «profil littéraire», но средствомъ найти правильную точку зрѣнія на его произведенія.

Мы указывали уже, что въ наше время писателемъ занимаются больше, чѣмъ его произведеніями; обособленные esseys, портреты и характеристики, не имѣющіе никакой иной цѣли, кромѣ художественнаго возсозданія отдѣльной—выдающейся или раздутой—личности, занимаютъ законное мѣсто эмбріологіи образовъ, изучаютъ людей, но забываютъ творцовъ, и любовными похожденіями Жоржъ Зандъ интересуются an und für sich и гораздо больше. чѣмъ психологіей ея творчества.

Въ лучшемъ случаѣ обращаются къ характеристикѣ міросозерцанія поэта, къ его «религіи», его воззрѣніямъ на вѣчные вопросы, бытія, какъ къ «опредѣляющему моменту индивидуальности». Забываютъ, что въ этомъ смыслѣ поэтъ можетъ быть и не интереснѣе всякаго другого крупнаго человѣка, и, подъ видомъ глубокаго интереса къ литературѣ, оставляютъ въ сторонѣ запросы чисто литературные. «Jeder Mensch ist ein einmaliges Wunder», и если мы въ поэтѣ станемъ искать только этой «неповторяющейся формы бытія», то наши изысканія могутъ отклониться довольно далеко отъ настоящей литературной критики. Вотъ почему глубоко правъ г. Куликовскій, указывая на то, что «обыкновенно при анализѣ и оцѣнкѣ произведеній художественнаго творчества слишкомъ мало удѣляютъ мѣста изученію самаго ума, создавшаго данное произведеніе, опредѣленію его свойствъ, его характерныхъ чертъ», тогда какъ здѣсь «на первомъ планѣ долженъ быть поставленъ вопросъ о томъ, какъ апперцепируетъ дан-

ный умъ, къ какому типу или укладу мысли относятся его умственныя операціи».

Сообразно съ этимъ требованіемъ авторъ кладетъ въ основаніе своихъ очерковъ психологическое опредѣленіе творческой личности Тургенева. Въ противоположность Толстому, это былъ художникъ объективный. Самонаблюденіе въ исходныхъ пунктахъ и во всемъ направленіи его творческой дѣятельности имѣло второстепенное значеніе. Субъективныхъ, списанныхъ съ себя фигуръ онъ почти не далъ. Эта объективность въ творческомъ методѣ находится въ тѣснѣйшей связи съ «внутренней свободой» въ Тургеневѣ. «Человѣкъ, находящійся подъ властью какой-нибудь idée fixe, фанатикъ, доктринеръ, сектантъ, утопистъ—всѣ они слишкомъ заняты своими мыслями, чувствами, стремленіями, слишкомъ переполнены собою, чтобы интересоваться «живою правдою человѣческой физіономіи», и общеніе съ людьми иныхъ мыслей, чувствъ, стремленій производитъ въ ихъ душѣ эффектъ не гармоніи, а диссонанса. Наоборотъ люди внутренно свободные, не порабощенные излюбленной идеей или мечтою, ищутъ дополненія, рады встрѣтить контрасты,—ихъ душа открыта для объективнаго отношенія къ вещамъ или людямъ. Таковъ именно и былъ Тургеневъ, какъ въ жизни, такъ и въ творчествѣ».

Ниже мы увидимъ, какъ мало склоненъ авторъ выводить изъ этого стремленія мыслителя къ внутренней свободѣ какое либо одобреніе общественнаго безразличія. Здѣсь онъ выдѣляетъ значеніе этой черты въ духовной жизни Тургенева лишь для уясненія того процесса, которымъ былъ созданъ одинъ изъ наиболѣе спорныхъ образовъ Тургенева—Базаровъ.

Вопросы происхожденія Турченевскихъ типовъ чрезвычайно трудны и сложны. Его «признанія» немногочисленны и неопредѣленны. Его крупная фигура еще слишкомъ близка къ намъ и слишкомъ мало уяснена существующими о немъ работами; поэтому выдѣлить субъективные элементы въ его образахъ можно лишь съ большимъ трудомъ и осторожностью. Наконецъ, онъ не повторялся; его образы могутъ быть раздѣлены анализирующей мыслію на категоріи, но въ нихъ нельзя найти такихъ упорныхъ ударовъ въ одну точку, какъ у Достоевскаго, такихъ «удвоенныхъ» созданій, какъ Неточка и Нелли, Митя Карамазовъ и Рогожинъ, Настасья Филипповна и Грушенька, Видоплясовъ и Смердяковъ. Поэтому такъ недоступны тайны Тургеневскаго творчества, въ которыя пытается проникнуть его новый критикъ.

VII.

Два основныхъ вопроса открываютъ изученіе образа Базарова: во первыхъ, почему, и во вторыхъ, какъ онъ былъ созданъ.

Вотъ настоящее пониманіе задачи критики: для насъ Базаровъ

можетъ быть чѣмъ угодно; очень интересно знать, чѣмъ изъ такого сложнаго образа воспользуется для себя критикъ, и, какъ мы увидимъ ниже, г. Куликовскій не отказывается иногда подѣлиться такимъ субъективнымъ примѣненіемъ образа. Но изслѣдованіе должно прежде всего раскрыть, почему Тургеневъ создалъ Базарова и чѣмъ послѣдній былъ для своего творца. Для отвѣта на этотъ вопросъ привлекаются біографическіе элементы. Кто былъ Тургеневъ и чѣмъ себѣ онъ представлялъ самого себя, когда ему для апперценціи, для объясненія тѣхъ или иныхъ сторонъ исторической жизни понадобился Базаровъ. Отвѣтъ на это мы имѣемъ въ самомъ романѣ, гдѣ есть такой циклъ образовъ съ субъективной окраскою, какъ всѣ три Кирсанова. Ясно, что, создавая Базарова, Тургеневъ «чувствовалъ въ себѣ русскаго дворянина добраго стараго времени, сознавалъ свою, дворянскую, общественную и политическую несостоятельность», сознавалъ и свою, личную, слабость. «Онъ какъ бы собралъ въ себѣ въ эту минуту всю сумму дворянской мягкости, доброты, эстетики, прекраснодушія, оторванности отъ почвы и. т. д., и ощущалъ душевную потребность—увидѣть и полюбить воплощеніе противоположныхъ чертъ». «Онъ жаждалъ образа, въ которомъ даны были бы задатки иного призванія, онъ лелѣялъ и облюбовывалъ черты силы, практическаго, дѣлового ума, черты натуры мощной, «наполовину выросшей изъ почвы», «можетъ быть—недоброй». (Опредѣленія изъ писемъ Тургенева). Художникъ субъективный, чтобы «отдѣлаться» отъ такого тревожнаго исканія, изобразилъ бы себя, и этотъ періодъ его духовной жизни сталъ бы пережитымъ для него самаго; художникъ объективнаго склада создаетъ въ такомъ случаѣ образъ противоположный себѣ, образъ дополнительный. Такой антитезой и былъ Базаровъ для Тургенева. Въ силу такого-же «стремленія создать дополнительную для себя личность и вмѣстѣ съ тѣмъ найти въ ней «настоящаго»,—нужнаго для Россіи человѣка» явился и Соломинъ.

Таковъ импульсъ къ созданію Базарова—вѣрнѣе одинъ изъ импульсовъ.. Можно съ увѣренностью сказать, что дѣло въ дѣйствительности было много сложнѣе. Уже одно то, что одновремено съ Базаровымъ Тургеневъ создалъ цѣлый строй «отцовъ и дѣтей» въ картинѣ широкаго размаха, указываетъ, какой сложный міръ мыслей бродилъ въ немъ въ этотъ періодъ, и наводитъ на предположеніе, что одной «жаждой контраста» не ограничивалась исходная точка въ созданіи Базарова. Дальнѣйшія изслѣдованія выяснятъ эти запутанные вопросы, но путь ихъ намѣченъ этюдами г. Куликовскаго—и въ этомъ ихъ важное значеніе.

Толчокъ данъ; поэту нуженъ Базаровъ; *какъ* вылѣпитъ онъ его? Изъ чего? Въ творцѣ готовы лишь апріорные элементы: ему нуженъ *другой* человѣкъ, не такой, какъ онъ. Но изъ головы писать онъ органически не можетъ, и первоначальной формой, въ которую отливается эта неясная жажда образа съ извѣстными свойствами,

является готовая историческая фигура: «мнѣ мечтался какой-то странный pendant съ Пугачевымъ». Такъ «мечтался», какъ извѣстно, Достоевскому Тихонъ Задонскій при созданіи Зосимы, Чаадаевъ при созданіи Міусова и т. д. Наблюденія текущей жизни и новые замыслы, конечно, стираютъ, впослѣдствіи, опредѣленность исторической личности до неузнаваемости. Въ основаніе фигуры Базарова ложится замѣчательная личность молодого провинціальнаго врача, произведшая на автора очень сильное и *неясное* впечатлѣніе, «поразившая» его. Это словечко Тургенева о неясности впечатлѣнія очень цѣнно: очевидно, Базаровъ служилъ ему не только для дополненія себѣ, но и для другихъ цѣлей, для объясненія и обобщенія другихъ впечатлѣній, очень сильныхъ, но сразу не нашедшихъ въ немъ готовыхъ клѣточекъ для объясненія. Нѣкоторыя черты этой фигуры получаютъ воплощеніе въ изображеніи натуры «сильной, властной, покоряющей, холодной, умной и недоброй». Это — отецъ разсказчика въ «Первой любви», написанной передъ «Отцами и дѣтьми» и послѣ знакомства Тургенева съ «молодымъ провинціальнымъ врачомъ». Это — «какъ бы этюдъ, набросанный въ виду замысла большой картины». Г. Куликовскій дѣлаетъ предположеніе, что Тургеневу могла напрашиваться также мысль создать образъ «русскаго Инсарова».

Таковы нѣкоторые изъ сознательныхъ элементовъ мысли въ созданіи Базарова. Кромѣ нихъ, должны были имѣть мѣсто элементы безсознательные, которые играли уже такую важную роль въ первомъ движеніи мысли по направленію къ «Базарову».

Опредѣлить подробности эмбріологіи Соломина гораздо труднѣе. Остается, напримѣръ, невыясненнымъ, «имѣлъ ли Тургеневъ для изображенія Соломина въ своемъ распоряженіи «натуру» (какъ для Базарова), встрѣчалъ ли онъ людей соломинскаго типа». Но интересны другія указанія: отраженіе въ Соломинѣ народныхъ великорусскихъ чертъ — сочетанія сметки и практическаго смысла съ своеобразнымъ дѣловымъ идеализмомъ; интересно и можетъ послужить матеріаломъ для особаго изученія—предположеніе, что «первыя впечатлѣнія и наблюденія, которыя впослѣдствіи должны были дать матеріалъ или отправныя точки для созданія Соломина, были собраны Тургеневымъ еще въ раннюю пору его творчества, когда онъ присматривался къ народнымъ типамъ и старался уловить характерную складку великорусскаго народнаго ума». Авторъ склоненъ думать, что между «Записками охотника» и созданіемъ фигуры Соломина есть нѣкоторая связь, хотя, быть можетъ, самъ художникъ и не сознавалъ ея.

Мы указали на эти замѣчанія г. Куликовскаго только съ точки зрѣнія ихъ методологической цѣнности. Читатели его книги легко убѣдятся въ значительности результатовъ, условленныхъ этой правильной постановкой вопроса. Отмѣтимъ, мимоходомъ, превосходный анализъ смерти Базарова.

Г. Мережковскій, «Пушкинъ» котораго появился послѣ этюдовъ г. Куликовскаго, вѣрно, не былъ тогда знакомъ съ этими этюдами. Иначе онъ не говорилъ бы такъ легко объ «укрощеніи демонической гордыни нигилиста Базарова ужасомъ смерти».

Даже не останавливаясь на ходячемъ трюизмѣ о «ничтожествѣ Базарова предъ величіемъ смерти», г. Куликовскій рядомъ весьма любопытныхъ соображеній показываетъ, что въ моментъ смерти Базарова «грозный фантомъ смерти, связанный съ извѣстной формой мысли (формулой «смерть пришла», «она меня отрицаетъ—и баста»), на мигъ мелькнулъ въ сознаніи и исчезъ, и вмѣстѣ съ нимъ исчезли и его страхи... На его мѣсто сталъ другой фантомъ, другая субстанція—«личность», «я», и предсмертное движеніе мысли направилось по формулѣ «я умираю». Въ изображеніи процесса «умиранія» Базарова предметомъ художественной апперцепціи была вовсе не смерть, не ужасъ смерти и не торжество ея, а самъ Базаровъ, его натура, его умъ, его «я», его торжество надъ смертью и всѣми страхами ея.

Основывая характеристику Базарова на твердомъ базисѣ изученія личности его создателя, критикъ привлекаетъ къ изслѣдованію произведенія, по своему лиризму характерныя для міросозерцанія поэта. Обобщенныя имъ въ «одно поэтическое цѣлое», «Отцы и дѣти», «Призраки» и «Довольно» получаютъ новое истолкованіе. Ему кажется, что произведенія эти «для грядущихъ вѣковъ, когда личность въ ея отношеніяхъ къ обществу будетъ поставлена иначе и сама возвысится до иного самоопредѣленія, останутся важнымъ документомъ, великимъ памятникомъ эпохи, характерными чертами которой были крайнее развитіе *личности* въ направленіи эгоистическомъ, отсутствіе гармоніи между личностью и обществомъ, борьба противоположныхъ интересовъ, — эпохи, когда, на почвѣ одностороннято индивидуализма, возвеличеніе личночти, ея апоѳеозъ шли рядомъ и чередовались съ ея крушеніемъ, ея «ничтожествомъ».

Вотъ, что «подсказываютъ» эти три произведенія критику.

Очевидно, это не насильственно вложенная въ нихъ идея, а одно изъ многихъ возможныхъ ихъ объясненій. Это субъективное «примѣненіе»—въ его настоящемъ видѣ: оно не замѣняетъ собою объективнаго изслѣдованія, а заканчиваетъ его; оно не выдается за исчерпывающій внутренній смыслъ произведеній; оно имѣетъ опредѣленный историческій отпечатокъ.

Еще яснѣе удачная постановка субъективныхъ элементовъ въ анализѣ фигурѣ героини «Первой любви». Свобода толкованія произведенія искусства, на которой настаивалъ авторъ «Вѣчныхъ спутниковъ», не возбуждаетъ сомнѣній и въ г. Куликовскомъ. Разница только въ томъ, что послѣдній знаетъ смыслъ и цѣну этой свободы, знаетъ, какъ это явствуетъ изъ его терминалогіи, и положеніе ея въ наукѣ. Г. Мережковскій думаетъ, что «каждому новому критику великихъ писателей прошлыхъ вѣковъ можетъ быть сдѣлано

одно возраженіе по существу: доступенъ-ли былъ тотъ порядокъ философскихъ идей и нравственныхъ понятій, на основаніи котораго судитъ современный критикъ, міросозерцанію поэтовъ болѣе или менѣе отдаленныхъ историческихъ эпохъ». Такого возраженія никто, знакомый съ современной поэтикой, сдѣлать, конечно, не можетъ. Но г. Мережковскій въ борьбѣ съ выдуманнымъ возраженіемъ смѣло вышибаетъ давно открытыя двери. «Безсмертные образы міровой поэзіи—вдохновенно провозглашаетъ онъ — служатъ для человѣчества какъ-бы просвѣтами, громадными окнами въ безконечное звѣздное небо: каждое поколѣніе подходитъ къ нимъ, и, вглядываясь въ таинственный сумракъ, открываетъ новые міры, новые отдаленнѣйшія созвѣздія, незамѣченныя прежде,— зародыши неиспытанныхъ ощущеній, несознанныхъ идей; эти звѣзды и раньше таились въ глубинѣ произведенія, но только теперь онѣ сдѣлались доступными глазамъ людей и засіяли вѣчнымъ свѣтомъ».

Какимъ наивнымъ и ненужнымъ кажется это *поэтическое* объясненіе тому, кто вмѣстѣ съ авторомъ «Этюдовъ о Тургеневѣ» знаетъ, что «художественные образы, *какъ извѣстно*, не суть неподвижныя нормы: ихъ обобщающая сила, размѣры ихъ примѣняемости, ихъ способность возбуждать извѣстный порядокъ идей измѣняются отъ человѣка къ человѣку и во времени».

Но подвижность примѣняемости художественныхъ образовъ не означаетъ для него права видѣть въ образѣ все, что вздумалось видѣть. Объективный анализъ служитъ у него именно для опредѣленія содержанія образа, для опредѣленія тѣхъ границъ, въ которыхъ свободно пониманіе образа. На вопросъ, что, собственно, апперцепировано художественнымъ типомъ Зинаиды, онъ послѣ изслѣдованія, гдѣ многообразіе идей соперничаетъ съ тонкостью психологическихъ опредѣленій, отвѣчаетъ такъ: 1) психологія богато и разнообразно одаренной женской души, подчиненіе ума власти женственности и вытекающая отсюда общая ирраціональность натуры; 2) порядокъ мыслей, основанныхъ на анализѣ этихъ психологическихъ явленій и 3) извѣстное отношеніе къ женщинѣ къ вопросу о ея призваніи, положеніи, умѣ и т. д.

И, точно желая сказать, что здѣсь только вступаетъ въ свои права субъективное объясненіе, авторъ прибавляетъ: «второе и третье могутъ быть весьма различны—*смотря по человѣку*». Онъ даже рисуетъ себѣ одного изъ такихъ субъективныхъ критиковъ, стоящаго на точкѣ зрѣнія обожателей Зинаиды; такому читателю образъ Зинаиды послужитъ «преимущественно воплощеніемъ чаръ женственности». Но затѣмъ, — ни на минуту не выдавая своего воззрѣнія за «объективное рѣшеніе загадки», — онъ сообщаетъ читателю, что говоритъ ему самому образъ Зинаиды.

«Для пишущаго эти строки онъ (этотъ образъ) является стимуломъ, побуждающимъ мыслить въ направленіи необходимости освобожденія ума женщины изъ-подъ власти женственности. Пусть эта

власть пока есть *правилю*. Но мы не имѣемъ никакихъ основаній, мы не имѣемъ ни логическаго, ни нравственнаго права возводить это правило въ *законъ*. Изъ изученія психологической природы женщины подобнаго закона вывести нельзя. Такое изученіе приводитъ къ выводу, что слабыя стороны женскаго ума коренятся не въ немъ самомъ, а зависятъ отъ его подчиненія гнету женственности, и что онъ можетъ быть освобожденъ систематической (изъ поколѣнія въ поколѣніе) культурою мысли, при помощи широкой постановки высшаго женскаго образованія... Мысль есть высшее, совершеннѣйшее начало духа. «Женственность», какъ и «мужественность»,—одно изъ нисшихъ, біопсихическихъ его укладовъ. Гнетъ этого нисшаго, коренящагося въ порядкѣ явленій физіологическихъ, надъ высшимъ психическимъ по преимуществу, есть явленіе уродливое, внутренно противорѣчивое: въ себѣ самомъ оно носитъ свое осужденіе».

Эти строки—онѣ не представляютъ собою исключенія въ книгѣ г. Куликовскаго—характеризуютъ также отношеніе автора къ публицистическому элементу въ критикѣ. Очевидно, никакая человѣческая злоба дня ему не чужда. Если художественное произведеніе наводитъ его на соображенія о томъ, какъ надо строитъ жизнь, въ какомъ направленіи должно двигаться, что, какъ явленіе общественное, заслуживаетъ осужденія — онъ не задумывается давать соотвѣтственные совѣты и не боится die Farbe bekennen. Глубоко понимая значеніе внутренней свободы, онъ не отожествляетъ ея съ безразличіемъ и знаетъ цѣну определенности общественныхъ воззрѣній. Идейность искусства не пугаетъ его жупеломъ гражданской скорби. Наоборотъ, характеризуя Тургенева, какъ художника объективнаго, и приводя эту объективность автора «Отцовъ и дѣтей» въ связь съ его внутренней свободой, онъ оговаривается, что къ типу объективныхъ онъ относитъ художниковъ «вовсе не съ той точки зрѣнія, будто они воздерживаются отъ выраженія (или «проведенія») своихъ личныхъ взглядовъ, симпатій или антипатій (нерѣдко они ихъ высказываютъ прямо или косвенно, и это ничуть дѣлу не мѣшаетъ), а исключительно съ точки зрѣнія сравнительно незначительнаго участія данныхъ самонаблюденія въ исходныхъ пунктахъ и во всемъ направленіи ихъ творческой дѣятельности».

Мы не остановимся на характеристикѣ или обсужденіи общественныхъ взглядовъ, выраженныхъ въ этой части критическаго изслѣдованія г. Куликовскаго. Для нашей цѣли достаточно отмѣтить ихъ присутствіе.

VIII.

Авторъ «Вѣчныхъ Спутниковъ» называетъ субъективную критику психологической. На книгѣ г. Овсяннико-Куликовскаго онъ

могъ бы видѣть, что эпитетъ этотъ гораздо законнѣе, опредѣленнѣе и, главное, содержательнѣе въ примѣненіи къ критикѣ объективной. Критика субъективная можетъ жить впечатлѣніями, навѣянными какой угодно стороной художественнаго произведенія—эстетической, философской, общественной. Критика объективная должна опираться на рядъ научныхъ данныхъ, которыя въ концѣ концовъ сводятся къ психологіи; ея эстетическій догматизмъ будетъ черпать принципы изъ психологической эстетики, ея историческія объясненія будутъ коренитьтся въ исторіи мысли, ея характеристики будутъ заключаться въ опредѣленіи психическихъ типовъ. И насколько неожиданны могутъ быть результаты такого научно-психологическаго изслѣдованія, показываетъ книга г. Куликовскаго.

Г. Куликовскій, можно сказать, открылъ въ Тургеневѣ великаго психолога. О психологическомъ значеніи образовъ, созданныхъ Тургеневымъ, принято умалчивать. Слава «ловца момента», который по собственному признанію стремился преимущественно къ изображенію «образа и давленія времени», скрываетъ его прозорливость въ познаніи души человѣческой. Онъ, художникъ по преимуществу объективный, считается лирикомъ, сумѣвшимъ лишь мимоходомъ затронуть сочувственныя струны въ сердцѣ читателя элементарными и однообразными изображеніями женской любви; его манили другія задачи; его «новые люди» очень интересны, какъ представители общественныхъ движеній, но психологическихъ проблеммъ поэтъ въ нихъ не ставитъ и не рѣшаетъ. Намъ случалось даже слышать такое опредѣленіе значенія Тургенева въ духѣ діалектической тріады: Тургеневъ—соціологъ, Достоевскій—психологъ, Толстой — синтезъ того и другого. Даже г. Мережковскій—и тотъ твердитъ, что Тургеневъ «менѣе психологъ, чѣмъ Левъ Толстой и Достоевскій». Онъ, впрочемъ, видитъ перевѣсъ творческихъ интересовъ Тургенева не на сторонѣ бытовой исторіи, а въ красотахъ природы: «Тургеневъ заглядывалъ въ душу природы болѣе глубокимъ и проницательнымъ взоромъ, чѣмъ въ душу людей». Было-бы очень интересно, если-бы кто либо, хоть г. Мережковскій, взялъ на себя трудъ провѣрить, доказать и развить это легкое и—пока не сдѣланъ этотъ опытъ—лишенное содержанія замѣчаніе. Пока-же намъ приходится считаться лишь съ тѣмъ глубокимъ психологическимъ содержаніемъ произведеній Тургенева, которое раскрыто этюдами г. Куликовскаго. Сужденія, будто Тургеневъ, сравнительно съ Толстымъ, художникъ «поверхностный», «не идущій въ глубь вещей, создающій образы прелестные, но не основанные на глубокомъ изученіи людей жизни», совершенно опровергаются въ нихъ анализомъ его объективныхъ—особенно, женскихъ—образовъ со стороны ихъ содержанія. Въ чемъ заключается этотъ «анализъ образа со стороны содержанія»? Каковы средства при его выполненіи и его результаты?

Ходячее мнѣніе, какъ мы видѣли, отрицаетъ значительность психологическаго содержанія произведеній Тургенева; «образы пре-

лестные, но не основанные на глубокомъ изученіи людей», очевидно, не даютъ ничего новаго, не дѣлаютъ въ душѣ человѣческой никакихъ открытій и интересуютъ читателя по другимъ причинамъ: потому, что «прелестны», или потому, что воплощаютъ извѣстный историческій моментъ.

О томъ, что тургеневская Лиза «глубока», какъ натура, можно слышать часто, но о томъ, какъ глубоко ея изображеніе, какъ ясны неизвѣданныя глубины ея души для самого поэта, не говорилъ никто до г. Куликовскаго. Психологическій смыслъ фигуръ Тургенева менѣе доступенъ. Его герои здоровѣе, и ихъ душевная жизнь не бросается въ глаза своими ненормальностями; ихъ сложность не отожествлена съ неразрѣшимыми противорѣчіями; ихъ кризисы— не безысходные «надрывы»; ихъ глубина и тонкость не граничитъ съ болѣзненностью. Къ тому-же, въ творчествѣ Тургенева, какъ удачно выясняетъ г. К., почти нѣтъ или очень мало такъ называемаго психологическаго анализа. «Художникъ рисуетъ, а анализировать предоставляетъ читателю, — но рисуетъ такъ, что анализъ, частью сознательно производимый читателемъ, частью-же самъ собою возникающій въ его головѣ, оказывается именно такимъ, какого хотѣлъ авторъ». Художникъ могъ-бы, конечно, копаться въ душѣ своихъ героевъ, вывернуть наружу ихъ глубоко скрытыя сердечныя драмы и тѣмъ облегчить читателю его задачу. Онъ этого не сдѣлалъ. «Облегчивъ трудъ читателя, художникъ въ тоже время отнялъ-бы у него значительную часть самостоятельнаго творчества и его награды—художественнаго наслажденія». Но читатели Тургенева не оказались на высотѣ своего читательскаго призванія, и рѣшивъ, что это все образы «прелестные» и «очень типичные», о психологіи у Тургенева забыли. Объ этомъ вспомнилъ г. Куликовскій. Онъ первый увидѣлъ въ нихъ не только историческія фигуры, не только нивелированную массу «прелестныхъ» дѣвушекъ, но и сложныя психическія индивидуальности, въ которыхъ поставлены и рѣшены трудныя проблеммы; онъ приступилъ къ изученію ихъ съ тѣхъ точекъ зрѣнія, для которыхъ можно найти опору не въ бытовой исторіи и не въ разсужденіяхъ «отъ разума», но въ научныхъ данныхъ; онъ сталъ опредѣлять изъ индивидуальность, классифицируя ихъ и относя къ различнымъ психическимъ типамъ.

Говорятъ, что въ вопросахъ психологіи искусство идетъ впереди науки. Это вѣрно лишь въ извѣстномъ смыслѣ. Изображая сложные душевные процессы въ обобщенномъ видѣ, искусство дѣлаетъ первый шагъ въ изученіи психическихъ явленій; но научнаго объясненія оно не замѣняетъ; самые результаты художественнаго обобщенія суть лишь подготовка сырого матеріала для изслѣдованія и нуждаются въ дальнѣйшей разработкѣ.

Въ этой разработкѣ первая ступень есть классификація, и образецъ такой классификаціи женскихъ образовъ Тургенева мы имѣемъ въ книгѣ г. Куликовскаго. Чтобы понять тотъ творческій

процессъ, результатомъ котораго явился образъ Лизы Калитиной, надо разобраться въ сложныхъ теченіяхъ этой глубокой души, надо выдѣлить ее изъ массы и назвать извѣстную совокупность признаковъ ея именемъ. Для этого надо уяснить себѣ, къ какимъ психическимъ группамъ, типамъ относится этотъ образъ.

Первымъ принципомъ дѣленія, разносящимъ женскія фигуры Тургенева на двѣ большія группы, является ихъ психологическая послѣдовательность, ихъ внутренняя логичность. Это начало дѣлитъ ихъ на два типа: раціональный, ясный, и ирраціональный, загадочный. Это дѣленіе основано цѣликомъ на научныхъ психологическихъ данныхъ, и надо сказать, что трудно было найти болѣе подходящій принципъ изученія. Даже обыденная мысль подмѣтила въ «женской логикѣ» преобладаніе элементовъ безсознательности въ женскомъ мышленіи, и Тургеневъ, давъ замѣчательныя изображеніе всевозможныхъ степеней и оттѣнковъ этой женской «загадочности», показалъ себя удивительнымъ психологомъ.

Давъ краткія характеристики образовъ относительно-раціональныхъ, прослѣдивъ въ нихъ градацію пошлости и раздѣливъ на нѣсколько новыхъ категорій, гдѣ основаніемъ служатъ неизмѣнно элементы психическіе, г. Овсянико-Куликовскій останавливается на трехъ фигурахъ, которыя представляются ему «наиболѣе типичными для извѣстныхъ видовъ ирраціональности женской природы». Это Зинаида (въ «Первой любви»), Вѣра (въ «Фаустѣ») и Лиза, Анализъ образа Лизы основанъ на психологическомъ изслѣдованіи ея индивидуальной религіи и ея этики. Въ этомъ анализѣ, главныя черты ея многосложнаго образа не представляются чѣмъ либо ненормальнымъ; наоборотъ, онѣ сведены къ процессамъ, типичнымъ для извѣстнаго уровня и склада психики. Но, не смотря на то, или именно поэтому, образъ Лизы остается не только въ высокой степени своеобразнымъ; онъ становится чуть не ирреальнымъ въ своей исключительной душевной красотѣ.

«A mesure qu'on a plus d'esprit, on trouve, qu'il y a plus d'hommes originaux. Les gens du commun ne trouvent pas de différence», замѣтилъ Паскаль. Вольтеръ не соглашался съ этимъ замѣчаніемъ. «Оригинальныхъ людей вообще очень мало», — возражалъ онъ, явно не понимая глубокой мысли Паскаля. Не объ оригиналахъ говорилъ Паскаля, а о томъ возвышенномъ складѣ ума, который умѣетъ во всякомъ незамѣтномъ человѣкѣ открыть индивидуальность. Къ этому сводится всякое психологическое изслѣдованіе личности. Что-же для этого нужно? Нужно умѣть разнести индивидуальность по тѣмъ психическимъ категоріямъ, къ которымъ она принадлежитъ.

«Заурядные люди» Паскаля не «усматриваютъ разницы между людьми» именно потому, что не имѣютъ для этого достаточно богатаго выбора категорій. И наоборотъ: кто дѣлитъ людей на типы, кто видитъ во всякомъ человѣкѣ отличительные признаки разно-

образныхъ группъ, къ которымъ этотъ человѣкъ можетъ принадлежать, передъ тѣмъ всякое конкретное явленіе стоитъ во всей полнотѣ индивидуальныхъ особенностей, тотъ «видитъ вокругъ себя много оригиналовъ».

На мѣсто «esprit» Паскаля наша терминологія поставитъ въ этомъ случаѣ именно ту «умственную свободу», которую отмѣчаетъ въ Тургеневѣ его критикъ. Широта воззрѣній, богатство категорій, стремленіе видѣть истину въ оттѣнкахъ индивидуальнаго случая— въ тѣснѣйшей связи съ этой свободой. Сюда-же относится извѣстныя степень познаній: та *степень*, на которой знанія складываются въ особый *типъ*.

Автора «Вѣчныхъ спутниковъ» часто «упрекаютъ» въ начитанности. Едва ли г. Куликовскій читалъ меньше; но такой упрекъ по отношенію къ нему былъ бы смѣшенъ. Книжныя впечатлѣнія не угнетаютъ его; духовныя вліянія, отразившіяся на немъ, стали органической частью его склада. Особенно глубоко вліяніе покойнаго А. А. Потебни, который гордился бы такимъ ученикомъ, столь свободно и умѣло отнесшимся къ его геніальнымъ мыслямъ. Отбросивъ то, что къ ней не подходитъ, и претворивъ въ свое то, что ей родственно, мысль автора овладѣваетъ усвоеннымъ матеріаломъ и обрабатываетъ его вполнѣ оригинально. Начитанности нѣтъ слѣда въ книгѣ г. Куликовскаго; но она написана образованнымъ человѣкомъ.

Эстетическія принципы добраго стараго времени не играютъ никакой роли въ книгѣ г. Куликовскаго. Красота не представляется ему *субстанціей*, съ точки зрѣнія которой критикъ судитъ произведенія. Искусство для него есть «извѣстный процессъ мышленія», красота—«интеллектуальное чувство», т. е. также процессъ. «Тлѣнъ и прахъ красоты», «бренность искусства» съ его эволюціонной точки зрѣнія—слова, а не факты: нѣтъ возможности «говорить о «тлѣнѣ и прахѣ» тѣхъ творческихъ процессовъ, которые нѣкогда развертывались въ геніальныхъ головахъ Эсхила, Софокла, Демокрита, Аристотеля, Эпикура и т. д., когда по прошествіи длиннаго ряда вѣковъ, въ наше, столь богатое умственнымъ творчествомъ время, эти процессы все еще оказываются въ томъ или иномъ смыслѣ живыми и дѣйствующими».

Но извѣстнаго представленія о томъ, что красиво, представленія, зарожденнаго въ насъ традиціей, чутьемъ, психологическими соображеніями—эти идеи не отрицаютъ. Поэтому и авторъ не чуждъ иногда нѣкотораго, вполнѣ умѣстнаго, критико-эстетическаго догматизма. Психологическія основы играютъ здѣсь, конечно, первенствующую роль, но чувствуется за ними живое художественное чутье, приводящее къ тѣмъ или инымъ выводамъ. Такъ, напримѣръ, отступленіе въ «Дворянскомъ гнѣздѣ», посвященное прошлому Лаврецкаго и исторіи его рода, онъ называетъ *слишкомъ большимъ*. Эта оцѣнка архитектуры романа, очевидно, покоится на

понятіи нѣкоторой внѣшней симметріи, *обязательной* для художественнаго произведенія. Въ нашей литературѣ, гдѣ законченность внѣшней формы заставляетъ желать многаго даже у первостепенныхъ мастеровъ, такія указанія болѣе, чѣмъ умѣстны.

Критика, не замѣняющая анализа игрой воображенія, но не ограничивающаяся научнымъ, объективнымъ изслѣдованіемъ и открытая настроеніямъ писателя; *психологическая*, потому что душевные процессы въ писателѣ и его созданіяхъ исчерпываютъ содержаніе произведенія; *историческая*, по преимуществу, потому что только im Werden, въ процессѣ созданія познается сущность явленія; не чуждая элементовъ *эстетическаго догматизма*, потому что мы никогда не откажемся отъ права имѣть художественные идеалы и судить произведеніе искусства съ точки зрѣнія этихъ идеаловъ; наконецъ, — поучающая, *руководящая*, потому что мы никогда не перестанемъ видѣть за писателемъ человѣка и цѣнить въ творцѣ учителя жизни. Таковы элементы, которые до сихъ поръ не соединялись сознательно въ критическомъ произведеніи, и синтезъ которыхъ долженъ составить содержаніе будущей критики. Именно синтезъ, своеобразный результатъ гармоническаго сліянія, а не грубая, механическая эклектика, безжизненная и безплодная. Истина никогда не лежитъ между крайностей — она въ другой плоскости, гдѣ-то надъ ними.

Въ области критики еще нѣтъ творца, который опредѣлилъ бы, какую форму приметъ сочетаніе разнообразныхъ элементовъ, необходимыхъ—хотя и въ различной степени—въ критическомъ изученіи. Но попытки такого сочетанія показываютъ, что его время настало, и книги Фагэ у французовъ и г. Куликовскаго у насъ уже намѣчаютъ эту ближайшую форму критики, достойную грядущаго искусства. Это еще слабые и неопредѣленные опыты, но они попоказываютъ, въ какую сторону надо идти.

Ар. Горнфельдъ.

Дневникъ журналиста.

1. Пушкинская «Русалка».—2. О мѣстной прессѣ.

I.

Въ «Русскомъ Архивѣ», историческомъ журналѣ, издаваемомъ въ Москвѣ П. И. Бартеневымъ, въ послѣдней книжкѣ (1897 г., № 3), напечатано окончаніе драмы Пушкина «Русалка», всего 230 новыхъ стиховъ*) въ прибавленіе къ 552 прежде печатавшимся. «Русалка» Пушкина нашими библіографами считалась произведеніемъ неконченнымъ. Нѣсколько скептическихъ и насмѣшливыхъ замѣтокъ, брошенныхъ мимоходомъ въ газетахъ,—вотъ все, чѣмъ до сихъ поръ отозвалась наша журналистика на появленіе въ «Русскомъ Архивѣ» конца одного изъ лучшихъ твореній Пушкина. «Сомнѣнія, писалъ Бокль, ведутъ къ изслѣдованію, изслѣдованіе—къ истинѣ». На этомъ основаніи знаменитый англійскій историкъ придавалъ громадное значеніе скептицизму въ наукѣ и литературѣ, по справедливости, считая его могучимъ двигателемъ умственнаго прогресса. Однако, это правда только относительно того скептицизма, который «ведетъ къ изслѣдованію», а не ограничивается сомнѣніемъ безъ изслѣдованія, отрицаніемъ изъ одной робости, какъ бы не ошибиться и не сдѣлать промаха. Мужественный скептицизмъ, ополчающійся съ своими сомнѣніями противъ общепризнанныхъ мнѣній и авторитетовъ, дѣйствительно, ведетъ къ истинѣ, но съ нимъ не должно смѣшивать боязливаго скептицизма, робѣющаго признать новое и еще авторитетами нѐ признанное явленіе. Упомянутыя газетныя замѣтки, конечно, не принадлежатъ къ скептицизму перваго рода и никакими изслѣдованіями для выясненія сомнѣній не задаются. Разумѣется, не всякое новое явленіе заслуживаетъ изслѣдованія. Очевидность не требуетъ ни изысканій, ни доказательствъ. Фальсификація напечатаннаго г. Бартеневымъ конца «Русалки» не принадлежитъ ли именно къ этой категоріи очевидностей, не подлежащихъ провѣркѣ, не требующихъ изслѣдованія, не нуждающихся въ доказательствахъ? Мнѣ кажется, что нѣтъ. Остановимся нѣсколько на этомъ предварительномъ вопросѣ.

Приводимъ сначала существенное изъ предисловія г. Бартенева, которымъ онъ сопровождаетъ имъ нынѣ впервые опубликованный полный текстъ *Русалки*. Упомянувъ о томъ, что первая сцена *Русалки* окончена Пушкинымъ 12 апрѣля 1832 года, какъ то видно

*) Г. Бартеневъ считаетъ 237 новыхъ стиховъ. Мы подсчитали на семь меньше. Разница зависитъ отъ счета полустиховъ въ смежныхъ репликахъ.

изъ отмѣтки на сохранившейся черновой рукописи, авторъ предисловія продолжаетъ (*Русск. Арх.*, 1897, № 3, стр. 342):

„По кончинѣ Пушкина найдена *Русалка* въ его бумагахъ недоконченной и напечатана въ первый разъ въ *Современникѣ*, 1837 г. Тутъ и во всѣхъ собраніяхъ сочиненій Пушкина всего *пять* сценъ и семнадцать стиховъ *шестой* сцены.

„Окончаніе этой шестой сцены и еще три сцены, довершающія чудесную драму, считались вовсе не написанными, либо утраченными, какъ и нѣкоторыя другія произведенія Пушкина, о которыхъ остались только отмѣтки въ его бумагахъ или въ воспоминаніяхъ его пріятелей.

„Къ числу сихъ послѣднихъ принадлежалъ Эдуардъ Ивановичъ Губеръ (родился въ 1814 г., умеръ въ 1847 г.), переводчикъ Гетевскаго *Фауста*. Пушкинъ любилъ его начинавшее проявляться дарованіе и въ ноябрѣ 1836 года читалъ у него свою *Русалку* вполнѣ. На этомъ чтеніи присутствовалъ Дмитрій Павловичъ Зуевъ, нынѣ маститый старецъ, въ то время еще отрокъ, преисполненный поклоненіемъ генію великаго поэта, твореніями котораго и доселѣ услаждаются дни его. Д. П. Зуевъ одаренъ чудесною памятью, которая въ молодыя лѣта отпечатлѣвала въ себѣ цѣлыя страницы прослушаннаго или прочитаннаго. По возвращеніи отъ Губера, онъ записалъ для себя послѣднія сцены *Русалки*, наиболѣе поразившія его и навсегда врѣзавшіяся въ его воспоминаніе. Онѣ были дважды прочитаны великимъ поэтомъ, по неотступной просьбѣ четырнадцатилѣтняго юноши, поддержанной и Э. И. Губеромъ. Д. П. Зуевъ помнитъ также, что А. С. Пушкинъ признавалъ хоръ русалокъ *Туманной росою окрестность полна*, разговоръ охотниковъ въ лѣсу и въ особенности *Сонъ* княгини лучшими мѣстами своей драмы.

„Д. П. Зуевъ сообщилъ свою дорогую запись, хранившуюся у него слишкомъ полвѣка, Борису Николаевичу Чичерину, который любезно передалъ ее, съ согласія Д. П. Зуева, въ *Русскій Архивъ*.

Г. Бартеневъ ее немедленно напечаталъ. За это можно только благодарить издателя *Русскаго Архива*, какъ и г. Чичерина, вытащившаго рукопись изъ-подъ спуда. Теперь это окончаніе, настоящее или вымышленное, отдано на судъ всякаго, не лишеннаго эстетическаго чувства. Если оно бездарно, по идеѣ и содержанію не соотвѣтствуетъ первымъ двумъ третямъ драмы, написано плохими виршами, то, конечно, оно не принадлежитъ Пушкину. Если же оно является талантливымъ поэтическимъ произведеніемъ, написаннымъ стихами, достойными Пушкина, то оно должно принадлежать перу даровитаго поэта, каковымъ не были ни г. Зуевъ, ни гг. Чичеринъ и Бартеневъ. Если къ тому же, идея и содержаніе конца гармонируютъ съ началомъ, то надо признать, что Пушкинъ здѣсь присутствовалъ (хотя бы и искаженный вслѣдствіе воспроизведенія по памяти). Этотъ анализъ самого произведенія мы и сдѣлаемъ ниже. Сначала же окончимъ анализъ приведеннаго предисловія и разборъ данныхъ, имъ сообщаемыхъ, насколько они благословляютъ насъ отнестись серьезно къ тексту, напечатанному въ вышеназванной книжкѣ *Русскаго Архива*.

Г. Зуевъ въ литературномъ отношеніи величина неизвѣстная и здѣсь для скептиковъ весьма широкое поле сомнѣніямъ и отрица-

ніямъ. Совсѣмъ другое дѣло гг. Чичеринъ и Бартеневъ. Ихъ продолжительная литературная и ученая дѣятельность не допускаетъ ни на минуту даже мысли о возможности съ ихъ стороны фальсификаціи историческаго или литературнаго документа, притомъ изъ области художественнаго творчества, столь далекой отъ области ихъ работъ. Гг. Чичеринъ и Бартеневъ безъ всякаго сомнѣнія не могли принимать никакого участія въ какой бы то ни было поддѣлкѣ. Они могли быть только жертвою обмана. Но съ другой стороны, именно они, по роду своихъ прошлыхъ и долголѣтнихъ трудовъ, лучше другихъ вооружены противъ всякаго обмана на почвѣ поддѣлки и фальсификаціи старыхъ рукописей. Г. Чичеринъ—опытный ученый историкъ и юристъ, хорошо знакомый съ методомъ исторической критики. Г. Бартеневъ долголѣтній издатель археологическаго и историческаго журнала, много потрудившійся около старыхъ рукописей. Ни тотъ, ни другой не могли бы принять рукописи девятидесятыхъ годовъ за рукопись тридцатыхъ. А между тѣмъ предполагать, что г. Зуевъ поддѣлалъ окончаніе драмы Пушкина въ тридцатые годы и затѣмъ шестьдесятъ лѣтъ ее хранилъ отъ нескромныхъ взоровъ—было бы явнымъ абсурдомъ. Онъ могъ лучше или хуже воспроизвести по памяти прослушанное произведеніе Пушкина. Онъ могъ его воспроизвести очень плохо. Но если рукопись, дѣйствительно, можетъ быть отнесена приблизительно къ тридцатымъ годамъ, то она не вымыселъ г. Зуева и къ ней Пушкинъ болѣе или менѣе причастенъ. Въ такомъ случаѣ, даже при наихудшихъ обстоятельствахъ, она всетаки даетъ намъ законченное развитіе сюжета *Русалки* и можетъ дополнить наше представленіе объ идеѣ драмы.

Весь вопросъ, слѣдовательно, сначала въ томъ, носитъ ли рукопись слѣды своего стариннаго происхожденія. Полагаясь на опытность гг. Чичерина и Бартенева, мы склонны имъ въ этомъ отношеніи довѣриться, но не можемъ не выразить сожалѣнія, что г. Бартеневъ не сопроводилъ обнародованіе текста рукописи г. Зуева ея подробнымъ критическимъ описаніемъ и предоставленіемъ ея въ одно изъ національныхъ книгохранилищъ. Во всякомъ случаѣ, желательно исправить этотъ промахъ и, предоставивъ рукопись всесторонней палеографической, историко-литературной и библіографической критикѣ, дать исходъ законному скептицизму, дозволить сомнѣнію перейти въ изслѣдованіе, изслѣдованію — въ истину.

Интересно намѣтить нѣсколько вопросовъ, связанныхъ съ этою критикою рукописи, безъ чего невозможно окончательное установленіе правильнаго отношенія историковъ литературы и читателей къ обнародованному произведенію, по своему запросу, требующему всяческаго вниманія и осторожнаго обращенія.

Прежде всего, бумага. Я еще помню бумагу пятидесятыхъ годовъ. Она сильно отличалась отъ нынѣшней. Она была плотнѣе, сѣрѣе, шероховатѣе. Помнится, она всегда носила въ лѣвомъ углу

сверху какія-то клейма едва ли даже не съ годомъ выпуска ея въ продажу. Такой бумаги теперь не достать, а въ то время—нашей современной бумаги. Химическій составъ тоже измѣнился. Опытный экспертъ безъ труда опредѣлитъ приблизительное время производства бумаги. Далѣе, чернила. Тогда писали эссенціей чернильныхъ орѣшковъ, теперь — анилиномъ, ализариномъ и т. д. Тогда писали гусиными перьями, теперь—стальными, отъ чего характеръ письма значительно измѣнился. Все это необходимо обслѣдовать и сообщить публикѣ, которая только послѣ этого вполнѣ сознательно повѣритъ возрасту рукописи, съ чѣмъ, какъ мы видѣли, тѣсно связанъ вопросъ о возможности или невѣроятности поддѣлки. Въ настоящее время, только довѣряя несомнѣнной опытности и добросовѣстности гг. Чичерина и Бартенева, мы полагаемся на старинность рукописи. Это довольно много, но достовѣрность всегда лучше вѣроятности, умъ хорошо, а двадцать и того лучше. Наконецъ, въ высшей степени важно опредѣлить, одною ли рукою и одновременно ли написана вся рукопись? Нѣтъ ли на ней отмѣтокъ, если не самого Пушкина, то хотя бы Губера?

Послѣ этого палеографическаго обзора рукописи необходимо ея литературное описаніе. Въ черновой рукописи, съ которой напечатана драма, находится пять сценъ и начало шестой, всего 552 стиха. *Русскій Архивъ* къ нимъ прибавляетъ, по рукописи г. Зуева, еще 230. Мало вѣроятно, чтобы, вернувшись отъ Губера, г. Зуевъ началъ свою запись непремѣнно съ пятьсотъ пятьдесятъ третьяго стиха, предчувствуя какъ бы, что именно съ этого стиха будетъ утрачено окончаніе драмы! Для этого надо было пропустить не только всѣ пять первыхъ сценъ, но и семнадцать стиховъ шестой, начало діалога между княземъ и русалочкой, продолженіемъ котораго и являются дальнѣйшія строки 6-й сцены... Вѣроятнѣе всего, что запись, сдѣланная г. Зуевымъ немедленно по возвращеніи отъ Губера, въ ноябрѣ 1836 года, начиналась или раньше, или позже восемнадцатаго стиха шестой сцены. Это слѣдовало бы указать при обнародованіи теперь рукописи, потому что это можетъ имѣть очень большое значеніе для критики вновь обнародованнаго текста.

Почему г. Зуевъ не записалъ первыхъ пяти сценъ и записалъ четыре послѣднихъ, спрашивали авторы газетныхъ замѣтокъ. Тѣ, кто много помнили наизусть большихъ стихотвореній, знаютъ, что прежде всего запоминаются начало и конецъ, которые и дольше сохраняются въ памяти, когда середина уже выцвѣла. Начало *Русалки* развивается сперва очень осторожно и не могло особенно поразить четырнадцатилѣтняго мальчика. Конецъ же, если бы былъ у Пушкина такъ же выдержанъ, какъ первыя пять сценъ, долженъ былъ представляться самымъ поразительнымъ и захватывающимъ. Эти мнемоническія и литературныя соображенія дозволяютъ довѣрять показанію, что г. Зуевъ, выслушавъ *Русалку*, запомнилъ и воспроизвелъ именно четыре послѣднихъ сцены (составляющія вмѣстѣ

два цѣльныхъ, законченныхъ въ себѣ, акта трагедіи). Это вѣроятно, но, какъ уже сказано, не вѣроятно, чтобы при этомъ онъ началъ запись съ восемнадцатаго стиха. Или выше, или ниже...

Если выше, то, по крайней мѣрѣ, и первые семнадцать стиховъ шестой сцены. Въ такомъ случаѣ, напечатаніе этой *неисправленной* записи *) en regard съ текстомъ по рукописи Пушкина было бы очень желательно. Это показало бы степень близости записи г. Зуева тексту Пушкина.

Я склоненъ, однако, думать, что г. Зуевъ началъ свою *первоначальную* запись не раньше восемнацатаго стиха шестой сцены, а позже. Вѣроятнѣе всего, начиная съ сорокъ второго, по нумераціи *Русскаго Архива* съ сорокъ четвертаго, стиха, (и ниже во всѣхъ ссылкахъ въ текстѣ я слѣдую своей исправленной нумераціи, отмѣчая въ примѣчаніяхъ и нумерацію г. Бартенева для тѣхъ, кто пожелалъ бы провѣрить мои ссылки: у г. Бартенева нумерація проставлена на поляхъ), гдѣ стихъ сразу крѣпнетъ и становится достойнымъ своихъ собратьевъ первыхъ пяти сценъ. Что касается двадцати четырехъ стиховъ, связывающихъ семнадцатый стихъ съ сорокъ вторымъ, то здѣсь, повидимому, очень много переврано и искажено. Признать ихъ Пушкинскими я не рѣшился бы. Возможно, что, по напечатаніи въ *Современникѣ* начала *Русалки*, г. Зуевъ постарался припомнить мѣсто, отдѣляющее послѣдній стихъ печатнаго текста отъ перваго стиха его записи. Естественно, если эти 24 стиха припомнены хуже. Мнѣ думается, что и дальше г. Зуевымъ не все было записано въ ноябрѣ 1836 года, а только мѣста, наиболѣе его поразившія. Естественно, если впослѣдствіи онъ пожелалъ заполнить пропуски и востановилъ ихъ по памяти. Естественно такъ же, если это воспроизведеніе далеко не такъ удалось. Тогда понятно, почему все окончаніе *Русалки* носитъ пестрый характеръ, смѣсь совершенно слабыхъ мѣстъ съ высоко художественными, смѣсь невозможныхъ стиховъ со стихами, достойными лучшихъ произведеній Пушкина. Ниже я постараюсь оправдать это мнѣніе. Теперь же я хотѣлъ только наглядно указать, насколько облегчило бы задачу критики текста хорошее и внимательное описаніе самой рукописи. Если, какъ и я склоненъ думать, Пушкинъ не совершенно чуждъ 230 стихамъ *Русалки*, нынѣ появившимся въ *Русскомъ Архивѣ*, то г. Бартеневъ не долженъ медлить такимъ описаніемъ рукописи г. Зуева, который съ своей стороны поступилъ бы правильно, если бы передалъ ее въ какое либо національное книгохранилище, Румянцевскій Музей, Публичную Библіотеку, Академію...

Предъидущія замѣчанія, высказывающія серьезное отношеніе къ документу, обнародованному гг. Чичеринымъ и Бартеневымъ, въ значительной степени опираются на довѣріе къ опытности гг. Чи-

*) Г. Зуевъ могъ позже исправить эти стихи по печатному тексту, но вѣроятно не трудно, хотя отчасти, возстановить первоначальную запись, особенно съ его помощью.

черина и Бартенева, которые одни имѣютъ въ рукахъ и объективныя данныя для сужденія (рукопись) и субъективные (личность самого г. Зуева). Желательно было бы, чтобы гг. Чичеринъ и Бартеневъ эти данныя сдѣлали, по возможности, доступными литературѣ и публикѣ. Это не мѣшаетъ намъ искать другихъ данныхъ, которыя могли бы служить къ подтвержденію или опроверженію упомянутаго документа. Критическаго изданія Пушкина въ полномъ значеніи этого слова мы еще не имѣемъ (быть можетъ, намъ его дастъ академія, приготовляющая изданіе Пушкина къ 1899 году, столѣтію его рожденія). Тѣмъ не менѣе, и работы Анненкова и г. Ефремова, повторенные въ изданіи литературнаго фонда, редактированномъ г. Морозовымъ, даютъ нѣкоторые матерьялы для освѣщенія вопроса, насъ теперь занимающаго.

Изъ посмертныхъ произведеній Пушкина не одна *Русалка* появилась въ видѣ фрагмента. Поэмы *Галубъ* и *Египетскія Ночи* появились безъ конца, поэма *Мѣдный Всадникъ*—безъ очень важнаго и существенно необходимаго мѣста въ серединѣ, драма *Каменный Гость*—безъ испанскихъ романсовъ, которые поетъ Лаура, въ томъ числѣ и драма *Русалка* безъ окончанія. Кое какія свѣдѣнія по этому поводу находимъ въ послѣднемъ вышеупомянутомъ изданіи Пушкина (подъ редакціей г. Морозова).

О пробѣлѣ въ *Мѣдномъ Всадникѣ* читаемъ (III, 572): «Кн. П. П. Вяземскій въ своей брошюрѣ *Пушкинъ по документамъ Остафьевскаго архива 1826—27 г.* сообщаетъ, что въ чтеніи поэмы самимъ Пушкинымъ потрясающее впечатлѣніе производилъ монологъ обезумѣвшаго чиновника передъ памятникомъ Петра, заключавшій въ себѣ около тридцати стиховъ, въ которыхъ слишкомъ энергически звучала ненависть къ европейской цивилизаціи. Мнѣ все кажется, добавляетъ князь, что великолѣпный монологъ таится вслѣдствіе какихъ либо тенденціозныхъ соображеній, ибо трудно допустить, чтобы изо всѣхъ людей, слышавшихъ проклятіе, никто не попросилъ Пушкина дать списать эти 30—40 стиховъ». Можетъ быть, списали, а можетъ быть и не списали, объ этомъ можно гадать, но ненадобно гадать, чтобы знать, что у Пушкина была рукопись съ монологомъ, потому что онъ ее читалъ... Гдѣ же эта рукопись? Въ Румянцевскомъ Музеѣ хранятся черновые наброски поэмы. Если эти наброски сохранены поэтомъ, то невѣроятно, чтобы онъ уничтожилъ готовый текстъ поэмы. Такое уничтоженіе было не въ обычаѣ поэта. Послѣ его кончины полная рукопись должна была остаться въ его бумагахъ...

Эти выводы поучительны, но еще поучительнѣе слѣдующее примѣчаніе г. Морозова, приведенное послѣ пьесы *Пиръ во время чумы* (III, 233): «Приводимъ здѣсь, кстати, списокъ пушкинскихъ драмъ, набросанный имъ на случайно сохранившемся въ его бумагахъ листкѣ: Скупой, *Ромулъ и Ремъ*, Моцартъ и Сальери, Донъ-Гуанъ, *Іисусъ*, *Гарольдъ Севойскій*, *Павелъ I*, *Влюбленный Бѣсъ*, *Дмитрій*

и Марина, Курбскій.—Такъ какъ, по свидѣтельству Анненкова, Пушкинъ никогда не дѣлалъ перечета произведеніямъ, еще не существующимъ, то необходимо предположить, что пьесы, обозначенныя въ этомъ спискѣ и до насъ не дошедшія (ихъ заглавія напечатаны разрядкой*), или были истреблены авторомъ, или были изложены вчернѣ и потомъ затеряны». Не истреблены, потому что Пушкинъ этого обычая не имѣлъ. Затеряны, но кѣмъ? Почему думаетъ г. Морозовъ, что онѣ были изложены вчернѣ? Затеряна же середина *Мѣднаго Всадника*, отнюдь не черновая... Отмѣтимъ только, что такіе сюжеты какъ *Іисусъ*, *Павелъ* I, *Курбскій* (его споръ съ Грознымъ), да и другіе, могли въ тѣ времена почитаться болѣе чѣмъ смѣлыми, какъ и монологъ противъ европейской цивилизаціи.

Относительно конца *Галуба* г. Морозовъ сообщаетъ только двѣ сохранившіяся программы поэмы, набросанныя Пушкинымъ. Первая программа: «Обрядъ похоронъ. Узбекъ, и меньшой сынъ. 1-й день (отсутствія Тязита), лань, почта, грузинскіе купцы. 2-й день, орелъ, казакъ. 3-й день, отецъ его гонитъ. *Юноша и Монахъ. Любовь отвергнута. Битва и монахъ*». Напечатанное *курсивомъ* и составляетъ отсутствующій конецъ. Въ другой программѣ это отсутствующее окончаніе такъ излагается «9. Отказъ. 10. Миссіонеръ. 11. Война. 12. Сраженіе. 13. Смерть. 14. Эпилогъ». Оба изложенія очень близко соотвѣтствуютъ другъ другу. Отмѣтимъ, что поэма обрывается, когда на сцену долженъ явиться монахъ (или миссіонеръ, по 2-й программѣ).

Дѣлаемъ мы эти отмѣтки, чтобы затѣмъ ихъ освѣтить слѣдующимъ мѣстомъ изъ «Записокъ» А. О. Смирновой: Жуковскій «жаловался на Бенкендорфа, прочелъ мнѣ его дерзкое письмо, даже безъ признаковъ внѣшней вѣжливости, по поводу бумагъ Пушкина» (*Сѣверный Вѣстникъ*, 1897 г., № 1, 135). Дальнѣйшее поясненіе находимъ у г. Бартенева (*Русск. Арх*. 1897 г., № 3, 372): «Самъ Пушкинъ держалъ бумаги свои въ большомъ порядкѣ. По кончинѣ его многіе пожелали получить себѣ на память автографы. Къ Жуковскому бумаги Пушкина поступили уже послѣ того, какъ побывали въ рукахъ чиновниковъ третьяго отдѣленія, которые особенно поусердствовали вслѣдствіе строгаго выговора, полученнаго гр. Бенкендорфомъ отъ Государя Николая Павловича по поводу Пушкинскаго поединка». Смирнова то же говоритъ объ этомъ выговорѣ, очень рѣшительномъ, а въ другомъ мѣстѣ, со словъ Жуковскаго, сообщаетъ, что на Пушкина Бенкендорфъ «насплетничалъ» и гр. Уварову, тогда министру народнаго просвѣщенія. Не въ этомъ ли обстоятельствѣ, что чиновники гр. Бенкендорфа «поусердствовали», и надо искать причины, что бумаги Пушкина оказались у Жуковскаго съ такими пропусками? Рядомъ съ вещами, которыя, по мнѣнію этихъ чиновниковъ, были запретны, могли быть захвачены вписан-

*). У насъ *курсивомъ*.

ныя въ тѣ же тетради вполнѣ безразличныя пьесы. Многое могло быть задержано по недоразумѣнію, по небрежности, по усердію... Не невозможно, что часть этого задержаннаго пушкинскаго творчества и доселѣ гдѣ нибудь хранится, подшитое къ дѣламъ. Не мѣшало бы академіи наукъ, предпринявшей, какъ мы упомянули, критическое изданіе Пушкина (подъ редакціей Л. Н. Майкова) попытаться выяснить этотъ вопросъ, и, если задержанное не уничтожено, вывести его изъ-подъ спуда на свѣтъ Божій.

Это отступленіе мы сдѣлали съ цѣлью показать, что если въ бумагахъ Пушкина, какъ онѣ были переданы Жуковскому, отсутствуетъ окончаніе *Русалки*, то изъ этого отнюдь не слѣдуетъ, что окончаніе не было написано. А въ послѣднее время, кромѣ свидѣтельства г. Зуева, появилось и другое прямое указаніе, что *Русалка* была окончена. Въ упомянутыхъ запискахъ А. О. Смирновой читаемъ о канунѣ дуэли Пушкина слѣдующій разсказъ Жуковскаго (о которомъ упоминаетъ и г. Бартеневъ): «Пушкинъ 25 и 26 былъ совсѣмъ спокоенъ *) и читалъ ему (Жуковскому) нѣкоторыя письма. Никто ничего не подозрѣвалъ. 29 собирались обѣдать у Віельгорскаго, товарищескій обѣдъ въ честь дня рожденія Жуковскаго, и Пушкинъ даже объявилъ, что напишетъ къ этому дню оду, тѣмъ болѣе, что къ этому времени появлялась *Ундина*, которую Жуковскій изобразилъ соблазнительною русалкой, вмѣсто нѣмецкой *Nixe*. Онъ (Пушкинъ) разсказывалъ имъ о своей русалкѣ, виновной въ смерти отшельника (баллада) и *о другой русалкѣ, своей лирической драмѣ, затѣмъ передалъ имъ конецъ драмы*. Въ его поведеніи и внѣшнемъ видѣ не было ничего страннаго, подозрительнаго...» (*Сѣв. Вѣстн.* 1897, I, 139). Это мимоходомъ брошенное замѣчаніе, именно какъ мимоходное, не разсчитанное, особенно цѣнно и вполнѣ устанавливаетъ тотъ фактъ, что драма была окончена. Она, стало быть, могла быть прочитана, два мѣсяца назадъ, у Губера... Если критика рукописи подтвердитъ почтенный ея возрастъ или если довѣриться въ этомъ отношеніи опытности гг. Чичерина и Бартенева, то, послѣ всего сказаннаго, остается для законнаго скептицизма только одинъ вопросъ: насколько справилась память г. Зуева съ взятою ею на себя задачею? Я уже говорилъ, что если даже совсѣмъ не справилась, то все же мы получаемъ полное изложеніе сюжета. Но если бы память г. Зуева была совсѣмъ не состоятельна, то у него не было бы (*тогда*, а это долженъ удостовѣрять возрастъ рукописи) побудительныхъ причинъ воспроизводить прослушанное. Эти апріорныя соображенія дозволяютъ ожидать, что въ обнародованныхъ нынѣ четырехъ послѣднихъ сценахъ *Русалки* Пушкину принадлежитъ не только сюжетъ, но болѣе или менѣе и самъ текстъ. Непосредственный анализъ драмы долженъ намъ отвѣтить на эти вопросы.

*) Поединокъ состоялся на зарѣ 27 января 1837 года.

II.

Напомнимъ вкратцѣ сюжетъ и идею драмы, какъ они выясняются изъ прежде извѣстной части *Русалки*. Для этого я воспользуюсь изложеніемъ драмы, мною сдѣланнымъ десять лѣтъ тому назадъ по совершенно другому поводу. Послѣ этого анализа, основаннаго исключительно на содержаніи первыхъ пяти сценъ и не имѣвшаго возможности принять во вниманіе нынѣ появившіяся четыре послѣднія сцены, переходъ къ анализу этихъ послѣднихъ въ связи съ предъидущимъ лучше установитъ эту связь, если она существуетъ. Идея и содержаніе четырехъ послѣднихъ сценъ должны отвѣчать идеѣ и содержанію первыхъ пяти. Каковы же идея и содержаніе первыхъ пяти сценъ, какъ они выясняются, нисколько не принимая во вниманіе четырехъ послѣднихъ? Анализъ 1887 года, напечатанный за десять лѣтъ до появленія въ печати этихъ четырехъ сценъ, для этого особенно пригоденъ *).

Анализируя вообще поэзію Пушкина въ ея отношеніяхъ къ вопросу любви и счастья, я пришелъ къ заключенію, что основная идея Пушкина въ этомъ отношеніи заключалась въ возвышающемъ, облагораживающемъ дѣйствіи любви. Дикарка черкешенка, возвышающаяся до самоотверженія; полузвѣрь Гирей, которому любовь диктуетъ невѣдомыя чувства гуманности; гибель Алеко и возвышенныя идеи старика-цыгана, отца Земфиры; вся повѣсть любви Татьяны и Онѣгина, цѣлая галлерея картинъ проходитъ передъ читателемъ Пушкина, научаетъ его счастью благородной, человѣчной любви и раскрываетъ трагическую коллизію этой человѣчной любви съ античеловѣчною средою. Такую же коллизію представляетъ собою и драма *Русалка*.

«Драма завязывается (писалъ я въ цитированной статьѣ) изъ любви между неравнодостойными сторонами. Героиня—дѣвушка съ чуткимъ и благороднымъ сердцемъ, способная на глубокую и преданную любовь, въ которой она ищетъ счастья всей жизни, а въ любимомъ человѣкѣ думаетъ найти такую же любовь и такое же пониманіе ея задачъ, правъ и обязанностей. Она горько ошибается: передъ нею только донъ-жуанъ, правда, не вовсе лишенный совѣсти, способный и къ любви, и къ жертвѣ, но способность эта усыплена и любовь къ сельской дѣвушкѣ, простой и искренней въ своей любви, не пробуждаетъ въ немъ его дремлющихъ душевныхъ силъ. Въ первой сценѣ онъ только донъ-жуанъ и, увлеченный другою, новою любовью, онъ даже слишкомъ черствъ для своей натуры съ

*) Анализъ этотъ напечатанъ въ *Сѣверномъ Вѣстникѣ* (прежней редакціи), 1887 г. № 2, въ статьѣ моей „Любовь и счастье въ произведеніяхъ русской поэзіи“ и воспроизведенъ въ брошюрѣ „Любовь и счастье въ произведеніяхъ Пушкина“, Одесса, 1895 г.

покидаемой дѣвушкой. Сцена между княземъ и его возлюбленной здѣсь проведена съ удивительно даже для Пушкина глубокимъ пониманіемъ душевнаго состоянія всѣхъ трехъ дѣйствующихъ лицъ.

«Напомню читателямъ, что въ оперѣ Даргомыжскаго драматическое дѣйствіе значительно измѣнено и далеко не къ лучшему (въ поэтическомъ, а не музыкальномъ смыслѣ). Сцена начинается у Пушкина безусловною вѣрою дѣвушки въ любимаго человѣка, вѣрою чистою и вытекающею изъ сознанія собственной любви. Діалогъ между княземъ и героинею драмы постепенно раскрываетъ истину. Она наружно принимаетъ ее спокойно и близорукій донъ-жуанъ спѣшитъ разстаться, довольный легкостью развязки и подарками, которыми ее одарилъ. Она, однако, убита страшною истиною, которая для ея сердца есть вопіющая ложь, невозможная неправда. Жизнь разбита, вѣра отлетѣла... Чего еще влачить это жалкое, недостойное существованіе? Въ холодныхъ волнахъ Днѣпра она должна найти свой исходъ. Она бросается въ рѣку, а несчастный отецъ сходитъ съ ума. Таковъ первый актъ трагедіи. Героиня гибнетъ въ первомъ же актѣ, но для того, чтобы воскреснуть въ слѣдующемъ. Человѣкомъ она была доселѣ, человѣчно чувствовала, человѣчески любила, но страшная коллизія двухъ стадій пониманія любви и счастья *), коллизія между высокою личностью и низменною средою разрѣшается побѣдой послѣдней. *Человѣка* не надо этой средѣ. Не человѣка искала и любовь князя. И вотъ человѣкъ убитъ, но не героиня драмы. Она жива и могуча, какъ никогда не была могуча, когда сохраняла человѣческое содержаніе. *Съ той поры*, говоритъ она, эта преображенная героиня:

Какъ бросилась безъ памяти я въ воду
Отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой,
И въ глубинѣ Днѣпра рѣки очнулась
Русалкою холодной и могучей.
Прошло ужъ восемь долгихъ лѣтъ **)..
Я каждый день о мщеньи помышляю
И нынѣ, кажется, мой часъ насталъ.

«Въ этомъ коротенькомъ монологѣ русалки раскрывается идея драмы. За фактическою оболочкою, въ которую поэтъ облекъ сюжетъ своего произведенія, ясенъ его смыслъ. Не всегда чистая человѣческая любовь способна поднять до себя любимаго человѣка. Она очеловѣчиваетъ любящаго, но не любимаго. Какой же исходъ этой жестокой коллизіи, тѣмъ болѣе жестокой, что среда полна античеловѣчности, что коллизія, слѣдовательно, почти неизбѣжна? Пушкинъ указалъ въ прежнихъ своихъ произведеніяхъ много варіантовъ такой коллизіи, разрѣшая ихъ на почвѣ дилеммы: гибель или оче-

*) О стадіяхъ пониманія любви я говорилъ раньше въ цитируемой статьѣ. Донжуанство есть болѣе низкая, болѣе ранняя стадія.

**) Четырехстопный стихъ вмѣсто пятистопнаго. Отмѣчаю для будущихъ соображеній.

ловѣченіе. Въ *Русалкѣ* онъ коснулся третьяго исхода, *расчеловѣченія*. Фантастическая оболочка тутъ не при чемъ; расчеловѣченіе можетъ произойти и инымъ путемъ. Не необходимо преображаться въ русалку, чтобы отвернуться съ презрѣніемъ отъ своей былой человѣческой любви и пробудиться отъ ея иллюзій *холодною и могучею*. Можно и съ ума сойти, какъ Марія въ *Полтавѣ*, но можно и ожесточиться сердцемъ, а чувствомъ и помысломъ такъ опуститься, что былую человѣческую личность свою назвать *отчаянной и презрѣнной дѣвчонкой*. Эта-то кара за низменность среды, кара, заключающаяся въ расчеловѣченіи лучшихъ ея членовъ, и затронута Пушкинымъ въ его трагедіи. Въ героинѣ умираетъ человѣкъ — вотъ смыслъ преображенія ея въ русалку. Но съ другой стороны, князь не такъ ужъ низменъ, чтобы не былъ способенъ къ просвѣтлѣнію. Медленно, но оно совершается. Ужасная встрѣча съ съумасшедшимъ старикомъ-мельникомъ даетъ новый толчокъ, и послѣдній монологъ князя (извѣстная каватина въ оперѣ) дышетъ пробудившимся сознаніемъ. Князь на пути къ просвѣтлѣнію. Онъ вспоминаетъ, какъ его *встрѣчала свободнаго свободная любовь*; его совѣсть проснулась; его сознаніе возстановляетъ плѣнительный образъ покинутой и погибшей дѣвушки... И теперь-то онъ долженъ встрѣтить ее русалкою, холодною и могучею, свою расчеловѣченную жертву. Трагизмъ такой встрѣчи и ея послѣдствія не трудно оцѣнить, но здѣсь-то и остановился Пушкинъ. *Русалка* не кончена и Даргомыжскій произвольно придѣлалъ окончаніе. Бѣлинскій, впрочемъ, находилъ, что, собственно говоря, драма окончена, такъ какъ гибель князя является уже предрѣшеннымъ и неизбѣжнымъ событіемъ послѣдняго акта. Такъ ли? Трагедія написана въ 1832 году и пролежала въ портфелѣ поэта почти пять лѣтъ, почти оконченная. Почему же онъ не окончилъ ея?.. Мнѣ кажется потому, что не могъ примириться съ предрѣшенимъ концомъ, а другого найти—не нашелъ. Дѣло въ томъ, что такое разрѣшеніе драмы, которое изъ любви дѣлаетъ зло, не вяжется съ направленіемъ пушкинской поэзіи. Встрѣтившись съ подобною же задачею въ *Полтавѣ*, онъ не справился съ нею вполнѣ удовлетворительно. *Египетскія ночи* онъ тоже не окончилъ, какъ и *Русалку*. Очевидно, ему было органически антипатично подобное разрѣшеніе... Очевидно, Пушкинъ не остановился на исходѣ. Гибель князя, такъ сказать pure et simple, была органически антипатична Пушкину. Расчеловѣченіе не можетъ пройти безнаказанно и для разчеловѣчившагося. Лучше всякаго другого Пушкинъ это чувствовалъ и вѣроятно не находилъ художественно правдиваго разрѣшенія этой задачи въ той обстановкѣ, которую избралъ для трагедіи. Не здѣсь ли надо искать причины, что эта лучшая изъ драмъ Пушкина пять лѣтъ пролежала почти оконченная, когда обыкновенно онъ кончалъ свои произведенія (кромѣ *Онѣгина*) въ одинъ годъ не болѣе? Какъ бы то ни было, идея драмы такъ же глубока, какъ и не обычна. Расчеловѣченіе героини подъ вліяніемъ донъ-

жуанства героя и его очеловѣченіе подъ вліяніемъ любви къ своей погубленной жертвѣ,—таково параллельно развивающееся содержаніе пьесы. Изъ столкновенія этихъ двухъ процессовъ должна была выйти развязка. Она почти ясна и предрѣшена для расчеловѣчившаго героиню, но уже очеловѣченнаго князя. Она загадочна для расчеловѣченной, но очеловѣчившей князя русалки».

Такъ десять лѣтъ тому назать представлялась мнѣ идея драмы и могло быть объяснено ея содержаніе. Я объяснялъ неоконченіе драмы затруднительностью найти художественно правдивое разрѣшеніе трагической коллизіи на почвѣ Пушкинскаго пониманія любви, Мы знаемъ теперь достовѣрно, что драма была кончена. Значить, Пушкинъ разрѣшилъ задачу. Разрѣшается-ли она въ записи г. Зуева? И запись эта продолжаетъ-ли основную нить содержанія, такъ искусно маскированную поэтомъ въ фантастической оболочкѣ и въ массѣ художественныхъ частностей? Посмотримъ.

Читатели помнятъ начало шестой сцены. Ночь. Берегъ Днѣпра. Князь выходитъ на берегъ.

Невольно къ этимъ грустнымъ берегамъ
Меня влечетъ невѣдомая сила.
Все здѣсь напоминаетъ мнѣ былое
И вольной красной юности моей
Любимую, хоть горестную повѣсть.
Здѣсь нѣкогда меня встрѣчала
Свободнаго свободная любовь.
Я счастливъ былъ. Безумецъ!... И я могъ
Такъ вѣтрено отъ счастья отказаться!
Печальныя, печальныя мечты *)
Вчерашняя мнѣ встрѣча оживила.
Отецъ несчастный! Какъ ужасенъ онъ!
Авось опять его сегодня встрѣчу
И согласится онъ оставить лѣсъ
И къ намъ переселиться...
(*Русалочка выходитъ на берегъ*).
Что я вижу!
Откуда ты прелестное дитя? **).

Дѣвочка отвѣчаетъ, что ее прислала къ князю мать ея, которая живетъ на днѣ Днѣпра въ теремѣ прозрачномъ царицею русалокъ. Она, мать ея, все о немъ, князѣ, кручинится и поручила напомнить ему о себѣ, о ихъ былой любви, о завѣтномъ дубѣ, о свиданіяхъ за мельницей... «Но кто же ты?», спрашиваетъ князь.

«Не знаешь! Дочь твоя»,—отвѣчаетъ русалочка, напоминаетъ, со словъ матери, какъ та, въ послѣдній разъ прощаясь, сообщила ему, что ждетъ ребенка.

Но кинулъ ты, уѣхалъ, а она
Въ Днѣпръ бросилась; русалкой вольной стала,

---

*) Необработанный стихъ. Повтореніе портитъ. Отмѣчаю для будущаго.
**) Этимъ стихомъ кончается прежде извѣстный текстъ.

Въ Днѣпрѣ меня, малютку, родила,
Сребристою волною спеленала,
Русалочкой, княжною назвала
И за тебя любила и ласкала.

Князь.

Дочь! Боже, дочь русалка! Иль схожу
И я съ ума, какъ старый, бѣдный мельникъ?
(*Беретъ дочь на руки и цѣлуетъ*).

Мельникъ.

Я здѣсь. Что надобно? А, зять, здорово!
Зачѣмъ пришелъ? не ласкою-ль обманной,
Какъ дочь мою, и внучку погубить
Замыслилъ? Прочь! Будь проклятъ... Прочь, оставь,
Не оскверняй невинныхъ устъ ребенка
Нечистыхъ устъ твоихъ нечистой лаской.
У ворона—я воронъ—клювъ остеръ
И когти есть: онъ защитить съумѣетъ.
Онъ крыльями могучими собьетъ
И острыми когтями сердце вырветъ,
Онъ очи выклюетъ, княжескія очи!*)
И дочери на дно рѣки пошлетъ
Подарочекъ. Пусть тѣшится подаркомъ!
(*Бросается на князя. Борьба*).

Русалочка крикомъ призываетъ мать. Царица русалокъ появляется надъ волнами. Она обуздываетъ и прогоняетъ стараго мельника и въ волненіи смотритъ на своего возлюбленнаго.

Печаленъ онъ и сѣдина въ кудряхъ:
Знать, и ему не радостно жилося...

Затѣмъ обращается къ князю съ вопросомъ о дочери, которая такъ красива и такъ похожа лицомъ на отца. Далѣе она вспоминаетъ о своей красотѣ, объ ихъ любви, о мукахъ, которыя она перенесла.

Ахъ, страшно вспомнить!
Румянецъ ты укралъ, покрылъ позоромъ,
Отъ слезъ угасли очи, горькихъ слезъ!
Уста поблекли, жаждой поцѣлуя
Палящею ревнивою томясь,
И день и ночь проклятья повторяя
И день и ночь такъ долго много лѣтъ
Ждала тебя, безумно мстить хотѣла
За твой обманъ, за свой дѣвичій стыдъ,
За ревности сердечныя страданья,
За ночи, князь, съ разлучницей моей,
За ласки страстныя ея объятій!

Это конечно, не та героиня драмы, которую мы видѣли въ первомъ актѣ. Это русалка, потерявшая свое человѣческое содержаніе, но сохранившая все пламя физической страсти, физическихъ

---

*) Стихъ явно испорченный.

страстей, мести столько же, сколько любовнаго желанія, ревности столько же, сколько гнѣва и безсильной злобы. Въ этомъ страшная кара за расчеловѣченіе. Какъ бы ни былъ несчастенъ *человѣкъ*, онъ найдетъ въ своей совѣсти, въ своемъ сознаніи, въ возможности благословлять другихъ на счастье, опору своей потерянной и поруганной жизни. Потерявшій-же человѣческій образъ, но сохранившій, не могущій не сохранить своей даровитости, своихъ запросовъ отъ жизни, будетъ проходить эту жизнь въ тѣхъ мукахъ и страданіяхъ, о которыхъ такъ краснорѣчиво только что намъ повѣдала царица русалокъ, что «долгихъ восемь лѣтъ о мщеніи помышляла».

Значитъ, отчасти Пушкинъ нашелъ разрѣшеніе выше поставленному вопросу. Онъ, однако, не остановился, не могъ остановиться на такомъ исходѣ. Показавши послѣдствія расчеловѣченія для расчеловѣчившаго (что не можетъ пройти для него безнаказанно, какъ я выше указалъ уже), Пушкинъ идетъ дальше. Героиня слишкомъ много страдала. Она не могла не понять чужихъ страданій, а понять, значитъ простить. Она поняла, что и князю «нерадостно жилось», что и онъ страдалъ, и простила. «Увидѣла», говоритъ онъ въ заключеніе цитированнаго монолога:

Увидѣла... Забыты оскорбленья,
Замолкла месть поруганной любви...
Простила все.
Не нагляжусь. Какъ прежде,
Любовью жаркою и страстной сердце бьется
И ждутъ уста твой поцѣлуй желанный,
Истомный, сладкій, прежній поцѣлуй!
Но поцѣлуй мой—смерть. Прощай, бѣги,
Будь счасливъ, князь, съ подругой молодою,
Меня и дочь на вѣки позабудь...
Будь счастливъ!
(*скрывается съ русалочкой подъ волнами*).

Князь.

Нѣтъ, не разлучусь съ тобой,
Жить безъ тебя, безъ нашего ребенка
Не въ силахъ... Лучше смерть въ твоихъ объятьяхъ!
(*бросается въ Днѣпръ*).

Такъ гибнетъ князь и такъ разрѣшается трагедія. Здѣсь чувствуется необходимость монолога князя, но смыслъ и характеръ гибели совершенно ясны.

Героиня, жестоко наказанная за свое расчеловѣченіе долгими мучительными страданіями, теперь подъ вліяніемъ вновь проснувшейся прежней человѣческой любви, возвышается до самоотверженія, но въ самоотверженіи же находитъ исходъ и князь, который гибнетъ не отъ руки своей поруганной жертвы, а добровольно слѣдуя за нею, въ ея прозрачную могилу.

Въ сущности, здѣсь можно бы закончить трагедію. Однако, послѣдствія нечестиваго поведенія не такъ легко ликвидируются.

Своей добровольной гибелью князь искупаетъ свой грѣхъ, но плоды грѣха остаются на землѣ и несутъ горе и страданія.

Восьмая сцена (послѣ гибели князя) открывается хоромъ русалокъ. Тотъ же берегъ. Предъ разсвѣтомъ.

Хоръ.

Туманной росою
Окрестность полна,
Смолкъ шумъ надъ землею,
Не ропщетъ волна.

Одна русалка.

Звѣзды меркнутъ и блѣднѣе
Свѣтитъ мѣсяцъ золотой...

Другая русалка.

Волны стали холоднѣе,
Ночь встрѣчается съ зарей.

Хоръ.

Огоньки зажглись, блуждаютъ...
Вѣтерокъ пахнулъ свѣжѣй,
Соловьи зарю встрѣчаютъ
Пѣсней страстною своей,
Предъ разсвѣтными лучами
Намъ привольнѣе играть,
Пѣну гребнемъ надъ волнами
Пылью радужной взбивать...

Одна русалка

Слушать звуки пробужденья
Здѣсь надъ нами, тамъ—вдали...

Другая русалка.

Говоръ листьевъ, птичекъ пѣнье,
Шумы разные земли. *)

Одна русалка.

Тише, тише, за лѣсною
Чащей слышенъ звукъ роговъ...

Другая русалка.

Пронесемтесь надъ рѣкою
И, чаруя красотою,
Пѣсней страстной, огневою,
Заманимъ къ себѣ ловцевъ.

Я привелъ этотъ хоръ русалокъ, чтобы спросить скептиковъ:— если это хореи не пушкинскіе, то чьи-же? Неужели г. Зуева? Я думаю, что пушкинскіе, какъ и выше цитированные діалоги и монологи, хотя въ нихъ можно скорѣе ожидать нѣкоторыхъ неточ-

---

*) Въ четвертой сценѣ въ хорѣ русалокъ были первоначально стихи «слушать ухомъ ненасытнымъ шумы разные земли». Очевидно, они потому вычеркнуты, что второй стихъ перенесенъ сюда

ностей. Пятистопные нериомованные ямбы запоминаются гораздо труднѣе этихъ звучныхъ богато риомованныхъ хореевъ. Возвращаемся къ сюжету. Русалки уплываютъ. Выходятъ охотники, посланные княгиней за княземъ. Они напрасно проискали его столько часовъ. обыскали весь лѣсъ. Ловчій говоритъ, что князь будто канулъ въ воду. Его останавливаетъ одинъ охотникъ разсказомъ, какъ здѣсь утопилась возлюбленная князя. Она ожидала ребенка, «была непраздною», какъ выражается охотникъ, а князь женился, она и погибла... Ловчій презрительно возражаетъ на это сообщеніе товарища:

Скажи! Непраздною... Погибла... Важность!
По твоему, чтожъ цѣлый вѣкъ любиться
Съ немилою голубкой долженъ князь?
По моему, сама подговорилась.
Князь молодъ и горячъ, красавецъ безотказный,
Богатъ и щедръ. Должна быть рада дура!
Не конюхъ, князь ее бабенкой справилъ.

Эта уличная философія любви, цинически высказываемая на самомъ мѣстѣ только что свершившейся трагической катастрофы, еще ярче оттѣняетъ гибель жертвъ этой философіи. Двѣ только что были показаны читателямъ; третья, самая безвинная, впереди

На встрѣчу охотникамъ изъ воды выходитъ русалочка и зоветъ къ себѣ. Они бросаются къ ней. Первый подбѣжавшій спрашиваетъ: «Зачѣмъ звала, малютка?»

Русалочка.

Князь велѣлъ
Отдать кольцо вѣнчальное княгинѣ,
Сказать, что къ ней онъ болѣ не вернется,
Что въ теремѣ подводномъ будетъ жить
Съ царицею русалокъ, что вольна
Княгиня тѣмъ кольцомъ съ другимъ вѣнчаться,
Что слугамъ шлетъ прощанье вѣковое
И о душѣ молиться проситъ ихъ,
Но какъ молиться, я того не знаю.

Охотники пытаются овладѣть дѣвочкой, но та расплывается волною. Они въ страхѣ мечутся по лѣсу, натыкаются на трупъ мельника и спѣшатъ къ княгинѣ, которая въ смятеніи ожидаетъ ихъ въ теремѣ. Ее томитъ предчувствіе. Мамка успокаиваетъ, но напрасно. Княгиня видѣла сонъ, который ее приводитъ въ трепетъ и заставляетъ ждать всего худшаго, вѣчной разлуки, гибели. Она не сомнѣвается, что сонъ вѣщій:

Мнѣ снилося: я золото считала,
Низала жемчугъ, въ яхонты рядилась,
Кровавые, блестящіе, большіе...
И дѣвичій вѣнокъ булавкой черной
Надъ русою косою приколола...
Изъ водныхъ струй сотканною фатой

Покрылась и, блистая красотою,
Съ улыбкою въ храмъ Божій я вступила.
Хоръ пѣвчихъ „Со Святыми упокой"
Пропѣлъ и мнѣ, и князю. Въ ноги намъ
Не аксамитъ, а зеркало, какъ ледъ
Холодное, постлали предъ налоемъ,
И свѣчи воска бѣлаго съ цвѣтами
И золотомъ зажгли и дали въ руки,
Вѣнцы надѣли, кольца обмѣняли,
Три раза вкругъ налоя обвели
И пѣли „Со Святыми упокой
Рабовъ твоихъ, Владыко, въ царствѣ свѣта!"
Замолкли... Вмигъ въ рукахъ погасли свѣчи,
А тамъ внизу, на зеркалѣ, зажглись.
Я вижу, князь вѣнчается съ другою,
Красавицей, подводною жилицей...
Я вскрикнула!... Проснулась...

Мамка.

Вѣщій сонъ!
Молись Христу, голубушка родная,
Онъ властенъ дать и радость, и печаль.

Возвращаются охотники. Ловчій подаетъ княжеское кольцо Княгиня падаетъ мертвая на руки мамки.

Трагедія кончена. Пушкинъ-ли далъ это окончаніе? Мнѣ кажется, Пушкинъ. Гармоническое единство сюжета, выдержанность основной идеи, прекрасный стихъ цитированныхъ мѣстъ, все говоритъ въ пользу довѣрія. Къ сожалѣнію, я привелъ почти все, что можно признать пушкинскими стихами. Остальное много слабѣе по формѣ и какъ бы не договорено по содержанію. Остановимся еще немного на этой сторонѣ разбираемаго документа.

III.

Г. Бартеневъ, въ примѣчаніяхъ къ напечатанному имъ полному тексту *Русалки*, между прочимъ, самъ сознаетъ многія несовершенства впервые появляющихся сценъ. Онъ пробуетъ такъ парировать это обстоятельство (*Рус. Арх.*, 1897, № 3,371): «При всемъ художественномъ совершенствѣ своемъ, *Русалка* и въ тѣхъ сценахъ, которыя вошли въ собраніе сочиненій А. С. Пушкина, и въ окончаніи, нынѣ появляющемся благодаря счастливой памяти Д. И. Зуева, есть произведеніе посмертное, не вполнѣ приготовленное къ печати. Читатели знаютъ, напр., что первые два стиха шестой сцены суть повтореніе стиховъ въ сценѣ четвертой, чего Пушкинъ не допустилъ-бы въ окончательной отдѣлкѣ». Можетъ быть, не допустилъ-бы, но можетъ быть и допустилъ-бы. Допустимъ, однако, что нѣтъ. Прибавимъ къ этому всѣ слабые и необработанные стихи прежде извѣстнаго текста. Я уже указалъ на прозаическое повтореніе словъ «печальныя, печальныя» (стихъ 10, сцена VI) и на четырехстопный ямбъ вмѣсто пятистопнаго (стихъ 41, сцена

V). Такой же четырехстопный ямбъ встрѣчается еще въ одномъ мѣстѣ: «*Змѣей, змѣею онъ меня*, Не жемчугомъ опуталъ...» (стихъ 245, сцена I). Невѣрное удареніе находимъ въ стихѣ «Пригоршню раковинокъ самоцвѣтныхъ» (стихъ 17, сцена V). Не изященъ стихъ «Какъ дождь посыпа*лися* на меня» (стихъ 34, сцена IV). Наконецъ, вполнѣ правиленъ, но не производитъ впечатлѣніе стиха: «Сталъ (остановился) жорновъ.... Видно, умеръ и старикъ» (стихъ 23, сцена IV). Вотъ и все, при самой придирчивой строгости. Считая и два отмѣченныхъ г. Бартеневымъ, всего *восемь* стиховъ изъ *пятисотъ пятидесяти двухъ!* Всѣ, при томъ же, безъ затрудненія могутъ быть исправлены, даже не Пушкинымъ. Если бы погрѣшности вновь появившихся 230 стиховъ были даже вдвое, втрое многочисленнѣе, мы бы охотно даже не говорили о нихъ или же говорили бы, чтобы признать ихъ недоказательность, какъ возраженіе противъ полной точности воспроизведенія драмы г. Зуевымъ. Къ сожалѣнію, дѣло обстоитъ гораздо хуже. Приходится не отдѣльные неудачные стихи вылавливать, а сомнѣваться въ цѣлыхъ длинныхъ тирадахъ, въ совокупности составляющихъ около половины всего вновь напечатаннаго текста. Нами выше процитировано 113 стиховъ, которые мы склонны признать пушкинскими (быть можетъ, съ нѣкоторыми ошибками и неточностями). Изъ остальныхъ 117 стиховъ едва можно набрать десятка три, о которыхъ можно сказать отчасти то же. Приведемъ нѣкоторыя данныя, подтверждающія высказываемое нами мнѣніе.

Выше мы привели конецъ рѣчи русалочки, разсказывающей князю о своемъ рожденіи и своемъ родствѣ съ нимъ. Приведемъ теперь начало той-же рѣчи. На вопросъ князя «Но кто-же ты?»

Русалочка.

Не знаешь? Дочь твоя,
Русалочка. Припомни, говорила,
Прощаясь мать: „Нельзя, чтобы на вѣкъ
„Разстались вы; что шутку шутишь; что
„Ребенокъ твой подъ сердцемъ шевельнулся“...
— Ахъ, въ кустикѣ тамъ птенчикъ встрепенулся!

Эта рубленная проза едва-ли можетъ быть признана пушкинскими стихами, и сбивчивость изложенія поражаетъ еще больше... И при чемъ тутъ птенчикъ? У Пушкина, можетъ быть, это и имѣло смыслъ, въ воспроизведеніи г. Зуева — никакого! И послѣ этихъ виршей:

Но кинулъ ты, уѣхалъ, и она
Въ Днѣпръ бросилась, русалкой вольной стала,
Въ Днѣпрѣ меня, малютку, родила,
Сребристою волною спеленала,
Русалочкой, княжною назвала
И за тебя любила и ласкала.

Я повторяю эти шесть стиховъ для наглядности *). И не правъ-ли я, когда думаю, что первоначальная запись г. Зуева начиналась именно съ перваго стиха послѣдней цитаты (42 стихъ VI сцены)? А предъидущіе 24 стиха (всѣ въ родѣ цитированныхъ шести) вѣроятно позже возстановлены по памяти, для связи съ печатнымъ текстомъ.

Двадцать одинъ стихъ, начинающіеся сорокъ вторымъ, вѣроятно, записаны въ ноябрѣ 1836 года, непосредственно послѣ выслушанія драмы. Далѣе, опять какой то lapsus. Когда сумасшедшій мельникъ бросается на князя, русалочка зоветъ мать:

Мама, мама! Злой дѣдка обижаетъ.
Скорѣе, мама, помоги!...

Какимъ это стихомъ написано? Первыя двѣ стопы хореи, три послѣднихъ—ямбы! Или надо читать «мамà, мамà»? Не говоря о невозможности такого чтенія, оно не спасаетъ, потому что какофонія была бы только перенесена изъ перваго во второй стихъ... Нѣсколько дальше героиня такъ обращается къ отцу:

Прочь съ глазъ, продàвецъ дочери проклятый!

Сомнѣваюсь, чтобы у Пушкина это мѣсто было такъ грубо изложено, да и по ходу дѣла этого не требуется. Къ тому же, по-русски говорятъ «продавѐцъ», а не «продàвецъ», какъ здѣсь приходится читать. Въ словѣ «христопродàвецъ» удареніе переносится ради длины. Поэтому—«дочепродáвецъ», но «продавѐцъ дочери»..

Все это коротенькое мѣсто, связывающее предыдущіе признаваемые нами 21 стихъ съ послѣдующимъ монологомъ героини, не только очень слабо, но прямо невозможно (не въ черновомъ наброскѣ). Полагаю, что и въ этомъ случаѣ монологъ героини могъ быть записанъ въ ноябрѣ 1836 года подъ непосредственнымъ впечатлѣніемъ чтенія, а связь съ предыдущею записью могла быть возстановлена позднѣе по памяти. Не только безобразные стихи, несвойственная драмѣ грубость тона, сбивчивость изложенія склоняютъ къ этому, но, напр., и совершенное безмолвіе князя при

---

*) Стихи риѳмованные, что какъ бы нарушаетъ характеръ стиха. Однако, такія риѳмованныя мѣста можно найти и въ *Борисѣ Годуновѣ*, тамъ, гдѣ рѣчь пріобрѣтаетъ особенное одушевленіе:

Тѣнь Грознаго меня усыновила,
Наслѣдникомъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы ополчила
И въ жертву мнѣ Бориса обрекла.

Съ другой стороны, помня, что разбираемые стихи записаны по памяти можно думать, что риѳмы явились ужé у г. Зуева, для чего стоило только переставить въ двухъ мѣстахъ по одному слову. Могло у Пушкина читаться:

Въ Днѣпръ бросилась, русалкой стала вольной
. . . .
И за тебя ласкала и любила.

Достоинство стиха ничего не теряетъ, а риѳмы исчезаютъ.

этой роковой и желанной встрѣчѣ, даже отсутствіе ремарокъ по его адресу. Наконецъ, почему это оказывается *седьмая* сцена, когда все дѣйствіе есть прямое непрерывное продолженіе шестой сцены (и на томъ же мѣстѣ)? Вѣроятно, въ пушкинскомъ изложеніи были основанія для отдѣленія двухъ сценъ, шестой и седьмой, но въ воспроизведеніи г. Зуева эти основанія исчезли. Остальные 34 стиха седьмой сцены мы склонны признать пушкинскими, но предполагаемъ, что въ воспроизведеніи вкрались неточности, въ стихахъ же отъ восьмого до шестнадцатаго, по всей вѣроятности,— даже существенныя неточности *).

Я уже упомянулъ, что въ заключеніе этой сцены (которую нельзя не считать и заключеніемъ четвертаго, важнѣйшаго акта трагедіи)**) чувствуется необходимость монолога князя, бросающагося въ Днѣпръ. Трудно утверждать, пропускъ-ли это г. Зуева, или монолога и не было вовсе? Его могли замѣнить реплики князя въ началѣ седьмой сцены, началѣ, которое, кажется, приходится признать сильно искаженнымъ въ передачѣ г. Зуева.

Восьмая сцена открывается (какъ и четвертая) хоромъ русалокъ. Эти двадцать шесть стиховъ надо признать пушкинскими. Мы уже отмѣтили ихъ связь съ хоромъ въ IV сценѣ, откуда перенесенъ стихъ, а тамъ исключенъ. Хотя и тамъ онъ былъ умѣстенъ и красивъ, но здѣсь умѣстнѣе. Безъ этого перенесенія упомянутаго стиха въ хоръ восьмой сцены Пушкинъ не имѣлъ основанія исключать его изъ хора четвертой сцены. Отмѣтимъ еще, что оба хора, написанные совершенно одинаковыми хореями, оба начинаются четырьмя стихами двухстопнаго амфибрахія. Независимо

*) Въ седьмой сценѣ наша нумерація совпадаетъ съ нумераціей г. Бартенева.

**) Драма совершенно явственно распадается на пять цѣльныхъ и въ себѣ законченныхъ актовъ. Первыя двѣ сцены (на мельницѣ и свадьба) составляютъ каждая по акту. Третій актъ, ночь черезъ восемь лѣтъ послѣ первыхъ двухъ актовъ, состоитъ изъ двухъ сценъ, происходящихъ одновременно и тѣсно связанныхъ по развитію содержанія. Это, вопервыхъ, сцена въ теремѣ, діалогъ княгини и мамки, а вовторыхъ, на берегу Днѣпра, хоръ русалокъ, князь, его встрѣча съ мельникомъ. Четвертый актъ тоже изъ двухъ сценъ, если (какъ мы склонны) считать шестую и седьмую сцены за одну. Это ночь, слѣдующая за ночью третьяго акта. Сюда входитъ сцена, въ подводномъ теремѣ и ея продолженіе на берегу, встрѣча князя и діалоги съ русалочкой и русалкою, гибель князя. Пятый актъ—конецъ той же ночи передъ разсвѣтомъ, тоже двѣ сцены; сначала на берегу, гдѣ охотники ищутъ князя; потомъ въ теремѣ... Такимъ образомъ, выходитъ пять актовъ въ восьми сценахъ: первый—256 стиховъ; второй 76 (или 95, если считать 19 стиховъ, печатающихся въ примѣчаніи); третій—161; четвертый—144 и пятый—145 стиховъ.

Кстати, объ упомянутыхъ 19 стихахъ второго акта, печатающихся въ примѣчаніи. Почему они такъ печатаются? Нигдѣ не приведено свѣдѣнія, чтобы они были *зачеркнуты* въ рукописи. Если же они опущены въ первомъ изданіи, это не резонъ ихъ опускать теперь.—Одинъ изъ многихъ примѣровъ небрежности изданій Пушкина.

отъ прелести стиха въ хорѣ русалокъ VIII сцены, и эти маленькія сближенія даютъ намъ лишнее основаніе для довѣрія.

Восьмая сцена заключаетъ въ себѣ девяносто восемь стиховъ. Мы признали только что двадцать шесть. Выше, въ предыдущемъ параграфѣ, мы сверхъ того цитировали семь стиховъ изъ реплики ловчаго *), да девять стиховъ рѣчи русалочки, всего 42 стиха. Что сказать объ остальныхъ 56-ти?

Почитаемъ:

Я побѣжалъ на слухъ, но никого
Не видѣлъ. Знать, то лѣшій хороводилъ
Съ русалками. Ихъ часъ теперь, какъ разъ,
Передъ разсвѣтомъ тѣшиться гулянкой.

Или:

Что падаешь? Споткнулся? Это что?
Трупъ мельника!.. Ну, отъ часу не легче!
Скорѣй домой, что-бъ съ нами не стряслася
Бѣда. Скорѣй къ княгинѣ поспѣшимъ.

Размѣръ соблюденъ, но если это стихи, то что же назвать рубленой прозой? Нѣкоторые стихи попадаются лучше и поэтичнѣе, напр., съ 57 по 61 (съ явною ошибкою въ 59) **). Г. Зуевъ, должно быть, добросовѣстно припоминалъ, но не все могъ припомнить. Большое спасибо и за то, всетаки немалое, что ему удалось припомнить удовлетворительно.

Изъ коротенькой девятой сцены (всего 47 стиховъ) ***) я выше привелъ *Сонъ княгини*, одинъ изъ шедевровъ всей драмы. Изложеніе сна занимаетъ 23 стиха. Остальные не безъ дефектовъ, но, вообще, сносны и терпимы.

Сводя эти замѣтки, мы склонны въ концѣ концовъ признать пушкинскими или близкими пушкинскому подлиннику слѣдующіе стихи (изъ вновь появившихся въ «Русскомъ Архивѣ» по воспоминаніямъ г. Зуева), именно:

VI	сцена,	съ	42	стиха	по	62= 21	стихъ.
VII	»	»	7	»	»	40= 34	»
VIII	»	»	1	»	»	26= 26	»
—	»	»	39	»	»	45= 7	»
—	»	»	57	»	»	61= 5	»
—	»	»	76	»	»	84= 9	»
IX	»	»	1	»	»	47= 47	»
						S=149 ****).	

*) Въ текстѣ г. Зуева фигурируетъ это лицо подъ именемъ то старшаго охотника, то любимца князя, но въ третьей и четвертой сценахъ, очевидно, то же самое лицо называется ловчимъ. Поэтому и мы его всюду такъ и называемъ. Старшій охотникъ и есть, конечно, ловчій, а о томъ, что онъ любимецъ князя, довольно ремарки при его выступленіи.

**) По нумераціи г. Бартенева, отъ 59 до 63. Испорченный стихъ 61-й. Первое слово «какъ» слѣдовало бы, кажется, замѣнить словомъ «то».

***) У г. Бартенева сорокъ восемь.

****) По г. Бартеневу 150, именно: VI, 44—64; VII, 7—40; VIII, 1—26. 40—46, 59—63, 79—87; IX, 1—47.

Итого, при снисходительномъ отношеніи—сто сорокъ девять стиховъ, при строгомъ—сто тринадцать (какъ выше подсчитано),—вотъ что съ нѣкоторыми основаніями можетъ быть отнесено къ Пушкину. Насколько эти стихи являются болѣе или менѣе *удачнымъ* припоминаніемъ, настолько остальные (отъ 81 до 117, смотря по строгости оцѣнки) представляются такими же припоминаніями, но только *неудачными*. Они сохраняютъ значеніе для изложенія сюжета и, при изданіи, могли бы даже пересказываться прозою.

Дефекты стиховъ, по крайней мѣрѣ, нѣкоторые изъ нихъ, при критикѣ новаго текста, могутъ служить не только для исключенія тѣхъ или другихъ мѣстъ изъ числа пушкинскихъ, но и для подтвержденія подлинности хорошихъ стиховъ. Если допустить, что г. Зуевъ вымыслилъ самъ окончаніе и теперь выдаетъ за пушкинское, то присутствіе въ его текстѣ свыше сотни образцовыхъ стиховъ обнаружило бы въ немъ, по крайней мѣрѣ, хорошаго версификатора, хорошо знакомаго съ техникою стихослагательства. Онъ могъ сложить при этомъ очень прозаическіе стихи, но онъ не могъ бы предложить вмѣсто стиховъ совсѣмъ не стихи. Я уже приводилъ одинъ такой не-стихъ «мама, мама, злой дѣдка обижаетъ». Другой такой не-стихъ: «Сказки! Непраздною... Погибла... Важность!» Выше я его привелъ такъ: «Скажи! Непраздною... и т. д.», потому что нельзя читать «сказки». Но г. Зуевъ свято воспроизвелъ, какъ запомнилъ. Или этотъ стихъ: «Сказать, малютка вышла изъ воды» (сцена VIII, стихъ 72),*) совершенная безсмыслица. Я уже указывалъ на стихъ 60, сцена VI **), гдѣ надо читать *княжія* съ удареніемъ на *і*. Стихъ 36 и 37 шестой сцены ***) напечатаны такъ:

Не знаешь? Дочь твоя,
Русалочка. Припомни, говорила и т. д.

Т. е. тридцать шестой стихъ оказывается трехстопнымъ, потому что онъ напечатанъ, какъ самостоятельный. Выше я его привелъ такъ:

Не знаешь? Дочь твоя,
Русалочка. Припомни, говорила и т. д.

Соединяя первую строчку съ вопросомъ князя «но кто же ты?», получаемъ всѣ пять стопъ. Г. Зуевъ и этого не сумѣлъ. Совершенно такое-же неумѣніе расположить стихи (вѣрнѣе, полустихи), встрѣчаемъ и въ другихъ мѣстахъ. Есть даже стихъ, состоящій изъ одного «ну?» (VIII-ая сцена, между стихами 34 и 35).

Можно было бы значительно умножить эти примѣры, доказывающіе, что г. Зуевъ старался припомнить, а не стихи сочинять. Припомнилъ онъ не всегда ладно, но какъ припомнилось, такъ и напечатали теперь, даже съ явными несообразностями. Именно эти кон-

---

*) У г. Бартенева—74-й.
**) У г. Бартенева—64-й.
***) У г. Бартенева 37 и 38.

трасты стиховъ, исполненныхъ замѣчательнаго техническаго совершенства, со строками, которые и за стихи, хотя бы плохіе, признать невозможно, и являются въ моихъ глазахъ новымъ доводомъ, чтобы не считать предложенный г. Зуевымъ текстъ вымышленнымъ, и чтобы признать его воспроизведеніемъ Пушкинскаго текста по памяти, которая многое отлично сохранила, въ другихъ случаяхъ болѣе или менѣе измѣнила г. Зуеву *).

Мнѣ кажется, это и есть тотъ выводъ, который должно сдѣлать изъ обзора напечатаннаго въ *Русскомъ Архивѣ* полнаго текста *Русалки* въ связи съ нѣкоторыми историко-литературными и библіографически данными, выше приведенными, въ первомъ параграфѣ этого *Дневника*. Подведемъ итоги.

Только что упомянутыя историко-литературныя и библіографическія данныя устанавливаютъ, что драма *Русалка* была окончена Пушкинымъ, но полный текстъ ея былъ утраченъ или изъятъ изъ бумагъ Пушкина въ промежутокъ времени между печальною кончиною поэта и поступленіемъ его бумагъ въ руки Жуковскаго. Пушкинъ нерѣдко читалъ въ рукописи свои ненапечатанныя произведенія въ средѣ своихъ знакомыхъ. Чтеніе *Русалки* у Губера представляется, стало быть, фактомъ, который нѣтъ основанія оспаривать. Читалась, конечно, драма оконченною. Ее слышалъ Д. П. Зуевъ, и вовсе не нужно какой-нибудь изъ ряду выдающейся, феноменальной памяти, чтобы запомнить сразу (въ четырнадцать лѣтъ, вдобавокъ) какую нибудь сотню стиховъ, особенно поразившихъ воображеніе, а вмѣстѣ съ ними, съ грѣхомъ пополамъ, и другую сотню, составляющую съ ними одно цѣлое. Это и сдѣлалъ г. Зуевъ. Ничего не представляется болѣе естественнымъ, какъ то, что онъ поспѣшилъ записать все, что успѣлъ запомнить. Далекій отъ литературы и литературныхъ кружковъ; воспитанный въ то время, когда Пушкинъ считался чуть-чуть не новымъ Робеспьеромъ, а обладаніе ненапечатанными Пушкинскими стихами казалось многимъ чуть не государственнымъ преступленіемъ; живущій въ захолустьи, г. Зуевъ легко могъ сохранять свою драгоцѣнность въ неизвѣстности, но и въ «безопасности». Надо было, чтобы на рукопись натолкнулся г. Чичеринъ. Тогда она была извлечена изъ своей «безопасности» и предъявлена изумленной публикѣ. Опытность гг. Чичерина и Бартенева является гарантіей, что за рукопись тридца-

*) По словамъ г. Морозова, «въ рукописи остался набросокъ программы: «*Мельникъ и его дочь*, *Свадьба*, *Княгиня и мамка*, *Русалки*, *Князь*, *Старикъ и русалочка*, *Охотники*». Изъ прежде-извѣстнаго текста въ программѣ пропущена пятая сцена; изъ новаго текста — седьмая и девятая. Зато шестая и восьмая поименованы. Пропускъ въ программѣ пятой сцены показываетъ, что въ этомъ «наброскѣ» могли быть пропущены также седьмая и девятая. Появленіе же этихъ сценъ въ рукописи г. Зуева показываетъ, что онъ не руководствовался давно уже напечатанной программой, что представляетъ собою новый доводъ противъ поддѣлки.

тыхъ годовъ намъ не выдаютъ рукопись девятидесятыхъ. При этихъ данныхъ, внимательная критика полнаго текста *Русалки* представляется необходимостью, а насмѣшливый скептицизмъ, безъ такой предварительной критики,—крайнимъ легкомысліемъ. Анализъ самой драмы, какъ мнѣ кажется, свидѣтельствуетъ ея происхожденіе отъ Пушкина. Выдержанность идеи, единство содержанія и замѣчательная техника нѣкоторыхъ мѣстъ являются тому доказательствомъ. Слабость техники и какая-то недосказанность изложенія другихъ мѣстъ, показывая, что память г. Зуева ему нерѣдко измѣняла, вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаютъ не измышленіе текста (онъ былъ бы въ такомъ случаѣ равнодостойнѣе), а его возстановленіе по памяти. Повидимому, значительная часть текста, приблизительно около половины (не менѣе ста тринадцати стиховъ и не болѣе ста сорока девяти) воспроизведена очень близко къ Пушкинскому подлиннику. Остальное (не менѣе восьмидесяти одного стиха и не болѣе ста семнадцати), какъ кажется, воспроизведено неудовлетворительно, едва-ли можетъ быть признано Пушкинскимъ текстомъ и сохраняетъ значеніе, главнымъ образомъ, какъ изложеніе сюжета. Эти слабо-воспроизведенныя мѣста лучше было бы излагать прозою, лишь для связи между прекрасными строфами, за сохраненіе которыхъ русская литература должна быть признательна Д. П. Зуеву. Не иначе, какъ съ такою же признательностью должна русская литература относиться и къ инициативѣ Б. Н. Чичерина, извлекшаго рукопись изъ ея шестидесятилѣтней неизвѣстности, и къ рѣшимости П. И. Бартенева, помѣстившаго въ своемъ журналѣ найденный фрагментъ и не отступившаго передъ отвѣтственностью шага, который легко можетъ быть истолкованъ, какъ жестокій промахъ человѣка, лишеннаго вкуса и критической способности. По нашему крайнему убѣжденію, шагъ г. Бартенева отнюдь не промахъ, а крупная заслуга, подарившая русской публикѣ полное знакомство съ идеей и содержаніемъ драмы въ ея цѣломъ, а, въ частности, чудесныя строфы, истинные шедевры. Можно пожелать только, чтобы напечатаніе текста было дополнено, какъ мы выше уже говорили, подробнымъ описаніемъ рукописи, а если возможно, то и помѣщеніемъ въ какое-нибудь книгохранилище, доступное каждому изслѣдователю.

Возможно, что мы никогда не получимъ другого полнаго текста четырехъ послѣднихъ сценъ *Русалки*. Поэтому и должно озаботиться сохраненіемъ и изслѣдованіемъ рукописи г. Зуева. Эти заботы не мѣшаютъ и другимъ заботамъ, именно: найти Пушкинскій подлинникъ. Лѣтъ около десяти тому назадъ въ «Вѣстникѣ Европы» было напечатано стихотвореніе Лермонтова «На смерть Пушкина» по рукописи, сохранившейся при дѣлахъ бывшаго третьяго отдѣленія. Если къ дѣлу о Лермонтовѣ, производившемуся въ 1837 году, была пріобщена рукопись его стихотворенія, признаннаго тогда запретнымъ, то отчего бы къ дѣлу о Пушкинѣ, производившемуся тамъ же въ томъ же 1837 году, не оказались пріобщенными стихотворенія

трасты стиховъ, исполненныхъ замѣчательнаго техническаго совершенства, со строками, которые и за стихи, хотя бы плохіе, признать невозможно, и являются въ моихъ глазахъ новымъ доводомъ, чтобы не считать предложенный г. Зуевымъ текстъ вымышленнымъ, и чтобы признать его воспроизведеніемъ Пушкинскаго текста по памяти, которая многое отлично сохранила, въ другихъ случаяхъ болѣе или менѣе измѣнила г. Зуеву *).

Мнѣ кажется, это и есть тотъ выводъ, который должно сдѣлать изъ обзора напечатаннаго въ *Русскомъ Архивѣ* полнаго текста *Русалки* въ связи съ нѣкоторыми историко-литературными и библіографически данными, выше приведенными, въ первомъ параграфѣ этого *Дневника*. Подведемъ итоги.

Только что упомянутыя историко-литературныя и библіографическія данныя устанавливаютъ, что драма *Русалка* была окончена Пушкинымъ, но полный текстъ ея былъ утраченъ или изъятъ изъ бумагъ Пушкина въ промежутокъ времени между печальною кончиною поэта и поступленіемъ его бумагъ въ руки Жуковскаго. Пушкинъ нерѣдко читалъ въ рукописи свои ненапечатанныя произведенія въ средѣ своихъ знакомыхъ. Чтеніе *Русалки* у Губера представляется, стало быть, фактомъ, который нѣтъ основанія оспаривать. Читалась, конечно, драма оконченною. Ее слышалъ Д. П. Зуевъ, и вовсе не нужно какой-нибудь изъ ряду выдающейся, феноменальной памяти, чтобы запомнить сразу (въ четырнадцать лѣтъ, вдобавокъ) какую нибудь сотню стиховъ, особенно поразившихъ воображеніе, а вмѣстѣ съ ними, съ грѣхомъ пополамъ, и другую сотню, составляющую съ ними одно цѣлое. Это и сдѣлалъ г. Зуевъ. Ничего не представляется болѣе естественнымъ, какъ то, что онъ поспѣшилъ записать все, что успѣлъ запомнить. Далекій отъ литературы и литературныхъ кружковъ; воспитанный въ то время, когда Пушкинъ считался чуть-чуть не новымъ Робеспьеромъ, а обладаніе ненапечатанными Пушкинскими стихами казалось многимъ чуть не государственнымъ преступленіемъ; живущій въ захолустьи, г. Зуевъ легко могъ сохранять свою драгоцѣнность въ неизвѣстности, но и въ «безопасности». Надо было, чтобы на рукопись н[illegible] толкнулся г. Чичеринъ. Тогда она была извлечена из[illegible] своей [illegible] зопасности» и предъявлена изумленной публикѣ. Оп[illegible]сть [illegible] черина и Бартенева является гарантіей, что за ру[illegible]

*) По словамъ г. Морозова, «въ рукописи остался [illegible] «*Мельникъ и его дочь*, *Свадьба*, *Княгиня и мамка*, *Рус*[illegible] *русалочка*, *Охотники*». Изъ прежде-извѣстнаго те[illegible] щена пятая сцена; изъ новаго текста — седьм[illegible] восьмая поименованы. Пропускъ въ програм[illegible] что въ этомъ «наброскѣ» могли быть [illegible] тая. Появленіе же этихъ сценъ въ р[illegible] не руководствовался давно уже на[illegible] собою новый доводъ противъ поддѣлк[illegible]

тыхъ годовъ какъ не [illegible] рукописи [illegible]. При [illegible] данныхъ, [illegible] критика [illegible] текста [illegible] представляется необходимостью, а [illegible]. [illegible] предварительной критики—[illegible]. [illegible] драмы, какъ мнѣ кажется, [illegible] Пушкина. Выдержанность [illegible], [illegible] и [illegible] ная техника нѣкоторыхъ мѣстъ [illegible]. Слабость техники и какая-то [illegible] другихъ мѣстъ, показывая, что [illegible] г. Зуева [illegible], вмѣстѣ съ тѣмъ подтверждаютъ не [illegible] (въ такомъ случаѣ равнодостоинство), а его [illegible]. По-видимому, значительная часть текста [illegible] (не менѣе ста тринадцати стиховъ и не болѣе [illegible]) воспроизведена очень близко къ Пушкинскому [illegible]. [illegible] (не менѣе восьмидесяти одного стиха и не болѣе [illegible]), какъ кажется, воспроизведено неудовлетворительно. [illegible] быть признано Пушкинскимъ текстомъ и сохранено [illegible] нымъ образомъ, какъ изложеніе сюжета. Эти [illegible] ныя мѣста лучше было бы излагать прозою, [illegible] прекрасными строфами, за сохраненіе которыхъ [illegible] должна быть признательна Д. П. Зуеву. Не [illegible] же признательностью должна русская литература [illegible] иниціативѣ Б. Н. Чичерина, [illegible] десятилѣтней неизвѣстности, и къ [illegible] мѣстившаго въ своемъ журналѣ найденный [illegible] пившаго передъ отвѣтственностью [illegible] истолкованъ, какъ жестокій [illegible] критической способности. По [illegible] г. Бартенева отнюдь не [illegible] русской публикѣ полное знакомство съ [illegible] въ ея цѣломъ, а, въ частности, [illegible] Можно пожелать только, чтобы [illegible] какъ мы выше уже говорили, [illegible] если возможно, то и [illegible] доступное каждому [illegible].

Возможно, чт[illegible] четырехъ посл[illegible] титься сохра[illegible] боты не мѣ[illegible] подлинник[illegible] было н[illegible] по [illegible]

[illegible] ю-
[illegible] отно.
[illegible] при-
[illegible] жность.
[illegible] и 1865
[illegible] чрежденій
[illegible] ми печати
[illegible] ресса и на-

[illegible] Южаковъ.

Пушкина, которыя тогда признано было нужнымъ изъять изъ его бумагъ? Если стихотвореніе Лермонтова сохранилось въ дѣлахъ до 1887 года, почему бы стихотвореніямъ Пушкина не сохраниться до 1897 года? Если оказалось возможнымъ снять копію съ Лермонтовскаго стихотворенія, пріобщеннаго къ дѣламъ, то какое могло бы быть препятствіе къ снятію такихъ же копій съ пушкинскихъ стихотвореній? Кромѣ окончанія *Русалки*, слѣдовало бы поискать окончанія *Галуба*, середины *Мѣднаго Всадника*, семь вышеперечисленныхъ драмъ Пушкина, извѣстныхъ только по имени, его *Дневникъ*, вѣроятно, и многое другое еще... Могутъ оказаться совершенно неожиданные сюрпризы. Въ высшей степени желательно, чтобы къ академическому изданію 1899 года (уже не такъ много времени осталось до этого срока) всѣ эти вопросы были обслѣдованы и такъ или иначе окончательно разрѣшены. Mieux tard que jamais.

IV.

Въ настоящее время въ русской провинціи издается на русскомъ языкѣ свыше шестидесяти литературно-политическихъ ежедневныхъ газетъ (не считая епархіальныхъ и губернскихъ вѣдомостей и другихъ оффиціальныхъ изданій), да на языкахъ мѣстныхъ около сорока. Оставимъ покуда въ сторонѣ эти иноязычныя газеты, съ условіями существованія и распространенія которымъ я мало знакомъ. Остановимся на судьбѣ шестидесяти русскихъ газетъ, распредѣленныхъ, по нашему приблизительному подсчету, между сорока пятью провинціальными центрами. Нѣкоторыя имѣютъ по нѣсколько, даже помного, тысячъ подписчиковъ, другіе — нѣсколько сотъ, всѣ въ совокупности—не менѣе 150—200 тысячъ подписчиковъ, свыше полумиліона читателей. Это громадная культурная сила, выражающая собою складывающееся самосознаніе провинціальнаго общества, его запросы, нужды и потребности, способная яркимъ свѣтомъ озарить разные медвѣжьи углы невѣжества, некультурности, злоупотребленій... Въ семьѣ не безъ урода, и въ провинціальной печати не безъ пакостныхъ листковъ, но вообще, въ громадномъ большинствѣ, провинціальная пресса старается, по мѣрѣ силъ и возможности, отвѣчать своимъ задачамъ добросовѣстно и внимательно. «По мѣрѣ силъ и возможности», сказали мы. Силы въ провинціальной прессѣ встрѣчаются всякія, конечно, и побольше, и поменьше. Тѣ, что побольше, стремятся въ столицу, но и остающихся на мѣстѣ, повидимому, хватило бы для добросовѣстнаго выполненія призванія мѣстной печати. Всегда-ли, однако, бываетъ къ тому возможность? Этотъ важный и далеко не праздный вопросъ недавно поставили «С.-Петербургскія Вѣдомости» въ статьѣ, озаглавленной «Лабиринтъ недоумѣній» (С.-Петерб. Вѣдом., 1897 г., № 55). «Недавно была намъ предъявлена (пишетъ упомянутая газета) цѣлая кипа типографскихъ оттисковъ, зачеркнутыхъ цензурой (провинціальной) и

заключающихъ въ себѣ тотъ обыденный будничный матеріалъ, безъ котораго не можетъ обойтись ни одна газета, но который по необходимости занимаетъ въ ней почти половину мѣста. Нѣтъ никакой надобности перепечатывать всю эту запрещенную литературу (мелкія замѣтки хроники, корреспонденціи, кусочки фельетоновъ, перепечатки изъ другихъ газетъ), — все это такой матеріялъ, который, не попавъ въ нумеръ газеты въ тотъ день, для котораго онъ предназначался, теряетъ всякій интересъ. Однако, познакомиться съ нимъ вкратцѣ необходимо». Сейчасъ мы послѣдуемъ за С.-Петербургскими Вѣдомостями въ ихъ краткомъ ознакомленіи съ этою запрещенною литературою мѣстнаго происхожденія. Сначало, однако, небезполезно напомнить, какъ и кѣмъ создается въ провинціи эта запрещенная литература. Извѣстно, что въ столицахъ цензурное вѣдомство организовано независимо отъ мѣстныхъ властей, а газетная пресса пользуется большею частью безцензурностью. Этихъ двухъ особенностей, отличающихъ положеніе столичной литературно-политической газеты,—безцензурности такъ же, какъ независимости цензурныхъ учрежденій отъ мѣстныхъ вліяній даже не очень сильныхъ міра сего,—и лишена провинціальная печать. Законъ о печати 1865 года, допустившій подъ нѣкоторыми условіями выходъ изъ-подъ цензуры столичныхъ періодическихъ изданій, не распространяется на провинціальную печать, которая вся подлежитъ предварительной цензурѣ. Отдѣльныя цензурныя учрежденія, кромѣ столицъ, имѣются только въ Варшавѣ, Ригѣ, Одессѣ, Кіевѣ, Харьковѣ, Казани и Тифлисѣ, т. е. въ семи городахъ, изъ сорока пяти, имѣющихъ мѣстныя газеты на русскомъ языкѣ. Остальные тридцать восемь имѣютъ цензора въ лицѣ вице-губернатора (нерѣдко—просто чиновника, которому подъ своею отвѣтственностью поручаетъ вице-губернаторъ чтеніе и цензированіе газеты). Иначе говоря, та самая администрація, дѣятельность которой подлежитъ обсужденію мѣстной прессы, и является практически - безапелляціоннымъ судьей этого обсужденія. Эта-то, по существу своему, заинтересованная сторона и создаетъ ту запрещенную литературу, которою заинтересовались С.-Петербургскія Вѣдомости . Нѣсколько лучше положеніе тѣхъ городовъ, гдѣ учреждены такъ называемые отдѣльные цензора, назначаемые прямо отъ главнаго управленія по дѣламъ печати. Лучше, конечно, въ томъ случаѣ, если на это мѣсто попадетъ человѣкъ съ независимымъ харатеромъ, не поддающимся мѣстнымъ вліяніямъ со стороны сильныхъ міра. Не всегда достаточно и независимаго характера, потому что сильные міра не даромъ называются сильными. Послѣ этихъ пояснительныхъ замѣчаній обратимся къ фактамъ, собраннымъ С.-Петербургскими Вѣдомостями въ упомянутой статьѣ.

Приводимъ извлеченіе изъ этой статьи, дающее обѣщанное краткое знакомство съ запрещенною литературой. Вотъ перечисленіе девятнадцати такихъ запретныхъ плодовъ мѣстной прессы:

1. Сообщается о выборахъ церковнаго старосты. Въ сообщенiи говорится, что выборы состоялись въ законномъ порядкѣ, но избранное лицо, получившее абсолютное большинство голосовъ прихожанъ, почему-то не было признано избраннымъ, и были назначены вторичные выборы. Сообщается только одинъ фактъ безъ всякаго освѣщенiя.

2. Фельетонъ изъ мѣстной жизни. Въ немъ: а) порицается одна чайная фирма за рекламы; б) одобряется дешевая чайная, въ которой люди мирно бесѣдуютъ „безъ кабацкихъ скандаловъ и безчинствъ"; в) соболѣзнуется о печальномъ положенiи тружениковъ, живущихъ уроками; г) одинъ докторъ (безъ имени) называется „умнымъ" и „разсудительнымъ" за то, что будучи недоволенъ малымъ гонораромъ, онъ обратился къ пацiенту со слѣдующей рѣчью: „Если вы человѣкъ несостоятельный, то зачѣмъ же вы приглашаете къ себѣ доктора?... Вы думаете, я столько лѣтъ трудился надъ ученiемъ въ гимназiи и университетѣ для того, чтобы лѣчить каждаго голыша за такую малую плату?"; д) разоблачаются неблаговидные продѣлки агентовъ, продающихъ въ разсрочку швейныя машины.

3. Перепечатка изъ другой газеты о засѣданiи черниговскаго дворянскаго собранiя, въ которомъ разсматривался вопросъ о недостаткахъ средней школы. Отчетъ объ этомъ засѣданiи гораздо полнѣе былъ напечатанъ въ десяткахъ газетъ столичныхъ и провинцiальныхъ.

4. Письмо въ редакцiю о „колдунѣ", обманывающемъ и обирающемъ крестьянъ.

5. Фельетонъ: соболѣзнованiя о положенiи бѣднаго люда по случаю наступленiя большихъ холодовъ.

6. Фельетонъ: мизантропическiя размышленiя на тему изъ Макбета Шекспира, которымъ предается собесѣдникъ фельетониста, но которыя горячо оспариваются послѣднимъ. Собесѣдникъ декламируетъ слова Макбета:

Что жизнь? Тѣнь мимолетная, фигляръ,
Неистово шумящiй на помостѣ
И черезъ часъ забытый всѣми; сказка
Въ устахъ глупца, богатая словами
И звономъ фразъ, но нищая значеньемъ...

Фельетонистъ не соглашается съ такимъ мiросозерцанiемъ. Онъ говоритъ: „Я хочу вѣрить, что теперь, на рубежѣ двухъ столѣтiй, благодаря громаднымъ умственнымъ завоеванiямъ и гигантскимъ шагамъ культуры, занимается заря новой свѣтлой эры въ исторiи человѣчества. Миръ, братство народовъ—вотъ девизъ новой эры". Развитiю этой мысли посвященъ весь „запрещенный" фельетонъ.

7. Приписка къ цитатѣ изъ „Журнала Министерства Юстицiи"; въ припискѣ говорится, что прокуроры должны быть „блюстителями закона, а не спорящей стороной". Эта же мысль, однако, развивается и въ журналѣ министерства!

8. Письмо въ редакцiю о необходимости открытiя еврейской женской школы, въ виду того, что еврейскимъ дѣвочкамъ негдѣ учиться.

9. Замѣтка о безпорядкахъ въ мѣстныхъ баняхъ.

10. Статьи о плохихъ въ матерiальномъ отношенiи дѣлахъ мѣстной оперы и неумѣломъ веденiи дѣла театральной администрацiей.

11. Перепечатка изъ „Биржевыхъ Вѣдомостей" о загадочномъ постановленiи борисовскаго по крестьянскимъ дѣламъ присутсвiя, предписывающаго всѣмъ волостнымъ правленiямъ покупать медикаменты непремѣнно „у аптекаря Цадикова".

12. Перепечатка изъ газеты „Жизнь и Искусство" о ревизiи сидѣлицы въ казенной винной лавкѣ.

13. Слѣдующія строки о пожарѣ. „Горѣло почти до утра, и половины предмѣстья какъ не бывало. Сгорѣло больше 30 строеній вмѣстѣ съ амбарами, наполненными хлѣбомъ. Убытки громадные".

14. Замѣтка о вредномъ вліяніи на крестьянское населеніе такъ-называемыхъ „подпольныхъ адвокатовъ".

15. Сообщеніе о томъ, что въ г. Слуцкѣ порядочной дѣвушкѣ нельзя пройти по улицѣ, чтобы не услышать по своему адресу „циническихъ словъ". Въ этомъ сообщеніи зачеркнуты (?) цензоромъ слѣдующія строки: „не мѣшало бы полиціи имѣть болѣе строгое наблюденіе за поведеніемъ этихъ нарушителей общественной благопристойности".

16. Цитата изъ „Юридической Газеты" о знаменитомъ путейскомъ дѣлѣ Авринскаго и К°.

17. Приписка къ цитатѣ изъ фельетона г. Сигмы о задачахъ печати: „Многіе, къ сожалѣнію, смотрятъ на задачи печати совершенно иначе. По ихъ мнѣнію, печать должна, наоборотъ, замалчивать все дурнае и отмѣчать одни „отрадныя" явленія жизни или пѣть пѣсенки скабрезнаго, но за то веселаго содержанія. Эти господа, мнящіе себя столпами отечества, не понимаютъ того, какую медвѣжью услугу оказываютъ они странѣ, которой служатъ такимъ образомъ. Все это—угодники личнымъ интересамъ, а ничуть не вѣрноподданные Царя и патріоты".

18. Цитаты изъ „Журнала Юридическаго Общества" объ увеличеніи окладовъ губернаторамъ, безъ всякихъ комментаріевъ.

19. Перепечатка изъ „Волыни" о какомъ-то фокусникѣ, привлекающемъ публику въ театръ обѣщаніями „безплатныхъ сюрпризовъ".

Все это было бы смѣшно, когда бы не было такъ грустно. Провинціальная пресса—крупная культурная сила, способная принести много пользы и добра. Надо ей дать къ тому возможность. Распространеніе на провинціальную печать закона о печати 1865 года и укрѣпленіе независимости мѣстныхъ цензурныхъ учрежденій сравняло бы условія провинціальной печати съ условіями печати столичной, съ которою дальше и дѣлила-бы мѣстная пресса и надежды, и огорченія, ихъ-же всюду довольно.

С. Южаковъ.

По поводу чумы.

(Бѣглыя замѣтки о борьбѣ съ эпидеміями въ городахъ).

I.

Холера подвигалась къ Нижнему Новгороду, настроеніе было сторожкое, жуткое...

Мнѣ приходилось участвовать въ послѣдней турецкой кампаніи и одинъ разъ провести нѣсколько непріятныхъ часовъ, когда получилось извѣстіе, что нашъ отрядъ отрѣзанъ курдами и мы шли ночью темнымъ ущельемъ въ полной увѣренности, что никто изъ насъ не останется живъ. Но мнѣ и на войнѣ не приходилось наблюдать даже приблизительно такой паники, какая была въ Нижнемъ-Новгородѣ передъ холерой и въ первыя двѣ недѣли появленія ея. Все бѣжало. Разсчитывались цѣлыми командами матросы съ пароходовъ, бѣжали рабочіе, всегда въ большомъ количествѣ собирающіеся къ ярмаркѣ, уѣзжали домой извозщики, и я ужъ не помню до какой безумной высоты поднялась плата за доставку товаровъ съ желѣзной дороги и съ парохода на ярмарку. Эта паника охватила и культурное общество. Мнѣ пришлось констатировать нѣсколько случаевъ психической холеры, какъ назвали мы, врачи, подобныя заболѣванія. Помню одного купца, который внушилъ себѣ судороги и котораго въ концѣ концовъ пришлось отправить въ сумашедшій домъ; помню одного вполнѣ интелигентнаго человѣка, у котораго дѣло тоже чуть не дошло до психической болѣзни и который былъ истиннымъ мученикомъ во все время холеры.

Это былая какая-то темная туча, поднимавшаяся во всемъ ужасѣ неизвѣстности и угрозы, гнавшая и пригибавшая все предъ собой, какъ гонитъ листья и сгибаетъ деревья грозовая туча.

Стало похватывать. Чаще и чаще начали раздаваться ночью звонки у моихъ дверей; потянулись экипажи съ искаженными посинѣлыми больными, начали бороздить Волгу крытыя лодки, на которыхъ возили больныхъ въ плавучій госпиталь. Ярмарка еще не начиналась, но ярмарочная территорія уже жила полною жизнью, стягивались водой и желѣзной дорогой грузы, спѣшно производился ремонтъ ярмарочныхъ помѣщеній. Мочальный островъ былъ уже полонъ, на Пескахъ—такъ наз. островъ, гдѣ выгружается все уральское желѣзо и скопляется до трехъ тысячъ народу, служащихъ и грузчиковъ,—были уже открыты всѣ балаганы и шла лихорадочная дѣятельность.

Въ это время, помню рано утромъ, я получилъ отчаянное письмо отъ уполномоченнаго одного изъ уральскихъ заводовъ съ просьбой пріѣхать непремѣнно въ тотъ же день въ два часа. Я завѣдывалъ Песками по приглашенію владѣльцевъ заводовъ и моя дѣятельность начиналась тамъ съ 15-го Іюля. Уполномоченный писалъ мнѣ, что у него неблагополучно, и просилъ начать мою службу немедленно, не дожидаясь открытія ярмарки. Я пріѣхалъ немного раньше, уполномоченный встрѣтилъ меня взволнованный и растерянный. Суда тонутъ. Грузчики разсчитались, матросы бѣгутъ, водолазы, даже наши же заводскіе, по двадцати лѣтъ служатъ, и тѣ просятъ разсчета. Вотъ теперь трое самыхъ нужныхъ людей разсчитались, узлы сложили, нынче съ пароходомъ уѣзжаютъ. Воду откачивать не кому, желѣзо потонетъ. Поговорите съ ними пожалуйста, можетъ уговорите.

Я отказался уговаривать кого-бы то ни было, но согласился завѣдывать балаганомъ, ежедневно посѣщать и лѣчить больныхъ.

— А я велѣлъ имъ къ двумъ собраться, вонъ ужъ они пришли.

Я сказалъ, что я имъ лично объявлю, что я начинаю завѣдываніе, и разскажу о болѣзни.

Дѣйствителино, изъ сосѣдней комнаты доносилось шарканье ногъ, разговоры. Помню какъ сейчасъ угрюмыя, враждебныя или холодно равнодушныя лица, съ какими встрѣтили меня рабочіе. Ихъ было человѣкъ шестьдесятъ; какъ оказалоть потомъ, нѣкоторые были изъ сосѣднихъ балагановъ. На мой поклонъ почти никто не отвѣтилъ.

Я сообщилъ, что съ того же дня буду ѣздить всякій день и лечить по примѣру предшествовавшаго года, и считаю нужнымъ разсказать, кому это любопытно слушать, что за болѣзнь холера, съ чего начинается, чего нужно беречься, что слѣдуетъ ѣсть и пить, какъ жить.

Вначалѣ меня прерывали враждебно презрительными замѣчаніями.

— Слышали, довольно хорошо знаемъ. Все равно уѣдемъ въ свои мѣста, не согласны! Я замѣтилъ, что уѣзжать или оставаться дѣло ихъ, что я въ это не мѣшаюсь, а мое дѣло разсказать тѣмъ, кто будетъ у меня лѣчиться, какъ имъ уберечь себя отъ болѣзни, и продолжалъ разсказывать.

Постепенно настроеніе толпы измѣнялось, начали слушать внимательнѣе, кое-кто сталъ предлагать вопросы: «а какъ-же мы слышали...», «а вѣрно-ли сказываютъ», «какъ-же узнаешь обыкновенно поносъ, али это...»

Разстались мы дружелюбно, лица повеселѣли, кое-кто сказалъ «спасибо», а одинъ изъ троихъ, собиравшихся уѣзжать, подошелъ ко мнѣ съ вопросомъ:—Али ужъ остаться?

Я отвѣтилъ, что ни совѣтовать, ни разсовѣтовать не буду, пусть дѣлаетъ, какъ думаетъ лучше.

Потомъ оказалось, что всѣ трое остались и больше никто не просилъ разсчета. На другой же день меня остановила артель рабочихъ въ другомъ балаганѣ и попросила разсказать про болѣзнь, и въ продолженіи нѣсколькихъ дней мнѣ пришлось вести подобныя бесѣды. Было-ли случайностью или слѣдствіемъ того, что всѣ получали горячую мясную пищу и чай отъ хозяевъ и тотчасъ-же по заболѣваніи обращались за помощью—на чемъ я особенно настаивалъ въ своихъ бесѣдахъ, а только смертныхъ случаевъ было немного и довольно рѣдко приходилось отправлять въ больницы. Отношенія установились вполнѣ удовлетворительныя и помню, какъ предъ Успенскимъ постомъ меня остановили двѣ артели грузчиковъ, человѣкъ около ста, вопросомъ, что имъ ѣсть въ постъ. Мы долго перебирали постную ѣду, и сами рабочіе пришли къ выводу:—Видно ужъ, ребята, скоромное будемъ ѣсть. Богъ проститъ. И весь постъ ѣли скоромное.

II.

Я не счелъ-бы удобнымъ печатно говорить объ успѣхахъ моихъ бесѣдъ съ рабочими на Пескахъ, если-бы на дняхъ мнѣ не пришлось прочитать отчетъ объ удивительныхъ рѣчахъ въ одномъ губернскомъ земскомъ собраніи по поводу внесеннаго уѣзднымъ собраніемъ предложенія: «Ходатайствовать передъ правительствомъ о предоставленіи врачамъ права чтеній для народа по медицинѣ и гигіенѣ въ цѣляхъ развитія здравыхъ понятій по охраненію здоровья и жизни».

Редакціонная коммисія не только отнеслась отрицательно къ предложенію уѣзднаго земскаго собранія, но и высказалась по существу противъ чтенія врачами народу. Одинъ изъ гласныхъ доказывалъ, что народныя чтенія по гигіенѣ не только безполезны, но даже вредны. Даже для людей, продолжалъ онъ, обладающихъ образованіемъ, чтеніе медицинскихъ книгъ безполезно и вредно. Предсѣдатель коммисіи находилъ, что губернская управа стоитъ за чтенія только потому, что ей неловко, стыдно высказаться противъ этого. Онъ, предсѣдатель, «беретъ на себя смѣлость» высказаться противъ этихъ чтеній по существу и думаетъ, что народныя чтенія по гигіенѣ не только безполезны, но и вредны для населенія, которое ничего не пойметъ, и для медицинскаго персонала, который призванъ лѣчить, а не учить народъ.

Другой гласный иллюстрировалъ безполезность чтеній больше собственнымъ примѣромъ. Я самъ, говорилъ онъ, покупалъ и читалъ безконечное число учебниковъ по гигіенѣ, добросовѣстно ихъ прочитывалъ, старался вникнуть и теперь ничего, абсолютно ничего не помню.

Не стоило-бы большого труда доказать, что образованному человѣку не вредно имѣть общія гигіеническія свѣдѣнія, какъ не

вредно познакомиться съ географіей, несмотря на существованіе извозчиковъ, а гласному, рѣшающему въ земскомъ собраніи многообразные вопросы народнаго здравія, слѣдовало-бы почитывать, ну хоть не учебники, а популярныя книжки по этимъ вопросамъ,—и не только почитывать, но и запоминать прочитанное; можно было бы сказать, кое-что и по адресу г. предсѣдателя, но право «стыдно» говорить взрослымъ людямъ азбучныя истины. И весь этотъ инцидентъ не заслуживалъ-бы вниманія, если бы за спиной десяти московскихъ гласныхъ, вотировавшихъ противъ выраженія сочувствія «распространенію среди народа доступныхъ свѣдѣній по медицинѣ и гигіенѣ путемъ народныхъ чтеній», не стояли сотни другихъ гласныхъ, которые въ провинціи говорятъ проще и откровеннѣе и открытѣе ставятъ точку надъ і. Потомъ нужно принять во вниманіе, что рѣчи говорились дѣятелями того губернскаго земства, которое по своей медицинской организаціи стоитъ далеко впереди всѣхъ земствъ, давно служитъ въ этомъ отношеніи примѣромъ и предметомъ подражанія и къ мѣропріятіямъ котораго въ провинціи особенно чутко прислушиваются всѣ тѣ, кто прикосновененъ къ дѣлу земской медицины.

Самое же характерное во всемъ этомъ инцидентѣ то, что рѣчи гг. гласныхъ раздаются въ настоящій моментъ, въ виду чумы, когда разработывается цѣлый рядъ мѣръ для предупрежденія заноса ея въ Россію, а общество съ тревожнымъ и пристальнымъ вниманіемъ прислушивается ко всему, что говорится о чумѣ, о ходѣ ея въ Индіи, о большей или меньшей вѣроятности появленія ея у насъ. Отношеніе упомянутыхъ гласныхъ къ вопросу о народныхъ чтеніяхъ вызываетъ цѣлый рядъ невеселыхъ мыслей. Изъ за ихъ рѣчей мнѣ почудилось, что мы также не приготовлены къ чумѣ, какъ были не приготовлены къ холерѣ, что тяжелый опытъ 1893 года прошелъ безслѣдно, что мы все забыли и ничему не научились. Забыли весь тотъ ужасъ народной тьмы невѣжества и суевѣрій, которыя всколыхнула та холера, и не научились думать, что борьба съ этой народной тьмой есть самое первое условіе борьбы съ такими бѣдствіями, какъ чума и холера; что все, что обѣщаетъ хоть немного разогнать эту тьму и поможетъ внести свѣтъ и разумъ въ сознаніе народа, должно привѣтствоваться всѣми, и въ особенности тѣми, кто призванъ вѣдать интересы народа; и что земскіе дѣятели нравственно обязаны не класть препоны, а идти на встрѣчу благороднымъ и безкорыстнымъ усиліямъ земскихъ врачей, желающихъ не только лѣчить, но и учить народъ, и ясно понимающихъ, что учить народъ значитъ лѣчить его.

Я привелъ свой маленькій примѣръ бесѣдъ съ рабочими, чтобы показать, что народу доступны такія бесѣды врачей, но вмѣстѣ съ тѣмъ мнѣ хотѣлось оживить въ памяти читателей событія недавняго прошлаго и подѣлиться тѣми впечатлѣніями, ко-

торыя я получилъ за три года работы на холерѣ и во время борьбы съ другими эпидеміями, и тѣми выводами, къ которымъ привелъ меня этотъ опытъ. Въ настоящихъ бѣглыхъ замѣткахъ я не имѣлъ въ виду говорить о чумѣ, какъ о болѣзни, ни касаться общаго плана борьбы съ нею, и желалъ только отмѣтить нѣкоторыя характерныя особенности этой борьбы и, такъ какъ мнѣ пришлось работать въ Нижнемъ-Новгородѣ, говорить главнымъ образомъ объ условіяхъ борьбы съ чумой въ городахъ.

Помню одинъ изъ первыхъ холерныхъ случаевъ. Маленькая комната почти вся была занята огромной печкой,—хозяева пекли и продавали на базарѣ пироги съ начинкой,—въ углу копошились дѣти, столъ былъ заваленъ приготовленнымъ фаршемъ.

— Въ больницу-бы,—говорю я.

Ввалившіеся глаза больного посмотрѣли на меня подозрительно—враждебнымъ взглядомъ.

— Не согласенъ!—съ усиліемъ глухо прохрипѣлъ голосъ больного.

— Не пущу въ больницу!—энергично вступилась жена больного.—Не согласны. Я и васъ то позвала, потому что по знати... Пользовали хозяина вы прежде, думаю—не обидите.

Я отвѣтилъ, что не хочу обижать, и поспѣшилъ успокоить обѣщаніемъ лѣчить на дому. Пока я писалъ рецептъ, я чувствовалъ на себѣ упорный взглядъ больного, и когда я окончилъ, хриплый голосъ жалобно и неувѣренно выговорилъ:

— Худо дѣло, господинъ докторъ? Поправлюсь-ли? Подъ сердце подступаетъ, дѣтей жалко.

Я началъ горячо убѣждать больного поступить въ больницу, указывая, что и ухаживать за нимъ некому, что вотъ я прописалъ одно только лекарство, такъ какъ другое нужно вводить въ клистирѣ, съ которымъ жена его не справится.

— Видно ужъ такъ надо.

И когда жена стала было протестовать, онъ остановилъ ее:

— Чего ужъ, Домна, сряжай въ больницу.

Я жилъ на окраинѣ города, рядомъ съ бѣднѣйшими улицами, поэтому у меня образовались довольно близкія отношенія съ населеніемъ этихъ улицъ. Кромѣ того, въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ завѣдыванья городской амбулаторной лѣчебницей, мнѣ приходилось принимать около ста человѣкъ въ день, и тѣмъ не менѣе въ первое время я всегда встрѣчалъ подозрительные взгляды даже въ домахъ, гдѣ лѣчилъ раньше, какъ только заговаривалъ о больницѣ. Страхъ предъ больницей былъ огромный. Масса больныхъ скрывалась и предпочитала обходиться «своими средствіями».

Какъ-то разъ съ ярмарки ко мнѣ пришелъ старикъ поваръ, лѣчившійся много разъ у меня, большой мой пріятель.

— Ну что, говорю, Степанъ Власьичъ, побаиваетесь?

— Какъ не бояться!—старикъ лукаво улыбался.

— Вы чего смѣетесь?

— Поломало ужъ. Я перцовкой больше, да крапивой. У насъ всѣхъ номерныхъ перебрало,—продолжалъ онъ,—и кухонныхъ мужиковъ и прачекъ, все я отхаживалъ. Ничего, слава Богу... Только съ судомойкой ничего не могъ сдѣлать. Больно ужъ ломало здорово. Мы ее въ одну сторону оттирать, а ее корежитъ въ другую. Пришлось въ больницу отправить. Ну и померла тамъ.

— И ни доктора, ни дезинфектора не было?—спрашиваю я.

— Зачѣмъ! Богъ милостивъ,—улыбался старикъ.

Другой мой знакомый разсказалъ мнѣ, какъ онъ случайно нашелъ своего товарища, три дня валявшагося въ номерѣ гостиницы въ холерѣ, безъ помощи, изъ боязни докторовъ и больницы, отвезъ его въ баню—три цѣлковыхъ номерному въ зубы—и весь вечеръ парилъ его на полкѣ горячимъ вѣникомъ, чѣмъ и «отходилъ» его.

Одна мѣщанка просила къ отцу ея, который содержалъ постоялый дворъ въ мѣстности, прилегающей къ ярмаркѣ, пріѣхать ночью, чтобы никто не видалъ, и назваться знахаремъ, такъ какъ отецъ ея слышать не хотѣлъ о докторахъ.

— Боится, не закрыли бы постоялаго двора,—кое кто изъ пріѣзжихъ валяется.

Она не пріѣзжала за мной и мнѣ осталась неизвѣстна судьба обитателей постоялаго двора.

Подобныхъ разсказовъ можно было бы привести сколько угодно. Для меня получился несомнѣнный выводъ, что огромное количество больныхъ не только не попадало въ больницы, но и вообще ускользало отъ всякаго медицинскаго надзора.

Я долженъ отмѣтить одну любопытную и характерную психологическую черту,—боязнь самого слова холера. Если я спрашивалъ при экстренныхъ требованіяхъ — что у васъ, холера? — то почти всегда встрѣчалъ энергичное отрицаніе.

— Нѣтъ, такъ схватило,—животомъ... Воблы поѣлъ, ну его и потянуло на квасъ, теперь животомъ и мучается.

Я скоро понялъ въ чемъ тутъ дѣло и началъ предлагать вопросы въ другой редакціи.

— Что у васъ—она?

— Не иначе какъ она... Должно, эта самая...—немедленно соглашался тотъ, кто приходилъ за мной.

Слово холера совсѣмъ не произносилось. «Она», «эта», просто «болѣзнь», «животомъ схватило» — вотъ тѣ обычныя формулы, которыми опредѣляли холеру. Замѣчательно, что эта боязнь слова наблюдалась не въ однихъ низшихъ классахъ населенія.

— Ну что, докторъ, какъ вы думаете?—часто приходилось слышать въ клубѣ—въ случаѣ чего, ежели схватитъ—что прежде всего дѣлать?

Мнѣ при этомъ вспоминается, что во время моего дѣтства въ

деревнѣ, гдѣ я родился и выросъ, мнѣ почти не приходилось слышать слово чортъ, не смотря на крупную роль, которую игралъ онъ въ обиходѣ деревенской жизни. Тамъ былъ «чорный», (у насъ выговаривали тогда цорный) «онъ», «тотъ съ рогами», «съ хвостомъ-то», и только люди отчаянной души осмѣливались говорить иногда про лѣсного чорта «шишига».

Я помню, съ какимъ страхомъ заглядывали мы дѣтьми въ темный овинъ и въ какомъ паническомъ ужасѣ бѣжали оттуда, если какой нибудь шорохъ будилъ тишину темной глубины овина. Такое же настроеніе вызывала и холера, и въ этомъ всеобщемъ страхѣ также было то, что превращаетъ его въ панику—безсмысленность.

Тѣ мѣропріятія, о которыхъ доходили слухи, какъ будто умышленно старались подчеркнуть складывавшееся настроеніе страха и словно нарочно сгущали краски, чтобы еще болѣе поразить воображеніе народа и создать почву для самыхъ нелѣпыхъ слуховъ и самыхъ страшныхъ подозрѣній.

Больницы устраивались въ сторонѣ отъ города, особенныя, спеціально для холеры, пріѣзжавшіе съ низу говорили объ особыхъ фурахъ для перевозки холерныхъ, какихъ-то ящикахъ для мертвыхъ, хоронили на спѣхъ ночью, отпѣвали безъ родныхъ, не позволяли лѣчиться дома, на домовладѣльцевъ возложили обязанность слѣдить за заболѣваніями въ ихъ домахъ и проч. и проч.

Во всѣхъ этихъ мѣропріятіяхъ была одна характерная черта—принудительность.

Воспоминанія о холерѣ такъ живы и такъ много писалось о практиковавшихся тогда мало продуманныхъ мѣрахъ, что я не буду больше останавливаться на нихъ и отмѣчу только нѣкоторыя особенности постановки борьбы съ холерой въ Нижнемъ-Новгородѣ.

Не смотря на тѣ, исключительно неблагопріятныя, условія, въ которыхъ тогда находился Нижній-Новгородъ съ его грязной и вонючей ярмаркой, съ массой пріѣзжавшихъ отовсюду торговцевъ и съ огромнымъ количествомъ бездомнаго и полуголоднаго люда, которыхъ всегда притягиваетъ ярмарка, холера въ Нижнемъ-Новгородѣ прошла относительно благополучно и во всякомъ случаѣ безъ тѣхъ инцидентовъ, какими она сопровождалась въ другихъ городахъ.

Не входя въ подробную оцѣнку всѣхъ мѣропріятій, я остановлюсь на двухъ фактахъ, думается мнѣ, благотворно повліявшихъ на населеніе и быстро успокоившихъ начавшуюся было тревогу. Первая мѣра—открытіе пріемныхъ пунктовъ въ нѣсколькихъ частяхъ города и ярмарки, гдѣ день и ночь дежурили врачи и студенты, снабженные лѣкарствами и всѣмъ тѣмъ, что необходимо для подачи первой помощи, и куда всякій обыватель могъ придти во всякое время и не только полѣчиться, но и позвать къ себѣ на домъ. Съ перваго же дня открытія, маленькіе пріемные покои начали прекрасно дѣйствовать. Они осаждались публикой днемъ

и ночью и отношенія между населеніемъ и этими молодыми неутомимыми работниками, всегда привѣтливо встрѣчавшими всѣхъ и охотно ѣхавшими даромъ куда бы ихъ ни позвали,—сразу сложились прекрасныя. Второе обстоятельство, имѣвшее не меньшее значеніе, была полная гласность, отсутствіе тайны и лжи. Ежедневно самымъ добросовѣстнымъ образомъ сообщались въ мѣстныхъ газетахъ цифры заболѣвшихъ и умершихъ; кромѣ того на набережной и въ мѣстахъ наиболѣе людныхъ поставлены были столбы съ прибитыми досками, на которыхъ ежедневно писались имена и фамиліи больныхъ. Родныхъ допускали въ больницы, въ ихъ присутствіи отпѣвали мертвыхъ; въ открытыхъ колямкахъ развозили больныхъ, въ обыкновенныхъ гробахъ хоронили мертвыхъ. Думаю, что не ошибусь, если скажу, что, именно, эти двѣ мѣры устранили ту панику, которая была вначалѣ. По крайней мѣрѣ, я самъ имѣлъ случай убѣдиться, что сообщаемымъ цифрамъ вѣрили, переставали скрывать больныхъ и лѣчиться своими средствами, начали довольно охотно идти въ больницу.

III.

Говоря о борьбѣ съ эпидеміями въ городахъ, нельзя не остановиться на томъ странномъ положеніи медицинской части въ городахъ, въ какомъ она находилась вплоть до послѣдняго времени. Собственно говоря, городская медицина отсутствовала. Въ то время, какъ земства затрачивали значительную часть своего бюджета на дѣло охраненія народнаго здравія; въ то время, какъ въ глухихъ провинціальныхъ углахъ выростали больницы, учреждались санитарные совѣты и медико-статистическія бюро, когда подвергались изслѣдованію и упорядочивались многообразныя стороны народнаго здоровья и выростала огромная земско-медицинская литература,—въ городахъ собственно городской медицины не было. Тамъ были правительственные врачи, земскіе, вольнопрактикующіе, но городскихъ врачей не было. Больные шли въ земскія больницы, въ кое-гдѣ существовавшія благотворительныя медицинскія учрежденія; губернскія земскія больницы, переполненныя городскими сифилитиками, тифозными, оспенными, дифтеритными, скарлатинозными, и вообще больными, поставлявшимися городомъ, въ дѣйствительности являлись не губернскими и не земскими больницами и служили не земскимъ, а городскимъ нуждамъ *).

Появлялась широкая эпидемія—тифъ, дифтеритъ,—администрація побуждала принимать мѣры, и городъ просыпался. Начиналось безсмысленнѣйшее метанье и безтолковое бросаніе денегъ. Годами копился навозъ и всякіе отбросы на обывательскихъ дво-

*) Душевно-больные, хирургическіе, гинекологическіе и глазные не измѣняютъ общаго характера губернскихъ больницъ.

рахъ, а нечистоты невозбранно текли по дворамъ и улицамъ,—теперь санитарные отряды съ врачами и расторопными городовыми бѣгали по дворамъ и распоряжались убрать отбросы и вывести нечистоты. Составлялись протоколы и налагались штрафы, а домовладѣльцы вопили и ругались, такъ какъ у города не оказывалось достаточнаго парка, ни лошадей, ни бочекъ и ни за какія деньги нельзя было убрать то, что приказывалось убрать немедленно.

«Склизкая» солонина и соленая рыба «съ душкомъ» всегда составляли крупную отрасль городской торговли,—вдругъ имъ объявлялась война и бочки съ солониной и соленой рыбой торжественно вывозились за городъ и демонстративно обливались керосиномъ. У города не оказывалось ни больницъ, ни врачей, нанимались частные дома, приспособлялись заброшенныя городскія зданія, предназначавшіяся совсѣмъ не для больницъ, а въ университеты летѣли телеграммы о врачахъ и студентахъ. Городъ вдругъ вспоминалъ, что не существуетъ никакого надзора за гостинницами и постоялыми дворами, за мастерскими, трактирами, за торговлей старымъ платьемъ, за тряпичнымъ промысломъ, опять протоколы и штрафы, такіе же безсмысленные и безполезные, такъ какъ нельзя въ двѣ недѣли перестроить формы жизни, складывавшіяся десятилѣтіями.

Вспоминали, что кладбище въ центрѣ города и переполнено мертвыми тѣлами, что городская почва пропитана систематическимъ вѣковымъ загрязненіемъ, что городская слободка пьетъ воду изъ лужи, куда спускаетъ свои нечистоты, что въ городѣ есть ночлежные притоны и углы и грязныя лачуги со скученнымъ населеніемъ, гдѣ живутъ полуголодные люди и откуда во всѣ эпидеміи прежде всего начинаютъ «потаскивать». Составлялись и обсуждались въ думѣ обязательныя постановленія, такія же безполезныя, такъ какъ у города не было ни ночлежныхъ домовъ, ни жилищъ для бѣдныхъ.

Ошеломленное и напуганное населеніе, не желавшее, чтобы ихъ «хватали» и «таскали» въ больницы, скрывало своихъ больныхъ и старалось обходиться своими средствіями, а когда убѣждалось въ безсиліи ихъ, въ опасности болѣзни и само шло лѣчиться, больницы оказывались переполненными, а городъ широко охваченнымъ эпидеміей.

Пока обсуждались въ думѣ вопросы о кубическомъ содержаніи воздуха, эпидемія измором оканчивалась, медицинскій персоналъ распускался, закрывались чайныя, и обывательская жизнь снова мирно текла, какъ мирно же текли нечистоты по городскимъ улицамъ.

«Заботиться о здоровьѣ населенія есть право городскихъ самоуправленій, а не обязанность»—такъ великолѣпно-цинично выразился одинъ изъ видныхъ гласныхъ въ промежуткѣ между

двумя холерами. Своимъ правомъ города не пользовались, а обязанности возлагали на земскія плечи.

Вслѣдствіе появлявшихся время отъ времени эпидемій и въ значительной мѣрѣ благодаря воздѣйствію администраціи, города начали изъ подъ палки, фыркая и огрызаясь, устраивать свою медицину. Кое гдѣ приглашены санитарные врачи, начали учреждаться амбулаторныя лечебницы, больницы для заразныхъ больныхъ и проч. Но и теперь городская медицина только въ зачаткѣ и еще даже не выработанъ планъ ея, не намѣченъ типъ.

Изъ всѣхъ санитарно-медицинскихъ неустройствъ, которыя лежатъ на совѣсти городскихъ самоуправленій, я остановлюсь на одномъ, имѣющемъ большое значеніе для борьбы съ эпидеміями вообще и съ чумой въ частности,—на отсутствіи и во всякомъ случаѣ на недостаточности лѣчебной части въ городахъ. Есть много городовъ даже безъ амбулаторныхъ лѣчебницъ, и въ самой Москвѣ таковыя стали открываться какихъ-нибудь девять-десять лѣтъ назадъ; безплатнаго же лѣченія больныхъ на домахъ, насколько мнѣ извѣстно, нигдѣ, за исключеніемъ Петербурга, нѣтъ, и въ этомъ отношеніи жители многихъ глухихъ деревень гораздо болѣе обезпечены медицинской помощью, чѣмъ обитатели освѣщенныхъ электричествомъ блестящихъ улицъ большихъ городовъ, гдѣ масса врачей и даже раздаются нелѣпыя рѣчи о перепроизводствѣ ихъ.

На обязанности земскаго врача лежитъ посѣщеніе больныхъ по всякимъ экстреннымъ требованіямъ, подача акушерской помощи, лѣченіе эпидемическихъ больныхъ на домахъ и проч. и проч. Вслѣдствіе большихъ разстояній, величины медицинскихъ участковъ, бѣдности земскихъ бюджетовъ, такая помощь весьма часто недостаточна, но принципъ, легшій въ основу земской медицины, есть ясно намѣченный путь, по которому она можетъ идти и развиваться,—*у деревенскаго жителя есть врачи, обязанные посѣщать его во всякое время дня и ночи*.

Такихъ врачей въ городахъ нѣтъ. Вездѣ есть врачи, которые не требуютъ съ бѣдныхъ денегъ и охотно ѣздятъ даромъ на дома къ бѣднымъ, но врачей, состоящихъ на городской службѣ, городскихъ врачей, *обязанныхъ* дѣлать это, въ городахъ нѣтъ. Роженица сутки можетъ мучиться и не добиться акушерской помощи; мнѣ самому приходилось встрѣчать въ бѣдныхъ улицахъ лачуги, набитыя сыпно-тифозными больными, по недѣлѣ валявшимися безъ помощи. Въ любой провинціальной газетѣ можно встрѣтить письма въ редакцію, гдѣ обыватель жалуется, что даже за плату всю ночь не могъ найти врача. Въ данномъ случаѣ безразлично, спали ли врачи и не пожелали ѣхать или, какъ это случается въ большія дѣтскія эпидеміи, вродѣ скарлатины,—были разобраны, но важно, что это случается, и характерно, что городской житель, конечно возмущающійся безсердечіемъ врачей, придя въ думу, бу-

детъ вотировать противъ учрежденія ночного дежурства врачей, противъ открытія родильнаго пріюта, противъ приглашенія врачей для бѣдныхъ *).

Во всякомъ случаѣ не будетъ парадоксомъ сказать, что деревенскій житель Клинскаго уѣзда гораздо болѣе обезпеченъ всякой медицинской помощью, чѣмъ какая-нибудь портниха живущая на заднемъ дворѣ Кузнецкаго моста или Тверской улицы, въ Москвѣ.

IV.

Первымъ условіемъ для борьбы съ эпидеміями въ городахъ—является упорядоченіе санитарно-лѣчебной части въ городахъ. Необходимо учрежденіе постоянно дѣйствующей, разнообразно представленной и широко уполномоченной санитарной организаціи, которая бы вѣдала текущія дѣла санитарнаго благоустройства и осуществляла бы строгія оздоровительныя мѣры—я не буду перечислять ихъ, онѣ давно поставлены наукой и жизнью,—такой организаціи, которая вырабатываетъ методы и создаетъ традиціи, которая всегда могла бы въ случаѣ надобности развертывать широкую дѣятельность въ борьбѣ съ эпидеміями и намѣчала бы въ будущемъ достиженіе такого санитарнаго благоустройства, при которомъ эпидеміи заносятся, но не развиваются. Если такая санитарная постановка есть дѣло долгихъ лѣтъ и систематически проводимаго плана, то упорядоченіе второй стороны медицинскаго вопроса въ городахъ, лѣчебной части, есть дѣло сегодняшняго дня, всегда осуществимое и неотложно необходимое. Населеніе должно быть обезпечено медицинскою помощью, города должны имѣть постоянный контингентъ врачей—назовите ихъ врачи для бѣдныхъ,—которые бы не только принимали больныхъ амбулаторно, но и лѣчили-бы ихъ на домахъ и вмѣстѣ съ избранными думой санитарными попечителями—вѣдали бы во всѣхъ отношеніяхъ свои участки.

Далѣе, должны быть измѣнены самые принципы борьбы съ эпидеміями, и прежде всего нужно отказаться отъ принудительнаго полицейскаго характера ея.

---

*) Я не могу не указать здѣсь на то, о чемъ неоднократно говорилось въ печати, на составъ думъ. Пока не будутъ расширены избирательныя права въ смыслѣ предоставленія права квартиронанимателямъ, и въ думѣ будетъ задавать тонъ теперешній домовладѣлецъ, онъ будетъ охотно ассигновать городскія деньги на гимназію и техническое училище, гдѣ будетъ учиться его сынъ, на общественный садъ съ музыкой, гдѣ будетъ гулять его дочь, на украшеніе города, которымъ онъ будетъ гордиться, какъ гордился раньше протодіакономъ,—и будетъ противъ приглашенія врачей для бѣдныхъ, противъ открытія начальныхъ школъ, противъ больницъ и всякихъ аналогичныхъ учрежденій, которыя ему не нужны, въ которыхъ онъ не будетъ ни учиться, ни лѣчиться.

Въ тѣ же дѣтскіе деревенскіе годы, рядомъ съ безконечными разсказами о разбойникахъ, населявшихъ еще и тогда наши дремучіе лѣса, я живо помню разсказы моей бабушки о томъ, какъ во время «мора на людей» (дѣло шло о чумѣ 1771 г.) больныхъ баграми вытаскивали изъ домовъ и живыми бросали въ ямы вмѣстѣ съ покойниками. Такія воспоминанія живучи въ народѣ и искореняются вѣками гуманнаго и не насилующаго отношенія къ людямъ.

Нужно помнить, что съ появленія въ деревнѣ земской медицины прошло только тридцать лѣтъ и новый типъ земскаго врача еще не заслонилъ собой въ памяти народа ту фигуру представителя до-реформенной медицины—лѣкаря-потрошителя мертвыхъ тѣлъ, котораго только и зналъ народъ и пріѣздъ котораго въ деревню нерѣдко являлся такимъ же народнымъ бѣдствіемъ, какъ градобитіе, падежъ скота и проч. Потомъ нужно знать, что представляли изъ себя больницы Приказа общественнаго призрѣнія и старые сумасшедшіе дома, и помнить, что новыя земскія больницы также не могли вытѣснить изъ сознанія народа воспоминанія о старыхъ, чтобы понять почему въ тонѣ, какимъ и сейчасъ говоритъ народъ «свезли въ больницу», нерѣдко слышится не высказанная мысль: «не жилецъ ужъ видно».

Къ сожалѣнію, у насъ живучи не одни народныя воспоминанія, но и отношеніе къ эпидеміямъ и къ больному.

Выступать на борьбу съ новой, еще болѣе страшной болѣзнью съ тѣмъ же старымъ оружіемъ, игнорируя опытъ прошлаго, не считаясь съ психологіей народа, съ душой человѣка, было бы безумно.

Нужно отказаться отъ старой точки зрѣнія, выработать другіе методы, подойти иначе. И прежде всего необходимо освободить врача отъ полицейскаго облика, а больницу отъ облика кутузки. Нужно, чтобы въ глазахъ народа врачъ являлся другомъ, а не врагомъ, врачомъ, а не городовымъ, а больница являлась бы больницей, мѣстомъ, гдѣ больной можетъ лѣчиться лучше, нежели дома, а не угрозой, не тюрьмой, въ которую отдѣляетъ злодѣя—зараженнаго человѣка—общество, желающее какимъ бы то ни было способомъ отдѣлаться отъ него.

Принудительное и обязательное помѣщеніе эпидемическихъ больныхъ въ больницы должно быть отмѣнено и населенію должно быть предоставлено широкое право и полная возможность лѣчиться на дому.

Я знаю возраженія, которыя мнѣ сдѣлаютъ. Какъ, скажутъ мнѣ—не уничтожать очаговъ заразы, не охранять здоровыхъ и не посылать въ больницу дифтеритнаго, сыпно-тифознаго, холернаго или чумного? Развѣ общество не имѣетъ права и не должно предохранять себя отъ эпидеміи и требовать отъ своихъ членовъ, чтобы они не распространяли заразы и проч. и проч.?

Не касаясь послѣдняго мотива, нравственно юридической стороны вопроса, я остановлюсь на томъ, насколько выдѣленіе больного гарантируетъ здоровыхъ членовъ семьи отъ заразы.

Не могу предварительно не сказать, что смѣшно говорить о спасительной роли больницы, какъ мѣры для прекращенія распространенія эпидеміи, когда на одного уловленнаго и изолированнаго въ больницѣ больного приходится десять ускользающихъ отъ надзора и остающихся неизвѣстными,—я не думаю, чтобы пропорція была слишкомъ велика. Мнѣ могутъ отвѣтить, что такое положеніе вещей зависитъ отъ несовершенства организаціи, отъ неумѣлаго к халатнаго отношенія врачей, администраціи и учрежденій; но такъ можетъ говорить только тотъ, кто не принималъ близкаго участія въ борьбѣ съ крупными эпидеміями, вродѣ дифтерита, сыпного тифа, холеры, кто привыкъ думать, что то, что хорошо на бумагѣ, такъ же великолѣпно и на дѣлѣ, что городовой не только всемогущъ, но и всевѣдущъ. Равнымъ образомъ смѣшно говорить объ очагахъ заразы, когда ускользаютъ отъ наблюденія первые случаи заболѣванія, своевременное освѣдомленіе о которыхъ важнѣе всего, и очаги заразы объявляются тогда, когда городъ широко охваченъ эпидеміей.

Но пусть такъ. Пусть организація будетъ совершенна и средства ея обширны до поголовнаго осмотра населенія включительно,—удаляется-ли вмѣстѣ съ больнымъ опасность заболѣванія для остающихся въ квартирѣ? Удаляя дифтеритнаго, чумного больного, удаляютъ ли вмѣстѣ съ нимъ всю ту заразу, которую онъ успѣлъ оставить въ квартирѣ, въ которой онъ пробылъ покрайней мѣрѣ день, два, а можетъ быть и больше, пока болѣзнь выяснилась и пока о немъ узнали? Удаляютъ-ли вмѣстѣ съ тѣмъ тѣ микроорганизмы, которые остались въ воздухѣ, подъ поломъ, въ щеляхъ стѣнъ, подъ потолкомъ, а равно блохъ и клоповъ, которые служатъ распространителями нѣкоторыхъ эпидемическихъ болѣзней, мышей и крысъ, о которыхъ такъ много пишутъ изъ Индіи. Мнѣ скажутъ: дезинфекція... Люди также боятся страшныхъ злыхъ словъ, какъ любятъ добрыя и такое добрѣйшее слово—дезинфекція. Можно, конечно, безусловно дезинфецировать въ дезинфекціонной камерѣ бѣлье, платье, нѣкоторые предметы, но мѣховыя вещи уже нельзя,—онѣ портятся и придется платить безумныя деньги. А насѣкомыя и разгуливающія по всему дому крысы и мыши? А какъ дезинфецировать дворъ, почву подъ домомъ? Всякій долго практиковавшій врачъ знаетъ, какъ несовершенны существующіе методы дезинфекціи и не одному изъ нихъ приходилось натыкаться на случаи, гдѣ домъ послѣ напр. дифтеритнаго больного ремонтировался за ново, выламывались полы и рамы, отбивалась штукатурка, оставались однѣ стѣны, и черезъ нѣсколько дней послѣ переѣзда у жильцовъ обнаруживался дифтеритъ.

Если въ Англіи, гдѣ культура выше и гдѣ организація об-

щественной медицины долго существуетъ и несравненно совершеннѣе нашей, приходятъ къ постановленіямъ сжечь цѣлый зараженный кварталъ, то очевидно тамъ пришли къ убѣжденію въ недостаточности существующихъ методовъ дезинфекціи *).

Если это такъ, если удаленіе больныхъ не гарантируетъ отъ заболѣванія здоровыхъ, то нѣтъ основаній видѣть въ больницахъ единственный способъ ограниченія распространенія эпидеміи, не слѣдуетъ дѣлать ихъ центромъ всѣхъ мѣропріятій и нужно поискать другихъ средствъ, болѣе дѣйствительныхъ.

Такимъ средствомъ могло бы явиться удаленіе, конечно, не принудительное, здоровыхъ членовъ семьи изъ зараженныхъ квартиръ. Въ виду высказанныхъ выше соображеній, я не думаю, чтобы нужно было доказывать всю пользу такой мѣры. Не скрывая отъ себя трудностей ея практической постановки, я все таки полагаю, что и наемъ квартиръ, заблаговременное приспособленіе для такой цѣли, наконецъ постройка бараковъ,—для лѣта очень легкихъ и дешевыхъ—для здоровыхъ людей, не труднѣе постройки спеціально больничныхъ зданій со всѣми ихъ приспособленіями. Если такая мѣра имѣетъ значеніе вообще для всѣхъ эпидемій, гдѣ требуется отдѣленіе больныхъ отъ здоровыхъ, то при чумѣ она пріобрѣтаетъ особенное значеніе. Хотя пути распростаненія чумы и не изучены достаточно полно, но, судя по бывшимъ эпидеміямъ и по тѣмъ извѣстіямъ, которыя доходятъ въ настоящее время изъ Индіи, можно уже и теперь съ увѣренностью говорить о зараженіи чрезъ посредство вещей, крысъ, мышей, мухъ. Далѣе, всѣми отмѣчается въ высокой степени характерный фактъ, что чума свирѣпствуетъ съ особенной силой и даетъ огромный процентъ смертности въ туземныхъ кварталахъ Бомбея, гдѣ населеніе страшно скучено, гдѣ жилища не гигіеничны и грязны, тогда какъ въ европейскомъ кварталѣ наблюдаются очень рѣдкія заболѣванія и съ гораздо меньшимъ процентомъ смертности. Уже этотъ одинъ фактъ указываетъ намъ, гдѣ скорѣе всего можно будетъ ожидать появленія чумы и очаговъ заразы, и какое огромное значеніе будетъ имѣть возможность удаленія населенія изъ грязныхъ квартиръ, въ которыхъ населеніе такъ скучено и которыя такъ трудно дезинфецировать. Если бы предлагаемую мною мѣру возможно было бы проводить съ первыхъ случаевъ появленія въ городѣ чумы, вопросъ о борьбѣ съ нею значительно бы упростился.

Я совсѣмъ не думаю отрицать значеніе больницъ и нужду въ нихъ во время эпидемій и желалъ только отмѣтить ту ненормальную и нежелательную роль, которую онѣ играютъ у насъ во время эпидемій. Я желалъ только возвра-

*) Въ газетахъ было приведено извѣстіе, что къ такому же рѣшенію пришли въ Бомбеѣ, относительно туземныхъ кварталовъ, зараженныхъ чумой.

тить больницѣ ея чисто *лѣчебное* значеніе и освободить ее отъ несвойственныхъ ей функцій. Я прекрасно знаю, что человѣку малосостоятельному почти невозможно устроить у себя такую лѣчебную обстановку, какую даетъ больница, и поэтому считаю желательнымъ лѣченіе такихъ больныхъ въ больницахъ; но для этого нужно, чтобы, во первыхъ, они были *больницами*, а не досчатыми бараками, гдѣ дуетъ изъ каждой щели, гдѣ люди напиханы какъ сельди въ бочкѣ, гдѣ персоналъ непривычный, случайный, въ недостаточномъ количествѣ, а во вторыхъ, чтобы не тащили больныхъ за шиворотъ, не дѣлали изъ больницъ кутузокъ. Есть полное основаніе думать, что освобожденіе больницъ отъ несвойственнаго имъ характера и предоставленіе населенію права лѣчиться на дому—при существованіи въ городѣ врачей для бѣдныхъ съ соотвѣтствующимъ санитарнымъ персоналомъ,—скорѣе всего пошлетъ эпидемическихъ больныхъ въ больницу и есть лучшее средство узнавать о первыхъ случаяхъ заболѣваній, объ очагахъ заразы,—вообще бороться съ эпидеміей.

Равнымъ образомъ я не думалъ отвергать значеніе дезинфекціи,—во время чумы она нужнѣе, чѣмъ когда-либо, и желалъ лишь, чтобы и больницѣ и дезинфекціи было отведено надлежащее мѣсто и чтобы на нихъ не возлагали надеждъ больше, чѣмъ слѣдуетъ.

Въ настоящихъ бѣглыхъ замѣткахъ нѣтъ возможности детально разработать вопросъ объ удаленіи здоровыхъ изъ зараженныхъ квартиръ, объ обстановкѣ лѣченія больныхъ на домахъ,—это въ значительной степени зивиситъ отъ мѣстныхъ условій и дѣло мѣстныхъ дѣятелей, какъ дѣло индивидуальности случая и такта врача, рѣшить въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ, гдѣ необходимо выселеніе здоровыхъ, гдѣ можно не убѣждать больного идти въ больницу, возможна-ли дезинфекція или нужно временное закрытіе дома и прочее.

Подведемъ итоги. Упорядоченіе городской медицины и улучшеніе санитарнаго положенія городовъ, отмѣна принудительнаго помѣщенія больныхъ въ больницы и предоставленіе населенію права лѣчиться на дому, путемъ приглашенія врачей для бѣдныхъ, удаленіе (не принудительное) здоровыхъ жителей изъ зараженныхъ квартиръ тамъ, гдѣ невозможна надежная дезинфекція, и больничное лѣченіе для тѣхъ, кто не имѣетъ возможности устроить у себя надлежащую лѣчебную обстановку,—вотъ тѣ мѣры борьбы съ эпидеміями вообще и чумой въ частности, которыя я желалъ отмѣтить, какъ раціональныя и желательныя.

Поменьше рутины и шаблона, тайны и лжи, побольше уваженія къ человѣку, къ его духовному міру, къ его нуждамъ. Нужно устранить все то, что пугаетъ воображеніе народа, что создаетъ почву для темныхъ слуховъ и страшныхъ подозрѣній,—нужно, чтобы мѣры противъ чумы были не страшнѣе самой чумы. Пусть больной чувствуетъ себя больнымъ, а не запертымъ преступ-

никомъ, пусть больницы будутъ открыты для всѣхъ, пусть умирающій человѣкъ не будетъ лишенъ возможности проститься съ своимъ и родныя слезы проводятъ его въ могилу...

V.

Переходя къ вопросу о чумѣ, я считаю нужнымъ остановитья на той разницѣ распространенія чумы *) въ европейскихъ и туземныхъ кварталахъ Бомбея, о которой писали газеты. Я прошу читателя остановить свое вниманіе на этомъ фактѣ. Подъ однимъ солнцемъ, въ одной странѣ, въ одномъ городѣ, бокъ о бокъ стоятъ кварталы туземные и европейскіе, находящіеся въ непрерывныхъ сношеніяхъ, такъ какъ европейскіе получаютъ отъ сосѣдей съѣстные припасы, прислугу и проч. Въ то время, какъ въ туземныхъ кварталахъ эпидемія жестоко дѣлаетъ свое дѣло, люди умираютъ на улицахъ, не успѣваютъ хоронить мертвыхъ,—въ европейскихъ кварталахъ встрѣчаются только рѣдкіе случаи заболѣваній и совсѣмъ не съ такимъ высокимъ процентомъ смертности, какъ въ туземныхъ **). Словно европейцы очертили себя магическимъ кругомъ, заколдованы, знаютъ «слово». И дѣйствительно они знаютъ «слово»,—у нихъ есть культура. Я не знаю примѣра, болѣ демонстративнаго, сопоставленія двухъ культуръ,—примѣра, доходящаго до чистоты и ясности лабораторнаго опыта съ питательной и не питательной средой для микроба и очень поучительнаго для всѣхъ тѣхъ, которые иногда изъ діаметрально противоположныхъ побужденій возстаютъ у насъ противъ культуры.

Помимо общаго интереса, этотъ примѣръ даетъ намъ лучшія и совершенно ясныя указанія, какъ бороться съ чумой. У насъ есть также разные кварталы,—одни, гдѣ въ грязныхъ и не гигіеничныхъ помѣщеніяхъ живетъ недоѣдающее населеніе, и другіе, гдѣ въ хорошихъ домахъ обитаютъ хорошо питающіеся люди. Но такъ какъ у насъ богатый человѣкъ не значитъ культурный человѣкъ и культура, живущая за зеркальными окнами, не такъ ужъ много выше культуры милліоновъ, то и разница между этими двумя типами кварталовъ не такая большая, какъ въ Бомбеѣ, и даже безъ особой натяжки можно сказать, что въ нашихъ городахъ европейскихъ кварталовъ совсѣмъ нѣтъ, а есть только туземные.

---

*) Я уже указывалъ, что въ предлагаемыхъ замѣткахъ я не имѣлъ въ виду говорить спеціально о чумѣ. Поэтому я не касался вопроса объ общемъ планѣ борьбы съ нею, объ огражденіи границъ и проч. По тому же я не касаюсь исторіи борьбы съ Ветлянскою чумой. Замѣчу впрочемъ, что она мало и можетъ дать для моихъ цѣлей,—борьба происходила при исключительно благопріятныхъ условіяхъ, въ небольшой группѣ деревень, гдѣ жизнь менѣе сложна, чѣмъ въ городѣ, и въ зимнее время, когда сношенія деревни съ окружающимъ міромъ понижаются до минимума.

**) Докторъ James Cantlie наблюдалъ въ Hongkong'ѣ среди туземцевъ смертность въ 95%, а среди европейцевъ въ 18,2%. (Врачъ № 5).

Если не во имя долга и обязанности, то во имя права заботиться о спасеніи своей жизни, вѣдающіе городское дѣло, должны принять заблаговременно мѣры для улучшенія жизни тѣхъ кто заболѣетъ первыми и передадутъ заразу имъ, вѣдающимъ людямъ. Какъ борьба съ голоднымъ тифомъ сводилась къ организаціи продовольствія, выдачѣ такъ называемыхъ хлѣбныхъ рецептовъ, такъ широкій призывъ общества къ помощи низшимъ классамъ населенія, улучшеніе жилищъ, устройство столовыхъ и чайныхъ, заблаговременная организація лѣчебной части, подготовка больницъ и помѣщеній для отдѣленія здоровыхъ изъ зараженныхъ квартиръ—вотъ ясный для всѣхъ путь, по которому нужно идти городскимъ самоуправленіямъ.

Есть одинъ вопросъ, въ русской жизни, темной стѣной стоящій впереди другихъ вопросовъ, глухой стѣной, о которую разбиваются всякія благія начинанія, это народное невѣжество. Кто знаетъ—слухи о чумѣ проникли въ широкіе слои населенія—не зрѣетъ-ли тамъ въ глуши деревень, въ уличной толпѣ городовъ легенда, не складывается ли настроеніе вродѣ того, какое было предъ холерой. Что онъ, этотъ темный народъ, думаетъ по поводу чумы, какъ чувствуетъ себя? Быть можетъ чума придетъ еще не скоро, необходимо немедленно организовать народныя чтенія въ городахъ и деревняхъ съ цѣлью ознакомленія народа съ чумой, и именно чтенія, такъ какъ книжка не замѣнитъ живого слова, какъ не замѣнили его тѣ напечатанныя «разъясненія», которыя широко раздавались во время холеры и которыя народъ смѣшивалъ съ думскими обязательными постановленіями, съ циркулярами и полицейскими приказами. И да будетъ стыдно всѣмъ тѣмъ, кто подкладываетъ бревно на пути медленно движущейся телѣги народнаго просвѣщенія!

Настоящая статья была закончена, когда я наткнулся на корреспонденцію изъ Баку. Корреспондентъ сообщаетъ, что въ городѣ идетъ энергичная дѣятельность по приготовленіямъ къ чумѣ.

..... «строятся чумные бараки, выбрано чумное кладбище, античумная сыворотка выписывается изъ Парижа. Однако всѣ эти предохранительныя противъ чумы мѣры въ темной массѣ произвели обратное дѣйствіе и ложно настроили умы. Такая заботливость города и мѣстныхъ властей утвердила заводскихъ рабочихъ въ томъ предположеніи, что чума въ Баку *безпремѣнно* будетъ. Кѣмъ-то былъ пущенъ слухъ, что 25-го февраля городъ будетъ отрѣзанъ отъ всего міра, нельзя будетъ достать хлѣба, запрещены будутъ ввозъ съѣстныхъ припасовъ и движеніе изъ Баку, и вотъ заводскіе рабочіе (всякой національности) бросаютъ свои насиженныя мѣста, заработокъ и буквально бѣгутъ съ заводовъ; на палубахъ отходящихъ пароходовъ такая тѣснота отъ пестрой толпы бѣглецовъ, что негдѣ яблоку упасть».

Далѣе корреспондентъ сообщаетъ, что одинъ хозяинъ въ Черномъ городѣ употребилъ оригинальный способъ удержать рабо-

чихъ,—отказался дать имъ расчетъ. На другой же день поголовно всѣ рабочіе уѣхали, бросили и жилище, и заработокъ. Бѣжитъ прислуга и всякій, кто имѣетъ какую нибудь возможность выбраться изъ Баку. Нѣсколько состоятельныхъ семействъ выѣхало за границу. Въ заключеніе корреспондентъ сообщаетъ, что въ соединенномъ засѣданіи общества врачей и представителей города рѣшили прочесть рядъ популярныхъ лекцій и издать брошюры на трехъ языкахъ—русскомъ, армянскомъ и татарскомъ.

Кажется, все сдѣлано,—и чумные бараки строятся и даже выбрано чумное кладбище, а народъ бѣжитъ... Комментаріи излишни. Легенды выросли раньше, нежели я думалъ.

С. Елпатьевскій.

Изъ Франціи.

Недавно, въ одномъ изъ модныхъ ресторановъ на большихъ бульварахъ происходило умилительное торжество: нѣсколько газетчиковъ, политикановъ, художниковъ и романистовъ давали обѣдъ въ честь благополучнаго прибытія нѣкоего Гроклода (Grosclaude, псевдонимъ Э. Клода, швейцарца родомъ), который немало лѣтъ подвизался исключительно на поприщѣ смѣхотворной хроники, но въ самое послѣднее время ощутилъ въ себѣ внезапное призваніе къ жизни путешественника и колонизатора; нынѣ, проболтавшись годъ—подумайте, цѣлый годъ!—въ Мадагаскарѣ, онъ возвращался подъ гостепріимную сѣнь полосатыхъ ресторанныхъ маркизъ и запыленныхъ растеній въ кадкахъ. За дессертомъ пили шампанское и произносили тосты въ честь бульварнаго литератора Парижа, который «твердо и стойко держалъ знамя французской цивилизаціи между 12-мъ и 25-мъ градусами южной широты» и доказалъ свою способность къ колонизаторской миссіи тѣмъ, что не только не былъ съѣденъ свирѣпыми туземцами, но даже нагулялъ лишняго жиру и лишняго веселья!..

Что за благодарная тема для юмориста, и какіе эффектные узоры можно было бы вышить на фонѣ этого уморительнаго путешествія,—болѣе эффектные и болѣе правдивые, чѣмъ тяжеловѣсное и вмѣстѣ пустое остроумничанье почтеннаго Гроклода! Но никому и въ голову не приходило взять на обѣдѣ эту юмористическую ноту. Конечно, смѣшныя детали не были совсѣмъ изгнаны изъ рѣчей ораторовъ и отвѣтнаго спича самого виновника торжества. Но къ самому путешествію вся компанія отнеслась съ большимъ серьезомъ. А когда рѣчь зашла о «знамени», которое держали тѣ самыя руки,

что до сихъ поръ играли «бойкимъ перомъ», то восторгамъ и умиленію не было конца, и не одна дружеская слеза была пролита на жилетъ знаменосца... А еще французы увѣряютъ, что элементъ смѣшного убиваетъ все въ ихъ непочтительной къ авторитетамъ странѣ,—и людей, и учрежденія: le ridicule tue en France! Нѣтъ, видно, когда къ смѣшному примѣшивается энтузіазмъ или модное увлеченіе, то чѣмъ смѣшнѣе вещь, тѣмъ она выходитъ чувствительнѣе. Десять—двѣнадцать лѣтъ тому назадъ экзотическія приключенія Гроклода были бы встрѣчены неудержимымъ взрывомъ хохота, и бульварный балагуръ въ шкурѣ колониста, навѣрное, фигурировалъ бы въ числѣ комическихъ персонажей театральныхъ «обозрѣній» (revues). А теперь... а теперь, читатель, въ правящихъ сферахъ, по словамъ друзей Гроклода, уже идутъ толки о томъ, чтобы украсить красной ленточкой грудь неустрашимаго путешественника. Недаромъ Франція стала «великой колоніальной державой». Смыслу и національнымъ особенностямъ здѣшней колоніальной политики и будетъ посвящено на этотъ разъ мое письмо.

Какъ всегда бываетъ съ французами, стремленіе къ расширенію и эксплуатаціи внѣшнихъ владѣній прокинулось у нихъ довольно неожиданно, а послѣ нѣкоторыхъ колебаній приняло форму настоящаго увлеченія, отважившаго имущіе и правящіе классы республики, которые стараются привить этотъ вкусъ и къ широкимъ слоямъ населенія. Двоякаго рода побужденія вліяли на развитіе колоніальной политики во Франціи,—одни, такъ сказать, національно—сантиментальныя, другія экономическія. И тѣ и другія проявились главнымъ образомъ послѣ погрома 1870—1871 г. и находятся отчасти въ зависимости отъ него. Сантиментальный мотивъ, это—желаніе французовъ отвести себѣ душу увеличеніемъ территоріи и удовлетвореніемъ національной гордости тамъ за предѣлами Европы, послѣ того, какъ эта территорія была умалена, а эта гордость оскорблена въ самой Европѣ. Что касается до экономическаго побужденія, оно заключается въ стремленіи французскихъ капиталистовъ найти новые пути для сбыта продуктовъ, которые все болѣе и болѣе загромождаютъ старый международный рынокъ, особенно съ тѣхъ поръ, какъ страшный конкуррентъ выросъ для Франціи въ лицѣ объединенной и побѣдоносной Германіи, развивающей свою промышленность и торговлю не по днямъ, а по часамъ: прислушайтесь только къ испуганнымъ комментаріямъ, которыми французскіе статистики сопровождаютъ таблицы сравнительнаго роста внѣшней торговли двухъ странъ! Такая опредѣленная формулировка коммерческихъ потребностей страны или, лучше сказать, правящей французской буржуазіи выработалось впрочемъ лишь въ послѣдніе пять—шесть лѣтъ. И если сантиментальные мотивы въ родѣ «чести знамени» и «величія Франціи» могли производить свое дѣйствіе на большую публику, то теорія захвата рынковъ путемъ колоній была очень непопулярна въ теченіе нѣкотораго времени не только среди

рабочихъ и крестьянъ (эта нелюбовь продолжается здѣсь и до сихъ поръ), но и среди мелкой буржуазіи и ихъ выразителей, радикальныхъ депутатовъ и публицистовъ. Не забудьте, что послѣдніе даже повертывали сантиментальные мотивы какъ разъ противъ колоніальной политики, мѣшавшей, по словамъ радикальной оппозиціи, обращать французамъ должное вниманіе на Германію и «проходъ въ Вогезахъ» (la trouée des Vosges).

Очень интересное отраженіе этихъ превратностей и развитія колоніальной политики во Франціи заключается въ предисловіяхъ къ различнымъ изданіямъ извѣстной книги Поля Леруа-Больё о «Колонизаціи у современныхъ народовъ». Читайте одно за другимъ введенія къ первому, второму, третьему и четвертому изданіямъ этого труда, и вы какъ нельзя лучше схватите различныя фазы, чрезъ которыя этотъ вопросъ проходилъ во Франціи. Надо замѣтить, что сама книга выросла изъ мемуара, представленнаго авторомъ въ 1870 г. Академіи нравственныхъ наукъ и получившаго отъ нея премію. Вышедшая въ первый разъ въ 1874 г., книга эта, несмотря на обиліе фактическихъ данныхъ и нѣкоторые общіе практическіе совѣты, носила въ то время характеръ по преимуществу академическій: авторъ въ предисловіи говоритъ главнымъ образомъ о своей надеждѣ «пролить до нѣкоторой степени свѣтъ на самое интересное и наименѣе изученное явленіе въ жизни современныхъ обществъ, колонизацію». Какъ послѣ признавался самъ Леруа-Больё, непосредственнаго результата онъ и не ожидалъ отъ своего сочиненія; его издатель, Гильйомэнъ, говорилъ ему даже, что такія книги совсѣмъ не находятъ читателей. Второе изданіе, значительно разросшееся, появилось въ 1882 г., и авторъ уже прямо говоритъ въ предисловіи объ «особой важности колонизаціи для Франціи» и указываетъ съ другой стороны, что само «національное сознаніе болѣе просвѣщено и начинаетъ понимать всю важность колоній». Но въ третьемъ изданіи (1886 г.), гдѣ особенно расширились главы объ Алжиріи и Тунисѣ, авторъ отмѣчаетъ реакцію въ «общественномъ мнѣніи, которое теперь проявляетъ нерѣшительность, усталость и разочарованіе», и пытается «возвратить ему довѣріе». Наконецъ, въ четвертомъ изданіи (1891 г.), составляющемъ уже очень толстый томъ, изъ устъ автора льется въ нѣкоторомъ родѣ восторженный гимнъ колоніальной политикѣ, побѣдившей всѣ препятствія и охватившей всѣ главные народы.

„О пользѣ колонизаціи уже почти совсѣмъ не спорятъ. Къ ней относятся теперь съ такимъ же увлеченіемъ, какова была прежняя непріязнь... Европейскія націи задали теперь себѣ обширную и трудную работу на цѣлый XX-ый вѣкъ. Отнынѣ онѣ могутъ прекратить борьбу между собой въ Европѣ и удовлетворять свой вкусъ къ приключеніямъ при помощи путешествій, различныхъ подвиговъ, разочарованій и дорого окупающихся успѣховъ въ своихъ владѣніяхъ, до сихъ поръ номинальныхъ. Конецъ этого вѣка является свидѣтелемъ феномена, къ которому исторія не пріучила насъ раньше: вотъ уже десять лѣтъ, какъ колонизація представляетъ

собой условіе мира въ Европѣ, это—предохранительный клапанъ, чрезъ который вырывается политическое честолюбіе и благодаря которому удовлетворяются жажда завоеванiй и безпокойное порыванье народовъ. Устремивши глаза на громадную и далекую добычу, люди забываютъ жалкія ссоры между сосѣдями. И, дѣйствительно, для многихъ современниковъ нашихъ міръ варварскихъ племенъ является настоящей добычей. Во многихъ мѣстахъ, характеръ сношеній между европейцами и нецивилизованными племенами остался тѣмъ же, чѣмъ былъ три вѣка назадъ. Когда читаешь разсказы о дѣяніяхъ арьергарда Стэнли, объ избіеніяхъ въ Массовѣ, положительно переживаешь времена Кортеса и Пизарро“ *).

Какъ видите, все идетъ превосходно, и есть только одно темное, или вѣрнѣе кровавое, пятно на свѣтломъ фонѣ колонизаціи: подвиги европейцевъ, достойные великихъ разбойниковъ—завоевателей XVI-го вѣка. Авторъ тѣшитъ свое французское сердце, впрочемъ, тѣмъ, что убійства эти не были совершены его соотечественниками. Но мы увидимъ ниже, что и французы при случаѣ не любятъ стѣсняться съ дикарями. Какъ бы то ни было, авторъ заканчиваетъ свое предисловіе словами:

„О, еслибы мы (этой книгой) могли способствовать уже не развитію колоніальнаго стремленія, которое въ настоящій моментъ не нуждается болѣе въ дальнѣйшемъ поощреніи, а регулированію его и извлеченію изъ него результатовъ, важныхъ, великихъ и плодотворныхъ для нашей страны и всего человѣчества“.

Перейдемъ теперь къ важнѣйшимъ фактамъ колоніальной политики во Франціи, чтобы понять, какія превратности этой политики отражались въ разсужденіяхъ члена института (и, прибавлю въ скобкахъ, участника въ различныхъ промышленныхъ и коммерческихъ предпріятіяхъ, эксплатирующихъ колоніи). Не забираясь въ глубь временъ, я начинаю этотъ краткій обзоръ лишь со времени третьей республики, при которой, собственно говоря, колоніальныя стремленія впервые получили осязательную форму и вылились въ извѣстную систему. Первые десять лѣтъ республики прошли главнымъ образомъ въ борьбѣ съ реакціонными партіями и защитѣ отъ ихъ нападеній новаго режима. Попытки расширить внѣшнія владѣнія были разрознены. Въ 1870—1871 г. и 1872 г. Жанъ Дюпюи двоекратно изслѣдовалъ теченіе Сонгъ-Коя или Красной рѣки, которая открывала путь изъ Тонкина въ провинцію Юнь-Нань южнаго Китая. Въ 1873 г. Франсисъ Гарнье, посланный адмираломъ Дюпре, который былъ въ то время губернаторомъ французской Кохинхины, беретъ приступомъ цитадель Ганоя и въ нѣсколько дней овладѣваетъ всей дельтой Красной рѣки. Но знаменитые Черные флаги (Pavillons Noirs), которые впослѣдствіи такъ намозолили глаза читателямъ французскихъ газетъ, убиваютъ Франсиса Гарнье, и адмиралъ Дюпре отдаетъ приказъ войскамъ

*) Paul Leroy-Beaulieu, „De la colonisation chez les peuples modernes; Парижъ, 1891 (4-е изд.), стр. III.

оставить Тонкинъ, а самъ заключаетъ съ аннамскимъ императоромъ Сайгонскій договоръ, по которому дельта возвращается Аннаму (15 марта 1874 г.). Такъ обстояли дѣла въ Индо-Китаѣ, когда Леруа-Больё печаталъ первое изданіе своей книги, а издатель увѣрялъ его, что для такихъ сочиненій не найдется читателей во Франціи.

Первое замѣтное увлеченіе колоніальной политикой прокидывается съ начала 80-хъ годовъ, когда республика торжествуетъ надъ коалиціей монархистовъ, президентомъ (съ 30-го января 1879 г.) является Греви, а между государственными людьми третьей республики выдѣляются враждующіе отчасти между собой Гамбетта, Жюль Ферри и Фрейсинэ. Въ этомъ первомъ увлеченіи французовъ азартной игрой въ колоніи энтузіазмъ въ одномъ пунктѣ сопровождался робостью и непріязнью въ другомъ, и т. п. Такъ республиканская палата депутатовъ, выбранная въ октябрѣ 1877 г., одобрила кампанію противъ Крумировъ, которая была предпринята въ апрѣлѣ 1881 г., въ то время какъ министромъ иностранныхъ дѣлъ въ кабинетѣ Жюля Ферри былъ Бартелеми Сэнтъ-Илеръ; и трактатъ Бардо (13-го мая 1881 г.), заканчивавшій эту экспедицію и отдававшій Тунисъ подъ покровительство Франціи, нашелъ восторженныхъ хвалителей въ политическихъ кругахъ и прессѣ, за исключеніемъ, впрочемъ, радикальной оппозиціи и довольно значительной доли общественнаго мнѣнія. Напомню, что тогдашній французскій министръ-резидентъ въ Тунисѣ, пресловутый Рустанъ, былъ обвиненъ Рошфоромъ въ финансовыхъ мошенничествахъ, которыя онъ продѣлалъ, по словамъ ядовитаго памфлетиста, не безъ вѣдома и согласія Гамбетты; а когда редакторъ L'Intransigeant'а былъ позванъ Рустаномъ въ судъ за клевету, присяжные оправдали журналиста. Одобрила тунисскую экспедицію и палата, выбранная въ августѣ 1881 г., но эта же палата высказалась противъ вмѣшательства Франціи въ египетскія дѣла, когда Англія, подавляя возстаніе Араби-паши, предложила парижскому кабинету совмѣстную бомбардировку Александріи. И это отрицательное отношеніе новой палаты было настолько сильно, что даже политика безучастія, практиковавшаяся въ то время министерствомъ Фрейсинэ, не казалась ей достаточно опредѣленной, и она громаднымъ большинствомъ низвергла (29 іюля 1882 г.) этотъ кабинетъ, отказавъ вотировать кредитъ въ 9,400,000 франковъ «на издержки по занятію Суэзскаго канала».

Но восторженное отношеніе къ колоніальной политикѣ въ общемъ не уменьшалось, и, вошедши во вкусъ завоеваній благодаря быстрому и благополучному исходу Тунисской экспедиціи, общественное мнѣніе крупной буржуазіи требовало новаго и новаго расширенія владѣній. То былъ медовый мѣсяцъ союза оппортунистской республики съ Жюлемъ Ферри и его вѣрными «мамелюками», которые въ палатѣ вотировали предлагавшіеся главой оппортунистовъ

кредиты для Тонкина. Было бы излишне припоминать всѣ перипетіи этого, перваго періода тонкинскаго завоеванія, когда ни смерть коменданта Ривьера (1883), ни фальшивый мирный договоръ съ Китаемъ (въ Тьенъ-Тсинѣ. 11 мая 1884 г.), ни сейчасъ же послѣдовавшее за этимъ пораженіе генерала Милло китайцами при Бакъ-Лэ, ни сотни милліоновъ франковъ и десятки тысячъ человѣческихъ жизней, брошенныхъ на рисовыхъ поляхъ и въ каналахъ Дельты,—словомъ, когда ничто не могло поколебать довѣрія оппортунистовъ къ ихъ вождю, пока знаменитая депеша о потерѣ французами Лангсона не пришла въ Парижъ, поразивъ страну какъ ударъ грома, и дотолѣ вѣрное большинство въ палатѣ не свалило (30 марта 1885 г.) могущественнаго министра большинствомъ 310 голосовъ противъ 161; а самъ Ферри принужденъ былъ скрыться заднимъ ходомъ отъ враждебной толпы, бушевавшей передъ палатой. Колоніальный пылъ остылъ на время; Ферри подъ именемъ «тонкинца» сдѣлался самымъ непопулярнымъ человѣкомъ Франціи; оппозиція правой, а въ особенности крайней лѣвой, припомнила всѣ ошибки и увлеченія главнаго иниціатора колоніальной политики; враждебная пресса подхватила всѣ неосторожныя фразы его и разнесла ихъ въ самые отдаленные уголки Франціи. Кто не издѣвался въ то время надъ «выгоднымъ для всякаго отца семейства помѣщеніемъ капиталовъ» (placement de pére de famille), какъ Ферри назвалъ однажды тонкинскія завоеванія! Кто не проклиналъ его системы посылать войска маленькими отрядами (par petits paquets), которые таяли что снѣгъ среди засадъ и лихорадокъ! Кто не припоминалъ его презрительнаго отношенія къ Китаю, какъ въ «величинѣ, которой можно пренебречь» (quantité négligeable), между тѣмъ какъ именно Срединная-то Имперія и надѣлала столько хлопотъ французамъ на далекомъ Востокѣ!...

Несомнѣнно, что выборы 4-го октября 1885 г., пославшіе въ палату почти одинаковое число умѣренныхъ республиканцевъ, радикаловъ и реакціонеровъ — приблизительно по 200 депутатовъ каждой изъ трехъ фракцій—и дѣлавшіе непрочнымъ всякое министерство,—несомнѣнно, что эти выборы отражали на себѣ въ значительной степени колебаніе общественнаго настроенія подъ вліяніемъ неудачъ колоніальной политики. Самый вопросъ о сохраненіи Тонкина былъ, какъ извѣстно, рѣшенъ отрицательно парламентарной комиссіей и прошелъ въ новой палатѣ лишь крайне сомнительнымъ большинствомъ голосовъ (274 противъ 270), не смотря на то, что полурадикальное министерство Бриссона рѣшительно высказалось за цѣлость вновь сдѣланныхъ пріобрѣтеній (intégrté du patrimoine national). Тонкинъ остался за Франціей и сдѣлался отправнымъ пунктомъ для дальнѣйшихъ завоеваній въ Индо-Китаѣ, но въ теченіе двухъ — трехъ лѣтъ колоніальная политика была рѣшительно не по душѣ націи, и всѣ кабинеты, смѣнявшіе одинъ другого въ это время, принуждены были «хитрить съ парламентомъ, чтобы по-

лучить отъ него надобные кредиты и войска», какъ жалуется одинъ оппортунистскій историкъ *). Первыя попытки отнять временный характеръ у завоеваній на востокѣ и дать имъ правильную организацію были сдѣланы лишь въ концѣ 1887 г. (декретъ 17-го октября объ организаціи Индо-Китая и опредѣленіе полномочій генералъ-губернатора отъ 12 ноября). И лишь еще года два спустя колоніальная политика снова вошла въ моду, отчасти, можетъ быть, подъ вліяніемъ всемірной выставки 1889 г., которая своими заморскими декораціями подѣйствовала на воображеніе большой публики. Съ начала 90-хъ годовъ сторонники колоніальнаго расширенія торжествуютъ по всей линіи, и въ настоящее время самая крайняя оппозиція не рѣшается уже поднимать вопросъ о томъ, чтобы покинуть сдѣланныя пріобрѣтенія: она ясно видитъ безплодность агитаціи противъ колоніальной политики. Знаменательно, что уже въ 1890 г., въ предисловіи къ сборнику документовъ о Тонкинѣ (появившемуся подъ заглавіемъ «Le Tonkin et la Mère patrie»), Жюль Ферри могъ сказать: «И я съ гордостью заявляю о своемъ правѣ на прозвище «Тонкинца», которымъ злые и глупые люди думали оскорбить меня».

Мнѣ нечего подробно разсказывать исторію дальнѣйшихъ пріобрѣтеній Франціи. Ея колоніи растутъ повсюду: и на дальнемъ Востокѣ, гдѣ республикѣ удается урвать у Сіама, по крайней мѣрѣ, треть его территоріи (договоръ въ сентябрѣ 1893 г.); и на континентѣ Африкѣ, гдѣ, не говоря уже объ Алжиріи и Тунисѣ, на западномъ берегу выростаетъ, между прочимъ, новое генералъ-губернаторство Сенегала (по декрету 16 іюня 1895 г.); и въ Мадагаскарѣ, который сталъ-было такъ непопуляренъ при Ферри (особенно весной 1885 г.) и который теперь превращенъ въ настоящую колонію Франціи (декретъ отъ 11 декабря 1895 г.); и т. д. Теперь дѣло идетъ объ томъ, чтобы изучить въ общихъ чертахъ положеніе французскихъ колоній и посмотрѣть, осуществляютъ ли онѣ надежды, которыя возлагаются на нихъ ихъ горячими сторонниками и ради которыхъ Франція принесла столько жертвъ и деньгами и кровью.

Еслибы я взялъ за руководство при изученіи вопроса о колоніальной политикѣ Франціи какое-нибудь сочиненіе, враждебное этой политикѣ, то читатель, пожалуй, не могъ бы отдѣлаться отъ извѣстнаго недовѣрія къ моимъ выводамъ. Я предпочитаю пользоваться оффиціальнымъ документомъ, который долженъ представлять вещи скорѣе въ розовомъ, чѣмъ въ черномъ свѣтѣ: я говорю о послѣднемъ докладѣ бюджетной комиссіи по министерству колоній,

*) Edgae Zevort, „La France sous le régime du Suffrage Universel"; Парижъ. 1894, стр. 222.

докладѣ, который былъ составленъ депутатомъ Жюлемъ Сигфридомъ, горячимъ сторонникомъ колоній, и розданъ всѣмъ депутатамъ *). Мнѣ придется сдѣлать только нѣкоторую оговорку. Въ числѣ колоній французскіе оффиціальные документы не считаютъ Алжирію (и Тунисъ), которая разсматривается теперь гораздо болѣе, какъ часть метрополіи, лишь раздѣленная отъ собственной Франціи моремъ, чѣмъ какъ внѣшнее владѣніе. Такъ, бюджетъ ея разсматривается отдѣльно отъ бюджета прочихъ колоній. Покончивъ собственно съ колоніями, я скажу нѣсколько словъ и о ней. Но главнымъ образомъ я буду говорить о тѣхъ территоріальныхъ пріобрѣтеніяхъ Франціи, которыя обыкновенно разумѣются здѣсь подъ колоніями.

Резюмирую сначала, какія выгоды должны представлять колоніальныя владѣнія, по словамъ ихъ же сторонниковъ. И говоря такъ, я хочу показать, что становлюсь на точку зрѣнія имущихъ и правящихъ классовъ, которые, какъ извѣстно, преслѣдуютъ путемъ колоніальной политики очень реальные интересы. Выгоды эти такія: 1) колоніи помогаютъ метрополіи нести государственные налоги; 2) онѣ даютъ толчокъ промышленности и торговлѣ метрополіи, снабжая послѣднюю своими продуктами и открывая у себя рынокъ продуктамъ самой метрополіи; 3) онѣ представляютъ собой болѣе плодотворное поле дѣятельности для разныхъ соціальныхъ силъ, энергій и способностей, задыхающихся отъ недостатка приложенія въ метрополіи: излишнихъ капиталовъ, излишняго рабочаго населенія, излишнихъ представителей интеллигенціи, и т. д.

Посмотримъ же теперь, въ какой степени французскія колоніи отвѣчаютъ этимъ требованіямъ. Въ 1896 г. внѣшнія владѣнія Франціи (съ протекторатами) достигли внушительныхъ размѣровъ: ихъ поверхность исчислялась въ 2.981,900 кв. километровъ, а населеніе достигало 32.082,373 человѣкъ, что составляетъ площадь въ пять съ половиною разъ большую самой метрополіи, съ населеніемъ на одну шестую меньшимъ населенія собственно Франціи **). Казалось, поле дѣятельности достаточно обширно. А что мы видимъ? Возьмите вопросъ о бюджетѣ. Смѣшно даже и говорить о какой-нибудь помощи, которую колоніи могли бы оказывать въ этомъ отношеніи французской республикѣ, когда изъ общаго бюджета расходовъ въ колоніяхъ (=179.393,540 фр. на 1897 г.) сами колоніи несутъ лишь 95.664,700 фр., а остальные 83.728,840 фр. уплачи-

*) Вотъ точное заглавіе этого документа: № 2045. Chambres des députés. Rapport fait au nom de la commission du budget chargée d'examiner le projet de loi (rectifiè) portant fixation du budget général de l'exercice 1897 (Ministère des Colonies) par M. Jules Siegfried député; Парижъ, 1896.

**) Съ Алжиріей (797,770 кв. кил. и 4.429,421 жит. по переписи 1896 г.) и Тунисомъ (99600 кв. кил. и 1.500,000 жит.) получаются цифры еще болѣе крупныя: 3.879,270 кв. кил. и 38.011,794 жит., т. е. пространство въ 7 разъ больше Франціи и населеніе, равное метрополіи.

ваетъ метрополія. Почти половина колоніальнаго бюджета лежитъ на плечахъ того самаго населенія Франціи, въ интересахъ котораго якобы и расширяются внѣшнія владѣнія республики. Что касается до общей суммы различныхъ доходовъ, получаемыхъ метрополіей съ колоніи, то эта сумма не превышаетъ 7.910,562 фр., изъ которыхъ 4.799,042 фр. берутся съ Кохинхины, едвали не единтвенной французской колоніи съ благоустроенными финансами *).

Да и какъ вы хотите, чтобы колоніи облегчали податныя тягости метрополіи, когда издержки по администраціи, благодаря расточительности центральныхъ и мѣстныхъ властей, доходятъ въ колоніяхъ до 1 франка 23 сантимовъ на жителя, между тѣмъ какъ въ самой Франціи онѣ достигаютъ лишь 23 сантимовъ, т. е. почти ровно въ пять разъ меньше (см. объ этомъ въ прежнемъ докладѣ почтеннаго мосье Шотана, которому радикализмъ не помѣшалъ быть министромъ колоній въ реакціонномъ кабинетѣ Дюпюи). Но тутъ можно сдѣлать возраженіе, что колоніальныя владѣнія по самому характеру своему требуютъ большихъ затратъ, чѣмъ само государство. Увы! расточительность французскихъ колоній вырисовывается крайне ярко, когда ихъ сравниваешь съ колоніями практическаго и коммерческаго народа: рѣчь идетъ объ англійскихъ. Сопоставилъ нашъ докладчикъ размѣры и расходы французскихъ и англійскихъ колоній и уныло опустилъ голову. И есть отчего опустить: подводя окончательный итогъ расходамъ обѣихъ метрополій по колоніямъ (и принимая въ расчетъ полученія изъ колоній), Сигфридъ находитъ, что англичане затрачиваютъ 62.241,425 фр. на управленіе колоніальной площадью въ 38.414,000 кв. километровъ и съ населеніемъ въ 393.500,000 человѣкъ, тогда какъ его соотечественники должны издерживать не менѣе 74.344,340 фр. на колоніи, поверхность которыхъ, какъ мы уже видѣли, не превышаетъ 2.981,000 кв. километровъ, а населеніе 32.082,273 жителей **). Иначе говоря, Великобританія затрачиваетъ одной шестой меньше, а управляетъ въ тринадцать разъ большей площадью и въ двѣнадцать разъ большимъ населеніемъ. Констатируя такое положеніе дѣлъ, французскій депутатъ вынужденъ говорить комплименты по адресу колоніальной администраціи его за-ламаншскихъ сосѣдей, достигшей такихъ «поразительныхъ результатовъ», и видитъ въ ней «примѣръ» для Франціи.

Дальнѣйшая—и сравнительная и безотносительная — критика французскаго бюджета раскрываетъ очень типичныя детали здѣшней администраціи. Прежде всего бросается въ глаза необыкновен-

---

*) Rapport, стр. 10—15, passim.

**) Сигфридъ беретъ между англійскими колоніями такъ называемыя «коронныя» (Crown colonies), въ содержаніи которыхъ участвуетъ метрополія, и оставляетъ въ сторонѣ Остъ-Индію, австралійскія колоніи и пр., имѣющія свой независимый бюджетъ.

ная громоздкость и рутинность центральной администраціи. Для тѣхъ, кто знакомъ съ французскими порядками, это не новость: политическія бури проходили здѣсь, такъ сказать, въ верхнихъ слояхъ атмосферы, вырывая съ корнемъ основныя учрежденія, но въ низшихъ слояхъ, въ сферѣ администраціи, все оставалось по старому, и бюрократія, выработанная Наполеономъ I-мъ, по прежнему не спѣша работала своими безчисленными колесами, раздавливая и обезличивая частную иниціативу и жизнь мѣстныхъ органовъ. И до сихъ поръ памфлетъ Лабуле «Принцъ-собачка» могъ бы найти свое полное приложеніе къ административнымъ порядкамъ страны. Централизація и чиновничество застарѣлыя язвы Франціи, и идеаломъ рутиннаго политическаго дѣятеля является здѣсь безчисленная іерархія пишущихъ автоматовъ, симметрически размѣщенныхъ по различнымъ бюро и однообразно скрипящихъ перьями по различнымъ «отношеніямъ» и «докладамъ». Не типично-ли для Франціи и Англіи, что центральная колоніальная администрація въ Лондонѣ состоитъ всего изъ 79 чиновниковъ,—это, замѣтьте, почти на 400 милліоновъ населенія,—тогда какъ въ Парижѣ подобное же учрежденіе заключаетъ 231 чиновника на 30 милліоновъ съ небольшимъ. Правда, содержаніе англійской центральной администраціи нѣсколько дороже французской (902,000 фр. тамъ, 820,000 фр. здѣсь), но за то англійскій чиновникъ получаетъ въ три-четыре раза больше французскаго (11.400 фр. среднимъ числомъ въ Лондонѣ, 3550 фр. въ Парижѣ) и, очевидно, работаетъ неизмѣримо больше, ибо въ концѣ концовъ англійскія колоніи, какъ мы уже видѣли, обходятся метрополіи гораздо дешевле французскихъ. Здѣсь лишній разъ подтверждается поразительная склонность французской буржуазіи посылать значительную часть своихъ дѣтей въ ряды бюрократіи, хотя по большей части дурно оплачиваемой.

Неудивительно, что доходящая до курьеза централизація въ ходѣ дѣлъ и крайняя посредственность этихъ легіоновъ чиновниковъ тормозятъ развитіе колоній во Франціи. Одинъ-два примѣра наглядно покажутъ это. Въ Парижѣ, какъ извѣстно, существуетъ такъ называемое «Центральное отдѣленіе для закупки продуктовъ, потребныхъ для колоній» (Service central des marchés). Вѣрная идеямъ централизаціи, французская администрація требуетъ, чтобы всѣ сдѣлки каждой колоніи по части снабженія ея различными вещами проходили черезъ руки центральнаго учрежденія. Казалось бы, что проще, какъ не разрѣшить мѣстнымъ колоніальнымъ властямъ покупать нужное у себя дома или же въ сосѣдней колоніи! Наивный читатель, вы забыли, что тогда сдѣлка принимала бы слишкомъ вульгарный, слишкомъ обыкновенный видъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ была бы подорвана вѣра въ необходимость сложной и очень хитрой механики, которая функціонируетъ въ Парижѣ. «Не важна

селедка, важна обстановочка», какъ говоритъ одинъ изъ героевъ безсмертнаго Успенскаго. Въ самомъ дѣлѣ, положимъ, администраціи Гваделупы понадобилось купить для своихъ солдатъ кофе, которое воздѣлывается на самомъ островѣ. Нѣтъ ничего естественнѣе, казалось бы, какъ пріобрѣсти требуемый продуктъ на мѣстѣ. Да, но тогда къ чему бы свелся идеалъ центральной власти, сидящей въ Парижѣ и разыгрывающей оттуда различныя административныя аріи на тысячахъ телеграфныхъ проволокъ и телефонныхъ пластинокъ. И вотъ какъ происходитъ дѣло. Шагъ первый: колоніальныя власти пишутъ въ Парижъ г. министру колоній о томъ, что нуждаются въ такомъ-то количествѣ кофе. Шагъ второй: г. министръ посылаетъ полученную бумагу въ «главное провіантское бюро» (Bureau des approvisionnements généraux). Шагъ третій: главное провіантское бюро пересылаетъ бумагу въ центральное отдѣленіе закупки продуктовъ. Шагъ четвертый: центральное отдѣленіе передаетъ бумагу «Постоянной коммисіи по закупкамъ и полученіямъ» (Commission permanente des marchés es des recettes). Эта постоянная коммиссія представляетъ собой очень ученое учрежденіе, состоящее изъ директора отдѣленія, главнаго врача, главнаго фармацевта, главнаго инженера общественныхъ работъ, главнаго военнаго инженера, морского инженера и т. д. и т. д. Шагъ пятый: ученая коммиссія обсуждаетъ требованіе, дѣлаетъ покупку, сопровождая ее всевозможными контрольными формальностями, и пересылаетъ ее въ «Центральный магазинъ колоній». Шагъ шестой: сей магазинъ, классифицируя получаемые запасы, пріобщаетъ покупку для Гваделупы къ другимъ товарамъ, предназначаемымъ для той колоніи, и соображаясь со временемъ отхода пароходовъ, посылаетъ всю партію въ извѣстный портъ. Шагъ седьмой: партія попадаетъ въ руки «административнаго отдѣленія въ коммерческихъ портахъ...» Не пора-ли однако намъ, читатель, остановиться на этой седьмой фигурѣ административнаго менуэта: нашему кофе предстоитъ еще долгое странствованіе по усовершенствованнымъ каналамъ образцовой организаціи, пока, наконецъ, онъ не достигаетъ мѣста своего назначенія — и зачастую своей родины, ибо центральная администрація, можетъ быть, купила въ Парижѣ кофе, идущій какъ разъ съ гваделупскихъ плантацій.

Немудрено, что, благодаря этому путешествію, похожему на сказку, «между днемъ заказа и днемъ полученія надо считать среднимъ числомъ шесть мѣсяцевъ» (sic!) и что, напр., въ 1895 г., потеря отъ порчи товаровъ во время упомянутыхъ странствованій «достигла болѣе 200,000 франковъ!» *). Но уже совсѣмъ удивительно, какъ, несмотря на всевозможныя ученыя коммиссіи и подкомиссіи, «по-

---

*) Rapport, стр. 54. — Ср. стр. 120, на которой докладчикъ сообщаетъ чудовищный фактъ, что административные расходы по снабженію колоніи продуктами достигаютъ 28% (!) всей стоимости доставляемыхъ продуктовъ.

купки дѣлаются очень часто безъ необходимаго практическаго знанія» и—прибавлю я уже отъ себя—бросаютъ странное освѣщеніе даже и на теоретическія свѣдѣнія всезнающихъ администраторовъ. Позвольте разсказать по этому поводу поистинѣ поразительный анекдотъ, который сообщаетъ мимоходомъ самъ докладчикъ. Въ началѣ 1896 г. въ одномъ изъ объявленій о торгахъ, составленныхъ упомянутой уже «постоянной коммиссіей» и ставившихъ извѣстныя условія подрядчикамъ по снабженію кофе, одинъ изъ пунктовъ гласилъ: «поставляемое кофе должно идти исключительно изъ французскихъ колоній и протекторатовъ», и слѣдующій же пунктъ добавлялъ: «оно должно быть перваго сорта и разряда Ріо» *). Почтенные директоры, инженеры, медики и фармацевты, очевидно, и не знали, что Ріо находится не во французскихъ колоніяхъ, а въ Бразильской республикѣ!

Вообще, бюджетъ колоній представляетъ массу странностей, и, не выходя изъ круга данныхъ, сообщаемыхъ въ докладѣ, вы въ концѣ концовъ получаете такое впечатлѣніе, какъ еслибы наблюдали работу гигантской помпы, накачивающей золотую влагу изъ кармановъ націи и наводняющей ею безплодные пески, на которыхъ пышно разцвѣтаетъ лишь одно растеніе: никому и ни на что ненужный чиновникъ!

Станетъ-ли Зигфридъ разсматривать составъ колоніальныхъ чиновниковъ, работающихъ въ Парижѣ, и онъ вдругъ открываетъ, что здѣсь находятся цѣлыхъ 69 чиновниковъ, «временно причисленныхъ къ центральной администраціи», т. е., попросту сказать, фланирующихъ въ Парижѣ, между тѣмъ какъ имъ платится 198,405 фр. въ годъ тѣми самыми колоніями, въ которыхъ они блещутъ своимъ отсутствіемъ. Докладчику остается лишь вздыхать передъ палатой о такихъ «неправильныхъ дѣйствіяхъ» **). Обратить-ли свое вниманіе докладчикъ на издержки по путешествіямъ и перемѣщеніямъ чиновниковъ, и онъ наталкивается на тотъ фактъ, что эти издержки въ 1894 г. дошли до баснословной цифры въ 454,634 фр., ибо колоніальная администрація привыкла «посылать съ одного конца свѣта на другой, въ колоніи, не имѣющія часто никакого сходства между собою, чиновниковъ, которые начали было приносить пользу той колоніи, гдѣ они прожили извѣстное время,—но это единственно въ видахъ повышенія, или же, наоборотъ, потому-что они перестали нравиться» ***). Перейдетъ-ли Сигфридъ къ суммамъ, отчисленнымъ въ бюджетѣ членамъ судебнаго вѣдомства, и его поражаетъ распространенность жирныхъ синекуръ въ этой сферѣ, которыя достигаютъ максимума въ такихъ старыхъ колоніяхъ, какъ Гваделупа, Мартиника или островъ Бурбонъ (Ile de la Réunion теперешнихъ фран-

*) Rapport, Ibid.
**) l. c., стр. 48.
***) l. c., стр. 77.

цузскихъ документовъ). Такъ, если сравнить число судей съ ихъ дѣятельностью, то оказывается, напр., что на Бурбонѣ 50 судей получаютъ въ общемъ 280,705 фр. ,а рѣшеній по гражданскимъ дѣламъ во второй инстанціи насчитывается въ годъ 51; на Мартиникѣ число судей, 41, ихъ окладъ 273,211 фр., а количество дѣлъ во второй инстанціи въ среднемъ 36; но всѣхъ перещеголяла Гваделупа, гдѣ 43 судьи стоитъ 300,348 фр., а количество рѣшенныхъ дѣлъ не превышаетъ 21 *). Оплакиваетъ нашъ докладчикъ и чрезмѣрность «военныхъ расходовъ, которые достигаютъ теперь ежегодно огромной суммы въ 59 милліоновъ франковъ» **) и показываютъ, что до сихъ поръ французскія колоніи являютси полемъ маневровъ для солдатъ, а не ареной коммерческой дѣятельности. Изъ словъ докладчика даже выходитъ, что бюджетъ по содержанію арміи и жандарміи въ колоніяхъ носитъ на себѣ особенный отпечатокъ небрежности и расточительности. Такъ напримѣръ, на военные расходы въ Тонкинѣ и Аннамѣ Франція удѣляетъ изъ своего бюджета не менѣе 25 милліоновъ франковъ въ годъ. Спрашивается, почему же съ «умиротвореніемъ» страны число войскъ тамъ не только не уменьшается, но обнаруживаетъ скорѣе тенденціи къ увеличенію. Въ старыхъ колоніяхъ, какъ напр., въ Гваделупѣ и на островѣ Бурбонѣ, что особенно поражаетъ Сигфрида, такъ это невозможно-высокая сумма расходовъ въ военныхъ госпиталяхъ, до 15 фр. и болѣе въ день на одного паціента. Во Французскомъ Суданѣ каждый солдатъ обходится государству 1800 фр. ежегодно, несмотря на то, что въ этихъ войскахъ очень много негровъ, содержаніе которыхъ не можетъ стоить дорого. И не взирая на сравнительную высоту отдѣльныхъ рубрикъ бюджета этой колоніи, администрація ея ухитряется издерживать гораздо болѣе, чѣмъ полагалось по смѣтѣ, утвержденной парламентомъ: такъ въ 1894 г. эти расходы дошли до цифры въ 11.868,832 фр., тогда какъ по бюджету полагалось лишь 6.219,022 фр., т. е. иначе говоря, колонія переиздержала суммъ чуть не въ размѣрѣ самой смѣты.

Русскому читателю нечего, конечно, входить въ подробности французскаго колоніальнаго бюджета. Но нѣсколькихъ примѣровъ, взятыхъ мною изъ толстаго доклада, будетъ, я думаю, достаточно для того, чтобы и не спеціалистъ могъ судить о духѣ, въ которомъ ведется управленіе колоніями во Франціи. Во всякомъ случаѣ, мы съ читателемъ видѣли, какъ мало внѣшнія владѣнія республики отвѣчаютъ первому изъ требованій, предъявляемыхъ къ нимъ ревностными сторонниками колоніальной политики: колоніи не только не помогаютъ несенію податныхъ тягостей метрополіи, но ложатся еще

*) l. c., стр. 69.
**) l. c. стр. 113.

новымъ бременемъ на населеніе Франціи. Посмотримъ теперь, какъ выполняютъ колоніи другое требованіе: развитіе промышленности и торговли метрополіи, а попутно и свои производительныя силы. Если бы въ этомъ отношеніи французскія внѣшнія владѣнія выполняли, какъ слѣдуетъ, свою роль, то вопросъ о 80 милліонахъ франковъ, издерживаемыхъ Франціей на колоніи, сталъ бы на третьестепенный планъ: въ бюджетѣ богатой страны не столько важна умѣренность расходовъ, сколько ихъ производительный характеръ.

Беру опять оффиціальный докладъ: что скажетъ онъ намъ объ экономическомъ значеніи колоній? Замѣчу, что насколько Сигфридъ не ослѣпленъ прелестями колоніальной администраціи, настолько же онъ преувеличиваетъ важность внѣшнихъ владѣній для хозяйственнаго прогресса самой Франціи, и потому его данныя могутъ скорѣе грѣшить оптимизмомъ, чѣмъ излишней критикой. Тѣмъ интереснѣе поэтому свѣдѣнія, сообщаемыя имъ. Докладчикъ даетъ, между прочимъ, подробную таблицу внѣшней торговли французскихъ колоній за 1894 г. (а для нѣкоторыхъ колоній за 1895 г.) *). Я извлеку изъ нея самыя характеристичныя цифры, соединяя и обобщая второстепенныя подробности. Въ 1894—95 гг. общій итогъ упомянутой торговли доходилъ до 510.232,255 фр., распредѣляясь почти поровну между ввозомъ и вывозомъ (съ легкимъ перевѣсомъ перваго надъ вторымъ: 258.144,207 фр. ввоза и 252.088,048 фр. вывоза). Сигфриду угодно считать этотъ итогъ «уже важнымъ» (стр. 30) и надѣяться на «очень крупное развитіе французскихъ колоній» (стр. 26): на то онъ и защитникъ колоніальной политики, какъ подобаетъ всякому чистокровному буржуа! Но, серьезно-то говоря, знаете, что такое этотъ «важный» итогъ? Онъ далеко не достигаетъ цифры торговаго оборота лишь одного острова Мальты, принадлежащаго англичанамъ и имѣвшаго въ 1894 г. общій итогъ въ 671.513,250 фр. **).

Но всего огорчительнѣе съ точки зрѣнія проповѣдниковъ важности колоній для метрополіи является распредѣленіе торговыхъ сношеній французскихъ колоній: изъ упомянутаго общаго итога въ 510.232,255 фр., 268.247,726 фр., или почти 53%, приходились на долю торговли съ чужими странами, и лишь 241.984,429 фр., или немногимъ болѣе 47%, выражали торговыя сношенія французскихъ колоній между собой или съ метрополіей. И при этомъ самыя важныя колоніи Франціи какъ нарочно всего меньше торгуютъ съ метрополіей. Такъ генералъ-губернаторство Индо-Китая (т. е. Кохинхина, Камбоджа, Аннамъ и Тонкинъ), стоившее такихъ жертвъ французамъ, торгуетъ съ метрополіей и прочими французскими ко-

*) См. «Tableau général du commerce des colonies françaises», стр. 28—29 Доклада.

**) Даю эти цифру по «Statistical Abstract for the Several Colonial and other Possession of the United Kingdom»; Лондонъ 1896 (считая приблизительно 1 фунтъ стерл. за 25 фр.)

лоніями на 49.363,446 фр. въ годъ (цифра 1895 года), а съ чужими государствами на 144.304,777 фр.; иначе говоря, изъ общаго оборота въ 193.668,223 фр. на долю Франціи приходится немногимъ болѣе 25% или одной четверти, а остальныя три четверти выражаютъ торговлю ИндоКитая съ другими націями.

Очевидно, значитъ, во-первыхъ, что французскія колоніи не могутъ похвалиться важностью своихъ торговыхъ оборотовъ; а во вторыхъ, что французскіе капиталы и въ этой довольно вялой торговлѣ принимаютъ второстепенное участіе. У самого Сигфрида прорывается фраза, которая бросаетъ довольно печальный свѣтъ на розовыя перспективы, предвидимыя авторомъ для колоній:

„Онѣ (колоніи) должны рѣшительно приняться за работу. У насъ нѣтъ недостатка ни въ земляхъ, ни въ плодородной почвѣ, ни въ капиталахъ которые никогда не уклоняются отъ дѣла, если имъ только предлагаютъ серьезныя гарантіи, но чего не достаетъ нѣкоторымъ колоніямъ, такъ это, помимо иностранныхъ рабочихъ, достаточной энергіи. Въ колоніяхъ, какъ и во Франціи... надо разсчитывать на личныя усилія, а не на субсидіи отъ метрополіи“ *).

Слѣдуетъ, впрочемъ, замѣтить, что Сигфрида интересуетъ гораздо болѣе польза, которую сама метрополія можетъ извлечь изъ колоній, чѣмъ выгоды, которыя могутъ получить колоніи отъ Франціи. Сигфридъ увлекается, подобно большинству современныхъ французскихъ буржуа, игрой въ протекціонизмъ,—это переизданіе старой меркантильной системы, пущенное въ ходъ капиталистами по теперешнимъ труднымъ для сбыта временамъ. Потому онъ безъ всякаго колебанія признаетъ таможенный режимъ, установленный для колоній, «очень благопріятнымъ для нихъ». А вся «благопріятность» эта заключается, видите ли, въ томъ, что колоніальные товары (кофе, чай, какао, перецъ и т. д.), идущіе изъ внѣшнихъ владѣній Франціи, платятъ на границѣ метрополіи лишь половину обыкновеннаго таможеннаго тарифа; тогда какъ въ колоніяхъ установлены тяжелыя ввозныя пошлины на всѣ продукты промышленности, за исключеніемъ французскихъ, съ цѣлью дать французскому капиталисту лишнюю возможность сбыта. Нашъ ревностный защитникъ господъ предпринимателей выражается въ другомъ мѣстѣ уже совсѣмъ ясно:

„Колоніальная политика представляетъ необходимость для великой націи, какъ наша, но эту политику слѣдуетъ проводить методично и настойчиво... Развивать производство цѣнныхъ растеній, создавать новые рынки для нашихъ продуктовъ промышленности, поощрять земледѣліе и вообще эксплоатацію почвы, но отнюдь не индустрію,—что могло бы повредить нашимъ рабочимъ (скажите ужъ лучше попросту: карману фабрикантовъ),—такова наша цѣль. Мы дадимъ, такимъ образомъ, могущественный толчокъ нашимъ торговымъ сношеніямъ“ **).

---

*) l. c., стр. 30.
**) Rapport, стр. 25.

Это «но отнюдь не индустрію» напомнило мнѣ старинную политику, которую Англія практиковала по отношенію къ своимъ колоніямъ еще въ концѣ прошлаго вѣка и которая подвергалась негодующей критикѣ «отца политической экономіи»:

„Великобританія... не хочетъ позволить своимъ колоніямъ заниматься болѣе тонкими мануфактурами, даже для ихъ собственнаго употребленія; но настаиваетъ на томъ, чтобы онѣ покупали у ея торговцевъ и фабрикантовъ всѣ предметы этого рода, въ какихъ представится надобность... И однако, воспрепятствовать великому народу дѣлать все, что онъ хочетъ, съ любой частью его производства или употреблять капиталъ и промышленность такимъ путемъ, какой онъ сочтетъ наивыгоднѣйшимъ для себя, это—явное нарушеніе самыхъ священныхъ правъ человѣчества“ *).

Нечего, впрочемъ, удивляться тому, что современная буржуазія уже во многомъ отреклась отъ теоріи и практики своихъ предшественниковъ. Но для французской буржуазіи, въ частности, должно быть обидно то обстоятельство, что, несмотря на такое отреченіе отъ традицій своихъ духовныхъ отцовъ, она не успѣла поставить на прочную почву ни развитіе производительныхъ силъ въ колоніяхъ, ни прогрессъ промышленности и торговли въ самой метрополіи подъ вліяніемъ расширенія внѣшнихъ владѣній. Даже наоборотъ: именно въ то самое время, какъ французскія колоніи ростутъ быстро и безостановочно, внѣшняя торговля Франціи расширяется крайне медленно и въ иные года прямо идетъ назадъ. Такъ, въ десятилѣтіе 1877—86 г., общая торговля Франціи равнялась круглымъ числомъ 9,832 милліонамъ франковъ; въ слѣдующее пятилѣтіе 1886—91 г. она поднялась нѣсколько, дойдя до 9,950 милліоновъ въ годъ; но, начиная съ 1892 г., падаетъ въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ слѣдующимъ образомъ: въ 1892 г. она равняется 9,687 милліонамъ, въ 1893 г. 9,278 милліонамъ, въ 1894 г. 8,919 милліонамъ. Правда, она поднимается въ 1895 г. до 9,509 милліоновъ, но всетаки, какъ можетъ видѣть читатель, остается болѣе чѣмъ на 300 милліоновъ ниже средней годового періода 1877—86 г. **). Вотъ лучшій отвѣтъ на колоніальную политику Франціи и стремленіе французскихъ буржуа къ завоеванію рынковъ во внѣшнихъ владѣніяхъ!

Перейду къ третьему и послѣднему требованію, предъявляемому къ колоніямъ ихъ горячими сторонниками: это ихъ способность открывать болѣе широкій просторъ для различныхъ соціальныхъ

*) Adam Smith, «An Inquiry into the Nature and Causes of the Wealth of Nations», кн. IV, гл. VII: «Colonies», стр. 239 полнаго изданія въ одномъ томѣ; Лондонъ, 1850.

**) Я резюмирую цифры ежегоднаго оффиціальнаго изданія Tableau du commerce général de la France avec ses colonies et les puissances étrangères; Парижъ (послѣдній томъ вышелъ въ 1896 г.).

силъ и способностей, не могущихъ развернуться среди ожесточенной конкуренціи въ метрополіи, начиная отъ капиталовъ и кончая физическимъ и умственнымъ трудомъ. Собственно говоря, приложеніе капиталовъ къ различнымъ отраслямъ промышленности въ молодыхъ странахъ почти цѣликомъ входитъ въ только что разсмотрѣнный нами второй пунктъ о развитіи промышленности и торговли. Здѣсь оно только берется больше съ точки зрѣнія отдѣльнаго капиталиста, или отдѣльной компаніи, тогда какъ раньше дѣло шло о выгодахъ цѣлаго класса предпринимателей. Что отдѣльные капиталисты шибко наживаются въ колоніяхъ, это не подлежитъ сомнѣнію и отчасти показываетъ, что тутъ царятъ знаменитые процессы «первоначальнаго накопленія», гдѣ первое мѣсто принадлежитъ смѣлымъ и беззастѣнчивымъ дѣльцамъ. Большинство крупныхъ предпріятій въ колоніяхъ ведется акціонерными компаніями, анонимными товариществами, которыя слагаются чаще всего именно изъ такихъ беззастѣнчивыхъ дѣльцовъ, заручившихся политическими связями въ метрополіи и не боящихся ходить по пограничной межѣ между гражданскимъ и уголовнымъ кодексами. Напомню лишь сравнительно недавнее дѣло о концессіяхъ на фосфоритныя залежи въ Алжиріи и Тунисѣ, дѣло, въ которомъ пріобрѣлъ такую незавидную извѣстность меръ города Бона (Bône), нѣкто Бертанья, и которое пролило такой яркій свѣтъ на административные нравы этой ближайшей къ Франціи и богатѣйшей колоніи. Вообще же, когда вы присматриваетесь къ дѣятельности всѣхъ этихъ компанейскихъ предпріятій въ колоніяхъ, для разработки угольныхъ копей въ Тонкинѣ, золотыхъ рудниковъ на Мадагаскарѣ, фосфоритныхъ залежей и виноградниковъ въ Алжиріи и Тунисѣ, и т. д.,—вы скоро открываете, что большинство этихъ «ассоціацій» основаны на безцеремонной эксплуатаціи туземныхъ рабочихъ. Не знаменательно-ли, что люди, чистоплотные съ буржуазной точки зрѣнія, въ родѣ Поля Леруа-Болье или принца Аренберга (предсѣдателя такъ называемаго комитета французской Африки), пропагандируютъ тѣмъ не менѣе устроеніе въ «неорганизованныхъ странахъ» большихъ привиллегированыхъ компаній (grandes compagnies à charte), которымъ правительство уступало бы извѣстныя права на администрацію, полицію и взиманіе различныхъ налоговъ? Какъ колоніальныя завоеванія XVI и XVII вѣковъ сопровождались образованіемъ всесильныхъ компаній, управлявшихъ по своему цѣлыми областями и народами, такъ и теперь новая колоніальная горячка уже начинаетъ вызывать къ жизни подобныя же на половину коммерческія, на половину грабительскія предпріятія. Читайте, что происходитъ въ Африкѣ, и вы увидите, на что бываютъ способны такъ называемые просвѣщенные европейцы, когда ими руководитъ жажда наживы въ сношеніяхъ съ «низшими» племенами.

Что касается до собственно такъ называемыхъ колонистовъ,

прилагающихъ небольшой капиталъ, а, главное, свой трудъ въ свѣжихъ земляхъ, то какъ разъ эта категорія не имѣетъ значенія во французскихъ колоніяхъ. Большинство этихъ колоній принадлежитъ къ разряду такъ называемыхъ «колоній-плантанцій», или для эксплуатаціи мѣстныхъ произведеній почвы, но отнюдь не къ разряду «колоній для населенія» (colonies de peuplement). Да и какой отливъ колонистовъ можетъ быть изъ Франціи, разъ вотъ уже сколько лѣтъ населеніе ея стоитъ почти на одномъ уровнѣ, а порою и прямо уменьшается, какъ напр., въ 1895 г., когда число смертей превысило число рожденій на 17000? Я уже не говорю о томъ, что французъ не особенно любитъ разставаться съ родной страной и предпочитаетъ жить плохо да у себя, не особенно соблазняясь золотыми перспективами заморской фортуны.

Когда французы говорятъ о своихъ колонистахъ, они разумѣютъ, конечно, поселенцевъ Алжиріи (я оставляю въ сторонѣ Канаду, принадлежащую англичанамъ). Писатели—патріоты съ особымъ умиленіемъ расписываютъ намъ доблести алжирскихъ колонистовъ. Такъ Онэзимъ Реклю (котораго не надо смѣшивать съ его братомъ, знаменитымъ авторомъ «Земли» и «Всеобщей географіи»), географъ шовинистскаго пошиба, но писатель съ несомнѣннымъ талантомъ, несмотря на свой вычурный à la Hugo стиль, рисуетъ слѣдующимъ образомъ типъ французскихъ поселенцевъ въ Алжиріи:

„Такимъ образомъ, подвергаясь вліянію этой неуравновѣшенной природы, живя подъ этимъ солнцемъ, которое перестаетъ жечь лишь на ночь, и сверхъ того являясь сыномъ піонеровъ, завоевавшихъ почву дважды, мечомъ и плугомъ, „ense et aratro“, согласно девизу маршала Бюжо, колонистъ Нумидіи и Мавританіи выработалъ въ своей борьбѣ противъ воздуха, земли и человѣка такую энергію, какой уже больше не находишь во Франціи. Онъ лучше насъ, а особенно онъ насъ превосходитъ своей мужественной жизненностью: если въ одной половинѣ Франціи населеніе еще продолжаетъ увеличиваться, то въ другой половинѣ оно уменьшается... Но въ старой Атлантидѣ раса Галловъ ростетъ пышно и широко *)“.

Предоставимъ однако лирическому географу упражняться въ диѳирамбахъ, а сами посмотримъ на факты и цифры. Что населеніе Алжиріи ростетъ быстро, и въ частности французское быстрѣе туземнаго, въ этомъ нѣтъ сомнѣнія: въ 1871 г. французовъ было 129,601, а въ 1891 г. уже 267,602 (мы не знаемъ еще подробностей переписи 1896 г.). Очевидно, колонизація идетъ своимъ порядкомъ. Но обратите вниманіе на кой-какія уясняющія дѣло обстоятельства. Не забудьте во первыхъ, что если французовъ считается почти 270000 чел., то иностранцевъ въ колоніи насчитывается около 240000 чел. (236,910, говоря точно). Примите также во вниманіе, что въ послѣднее десятилѣтіе половина всего прироста французовъ падаетъ на

*) Onésime Reclus, «La France et ses colonies. II. Nos colonies»; Парижъ, 1889, стр. 280.

городъ Алжиръ и его окрестности, что значительно ослабляетъ впечатлѣніе отъ такъ называемой колонизаціи. Собственно колонизація, т. е. приложеніе труда къ новымъ землямъ, отличается скорѣе довольно скромными размѣрами. Развертываю спеціальную статистику Алжиріи и, резюмируя подробныя оффиціальныя таблицы, нахожу, что за четверть почти вѣка (съ 1871 г. по 31-е декабря 1893 г.) общее количество земель, купленныхъ колонистами или уступленныхъ имъ правительствомъ, равняется лишь 604,803 гектарамъ. И потомъ не надо забывать, что это пространство слагается лишь изъ 15328 участковъ, на которыхъ живутъ всего 41769 человѣкъ *). Такъ какъ на каждый участокъ приходится почти 40 гектаровъ (около 37 десятинъ) и менѣе 3 человѣкъ, то вы отсюда уже можете заключить, что это знаменитая алжирская колонизація создаетъ не столько настоящее крестьянство, сколько земледѣльческую буржуазію. Не безъинтересенъ и тотъ фактъ, что, за исключеніемъ нѣкоторыхъ продуктовъ, общее земледѣльческое производство Алжиріи за послѣднія 10—15 лѣтъ идетъ назадъ. Пусть говорятъ сами цифры **). Въ 1884, площадь, засѣянная пшеницею, равнялась 1.375,096 гектаровъ, а сборъ 8.482,609 метрическимъ центнерамъ; въ 1893, эта площадь была равна 1.312,903 гектарамъ, а сборъ 5.517,725 центнерамъ. Въ 1884 г. площадь подъ ячменемъ равнялась 1.535,452 гектарамъ, сборъ 11.405,132 центнерамъ; въ 1893, соотвѣтствующія цифры: 1.475,880 гектаровъ и 7.177,107 центнеровъ. Производство такъ называемой бешны (разновидность сорго, Holocus cernuus) выражалось въ 1884 г. цифрами: 45955 гектаровъ и 222498 центнеровъ, а въ 1893 цифрами: 31094 гектаровъ и 125014 центнеровъ. Стручковыя растенія (бобы) воздѣлывались въ 1884 г. на 56351 гект. и дали сборъ въ 383776 цент.; въ 1893 г. статистика отмѣчаетъ лишь 35898 гект. и 125014 цент. Табакъ съ 7957 гект. и 4.923,742 килограммовъ въ 1884 г. падаетъ до 6302 гект. и 2.078,079 килограммовъ въ 1893 г.; производство оливковаго (прованскаго) масла уменьшается съ 343206 гектолитровъ въ 1884 г. до 157768 гектолитровъ въ 1893 г. До сихъ поръ мы имѣли дѣло съ продуктами, производство которыхъ рѣшительно идетъ назадъ. На одномъ уровнѣ стоитъ воздѣлываніе маиса, и если площадь подъ нимъ слегка увеличилась (11661 гект. въ 1884 г. и 12920 гект. въ 1893 г.), то сборъ слегка уменьшился (86562 цент. въ 1884 г. и 84932 цент. въ 1893 г.). Нѣкоторый прогрессъ замѣчается въ воздѣлываніи овса, не столько, впрочемъ, въ сборѣ (425126 цент. въ 1884 г. и 432719 въ 1893 г.), сколько въ поверхности посѣвовъ

---

*) «Statistique générale de l'Algérie. 1891, 1892 et 1893; Алжиръ (выходитъ каждые три года; послѣдній сборникъ вышелъ въ 1894 г.). стр. 229—231.

**) Я резюмирую данныя таблицъ, помѣщенныхъ на стр. 308—310 Алжирской статистики (Etat des ensemencements faits de 1884 à 1893 et des récoltes obtenues).

(33227 гект. въ 1884 г. и 51796 гект. въ 1893 г.). Рѣшительный прогрессъ выказываетъ лишь винодѣліе: въ 1884 г. виноградники занимали пространство въ 56006 гектаровъ съ годовымъ производствомъ въ 890899 гектолитровъ; въ 1893 г. ихъ пространство поднялось до 116394 гектаровъ, а производство до 3.772,779 гектолитровъ. Но когда читатель приметъ во вниманіе, что алжирское винодѣліе является какъ разъ любимой сферой приложенія крупныхъ французскихъ капиталовъ и буржуазныхъ компаній, то онъ удидитъ, какъ мало этотъ прогрессъ винодѣлія отражается на развитіи колонизаціи въ широкомъ смыслѣ этого слова. А между тѣмъ и до сихъ поръ Франціи приходится затыкать бюджетныя дыры Алжиріи, смѣта которой на 1896 г. предусматриваетъ всего 52.337,274 фр. поступленій и цѣлыхъ 72.131,269 фр. расходовъ, не говоря уже объ издержкахъ по государственному долгу и содержанію арміи и флота, которыя ложатся цѣликомъ на метрополію...

Есть, впрочемъ, одна сторона во французскихъ внѣшнихъ владѣніяхъ, которая благопріятна развитію колонизаціи, но колонизаціи столь своеобразной, что на ней стоитъ остановиться. Это—лишній рынокъ для такъ называемаго интеллигентнаго труда сыновей буржуазіи. Теоретики и практики мѣщанства съ особымъ усердіемъ подчеркиваютъ этотъ пунктъ, становящійся важнымъ по теперешнимъ тяжелымъ временамъ, когда вопросъ о «перепроизводствѣ интеллигенціи» перестаетъ быть академическимъ. Такъ Леруа-Болье говоритъ:

Выгоды отъ колоній не всѣ коммерческаго рода; есть и другія, о которыхъ забываютъ и которыя имѣютъ однако не меньшее значеніе. Колоніи открываютъ для людей либеральныхъ профессій и самыхъ верхнихъ слоевъ рабочаго класса метрополіи рынокъ, важность котораго должна привлечь къ себѣ особенное вниманіе. Въ странахъ старой цивилизаціи, гдѣ педагогія, техническія искусства, знанія очень распространены, рынокъ либеральныхъ профессій загроможденъ. Инженеры, архитекторы, медики, способные служащіе не могутъ найти себѣ занятій, достаточно оплачивающихъ ихъ свѣдѣнія и таланты. Но расширяющійся кадръ колоніальной жизни открываетъ для нихъ неоцѣненные рессурсы... Они занимаютъ государственныя должности, они являются судьями, администраторами, законодателями *).

У докладчика по колоніальному бюджету прорываются даже слова относительно полезности отлива въ колоніи интеллигентныхъ силъ въ видахъ цѣлости соціальнаго организма. Такъ онъ усердно совѣтуетъ «молодымъ людямъ поселяться въ колоніяхъ, вмѣсто того, чтобы прогуливаться по парижскимъ бульварамъ да жаловаться на общественныя несправедливости» **).

Часть буржуазной интеллигенціи не заставила, впрочемъ, долго просить себя объ отъѣздѣ въ колоніи. Но интересно, что главнымъ

*) De la colonisation, стр. 742 четвертаго изданія.

**) «Rapport, стр. 30—31.

образомъ этотъ экзотическій элементъ слагается не столько изъ представителей частныхъ либеральныхъ профессій (за исключеніемъ инженеровъ при крупныхъ капиталистическихъ предпріятіяхъ), сколько изъ «бюджетной» саранчи, чиновниковъ и служащихъ, на изобиліе которыхъ столько разъ жалуется, какъ мы видѣли, самъ Сигфридъ въ своемъ докладѣ. Непомѣрное увеличеніе общей арміи чиновниковъ, которая, по вычисленіямъ Неймарка, возросла во Франціи почти при томъ же населеніи съ 200.000 человѣкъ въ 1854 г. до 527000 человѣкъ въ 1895 г., прекрасно выражаютъ это стремленіе буржуазіи пристроиться непосредственно къ государственному пирогу; и, въ частности, колоніи являются однимъ изъ обычныхъ каналовъ, по которымъ правящій классъ сплавляетъ излишекъ своего молодого поколѣнія.

Но колоніи представляютъ собой и не только прямое поле для дѣятельности этой въ нѣкоторомъ родѣ «резервной арміи» буржуазіи. Сколько ртовъ кормятся колоніальной политикой въ самой метрополіи! Возьмите всѣхъ этихъ чиновниковъ центральной колоніальной администраціи; всѣхъ этихъ по большей части невѣжественныхъ и самомнительныхъ газетчиковъ и депутатовъ, въ родѣ господъ де-Маи (de-Mahy) и Делонкля, отмежевавшихъ себѣ спеціальность шовинистскихъ статей и запросовъ по колоніальнымъ дѣламъ; всѣхъ этихъ доморощенныхъ географовъ и чтецовъ публичныхъ лекцій, муссирующихъ общественное мнѣніе заморскими перспективами, и т. д. Ихъ назойливо-жужжащая армія начинаетъ положительно напоминать тропическихъ москитовъ. Сама армія, на которую французы смотрятъ съ такимъ умиленіемъ, исключающимъ малѣйшую критику, сама армія заражается все больше и больше игрой въ колоніальные вопросы, и сколько способныхъ офицеровъ избираютъ теперь себѣ карьеру во внѣшнихъ владѣніяхъ, какъ скорѣйшій путь добраться до степеней извѣстныхъ.

Собственно говоря, предметъ моего письма въ общихъ чертахъ исчерпанъ, а частности не интересны для русскаго читателя. Мы видѣли, что за плачевные результаты дали до сихъ поръ французскія колоніи. Мнѣ хотѣлось бы лишь въ заключеніе коснуться одного не столько практическаго, сколько идеальнаго элемента въ колоніальной политикѣ Франціи. Это—цивилизующаго значенія этой политики для «нисшихъ» расъ, съ которыми французы сталкиваются во внѣшнихъ владѣніяхъ. Послушать французскихъ шовинистовъ, ихъ обращеніе съ туземцами не чета тому жестокому и постыдному поведенію, которымъ прославились въ этой сферѣ англичане съ ихъ англизированнымъ янки Стэнли, нѣмцы съ истязателемъ Петерсомъ, бельгійцы съ капитаномъ Люгардомъ. И, однако, люди повсюду остаются людьми, и сила ведетъ вездѣ къ злоупотребленіямъ. Интересна въ этомъ отношеніи поверхностная въ общемъ книжка «Принципы колонизаціи», только что отпечатанная Ланессаномъ,

который былъ въ теченіе четырехъ лѣтъ (отъ 1891 г. до 1895 г.) генералъ-губернаторомъ Индо-Китая почти съ диктаторскими полномочіями. Читайте четвертую главу этого сочиненія объ «обращеніи съ туземцами», и вы увидите, что французамъ тоже нечего кивать на Петра, когда дѣло заходитъ о «цивилизующихъ» пріемахъ, практикуемыхъ военными и статскими властями по отношенію къ туземцамъ. Ланессанъ горько жалуется, напр., на систему круговой уголовной отвѣтственности, введенной нѣкоторыми администраторами въ Тонкинѣ и зачастую приводившей къ такимъ возмутительнымъ фактамъ, какъ избіеніе 75 деревенскихъ старѣйшинъ за то только, что «командовавшій милиціей не могъ добыть отъ нихъ свѣдѣній о шайкѣ разбойниковъ» *). Въ иныхъ случаяхъ, эта система кругового ручательства за преступленія (которою, если не ошибаюсь, такъ восхищался нѣсколько лѣтъ тому назадъ и нашъ профессоръ Сергіевскій, трактуя о московскомъ періодѣ), эта система, говорю я, вызывала со стороны французовъ дѣйствія, превосходившія тѣ самыя звѣрства пиратовъ, отъ которыхъ представители бѣлой цивилизаціи старались избавить желтое населеніе. Послушайте Ланессана, который хорошо знаетъ Тонкинъ и склоненъ скорѣе уменьшать, чѣмъ преувеличивать злоупотребленія европейцевъ силой:

„Иные офицеры доводили упомянутую систему еще дальше: они жгли цѣлыя деревни на основаніи лишь одного подозрѣнія, что тѣ могли дать прибѣжище мятежникамъ или снабдить ихъ провизіей; они захватывали домашній скотъ и избивали всѣхъ жителей, какіе только попадались имъ подъ руку. До сихъ поръ еще сохраняется живо память объ одномъ военномъ начальникѣ, который прославился „бранью въ штыки" (baionnetades) деревень: такъ называлась операція, состоявшая въ томъ, что войска набрасывались на деревню, считавшуюся мятежной или просто подозрительной, и перекалывали тамъ штыками поголовно всѣхъ живыхъ существъ, которыя только попадались имъ на глаза на улицѣ или въ домахъ" **).

Въ Мадагаскарѣ практикуются, по словамъ Ланессана, тѣ-же цивилизаторскіе пріемы ***). А года три-четыре тому назадъ, въ бытность Шотана министромъ колоній, жестокость французской расправы съ туземцами въ Суданѣ служила предметомъ оживленныхъ преній въ Парламентѣ.

Я позволю себѣ заключить слѣдующей картиной изъ тонкинской жизни, которую я записываю почти подъ диктовку одного пріятеля, бывшаго командиромъ милиціи (inspecteur de la garde civile indigène) и не могущаго теперь вспомнить безъ содроганія о сценахъ, свидѣтелемъ или участникомъ въ которыхъ ему приходилось быть не разъ въ началѣ 90-хъ годовъ. Дѣйствіе происходитъ въ окрестностяхъ одного изъ населенныхъ городовъ. На пригоркѣ, среди цвѣтущей обстановки, нѣсколько офицеровъ и ихъ скучающихъ

*) I. L. De Lanessan, «Principes de Colonisation»; Парижъ, 1897, стр. 52.

**) l. c. стр. 53.

***) l. c., стр. 56—57.

женъ собрались ради развлеченія смотрѣть на казнь плѣнныхъ мятежниковъ. Тѣхъ ставятъ особымъ образомъ на колѣни, привязываютъ къ вбитымъ въ землю палкамъ, нагибаютъ голову, и милиціонеръ взмахиваетъ знаменитой мѣстной саблей (coupe-coupe), занося ее двумя руками надъ головой первой жертвы... Взмахиваетъ и ждетъ приказанія офицера, который оглядываетъ толпу зрителей—своихъ пріятелей и женъ—и видя, что аудиторія готова, даетъ знакъ. Сабля свиститъ въ воздухѣ, и въ то время, какъ два фонтана крови высоко брызгаютъ изъ сонныхъ артерій содрогающагося трупа, а черная съ пучкомъ волосъ, на манеръ шиньйона, голова тонкинца падаетъ, повертываясь раза-два, на траву,—ловко откупоренная по тому же знаку пробка летитъ вверхъ, и прекрасные кавалеры и дамы подставляютъ бокалы подъ разливаемое шампанское («подслащенную сѣрную кислоту», какъ смѣются офицеры надъ тѣмъ искусственнымъ шампанскимъ, идущимъ въ Тонкинъ—о иронія судьбы — изъ Германіи и стоющимъ всего одинъ піастръ, франка три бутылка). И такъ представленіе продолжается: сколько головъ, столько пробокъ, пока неумолимая сабля не покончила своей работы, и послѣдняя голова не вызвала похороннаго спича одного браваго унтеръ-офицера, который кричитъ своему пріятелю-солдату на парижскомъ живописномъ и полномъ сокращеній жаргонѣ: t'as pas vu comm'on lui a décollé l'citron! (въ вольномъ русскомъ переводѣ: видѣлъ, братъ, какъ арбузъ-то ему оттяпали).

Я позволю себѣ оставить читателя подъ впечатлѣніемъ этой «живой картины» изъ жизни буржуазной и колонизаторской Франціи, которая не имѣетъ ничего общаго съ рабочей Франціей и Франціей передовой интеллигенціи...

Н. К.

Изъ Германіи.

«Высокій домъ», какъ не безъ лести величаютъ германскій рейхстагъ депутаты и министры, грозилъ въ послѣднее время превратиться въ пустой домъ. Почтенный вождь нѣкогда самой многочисленной парламентской фракціи — парламентскій ресторатора Шульце, слѣдуя примѣру министра фонъ-Маршалля, прибѣгъ недавно къ суду гласности съ жалобой, что народные представители стали съ крайней небрежностью относиться къ своимъ обязанностямъ, крайне неисправно ходятъ въ парламентъ, отчего и его, г. Шульце, парламентскіе интересы страдаютъ самымъ чувствительнымъ образомъ. Шульце, конечно, самый надежный источникъ парламентской исторіи

Германіи. По его записнымъ книгамъ можно судить какъ о быломъ усердіи, такъ и о все болѣе растущемъ абсентеизмѣ депутатовъ. Шульце уже 20 лѣтъ состоитъ на парламентской службѣ; его коньякомъ подкрѣплялся неоднократно желѣзный канцлеръ, когда готовился къ баталіи со своими противниками. Если такимъ образомъ г. Шульце свидѣтельствуетъ теперь о кулинарной деморализаціи народнаго представительства Германіи, то для этого имѣются несомнѣнныя политическія основанія.

Въ текущую сессію рейхстагъ пережилъ нѣсколько «большихъ дней», какъ напр., при запросѣ объ извѣстныхъ бисмарковскихъ разоблаченіяхъ, или при обсужденіи конфликта между правительствомъ и политической полиціей по поводу извѣстнаго процесса министра Маршалля противъ полицейскихъ провокаторовъ Лекерта, Люцова и Тауша. Въ эти дни на лицо было не только большинство депутатовъ, но и посторонніе гости пожаловали въ значительномъ количествѣ. Большими днями могъ остаться доволенъ г. Шульце.. Но за то какая зіяющая пустота въ обыкновенныя засѣданія!

Мы вернемся еще къ выясненію нѣкоторыхъ причинъ этого печальнаго явленія, а теперь отмѣтимъ кое какіе моменты въ судьбахъ интересующаго насъ учрежденія. Извѣстно, что если какія нибудь исключительныя обстоятельства не вызовутъ преждевременнаго распущенія рейхстага, то въ будущемъ 1898 году онъ въ своемъ настоящемъ составѣ умретъ, такъ сказать, естественною смертью: въ іюлѣ будущаго года истечетъ пятилѣтній періодъ его существованія. Понятно, что многія партіи не безъ страха подумываютъ объ этомъ роковомъ моментѣ. За пять лѣтъ много воды утекло. Много тревожныхъ моментовъ пришлось за это время пережить нѣмецкому обществу, — и кто знаетъ, куда перешелъ теперь центръ тяжести преобладающаго народнаго настроенія. Неудивительно поэтому, если мы наблюдаемъ теперь картину полнѣйшаго замѣшательства и отчаянія въ либеральномъ лагерѣ, забившемъ тревогу о союзѣ всѣхъ либеральныхъ оттѣнковъ противъ натиска аграрной реакціи. Съ другой стороны, эта самая аграрная реакція, далеко неувѣренная въ своей жизненности, бьетъ тревогу противъ натиска лжеученій и не останавливается передъ самыми крайними проектами измѣненія дѣйствующей имперской конституціи.

При такихъ обстоятельствахъ нелишне припомнить, что въ февралѣ текущаго года исполнилось какъ разъ тридцать лѣтъ съ того времени, какъ въ государствахъ «Сѣверогерманскаго Союза» происходили первые выборы въ рейхстагъ, которому предстояло обсуждать нынѣ дѣйствующую имперскую конституцію. 20-й параграфъ этой конституціи провозглашалъ: «рейхстагъ составляется путемъ всеобщей, прямой и тайной подачи голосовъ». Введеніе этой системы избирательнаго права въ молодую имперію обязано въ значительной степени Фердинанду Лассалю, который, правда, скончался еще года за три до того, но уже при жизни своей успѣлъ располо-

жить въ пользу этой системы князя Бисмарка. Эта система имѣла сторонника и въ тогдашнемъ вождѣ консервативной партіи, извѣстномъ публицистѣ Вагенерѣ. Трудно предположить, чтобы, ставъ на сторону всеобщаго голосованія, желѣзный канцлеръ руководился сентиментальными соображеніями о необходимости расширенія народныхъ правъ. Мотивы Бисмарка въ этомъ случаѣ были двоякаго рода. Даруя народу прямое избирательное право, онъ имѣлъ въ виду примирить, связать прочными узами разъединенный нѣмецкій народъ съ объединенной германской имперіей. Съ другой стороны, онъ видѣлъ во всеобщемъ голосованіи средство побороть бывшую тогда въ силѣ либеральную оппозицію, покоившуюся на трехклассной системѣ выборовъ. Въ этомъ послѣднемъ разсчетѣ Бисмаркъ не ошибся: онъ безъ труда свелъ либеральную оппозицію на едва замѣтный факторъ политической жизни, но, благодаря тому-же обоюдоострому орудію, онъ вызвалъ къ жизни новую оппозицію пролетаріата. Бисмаркъ это предвидѣлъ и не даромъ воскликнулъ по одному поводу, послѣ того какъ окончательно рѣшился на введеніе всеобщаго избирательнаго права: «Flectere si nequeo superos acheronta movebo» (если я не могу склонить на свою сторону высшихъ боговъ, то вызову къ жизни всѣ силы ада). Боговъ либеральной оппозиціи онъ преодолѣлъ безъ труда, что же касается силъ ада, то самъ угодилъ въ преисподнюю.

Уже вскорѣ послѣ всеобщаго опьяненія побѣдами надъ французами Бисмаркъ признавался, что, при нормальномъ ходѣ дѣлъ, онъ не можетъ разсчитывать на покорное ему большинство въ рейхстагѣ и что только аппеляція къ народу — въ стилѣ наполеоновскаго плебисцита—можетъ ему помочь. Хорошо извѣстно, что онъ понималъ подъ аппеляціей къ народу и какимъ способомъ подготовлялъ выполненіе задуманнаго имъ плана. Агенты Штекера, покушенія полупомѣшаннаго Геделя и такого же полупомѣшаннаго Нобилинга, бывшаго между прочимъ націоналъ-либеральнымъ агитаторомъ, вызвали красный призракъ якобы грозившаго переворота. Рептильные писаки перваго канцлера и пресмыкавшіяся передъ нимъ партіи такъ напугали народъ мнимыми ужасами революціи, что Бисмаркъ могъ въ 1878 году рѣшиться на распущеніе рейхстага: при царящемъ бѣломъ террорѣ не могло быть и рѣчи о свободѣ новыхъ выборовъ. Полученный отъ этихъ выборовъ составъ рейхстага и въ дѣйствительности представлялъ собою чуть ли не сплошной продуктъ страха. Отъ такого рейхстага не трудно было добиться принятія исключительнаго закона. Слѣдующіе выборы въ 1884 г. (до 1887 года существовалъ трехлѣтній періодъ легислатуры) дали рейхстагу составъ съ нѣсколько окрѣпшей оппозиціей; у Бисмарка опять не оказалось прочнаго правительственнаго большинства. Необходимо было снова подумать о созданіи болѣе благопріятной группировки партій. А для этого необходимо было привести избирательную массу опять въ такое невмѣняе-

мое состояніе, при которомъ она потеряла бы со страха голову и здравый разсудокъ. Попробовать снова игру съ краснымъ призракомъ было рискованно, такъ какъ, не смотря на весь террорь исключительнаго закона, все болѣе и болѣе широкіе слои нѣмецкаго общества становились на сторону угнетенныхъ и преслѣдуемыхъ. Оставался еще одинъ страшный призракъ—призракъ войны. Нѣсколько грозныхъ намековъ по адресу Парижа пріуготовили тамъ надлежащее воинственное настроеніе, послѣ котораго оставалось лишь пустить въ дѣло испытанную пружину рептильнаго фонда и бисмарковской бюрократіи. Тѣмъ временемъ славный генералъ Буланже сдѣлался французскимъ военнымъ министромъ. Для цѣлей Бисмарка трудно было себѣ представить болѣе подходящаго министра. Этотъ печальной памяти рыцарь безъ страха и упрека задумалъ реформировать французскую армію и сталъ болтать о реваншѣ. Бисмаркъ, конечно, хорошо зналъ, что бравый Буланже жалкій фразеръ и скоропреходящій герой, что его реформы нисколько не опасны для Германіи. Но усиліями прусскихъ шпіоновъ, окружавшихъ и инспирировавшихъ французскаго министра, да усиліями рептильнаго фонда, Буланже былъ превращенъ въ страшное чудовище, въ Наполеона французскаго реванша. Въ нѣмецкой прессѣ только и было разговора, что объ ужасномъ Буланже.

Разъ отечеству угрожаетъ такая опасность, то дѣйствительнымъ средствомъ противъ нея долженъ былъ быть новый военный законопроектъ. Такъ и случилось. Неожиданно для рейхстага предсталъ тогда предъ нимъ Бисмаркъ съ обширнымъ военнымъ проектомъ. Требовалось значительное увеличеніе арміи и притомъ сразу на семь лѣтъ. Это означало лишеніе рейхстага на семь лѣтъ его бюджетныхъ правъ. Противъ такого посягательства возстало большинство рейхстага. Оно согласилось съ требуемымъ увеличеніемъ арміи, но только на три года. Казалось бы, что если на лицо была военная опасность, то дѣло сводилось къ данному моменту и можно было бы удовлетвориться согласіемъ рейхстага. Но Бисмаркъ не хотѣлъ имѣть дѣло съ такимъ строптивымъ рейхстагомъ и потому во что бы то ни стало рѣшилъ, какъ выражаются здѣсь, — разослать его по домамъ. И дѣйствительно, какъ только рейхстагъ 14 января 1887 года большинствомъ 186 голосовъ противъ 154 принялъ проектъ увеличенія арміи только на три года, такъ его тотчасъ разослали по домамъ. Для новыхъ выборовъ былъ данъ лишь пятинедѣльный срокъ. Необходимо было такъ или иначе навести туманъ на избирателей, не дать имъ опомниться; въ виду этого бисмарковскій аппаратъ работалъ на всѣхъ парахъ. Консервативная и національ-либеральная партіи соединились въ картель, котораго девизъ—за политику Бисмарка sans phrase! Призракъ Буланже принималъ съ каждымъ днемъ все болѣе гигантскіе размѣры. Французскіе солдаты уже приближались къ нѣмецкимъ границамъ,—такъ сообщала картельная печать. Послѣдней коровѣ нѣмецкаго крестьянина

грозило быть уведенной дикими зуавами, на честь нѣмецкихъ женщинъ и дѣвушекъ замахивались уже безстыдныя руки французскихъ санкюлотовъ... У какого патріота при такихъ условіяхъ хватитъ еще духа упорствовать! Вся эта комедія запугиванія избирателей была увѣнчана тѣмъ, что на улицахъ были расклеены кровавыми пятнами отмѣченныя карты поля сраженія, билась тревога въ военныхъ гарнизонахъ различныхъ городовъ, а наканунѣ выборовъ пущенъ былъ слухъ о томъ, что французы уже двигаются по нѣмецкой территоріи.

Нужно прибавить ко всему этому систематическое давленіе на выборы со стороны администраціи, чтобы получить представленіе объ этомъ единственномъ въ своемъ родѣ въ лѣтописяхъ молодой имперіи крестовомъ походѣ лжи, обмана и всяческихъ надувательствъ. Но походъ удался. Въ февралѣ 1887 года Бисмаркъ получилъ большинство, которое одобрило требуемый септенатъ, да еще сверхъ того ассигновало 176 милл. марокъ на постройку крѣпостей и одобрило новые налоги на спиртъ и на сахаръ... Однимъ словомъ, рейхстагъ 1887 года показалъ себя достойнымъ преемникомъ рейхстага 1878 года съ его исключительнымъ закономъ и таможенкой политикой.

Любопытно, между прочимъ, что одинъ изъ дальнѣйшихъ актовъ этого рейхстага обратился противъ господствовавшаго въ немъ большинства. Желая упрочить и чуть ли не увѣковѣчить свой составъ, картельное большинство провело законъ, согласно которому трехлѣтній періодъ легислатуры замѣнялся пятилѣтнимъ. Такъ какъ измѣненія конституціи не имѣютъ обратной силы, то съ истеченіемъ трехъ лѣтъ, слѣдовательно въ 1890 году, должны были быть всетаки по старому порядку назначены новые выборы. И что же случилось? Случилось то, что новый составъ рейхстага отъ февраля 1890 года стоялъ не на почвѣ картеля, а соціалъ-демократическая партія оказалась самою могущественною по числу собранныхъ ею голосовъ (35 депутатовъ и 1.427.298 голосовъ). Избиратели успѣли опомниться отъ мистификацій 1887 года. Картель былъ разбитъ, исключительный законъ упраздненъ, и самъ Бисмаркъ долженъ былъ, скрѣпя сердце, сложить съ себя бремя государственныхъ заботъ.

Мы видимъ такимъ образомъ, что князь Бисмаркъ чуть ли не въ теченіе всего своего канцлерства всѣми правдами и неправдами велъ борьбу противъ того учрежденія, которое ему въ значительной степени обязано своимъ возникновеніемъ. Эту борьбу онъ не перестаетъ вести и со времени своего фридрихруэскаго уединенія. И эта борьба принимаетъ угрожающія формы каждый разъ, какъ только представляется къ этому благовидный поводъ. Такъ, напр., въ настоящее время идутъ въ Германіи приготовленія къ торжеству сотой годовщины рожденія покойнаго императора Вильгельма I. Извѣстно, что съ продолжительнымъ и знаменательнымъ правленіемъ

Вильгельма I совпадаетъ и 12-лѣтнее господство исключительнаго закона. Теперь, когда въ разнаго рода представительныхъ учрежденіяхъ испрашиваются на торжество спеціальныя суммы, соціалистическіе депутаты оказываются въ оппозиціи и отказываютъ въ деньгахъ. Магистратомъ берлинской думы, напр., требовалось 20.000 марокъ на составленіе описанія жизни и дѣятельности Вильгельма I для распространенія этой біографія въ народныхъ и городскихъ школахъ. Противъ этой затраты высказались оппозиціонные депутаты, сославшись на 12 лѣтъ гнета и преслѣдованій, да еще на то, что нѣтъ никакихъ гарантій въ объективности и исторической правдивости предположенной къ составленію біографіи. Само собою понятно, какъ такое отношеніе къ памяти Вильгельма I должно подѣйствовать на внука покойнаго. Всѣмъ извѣстно, что Вильгельмъ II проникнутъ къ своему дѣду безконечной любовью. Это свое чувство страстнаго обожанія «стараго Вильгельма» онъ засвидѣтельствовалъ въ многочисленномъ рядѣ самыхъ восторженныхъ рѣчей, спичей и импровизацій. Эта любовь къ дѣду, котораго онъ называетъ не иначе, какъ Вильгельмъ Великій, сказывается и въ той горячности, съ какою Вильгельмъ II подготовляется и подготовляетъ всѣхъ къ торжеству.

Въ этомъ отношеніи замѣчательна рѣчь, которую онъ въ концѣ прошлаго мѣсяца произнесъ на обѣдѣ, устроенномъ бранденбургскимъ президентомъ по поводу закрытія провинціальнаго бранденбургскаго ландтага. Первая половина рѣчи посвящена восхваленію Вильгельма I и рисуетъ образъ и заслуги этого монарха въ такихъ восторженныхъ и поэтическихъ краскахъ, на какія способенъ краснорѣчивый германскій императоръ. Но приподнятый тонъ рѣчи становится все мрачнѣе и грознѣе, когда ораторъ переходитъ къ тѣмъ разрушительнымъ партіямъ, которыя грозятъ ниспровергнуть существующій строй, которыхъ лжеученія подрываютъ всѣ устои современнаго общества. Борьба противъ этихъ партій и лжеученій есть, по мнѣнію высокаго оратора, задача всѣхъ охранительныхъ элементовъ общества, и каждый, готовый на эту борьбу, найдетъ въ немъ, Вильгельмѣ, ревностнаго союзника...

Это не первая рѣчь Вильгельма въ такомъ духѣ. Въ противуположность своему дѣду, онъ открыто передъ всѣмъ свѣтомъ высказываетъ свои думы, помыслы и свои мнѣнія о вещахъ. Не первый разъ призываетъ Вильгельмъ и къ борьбѣ противъ Umsturzpartei, подъ которою слѣдуетъ, конечно, разумѣть соціалистовъ. Но призывая къ борьбѣ противъ нихъ, онъ никогда не указываетъ опредѣленныхъ средствъ и путей. Поэтому результатомъ всѣхъ его предъидущихъ призывовъ было обыкновенно лишь то, что въ такъ называемыхъ охранительныхъ партіяхъ и ихъ прессѣ расточается масса словъ и проливается море чернилъ. Но такъ или иначе вся эта работа даетъ любопытный матеріалъ для характеристики образа

мыслей и душевнаго склада интересующихъ насъ сферъ. Возьмемъ хотя бы послѣднюю кампанію противъ Umsturz'а.

Вильгельмъ II упомянулъ между прочимъ въ своей рѣчи о бранденбургскихъ крестьянахъ, объ ихъ вѣрности трону и ихъ стихійной враждебности ко всякого рода превратнымъ идеямъ. Мы помнимъ, еще не такъ давно, во время аграрной оппозиціи юнкеровъ противъ торговой политики Вильгельма II, одинъ изъ главарей могущественной консервативной партіи грозилъ переходомъ крестьянъ въ соціалъ-демократическій лагерь и охлажденіемъ монархическихъ чувствъ. Теперь въ этомъ лагерѣ гнѣвъ перемѣнили на милость, такъ какъ усмотрѣли, что такимъ путемъ нельзя провести проектъ Каница и проч. Теперь всѣ толпятся подобострастно около трона, стараясь всѣхъ увѣрить, что они то и есть настоящая его опора. Отзываясь на послѣднюю рѣчь Вильгельма, органъ «Союза сельскихъ хозяевъ» пишетъ между прочимъ: «Всѣ опасности внутреннія и внѣшнія легко преодолѣть съ помощью крестьянъ. Отсюда слѣдуетъ, что первой и главнѣйшей задачей прусской политики должно быть сохраненіе крестьянскаго сословія. Слѣдуетъ поэтому уберечь его отъ банкротства, благодаря гибельнымъ цѣнамъ на хлѣбъ и т. п. Министры хорошо сдѣлаютъ, если немедленно подумаютъ объ осуществленіи «большихъ средствъ». Маленькія уступки—очень хорошая вещь, но онѣ производятъ впечатлѣніе красиваго букета, даруемаго голодному человѣку въ знакъ «симпатіи». Симпатіи намъ не по чемъ; мы желаемъ реальныхъ доказательствъ дружественнаго къ намъ расположенія... Члены «Союза сельскихъ хозяевъ» служатъ безъ сомнѣнія надежнѣйшей лейбъ-гвардіей его величества. Поэтому: впередъ съ Богомъ за короля и отечество, за императора и имперію!..»

Таковъ патріотическій паѳосъ «крестьянъ»—Каница, Мирбаха и Плеца.

Приблизительно тотъ же сюжетъ тщательно разрабатывается въ бисмарковской печати, неустанно агитирующей противъ сущесвующей конституціи и противъ всеобщаго избирательнаго права. Рѣчь Вильгельма подлила новаго масла въ огонь этой агитаціи и въ берлинскомъ органѣ Бисмарка «Berliner Neueste Nachrichten» возобновились со свѣжей силой проекты исключительнаго закона; въ случаѣ-же непринятія такого закона рейхстагомъ, названная газета предлагаитъ насильственное упраздненіе всеобщаго избирательнаго права. Со стороны другихъ монархическихъ органовъ было сдѣлано возраженіе, что такая мѣра означала бы государственный переворотъ. На это берлинская газета отвѣчаетъ слѣдующей любопытной теоріей государственнаго права:

«Что такое вообще говоря государственный переворотъ? Государство служитъ само себѣ цѣлью, а конституція есть лишь средство для этой цѣли. Разъ средство не удовлетворяетъ болѣе своей цѣли, то оно, конечно, должно быть замѣнено другимъ. По нашему

мнѣнію, государственный переворотъ грозитъ съ совсѣмъ другой стороны. Мы убѣждены,—а съ нами и всѣ вліятельные круги общества,—что монархія несовмѣстима съ воцарившимся теперь злоупотребленіемъ всеобщимъ избирательнымъ правомъ. Этому злоупотребленію во что бы то ни стало долженъ быть положенъ конецъ. Характеръ необходимыхъ мѣропріятій не можетъ подлежать сомнѣнію. Разъ обнаружено, что отдѣльныя постановленія конституціи противорѣчатъ сохраненію существующаго правового порядка, къ которому принадлежитъ прежде всего монархія, то эти постановленія должны быть измѣнены, чтобы предупредить государственный переворотъ со стороны соціальной демократіи... Такимъ образомъ дѣло въ концѣ концовъ сведется не къ государственному перевороту, а къ единодушному рѣшенію нѣмецкихъ монарховъ и вольныхъ городовъ предупредить грозящій государству переворотъ»...

Обратимся, однако, къ поставленному въ началѣ этого письма вопросу, почему сплошь да рядомъ пустуетъ германскій рейхстагъ? Причины этого явленія несомнѣнно заключаются частью въ томъ положеніи, какое нѣмецкій парламентъ занимаетъ еще въ системѣ государственнаго управленія Германіи. Это положеніе далеко не таково, какъ, напр., положеніе парламентовъ въ Англіи или Франціи. Гораздо большая зависимость германскаго рейхстага отъ прочихъ факторовъ имперскаго законодательства ослабляетъ интересъ къ нему въ народномъ представительствѣ. Другая причина заключена въ крайней продолжительности введеннаго картельнымъ большинствомъ 1887 года срока легислатуры. Кое-что слѣдуетъ отнести на долю состава имперскаго представительства. Наконецъ многое зависитъ отъ такъ называемой бездіетности депутатовъ, т. е. отъ отсутствія вознагражденія для нихъ. Въ 1867 году нѣмецкія правительства думали, что бездіетность депутатовъ послужитъ оплотомъ противъ демократизирующаго вліянія всеобщаго избирательнаго права, но такая надежда не оправдалась. Тридцатилѣтняя исторія бездіетнаго парламентаризма свидѣтельствуетъ, напротивъ того, о постепенномъ ростѣ соціалъ-демократической фракціи; бездіетность не помѣшала далѣе неимущимъ капланамъ наполнить ряды католическаго центра; она не помѣшала наконецъ проникнуть въ «народные представители» такому авантюристу, какъ Альвартъ, который, кстати сказать, въ свое время былъ избранъ по протекціи антисемитическихъ ландратовъ и другихъ «королевскихъ чиновниковъ». Нѣкоторые близорукіе люди отстаиваютъ бездіетность, такъ какъ она сокращаетъ до извѣстной степени матеріальные рессурсы соціалъ-демократовъ, платящихъ теперь своимъ депутатамъ діеты изъ партійной кассы. Но это сущіе пустяки,—и Бебель съ товарищами изъ-за этихъ расходовъ не откажутся никогда отъ депутатскаго мандата, какъ не откажутся отъ него аграрные демагоги.

Между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что системати-

ческій абсентеизмъ большинства членовъ рейхстага по преимуществу объясняется невозможностью нѣсколько мѣсяцевъ подрядъ жить на свой счетъ въ Берлинѣ. Въ слѣдовавшую за войной 1871 года эпоху національнаго подъема число лицъ, домогавшихся мандата, было гораздо больше и среди нихъ было гораздо большее число претендентовъ, могущихъ обходиться безъ діетъ. Въ настоящее же время не рѣдки случаи, когда для кандидатуры въ рейхстагъ приходится завербовать лицъ, состоящихъ депутатами прусскаго ландтага, каковое званіе оплачивается діетой въ 15 марокъ за засѣданіе.

Очень часто напередъ можно сказать, что данный кандидатъ въ случаѣ избранія вынужденъ будетъ блистать своимъ отсутствіемъ въ рейхстагѣ. Отсюда возникаетъ безпомощное положеніе, въ какое часто попадаетъ рейхстагъ, когда, благодаря недостаточной наличности депутатовъ для постановленія вотума, вынужденъ нѣсколько дней подрядъ дебатировать по поводу предмета, интереснаго для какой нибудь отдѣльной партіи. Возьмемъ хотя бы недавнее предложеніе соціалъ-демократической фракціи о введеніи восьмичасового рабочаго дня. Для большинства партій это докучная тема, имѣющая развѣ лишь академическій интересъ. Но благодаря Beschlussunfähigkeit рейхстага, прекратить дебаты было невозможно и вопросъ былъ въ три дня дебатовъ разсмотрѣнъ со всѣхъ сторонъ... Такимъ образомъ, бездіетность, долженствовавшая быть противовѣсомъ противъ соціалъ-демократовъ, сдѣлала ихъ вмѣсто того чуть ли не господами рейхстага.

На эти неожиданныя послѣдствія бездіетности по всѣмъ видимостямъ обратило наконецъ вниманіе и имперское правительство, отклонявшее до послѣдняго времени резолюціи рейхстага по этому поводу. Есть основаніе думать, что при ближайшемъ разсмотрѣніи этого вопроса рейхстагомъ, союзный совѣтъ не будетъ уже по прежнему упорствовать.

Приведу кстати маленькую статистику по этому предмету. Въ Европѣ не платятъ діетъ депутатамъ парламентовъ только Германія, Англія и Испанія. Въ высшемъ размѣрѣ вознаграждаются депутаты во Франціи, которая каждому члену палаты платитъ 9,000 франковъ въ годъ и доставляетъ свободный проѣздъ въ 1 классѣ по желѣзнымъ дорогамъ. Венгрія даетъ своимъ депутатамъ 4.000 марокъ ежегодно, 800 гульденовъ подъемныхъ и дешевый абонементъ на проѣздъ по казеннымъ желѣзнымъ дорогамъ. Нидерланды даютъ членамъ второй палаты 2000 гульденовъ въ годъ и проѣздныя деньги. Греція платитъ 1.400 марокъ за обыкновенную сессію и 890 м. за чрезвычайную. Въ Швеціи депутаты нижней палаты получаютъ 1.330 марокъ за сессію. За прогульный день вычитается 11 марокъ. Въ Бельгіи депутатъ получаетъ 4.000 франковъ и свободный проѣздъ въ 1-мъ классѣ между мѣстомъ жительства и Брюсселемъ. Другія государства даютъ своимъ депутатамъ лишь поденную пла-

ту: Румынія — 20 м., покрытіе дорожныхъ и почтовыхъ расходовъ; Австрія — 10 гульденовъ за каждый день (сверхъ того дорожные расходы); Болгарія и Швейцарія — 16 м. и свободный проѣздъ; Пруссія—15 м.; Португалія—15 м. и свободный проѣздъ только нуждающимся депутатамъ; Саксонія и Баденъ—12 м.; Гессенъ—9 м.; Баварія—10 м, и свободный проѣздъ; Вюртембергъ—$9^1/_2$ м.; Саксенъ-Кобургъ-Гота платитъ 6 марокъ въ день городскимъ жителямъ Готы и 10 м., проѣздъ во 2-мъ классѣ и 3 м. на разные расходы иногороднимъ депутатамъ; Данія платитъ только 6,75 м. и дорожные расходы, но за то предоставляетъ депутату даровое мѣсто въ театрѣ; Норвегія-же не только платитъ каждому депутату $14^1/_2$ м. въ день, но въ случаяхъ болѣзни депутатъ пользуется даровой медицинской помощью, медикаментами, ваннами, массажемъ и безплатными операціями зубовъ... Депутаты германскаго рейхстага пользуются лишь даровымъ проѣздомъ въ вагонахъ 1-го класса между своимъ мѣстомъ жительства и Берлиномъ. Депутаты Англіи и Испаніи даже такой льготой не пользуются.

Послѣ окончанія парламентской сессіи я еще буду имѣть случай остановиться на ея главнѣйшихъ законодательныхъ актахъ. Въ этотъ разъ я хочу лишь кратко отмѣтить законъ о регулированіи жалованья народнымъ учителямъ, прошедшій черезъ прусскій ландтагъ и только что санкціонированный Вильгельмомъ II. Относящійся сюда законопроектъ (Lehrerbesoldungsgesetz) поступалъ на разсмотрѣніе ландтага еще въ прошлую сессію, но былъ отклоненъ палатою господъ. Принятый теперь законъ почти ничѣмъ не отличается отъ первоначальнаго проекта. Онъ устанавливаетъ минимальное жалованье для народнаго учителя въ 900 марокъ, для учительницы—въ 750 м. въ годъ при готовой квартирѣ, отопленіи и освѣщеніи. Онъ устанавливаетъ кромѣ того систему постепенныхъ добавокъ къ жалованью по мѣрѣ службы, т. н. Alterszulagen. Эти добавки дѣлаются послѣ каждыхъ трехъ лѣтъ службы въ размѣрѣ 100 марокъ для учителей и 80 м. для учительницъ и въ общемъ не должны превышать 900 м. для первыхъ и 720 м. для послѣднихъ.

По мѣрѣ того какъ Пруссія дѣлала успѣхи на поприщѣ милитаризма, она все болѣе небрежно относилась къ участи своего нѣкогда прославленнаго шульмейстера. Прусскіе народные учителя долго ждали улучшенія своей доли и на своихъ съѣздахъ ставили требованія минимальнаго годового жалованья въ 1.200 м. Прусскій министръ народнаго просвѣщенія добродушный человѣкъ и готовъ на всякую помощь учителямъ. Но казенная мошна не въ его рукахъ; она въ рукахъ министра финансовъ Микеля, который на нужды милитаризма отзывчивѣе, чѣмъ на нужды школьныхъ учителей.

А. Ковровъ.

Новыя книги.

Ольга Шапиръ. Любовь. Романъ. СПБ. 1897 г.

Тема романа г-жи Шапиръ столько же стара, сколько неистощима. Любовь — это такая канва, по которой можно вышивать самые замысловатые и тонкіе психологическіе узоры; любовныя исторіи—это именно тѣ старыя исторіи, которыя вѣчно остаются новыми. Въ дѣлѣ любви всякій молодецъ на свой образецъ, или, какъ то же самое, но съ возвышеннымъ краснорѣчіемъ говоритъ г-жа Шапиръ: „сколько сердецъ человѣческикъ — столько отдѣльнымъ міровъ. На всей землѣ нѣтъ двухъ паръ глазъ одинаковыхъ, а мы хотимъ всѣ сердца уложить въ одну мѣрку! Удара лишняго не можемъ прибавить этому сердцу и хотимъ вымѣрить его силы"! Все это, вообще говоря, весьма справедливо. Однако, надо и то сообразить, что на всей землѣ нѣтъ двухъ желудковъ одинаковыхъ, изъ чего всетаки не слѣдуетъ, что могутъ существовать такіе желудки, для которыхъ были бы пріятны и полезны древесныя стружки или желѣзныя опилки. Это замѣчаніе наше мы направляемъ прямо по адресу главной героини романа, которая собралась, съ благословенія автора, именно питаться стружками и опилками. Вотъ какъ разсуждаетъ эта героиня, нѣкая Елена Ставлина: „Всякое уклоненіе отъ установленныхъ нами законовъ мы называемъ безуміемъ—думала Елена. Но сегодня наука говоритъ уже, что всякое величіе есть то же безуміе, нормальна только та средняя величина, которая подходитъ подъ всѣ нормы. Безумцы наши геніи, безумцы наши герои, безумцы наши подвижники... Безуміе — всякая сила, нарушающая равновѣсіе ординарности... И наука думаетъ, что она права. Такъ пусть же будетъ безуміемъ и безкорыстная любовь". Какъ видите, героиня г-жи Шапиръ умудрилась сказать „новое слово" даже въ такомъ старомъ предметѣ, какъ любовь. Она именно открыла „безкорыстную любовь", *безуміе* которой есть то самое безуміе, которое отличаетъ геніевъ, героевъ и подвижниковъ. По ближайшемъ разсмотрѣніи оказывается, однако, что это не *безумная* (въ высшемъ смыслѣ), а просто неумная любовь и называется она на языкѣ образованныхъ людей платонической, а на языкѣ народа—*сухой* любовью. У полузабытаго романиста Авдѣева, бывшаго большимъ спеціалистомъ въ „наукѣ страсти нѣжной", есть даже повѣсть подъ заглавіемъ „Сухая любовь", такъ что изобрѣтеніе Елены Ставлиной только тѣмъ и оригинально,

что какими-то неисповѣдимыми логическими путями пристраивается подъ защиту „науки“. Надо замѣтить, что Елена Ставлина—богатая вдова, ровно ничѣмъ не связанная и завтрашнимъ днемъ не озабоченная. Въ теченіи романа Ставлина, развивая свою теорію „безкорыстной любви“, высказываетъ изрядное количество афоризмовъ, можетъ быть, и очень хорошихъ, но къ дѣлу совсѣмъ не идущихъ. Приведемъ примѣры. „Любовь, начинающаяся слезами, всегда истинная“. „Сколько погибшихъ (т. е. погибавшихъ) людей спасала любовь русской женщины и есть-ли то для нея худшая изъ судебъ?“ „Что это за любовь, которая излѣчивается гордостью? Любовь не можетъ быть несчастьемъ“. „Полюбить — найти, открыть — случайно по большей части — самое милое, самое близкое и родное нашему сердцу! Призвать къ жизни, воплотить всю нѣжность, таящуюся въ нашей собственной душѣ... Впервые измѣрить до дна глубину ея, познать ея истинныя силы... Возможно-ли пережить это и желать, чтобы оно прекратилось?“ Подобныхъ фразъ или, если угодно, мыслей о любви въ романѣ разсѣяно очень много, но вполнѣ ясно, что къ основной темѣ романа онѣ никакого отношенія не имѣютъ. Мы добросовѣстно искали и нашли во всемъ романѣ (а въ немъ болѣе пятисотъ страницъ) только *два* мѣста, гдѣ теорія „безкорыстной любви“ получаетъ достаточно полное освѣщеніе. Въ первый разъ объясняетъ дѣло сама героиня, когда убѣдительно доказываетъ своему избранному, нѣкоему Роману Безпалову, что нѣтъ никакой бѣды въ томъ, что онъ женатъ и страстно любитъ свою жену.

„— Ты, ты будешь мой, Романъ!! Моя любовь есть у меня. Нѣтъ, ты не любилъ по-настоящему, если ты не понимаешь меня!

— Я чужой, Елена. Всегда буду чужой. Я Нину (жену) люблю, ты это знаешь.

— А я тебя люблю. Противъ чего ты возражаешь? Развѣ я хочу, чтобы ты пересталъ любить ее? Нѣтъ, ты какъ всѣ— ты тоже не понимаешь меня!

— Такъ не бываетъ... не можетъ быть!—выговорилъ онъ мучительно.

— Не знаю, бываетъ-ли... Что мнѣ до этого? Любовь у каждаго своя. Я люблю тебя самого, а не надежду на твою любовь. Люблю и безъ твоей любви. Съ перваго дня люблю, просто потому, что не могу иначе! Развѣ это тебѣ мѣшаетъ любить ее? Развѣ у нея я отняла что нибудь? Она ревнуетъ напрасно, ты знаешь... Ничего нельзя измѣнить. Невозможнаго нельзя желать. Я все признаю, все!! Ломать чужую жизнь—нѣтъ, этого я неспособна желать!“

Такъ разсуждаетъ героиня. Г-жа Шапиръ съ своей сто-

роны высказываетъ мысли не менѣе замѣчательныя: „Не раскаиваются и не стыдятся любви только женщины, къ чему бы ни привела любовь: къ несчастію, позору, преступленію. И не потому это такъ, чтобы у женщины была другая какая-то своя совѣсть—нѣтъ, это оттого, что только одна женщина любитъ нераздѣльно всѣмъ существомъ своимъ: сердцемъ, инстинктомъ и умомъ. У нея не остается никакого оружія противъ любви и потому въ ней живетъ сознаніе правды. Но мужчина можетъ любить и презирая: умомъ онъ никогда не любитъ"...

Что-жъ, при „безкорыстной" любви, при любви какъ нибудь издали, въ мечтахъ, такую логику можно было бы понять, хотя нельзя было бы всетаки не подивиться на самую эту любовь или не улыбнуться надъ нею. Но въ томъ-то и дѣло, что Ставлина не хочетъ разставаться съ своимъ избранникомъ и даже переселила его съ женой и дочерью въ свой собственный домъ. Правда, она вскорѣ поняла, что сухая ложка, по пословицѣ, ротъ деретъ, и уѣхала-было въ Петербургъ (романъ завязался въ провинціи), но опять вернулась, снова уѣхала и опять-таки пріѣхала уже въ Парижъ, гдѣ въ это время проживала чета Безпаловыхъ, Романъ и Нина. Романъ Безпаловъ поступилъ такъ, какъ на его мѣстѣ поступили бы очень многіе мужчины: жена—женою, но если около васъ мечется и чуть на шею вамъ не вѣшается смазливая женщина, то... „Ça lui fait tant de plaisir et à moi si peu de peine",—сказала на исповѣди одна французская крестьянка въ отвѣтъ на упреки патера въ ея новомъ паденіи. Вѣдь, не всѣ же мужчины такъ наивны, какъ тотъ молодой дворникъ Глѣба Успенскаго, передъ которымъ кухарка безпрестанно восклицала: „ахъ, кто меня успокоитъ!" а онъ съ недоумѣніемъ думалъ про себя: „чѣмъ я ее успокою? Я и всего-то три рубля жалованья получаю". Въ концѣ-концовъ г-жѣ Шапиръ пришлось-таки поставить извѣстнаго смысла многоточіе, котораго опытный читатель уже давно поджидалъ. Передъ многоточіемъ Елена Ставлина, какъ всегда, тоже фразерствуетъ, но уже не въ прежнемъ смыслѣ. О „безкорыстной любви" она уже не заикается, а восклицаетъ: „борьба унизительна! Унизительно душу свою отдавать на жертву стихійнымъ волненіямъ, держать ее подъ пятой, пригнетать къ землѣ... Свободы! Свободы! Отъ этой неумолимой силы, держащей въ плѣну волю, отъ глухой стѣны, перегородившей жизнь и заслонившей собою все прекрасное, высокое въ ихъ любви — освободиться, освободиться!" Итакъ, въ началѣ романа призывалась „наука", въ концѣ романа мы слышимъ пламенное воззваніе къ „свободѣ". Правда, тутъ подразумѣ-

вается особая, маленькая „свобода", свобода отъ перегородокъ, отъ заслонокъ и отъ прочаго, но всетаки сколько шума!

Развязка романа противорѣчитъ, по нашему мнѣнію, тѣмъ идеямъ объ особенностяхъ женской любви, которыя высказала г-жа Шапиръ. Дѣло въ томъ, что Нина, жена Безпалова, случайно простудилась и умерла отъ воспаленія легкихъ. Жаль молодую женщину, но—спящій въ гробѣ мирно спи, жизнью пользуйся живущій! Положеніе до того просто, что нашимъ героямъ, казалось бы, и задумываться не объ чемъ: переждать, когда горе переболитъ и пріутихнетъ, да честнымъ пиркомъ и за свадебку. Что же еще то? Нѣтъ, это было бы слишкомъ просто, слишкомъ согласно съ банальнымъ здравымъ смысломъ. Герой, послѣ смерти жены, опрометью бѣжитъ отъ героини, а покинутая Елена, не долго думая, отравляется... Глупо, но, съ извѣстной точки зрѣнія, эффектно. Оставляя героя въ сторонѣ, мы спросимъ только—съ чего-жъ это героинѣ-то пришла фантазія покончить съ собою? Вѣдь, по свидѣтельству г-жи Шапиръ, женщины „не раскаиваются и не стыдятся любви, къ чему бы ни привела любовь: къ несчастію, позору, преступленію". Вѣдь даже передъ самоубійствомъ Елена думала, что „искупать ей нечего, она не чувствуетъ вины". Тѣмъ не менѣе она казнитъ себя смертною казнью. Вотъ и разбирайтесь!

Намъ остается сдѣлать нѣсколько формальныхъ замѣчаній. Елена Ставлина несомнѣнно любимица г-жи Шапиръ, которая называетъ ее умной, образованной, терпѣливой, самоотверженной. Тѣмъ обиднѣе за г-жу Шапиръ, что Елена Ставлина бываетъ особенно смѣшна именно въ тѣ минуты, когда автору хотѣлось бы, чтобы она была особенно эффектна. Когда, напримѣръ, лицо Елены „свѣтилось сосредоточеннымъ одушевленіемъ умственной работы" или „все вспыхивало негодованіемъ", когда—слушайте, слушайте!—„лобъ надъ болѣзненно поднявшимися темными бровями сбирался тонкими морщинками, а безцвѣтныя губы вздрагивали, быстро выговаривая рѣзкія слова..." Черезъ пять строкъ послѣ этого „Елена отдѣлилась отъ дерева"—что бы это могло значить? Однажды у Елены были печальные глаза—„и вдругъ въ нихъ медленно проступила улыбка и изъ глазъ соскользнула на губы". Эдакъ, пожалуй, и г. Боборыкинъ не ухитрится сказать. Въ необыкновенно глубокомъ прощальномъ письмѣ къ Роману, Елена, между прочимъ, пишетъ: „ты увѣровалъ въ жертву разъ навсегда, какъ фанатикъ вѣритъ въ рокъ?" Маленькій lapsus calami, очевидно: вмѣсто фанатикъ слѣдовало поставить фаталистъ. Елена была на женскихъ врачебныхъ курсахъ, но до диплома не дотянула и потому рекомендуется такимъ образомъ: „я несостоявшійся врачъ". Г-жа Шапиръ дѣлаетъ въ

языкѣ нѣкоторое нововведеніе, постоянно замѣняя слово *все-таки* словомъ *всячески*: шляпка *всячески* шла къ ней, *всячески* я этого не ожидалъ, *всячески* она приметъ мѣры и т. д. Это нововведеніе не кажется намъ удачнымъ. Можно сказать, что г-жа Шапиръ всетаки талантлива, хотя и пишетъ не вполнѣ удачные романы, но врядъ-ли удобно будетъ сказать, что г-жа Шапиръ *всячески* талантлива.

Исповѣдь тенора, Два тома. Москва. 1896.

Трудную задачу задалъ намъ анонимный авторъ своею „исповѣдью". Дѣло въ томъ, что личность автора не можетъ не возбудить въ читателѣ чувства самаго живѣйшаго участія; съ другой стороны, сама „исповѣдь", какъ литературное произведеніе, не можетъ не возбудить чувства самаго горькаго недовольства. Личность автора подкупаетъ насъ своею искренностью, такою искренностью, какую рѣже всего можно встрѣтить именно во всякаго рода публичныхъ „исповѣдяхъ", „признаніяхъ", автобіографіяхъ и т. п. Это, вопервыхъ. А вовторыхъ, авторъ страдалъ такъ много и такъ напрасно, жизнь съ такою обидною несправедливостью ставила его то въ ложныя, то прямо-таки въ унизительныя положенія, что къ нему нельзя относиться безъ особаго, исключительнаго снисхожденія. Однако... однако, дальше-то какъ же намъ быть? Пусть самъ авторъ очень симпатиченъ и ни въ чемъ не виноватъ, но, вѣдь, книга-то его представляетъ собою всетаки самую странную нескладицу, и мы не имѣемъ права не указать на это читателю. Не сдѣлавъ этого указанія, мы не исполнили бы своей прямой обязанности, но сдѣлавши его, мы чувствуемъ теперь какую-то неловкость, которая очень похожа на самыя подлинныя угрызенія совѣсти: нравственное сознаніе громко говоритъ намъ, что мы неправы, что наше указаніе неточно, неполно, одностороннe. Надо вотъ какъ сказать: „Исповѣдь тенора"—произведеніе сумбурное, безсвязное и въ то же время это произведеніе истинно замѣчательное, заслуживающее вниманія гораздо болѣе, нежели литературно-чистенькія и аккуратненькія изданьица нашихъ маленькихъ „талантовъ". Авторъ „исповѣди" писать не умѣетъ, но онъ умѣетъ исповѣдываться. Его книга нацарапана ученическими каракульками, но каракульки эти выведены не чернилами, а кровью сердца и сокомъ нервовъ, говоря извѣстнымъ выраженіемъ Берне. Кто-то сказалъ, что исторія отдѣльнаго человѣка поучительна не меньше исторіи цѣлаго народа, и съ этой точки зрѣнія „Исповѣдь" одна изъ самыхъ поучительныхъ книгъ, хотя ея авторъ менѣе всего годится въ учителя. Мы вполнѣ присоединяемся къ тому отзыву, который былъ выслу-

шанъ авторомъ о его литературныхъ работахъ, отъ какого-то, проживавшаго въ Парижѣ, русскаго литератора П. По чистосердечному разсказу автора, „П. нашелъ, что „матеріалъ интересный, но... это нужно выбросить, это сократить, это развить, это смягчить и пр. Далѣе оказалось, что одно „слишкомъ дѣтски-наивно", другое „носитъ какой-то болѣзненный характеръ", третье „не совсѣмъ осмысленно" и т. д. Словомъ, моя работа оказалась „негодной къ печати". Литераторъ П. былъ, очевидно, человѣкъ понимающій и, кромѣ того, очень снисходительный и мягкій: мы повторили бы, въ сущности, его отзывъ, но въ болѣе рѣзкихъ и твердыхъ выраженіяхъ. Но это не значило бы (по отношенію къ „Исповѣди"), что работа автора „негодна къ печати". Напротивъ, мы сказали бы автору: оставьте все, какъ есть, какъ сказалось у васъ съ перваго раза, оставьте „дѣтскія наивности", не смущайтесь „болѣзненнымъ характеромъ" нѣкоторыхъ мѣстъ, не претендуйте „осмысливать" факты, ничего не смягчайте, не сокращайте и не выбрасывайте—и печатайтесь съ Богомъ. Ваша книга интересна именно своею непосредственностью, цѣльностью, искренностью. Разумѣется, ни одинъ журналъ вашей работы не приметъ, но въ отдѣльномъ изданіи книга ваша не только найдетъ себѣ читателей, но и принесетъ имъ свою долю удовольствія и пользы. „Confessions" Руссо—книга въ высшей степени краснорѣчивая и въ такой же степени фальшивая; ваша книга — топорное литературное издѣліе, но въ ней нѣтъ ни одного лживаго, т. е. неискренняго слова. Краснорѣчіемъ мы пресыщены, но еще болѣе утомлены лицемѣріемъ.

Авторъ былъ пораженъ и опечаленъ отзывомъ литератора П. „Слова П. были равносильны удару молота по измученной груди... Большей обиды, казалось, трудно себѣ и представить... Этимъ отзывомъ я былъ такъ задавленъ и обезсиленъ, что не могъ уже ни вопить (!), ни проклинать". Такъ говоритъ авторъ-теноръ. Между тѣмъ, повторяемъ, кромѣ смягченной правды, литераторъ П. ничего автору не сказалъ, и откуда же взялась „обида" и это чрезмѣрное отчаяніе? Причина очевидна: авторъ не понимаетъ самъ себя, своей роли, своихъ средствъ. Не въ томъ дѣло, что образованіе автора очень недостаточно — въ исторіи нашей литературы записано не мало именъ писателей, учившихся на мѣдныя деньги — дѣло въ томъ, что у автора нѣтъ и признака литературнаго дарованія. Въ одномъ мѣстѣ своей книги авторъ говоритъ: „курьезно то, что мнѣ не такъ страшно было излагать свои мысли стихами, какъ прозой. Мнѣ казалось, что если начну писать прозой, то и не выберусь изъ одного лѣса мыслей и строкъ. Въ воображеніи моемъ эти мысли и строки цѣплялись одна за другую и росли до безконечности, готовыя раздавить меня

своей громадой и необъятностью". Зачастую случается даже съ очень талантливыми, но неопытными писателями, что они не умѣютъ справиться съ богатствомъ идей или образовъ, выработавшихся въ лабораторіи ихъ духа, загромождаютъ свои первыя произведенія ненужными подробностями, отступленіями, уклоненіями и т. п. Въ большомъ имуществѣ не легко разобраться, и для этого требуется время, но если человѣкъ завѣдомо совсѣмъ не богатъ и всетаки никакъ не можетъ свести конца съ концомъ и найти общій итогъ, то это значитъ только то, что онъ плохой хозяинъ и плохой счетчикъ. Нашъ авторъ находится именно въ такомъ положеніи. Правда, изъ его „лѣса мыслей" выбраться не легко, но не потому, что этотъ лѣсъ очень густъ и обширенъ, а потому, что онъ очень запущенъ и безпорядоченъ. Вотъ какъ, напримѣръ, разсказываетъ авторъ-теноръ о своихъ разговорахъ съ поклонницами: „философствовали мы... Напримѣръ, на вопросъ: что такое человѣкъ? давали слѣдующіе отвѣты: съ космической точки зрѣнія человѣкъ есть часть самого Космоса, форма міровой матеріи, форма мыслящая, самопознающаяся... Съ физико-механической точки зрѣнія, человѣкъ есть сложный автографъ съ пятью главными пріемниками, — теле-графъ, фото-графъ, фоно-графъ, вкусо-графъ и аромато-графъ... Съ біолого-психологической точки зрѣнія человѣкъ есть..." и пр. и пр. Разговоры тенора съ его поклонницами изложены въ первомъ томѣ „Исповѣди", а во второмъ томѣ помѣщена переписка тенора съ поклонницами и, какъ бы вы думали, о чемъ шла переписка? Вотъ ея оглавленіе: а) взглядъ на жизнь міровую, б) взглядъ тенора на жизнь международную: славянскій и еврейскій вопросы, в) междуобывательскія отношенія. Наивность всѣхъ такихъ разсужденій автора доходитъ иногда до послѣдней степени, и всетаки они не отталкиваютъ васъ и не надоѣдаютъ вамъ. Простодушная горячность автора поддерживаетъ ваше вниманіе, да сверхъ того у него встрѣчаются иногда замѣчанія положительно мѣткія, мысли рѣшительно свѣтлыя. Воистину, Господь умудряетъ младенцевъ, говоритъ читатель, и его симпатія къ автору еще больше возрастаетъ.

На нашъ взглядъ и на нашъ вкусъ—самая скучная часть „Исповѣди" та, гдѣ повѣствуется о сценическихъ удачахъ и неудачахъ автора („теноръ" — дѣйствительно теноръ, опереточный и оперный), о пертурбаціяхъ съ его голосомъ, о шарлатанствѣ или невѣжествѣ его учителей пѣнія, о театральныхъ контрактахъ, объ антрепренерахъ и т. д. Нѣкоторую досаду испытываетъ читатель при видѣ чрезмѣрнаго и ненужнаго самоуниженія автора. Вотъ, напримѣръ, какъ онъ подписался подъ письмомъ къ композитору Чайковскому: „съ благоговѣйнымъ трепетомъ ждетъ отъ Васъ хоть нѣсколько

словъ глубокоуважающій и многолюбящій Васъ N.N.". Еще, пожалуй, лучше разсказъ автора о посѣщеніи имъ Салтыкова: уходя отъ него, авторъ испытывалъ „какое-то высокое упоеніе, точно я тайкомъ былъ на небѣ, видалъ Бога и получилъ за это еще 200,000 рублей въ награду". О, Господи! А все-таки вамъ только смѣшно, даже нѣсколько досадно, но ничуть не противно: вѣдь, тутъ ни тѣни расчета, ни атома лести, а всего только младенческая наивность. Не можетъ человѣкъ не благоволить и не трепетать передъ авторитетами — такое ужъ чувствительное и благодарное сердце у него. Что же, наконецъ, кромѣ искренности и правдивости, привлекательнаго въ личности автора? А вотъ что: онъ *живой человѣкъ*. Мимоходомъ и, очевидно, не придавая большого значенія своимъ словамъ, авторъ однажды очень вѣрно характеризировалъ себя: „видно у природы своя логика, коли меня тянетъ и на то, и на другое, и на третье, коли я хочу жить во всю, жить полной жизнью, чтобы у меня всѣ струны дрожали и свою музыку изливали. А жить, примѣрно, утробой для утробы, пѣніемъ для пѣнія, или писаніемъ для писанія, я несогласенъ, коли меня такъ и тянетъ, такъ вотъ и тянетъ къ всечеловѣчеству". Все это не фраза: на всемъ протяженіи „Исповѣди", отъ первой до послѣдней страницы, авторъ является человѣкомъ, для котораго все человѣческое гораздо болѣе, чѣмъ просто нечуждо, кровно—близко, страстно любимо или ненавидимо. „Меня сильно била соціологическая лихорадка",— говоритъ онъ въ другомъ мѣстѣ, и это опять не пустое слово. Закрывая эту странную, курьезную и любопытнѣйшую книгу, невольно вздыхаешь: ахъ, еслибы къ этой пылкости, этой отзывчивости, этой искренности и жизнерадостности да побольше, какъ можно побольше сознательности и осмысленности!

П. П. Герасименко. Миніатюры. Наброски и разсказы. Харьковъ. 1896.

Что, бишь, это такое? Мы не удосужились написать рецензіи о книгѣ г. Герасименко по горячимъ слѣдамъ, тотчасъ послѣ прочтенія, и теперь не знаемъ какъ быть: хоть убейте, ничего не помнимъ. Впрочемъ, вотъ наши помѣтки: стр. 8, 23, 32, 35, 41, 43, 151... Что такое замѣчательное мы нашли на этихъ страницахъ? Будемъ цитировать въ указанной послѣдовательности: „офицеры съ своимъ благороднымъ хохотомъ и непобѣдимымъ разговоромъ о производствѣ"; „поджареный, смѣющійся трупикъ хорошенькаго поросенка"; „ликующій праздникъ улыбался въ окнѣ голубыми глазами"; „голубѣлъ и сквозилъ тепло-дышущій день"; „улыбающіеся жилеты, серьезно-задумчивые сюртуки"; „горделиво-задумчивый

носъ"; „заплаканные керосиновые фонари тихой улицы судорожно размахивали среди мокрой темноты оранжевыми лучами".

А, такъ, такъ! Мы вспомнили! Какъ истый провинціалъ, г. Герасименко щеголяетъ въ декадентскомъ костюмѣ, воображая, что это послѣднее слово моды и изящества, и не подозрѣвая, что въ столицахъ этой моды уже почти стыдятся. Зеленые вздохи, красные поцѣлуи, фіолетовыя объятія, звучная любовь—и тому подобные перлы нарочитой галиматьи совсѣмъ теперь упали въ цѣнѣ. Правда, г. Герасименко не поэтъ, а прозаикъ, но декаденствовать можно во всякой формѣ, да и „миніатюры" харьковскаго декадента скорѣе „стихотворенія въ прозѣ", чѣмъ „наброски и разсказы". Напримѣръ, развѣ это проза: „Будетъ, настанетъ сіяющій день! Міръ не старецъ—ребенокъ! люди не звѣри—но боги! День возрожденья, нетлѣнной любви и вѣчно-живой красоты зарей лучезарною вспыхнетъ надъ міромъ..." А впрочемъ, кто его разберетъ, г. Герасименко, можетъ быть, онъ и не декадентъ. Декаденты, какъ извѣстно, смотрятъ на нравственность свысока, считаютъ ее предразсудкомъ, а г. Герасименко „ужасно" нравственный человѣкъ. Увидалъ онъ однажды на публичномъ гуляньи дѣвушку, „сіявшую среди публики свѣжею, дѣтскою улыбою", и ему захотѣлось сказать ей „задушевнѣйшимъ тономъ: уходи отсюда скорѣй! Ради чего пришла ты сюда? Не слушай этихъ грязныхъ пѣсенъ, не смотри на разгульную пляску, на эти непристойные жесты! Если душа твоя чиста, какъ голубица бѣлокрылая, если не грезились ей грѣшные черные сны,—уходи отсюда, уходи, уходи!" Какая сила! Что за стиль!

Т. Н. Грановскій и его переписка. (Томъ I. Біографическій очеркъ А. Станкевича. Томъ II. Переписка Т. Н. Грановскаго). М. 1897.

Ч. Вѣтринскій (Вас. Е. Чешихинъ). Т. Н. Грановскій и его время. Историческій очеркъ М. 1897.

За послѣдніе годы имя Грановскаго вновь привлекаетъ къ себѣ особенное вниманіе русской печати и, можно думать, и русскаго общества. Въ 1892 г. вышло въ свѣтъ третье изданіе его сочиненій. Исполнившаяся въ 1895 г. сорокалѣтняя годовщина со дня смерти его дала поводъ къ появленію въ газетахъ и журналахъ ряда статей, посвященныхъ памяти покойнаго историка; о немъ и объ его трудахъ читались доклады въ ученыхъ обществахъ и публичныя лекціи, говорились рѣчи на университетскихъ актахъ. Теперь передъ нами лежатъ двѣ почти одновременно вышедшія книги, предлагающія біографію знаменитаго профессора московскаго универси-

тета. Одна иза нихъ, принадлежащая перу А. В. Станкевича, уже не новое явленіе въ литературѣ: она представляетъ второе изданіе книги, впервые напечатанной еще въ 1869 г., и, какъ оговаривается самъ авторъ, „въ настоящемъ второмъ изданіи читатель встрѣтитъ только немногія исправленія и дополненія къ первому изданію“. Послѣдняго давно уже не имѣлось въ продажѣ и потому появленіе новаго изданія книги г. Станкевича какъ нельзя болѣе умѣстно. Главное значеніе ея заключается въ біографіи Грановскаго, написанной рукою любящаго друга. Основанная главнымъ образомъ на матеріалѣ, доставленномъ письмами самого Грановскаго и воспоминаніями близкихъ къ нему лицъ, проникнутая чувствомъ глубокой любви къ умершему другу, книга г. Станкевича прекрасно передаетъ то впечатлѣніе, которое оставлено было Грановскимъ въ наиболѣе близкой къ нему средѣ, и въ этомъ отношеніи сохраняетъ живой интересъ и для современнаго читателя. При всемъ этомъ самъ авторъ ея сознавался въ 1869 г., что она „не заключаетъ въ себѣ отчетливаго изображенія жизни Грановскаго вмѣстѣ со всѣми отношеніями, со всею обстановкою его жизненнаго поприща“, и оправдывалъ это тѣмъ, что „полная, отчетливая біографія лица послѣ немногихъ лѣтъ со времени его кончины, когда значительная часть среды, съ которой было тѣсно связано его существованіе, живетъ еще не въ одномъ преданіи, представляетъ важныя и не всегда устранимыя затрудненія“. Значительная часть этихъ затрудненій исчезла въ настоящее время, но небольшія дополненія, сдѣланныя къ своей книгѣ авторомъ во второмъ ея изданіи, не особенно сильно увеличили отчетливость его изображенія. Онъ слишкомъ мало воспользовался богатымъ матеріаломъ для характеристики дѣятелей сороковыхъ годовъ, накопившимся въ нашей литературѣ, и самое значеніе Грановскаго осталось у него по прежнему обрисованнымъ лишь очень общими штрихами; порою, наконецъ, изображеніе самыхъ воззрѣній Грановскаго носитъ у него слишкомъ субъективный характеръ, причемъ противорѣчащій этому изображенію матеріалъ оставляется вовсе безъ вниманія. Подлинныя письма покойнаго историка къ разнымъ лицамъ, составляющія второй довольно объемистый томъ этого труда, не внося чего-либо существенно новаго въ пониманіе личности Грановскаго, даютъ все же возможность яснѣе представить себѣ нѣкоторыя детали его личной жизни и общественныхъ отношеній и яснѣе присмотрѣться къ чистому и обаятельному образу этого „Баярда мысли, рыцаря безъ страха и упрека“, какъ называлъ его въ свое время Никитенко. Для характеристики Грановскаго въ наиболѣе интимной сторонѣ его жизни особенно интересны его письма къ своей невѣстѣ, впослѣдствіи женѣ. По справедли-

вому отзыву послѣдней, Грановскаго слѣдуетъ узнать и съ этой интимной стороны: „онъ какъ бы довершаетъ его великолѣпный образъ—да и пробудитъ это чтеніе много хорошаго въ юныхъ и чистыхъ сердцахъ".

Г. Вѣтринскій, авторъ второй изъ названныхъ книгъ, поставилъ свою задачу шире, нежели это было сдѣлано А. В. Станкевичемъ, введя въ нее какъ разъ такія стороны, которыя были обойдены этимъ послѣднимъ. „Только возсоздавъ—говоритъ онъ въ своемъ предисловіи—совокупность внѣшнихъ условій и значеній эпохи, и возможно выяснить историческія заслуги всякаго дѣятеля въ желательной полнотѣ. Сводя воедино разрозненныя старыя и новыя свѣдѣнія о Грановскомъ и лицахъ, такъ или иначе съ нимъ соприкасавшихся, авторъ и пытался въ предлагаемой книгѣ подвести болѣе или менѣе полный итогъ дѣятельности и времени Грановскаго". Книга г. Вѣтринскаго и даетъ дѣйствительно добросовѣстный сводъ существующаго въ литературѣ фактическаго матеріала о жизни и дѣятельности Грановскаго, причемъ авторъ, вѣрный своему обѣщанію, особенно внимательно останавливается на оцѣнкѣ общественнаго ея значенія. Точка зрѣнія, съ которой онъ производитъ эту оцѣнку, и выводы, къ которымъ онъ приходитъ, не отличаются значительно отъ наиболѣе распространенныхъ въ этомъ отношеніи въ литературѣ взглядовъ. Для характеристики того и другого мы позволимъ себѣ выписать заключительный выводъ автора. „Признаніе Грановскимъ роли личности въ исторической и общественной жизни, защита интересовъ и самостоятельности науки и литературы предъ обществомъ и властями противъ нападокъ со стороны невѣжественныхъ защитниковъ тогдашняго status quo, признаніе необходимости для Россіи подвергнуться культурно-общественному вліянію западно-европейской жизни, науки и литературы—все это объединяло Грановскаго съ другими западниками. Но онъ и самъ внесъ не мало въ развитіе западническихъ идей. Какъ и Герценъ, онъ протестовалъ противъ односторонняго пониманія гегелевской философіи и наравнѣ съ нимъ содѣйствовалъ повороту мысли Бѣлинскаго съ друзьями отъ абстракцій къ реальнымъ жизненнымъ явленіямъ. Онъ первый заявилъ съ каѳедры предъ обществомъ цѣльное міровоззрѣніе, которое къ дѣйствительности предъявляло требованіе весьма существенныхъ измѣненій. Въ то время, когда славянофилы сами еще плохо раздѣляли свои взгляды отъ реакціонныхъ стремленій оффиціальной народности, Грановскій, неустанно борясь съ этими стремленіями, по достоинству оцѣнилъ демократическую сторону славянофильской идеи народности; хотя это и было сдѣлано лишь въ тѣсномъ кругѣ друзей, но новый взглядъ на задачи запад-

ничества не прошелъ не замѣченнымъ, а былъ на лету подхваченъ и развитъ другими. Втеченіе 16 лѣтъ Грановскій былъ профессоромъ и успѣлъ создать за это время — болѣе, чѣмъ кто бы то ни было другой—прочныя традиціи въ профессорской средѣ". Ко всему, высказанному авторомъ въ этихъ строкахъ, мы можемъ только вполнѣ присоединиться, но вмѣстѣ должны отмѣтить, что его взгляды страдаютъ нѣкоторой неопредѣленностью, подчасъ достигающей довольно сильной степени. Такъ, по словамъ автора въ его предисловіи, „тотъ взглядъ на Западъ, котораго держался Грановскій, съ друзьями и съ такими друзьями-врагами, какими были такъ называемые славянофилы, получаетъ теперь громкое оправданіе", благодаря „недавнимъ парижскимъ событіямъ" (V—VI). Какъ будто, въ самомъ дѣлѣ, западники сороковыхъ годовъ мечтали о дипломатическихъ союзахъ или какъ будто въ ту эпоху у насъ не было союза съ Пруссіей и Австріей? Не говоримъ уже о томъ, что взгляды славянофиловъ и западниковъ на Западъ вовсе не были тожественны. Авторъ плохо уяснилъ себѣ далѣе философскую подкладку обоихъ этихъ направленій, равно какъ и отношеніе самого Грановскаго въ его ученой дѣятельности къ гегеліанской философіи. Между прочимъ, придавая слишкомъ буквальное и ограниченное толкованіе словамъ Станкевича въ одномъ изъ его писемъ къ Грановскому („люби исторію, какъ поэзію, прежде нежели ты свяжешь ее съ идеею"), онъ выставляетъ Станкевича учителемъ Грановскаго не въ философскомъ, а въ поэтическомъ взглядѣ на исторію (21, 29). Вообще страницы книги, посвященныя передачѣ научныхъ воззрѣній Грановскаго, наименѣе удачны въ ней. Авторъ считаетъ здѣсь возможнымъ между прочимъ повторить возраженіе г. А. Станкевича проф. Карѣеву, будто Грановскій вполнѣ сознавалъ важность экономической стороны исторіи, хотя для всякаго, знакомаго съ сочиненіями Грановскаго и помнящаго, что онъ признавалъ важность политической экономіи при занятіяхъ исторіей послѣднихъ трехъ вѣковъ, ясно, что въ этомъ случаѣ ревность ученика въ защитѣ славы учителя зашла слишкомъ далеко. Гораздо лучше у г. Вѣтринскаго изложеніе жизни Грановскаго, окружавшей его общественной обстановки и его собственной дѣятельности на общественномъ поприщѣ. Къ сожалѣнію только, авторъ порою загромождаетъ эту часть своего изложенія мало относящимися, а то и вовсе не относящимися къ его темѣ анекдотическими эпизодами, вродѣ, напримѣръ, стиховъ Воейкова и Шаликова, приведенныхъ на томъ основаніи, что Грановскій въ ранней юности писалъ стихи (3) и т. п. Иногда же авторъ и здѣсь высказываетъ по частнымъ поводамъ нѣсколько неожиданные взгляды, ставя, на-

примѣръ, „Педанта“ Бѣлинскаго наравнѣ съ его письмомъ къ Гоголю изъ Зальцбрунна „примѣромъ энергіи, съ какою умѣлъ писать Бѣлинскій, когда былъ задѣтъ за живое“ (160), или объясняя первенство Грановскаго передъ Герценомъ въ кружкѣ московскихъ западниковъ, „обидчивостью русскихъ людей“, не позволявшей имъ подчиниться „болѣе рѣзко выраженной личности“ (163). Минуя другія подобныя частности, отмѣтимъ еще, что г. Вѣтринскій врядъ-ли вполнѣ правъ, объясняя извѣстный разрывъ Грановскаго съ Герценомъ въ 1847 г. исключительно „одуряющимъ дѣйствіемъ отсутствія живого практическаго дѣла“ (239; ср. 236, 247); присутствіе такого дѣла врядъ-ли могло бы отвратить совершенно такой разрывъ, подготовленный всѣмъ развитіемъ идей западническаго кружка. Неправъ, на нашъ взглядъ, г. Вѣтринскій и въ томъ, что онъ, слѣдуя г. Станкевичу, изображаетъ этотъ разрывъ друзей, какъ „больное мѣсто всей ихъ жизни“ (250), и упускаетъ изъ виду прямо противорѣчащее этому свидѣтельство автора „Былого и Думъ“. Во всякомъ случаѣ читатель книги г. Вѣтринскаго извлечетъ изъ нея живое, хотя и не всегда полное представленіе какъ о самомъ Грановскомъ, такъ и о тѣхъ общественныхъ кругахъ, въ которыхъ совершалась его дѣятельность.

Заканчивая свой отчетъ о книгѣ г. Вѣтринскаго, мы хотѣли бы прибавить къ нему два слова по поводу одного отзыва о ней, ранѣе появившагося въ печати. Когда наступила сорокалѣтняя годовщина смерти Грановскаго, наша такъ называемая охранительная печать воспользовалась ею, чтобы попытаться связать имя покойнаго съ своими стремленіями и попрекнуть современныхъ либераловъ умѣренностью Грановскаго. Нѣчто подобное попытался произвести въ послѣднее время одинъ изъ людей, вооружающихся противъ „пошлаго реакціоннаго подобострастія, которое подъ знаменемъ патріотизма возводитъ въ идеалъ древне-русское холопство“. На страницахъ „Вопросовъ философіи и психологіи“, откуда мы взяли выписанныя слова, г. Чичеринъ помѣстилъ подъ видомъ рецензіи на книгу г. Вѣтринскаго статью, полную выходокъ противъ людей, уже сошедшихъ съ жизненной сцены, и противъ направленій въ современной жизни, ему несимпатичныхъ. Указывая нѣкоторые частные недостатки книги г. Вѣтринскаго, онъ объясняетъ ихъ тѣмъ, что усвоенная авторомъ „точка зрѣнія современности до такой степени узка и одностороння, что настоящаго пониманія (личности и взглядовъ Грановскаго) она не даетъ“. Поэтому г. Чичеринъ въ качествѣ человѣка, „близко стоявшаго къ Грановскому“, берется возстанввить „истинное его значеніе“ (Вопросы философіи и психолологіи. 1897, I, 2). Его особенно оскорбляетъ

то, что г. Вѣтринскій при разсказѣ о разрывѣ Грановскаго съ Герценомъ говоритъ о непослѣдовательности перваго. По мнѣнію г. Чичерина, „послѣдовательность Герцена была только односторонностью“ (7), происшедшей отъ того, что онъ послѣдовалъ за нѣмецкими, впрочемъ, невысокаго качества, мыслителями, которые пролагали уклонившійся отъ Гегеля путь“. Но къ Герцену и Бѣлинскому г. Чичеринъ еще милостивъ, признавая все же за ними и знанія, и философскую школу. „Позднѣйшіе же писатели этого направленія,—говоритъ онъ—Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ и другіе не имѣли уже никакой философской школы. Имъ равно чужды были и философія, и эстетика, и даже всякое серьезное знаніе“ (8). Далѣе ученый авторъ, играя словомъ свобода, отожествляетъ свободу воли съ гражданской свободой, заявляетъ, что безъ первой „нѣтъ причины, почему бы съ человѣкомъ не позволено было обращаться, какъ съ вьючнымъ скотомъ“, и скорбитъ о появленіи соціалъ-демократіи, которая, по его истолкованію, стремится „къ ограбленію имущихъ въ пользу неимущихъ“ (12). Минуемъ философскіе взгляды г. Чичерина, слишкомъ блестящіе и глубокіе, чтобы подвергать ихъ разбору. Взгляды бываютъ всякіе, но въ литературѣ ихъ обыкновенно выражаютъ съ извѣстной долей приличія. Между тѣмъ — скажемъ прямо—мы давно уже не видѣли въ сколько нибудь приличныхъ журналахъ такой беззастѣнчивой пляски надъ могилами, какую совершаетъ эксъ-профессоръ московскаго университета. Съ г. Чичеринымъ разговаривать не приходится. Онъ, очевидно, все забылъ и не предполагаетъ памяти ни у кого другого, забылъ до такой степени, что, аргументируя противъ непріятныхъ ему направленій авторитетомъ Грановскаго, который „съ горечью отвернулся бы отъ этихъ прискорбныхъ явленій“, и почти одновременно хвалясь своимъ образомъ дѣйствій въ 1861 г., когда имъ былъ данъ отпоръ „расходившимся студентамъ“, не помнитъ, какъ поступилъ въ свое время Грановскій, не отвертывавшійся отъ Герцена, съ Григорьевымъ, даже бывшимъ его другомъ. Но, обращаясь къ редакціи „Вопросовъ философіи и психологіи“ желающей, какъ извѣстно, сохранять ученое безпристрастіе по отношенію къ различнымъ направленіямъ, мы спросимъ ее. не обратилось-ли уже оно въ то, говоря словами Грановскаго, „позорное и недостойное ученаго безпристрастіе, въ которомъ видно только отсутствіе участія къ предмету разсказа“?

Г. Геттнеръ. Исторія всеобщей литературы XVIII вѣка. Томъ I. Англійская литература (1660—1670). Переводъ А. Н. Пыпина (Культурно-историческая библіотека О. Н. Поповой). Изданіе второе. СПБ. 1897.

Классическій трудъ нѣмецкаго историка литературы выдержалъ на его родинѣ уже пять изданій и, несмотря на то, что съ появленія его 1-го тома прошло больше сорока лѣтъ, не замѣненъ новымъ сочиненіемъ тождественнаго содержанія. Второе изданіе у насъ тома, посвященнаго англійской литературѣ, тѣмъ болѣе пріятно. что даетъ надежду, что на этотъ разъ изданіе перевода, ограничивавшееся до сихъ поръ первой половиной сочиненія Геттнера, будетъ закончено. Широкій успѣхъ книги Геттнера объясняется въ равной мѣрѣ, какъ достоинствами выполненія, такъ и самымъ замысломъ автора идти не только къ спеціалистамъ, но и къ большому кругу среднихъ читателей, которые должны были въ его изслѣдованіи получить обширный и общедоступный матеріалъ для общаго образованія. Въ связи съ этимъ ему пришлось раздвинуть опредѣленіе исторіи литературы до тѣхъ предѣловъ, которые въ наше время признаны слишкомъ широкими. Онъ понималъ подъ исторіей литературы „не исторію книгъ, но исторію идей и ихъ научныхъ и художественныхъ формъ“.

Не трудно замѣтить, что такое многообъемлющее содержаніе науки исторіи литературы лишаетъ ее опредѣленности, а предметы научнаго изслѣдованія—того порядка въ распредѣленіи, который служитъ первымъ шагомъ къ ясной и прочной систематизаціи. Исторія идей есть именно исторія идей: ни больше, ни меньше. Есть идеи, которыя, будучи органически связаны съ общимъ ходомъ духовнаго развитія, чрезвычайно важны для его объясненія и, однако, не нашли себѣ выраженія въ литературѣ. Исключая ихъ изъ изслѣдованія, мы лишаемъ его необходимой полноты и сообщаемъ его содержанію случайный характеръ. Вводя ихъ въ исторію литературы, мы дойдемъ до того же, до чего дошелъ Геттнеръ, которому въ исторіи литературы пришлось говорить не только объ эстетической теоріи Гогарта, но и о его рисункахъ, а въ связи съ этимъ и вообще объ англійской живописи, о Рейнольдсѣ и Генсборо. Съ другой стороны, почему въ „исторію идей“ не ввести всю исторію наукъ и въ исторіи литературы не говорить объ исторіи математическихъ идей? Это произвольное и неудобное расширеніе предѣловъ науки давно уже вызвало въ Германіи умѣряющее движеніе, которое, не шутя, формулируетъ задачу исторіи литературы въ шутливомъ опредѣленіи: „Die Litteraturgeschichte ist eine Geschichte der Litteratur“. Другое дѣло — вторая половина опредѣленія Геттнера. Исторія преемственнаго развитія научныхъ и художественныхъ—надо прибавить словесныхъ—формъ, въ которыхъ

находили себѣ выраженіе руководящія идеи, можетъ, конечно, составить содержаніе исторіи литературы.

Но, не говоря ужъ объ упомянутомъ желаніи автора дать своей книгѣ возможно болѣе широкія рамки, онъ былъ, пожалуй, правъ и съ точки зрѣнія своего историческаго положенія. Взглядъ на исторію литературы, какъ на „исторію книгъ“ былъ господствующимъ, и реакція противъ этой точки зрѣнія вполнѣ законна. Если ужъ выбирать между двухъ крайностей, то, конечно, лучше остановиться на „исторіи идей“, чѣмъ видѣть въ исторіи литературы „хронологически расположенное собраніе свѣдѣній о писателяхъ и ихъ произведеніяхъ, съ характеристикою первыхъ и эстетической оцѣнкой послѣднихъ“. Къ тому же трудъ Геттнера былъ чуть не первымъ опытомъ дѣйствительно всеобщей исторіи литературы. Только тотъ, кто прошелъ нѣмецкую философскую и историческую школу, могъ задумать и осуществить опытъ изложенія литературной исторіи вѣка просвѣщенія не въ видѣ апріорнаго построенія, но въ видѣ подробнаго фактическаго изученія взаимодѣйствія европейскихъ народовъ въ великой борьбѣ за новыя формы мысли. До Геттнера, если не считать попытокъ Вильмена, который, по незнанію нѣмецкаго языка, оставилъ въ сторонѣ нѣмецкую литературу, и Шлоссера, который сообразно съ общимъ планомъ своей „Исторіи XVIII столѣтія“ долженъ былъ дать меньше мѣста литературнымъ, чѣмъ политическимъ событіямъ, были только національныя исторіи литературы, гдѣ развитіе словесности отдѣльнаго народа разсматривалось какъ обособленное цѣлое. Геттнеръ первый далъ изложеніе этой исторіи съ точки зрѣнія взаимодѣйствія идей и, естественнымъ образомъ, занялся именно исторіей идей въ ту эпоху, когда взаимодѣйствіе это проявилось наиболѣе яркимъ образомъ. Сравненіе исторіи науки съ обширной фугой, гдѣ голоса народовъ вступаютъ только одинъ за другимъ, кажется ему особенно мѣткимъ именно относительно литературы послѣднихъ столѣтій. „Три великіе культурные народа подаютъ свои голоса одинъ за другимъ; одинъ народъ продолжаетъ тему, гдѣ ее оставляетъ другой, и всѣ три проникнуты до такой степени согласнымъ общимъ основнымъ тономъ, что истинно жизненная мысль нигдѣ не высказывалась безъ того, чтобы не сдѣлаться тотчасъ-же общимъ достояніемъ всего образованнаго міра“.

Умственное движеніе въ Англіи конца XVIII вѣка является исходной точкой этого могучаго и еще не законченнаго переворота; шеститомный трудъ Геттнера начинается съ имени автора „величайшаго произведенія человѣческаго духа“— Ньютона. Три момента выступаютъ особенно ясно въ англійской научной литературѣ этого времени: во первыхъ, перево-

ротъ въ механическомъ естествознаніи, вслѣдствіе открытія закона всеобщаго тяготѣнія; культурно-историческую сторону этого открытія авторъ считаетъ важнѣе чисто астрономической стороны. „Передъ нами, говоритъ онъ, стоитъ міръ безъ чудесъ и произвола, безъ цѣли и намѣренія, въ своихъ кружащихся путяхъ находящійся въ самомъ себѣ и сохраняющійся самъ собой; міръ разума и истины, міръ вѣчной, мирно правящей законности. Здѣсь въ первый разъ изъ фантастическаго міра воображенія человѣкъ переходитъ въ дѣйствительность природы". Въ связи съ этимъ прогрессомъ естествознанія находится второй моментъ этого умственнаго кризиса: начала деизма, ставшія, съ паденіемъ Іакова II и развитіемъ свободы слова, достояніемъ многочисленныхъ адептовъ новыхъ идей Гукера, Чиллингворта и Блонта. Наконецъ, кризисъ касается также политическихъ воззрѣній. Книга Сидни о формѣ правленія разбиваетъ софистику сочиненія Фильмера „Патріархъ, или естественная власть королей" (1680), а ходъ событій довершилъ то, чего не договорила логика; Геттнеръ цитируетъ слова Маколея: „система Фильмера могла бы выдержать нападеніе противниковъ, но она никогда не оправилась бы отъ того смертельнаго удара, который нанесъ ей Іаковъ II". Между тѣмъ въ изящной литературѣ происходитъ обратное движеніе; порвавъ связь съ живымъ духомъ народнаго творчества, послѣднимъ отраженіемъ котораго было гигантское явленіе Шекспира, поэзія—въ противоположность самобытности англійской науки—подпадаетъ подъ вліяніе французской манерности, изъ подъ которой высвобождается лишь гораздо позже — въ нравоучительномъ семейномъ романѣ, мѣщанской драмѣ и лирикѣ Борнса.

Таковы первые слабые симптомы великой борьбы новаго просвѣщенія. Еще и теперь не потеряли значенія слова автора, сказанныя имъ почти полъ-вѣка тому назадъ: мы стоимъ среди этой борьбы. „Одни стараются самостоятельно развить руководящія идеи этой борьбы, уничтожить замѣченныя ошибки и односторонности и вѣкъ свободнаго просвѣщенія сдѣлать вѣкомъ всеобщаго, проникающаго всѣ слои, полнаго и цѣльнаго образованія; другіе живѣе, чѣмъ когда нибудь, стараются подвергнуть сомнѣнію самыя основанія и право этой борьбы и воротить назадъ на цѣлыя столѣтія стремящуюся впередъ исторію. На чью сторону ни упадетъ жребій, эта богатая послѣдствіями борьба останется одной изъ замѣчательнѣйшихъ эпохъ человѣческаго духа; и задача — составить сколь возможно наглядную картину ея хода и характера — всегда будетъ столько же важна, сколько и привлекательна для историческаго наблюденія".

Читатели знаютъ, съ какимъ успѣхомъ выполнилъ Геттнеръ эту почетную задачу.

Г. Брандесъ. Литературные портреты. Переводъ съ нѣмецкаго. Изданіе I. Юровскаго. Спб. 1896.

Книги Брандеса, совмѣщающей такое заглавіе съ такимъ содержаніемъ, сколько намъ извѣстно, нѣтъ; лежащее передъ нами изданіе составлено кѣмъ-то изъ нѣсколькихъ критическихъ произведеній Брандеса различнаго объема и настолько неравнаго значенія, что едва-ли самъ Брандесъ объединилъ-бы ихъ подъ общимъ заглавіемъ. Большая монографія, посвященная Лассалю, составляетъ въ оригиналѣ отдѣльную книжку и считается одной изъ лучшихъ характеристикъ знаменитаго нѣмецкаго агитатора; незначительныя статейки о Гауптманѣ и Зудерманѣ написаны нѣсколько лѣтъ тому назадъ, когда писатели эти, создающіеся на нашихъ глазахъ, еще совсѣмъ не опредѣлились.

Брандесъ, усматривающій одно изъ главныхъ достоинствъ Гауптмана въ томъ, „что каждая новая драма означаетъ у него новую ступень", конечно, не считаетъ теперь пригодной для публики характеристику Гауптмана, гдѣ нѣтъ еще ни слова о такой „поворотной" вещи, какъ „Ганнеле". Статья о Зудерманѣ написана шесть лѣтъ тому назатъ; о книжкѣ его „Im Zwielicht" едва-ли можно говорить теперь, какъ о чемъ-то выдающемся.

Этюдъ о Лассалѣ, занимающій около трехъ четвертей книжки, будетъ прочитанъ нашей публикой съ большимъ интересомъ. Это яркая характеристика въ формѣ жизнеописанія, вполнѣ достойная эффектной фигуры Лассаля. Авторъ думаетъ при посредстсѣ этой характеристики выяснить „тотъ процессъ, путемъ котораго Германія Гегеля преобразилась въ Германію Бисмарка". Въ Лассалѣ онъ усматриваетъ одну изъ тѣхъ выдающихся индивидуальностей, которыя какъ бы самой судьбой предназначены служить посредствующимъ звеномъ между двумя эпохами. Этотъ ученикъ Гегеля былъ учителемъ Бисмарка, — „потому что, если и нельзя доказать прямого вліянія, то все же дѣйствія великаго государственнаго человѣка, какъ во внутренней, такъ и во внѣшней политикѣ, являлись въ основныхъ пунктахъ лишь осуществленіемъ программы философа-агитатора".

Брандесу, въ сущности, не удается доказать это парадоксальное положеніе, но это дѣлу не вредитъ, такъ-какъ это не является основной мыслью статьи. Такой основной мысли въ ней нѣтъ: это рядъ мѣткихъ психологическихъ замѣчаній, изъ

которыхъ, въ концѣ-концовъ, получается интересное впечатлѣніе.

Это не оцѣнка разносторонней и бурной дѣятельности Лассаля—критикъ не считаетъ себя настолько компетентнымъ въ разнообразныхъ отрасляхъ знанія — но во всей этой дѣятельности нѣтъ ни одного значительнаго момента, который не былъ-бы объясненъ психологически и исторически; нѣтъ выдающейся черты въ научномъ, литературномъ и организаторскомъ творчествѣ Лассаля, которая не была-бы сведена къ тѣмъ или другимъ свойствамъ его богатой и противорѣчивой натуры. Въ этомъ смыслѣ особенно интересенъ анализъ книги Лассаля о философіи Гераклита Темнаго. Читатель, который склоненъ былъ удивиться тому обстоятельству, что практическій дѣятель потратилъ значительную часть своей юности на изученіе мало извѣстнаго греческаго философа,—начинаетъ понимать, что этотъ философъ „не только по логическимъ задаткамъ ума и стремленію къ діалектикѣ, но и по своей этикѣ съ ея культомъ государства и самопожертвованіемъ ради общаго, даже по своимъ личнымъ свойствамъ, порокамъ и добродѣтелямъ, замѣчательно напоминаетъ молодого почитателя своего...“ То же самое можно сказать и о „Системѣ пріобрѣтенныхъ правъ“. Это строго-теоретическое изслѣдованіе ни однимъ словомъ не говоритъ о проведеніи въ жизнь теорій, развиваемыхъ въ немъ; мало того: Лассаль не дѣлалъ даже попытокъ агитировать среди своей партіи за практическое осуществленіе какой либо изъ этихъ теорій. Но для того, кто ближе знакомъ съ его дѣятельностью, ясно, что въ основѣ ея лежала та-же мысль, которую онъ одинъ разъ прямо выражаетъ въ своей книгѣ: „болѣе строгое пониманіе идеи государства есть источникъ, изъ котораго исходитъ и впредь будетъ исходить весь прогрессъ нашего столѣтія“. Равнымъ образомъ — чего и слѣдовало ожидать — его драма „Францъ фонъ-Закингенъ“ проникнута тѣми политическими, то-есть практическими принципами, которыми жилъ ея авторъ. Этотъ глубокій теоретикъ жилъ практической дѣятельностью; онъ былъ прежде всего боецъ, дѣятель, агитаторъ. „Это слово какъ будто для него создано“,—замѣчаетъ Брандесъ, и превосходной характеристикой истиннаго агитатора подготовляетъ читателя къ пониманію самой выдающейся черты въ личности Лассаля. Агитаторъ—это тотъ, кто умѣетъ „наполнить мертвыя массы жизнью своего духа“, одушевлять ихъ и въ то же время руководить ими, возбуждать и сдерживать, направлять по своему желанію; сущность такого—самаго рѣдкаго—дарованія заключается въ выдающейся силѣ воли. Съ этой точки зрѣнія Ф. А. Ланге чрезвычайно вѣрно замѣтилъ о Лассалѣ, что „юридическій матеріалъ его главнаго сочиненія, правда, разработанъ съ

необыкновенной силой, но все же разработанъ для цѣли его сочиненія". Это была задача, поставленная его волей; задача, предложенная практическимъ дѣятелемъ кабинетному ученому. „Всякое стремленіе Лассаля—остроумно замѣчаетъ Брандесъ—было „агитаторское" не въ обычномъ смыслѣ этого слова, но въ его основномъ значеніи. Въ понятіи *agitare* въ противоположность къ *agere* (дѣйствовать) заключается безпрестанное исканіе новыхъ исходныхъ пунктовъ, постоянная, неутомимая, стремительно и безпокойно возобновляемая дѣятельность. Его внѣшняя агитація была лишь конечнымъ симптомомъ той непрерывной внутренней агитаціи *), въ какой жила его воля". Воля его и погубила: она оттѣснила всѣ остальныя дарованія его и нарушила его внутреннее равновѣсіе; онъ былъ самолюбивъ даже въ томъ, что не касалось дѣла его жизни, которому онъ не могъ поэтому никогда отдаться вполнѣ. Это была „нечистая и проблематическая" сторона его характера.

Хотя Лассалю не удалось при жизни видѣть осуществленіе своихъ идей, онѣ не пали на безплодную почву. Онъ „вызвалъ такое умственное движеніе и намѣтилъ такія задачи, надъ разрѣшеніемъ которыхъ будутъ еще мучаться правнуки нынѣшняго поколѣнія; въ этомъ отношеніи онъ—человѣкъ не только настоящаго, но и будущаго". Оригинальность его личности не нуждается въ искусственномъ освѣщеніи, чтобы выступить во всемъ своемъ исключительномъ психологическомъ интересѣ.

Жаль, что блестящій этюдъ Брандеса появляется въ первый разъ предъ русской публикой въ довольно непригляднымъ видѣ. Сборникъ—гдѣ отмѣтимъ еще интересный очеркъ о Бёрне—изданъ неопрятно; переводъ читается довольно гладко, но съ подлинникомъ мы его не сличали, а судя по нѣкоторымъ перламъ, точности здѣсь ожидать трудно. Есть у переводчика какой-то „прелюбодѣйный романъ", есть Шлезія (Силезія?) и даже „гражданская стража" (вѣрно, Bürger wehr, то есть національная гвардія?). Онъ сообщаетъ также, что Бисмарку при первомъ-же свиданіи доставилъ большое удовольствіе *нравъ* Лассаля. Предполагаемъ, что въ подлинникѣ стояло слово Sitte, которое можетъ значить не только *нравъ*, но и *манеры*.

---

*) Въ русскомъ языкѣ для выраженія этого понятія есть другая, правда, вульгарная, но употребительная форма того-же слова: ажитація.

Вильгельмъ Вундтъ. Очеркъ психологіи. Съ разрѣшенія автора перевелъ Д. В. Викторовъ подъ редакціей, съ предисловіемъ и примѣчаніями проф. Н. Я. Грота. Изданіе Московскаго Психологическаго Общества. М. 1897. Ц. 1 р. 40 к.

В. Вундтъ. Очеркъ психологіи. Перевелъ съ нѣмецкаго Г. А. Паперна. Изданіе Ф. Павленкова. СПБ. 1897. Ц. 75. к.

Извѣстно, что Вундтъ ранѣе уже издалъ два сочиненія по психологіи. Поэтому интересно прежде всего уяснить, какъ относится этотъ новый трудъ знаменитаго психолога къ его предыдущимъ работамъ. Самъ авторъ опредѣляетъ это отношеніе слѣдующимъ образомъ. „Такъ какъ „Основанія физіологической психологіи" задаются цѣлью сдѣлать пригодными для психологіи вспомогательныя средства естественно-научной, въ особенности физіологической обработки, и изложить критически экспериментальную психологическую методику, которая выработалась за послѣдвія десятилѣтія, вмѣстѣ съ ея главными выводами, то эта особенная задача привела къ необходимости отодвинуть сравнительно на задній планъ общія психологическія точки зрѣнія. Второе-же, вновь обработанное изданіе „Лекцій о душѣ человѣка и животныхъ" (первое изданіе въ настоящее время давно устарѣло) старается дать въ болѣе популярной формѣ представленіе о сущности и цѣли экспериментальной психологіи, для того, чтобы затѣмъ разсмотрѣть съ точки зрѣнія послѣдней такіе психологическіе вопросы, которые въ то же время имѣютъ и болѣе общее философское значеніе. Если, такимъ образомъ, точка зрѣнія моего обсужденія этихъ вопросовъ въ „Основаніяхъ" опредѣлялась главнымъ образомъ отношеніями къ физіологіи, а въ „Лекціяхъ"—философскими интересами, то настоящій очеркъ задается цѣлью — представить психологію въ ея собственной внутренней связи, и въ томъ систематическомъ порядкѣ, котораго, по моему мнѣнію, требуетъ природа предмета, при условіи ограниченія вмѣстѣ съ тѣмъ лишь самымъ важнымъ и существеннымъ".

Такимъ образомъ, новый трудъ Вундта является не только краткимъ изложеніемъ идей автора, не только учебникомъ психологіи, но также и новой обработкой сюжета и, притомъ, такой обработкой, въ которой психологія изучается авторомъ впервые „въ ея собственной внутренней связи", а не въ ея отношеніи къ физіологіи или философіи.

Мы вполнѣ согласны съ проф. Гротомъ, который заявляетъ (стр. V), что „Вундтъ въ настоящее время несомнѣнно самый крупный во всемъ мірѣ авторитетъ" въ области психогіи (мы прибавили-бы только слова: „вмѣстѣ съ Бэномъ"), поэтому появленіе трактата, въ которомъ психологія изучается имъ „въ ея собственной внутренней связи", нельзя не считать важнымъ событіемъ въ психологической литературѣ.

Книга начинается очень интереснымъ и важнымъ „введеніемъ“, которое сразу дозволяетъ читателю оріентироваться въ сложныхъ и трудныхъ вопросахъ психологіи. „Два опредѣленія (говоритъ авторъ, стр. 6, по московскому изданію) понятія психологіи преобладаютъ въ исторіи этой науки. Согласно съ однимъ, психологія есть „наука о душѣ“... Согласно съ другимъ опредѣленіемъ психологія есть „наука внутренняго опыта“. По мнѣнію автора (стр. 6), „ни одно изъ этихъ опредѣленій не удовлетворяетъ современной точкѣ зрѣнія. Первое, метафизическое, соотвѣтствуетъ тому состоянію, которое для психологіи продолжалось долѣе, чѣмъ для другихъ областей знанія, но которое и для нея прошло окончательно... Второе „эмпирическое опредѣленіе, которое видитъ въ психологіи „науку внутренняго опыта“, недостаточно потому, что можетъ возбудить недоразумѣніе, будто этому опыту приходится имѣть дѣло съ предметами совершенно отличными отъ объектовъ такъ называемаго „внѣшняго опыта“. Хотя и справедливо, что существуютъ такіе предметы опыта, которые подлежатъ психологическому изслѣдованію и въ то же время не встрѣчаются среди объектовъ и процессовъ того опыта, которымъ занимается естествознаніе, какъ то: наши чувства, аффекты, рѣшенія воли—однако, не существуетъ ни одного явленія природы, которое съ измѣненной точки зрѣнія не могло-бы служить предметомъ также и психологическаго изслѣдованія... Поэтому вообще не существуетъ „внутренняго чувства“, которое, какъ органъ психическаго воспріятія, можно было-бы противопоставить внѣшнимъ чувствамъ, какъ орудіямъ познанія природы“. „Выраженія: „внѣшній и внутренній опытъ“ отличаютъ не различные объекты, но различныя точки зрѣнія“ (стр. 6 — 7). „Всякій опытъ непосредственно распадается на *два фактора: на содержаніе*, которое намъ дается, и на наше *воспріятіе* этого содержанія. Мы обозначаемъ первый изъ этихъ факторовъ именемъ *объектовъ* опыта, второй называемъ *испытующимъ субъектомъ*. Отсюда два направленія въ обработкѣ опыта. Первое есть направленіе естествознанія: оно разсматриваетъ объекты опыта въ ихъ свойствахъ, мыслимыхъ независимо отъ субъекта. Другое—направленіе психологіи: оно изслѣдуетъ все содержаніе опыта въ его отношеніяхъ къ субъекту и въ тѣхъ свойствахъ, которыя онъ непосредственно сообщаетъ этому содержанію. Поэтому точку зрѣнія естествознанія... можно назвать точкой зрѣнія *опосредствованнаго опыта*, а... точку зрѣнія психологіи... точкой зрѣнія *непосредственнаго опыта*“ (стр. 7).

Можно считать не особенно удачнымъ терминъ: „непосредственный опытъ“, потому что, строго говоря, всякій опытъ есть непосредственный опытъ, такъ что понятіе „посред-

-ственнаго, или опосредствованнаго“ опыта, въ сущности, понятіе противорѣчивое. Однако мысль Вундта совершенно вѣрна. Онъ энергически подчеркиваетъ то обстоятельство, что точка зрѣнія естествознанія „становится возможной только благодаря отвлеченію отъ субъективнаго фактора, который содержится во всякомъ дѣйствительномъ опытѣ“ (стр. 7).

Вообще, «руководящія начала основного психологическаго воззрѣнія“ сводятся авторомъ (стр. 21) къ тремъ положеніямъ: „1) Внутренній или психологическій опытъ не составляетъ особой области опыта рядомъ съ другими: это—вообще *непосредственный опытъ*. 2) Этотъ непосредственный опытъ представляетъ не покоющееся содержаніе, *но связь процессовъ*; онъ состоитъ не изъ объектовъ, но изъ *процессовъ*, именно изъ того, что обязательно *переживаютъ всѣ люди*, и изъ закономѣрныхъ отношеній этихъ процессовъ. 3) Всякій такой процессъ имѣетъ, съ одной стороны, *объективное содержаніе*, съ другой—представляетъ *субъективное событіе* и заключаетъ въ себѣ такимъ образомъ общія условія всякаго познанія и всякой практической дѣятельности человѣка“.

Таковы „руководящія начала“ психологіи Вундта. Что касается самого содержанія этой психологіи, то оно, согласно автору, распадается на слѣдующіе отдѣлы: 1) Психическіе элементы; 2) психическія образованія; 3) сочетанія психическихъ образованій; 4) продукты психическаго развитія; 5) психическая причинность и ея законы.

Въ отдѣлѣ: „Психическіе элементы“ авторъ разсматриваетъ ощущенія и простыя чувствованія. Подъ „психическими образованіями“ онъ понимаетъ „всякую сложную составную часть нашего непосредственнаго опыта, которая такъ отграничивается опредѣленными признаками отъ остального содержанія его, что воспринимается какъ относительно самостоятельная единица и обозначается особеннымъ именемъ“ (стр. 108). Эти „психическіе образованія“ дѣлятся на два основные класса: „представленія“ и „душевныя движенія“. Въ отдѣлѣ: „сочетаніе психическихъ образованій“ разсматриваются: „сознаніе и вниманіе“, „ассоціаціи“ и „апперцепціонныя соединенія“. Подъ „продуктами психическаго развитія“ авторъ понимаетъ языкъ, миѳъ и обычаи. Наконецъ, въ отдѣлѣ: „психическая причинность и ея законы“ разсматривается „понятіе души“, „психологическіе законы отношеній“ и „психологическіе законы развитія“.

Какъ видно изъ заголовка нашего отчета, сочиненіе Вундта появилось по-русски почти одновременно въ двухъ переводахъ. Оба эти перевода слѣдуетъ считать вполнѣ удовлетворительными, однако, вообще говоря, московское изданіе въ большинствѣ случаевъ переводитъ на русскій языкъ термины подлин-

ника удачнѣе петербургскаго изданія, хотя г. Паперну (переводчикъ петербургскаго изданія), по нашему мнѣнію, можно сдѣлать только одно дѣйствительно серьезное замѣчаніе: онъ недостаточно разграничиваетъ термины „чувствованіе" и „чувство". Такъ, мы читаемъ въ его переводѣ (стр. 24): „Даже теперь еще физіологія называетъ нѣкоторыя ощущенія, — а именно осязательныя и исходящія изъ внутреннихъ органовъ— чувствованіями". Нельзя не признать, что это мѣсто передано московскими переводчиками (гг. Викторовымъ и Гротомъ) гораздо удачнѣе, а именно (стр. 45): „и въ настоящее время нѣкоторыя ощущенія, именно осязательныя и ощущенія внутреннихъ органовъ, называются физіологами—чувствами (Gefühle), а потому и самое осязаніе (Tastsinn)—„чувствомъ осязанія" (Gefühlssinn)". Въ переводѣ г. Паперна встрѣчаются также небольшіе пропуски. Вообще говоря, московское изданіе, будучи почти вдвое дороже, издано роскошнѣе (381 страницы, вмѣсто 220 страницъ петерб. изданія) и переводъ сдѣланъ нѣсколько лучше.

Къ московскому изданію приложена также большая вступительная статья проф. Грота: „Основанія экспериментальной психологіи". Это перепечатка брошюры, разобранной нами въ № 8 „Русск. Бог." за 1896 годъ.

М. А. Литвиновъ. Исторія крѣпостного права въ Россіи. (Общеполезная библіотека для самообразованія, изданіе М. В. Клюкина). М. 1897.

Слово самообразованіе за послѣдніе годы стало въ нашей литературѣ широкораспространеннымъ, пожалуй, даже можно сказать, моднымъ словомъ. Въ интересахъ самообразованія составляются программы чтенія, издаются журналы, печатаются отдѣльныя книги и цѣлыя серіи ихъ. Всему этому можно только сочувствовать, такъ какъ литература удовлетворяетъ въ этомъ случаѣ потребности, давно обнаружившейся въ самой жизни и заслуживающей полнаго уваженія. Къ сожалѣнію, однако, не всегда умственная пища, предлагаемая ищущимъ самообразованія людямъ, оказывается вполнѣ соотвѣтствующей своему назначенію. Книга г. Литвинова является однимъ изъ рѣзкихъ примѣровъ подобнаго несоотвѣтствія, такъ что приходится пожалѣть о включеніи ея въ „Общеполезную библіотеку" г. Клюкина, которая представляетъ собою именно серію книгъ, назначенныхъ служить интересамъ самообразованія, и въ составъ которой, какъ видно изъ оглавленія, входятъ, между прочимъ, нѣкоторыя хорошія переводныя книги. Что касается работы г. Литвинова, то его книга оригинальная и отличается не столько своими достоинствами,

сколько недостатками. Дать популярное изложеніе исторіи крѣпостного права въ Россіи — задача, конечно, очень трудная, но вмѣстѣ представляющая и высокій интересъ. Г. Литвиновъ расправился съ нею такимъ простымъ способомъ, при которомъ исчезли всѣ ея трудности, но исчезъ и весь интересъ, въ ней заключавшійся. Не мудрствуя лукаво, онъ, очевидно, думаетъ, что для сочиненія популярной книжки совершенно достаточно прочесть нѣсколько книгъ и статей и изъ пятаго въ десятое пересказать ихъ содержаніе, не особенно заботясь о томъ, чтобы понять его: что нибудь ужъ выйдетъ, а что именно, читатель и самъ разберетъ; если же и не разберетъ, бѣды большой не будетъ. Такъ именно написана вся первая часть книги г. Литвинова, занимающая нѣсколько менѣе половины всего труда и посвященная собственно исторіи крѣпостного права до начала работъ надъ освобожденіемъ крестьянъ. Авторъ читалъ Соловьева, „Лекціи" Бѣляева и его же „Крестьянъ на Руси", „Очерки по исторіи русской культуры" г. Милюкова и его статью о крестьянахъ въ Энциклопедическомъ Словарѣ, „Опыты" г. Чичерина, статьи гг. Ключевскаго и Дьяконова, и еще нѣкоторыя другія работы, но, не говоря уже о томъ, что спеціальная литература предмета, очевидно, все же въ значительной мѣрѣ осталась ему неизвѣстной, и въ тѣхъ трудахъ, съ которыми онъ познакомился, онъ какъ-то миновалъ наиболѣе существенное ихъ содержаніе, хотя порою даже вносилъ выдержки изъ нихъ въ свое изложеніе. Вся первая часть его книги при такихъ условіяхъ даетъ читателю лишь безсистемно разбросанные, нерѣдко невѣрные и еще чаще не относящіеся къ главной темѣ частные факты, вставленные въ рамку удивительныхъ, подчасъ же прямо чудовищныхъ, обобщеній и очень ученыхъ словъ, на которыхъ какъ будто отразились нѣкоторыя модныя теченія послѣдниго момента, но истинный смыслъ которыхъ остается, повидимому, непроницаемой тайной для самого автора. Чтобы не быть голословными, обратимся къ самой книгѣ и возьмемъ изъ нея нѣсколько примѣровъ. На первой же страницѣ г. Литвиновъ дѣлаетъ попытку дать опредѣленіе крѣпостного права, причемъ предупреждаетъ, что „опредѣленіе такого понятія должно быть очень общаго характера, если мы не хотимъ съузиться, принять во вниманіе только одну какую нибудь нибудь эпоху и, основываясь на ея изученіи, дѣлать опредѣленіе спеціальнаго характера". Опредѣленіе, слѣдовательно, должно быть общимъ, если мы не хотимъ дѣлать его спеціальнымъ. Это не глубоко, но ясно. Пойдемъ дальше. „Итакъ, спрашиваетъ г. Литвиновъ, что же такое крѣпостное право, крѣпостная зависимость? Слово „крѣпостной", „крѣпкій" отчасти указываетъ на сущность дѣла, а именно, что одинъ

человѣкъ крѣпокъ, т. е. зависитъ отъ другого, причемъ надо добавить, что зависимость эта была экономическая и юридическая, освященная обычаемъ и закономъ" (1). Въ параллель къ этому опредѣленію поставимъ нѣсколько другихъ, которыя равнымъ образомъ могутъ свидѣтельствовать, какъ отчетливо понимаетъ и какъ ясно передаетъ г. Литвиновъ тѣ вопросы, о какихъ онъ берется говорить. „Русская Правда" есть, собственно говоря, сборникъ древнихъ законовъ" (9). „Слово: черный обозначаетъ „прочій, не принадлежащій къ извѣстному разряду лицъ", а также „общій" и „неопредѣленный". Черными людьми назывались, съ одной стороны, люди, жившіе на княжеской землѣ или состоявшіе въ частной еобственности кого либо, а съ другой — непривилегированное сословіе, если сравнивать ихъ съ боярами и служилыми людьми, и привилегированные, если сравнивать ихъ съ холопами" (18). Соха, по увѣренію г. Литвинова, въ XIII—XIV вв., представляла собой „идеальную единицу обложенія"; „позднѣе понятіе „соха" было обобщено и получило значеніе мѣры „поземельнаго капитала и промысловъ"; затѣмъ, вѣроятно, еще позднѣе, это „былъ довольно крупный поземельный участокъ, приносящій опредѣленное количество доходовъ" (28, 29, 97). Въ „судѣ Божьемъ", осуществлявшемся чрезъ поединокъ, „высказался во всей полнотѣ принципъ — „сила есть право" (36). Съ неясностью мысли авторъ соединяетъ полнѣйшее отсутствіе послѣдовательности въ изложеніи. Къ своей главной темѣ, которую онъ ведетъ изъ мрака временъ — отъ начала неравенства среди славянскихъ племенъ, онъ ежеминутно пристегиваетъ побочные эпизоды, то посвящая особую главу въ полторы странички Двинской и Бѣлозерской грамотамъ, хотя въ нихъ нѣтъ никакого отношенія къ предмету его книги, то внезапно заговоривая о расколѣ, о Преображенскомъ приказѣ или объ отношеніи народа къ Петру I, хотя во всѣхъ этихъ случаяхъ не находитъ сказать ничего, кромѣ туманныхъ и безсодержательныхъ фразъ. „Немыслимо объяснить,—говоритъ, напримѣръ онъ по поводу раскола,—быстрое распространеніе раскола недовольствомъ одною внѣшнею реформой, нужно волей-неволей допустить, что обстоятельства какъ нельзя болѣе благопріятствовали его появленію и что расколъ представилъ собой ту религіозную форму, въ которую вылились нѣкоторыя симпатіи, антипатіи и стремленія извѣстныхъ общественныхъ группъ, экономическое, а также и соціальное благосостояніе которыхъ пошатнулось" (94). Къ этому г. Литвиновъ не прибавляетъ ни слова, вѣроятно, думая, что „нѣкоторыя симпатіи извѣстныхъ группъ" уже достаточно разъяснены имъ. Преображенскій приказъ вызываетъ у автора слѣдующее глубокомысленное замѣчаніе: „исторія

этого учрежденія въ XVIII в. есть исторія крѣпостного права въ то же время" (108). Что именно заставляетъ его отожествлять немудреныя политическія дѣла, вершившіяся въ застѣнкахъ Преображенскаго приказа, съ соціальной судьбою крѣпостного, объ этомъ г. Литвиновъ умалчиваетъ, но за то на двухъ страницахъ разсказываетъ о практиковавшихся въ XVIII в. пыткахъ. Дѣлая массу подобныхъ ненужныхъ и ни къ чему не ведущихъ отступленій, авторъ совсѣмъ затериваетъ въ нихъ свою тему и, не успѣвъ хоть сколько нибудь выяснить себѣ ея содержаніе, остается совершенно безпомощнымъ передъ самыми основными ея вопросами. Если вѣрить г. Литвинову, у насъ до нашествія татаръ „черной землей называлась земля, принадлежавшая князю, какъ представителю государственной власти", и были уже помѣстья, а „подъ вліяніемъ монгольскаго завоеванія складываются новыя воззрѣнія какъ на власть князя, такъ и на его фиктивную собственность" и черными называются „всѣ земли, населенныя черными людьми" (17—18). Въ московскомъ законодательствѣ, по утвержденію же автора, „какъ и въ Русской Правдѣ, все поглощалось мыслью о капиталѣ и имущественныхъ отношеніяхъ. Капиталъ есть та фикція, которую ограждаетъ законъ, и личность имѣетъ значеніе настолько, насколько велика ея матеріальная обезпеченность" (30—31). При возникновеніи московскаго государства власть бояръ, „этихъ небольшихъ царьковъ", была стѣснена „княжескими намѣстниками, которые всегда рады были вмѣшаться въ дѣла земельной аристократіи, тѣмъ болѣе, что бояре презирали ихъ за ихъ незнатное происхожденіе". Князья однако „шли на уступки" и потому „бояре стали выразителями интересовъ князя". Дойдя до этого пункта, авторъ ставитъ внезапно вопросъ: „да и дѣйствительно, чѣмъ по существу бояринъ отличался отъ князя?" и, рѣшивъ, что ничѣмъ не отличался, продолжаетъ: „такого рода близкія отношенія, часто стѣснявшія русскихъ князей, скоро стали не нравиться имъ, и они старались уменьшить значеніе бояръ", чего и достигли при Грозномъ. И вся эта нескладица, по завѣренію автора, „должна намъ объяснить, почему судебники сохранили существенныя черты Русской Правды, которыя безъ особаго измѣненія вошли и въ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича" (40—42). Самое прикрѣпленіе крестьянства изложено авторомъ весьма неполно и сбивчиво, какъ неполна у него и характеристика положенія крестьянъ въ XVII в. Восемнадцатый же вѣкъ почти совсѣмъ отсутствуетъ въ его изложеніи: мы не узнаемъ ничего о численности крестьянъ, ни о распредѣленіи ихъ по разрядамъ, ни о способахъ помѣщичьяго хозяйства и повинностяхъ крестьянъ, ни о практикѣ помѣщичьей власти, сло-

вомъ почти ни объ одномъ изъ существенныхъ вопросовъ, входящихъ въ область крѣпостного права. Среди немногихъ фактовъ, сообщенныхъ авторомъ, не мало невѣрныхъ. Такъ, по его словамъ, Радищевъ написалъ свое „Путешествіе" „въ медовый мѣсяцъ царствованія Екатерины" (120). Вольно-Экономическое Общество предпринимало какія-то „старанія" въ крестьянскомъ вопросѣ, а присланныя на объявленный Обществомъ конкурсъ сочиненія всѣ „вносили самыя незначительныя поправки" въ крѣпостной порядокъ (120—1). И, говоря о событіяхъ XIX вѣка, авторъ не освобождается отъ привычки разсказывать столь же удивительныя вещи. Говоря о числѣ удѣльныхъ крестьянъ, авторъ опредѣляетъ его вдвое выше дѣйствительнаго (153); одною изъ причинъ освобожденія онъ ставитъ то, что помѣщикамъ вообще, и лишь въ особенности южнымъ, „не представлялось болѣе выгоднымъ отдавать крѣпостному землю въ счетъ платы за его работу" (166).

Нѣсколько лучше написана вторая часть книжки г. Литвинова, излагающая исторію крестьянской реформы 1861 года. Хотя и эта часть представляетъ изъ себя компиляцію, написанную по немногимъ трудамъ, и минуетъ многіе важные вопросы, но она, по крайней мѣрѣ, сносно написана и не такъ переполнена ошибками, благодаря чему читатель, не имѣющій подъ рукою другихъ книгъ, еще можетъ кое чѣмъ изъ нея воспользоваться. Полнаго очерка реформы искать въ ней было бы однако напрасно. Вообще же книга г. Литвинова не особенно обогатила своимъ появленіемъ нашу популярную литературу и не очень много дастъ тѣмъ читателямъ, которые обратятся къ ней, чтобы ознакомиться съ важнымъ вопросомъ, которому она посвящена.

Книги, поступившія въ редакцію.

Повѣсти и разсказы **И. Н. Потапенко**. Т. XI-ый. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897 г. Ц. 1 р.

Собраніе сочиненій **К. М. Станюковича**. 10 т. Вышли I—VI томъ. Изд. А. А. Карцева. М. 1897 г. Ц. 10 т.—15 р. Отдѣльно каждый томъ—1 р. 50 к.

Викторъ Гюго. Человѣкъ, который смѣется. Въ изложеніи А. Суворина. Изд. А. С. Суворина (Деш. Библ. № 122) Спб. 1896 г. Ц. 20 к.

Эсхилъ. Орестія. Трилогія: Вып. первый. Агамемнонъ. Съ греч.

перевелъ В. Алексѣевъ. Изд. А. С. Суворина. (Деш. Библ. № 194) Спб. Ц. 20 к.

То-же. Вып. второй. Хоэфоры. Съ греч. перевелъ В. Алексѣевъ. Изд. А. С. Суворина (Деш. Библ. № 195) Спб. Ц. 15 к.

Пѣсня про царя Ивана Васильевича. Сочиненіе **М. Ю. Лермонтова.** Изд. А. С. Суворина. Спб. 1897 г.

Волшебный міръ. Сказки **Перро.** Переводъ Ек. Урсыновичъ. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Воспоминанія объ Іоаннѣ дАркъ ея пажа и секретаря Луи де-Конта. Извлекъ изъ древнихъ архивовъ Франціи и издалъ **Маркъ Твэнъ.** Переводъ съ англійскаго А. Г. Изд. А. С. Суворина, 2 тома. Спб. 1897 г. Ц. за два тома 3 р.

К. Тавастшерна. Мать и сынъ. Романъ изъ жизни финскихъ крестьянъ. Переводъ со шведскаго В. Фирсова. Спб. 1897 г. Ц. 80 к.

Житейскія невзгоды. **Сборникъ.** Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1897 г. Ц. 10 к.

Рождественскіе разсказы. Новая серія разсказовъ подъ ред. **В. Вах—ва.** Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1897 г.

Деревенскіе разсказы. **Сборникъ.** Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1897 г.

Жизнь—любовь. Сборникъ первый. Составилъ **Н. Кабановъ.** Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1896 г. Ц. 30 к.

Двѣ легенды. **Н. Г. Вучетича.** Изд. Южно-Рус. Общ. Печатнаго Дѣла («Дѣтская библіотека» Н. Г. Вучетича). Одесса 1897 г. Ц. 15 к.

Марсель Прево. Тайный садъ. Романъ. Изд. ред. журнала „Читатель". М. 1897 г. Ц. 50 к.

Украински спováданя **Олексы Стороженко.** У двохъ частяхъ. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1897 г. Ц. 2 р.

Рождественскіе **разсказы.** „Степного края". Омскъ. 1897 г. Ц. 20 к.

Н. А. Лейкинъ. Записки Полкана. Повѣсть изъ собачьей жизни. Спб. 1897 Ц. 60 к.

Арсеній Г. Особый міръ. Повѣсть. Изд. Т-ва И. Д. Сытина. М. 1897 г. Ц. 75 к.

Мозгъ и душа. **П. Флексига.** Переводъ съ нѣм. Н. Березина. Изд. ред. журнала „Образованіе". Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Безсмертіе съ точки зрѣнія эволюціоннаго натурализма. Лекціи, читанныя въ Женевскомъ Университетѣ въ апрѣлѣ 1894 г. и въ Сорбоннѣ въ мартѣ 1895 г. **Армaномъ Сабатье.** Переводъ В. Ѳбреимова. Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

А. Шопенгауэръ. Міръ, какъ воля и представленіе. Переводъ Черниговца. Критика кантовской философіи. Добавленіе къ I-му тому. Изд. А. С. Суворина. Спб 1897 г. Ц. 2 р.

Очерки по философіи математики **Ш. Фрейсинэ.** Переводъ съ франц. В. Обреимова. Изд. ред. журнала „Образованіе". Спб. 1897 г. Ц. 60 к.

Этюды по философіи наукъ **А. Лаланда.** Переводъ съ франц. 2-ое изд. ред. журнала „Образованіе" Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Г. Геффдингъ. Ученіе о принципахъ нравственности. Переводъ съ нѣм. В. К. Изд. Е. Б. Гронковской. М. 1897 г. Ц. 40 к.

Существенныя черты православнаго нравоученія. Опытъ курса VIII

класса гимназій. Составилъ Свящ. **Иннокентій Бобровницкій.** Елисаветградъ, 1897 г. Ц. 1 р. 25 к.

А. О. Кони. Судебныя рѣчи. 1868—1888 г. Изд. третье. Спб. 1897 г. Ц. 3 р. 50 к.

Наше законодательство о жестокомъ обращеніи съ животными и желательныя въ немъ измѣненія. **В. В. Быховскаго.** Изд. Моск. Отд. Россійск. Общ. Покров. Животнымъ М. 1897 г. Ц. 30 к.

Проф. **Н. Ѳ. Сумцовъ.** Новая наука г. Безсонова. Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина". Кіевъ, 1897 г.

Его-же. Эдуардъ Лабулэ и Жюль Мишле, какъ педагоги и друзья дѣтей. Харьковъ. 1897 г.

Е. В. Галаганъ, 23 Янв. 1826 г.—1 Ноября 1896 г. **А. І. Степовича.** Кіевъ, 1896 г.

Ф. Лассаль. Его жизнь, научные труды и общественная дѣятельность. Біографич. очеркъ **В. Я. Классена.** Изд. Ф. Павленкова („Жизнь замѣчательныхъ людей"). Спб. 1896 г. Ц. 25 к.

Э. Ренанъ. Его жизнь и научно-литературная дѣятельность. Біограф. очеркъ **С. Ф. Годлевскаго.** Изд. Ф. Павленкова. („Жизнь замѣчат. людей"). Спб. 1895 г. Ц. 25 к.

М. Базилевскій. Соломонъ Ибнъ Габироль и Бахія Бенъ Іосифъ Ибнъ Пакуди. Ихъ жизнь и научная дѣятельность. Изд. кн. маг. Я. Х. Шермана („Наша Старина") № 22) Одесса. 1897 г. Ц. 15 к

25-лѣтіе коллегіи Павла Галагана въ Кіевѣ. (1 Окт. 1871 г. 1 окт. 1896 г.). **А. І. Степовича.** Кіевъ 1896 г-

Н. Павловъ-Сильванскій. Проекты реформъ въ запискахъ современниковъ Петра Великаго. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Частная и общественная жизнь Грековъ. **П. Гиро.** Переводъ съ франц. подъ ред. Я. И. Руднева. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб.1897 г Ц. 3 р.

Гастонъ Могра. Герцогъ Лозенъ и внутренняя жизнь двора Людовика XV и Маріи Антуанеты. Переводъ съ франц. Изд. Л. Ф. Пантелѣева. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Соціальное развитіе. **Веніамина Кидда.** Переводъ съ англійскаго М. Чепикской, Изд. Ф. Павленкова. Спб. 1897 г. Ц. 75 к.

Ж. Симондъ де-Сисмонди. Новыя начала политической экономіи. Переводъ Б. О. Эфруси. Изд. К. Т, Солдатенкова („Библ. Экономистовъ" Вып. VIII) М. 1897 г. Ц. 1 р,

К. Скальковскій. Внѣшняя политика Россіи и положеніе иностранныхъ державъ. Спб. 1897 г. Ц. 3 р.

Д-ръ **А. Я. Штернбергъ.** А. С. Суворинъ и Евреи. Кіевъ 1897 г. Ц. 10 к.

П. Отоцкій. Гидрологическая экскурсія 1895 г. въ степные лѣса. Спб. 1896 г.

Исторія земли. Проф. **М. Неймайра.** Переводъ подъ ред. А. А. Иностранцева. Изд. Книгоизд. Т-ва „Просвѣщеніе". Вып. 1. Спб. 1897 г. Ц. по подпискѣ 11 р.

Дружба съ природой. Разсказы **Элизы Брайтвинъ** въ изложеніи Дм. Кайгородова. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1897 г. Ц. 1 р. 50 к.

Конспектъ описательной анатоміи человѣка. Составилъ примѣнительно къ требованіямъ медицинской испытательной коммиссіи **Михаилъ Г.** Вып. II. Ученіе о соединеніяхъ костей. М. 1897 г. Ц. 15 к.

В. Алексѣевъ. Лучшія луковичныя и шишковатыя растенія для комнатной культуры. Изд. А. С. Суворина. Спб. 1897 Ц. 1 р. 50 к.

О необходимости женскаго медицинскаго надзора въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ **Елиз. Дрентельнъ,** женщины врача. Изд. педагогич. журнала „Вѣстникъ Воспитанія". Изд. 2-е. М. 1897 г. Ц. 20 к.

О порядкѣ пріобрѣтенія ученыхъ степеней Проф. **Г. Ф. Шершеневича.** Казань. 1897 г. Ц. 30 к.

Н. К. Питейная реформа и народное благосостояніе. Томскъ 1897 г.

Къ вопросу о денежной реформѣ. 5) Краткій сборникъ законовъ, опредѣляющихъ денежную систему въ Россіи. **Г. Б. К.** Изд. неоффиціальное. Одесса. 1897 г.

С. Терновскій. Замѣтка о народномъ образованіи. Оттискъ изъ журнала „Жизнь". Спб.

Волшебный фонарь, устройство его и способъ употребленія. Составилъ **Ф. А. Даниловъ.** М. 1897 г. Ц. 75 к.

Программы чтенія для самообразованія. Изд. Отдѣла для содѣйствія самообразованію въ Комитетѣ Педагогич. Музея Военно-учебныхъ Заведеній, Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

П. Г. Мижуевъ. Взгляды и дѣятельность національной ассоціаціи для распространенія техническаго и реформы средняго образованія въ Англіи. Изд. ред журнала „Технич. Образов." Спб. 1897 г. Ц. 40 к.

Урожай хлѣбовъ и травъ въ 1896 году и состояніе озимей осенью 1896 г. въ Полтавской губ. По сообщеніямъ корреспондентовъ. Полтава 1897 г.

Платежи и недоимки крестьянскаго населенія Псковской губ. и продовольственные долги. Изд. Стат. Отд. Псковской Губ. Земской Управы. Псковъ 1897 г.

А. Н. Энгельгардъ. Изъ деревни. 12 писемъ. 1872—1887 г. Изд. третье А. С. Суворина. Спб. 1897 г. Ц. 2 р. 50 к.

Сборникъ очерковъ по городу Москвѣ. Общія свѣдѣнія по городу и обзоръ дѣятельности Московскаго Городского Общественнаго Управленія. Изд. Московскаго Городского Общественнаго Управленія М. 1897 г.

Полтавскому Губ. Зем. Собр. XXXII очереднаго созыва Полтавской Губ. Зем. Управы **Докладъ № 43.** Объ организаціи статистическихъ учрежденій и о производствѣ оцѣночныхъ работъ. Полтава 1896 г.

О постановкѣ и организаціи оцѣночныхъ работъ по закону 8-го іюня 1893 г. Изд. Полтавск. Губ. Земства. Полтава. 1896 г.

Отчетъ завѣдующаго статистическимъ бюро Ярославскаго Губ. Земства, **З. К. Кузнецова** за 1896 г. Ярославль. 1897 г.

Отчетъ о состояніи Вологодской безплатной библіотеки за 4-й годъ ея существованія. Вологда, 1896 г.

Отчетъ Воронежской публичной библіотеки и ея отдѣленій имени А. В. Кольцова и въ г. Бобровѣ за 1896 г. Воронежъ. 1897 г.

Отчетъ коммиссіи по организаціи домашняго чтенія, состоящей при учебномъ отдѣлѣ О-ва Распространенія Технич. знаній, за 1894 и 1895 г. М. 1897 г.

Отчетъ Пензенской общественной библіотеки имени М. Ю. Лермонтова. За 1895—96 г. Пенза. 1897 г.

Письмо къ Н. К. Михайловскому.

Милостивый государь,

Николай Константиновичъ.

Я очень благодаренъ вамъ за напечатаніе на страницахъ «Русскаго Богатства» той части моей рѣчи, которая относится къ союзу писателей: вы дали вашимъ читателямъ возможность самостоятельно судить о томъ, что было мною сказано. Мои сомнѣнія ни на волосъ не поколебали вашей вѣры въ успѣхъ возникающаго Союза. Я могу этому только радоваться и воскликнуть вмѣстѣ съ Чацкимъ: Блаженъ, кто вѣруетъ! Но вы не ограничиваетесь указаніемъ на несостоятельность моихъ сомнѣній. Вы входите въ оцѣнку моего поступка. «Нѣкоторыя мѣста моей рѣчи, говорите вы, показались вамъ необыкновенно странными въ устахъ предсѣдателя комитета Литературнаго [illegible]да, члены котораго почти всѣ состоятъ и членами Союза. Литературный Фондъ—учрежденіе старое, приближающееся къ своему сорокалѣтію. Въ немъ успѣли сложиться и прочно установиться извѣстныя традиціи» и т. д. Эти слова могутъ навести вашихъ читателей на мысль, что я провинился, какъ предсѣдатель, что я нарушилъ давно установившіеся порядки Фонда и не оправдалъ оказаннаго мнѣ членами довѣрія. Возможность такого упрека тяжело давитъ мое сознаніе, и я прошу васъ помочь мнѣ въ напечатаніи этого письма на страницахъ «Русскаго Богатства». Мнѣ хотѣлось бы разъяснить передъ вашими читателями, какого рода вину совершилъ я и передъ кѣмъ.

Передъ Литературнымъ Фондомъ я не совершилъ никакой вины. Я сказалъ рѣчь, въ которой коснулся возникающаго Союза и, въ виду нѣкоторой связи его дѣятельности съ дѣятельностью Фонда, указалъ, въ чемъ онъ можетъ быть намъ полезенъ. Эту рѣчь я говорилъ отъ себя и предварительно въ комитетѣ о содержаніи ея не совѣщался по той причинѣ, что совершенства и недостатки устава новаго Союза къ дѣламъ комитета не относятся. По той же причинѣ на ваше желаніе говорить я замѣтилъ, что «рѣчь моя обсужденію не подлежитъ», но не потому, конечно, что я этого не желаю, а потому, что она не можетъ подлежать обсужденію, такъ какъ не относится къ дѣламъ, которыя обсуждаются въ собраніяхъ Фонда. Вы держитесь по этому вопросу другого мнѣнія. Вы полагаете, что моя рѣчь и подлежала и не подлежала обсужденію. Соединить ваши «и да и нѣтъ» довольно трудно и долженствуетъ остаться одно «нѣтъ», которое вы мотивируете совершенно вѣрно. Ваше «да» вы мотивируете такъ: «Ни

уставъ, ни традиціи Литературнаго Фонда, ни простой житейскій тактъ не изъемлютъ предсѣдательной рѣчи изъ предѣловъ обсужденія общаго собранія». Не могу съ этимъ согласиться. Уставъ точно опредѣляетъ занятія обыкновенныхъ, чрезвычайныхъ и годовыхъ собраній; это все дѣла, относящіяся къ сферѣ дѣятельности общества, по этому и рѣчь предсѣдателя можетъ быть обсуждаема только въ той степени, въ какой она относится къ дѣятельности общества. Если же она касается чего либо посторонняго, то, конечно, эта ея часть не можетъ подлежать обсужденію. Въ Фондѣ существуетъ обычай вспоминать добрымъ словомъ умершихъ членовъ. Это дѣлаетъ предсѣдатель и можетъ, воздавая хвалу умершему, сказать что нибудь непріятное кому либо изъ живыхъ. Тѣмъ не менѣе такое слово обсужденію собранія подлежать не будетъ.

Итакъ, моя рѣчь обсужденію не подлежала въ той ея части, въ которой я говорилъ о Союзѣ. Было ли въ этой части моей рѣчи что либо противное интересамъ Фонда? Ровно ничего. Итакъ, я не совершилъ никакой вины противъ Фонда.

Но если я заслужилъ «осужденіе», какъ вы говорите, то, надо думать, я сдѣлалъ кому-нибудь непріятное, обидѣлъ кого-нибудь и оказался передъ нимъ виноватымъ. Я дѣйствительно оказался виноватымъ, но не передъ Литературнымъ Фондомъ, а передъ новымъ Союзомъ. Говоря о пользѣ, какую можетъ получить Фондъ отъ Союза, я усомнился въ осуществимости цѣлей союза, какъ онѣ опредѣлены подъ буквою а) въ первой статьѣ его устава. Въ этомъ я виноватъ и не оправдываюсь: я усомнился и продолжаю сомнѣваться.

За эту вину и наказалъ меня г. Семевскій. Вы поддержали его всею силою вашего авторитета. Радуюсь за г. Семевскаго; вдвойнѣ радуюсь, такъ какъ г. Семевскій получилъ такую же поддержку и отъ «Вѣстника Европы».

Не смотря на множество со всѣхъ сторонъ устремленныхъ на меня авторитетныхъ дланей, я все же продолжаю думать, что было бы лучше, если бы г. Семевскій меня не каралъ, а вы съ «Вѣстникомъ Европы» къ нему не присоединялись. И на это есть много причинъ. Во-первыхъ, я совершилъ вину не противъ Фонда, а потому и не подлежалъ суду и наказанію въ собраніи Фонда и отъ его членовъ. Карая меня, они забыли, что 2-го февраля должны были думать и чувствовать себя, какъ члены Фонда, а не какъ члены Союза. Конечно, такое раздѣленіе, дѣло трудное! Во-вторыхъ, даже передъ Союзомъ вся вина моя состоитъ только въ сомнѣніи; а слѣдуетъ-ли судить и карать за сомнѣніе? Наконецъ, во что бы обратились наши частныя и публичныя собранія и были бы они, вообще возможны, если бы каждый присутствующій, услыхавъ что-нибудь для него непріятное, хотя бы это непріятное не имѣло лично къ нему ни малѣйшаго отношенія и вообще не носило личнаго характера, срывался съ своего мѣста и публично порицалъ говорящаго?

Позвольте въ заключеніе обратить ваше вниманіе на одно возраженіе, которое вы дѣлаете по поводу моихъ сомнѣній. Вы полагаете, что профессіональные интересы способны объединить съ писателями профессіональными и такихъ, для которыхъ писательство не составляетъ профессіи. Вы говорите: «Однако, и профессіональные интересы, связанные, напримѣръ, съ вопросомъ литературной собственности или съ общими условіями печати, которыя въ то время (время Лермонтова) не допускали появленія въ печати стихотворенія на смерть Пушкина,—эти профессіональные интересы отнюдь не были чужды Лермонтову и т. д., и т. д.».

Что скрывается подъ этими и т. д. я, конечно, не знаю; но изъ двухъ приведенныхъ интересовъ второй вовсе не имѣетъ профессіональнаго характера. Свобода печати не есть интересъ только писателей, это и интересъ читателей. Свобода печати есть общегосударственный интересъ; низводить ее на степень профессіональнаго, значитъ, оказывать ей плохую услугу.

Когда я читалъ уставъ Союза, мнѣ казалось, что составители его отправлялись отъ нѣкоторыхъ не совсѣмъ правильныхъ предположеній. Познакомившись съ вашими возраженіями, я убѣдился, что авторы его дѣйствительно не всегда стояли на твердой почвѣ.

Это нисколько не мѣшаетъ мнѣ еще разъ пожелать успѣха вашему, во всякомъ случаѣ, почтенному предпріятію.

Прошу принять и проч.

В. Сергѣевичъ.

Отъ редакціи.

Печатая, по желанію В. И. Сергѣевича, его письмо къ Н. К. Михайловскому, редакція «Русскаго Богатства» считаетъ нужнымъ присоединить къ нему нѣкоторыя свои замѣчанія.

Излагая въ газетахъ инцидентъ 2 февраля съ большою подробностью, г. Сергѣевичъ не счелъ, однако, нужнымъ привести свои слова: «моя рѣчь не подлежитъ обсужденію» — и только теперь, послѣ статей «Русскаго Богатства» и «Вѣстника Европы», говоритъ о нихъ. Намъ кажется, что г. Сергѣевичъ самъ чувствуетъ безтактность этой фразы, вслѣдствіе чего и выступаетъ съ ея объясненіемъ лишь подъ давленіемъ статей «Русскаго Богатства» и «Вѣстника Европы». Мы думаемъ, что въ этомъ внутреннемъ разладѣ съ самимъ собой заключается и корень неудовлетворительности всего объясненія г. Сергѣевича.

Г. Сергѣевичъ утверждаетъ, что «совершенства и недостатки новаго Союза къ дѣламъ Комитета (Литературнаго Фонда) не относятся», равнымъ образомъ и содержаніе его, г. Сергѣевича, рѣчи «не относится къ дѣламъ, которыя обсуждаются въ собраніяхъ фонда».

Совершенно справедливо, но, вѣдь, это именно утверждалъ въ своей статьѣ и г. Михайловскій. И казалось бы, единственный возможный отсюда выводъ тотъ, что не слѣдуетъ говорить о вещахъ, которыя къ дѣлу не относятся. Но, признавая справедливость этого вывода вообще, г. Сергѣевичъ какимъ-то страннымъ оборотомъ мысли дѣлаетъ исключеніе для предсѣдателя. Предсѣдатель можетъ касаться «чего либо посторонняго», а члены комитета, представителемъ которыхъ является предсѣдатель, и все общее собраніе членовъ—должны это «постороннее» молча выслушивать... Мы отказываемся понимать этотъ ходъ мысли и можемъ только повторить слова г. Михайловскаго: «ни уставъ, ни традиціи Литературнаго Фонда, ни простой житейскій тактъ не изъемлютъ предсѣдательской рѣчи изъ предѣловъ обсужденія общаго собранія». Можемъ, пожалуй, еще прибавить, что предсѣдатель, обязанный руководить собраніемъ и имѣющій право остановить оратора, уклоняющагося отъ предмета занятій, болѣе чѣмъ кто-нибудь долженъ являть собою примѣръ въ этомъ отношеніи.

Кромѣ логики, г. Сергѣевичъ вооружается еще примѣромъ, иллюстраціей, на нашъ взглядъ совершенно не идущей къ дѣлу. Онъ пишетъ: «Въ Фондѣ существуетъ обычай вспоминать добрымъ словомъ умершихъ членовъ. Это дѣлаетъ предсѣдатель и можетъ, воздавая хвалу умершему, сказать что-нибудь непріятное кому либо изъ живыхъ. Тѣмъ не менѣе такое слово обсужденію собранія подлежать не будетъ».

Во-первыхъ, сообщеніе именъ умершихъ членовъ отнюдь не представляетъ собою «чего либо посторонняго» дѣятельности Фонда и входитъ въ обязанности комитета, какъ и сообщеніе именъ вновь вступающихъ членовъ. Во-вторыхъ, хотя «доброе слово» о покойникахъ, оказавшихъ услуги литературѣ или Фонду, не обязательно, но изъ круга дѣятельности Фонда всетаки не выступаетъ. Объ немъ нельзя сказать, что оно не относится къ дѣламъ Фонда, тогда какъ «совершенства и недостатки устава новаго Союза» дѣйствительно «не относятся». Въ третьихъ, если comparaison вообще n'est pas raison, то тѣмъ паче не подлежитъ сравненію «доброе слово» о комъ бы то ни было съ тѣмъ вовсе ужъ не такъ добрымъ словомъ, которое г. Сергѣевичъ сказалъ 2 февраля по адресу Союза. Въ-четвертыхъ, наконецъ, г. Сергѣевичъ заблуждается, полагая, что предсѣдательское доброе слово о славномъ покойникѣ «обсужденію собранія не подлежитъ». Конечно, предсѣдатели, какъ показываетъ опытъ, бываютъ разные, иной и тутъ можетъ сказать «что либо постороннее», а всѣмъ присутствующимъ заградить уста. Но это вопросъ такта, а не права предсѣдателя. Вопросомъ такта являются также и возможныя замѣчанія членовъ собранія на предсѣдательское доброе слово о покойникѣ. По общепринятому обычаю, о покойникахъ, при извѣщеніи о ихъ смерти, или ничего не говорятъ, или говорятъ хорошо. Но если предсѣдатель допустилъ въ

своемъ добромъ словѣ фактическія ошибки, если онъ, напримѣръ, приписалъ покойнику чужіе труды или забылъ о какой-нибудь его важной заслугѣ, или просто, по мнѣнію кого-либо изъ присутствующихъ, недостаточно высоко оцѣнилъ его, то ничто не мѣшаетъ указать на эти промахи.

Замѣтимъ еще слѣдующее. Г. Сергѣевичъ пишетъ въ своемъ письмѣ къ г. Михайловскому: «Итакъ, моя рѣчь не подлежала обсужденію *въ той ея части*, въ которой я говорилъ о Союзѣ». Но когда г. Михайловскій попросилъ слова, г. Сергѣевичъ не зналъ о какой именно части рѣчи онъ собирается говорить; не зналъ и не спросилъ, а прямо объявилъ: «моя рѣчь не подлежитъ обсужденію».

Переходя къ «сомнѣніямъ» г. Сергѣевича, отмѣтимъ прежде всего, что нѣкоторые мотивы ихъ онъ беретъ, повидимому, назадъ. Такъ, онъ теперь совсѣмъ уже не упоминаетъ о раздѣленіи русскихъ писателей на патриціевъ и плебеевъ, которые, въ силу различія ихъ «соціальнаго положенія», «не найдутъ и общепонятнаго для нихъ языка для постояннаго между ними общенія». Но и тѣ мотивы, которые онъ продолжаетъ отстаивать, очевидно, потеряли въ его собственныхъ глазахъ свою прежнюю силу.

Возражая г. Михайловскому по поводу его указанія на Лермонтова, который, хотя и былъ офицеромъ, а не литераторомъ по профессіи, но не былъ и не могъ быть чуждъ профессіональныхъ писательскихъ интересовъ, г. Сергѣевичъ говоритъ: «Изъ двухъ приведенныхъ интересовъ («связанныхъ съ вопросомъ литературной собственности и съ общими условіями печати») второй вовсе не имѣетъ профессіональнаго характера. Свобода печати не есть интересъ только писателей, это и интересъ читателей. Свобода печати есть общегосударственный интересъ. Низводить ее на степень профессіональнаго значитъ оказывать ей плохую услугу».

Все это кажется намъ замѣчательно неосновательнымъ.

Начать съ того, что г. Сергѣевичъ говоритъ лишь объ одномъ изъ указанныхъ ему профессіональныхъ интересовъ. Значитъ, другой,—связанный съ вопросомъ литературной собственности; — онъ молчаливо признаетъ настоящимъ профессіональнымъ интересомъ, отнюдь не чуждымъ Лермонтову, хотя и офицеру и помѣщику, но вмѣстѣ съ тѣмъ автору «Демона», «Героя нашего времени» и проч. И какъ одна ложка дегтя портитъ всю кадку меда, такъ въ данномъ случаѣ признаніе хотя бы одного профессіональнаго интереса упраздняетъ все разсужденіе г. Сергѣевича.

«Свобода печати не есть интересъ только писателей, это и интересъ читателей». Совершенно справедливо. Все равно, какъ извѣстныя условія производства составляютъ интересъ не только производителей, а и потребителей. Разница, однако, въ томъ, что потребительской профессіи нѣтъ и быть не можетъ, какъ нѣтъ и быть не можетъ въ частности читательской профессіи, тогда какъ про-

фессія писателей существуетъ. Существуетъ и тѣмъ самымъ условливаетъ извѣстныя права и обязанности, особые профессіональные интересы.

«Свобода печати есть общегосударственный интересъ; низводить ее на степень профессіональнаго,—значитъ оказывать ей плохую услугу».—Едва-ли г. Сергѣевичъ ясно представляетъ себѣ смыслъ этихъ своихъ словъ. Безъ сомнѣнія, положеніе печати есть дѣло общегосударственной важности, но это нисколько не мѣшаетъ существованію профессіональныхъ интересовъ представителей печатнаго слова.

И это все, чѣмъ г. Сергѣевичъ поддерживаетъ свои «сомнѣнія»...

Г. Сергѣевичъ со скорбною ироніей говоритъ о «множествѣ со всѣхъ сторонъ устремленныхъ на него авторитетныхъ дланей». Намъ эта иронія кажется неумѣстною. Г. Сергѣевичъ обнаруживаетъ неблагодарность, не упоминая о тѣхъ многочисленныхъ «дланяхъ», которыя устремились (въ газетахъ) не на него, а въ его хвалу и защиту. Г. Сергѣевичъ забываетъ и о тѣхъ, тоже очень многочисленныхъ, дланяхъ, которыя были устремлены на Союзъ писателей въ тотъ моментъ, когда г. Сергѣевичъ произносилъ свое «доброе слово» 2-го февраля. Онъ помнитъ или принимаетъ въ соображеніе только тѣ длани, которыя устремились «со всѣхъ сторонъ» (?) на него... Но у него самого есть длани, и мы ничего не имѣемъ противъ такого ихъ употребленія, какъ въ его газетныхъ объясненіяхъ или въ письмѣ къ г. Михайловскому. Совсѣмъ другое дѣло — его поведеніе 2 февраля въ общемъ собраніи Литературнаго Фонда. Тамъ онъ,—продолжая ту же метафору,—одну свою длань «устремлялъ», а другою зажималъ присутствующимъ ротъ. Г. Сергѣевичъ и доселѣ держится того мнѣнія, что предсѣдатель имѣетъ право говорить о «чемъ-либо постороннемъ», а члены собранія обсуждать его размышленія не могутъ. Г. Сергѣевичъ до такой степени увѣренъ въ этомъ фантастическомъ предсѣдательскомъ исключительномъ правѣ, что рѣшительно не можетъ встать на точку зрѣнія своихъ противниковъ. Онъ считаетъ себя «осужденнымъ» за свои «сомнѣнія». Это чрезвычайно странная ошибка. Никто не отрицалъ права г. Сергѣевича сомнѣваться въ будущности Союза, и г. Семевскій указалъ ему надлежащій путь для выраженія его сомнѣній,— путь печатнаго слова. Г. Сергѣевичъ «осужденъ» за то, что безтактно поставилъ себя въ исключительное положеніе человѣка, который будто бы имѣетъ право говорить все, что ему угодно, и затѣмъ объявить свою рѣчь не подлежащею обсужденію. Въ этомъ его несомнѣнная вина передъ Фондомъ, и протестующіе «думали и чувствовали себя» именно, какъ члены Фонда, когда имъ было заявлено объ ихъ обязанности слушать и молчать: слушать, потому что *г. предсѣдатель* говоритъ неумѣстную рѣчь, и молчать, потому что г. предсѣдатель говоритъ *неумѣстную* рѣчь.

Хроника внутренней жизни.

Пересмотръ положенія о крестьянахъ.—† А. Н. Майковъ.—Б. О. Эфруси.

Земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ изданъ на дняхъ «Сводъ заключеній губернскихъ совѣщаній по вопросамъ, относящимся къ пересмотру законодательства о крестьянахъ». Сводъ этотъ долженъ служить матеріаломъ для начатой въ министерствѣ внутреннихъ дѣлъ работы по пересмотру положенія о крестьянахъ, о которой мы говорили въ нашей предыдущей хроникѣ.

Въ официальномъ извѣщеніи о выпускѣ въ продажу извѣстнаго числа экземпляровъ этого свода «съ цѣлью предоставить возможность ознакомленія съ послѣднимъ лицамъ, кои, по своему служебному положенію, научнымъ занятіямъ, либо практической дѣятельности интересуются дѣломъ пересмотра законоположеній о сельскихъ обывателяхъ»,—земскій отдѣлъ, по приказанію министра внутреннихъ дѣлъ, заявляетъ, что «всякаго рода сообщенія, статьи и замѣтки упомянутыхъ выше лицъ, по вопросамъ, составляющимъ предметъ изданнаго нынѣ свода, либо по инымъ, до устройства сельскаго состоянія относящимся, будутъ приняты въ должное вниманіе при пересмотрѣ узаконеній о сельскихъ обывателяхъ и найдутъ себѣ мѣсто въ разработываемыхъ нынѣ для этого законодательнаго труда матеріалахъ».

Этотъ призывъ печати къ широкому обсужденію вопроса объ общественномъ устройствѣ и управленіи крестьянства, и притомъ въ полномъ объемѣ, не стѣсняясь рамками оффиціальной программы, преподанной въ 1894 г. для сужденій губернскихъ совѣщаній — несомнѣнно долженъ имѣть своимъ послѣдствіемъ гораздо болѣе полное и всестороннее освѣщеніе этого важнаго вопроса нашей общественной и государственной жизни, нежели это было бы возможно при бюрократической его разработкѣ, обычной, къ сожалѣнію, въ законодательныхъ работахъ послѣдняго времени.

Матеріалъ, который даютъ собою заключенія губернскихъ «совѣщаній», вошедшія въ опубликованный нынѣ «Сводъ», при несомнѣнномъ своемъ интересѣ во многихъ отношеніяхъ, все таки является въ значительной мѣрѣ одностороннимъ. Односторонность эта обусловливается и тою постановкою, которая дана была вопросу о переустройствѣ крестьянскаго положенія въ работахъ совѣщаній, и самымъ составомъ этихъ совѣщаній.

Въ первоначальной программѣ, разосланной въ губернскія совѣщанія земскимъ отдѣломъ министерства внутреннихъ дѣлъ въ 1894 г., совсѣмъ обойдены были нѣкоторые принципіальные вопросы крестьянскаго общественнаго устройства, выдвинутые впередъ самою

жизнью и не разъ уже составлявшіе предметъ обсужденія и въ печати, и въ общественныхъ собраніяхъ, и въ правительственныхъ сферахъ. Такъ, сюда прежде всего относится вопросъ о томъ, должно-ли сельское управленіе сохранять за собою тотъ *сословный* характеръ, который оно теперь имѣетъ, или же крестьянскія общественныя учрежденія—выполняющія и нынѣ многочисленныя обязанности не спеціально крестьянскаго, а общаго управленія—должны превратиться въ мелкія, первичныя единицы мѣстнаго самоуправленія и стать въ непосредственную, тѣсную связь съ земскими органами. Точно также программа земскаго отдѣла совсѣмъ не затрогивала вопроса о крестьянскомъ судѣ, который тѣмъ не менѣе составляетъ интегральную часть общественной организаціи крестьянства, какъ она намѣчена положеніемъ 19 февраля. Наконецъ, совѣщаніямъ не было поставлено вопросовъ, касавшихся порядка *надзора* за крестьянскими общественными учрежденіями (ввѣреннаго нынѣ земскимъ начальникамъ и крестьянскимъ присутствіямъ) и тѣхъ отношеній, въ которыя поставлены эти учрежденія къ органамъ полицейскимъ (въ особенности по податному дѣлу), а между тѣмъ именно здѣсь, быть можетъ, лежитъ ключъ къ разъясненію многихъ явленій въ современной крестьянской общественной жизни. Всѣ эти вопросы, обойденные программою, обойдены и въ заключеніяхъ совѣщаній, или затронуты только случайно и мимоходомъ.

Что касается состава губернскихъ совѣщаній,—то въ большинствѣ своемъ, а иногда исключительно, эти совѣщанія были собраніями представителей мѣстной администраціи, представители другихъ группъ мѣстныхъ людей входили въ нихъ только случайно. Это, конечно, не могло не придать извѣстнаго отпечатка и сужденіямъ совѣщаній, которыя являлись въ самой значительной степени отраженіемъ взглядовъ мѣстныхъ чиновничьихъ круговъ, соприкасающихся по служебнымъ своимъ обязанностямъ съ крестьянскимъ дѣломъ, а не выраженіемъ взглядовъ мѣстныхъ жителей. Въ извѣстныхъ случаяхъ, правда, именно въ силу такого состава совѣщаній, пріобрѣтаютъ особый интересъ нѣкоторыя изъ ихъ заключеній. Такъ, напр., чрезвычайно любопытенъ единогласный отрицательный отвѣтъ всѣхъ совѣщаній на вопросъ о цѣлесообразности замѣны выборнаго начала въ сельскомъ управленіи назначеніемъ должностныхъ лицъ, или общее заключеніе совѣщаній о безуспѣшности мѣръ, предпринятыхъ для ограниченія семейныхъ раздѣловъ. Но этимъ не выкупается неизбѣжная неполнота и односторонность опроса, ограниченнаго, главнымъ образомъ, оффиціальными кругами.

Разработка въ печати вопросовъ, соприкасающихся съ законодательствомъ о крестьянахъ, конечно, въ значительной мѣрѣ восполнитъ эту односторонность. Но она не дѣлаетъ излишнимъ или менѣе настоятельнымъ систематическое обсужденіе этихъ вопросовъ на мѣстахъ, съ привлеченіемъ къ этому обсужденію круга лицъ болѣе широкаго, чѣмъ составъ административныхъ совѣщаній 1894 г.

Нельзя не присоединиться въ этомъ отношеніи къ высказанному уже многими органами печати мнѣнію о той существенной пользѣ, которой можно было бы ожидать отъ участія въ этомъ дѣлѣ *земскихъ учрежденій.* Въ 1881 году вопросъ о переустройствѣ мѣстнаго управленія переданъ былъ на заключеніе земскихъ учрежденій, и земствомъ доставлены были очень цѣнные матеріалы по данному предмету. Конечно, съ тѣхъ поръ въ самомъ составѣ земскихъ учрежденій произошли—со введеніемъ новаго земскаго положенія—значительныя измѣненія; но во всякомъ случаѣ изъ всѣхъ мѣстныхъ учрежденій земство является всетаки наиболѣе компетентнымъ органомъ для оцѣнки тѣхъ или другихъ мѣропріятій или законодательныхъ предположеній съ точки зрѣнія мѣстныхъ интересовъ. Спеціально по отношенію къ учрежденіямъ крестьянскимъ, слѣдуетъ замѣтить, что ихъ дѣятельность тѣсно переплетается съ земскимъ хозяйствомъ, и уже поэтому земство не можетъ считаться чуждымъ въ дѣлѣ переустройства этихъ учрежденій. По нѣкоторымъ существеннымъ сторонамъ настоящаго вопроса мѣстный опросъ и можетъ быть обращенъ только къ земству.

Какъ бы то ни было однако, пока мы имѣемъ передъ собою только матеріалы, доставленные этими совѣщаніями. Съ ними мы и имѣемъ въ виду познакомить нашихъ читателей. Заключенія губернскихъ совѣщаній, сосредоточенныя въ «Сводѣ», размѣщены въ восьми отдѣлахъ, каждый изъ которыхъ посвященъ извѣстной группѣ вопросовъ программы. Всѣхъ такихъ вопросовъ 66; отвѣтовъ на нихъ отъ 44 губернскихъ совѣщаній приведено въ книгѣ 2622. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ заключенія губернскихъ совѣщаній сопровождаются болѣе или менѣе подробною мотивировкою; иногда они совсѣмъ лапидарны *), такъ что въ этихъ своихъ частяхъ «Сводъ» имѣетъ скорѣе характеръ нѣкотораго плебисцита, чѣмъ суммированія наблюденій и замѣчаній людей, стоящихъ у дѣла. Упомянутые восемь отдѣловъ, въ которые сгруппированы всѣ вопросы программы, таковы: 1) сельское и волостное управленіе, 2) пріемъ новыхъ членовъ и увольненіе изъ общества, 3) семейные раздѣлы, 4) опека, 5) общественное призрѣніе, 6) мірскіе сборы и капиталы, 7) землепользованіе и 8) нотаріальная часть въ селеніяхъ. Изъ перечисленныхъ категорій вопросовъ наибольшій общій интересъ представляютъ собою вопросы объ организиціи сельскаго

*) Приведемъ на выдержку первыя попавшіяся показанія такой категоріи. Такъ, напр., по вопросу о томъ, не слѣдуетъ ли замѣнить общіе сельскіе сходы сходами выборныхъ, вологодское совѣщаніе отвѣчаетъ кратко (№ 433)—«для упорядоченія сельскихъ сходовъ необходимо замѣнить ихъ сходами выборныхъ»; наоборотъ, новгородское совѣщаніе (№ 447) столь же категорично заявляетъ, что «учрежденіе сходовъ выборныхъ не вызывается необходимостью и потому не желательно». И только. Такія немотивированныя утвержденія или отрицанія довольно часто встрѣчаются во всѣхъ отдѣлахъ «Свода».

и волостного управленія, о семейныхъ раздѣлахъ и о землепользованіи. На нихъ мы и остановимся.

Существующая организація крестьянскаго общественнаго управленія въ основныхъ своихъ чертахъ установлена положеніемъ 19 февраля 1861.

Въ крѣпостную эпоху самостоятельная общественная жизнь крестьянства почти не существовала. Всѣ отношенія проникнуты были насквозь началами опеки и зависимости. Это можно было сказать не только о положеніи собственно крѣпостныхъ, помѣщичьихъ крестьянъ, но и о «вольныхъ» крестьянахъ государственныхъ. Но положеніе государственныхъ и помѣщичьихъ крестьянъ представляло собою два разныхъ типа зависимыхъ отношеній. Въ помѣщичьихъ селеніяхъ господствовалъ произволъ владѣльцевъ, почти не стѣсняемый опредѣленіями закона. Порядки, которыми регулировался бытъ крестьянъ государственныхъ, проникнуты были духомъ самой мелочной регламентаціи и опеки не только надъ общественною, но и надъ частною жизнью крестьянъ. Опека эта выполнялась цѣлою сѣтью учрежденій, начиная съ сельскаго и волостного начальства и кончая министромъ государственныхъ имуществъ. Въ сельскомъ и волостномъ управленіи государственныхъ крестьянъ примѣнялось въ извѣстной мѣрѣ выборное начало, но это не измѣняло общаго зависимаго характера всего строя отношеній. Низшею единицею общественнаго учрежденія у государственныхъ крестьянъ являлось сельское общество (состоявшее изъ одного или нѣсколькихъ селеній), въ каждомъ сельскомъ обществѣ существовалъ сельскій сходъ, изъ сельскаго старшины, старосты, сборщика податей, смотрителя магазина и выборныхъ по 2 человѣка отъ каждыхъ 10 дворовъ. Сельскій сходъ разверстывалъ между членами общества земли, а также подати, повинности и сборы, ложившіеся на общество, выбиралъ должностныхъ лицъ сельскаго управленія (кромѣ писаря, назначаемаго начальствомъ) и пр. Нѣсколько селеній соединялись въ волость. Въ волости тоже существовалъ волостной сходъ (для волостныхъ выборовъ, разнаго рода дѣлъ общественныхъ и дѣлъ по рекрутской повинности) изъ выборныхъ отъ каждаго сельскаго общества,—по 1 на каждые 20 дворовъ—и волостное правленіе, состоявшее изъ волостнаго головы и засѣдателей, съ волостнымъ писаремъ и помощниками. Волостное правленіе являлось второю степенью сельской администраціи, первую инстацію составлялъ сельскій старшина. Волостной голова избирался на 3 года сходомъ, но утверждался въ должности и увольнялся отъ нея по представленію окружнаго начальника палатою государственныхъ имуществъ, съ разрѣшенія начальника

губерніи. Волостной голова могъ оставаться въ своей должности и по прошествіи трехлѣтія на неопредѣленный срокъ, пока начальство не признаетъ нужнымъ избрать на его мѣсто другого. Кромѣ того, волостные головы моглибыть назначаемы, по распоряженію министра государственныхъ имуществъ, изъ благонадежныхъ унтеръ-офицеровъ, фельдфебелей и вахмистровъ. Здѣсь исчезала уже и самая видимость выборнаго начала. Сельскіе и волостные писаря и ихъ помощники въ общемъ пра-вилѣ назначались окружными начальниками. Въ дѣйствительностиволостныя и сельскія управленія являлись простыми орудіями высшихъ административныхъ инстанцій.

Государственные крестьяне имѣли и свой крестьянскій судъ два разбора маловажныхъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ. Судъ этотъ состоялъ изъ двухъ инстанцій. Первою инстанціею являлась сельская расправа, учреждаемая въ каждомъ сельскомъ обществѣ, подъ предсѣдательствомъ сельскаго старшины изъ сельскихъ добросовѣстныхъ, одного старшаго, другого младшаго, выбираемыхъ сходомъ, на 3 года, изъ крестьянъ «отличныхъ доброю нравственностью». Дѣлопроизводство въ сельской расправѣ лежало на обязанности сельскаго писаря (назначаемаго окружнымъ начальникомъ). Вторую судебную инстанцію составляла волостная расправа. Здѣсь предсѣдательствовалъ волостной голова, засѣдали два добросовѣстныхъ, выбранные волостнымъ сходомъ, и дѣлопроизводство велъ назначенный волостной писарь. Въ руководство крестьянскимъ судамъ составленъ былъ специальный «сельскій судебный уставъ», предназначенный ограничивать «полный произволъ обычнаго права», — но этотъ уставъ очень мало могъ ограничить произволъ сельскихъ властей, въ рукахъ которыхъ судебная расправа являлась еще лишнимъ орудіемъ дли проявленія ихъ власти надъ односельчанами. Помимо «сельскаго судебнаго устава», у государственныхъ крестьянъ существовалъ еще «сельскій полицейскій уставъ», имѣвшій цѣлью знакомить крестьянъ съ основными правилами благоустройства; дѣятельность волостныхъ правленій регулировалась подробнымъ «наказомъ», изданнымъ имъ въ руководство и т. д. Вообще если у помѣщичьихъ крестьянъ было только одно «преданіе», то обиходъ жизни крестьянъ государственныхъ переполненъ былъ всяческимъ «писаніемъ», но весь этотъ бумажный бюрократическій формализмъ на дѣлѣ ни мало не ограждалъ ихъ отъ злоупотребленій властью со стороны многочисленныхъ начальствъ, и большихъ, и малыхъ, надъ ними поставленныхъ. Въ сущности они были также беззащитны въ правовомъ отношеніи, какъ и крестьяне, составлявшіе живую собственность своихъ помѣщиковъ.

Редакціонныя коммиссіи 1859—60 г. имѣя передъ глазами двадцатилѣтній опытъ дѣятельности сельскаго и волостного управленія государственныхъ крестьянъ, на началахъ полной административной опеки,—не могли соблазниться имъ при опредѣленіи общественныхъ порядковъ среди крестьянскаго населенія, осво-

бождавшагося отъ крѣпостной зависимости. Положеніе 19 февраля внесло въ эти порядки совершенно новый принципъ—принципъ самоуправленія и независимости крестьянскаго общества. Въ основу законодательныхъ постановленій, опредѣляющихъ строй крестьянскаго общественнаго управленія, по мнѣнію составителей «положенія», должны были быть положены слѣдующія общія начала *): 1) возможно большее устраненіе вліянія администраціи на мірскія дѣла и уничтоженіе всѣхъ лишнихъ инстанцій; 2) возможно большая степень независимости лицъ изъ крестьянскаго сословія, составляющихъ мѣстное управленіе, отъ вліянія сельскихъ канцелярій; наилучшимъ для этого средствомъ казалось устраненіе порядка назначенія писаря высшимъ начальствомъ, вмѣсто чего вводился вольный наемъ волостныхъ писарей волостнымъ начальствомъ; 3) установленіе, въ законныхъ предѣлахъ, отвѣтственности предъ крестьянскимъ обществомъ какъ самого начальствующаго въ волости лица, такъ и всѣхъ лицъ, составляющихъ совѣщательное при немъ учрежденіе, и признаніе за крестьянскимъ обществомъ права приносить чрезъ довѣренныхъ лицъ жалобы не только на волостное начальство, но и на мѣстныя полицейскія власти; 4) независимость суда отъ полицейской и административной власти; 5) совершенное уничтоженіе всѣхъ судебныхъ инстанцій въ предѣлахъ волостной крестьянской единицы.

Мы видимъ, что во многомъ эти основныя начала были прямымъ отрицаніемъ порядковъ, существовавшихъ въ общественномъ управленіи крестьянъ государственныхъ,—несостоятельность которыхъ была очевидна для современниковъ. Это нелишне вспомнить теперь, когда опять начинаютъ выплывать на свѣтъ Божій проекты «улучшеній», представляющіе въ сущности возвратъ къ старымъ, казалось бы уже безповоротно осужденнымъ жизнью порядкамъ.

Съ внѣшней стороны, «Положеніе» 19 февраля установляло тѣже двѣ единицы крестьянскаго общественнаго управленія, какъ и законодательство о государственныхъ крестьянахъ—сельское общество и волость. Сельское общество являлось первою основною единицею крестьянскаго самоуправленія. Сельскія общества составлялись изъ крестьянъ, водворенныхъ на земляхъ одного помѣщика. Такимъ образомъ сельское общество могло имѣть самые различные размѣры; но во всѣхъ случаяхъ оно было единицею самоуправляющеюся и самооблагающеюся. Въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ существуетъ общинное землевладѣніе, сельское общество представляло собою и хозяйственный союзъ, соединяя въ своихъ рукахъ завѣдываніе общинными землями. Органами сельскаго самоуправленія являются: сельскій сходъ изъ всѣхъ домохозяевъ общества

---

*) Цитуемъ по статьѣ С. Латышева «Волость», въ VII т. Энциклоп. Словаря Брокгауза и Ефрона, стр. 94.

и выборный сельскій староста. Нѣсколько смежныхъ междусобою сельскихъ обществъ соединялись въ волость. Волости положеніемъ 19 февраля предоставлялось тоже право самообложенія на мірскія волостныя нужды и право самоуправленія чрезъ посредство волостного схода—изъ выборныхъ отъ всѣхъ сельскихъ обществъ, по одному на каждые 10 дворовъ—и волостного управленія съ выборнымъ волостнымъ старшиною во главѣ. Волостной писарь, на которомъ лежало письмоводство въ волостномъ правленіи и волостномъ судѣ, долженъ былъ наниматься волостью; къ числу должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія положеніе 19 февраля его не относило.

Въ сферу крестьянскаго самоуправленія введенъ былъ и судъ, но власть судебная, сосредоточенная въ рукахъ *волостного суда*, была отдѣлена отъ власти административной. Волостной судъ составлялся изъ выборныхъ волостнымъ сходомъ очередныхъ судей (отъ 4 до 12); выборы производились ежегодно, причемъ судьи могли быть выбраны или для безсмѣннаго, въ теченіе цѣлаго года, отправленія своей должности, или для отправленія ея по очереди, заранѣе опредѣленной сходомъ. По мысли редакціонныхъ коммиссій волостные суды должны были разбирать маловажныя дѣла, вытекающія изъ крестьянскаго быта, руководствуясь при этомъ народными юридическими понятіями и мѣстными обычаями. Рѣшенія ихъ признавались окончательными и не допускали вовсе обжалованія. Къ кругу компетенціи волостного суда общимъ положеніемъ о крестьянахъ отнесены были: 1) всѣ споры и тяжбы между крестьянами, цѣною до 100 р. включительно и всѣ, безъ ограниченія цѣны иска, споры и тяжбы между крестьянами, которые тяжущіяся стороны предоставятъ рѣшенію волостного суда: 2) дѣла о маловажныхъ проступкахъ, когда они совершены въ предѣлахъ самой волости противъ лицъ, принадлежащихъ къ тому же состоянію и безъ участія лицъ другихъ состояній. За такіе проступки волостной судъ могъ приговаривать виновныхъ: къ общественнымъ работамъ—до 6 дней, къ денежному взысканію — до 3 руб., къ аресту до 7 дней, или лицъ, отъ тѣлеснаго наказанія неизъятыхъ,—къ наказанію розгами до 20 ударовъ. Для устраненія вліянія сельской администраціи на рѣшенія суда было постановлено, что волостной старшина и сельскіе старосты не только не должны вмѣшиваться въ производство волостного суда, но не могли и присутствовать при обсужденіи дѣлъ.

Эта общая схема устройства крестьянскаго общественнаго управленія, въ главныхъ чертахъ, сохраняется и до настоящаго времени.

Но никакъ нельзя сказать, чтобы тѣ цѣли, которыя имѣлись въ виду при установленіи новыхъ порядковъ общественной жизни освобождаемаго крестьянства, были достигнуты, чтобы теперешняя крестьянская дѣйствительность сколько нибудь соотвѣтствовала пер-

спективамъ, рисовавшимся при составленіи положенія 19 февраля. Положеніе намѣтило только главныя черты новаго строя крестьянской жизни. Дальнѣйшее ихъ развитіе должно было составить работу будущаго. Подъ вліяніемъ различныхъ обстоятельствъ развитіе это пошло въ такомъ направленіи, которое съузило и довело до minimum'а то, что выдвигалось въ положеніи, какъ существенное начало новаго строя крестьянскихъ отношеній. Наоборотъ, были закрѣплены и усилены такія стороны установленныхъ положеніемъ порядковъ, которыя являлись только временными и переходными. Положеніе 19 февраля и въ той части, которая касалась общественной организаціи крестьянства, такъ же, какъ и въ остальныхъ своихъ частяхъ, не отличалось характеромъ строго выдержаннымъ и однороднымъ. Въ самыхъ постановленіяхъ его можно было различить слѣды разныхъ теченій. Въ позднѣйшія эпохи основное теченіе русской жизни много отклонилось отъ того русла, по которому оно шло въ періодъ разкрѣпощенія крестьянства.

Основнымъ началомъ крестьянскаго устройства по общей мысли положенія 19 февраля являлось начало независимости и самостоятельности въ управленіи своими мѣстными дѣлами и мѣстными интересами, которое положеніе вводило въ общественную жизнь крестьянства. Вмѣстѣ съ освобожденіемъ личнымъ и земельнымъ обезпеченіемъ реформа задавалась цѣлью обезпечить за крестьянствомъ и извѣстныя общественныя права. Но, устраняя такимъ образомъ по отношенію къ крестьянскому общественному управленію начало опеки, которымъ проникнутъ былъ, вообще, весь дореформенный строй, положеніе сохраняло другую черту этого строя,—именно, начало сословной обособленности различныхъ группъ населенія. Крестьянское управленіе организовано было совершенно отдѣльно отъ общаго мѣстнаго управленія. Составители положенія боялись вторженія постороннихъ элементовъ въ крестьянскую жизнь.

Чтобы охранить самостоятельность крестьянства, пока окрѣпнутъ новые порядки, созданные освобожденіемъ, они отдѣляли крестьянство въ его общественномъ быту искусственными огражденіями отъ остального міра. На первое время такая обособленность являлась совершенно неизбѣжною. Вся государственная жизнь была еще организована на сословныхъ началахъ, съ другой стороны, нельзя было новыя крестьянскія учрежденія ввести въ одну общую систему съ до-реформенными органами мѣстнаго управленія и суда, основанными на совсѣмъ иномъ принципѣ и доживавшими уже свой вѣкъ. Въ результатѣ этого создалось особое крестьянское управленіе, съ цѣлою сѣтью различныхъ установленій,—начиная съ сельскихъ и волостныхъ учрежденій и кончая разными инстанціями спеціальнаго надзора, во главѣ которыхъ былъ поставленъ главный комитетъ объ устройствѣ сельскаго состоянія. Крестьянскія установленія составили какъ бы особое государство въ государствѣ.

Помимо несовмѣстимости до-реформеннаго бюрократическаго строя съ началомъ самоуправленія, положеннымъ въ основу новой крестьянской общественной органазаціи, обособленность и замкнутость этой организаціи поддерживалась и соображеніемъ новаго свойства. Крестьянскій міръ разсматривался, какъ хранитель обычныхъ правовыхъ нормъ крестьянской жизни, совершенно отличныхъ отъ нормъ писаннаго закона. Эта неписанная крестьянская правда, которою опредѣлялся весъ укладъ внутреннихъ крестьянскихъ отношеній, и оберегалась тщательно отъ поврежденія ея, при той ломкѣ всего строя общественной жизни, которая неизбѣжно должна была имѣть мѣсто послѣ того, какъ рухнулъ основной устой стараго порядка—крѣпостное право.

Начало правовой обособленности крестьянства отъ остальнаго населенія страны особенно рельефно проявилось въ организаціи спеціальнаго крестьянскаго суда. Волостной судъ поставленъ былъ внѣ всякой регламентаціи со стороны закона. Производство въ судѣ не стѣснялось никакими формальностями; вмѣстѣ съ тѣмъ не существовало для тяжущихся и подсудимыхъ никакихъ гарантій, обезпечивающихъ безпристрастное къ нимъ отношеніе судей—кромѣ того же всесильнаго «обычая» и предполагаемой внутренней правды крестьянскаго міра. По первоначальнымъ опредѣленіямъ положенія 19 февраля рѣшенія о приговорѣ волостного суда признавались окончательными и неподлежащими вовсе обжалованію ни въ какомъ порядкѣ. Только пять лѣтъ спустя, это правило подвергнуто было нѣкоторому ограниченію. Высочайше утвержденнымъ 14 февр. 1866 г. положеніемъ главнаго комитета объ устройствѣ сельскаго состоянія разрѣшено было приносить просьбы объ отмѣнѣ незаконныхъ рѣшеній волостныхъ судовъ въ мѣстный съѣздъ мировыхъ посредниковъ, который при разборѣ этихъ жалобъ долженъ былъ ограничиваться лишь разрѣшеніемъ вопроса о томъ, не нарушены ли волостнымъ судомъ предѣлы предоставленной ему власти и не постановлено ли по дѣлу рѣшеніе безъ вызова участвующихъ въ дѣлѣ лицъ. Самое существо рѣшенія ни въ какомъ случаѣ не подлежало пересмотру. Обычныхъ въ разныхъ мѣстностяхъ порядковъ домашняго, сельскаго судебнаго разбирательства (внѣ установленнаго закономъ волостнаго суда) законъ не коснулся вовсе. Эти сельскіе суды, крайне разнообразные по составу и почти совершенно безформенные, продолжали свое существованіе какъ бытовой фактъ, какъ одно изъ проявленій «народныхъ обычаевъ», стоявшихъ внѣ всякаго регулированія со стороны закона. Начало невмѣшательства во ввнутреннів распорядки крестьянскаго міра проводилось и внѣ сферы правовой въ тѣсномъ смыслѣ. Точно также и внутреннія хозяйственныя отношенія (распредѣленіе земли, разверстка налоговъ и повинностей и отношеніе къ обществу его отдѣльныхъ членовъ) регулировались обычаемъ и усмотрѣніемъ міра. Законодательныя опредѣленія ихъ

почти совсѣмъ не касались. Вообще вся первоначальная постановка крестьянскаго дѣла проникнута была тенденціею выдѣлить крестьянство, какъ особую общественную группу, внутреннія отдошенія въ которой подчиняются отличнымъ отъ общаго законодательства правовымъ нормамъ, воплощеннымъ въ народномъ обычаѣ. Отсюда— тотъ просторъ въ завѣдываніи сословно-крестьянскими дѣлами, который предоставленъ былъ крестьянскимъ общественнымъ учрежденіямъ; отсюда же и обособленность этихъ учрежденій отъ другихъ органовъ общаго управленія и суда.

Но какъ бы ни смотрѣть на тѣ воззрѣнія на народную жизнь и ея потребности, которыя легли въ основу изложенныхъ порядковъ, — нельзя во всякомъ случаѣ не признать, что такіе порядки могли имѣть только *временный* характеръ. Несомнѣнно, что новыя крестьянскія учрежденія не могли быть введены, какъ органическая часть, въ составъ дореформеннаго мѣстнаго управленія; но ихъ отрозненность отъ органовъ земскаго самоуправленія и отъ общей судебной организаціи, созданной реформою 20 ноября 1864 г., не могла быть оправдана тѣми же соображеніями, какія оказывались совершенно справедливыми по отношенію къ до-реформеннымъ порядкамъ. Еще менѣе можно было считать нормальнымъ явленіемъ правовую обособленность отдѣльныхъ большихъ группъ населенія. Патріархальный крестьянскій правовой обиходъ, сложившійся при совершенно иномъ строѣ отношеній, не могъ сохранить свою внутреннюю состоятельность въ томъ новомъ фазисѣ, въ который вступила соціальная жизнь всей страны вслѣдъ за эмансипаціей. «Народный обычай», не оформленный и неимѣющій за собою иной санкціи, кромѣ общаго признанія являлся очень мало пригоднымъ регуляторомъ въ ту эпоху, когда шла ломка старыхъ патріархальныхъ устоевъ крестьянской жизни, когда совершался процессъ разслоенія крестьянскаго міра и образованія новыхъ формацій въ жизни деревни. Связанное тысячью нитей съ общимъ хозяйственнымъ оборотомъ страны, крестьянство нуждалось и въ общихъ со всѣми другими группами населенія гарантіяхъ закона. Юридическая его изолированность могла поддерживатьса только искусственно.

Позднѣйшее законодательство о крестьянахъ не сдѣлало, однако, ничего для устраненія этой изолированности. Наоборотъ, оно еще болѣе закрѣпило сословную обособленность крестьянскаго мѣстнаго управленія. То новое, что было внесено имъ въ строй крестьянской жизни, являлось скорѣе возвращеніемъ къ старымъ порядкамъ, господствовавшимъ до реформы 19 февраля. Крестьянскій міръ остался такимъ же замкнутымъ, какъ и прежде, но предоставленная положеніемъ 19 февраля крестьянскимъ общественнымъ учрежніямъ широкая самостоятельность въ распоряженіи своими общественными дѣлами была въ самой значительной мѣрѣ ограничена, и притомъ ограничена не регулирующими опредѣленіями закона, а расши-

реніемъ опеки надъ крестьянскимъ управленіемъ со стороны органовъ спеціальнаго надъ нимъ надзора и усиленіемъ зависимости крестьянскихъ учрежденій отъ мѣстныхъ административныхъ и полицейскихъ властей. Крестьянскія общественныя учрежденія постепенно получали характеръ такихъ же низшихъ подчиненныхъ органовъ администраціи, какими были въ прежнее время волостныя управленія государственныхъ крестьянъ, хотя всѣ внѣшнія черты самостоятельности (общіе сходы, выборы всѣхъ должностныхъ лицъ и т. п.) онѣ сохраняютъ и до сихъ поръ.

Десять тысячъ крестьянскихъ «республикъ», «съ избраннымъ отъ сохи начальствомъ, которое вступаетъ въ отправленіе должностей по волѣ народа, не нуждаясь ни въ чьемъ утвержденіи»;— какъ называли будирующіе сторонники до-реформеннаго строя вновь созданныя крестьянскія общественныя единицы—не были оставлены безъ спеціальнаго надзора и попеченія и при самомъ изданіи положенія. Ближайшими органами этого надзора являлись мировые посредники, на которыхъ лежало и посредничество при установленіи поземельныхъ отношеній между крестьянами и бывшими помѣщиками. По первоначальнымъ предположеніямъ основныхъ началъ крестьянской реформы, высочайше утвержденныхъ 25 марта 1859 г., въ учрежденіи мировыхъ посредниковъ должны были слиться оба сословные элемента—и крестьянскій, и помѣщичій. Мировые посредники (которымъ въ первоначальномъ проектѣ присвоивалось названіе мировыхъ судей) должны были *избираться крестьянами* на три года изъ мѣстныхъ дворянъ помѣщиковъ, соединяющихъ въ себѣ извѣстныя условія личнаго и имущественнаго ценза. Мировымъ судьямъ предполагалось передать, кромѣ крестьянскихъ дѣлъ, еще и судъ по всякаго рода малоцѣннымъ искамъ и маловажнымъ проступкамъ. Вторую инстанцію крестьянскихъ учрежденій должна была составить уѣздная расправа—постоянное присутствіе, подъ предсѣдательствомъ одного изъ мировыхъ судей, изъ двухъ засѣдателей, одного отъ помѣщиковъ другого отъ крестьянъ. Это предположеніе не получило, однако, осуществленія. Мировымъ посредникамъ не было предоставлено общей судейской компетенціи (кромѣ разбора нѣкоторыхъ спеціальныхъ категорій дѣлъ, возникающихъ изъ отношеній между помѣщиками и крестьянами), не былъ сохраненъ за ними и выборный характеръ: назначеніе посредниковъ предоставлено губернаторамъ, по соглашенію съ предводителями дворянства. Второй инстанціей — вмѣсто упомянутаго постояннаго присутстія, явились уѣздные мировые съѣзды, образованные, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, изъ всѣхъ мировыхъ посредниковъ уѣзда и члена отъ правительства, а надъ ними поставлены были губернскія по крестьянскимъ дѣламъ присутствія подъ предсѣдательствомъ губернатора изъ чиновниковъ и представителей дворянства. Такимъ образомъ всѣмъ органамъ надзора за крестьянскимъ общественнымъ

управленіемъ приданъ былъ характеръ сословно бюрократическій. Чѣмъ болѣе расширялись функціи этого надзора, тѣмъ призрачнѣе должна была становиться самостоятельность и независимость органовъ крестьянскаго общественнаго управленія.

Фактическое ограниченіе такой независимости шло и съ другой стороны. Хотя, по общему смыслу положенія 19 февраля, волость была крестьянскою сословно-общественною единицею, но на волостныя учрежденія возложены были, кромѣ дѣлъ собственно общественныхъ, еще и нѣкоторыя обязанности по *общему управленію*. Волостной старшина долженъ былъ выполнять извѣстныя *полицейскія* функціи и былъ поставленъ чрезъ это въ подчиненныя отношенія къ мѣстнымъ полицейскимъ органамъ. Съ теченіемъ времени эта роль волостного управленія, какъ низшей служебной инстанціи общей администраціи, все болѣе и болѣе расширялась; въ волости сосредоточивались дѣла по статистикѣ, страхованію, воинской и конской повинности, податная часть, надзоръ за торговыми и промышленными предпріятіями, паспортное дѣло, почтовыя обязанности и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась и зависимость волостного управленія отъ административныхъ властей. Въ этомъ отношеніи особенно рѣшительное значеніе имѣло непосредственное подчиненіе должностныхъ лицъ крестьянскаго самоуправленія полиціи по дѣламъ податнымъ, съ предоставленіемъ уѣздному исправнику налагать собственною властью дисциплинарныя взысканія на волостныхъ старшинъ и сельскихъ старостъ.

Въ первые годы послѣ изданія положенія 19 февраля непосредственный надзоръ за дѣятельностью крестьянскихъ общественныхъ учрежденій принадлежалъ, какъ мы упоминали, мировымъ посредникамъ.

Мировые посредники облечены были при этомъ правомъ присуждать должностныхъ лицъ сельскаго и волостного управленія— къ заключеніямъ, выговорамъ и денежнымъ штрафамъ до 50 р. или аресту до 7 дней. Эта дисциплинарная власть составляла въ рукахъ мировыхъ посредниковъ сильное оружіе для воздѣйствія на крестьянскія выборныя установленія, но особенное значеніе она получила, перейдя въ руки уѣздной полиціи, съ преобразованіемъ крестьянскаго управленія въ 1874 г.

Въ этомъ году институтъ мировыхъ посредниковъ былъ упраздненъ. Въ послѣдніе годы своего существованія этотъ институтъ вызывалъ всеобщія жалобы на свою бездѣятельность. Вмѣстѣ съ тѣмъ содержаніе мировыхъ крестьянскихъ учрежденій — возложенное на земство — составляло очень тяжелую повинность для земскаго бюджета. Въ 1874 г. мировые посредники и ихъ съѣзды замѣнены коллегіальными крестьянскими присутствіями. Такія присутствія образованы были въ каждомъ уѣздѣ, подъ предсѣдательствомъ уѣзднаго предводителя дворянства, въ составѣ: непремѣн-

наго члена, уѣзднаго исправника, предсѣдателя уѣздной земской управы и одного изъ мировыхъ судей.

Надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ выполнялся присутствіемъ въ его цѣломъ; но уѣздному исправнику предоставлено было — по дѣламъ о взиманіи сборовъ — подвергать должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія тѣмъ же взысканіямъ, какія налагали на нихъ мировые посредники,—въ томъ числѣ и аресту (до 7 дней).

Уѣздные исправники широко воспользовались такою властью, и это не могло не отразиться на самомъ характерѣ крестьянскихъ общественныхъ учрежденій.

«Изъ органовъ, поставленныхъ на стражѣ интересовъ крестьянскаго самоуправленія, сельскія власти обратились въ зависимыхъ отъ полиціи взыскателей податей, энергія которыхъ находится въ прямой зависимости отъ воздѣйствія полицейскаго начальства» *)— Какъ широко практикуются мѣры такого воздѣйствія, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго примѣра, который мы заимствуемъ изъ только что цитированнаго изслѣдованія г. Бржескаго (прим. къ стр. 249): «въ симбирской губерніи числится 151 волостныхъ старшинъ а 2239 сельскихъ старостъ; въ 1894 году число административныхъ взысканій достигаетъ въ отношеніи старшинъ 281 и въ отношеніи старостъ 970. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что сельскій староста и волостной старшина отбываютъ арестъ въ арестантскихъ при становыхъ квартирахъ, проводя 3—7 дней въ обществѣ воровъ, конокрадовъ и другихъ преступниковъ».

«Самая возможность этого,—справедливо замѣчаетъ г. Бржескій, —заставляетъ наиболѣе уважаемыхъ крестьянъ всѣми силами отказываться отъ избранія въ общественныя должности».

«Во многихъ волостяхъ, особенно бѣдныхъ и недоимочныхъ—, читаемъ мы въ заключеніи вятскаго губернскаго совѣщанія, помѣщенномъ въ «Сводѣ» подъ № 655 (т. I, стр. 538)—старшина почти не выходитъ ихъ подъ ареста». Озабоченные исключительно безнедоимычнымъ сборомъ повинностей—говоритъ пермское совѣщаніе (№ 672) —чины полиціи, упуская изъ виду другія не менѣе важныя обязанности, возложенныя на старшинъ и старостъ, требовали чтобы они сосредоточивали все свое вниманіе на возможно быстромъ сборѣ повинностей. Не соображаясь съ общими условіями дѣятельности этихъ должностныхъ лицъ, пренебрегая даже въ нѣкоторыхъ случаяхъ особенностями данной мѣстности, въ зависимости отъ которыхъ находится успѣшное взысканіе повинностей, уѣздные исправники широко пользовались своею властью, отправляя подъ арестъ цѣлыми десятками старшинъ и старостъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ существовалъ даже такой перядокъ, что, находя усилія долж-

*) Н. Бржескій. «Недоимочность и круговая порука сельскихъ обществъ» Спб. 1897, стр. 249.

ностныхъ лицъ по взысканію податей недостаточно энергичными, становые пристава при рапортѣ отправляли волостныхъ старшинъ въ полицейское управленіе, не дожидаясь распоряженія исправника. Бывали даже случаи отправки волостныхъ старшинъ подъ арестъ въ городъ этапнымъ порядкомъ».

Каково бы ни было значеніе всѣхъ этихъ мѣръ съ точки зрѣнія интересовъ фиска, для интересовъ крестьянскаго самоуправленія онѣ могли принести только отрицательные результаты. Уровень должностныхъ лицъ этого самоуправленія неизбѣжно долженъ былъ понизиться. Крестьяне, дорожащіе своимъ достоинствомъ, стали всячески уклоняться отъ занятія общественныхъ должностей. Съ другой стороны, сельскіе и волостные сходы, при выборѣ на общественныя должности, на первый планъ выдвигали не то соображеніе, чтобы привлечь къ управленію людей наиболѣе достойныхъ, но такихъ, которые должны были оказаться наиболѣе мягкими взыскателями податей...

Крайнее ухудшеніе состава должностныхъ лицъ крестьянства было отмѣчено сенаторскими ревизіями начала восьмидесятыхъ годовъ. На него указывали и земскія собранія, спрошенныя тогда же по вопросу объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Еще ранѣе, въ семидесятыхъ годахъ, комиссіею подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго, произведено было обслѣдованіе волостныхъ судовъ—тоже доставившее результаты, мало благопріятные по отношенію къ этимъ судамъ.

Въ результатѣ всего этого вопросъ о реформѣ крестьянскаго управленія настоятельно выдвинулся впередъ. Надъ разработкою этого вопроса трудились привлеченныя къ его обсужденію,—въ началѣ восмидесятыхъ годовъ—земскія собранія. Онъ составилъ также одну изъ главныхъ частей въ программѣ работъ особой коммиссіи, образованной подъ предсѣдательствомъ статсъ-секретаря Каханова, для составленія проектовъ мѣстнаго управленія вообще. Тотъ же вопросъ дѣятельно обсуждался и въ печати. Очень многими высказывалась мысль о необходимости устраненія *сословнаго* характера крестьянскаго самоуправленія, и объ установленіи тѣсной его связи съ общимъ земскимъ самоуправленіемъ, какъ объ единственномъ исходѣ изъ того положенія, въ которомъ стояло въ то время дѣло. Въ особенности примѣненіе начала безсословности признавалось необходимымъ по отношенію къ волости, которая de facto уже давно утратила значеніе сословной крестьянской единицы, какою являлась по мысли составителей положенія 19 февраля. Огромная доля обязанностей, лежащихъ на волостной администраціи, относится къ потребностямъ общаго управленія, а между тѣмъ расходы по выполненію этихъ обязанностей всецѣло ложатся только на одно крестьянское сословіе, которое отбываетъ одно и натуральную повинность волостной и сельской службы.

Мнѣнія земскихъ собраній по данному вопросу раздѣлились.

наго члена, уѣзднаго исправника, предсѣдателя уѣздной земской управы и одного изъ мировыхъ судей.

Надзоръ за крестьянскимъ самоуправленіемъ выполнялся присутствіемъ въ его цѣломъ; но уѣздному исправнику предоставлено было — по дѣламъ о взиманіи сборовъ — подвергать должностныхъ лицъ крестьянскаго управленія тѣмъ же взысканіямъ, какія налагали на нихъ мировые посредники,—въ томъ числѣ и аресту (до 7 дней).

Уѣздные исправники широко воспользовались такою властью, и это не могло не отразиться на самомъ характерѣ крестьянскихъ общественныхъ учрежденій.

«Изъ органовъ, поставленныхъ на стражѣ интересовъ крестьянскаго самоуправленія, сельскія власти обратились въ зависимыхъ отъ полиціи взыскателей податей, энергія которыхъ находится въ прямой зависимости отъ воздѣйствія полицейскаго начальства» *)— Какъ широко практикуются мѣры такого воздѣйствія, можно видѣть хотя бы изъ слѣдующаго примѣра, который мы заимствуемъ изъ только что цитированнаго изслѣдованія г. Бржескаго (прим. къ стр. 249): «въ симбирской губерніи числится 151 волостныхъ старшинъ а 2239 сельскихъ старостъ; въ 1894 году число административныхъ взысканій достигаетъ въ отношеніи старшинъ 281 и въ отношеніи старостъ 970. Слѣдуетъ имѣть въ виду, что сельскій староста и волостной старшина отбываютъ арестъ въ арестантскихъ при становыхъ квартирахъ, проводя 3—7 дней въ обществѣ воровъ, конокрадовъ и другихъ преступниковъ».

«Самая возможность этого,—справедливо замѣчаетъ г. Бржескій, —заставляетъ наиболѣе уважаемыхъ крестьянъ всѣми силами отказываться отъ избранія въ общественныя должности».

«Во многихъ волостяхъ, особенно бѣдныхъ и недоимочныхъ—, читаемъ мы въ заключеніи вятскаго губернскаго совѣщанія, помѣщенномъ въ «Сводѣ» подъ № 655 (т. I, стр. 538)—старшина почти не выходитъ ихъ подъ ареста». Озабоченные исключительно безнедоимычнымъ сборомъ повинностей—говоритъ пермское совѣщані[illegible] (№ 672) —чины полиціи, упуская изъ виду другія не менѣе важн[illegible] [illegible]язан ности, возложенныя на старшинъ и старостъ, требов[illegible] они сосредоточивали все свое вниманіе на возможн[illegible] сборѣ повинностей. Не соображаясь съ общими усло[illegible] ности этихъ должностныхъ лицъ, пренебрегая даже [illegible] случаяхъ особенностями данной мѣстности, въ зав[illegible] торыхъ находится успѣшное взысканіе повинносте[illegible] ники широко пользовались своею властью, отп[illegible] цѣлыми десятками старшинъ и старостъ. [illegible] стяхъ существовалъ даже такой порядокъ, [illegible]

*) Н. Бржескій. «Недоимочность и кру[illegible] Спб. 1897, стр. 249.

ностныхъ лицъ по взысканію податей недостаточно энергичными, становые пристава при рапортѣ отправляли волостныхъ старшинъ въ полицейское управленіе, не дожидаясь распоряженія исправника. Бывали даже случаи отправки волостныхъ старшинъ подъ арестъ въ городъ этапнымъ порядкомъ».

Каково бы ни было значеніе всѣхъ этихъ мѣръ съ точки зрѣнія интересовъ фиска, для интересовъ крестьянскаго самоуправленія онѣ могли принести только отрицательные результаты. Уровень должностныхъ лицъ этого самоуправленія неизбѣжно долженъ былъ понизиться. Крестьяне, дорожащіе своимъ достоинствомъ, стали всячески уклоняться отъ занятія общественныхъ должностей. Съ другой стороны, сельскіе и волостные сходы, при выборѣ на общественныя должности, на первый планъ выдвигали не то соображеніе, чтобы привлечь къ управленію людей наиболѣе достойныхъ, но такихъ, которые должны были оказаться наиболѣе мягкими взыскателями податей...

Крайнее ухудшеніе состава должностныхъ лицъ крестьянства было отмѣчено сенаторскими ревизіями начала восьмидесятыхъ годовъ. На него указывали и земскія собранія, спрошенныя тогда о-
же по вопросу объ измѣненіяхъ въ устройствѣ мѣстныхъ по крестьянскимъ дѣламъ учрежденій. Еще ранѣе, въ семидесятыхъ годахъ, ... іюня
комиссіею подъ предсѣдательствомъ сенатора Любощинскаго, ... деніе о
ведено было обслѣдованіе волостныхъ судовъ—тоже доставившее ... ко подви
результаты, мало благопріятные по отношенію къ этимъ судамъ ... мѣненіемъ
Въ результатѣ всего этого вопросъ о реформѣ крестьянскаго ... раго явился
управленія настоятельно выдвинулся впередъ. Надъ разработкой
этого вопроса трудились привлеченныя къ его обсужденію ... ъ «Сводѣ заклю-
началѣ восмидесятыхъ годовъ—земскія собранія. ... лашей слѣдующей
также одну изъ главныхъ частей въ программѣ ...
коммиссіи, образованной подъ предсѣдательствомъ ...
Каханова, для составленія проектовъ мѣстнаго ...
Тотъ же вопросъ д... ьно обсуждался и въ печати ... нику упоминаніемъ объ
высказывалась м... необходимости устраненія ... урою. 10 марта опустили
тера крестьянск... управленія, и объ ... йкова, одного изъ послѣд-
связь съ общ... самоуправленія ... ды послѣ-пушкинскаго періода.
но ... сход... положенія въ ... въ оцѣнку таланта покойнаго
... примѣненіе ... принадлежитъ его произведеніямъ
... отношеніи ... русскаго слова. Нельзя не сказать,
... значеніе ... не былъ звѣздою первой величины
... составъ ... в, но всетаки эта была крупная вели-
... лежащ... ностью поэзія его пользовалась—какъ это
... общин... взглядъ—въ бурный періодъ шестидесятыхъ
... поклонника чистой красоты, наиболѣе
... именно въ ту эпоху отрицанія чистаго
... стетики». Молодому поколѣнію того вре-
... авно убѣленному сѣдинами) должны быть
... вызываемые стихотвореніями покойнаго
... итературныхъ чтеніяхъ. Именно къ этому

Одни изъ нихъ явились горячими сторонниками мысли о сліяніи крестьянъ съ другими сословіями въ болѣе обширныхъ административныхъ или самоуправляющихся единицахъ—приходахъ или волостяхъ; другія, признавая всесословную волость учрежденіемъ весьма желательнымъ въ будущемъ, считали еще крестьянство недостаточно къ нему подготовленнымъ. Кахановская комиссія въ своемъ проектѣ пришла къ заключенію о необходимости упраздненія крестьянской волости и образованія волости территоріальной, обнимающей собою всѣхъ жителей даннаго участка, но не самоуправляющейся, а управляемой волостелемъ, который избирался бы уѣзднымъ земскимъ собраніемъ. Вмѣстѣ съ волостью и сельское общество должно было, по плану коммиссіи, расширить свой личный составъ допущеніемъ вступленія въ его среду лицъ не-крестьянскаго сословія.

Всѣ эти предположенія не получили осуществленія.

Преобразованіе крестьянскихъ учрежденій, осуществленное гораздо позже, уже въ концѣ восьмидесятыхъ годовъ, приняло совершенно иное направленіе. Оно сохранило за волостью сословный характеръ, подчинивъ только живущихъ въ волости мѣщанъ относительно полиціи и суда дѣйствію общихъ правилъ, для лицъ сельскаго состоянія установленныхъ. Такимъ образомъ нѣсколько раздвинулся предѣлъ компетенціи крестьянскихъ учрежденій, и еще одна небольшая группа сельскихъ обывателей стала въ то же изолированное по отношенію къ общему законному порядку положеніе, въ которомъ до сихъ поръ стояло одно крестьянство. Главное ядро реформы 1889 г. составляло созданіе на мѣстахъ сильной власти, вооруженной широкими полномочіями по отношенію къ надзору за крестьянскими общественными учрежденіями и за всѣмъ ходомъ крестьянской общественной жизни. Этою властью явились земскіе начальники. Съ учрежденіемъ земскихъ начальниковъ возстановлено было начало *единоличнаго* надзора, который совмѣщали въ себѣ мировые посредники, но только полномочія земскихъ начальниковъ гораздо обширнѣе: это органы не надзора только, но и непосредственной опеки надъ крестьянскимъ самоуправленіемъ, остающимся таковымъ только по названію, а не по сущности дѣла, уже совершенно исчезнувшей.

На земскаго начальника законъ возлагаетъ «попеченіе о хозяйственномъ благоустройствѣ и нравственномъ преуспѣяніи крестьянъ ввѣреннаго ему участка». Всѣ приговоры волостныхъ и сельскихъ сходовъ обязательно проходятъ чрезъ контроль земскаго начальника; земскій начальникъ можетъ пріостановить исполненіе всякаго приговора и представить его со своимъ заключеніемъ въ уѣздный съѣздъ. Послѣдній облеченъ правомъ отмѣнить такой приговоръ, который «постановленъ несогласно съ законами, либо клонится къ явному ущербу сельскаго общества, либо нарушаетъ законныя права отдѣльныхъ его членовъ или причисленныхъ къ волости лицъ»,—

тогда какъ бывшіе мировые посредники и замѣнившія ихъ учрежденія были блюстителями одной только *формальной* правильности общественныхъ приговоровъ. По отношенію къ должностнымъ лицамъ крестьянскаго самоуправленія земскіе начальники не только облечены такою же властью налагать взысканія (до 7-дневнаго ареста включительно), какъ и уѣздные исправники, но также и устранять ихъ временно отъ должностей (не исключая и волостныхъ судей) и входить въ уѣздный съѣздъ съ представленіемъ о совершенномъ ихъ увольненіи отъ службы.

Вмѣстѣ съ административными функціями земскій начальникъ совмѣщаетъ, какъ извѣстно, и судебныя. По отношенію къ крестьянству судебная власть земскаго начальника проявляется какъ непосредственно, такъ и чрезъ волостной судъ, который поставленъ положеніемъ 12 іюня 1889 г. въ полную отъ него зависимость. Реформа 1889 г. значительно расширила компетенцію волостныхъ судовъ и значительно съузила ихъ самостоятельность, подчинивъ ихъ, наравнѣ съ административными органами крестьянскаго самоуправленія, надзору и руководству земскихъ начальниковъ.

Теперь, почти чрезъ 8 лѣтъ послѣ изданія закона 12 іюня 1889 г., жизнь накопила уже извѣстный опытъ для сужденія о томъ, насколько достигнуто или по крайней мѣрѣ насколько подвинулось впередъ «упорядоченіе» крестьянской жизни примѣненіемъ начала личной сильной власти, осуществленіемъ котораго явился институтъ земскихъ начальниковъ.

Разсмотрѣніемъ матеріаловъ, сгруппированныхъ въ «Сводѣ заключеній губернскихъ совѣщаній», мы займемся въ нашей слѣдующей бесѣдѣ.

Намъ приходится закончить нашу хронику упоминаніемъ объ утратахъ, понесенныхъ русскою литературою. 10 марта опустили въ могилу Аполона Николаевича Майкова, одного изъ послѣднихъ представителей поэтической плеяды послѣ-пушкинскаго періода. Здѣсь не мѣсто, конечно, входить въ оцѣнку таланта покойнаго поэта и того значенія, которое принадлежитъ его произведеніямъ въ развитіи русской поэзіи и русскаго слова. Нельзя не сказать, однако, что, хотя Майковъ и не былъ звѣздою первой величины на поэтическомъ небосклонѣ, но всетаки эта была крупная величина. Особенною популярностью поэзія его пользовалась—какъ это ни странно на первый взглядъ—въ бурный періодъ шестидесятыхъ годовъ. Майкова, пѣвца и поклонника чистой красоты, наиболѣе цѣнили и наиболѣе читали именно въ ту эпоху отрицанія чистаго искусства и «разрушенія эстетики». Молодому поколѣнію того времени (теперь, увы, уже давно убѣленному сѣдинами) должны быть памятны шумные восторги, вызываемые стихотвореніями покойнаго на популярныхъ тогда литературныхъ чтеніяхъ. Именно къ этому

времени относятся лучшія его произведенія—хотя и далекія отъ современной злобы дня.

Другая могила, о которой мы должны упомянуть, закрылась недавно надъ молодымъ литературнымъ труженикомъ, только начинавшимъ свою писательскую дѣятельность и не успѣвшимъ еще завоевать себѣ сколько нибудь извѣстнаго имени. Мы говоримъ о скончавшемся 30 января, въ С.-Ремо, сотрудникѣ нашего журнала, молодомъ экономистѣ Борисѣ Осиповичѣ Эфруси. Покойный Эфруси только 7 лѣтъ тому назадъ блестяще окончилъ курсъ въ московскомъ университетѣ по юридическому факультету; въ 1891 г. онъ отправился за границу съ цѣлью заняться главнымъ образомъ изученіемъ политической экономіи. Здѣсь онъ работалъ около 3 лѣтъ сначала въ Берлинѣ, въ семинаріи А. Вагнера, затѣмъ въ Парижѣ. Въ 1895 г. Эфруси выдержалъ въ Москвѣ магистерскій экзаменъ, но академическая карьера для талантливаго юноши, какъ для еврея, была закрыта. Эфруси рѣшилъ посвятить себя литературной работы. Весной прошлаго года онъ переселился въ Петербургъ и здѣсь ревностно принялся за дѣло. Эфруси былъ постояннымъ сотрудникомъ «Русскаго Богатства». Помимо ряда рецензій о книгахъ экономическаго содержанія, ему принадлежали статьи: «Новый курсъ политической экономіи» (разборъ учебника г. Георгіевскаго въ № 5 «Р. Б.» за 1896 г.) и «Соціально-экономическія воззрѣнія Симонда де-Сисмонди» (въ №№ 7 и 8). За то же время онъ успѣлъ приготовить къ печати появившійся на дняхъ переводъ важнѣйшихъ главъ изъ экономическаго трактата Сисмонди (для «Библіотеки экономистовъ», издаваемой К. Т. Солдатенковымъ) и помѣстить нѣсколько статей въ журналѣ «Міръ Божій». Въ ближайшихъ книгахъ нашего журнала мы разсчитываемъ помѣстить оставшійся послѣ покойнаго большой трудъ «О доходѣ съ капитала», представляющій собою популярное изложеніе теоріи прибавочной стоимости Маркса-Родбертуса и критическій разборъ возраженій нѣкоторыхъ писателей противъ этой теоріи. Покойный Эфруси обладалъ широкимъ образованіемъ, большими знаніями въ области своихъ спеціальныхъ изученій, любовью къ труду и литературнымъ талантомъ. Безъ сомнѣнія изъ него выработался бы серьезный и полезный научный и журнальный работникъ. Но злая судьба рѣшила иначе.

Позднею осенью прошлаго года онъ захворалъ и, по совѣту врачей, уѣхалъ на югъ. Быстро развившійся недугъ (горловая чахотка) не поддавался однако вліянію благодатнаго воздуха Средиземнаго побережья. 30 января Борисъ Осиповичъ скончался. Покойному было всего 32 года.

Н. Анненскій.

ОТЧЕТЪ

Конторы редакціи журнала «Русское Богатство» по сбору пожертвованій на постановку памятниковъ на могилахъ писателей.

Остатокъ къ 1-му марта	1019	р. 10	к.
Поступило въ мартѣ:			
отъ студента *иксъ* изъ Москвы. . . .	5	» »	»
Итого	1024	р. 10	к.

Digitized by Google

Къ свѣдѣнію гг. подписчиковъ.

1) Подписавшіеся на журналъ съ доставкой—въ Московскомъ отдѣленіи конторы «Русскаго Богатства» или черезъ книжные магазины — съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволятъ обращаться непосредственно въ контору редакціи—*Петербургъ*, *Бассейная, 10*.

2) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи **не позже**, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

3) При перемѣнахъ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, **необходимо прилагать печатный адресъ** бандероли или сообщать его **№**.

4) При каждомъ заявленіи о перемѣнѣ адреса въ предѣлахъ провинціи слѣдуетъ прилагать 25 коп. почтовыми марками.

5) При перемѣнѣ городского адреса на иногородный уплачивается **1** р.; при перемѣнѣ же иногороднаго на городской —**50** к.

6) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ **не позже 10 числа каждаго мѣсяца**, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

7) Лица, обращающіяся съ разными запросами въ контору редакціи или въ Московское отдѣленіе конторы, благоволятъ прилагать почтовые бланки или марки для отвѣтовъ.

Къ свѣдѣнію авторовъ статей.

1) На отвѣтъ редакціи по поводу присланной статьи должна быть приложена почтовая марка.

2) Для возвращенія обратно рукописей иногороднымъ должны быть приложены марки, соразмѣрно стоимости пересылки заказной бандеролью.

Редакторы: **П. Быковъ, С. Поповъ.**

[10]

AP
50
.R94

AP
50
.R94

Russkoe bogatstvo.
March, 1897

UNIVERSITY OF CHICAGO
78 797 454